Министерство образования и науки РФ

Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
Нижегородский государственный
педагогический университет им. Козьмы Минина

Исследовательская лаборатория НГПУ им. К. Минина
«Воспитательная педагогика А.С. Макаренко»

А.С. МАКАРЕНКО

ШКОЛА ЖИЗНИ, ТРУДА, ВОСПИТАНИЯ

Учебная книга
по истории, теории
и практике воспитания

Часть 9
Дополнения к 1-8 частям: различные авторские и документальные материалы, относящиеся к советскому и дореволюционному (1917г.) периодам жизни и деятельности А.С. Макаренко

1888-1939 гг.

Нижний Новгород
2017

УДК 37.01
ББК 74.03/2/6-218
М151

Макаренко А.С.
М151 Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 9. Дополнения к 1-8 частям: различные авторские и документальные материалы, относящиеся к советскому и дореволюционному (1917г.) периодам жизни и деятельности А.С. Макаренко, сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксёнов. – Н. Новгород: Мининский университет, 2017. - с.

Издание содержит многообразные авторские и документальные материалы А.С. Макаренко, по различным причинам не вошедшие в 1-8 части данного издания, материалы дореволюционного (1917г.) периода его жизни и педагогической деятельности.

Вступительная статья о методологии его творчества (подготовительные материалы) и обширные комментарии отражают результаты проведенных в последние 5 десятилетий макаренковедческих отечественных и зарубежных исследований.

Включает учебно-методический материал, позволяющий с учетом историко-педагогического опыта по-новому, перспективно ставить и решать современные проблемы воспитания детей и юношества, вопросы осуществления воспитательно-образовательной функции государства и общества.

Для специалистов в области педагогики, образования и культуры, социальной психологии и социологии, художественной литературы.

УДК 37.01
ББК 74.03/2/6-218

ISBN

© Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю.,
Аксёнов С.И., 2017
© Мининский университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей …… 18
Педагогика А.С. Макаренко: очерк методологии (подготовительные материалы) ……..... 18
О содержании данного тома ……... 64
Подписи к фотографиям …….. 68
Авторские материалы А.С. Макаренко, 5 сентября 1925 г. – 27 января 1935 г. и дополнительные материалы к ним…….. 71
Удостоверение, выданное В.И.Поповиченко, 5 сентября 1925 г. …… 71
Доклад на конференции работников учреждений социального воспитания интернатного типа в Полтаве, 15 – 16 января 1926 г. (в изложении)……..... 71
Доклад «Работа с трудными детьми» на Первой Всеукраинской конференции детских городков, 30 сентября – 5 октября 1926 г. (фрагмент, в изложении)……..... 80
Доклад «Работа с трудными детьми» на Первой Всеукраинской конференции детских городков, 30 сентября – 5 октября 1926 г. (второй фрагмент, в изложении)……..……... 82
Письмо Г.С.Салько, 3 июня 1927 г. ……..……..…… 85
Письмо Г.С.Салько, 23 июня 1927 г. …….. 85
Надпись на обратной стороне фото Г.С. Салько, 5 июля 1927 г.……. 86
Письмо Г.С. Салько, 10 июля 1927 г. ……. 86
Письма Г.С.Салько, 24 и 25 августа 1927 г.……...……. 88
Письма Г.С. Салько, осень 1927 г.……..……. 88
Из трудового списка А.С. Макаренко ……. 89
Телеграмма Г.С. Салько, 19 ноября 1927 г. …….. 94
Из письма Г.С. Салько, 10 марта 1928 г. ……..……... 95
Выписки из речей, трудов В.И. Ленина 1919 – 1922 гг. ……..…….. 96
Письма Г.С. Салько, 1 и 3 – 4 марта 1928 г. …….. 99
Письмо Г.С. Салько, 21 марта 1928 г. . ……... 101
Письмо Г.С. Салько, 21 апреля 1928 г. ……..…….. 102
Письма Г.С. Салько, 24 – 26 апреля и 1 мая 1928 г. ……..…… 104
Письма Г.С. Салько, 3 и 4, 9 мая 1928 г. ……...……..… 107
Из писем Г.С. Салько, 14 – 16 мая 1928 г. ……..……..… 111
Из писем Г.С. Салько, 18 и 20 мая 1928 г. ……..……..... 113
Письма Г.С. Салько, 24 – 26 мая 1928 г. ……..... 115
Письма Г.С. Салько, 25 июня и 7 июля 1928 г. ……...…... 121
Записки Г.С. Салько, август – сентябрь 1928 г. и 16 сентября 1928 г. ……..….. 121
Письмо Г.С. Салько, 19—20 сентября 1928 г.……..….. 122
Письма Г.С. Салько, 21 – 22 сентября 1928 г. ……..……... 124
Из писем Г.С. Салько, 23 – 30 сентября 1928 г. ……...…..… 124
Письмо Г.С. Салько, 24 – 25 октября 1928 г. ……...……..… 135
Из записной книжки, 14 августа 1929 г. – 29 марта 1931 г. и конец сентября 1929 г. ……. 138
Записи, подготовительный материал к роману «1950 год», сентябрь 1930 г. и 10 мая 1931 г. ……... 150
Начальнику коммуны. Помначкоммуны по педагогической части А.С. Макаренко, рапорт…… 157
Письмо Г.С. Салько, 29 ноября 1932 г. ……...…… 161
Письмо П.П. Крючкову, 28 июля 1933 г.…… 163
Телеграмма П.П. Крючкову, 31 августа 1933 г. ……..… 164
Индивидуальный учет жизни, деятельности и развития воспитанников в

коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, картотека …….. 165
Из дневниковых записей к роману, апрель 1934 г. ……..……. 169
Письмо П.П. Крючкову. 27 января 1935 г. ……..…… 173
Характеристика, выданная Досычевой Н.Н., 15 июня 1935 г. ……. 178
Письмо Л.М. Салько, 20 сентября 1935 г. ……..…… 178
Письмо Л.М. Салько, 21 сентября 1935 г. ……..…. 179
Роман. Темы, подтемы, 6 октября 1935 г. ……..…… 180
Ньютоновы кольца. Роман. Сюжетные линии, фабульные ходы и другое, 6 октября 1935 г. – 18 февраля 1936 гг. ……..……. 181
Письмо Л.М. Салько, 23 декабря 1935 г. ……..... 196
Письмо Л.М. Салько, 16 июня 1936 г. …… 197
Ньютоновы кольца. Роман. Октябрь 1935 г. – август 1936 г. Фрагмент главы пятой ……..…… 197
О писательских планах (интервью), начало сентября 1936 г. ……..…… 207
Выступление в Ленинградском доме писателей, 14 декабря 1936 г. (в записи) …… 207
Понятия, идеи «Книги для родителей», схема (в изложении), конец 1936 г. – начало 1937 г. ……. 209
Сказка о советском медведе (фрагмент главы третьей «Книги для родителей» - в семье Веткиных) ……. 210
Дневниковые записи, 1 мая –17 декабря 1937г. и 20 февраля 1938г. …….. 215
Человек. Роман, в трех частях. Линия сюжета. Начало мая 1937 г. …… 221
Человек. Роман. Часть первая. Три начальных главы. 1 – 4 мая 1937 г. ……. 222
Беседа с сотрудником газеты «Большевистская молодежь», (в изложении), 18 мая 1937 г.……. 237
Письмо В. Регинину, 17 июня 1937 г. ……. 239
Из письма в редакцию журнала «Литературный критик», 7 сентября 1937 г. ... 240
Письмо А.О. Авдеенко, 5 ноября 1937 г. …… 241
Письмо А.О. Авдеенко, 23 ноября 1937 г. …….. 243
Запись о переписке с А.О. Авдеенко, 25 ноября 1937 г. – 20 февраля 1938 г. ... 244
Письмо А.О. Авдеенко, 13 декабря 1937 г. …… 244
Письмо А.О. Авдеенко, 19 февраля 1938 г. …… 245
Забота о человеке. Комедия. Подготовительный материал. Конец 1937 г. – начало 1938 г. ……... 246
Запись судебного заседания по делу о несовершеннолетних правонарушителях, 23 февраля 1938 г. …… 248
Выступление на торжественном заседании, посвященном 70-летию со дня рождения А.М. Горького, 28 марта 1938 г. (в краткой записи) …… 251
Письмо А.О. Авдеенко, 3 мая 1938 г. ……. 251
Письмо А.О. Авдеенко, 29 мая 1938 г. ……... 253
Из дневника, 9 – 11, 24 июня, 3 июля 1938 г.……..…… 254
Надпись на «Педагогической поэме», подаренной М.А. Барской, 26 июня 1938 г. …… 255
Письмо М.А.Барской, 1 августа 1938 г. …….. 255
Телеграмма С.А. Калабалину, 29 августа 1938 г. …….. 255
Ньютоновы кольца. Роман. Общие замечания по типам 10 глав. К 13 сентября 1938 г. …….. 256
Письмо М.А. Барской, 8 ноября 1938 г. ……. 261
Телеграмма М.А. Барской, 15 ноября 1938 г. …… 262
Телеграмма М.А. Барской, 26 ноября, 1938 г. ……..…… 262
Телеграмма Г.С. Макаренко, 28 ноября 1938 г. ……. 262
В библиотеке ……. 263
Пьеса для Театра юного зрителя, подготовительные материалы, в библиоте- 265

ке, январь – февраль 1939 г.……..
Телеграмма А.О. Авдеенко, 29 февраля 1939 г. …… 268
Письмо А.О Авдеенко, 13 марта 1939г. …….. 271
Авторские материалы А.С. Макаренко, данные в 2-5 частях данного издания в качестве дополнений к предыдущим частям…… 274
Дополнения к авторским материалам А.С. Макаренко, данные в 2-5 частях данного издания ……. 274
Дополнения в комментарии к авторским материалам А.С. Макаренко 1921 – 1925гг…….. 276
Документация Трудовой колонии им. М. Горького и Трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского и переписка, отраженные в комментариях в 2-5 частях данного издания, в «Дополнительных материалах»**.....** 287
Дополнения к автобиографической документации А.С. Макаренко 1922-1935 гг., в частях 1-4 данного издания …… 292
Именной указатель к данным выше дополнительным материалам, во 2-5 частях данного издания …… 293
Авторские материалы А.С. Макаренко о педагогике «старого общества» и о своей жизни и деятельности до сентября 1920 г. …… 00
1. Педагогика «старого общества», её социально-гуманитарные основы, история……... 00
2. Социализация человека, семья и школа в царской России…… 00
3. «Школа жизни» в русской художественной литературе, в произведениях о Гражданской войне…….. 00
4. А.С. Макаренко о своей «школе жизни» до сентября 1920 г…… 00
Жизнь и деятельность А.С. Макаренко в преддверии Первой русской революции (1905 – 1907 гг.) и после ее, в период Февральской и Октябрьской революций (1917 г.), во время Гражданской войны (1917 – 1920 гг.), до сентября – ноября 1920 г…**.....** 00
1. Авторские материалы А.С. Макаренко: …… 00
Подписка-обязательство …… 00
Глупый день. Рассказ. 1914 – 1915 гг. …… 00
Канцона, 23 января 1916 г. ……... 00
Шутливые стихи в альбоме, начало 1916 г. ……... 00
Письмо В.Я. Костецкой, 17 декабря 1916 г. ……... 00
Кризис современной педагогики ……. 00
Прошение, 9 сентября 1917 г. …….. 00
Письмо А.П. Сугак, 9 апреля 1918 г. …….. 00
Сонет. 2 апреля 1920 г. ……. 00
Стон. Сонет. 24 ноября 1920 г. …… 00
Просьба. Стихотворение. 11 – 24 декабря 1920 г. ……. 00
2. Автобиографические документы и материалы: …… 00
Выписка из метрической книги …… 00
Прошение Семена Григорьевича Макаренко, отца А.С. Макаренко, 1915 г. …. 00
Аттестат об окончании Кременчугского 4-классного городского училища, 4 июня 1904 г. …… 00
Свидетельство об окончании педагогических курсов, 11 августа 1905 г. ….. 00
Формулярный список о службе, 1 июня 1912 г. …… 00
Характеристика, выданная при окончании Полтавского учительского института, июль 1917 г. …… 00
Аттестат, выданный при окончании Полтавского учительского института, 15 июля 1917 г. ……... 00
Удостоверение о педагогической работе А.С. Макаренко в 1905 – 1914 гг. ….. 00
Уведомление, сделанное А.С. Макаренко Полтавской городской управой, 00

7 сентября 1919 г. …… 00
Акт о сдаче имущества Крюковского высшего железнодорожного училища,
20 сентября 1919 г. …… 00

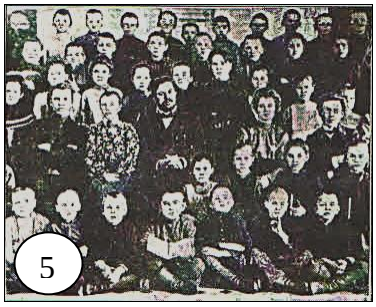
Именной указатель лиц, причастных к творческой деятельности А.С. Макаренко в кон. 1938 – 1939 гг. …… *344*
Учебно-методический материал …… *345*
Макаренковедческие отдельные издания, публикации, сделанные с начала 2014 г. до начала 2015 гг. и ранее…… *347*
Цитирование, ссылки на макаренковедческие публикации А.А. Фролова (с участием Е.Ю.Илалтдиновой и С.И. Аксёнова) в различных изданиях……
Книги, статьи о жизненных судьбах воспитанников Трудовой колонии им. М. Горькова и Трудовой коммуны им Ф.Э. Дзержинского *……..*
Воспоминания об А.С. Макаренко его сотрудников, воспитанников, друзей, знакомых о его жизни, деятельности, творчестве. Публикации, архивные материалы *……*
Кинодокументы, хроника *……*
Библиографические указатели литературы о трудах, жизни и деятельности А.С. Макаренко. Музеи А.С. Макаренко, его архив в РГАЛИ *……*

1

2

3

4


5

6

7

8

1

2

3

4

5

6

7

8

Август 1922г.

Считаю социализм возможным в самых прекрасных формах человеческого общежития, но полагаю, что пока под социологию не подведен крепкий фундамент научной психологии, в особенности психологии коллективной, научная разработка социалистических форм невозможна, а без научного обосновывания невозможен совершенный социализм.

(Август 1922г.: А.С.Макаренко о своих знаниях по математике, природоведению, химии, географии, истории, социологии, политической экономии, истории социализма, логике, праву, психологии, философии, художественной литературе, педагогике – см.в части 1, с.39-41.

То же по воспоминаниям В.С.Макаренко, дополнения, см.: На разных берегах. Судьба братьев Макаренко/ сост. и коммент. Г.Хиллига. – М., 1998, с. 31-32 и 87, 93-94, 109, 112, 120 и др. – А.Ф.).

3 – 4 мая 1928г.

…Я люблю смех и радость, хотя я сам довольно хмурый человек. Нельзя представить настоящего человека без смеха… Если у людей будут лица, освещенные умом и чистотой,…они должны смеяться… Они научатся доверчиво радостно, с высоким культурным доверием смотреть на мир… Собственно говоря, у чедовека смеются только глаза.

Сер. 1928 – 1929гг.

Семья, в особенности семья буржуазная, идеологически всегда должна была стоять в одной плоскости с государственной властью. В этом участии семьи в государственном плане воспитания лежали отчасти и причины ее крепости.

Конец 1928 – май 1929гг.

*Из планов романа в 3 – 4 частях:…***Рабочее презрение к погибающему миру… Глубокая ненависть к старой России… Развитие русской революции… Остатки старого мещанства и старой интеллигенции… Расерянное и озлобленное крестьянство… Захлебывающаяся вера в ребенка, в силу слова, в благотворное влияние свободного развития…**

Декабрь 1929г.

…Опыт частнособственнического сельского хозяйства в США… Эту систему хозяйствования нужно считать не только экстенсивной, но и хищнической… Но хозяйский глаз и хозяйственный карман могут быть нашими воспитателями…

Сент. 1930г. – 6 окт. 1935г., 18 февр. 1936г.

(Из записных книжек). **Коллектив нивелирует недостатки личности.**

Бесконечность человека.

Куда же девать негодных людей, дураков, мещан, шкурников?... Их можно воспитывать, в каждом человеке можно что-нибудь найти. Коллектив всегда лучше отдельных его членов…

Большое внимание к каждой производственной детали на заводе – и полное небрежение жизнью отдельного человека, работника…

Эта самая личность, которая может набузить, нагадить, наглупить, сожрать, которая требует учебы и вожжей, - она, проклятая, в то же время только на свободе может оказать настоящие блески таланта.

Очень важно: счастье и красота в далекой перспективе…

Спасение в решительном движении науки, направленной к отбору и улучшению человеческой природы,…к воспитанию большей общности между людьми, к научному вмешательству в историю симпатии и любви, вообще к воспитанию новых коллективных инстинктов… Нужно такое устройство общества, чтобы и дураки уместились, нужно сохранить разнообразие и игру человеческой природы…

Без души если подходить к человеку, никогда ничего не выйдет. Никакими бумажками нельзя заменить душу…

В воспитании нужна такая же точность, как в производстве – до 1/100 т.п.

Кон. 1932 – нач. 1933гг.

Классовая борьба как необходимая форма общественного развития с древнейших времен должна была явиться стимулом для создания добровольных социальных объединений различных классов.

Воспитание в буржуазном обществе – это воспитание отдельной личности, приспособленной к борьбе за существование… Должны сообщаться качества, необходимые в такой борьбе: качества хитроумия и жизненной дипломатии, обособленного борца за самого себя.

Педагогика эксплуататорского общества не могла похвалиться сколько-нибудь заметными изобретениями в области воспитания.

Осень 1933г.

…Во время войны [1914 – 1917гг.]и революции…многие ребята привыкли бродить за полками, царскими, белыми, красными, петлюровскими, махновскими. Это были авантюристы разных пошибов, с большими навыками в упрощенно-анархической логике,…в пренебрежении к жизни и к человеческой личности…

Осень 1935 – кон. 1935г.

И раньше беспризорный не был так ужасен, как рисовали его… Он был сыном уголовного общества, воспитывался им… Теперешний беспризорник – это прежде всего ребенок, потерявший семью.

15 октября 1935г.

В [царской] средней школе учительство было крепко связано как определенная ветвь чиновничества… Детское и юношеское общество школы находилось в очень точной сфере различных норм… Эта школа впитывала только верхний слов общества.

Март 1936г.

Известные стороны нового быта [общества] могут попятиться назад благодаря тому, что оно вообще сделало шаг вперед.

Июль 1936г.

Горьковский человек всегда в обществе, всегда видны его корни, он прежде всего социален. У него каждый человек хорош. Хорош не в моральном и социальном смысле, а в смысле красоты и силы… Умению проектировать в человеке лучшее, более сильное, более интересное нужно учиться у Горького.

Начало декабря 1936г.

Жизненный путь Парасковьи Никитичны Пичугиной,…ее человеческий рост как гражданина и работника…ни в какой степени не напоминает «карьеры» обычного удачливого человека в буржуазном обществе,…извилистый и хитрый путь пресмыкания и хищничества.

Кон. 1936 – нач. 1937гг.

История солидарности вырастала в человеческой истории с самых первых ее страниц… К солидарности человечество пробивалось не только через темноту невежества и нищету, но и через блеск растущей цивилизации… Вырастали и крепли тезисы собственности, покупки и продажи, формализм религии и анархия индивидуальной воли… Покупки и продажи, формализм религии и анархия индивидуальной воли, исторические привычки классового устройства…

(Из записных книжек). **Наше старое студенчество… Городничиха и ее дочь… «Болезни» старых и новых терминов… Почему нужна была финансовая тайна в буржуазной семье… Дети времен Гражданской войны – лучше… Благодарность революции… «Диалектика чувств» Дзержинского… Изнеженность – признак упадка класса… Иудушка Головлев… Мещанство и фашизм… Мещанский идеал для заработков… Барское отношение к труду, к физическому труду.**

26 мая 1937г.

…Нравственная атмосфера капиталистического общества, созданные веками традиции разобщения, конкуренции, наживы, спортивного ажиотажа не могли вместить одинокий героизм личности… Ничтожно нравственное содержание человеческой цели.

Июль 1937г.

В старом мире моральная высота была уделом редких подвижников… Было две нормы. Одна парадная, для нравственной проповеди,…другая для обыкновенной жизни и для умных людей.

Деньги! Изо всех изобретений человечества это изобретение ближе всех стояло к дьяволу. Ни в чем другом не было такого простора для подлости, обмана и ханжества.

Детей, выросших в некоторых даже значительных материальных затруднениях, воспитать легче… Старшие и младшие дети разные и старшие лучше… Дети, любые прихоти которых удовлетворяются родителями, вырастают выродившимися, слабовольными эгоистами…

…Разделение труда на две категории: «высшая и низшая», достойная или недостойная внимания культурного, образованного человека, - это глубоко барское, буржуазное отношение к труду…

В буржуазном обществе есть своя, крепко установленная мораль и этика.

Июль 1937г.

…Мыслящие российские интеллигенты всегда умели высказывать самые радикальные и рациональные идеи,…и в то же время обнаруживали страстную любовь к неряшливости и беспорядку,…как будто в этом заключались драгоценные признаки свободы.

Лето (август) 1937 г.

В истории развития человека давно выработаны идеалы для многих сторон нравственности, в том числе идеалы половых отношений.

В классовом обществе эти идеалы сплошь и рядом нарушаются в угоду интересов правящих классов. Эти нарушения – и в форме семьи, и в положении женщины, и в деспотической власти мужчины (Часть 6, с. 110 – 111).

Июль – август 1937 г.

В старое время вопросы: авторитет, дисциплина, свобода – решались в семье при помощи пятой заповеди: «Чти отца своего и матерь твою, и благо тебе будет... » – если родители сами обладали такими благами, а если не обладали, то в запасе оставалось царство небесное (Пед. соч. в 8 т., т. IV, с. 149).

1936 – 1937 гг.

Наше старое студенчество... Городничиха и ее дочь... «Болезни» старых и новых терминов... Почему нужна была финансовая тайна в буржуазной семье... Дети времен Гражданской войны – лучше... «Диалектика чувств» Дзержинского... Изнеженность – признак упадка класса... Иудушка Головлев... Мещанство и фашизм... Мещанский идеал для заработков... Барское отношение к труду, к физическому труду (Часть 5, с. 155 – 172).

Дети в старом обществе, в капиталистических странах – это один из объектов частного владения... Избалованность и изнеженность детей... Надо отнести к области пережитков, тяжелых и вредных, характеризующих буржуазное общество, одно из смертных его грехов.

Июль – август 1937г.

В старое время вопросы: авторитет, дисциплина, свобода – решались в семье при помощи пятой заповеди: «Чти отца своего и матерь твою, и благо тебе будет… » - если родители сами обладали такими благами, а если не обладали, то в запасе оставалось царство небесное.

Лето (август) 1937г.

В истории развития человека давно выработаны идеалы для многих сторон нравственности, в том числе идеалы половых отношений.

В классовом обществе эти идеалы сплошь и рядом нарушаются в угоду интересов правящих классов. Эти нарушения – и в форме семьи, и в положении женщины, и в деспотической власти мужчины.

Сентябрь – октябрь 1937г.

Раньше в зажиточных семьях к труду вообще не нужно было готовить, а нужно было готовить к той самой эквилибристике, благодаря которой так удачно обходилась десятая [христианская] заповедь. В семье пролетарской к труду нужно было готовить как к особого вида проклятию…

Отсутствие труда было моральным идеалом и на том свете, и на этом… Человеческое общество представлялось обществом нетрудовым… Тогда возникает в обществе идея «беззаботного детства».

Сентябрь 1937г.

Борьба с Колчаком – это и дни грандиозного роста народных масс, творящих революцию, и дни роста каждой отдельной личности… И Фурманов делает свое большевистское дело, но это его влияние [на Чапаева] нельзя обособлять как особое «индивидуальное» [педагогическое] дело.

Сентябрь – декабрь 1937г.

В буржуазном обществе…Каждый человек заинтересован только в развитии собственного хазяйства; государственное хозяйство занимает слишком незаметное место в массе хозяйственных частных единиц.

Октябрь 1937г.

Из высказываний персонажей повести «Честь», в период русско-германской войны: **«Пономарев (промышленник – А.Ф.) – и его защищать? В Петербурге нескладная фигура Николая второго, блестящие плечи и лысины «двора», великолепие ничтожеств, правящих Россией… Трагическая обида господ: офицеров, политиков, буржуазов…**

Они нас презирали, считали дикими, темными и глупыми… И всем гордятся: наукой, вежливостью, образованностью, своей честью…»

Некрасовские матери, «подвижницы»… Их подвиг вызывался не только любовью, но главным образом общественным строем,…хамством властителей, пассивным и беспросвятным рабством женщины.

В старой России 90% всех учащихся детей не шли дальше начальной школы. При этом добрая половина начальных школ была церковно-приходскими… Народ был представлен 2,8% - в неполной средней школе (высших начальных училищах). Гимназии, реальные училища, коммерческие, кадетские корпуса и духовные семинарии полностью обеспечивали «чистую» публику…

5 ноября 1937г.

Задавленная, порабощенная Россия все же была человеческой Россией, обществом мыслящих, борющихся живых людей. Только потому в революции эти люди победили.

К 7 ноября 1937г.

Старое счастье находилось в полном обособлении от общественной жизни, оно было предметом узколичного «потребления»… Счастье, т.е. то состояние человека,…из-за которого оно, собственно говоря, живет.

Ноябрь 1937г.

Грани между личной жизнью и жизнью революционера стерты… У 16-летнего мальчика уже видны начала служения делу человечества. (О детских годах С.М.Кирова).

Дворянское общество…само было обществом рабским… Городское и земское самоуправление…было жалкой «демократической» подкладкой самодержавия… Уже к 1917г. кое-какие запахи демократии были основательно испорчены:…виселицы Столыпина, еврейские погромы,…отправка на каторгу всех социал-демократов второй Государственной думы.

Многие детали старой семьи были сделаны хорошо. Семья эта обладала вековыми традициями,…они заменяли для родителя размышления и возню с принципами.

Первая половина декабря 1937г.

Люди всегда верили, что счастье есть законная норма человеческой жизни… Счастье как функция человеческого общества…

Были счастливые люди, больших размахов и капиталов… Это безнравственное счастье никогда не было признано человеческим гуманизмом.

Конец 1937г.

А.Н.Толстой в «Петре Первом» захватывает решительно все, начиная от крестьянской избы и кончая царским двором… Человек является главным героем произведения… Он разнообразен…и так же законно объединяется с другим человеком,…в общем движении… В каждой строчке дышат богатые силы народа, который еще своих сил не знает, но верит в себя, в лучшую жизнь.

10 января 1938г.

Лучшим примером нецелесообразной педагогической теории является почившая недавно педология… Это полная противоположность советского воспитательного устремления… Воспитательная работа, не снабженная целью.

14 января 1938г.

…В дореволюционной школе и дореволюционном обществе дисциплина была формой властвования,…методом приведения личности к покорности…

В старой школе был Закон божий… В нем было много моральных проблем, которых так или иначе касались на занятиях. Другой вопрос, имела ли эта теория положительный результат…

Христианское отношение к наказанию: оно – допустимое зло… Такое ханжество нужно отбросить.

Июль 1938г.

В нашем рабочем классе, в русском народе я видел и всегда вижу богатые силы, сложные личности, тонкие движения ума и сердца… Формулировки Ленина в моем представлении совершенно не расходились с тем знанием рабочей жизни, которое я вынес из своего детства и молодости.

15 августа 1938г.

…Так было и в моей юности. У меня это было долго и мучительно отразилось на всей моей жизни… Не хотел скуки и обыденщины, теплого угла и успокоения в потомстве… Жизнь должна быть прекрасна, она и есть прекрасное начало…

В социализме идея коллективности выражена в наиболее совершенных формах… Через несколько тысяч лет будут найдены новые, еще более богатые выражения коллективности.

5, 21 ноября 1938г.

Достоевский – вот писатель, которого до сих пор не разобрали понастоящему… У него все-таки страшно много муры, совершенно детской и дешевой.

18 октября 1938г.

Мальчики и девочки в таком [рабочем] коллективе – это прежде всего граждане. И в этом заключается отличие наших детей от детей какого угодно общества.

Начало 1939г., ориентировочно

«Очеловечивание» конфликта у А.П.Чехова. Но разрешение этих конфликтов у него пессимистическое, что вполне соответствует его эпохе.

30 января 1939г.

…Этические религиозные системы, в частности, христианская,…родилась в среде подавленных и порабощенных классов, в эпоху отчаянья. Это была попытка утвердить хотя бы самые малые признаки своего человеческого достоинства,…найти свободу в пессимистическом индивидуализме, в полном отказе от борьбы, от счастья…

«Не судите, да не судимы будете…» Не требуй ничего ни от других, ни от себя, а нагрешишь, - всегда успеешь покаяться.

Монархическое воспитание в царской России…приводило к результатам ничтожным. Его организаторы не замечали, что они воспитывали систему условных обозначений личности, а не саму ее сущность.

18 февраля 1939г.

Александр Константинович [Волнин],…работники Полтавского учительского института…воспитывали в нас лучшие человеческие стремления. В моем педагогическом развитии они создали самые главные принципы и навыки духа. У них я заимствовал главные положения моей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему.

1 марта 1939г.

Я к христианству отношу всю европейскую цивилизацию, эту европейскую этику, которая выявляется не только в православии или в католике, а и в еврее и магометанине. Это накопленная двухтысячной историей этическая жизнь классового общества…

Максимализм [этических религиозных заповедей]…кажется даже близко стоящим к какому-то серьезному требованию. И рядом тут же – всепрощение, полная нетребовательность к человеку.

9 марта 1939г.

Я сын рабочего…на вагонном заводе… На этом заводе работал и я, в качестве учителя… Эта школа была прекрасной школой: там было единое рабочее общество… Этот школьный опыт имел для меня большое значение.

2-я пол. марта 1939г.

У нас много старых представлений о ценности человека, о его достоинстве…

Я – сторонник специальной воспитательной [научной] дисциплины, которая еще не создана…

Трем поколениям макаренковцев и макаренковедов, 1939 – 2016 гг., посвящается эта книга.

В 75-летнюю историю освоения, разработки и практического использования наследия А.С. Макаренко вписаны славные имена:

Соратники, воспитанники А.С. Макаренко – Фере Н., Терский В., Шейкман С., Макаренко Г., Татаринов Т., Коваль Т., Барбаров П., Калабалин С., Конисевич Л., Джуринская П., Ройтенберг Е., Дроздюк П., Зайцев А., Руденко В., Панов И., Тубин А., Токарев И.;

журналисты, литературные критики, литературоведы – Ермилов В., Лукин Ю., Балабанович Е., Костелянец Б., Четунова Н., Павлова М., Вигдорова Ф., Морозова Н., Синицын И., Чубаров Л., Ширяев В., Хилтунен В., Перцов В., Щербина В., Чуковский К., Финк В., Радов А., Рощин М., Соловейчик С., Ермолин А.;

деятели педагогики – Каиров И., Медынский Е., Есипов Б., Жураковский Г., Скаткин М., Моносзон Э., Гмурман В., Гончаров Н., Коротов В., Лихачев Б., Гордин Л., Сластенин В., Равкин З., Филонов Г., Волков Г., Бим-Бад Б., Яркина Т., Богуславский М.;

педагоги, практики – Тарасов А., Брюховецкий Ф., Конникова Т., Гасилов Г., Кубраков Г., Шоюбов З., Католиков А., Карманов В., Костяшкин Э., Бескина М., Левин Я., Николаева В., Платонова И., Сенченко Н., Шеншуров А.;

деятели военной и исправительно-трудовой педагогики – Пирожков В., Барабанщиков А., Кравчук Н., Зайцев И., Клюкин В., Фельдштейн Д., Стурова М., Тюгаева Н., Данилин Е., Багреева Е.;

психологи – Колбановский В., Петровский А., Натанзон Э., Сидельковский А., Платонов К., Зотова О.;

педагоги, пропагандисты, исследователи – Куфаев В., Ривес С., Козлов И., Лялин Н., Тер-Гевондян А., Сундуков Н., Петрухин И., Новикова Л., Кузнецова Э., Левшин Л., Кель О., Вейкшан В., Кумарин В., Павлов И., Долгин Е., Виноградова М., Мер Ф., Опалихин В., Бейлинсон В., Холодюк А., Невская С., Соколов Р., Гриценко Л.

В постсоветское время – Турбовской Л., Малинин В., Соколова Н., Морозов В., Пуйман С., Шкилева Н., Максакова В., Фрадкин Ф., Короблева Т., Кушнир А., Шевелев А., Беляев В., Тененбайм З., Санникова Н., Голованова Н., Слободчиков В., Кваша Б., Гладыш С., Зыков М., Бибикова В., Гончар Д., Симатова Т., Крупнов Ю., Иллатдинова Е., Аксенов С., Неживенко В.

украинские педагоги, историки, практики, журналисты, литературоведы - Ярмаченко Н., Зязюн И., Гетманец М., Науменко Ф., Лысенко П., Евсеев И., Сухомлинский В., Захаренко А., Ткаченко И., Окса Н., Ширяева К., Карпенчук С., Моргун В., Иваненко О., Крамущенко А., Кривонос И., Пашко Л., Тарасевич Н., Наумов Н., Ковалевский В., Дичек Н., Абаринов А., Чапала Ю., Ткаченко В.;

в других странах педагоги, историки, практики, психологи, литературоведы, философы, религиозные деятели –

в Венгрии – Патаки Ф., Жигмонд А., Сокольски И., Гашпар Л., Петрикаш А., Лукач Г., Рокушфалви П., Бакони П., Зрински Л., Анчел Э., Фаркаш Э.,

в Польше – Каминский А., Левин А., Винярский М., Чайковский К., Бендковский С., Тарновский Я., Волошин С., Хмай Л., Быблюк М.,

в Чехословакии – Цисарж Й. (П. Денк), Скалка Я., Козел Ф., Матей Й., Галай И., Пеха Л., Голешовский Ф., Лагода Я., Касл К., Гашковец Й., Тихий Л.,

в ГДР – Больц А., Зауэрман Э., Маншатц Э., Раков Г., Гюнтер-Шелльхаймер Э., Линднер В., Кинитц В.,

в Болгарии – Чакыров Н., Атанасов Ж., Дочев Г., Обрешков О., Бойчева В., Ганов Б., Маринов М., Тенева Е.,

в ФРГ - Нооль Г., Анвайлер О., Фрезе Л., Хиллиг Г., Вайтц З., Рюттеннауэр И., Файфель Э., Хеймпель Е., Настайнчик В., Лаутер Д., Зюнкель В.,

во Франции – Валлон А., Лезин И., Волпичелли Л., Шеварде М., Глотон Р., Хусей Ж., Готович Л.,

в Великобритании – Гудмен У.Л., Хенс Н., Приис П., Каски Б., Данстен Д.,

в США – Франсис Л., Боуэн Дж., Лилдж Ф., Лоурене Ф., Улич Р., Лунетта В., Иллич И., Фитцпатрик Ш., Джул К., Лерман С., Бейкер Б., Алстон П., Спринг Г., Бронфенбреннер У., Эдварс Р., Красовицкий М., Райт Р., Адизес И.,

в Италии – Беллерати Б.М., Ломбардо-Родиче Л., Валентини Е., Романини Л., Негри Д., Сциортино А., Лаэнг Г., Каваллини Г., Амброссино П., Бертони-Джованне Д., Руоццо М., Брайдо П., Саммераро А., Сицилиани Н., Киронна К., Бриандо Д., Меттини Э.,

в Китайской Народной Республике – Лу Юй, Хэ Гохуа, Янь Гоцай, Дун Вэйчуань, Чэн Са, Шиин У, Гу Минюань, Фан Пинь, Гао Юньфэн, Ван Игао,

во Вьетнаме – Во Куанг Фук, Хоанг Туи, Нгуен Ши Ти, Нгуен Зуй Минь, Тхнен Занг, Нгуен Дин Хиец, Хак Чэонг, Нгуен Тхань Бинь,

в Японии – Ягава Т., Такэда М., Хироши Х., Озаму Т., Задао И., Тучешицу С., Фудзий Т., Тоеда О., Кувабара К.,

в Беларуси – Водзинский Д., Пуйман С., Мельников И., Станчиц М., Сманцер А., Шумская Л.,

в Румынии – Вайгл Э., Данчули А., Стоян С., Саладе Д.,

в Дании – Поильсен К. – А., Расмуссен Х., Слелунг А.,

в Финляндии – Каллинг Л., Джул К., Мурто К.,

в Израиле – Шлонский А., Коген А., Элькин М.,

в Нидерландах – Ньиман Х., Фихтер К.,

в Швейцарии – Незель И., Ирет Й.,

в Канаде – Шимоняк В., Полева Г.,

в Испании – Филлат О.,

в Республике Куба – Пердомо Родригес,

в Алжире – Жером Фавара, Пристер Е.

в Кампучии – Н. Хена,

в Норвегии – Т. Халворсен.

Это уникальное явление – международная научно-гуманитарная школа А.С. Макаренко[1].

[1] Материал составил А.А. Фролов, по его книге «А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия. 1939 – 2005 гг., критический анализ» (Н.Новгород, 2006. – 417 с.), с дополнением данных по 2006 – 2015 гг.

В указанной книге представлены более 1 000 имен по СССР, России и около 600 – по другим странам, см. Именной указатель, с. 400 – 416. В него не включены лица, участвующие в макаренковедческой работе лишь эпизодически.

Материал не претендует на полноту: не все источники известны; по другим странам данных нет из-за отсутствия связей и незнания языков.

Товарищам и единомышленникам А.С. Макаренко, писателям, педагогам, работникам различных учреждений, в 1938-1939-х годах активно участвующим в его деятельности как социального педагога-реформатора, - посвящается эта книга.

От составителей

Педагогика А.С. Макаренко: очерк методологии (подготовительные материалы)

О связи экономики и педагогики образования: исторический экскурс

В экономической и педагогической литературе последних лет заметна необычная тенденция – внимание к проблеме: связь социально-гуманитарной направленности современного производства с педагогикой, в особенности с наследием А.С.Макаренко.

В трудах Ф. Фукуямы эта направленность предстает как «одухотворение экономики» [24.26]. Макаренковский опыт производственной деятельности и «трудового хозяйствования» подростков и молодежи в воспитательно-образовательном учреждении оказывается в поле зрения исследователей, работающих над проблемами: «культурное и этическое измерение» экономики, создание «гуманистической экономики», становление «цивилизованной модели экономических отношений», развитие «трудового потенциала» и «социального капитала в системе производства [37,14,12,13,11,10,].

В непосредственном отношении к педагогике А.С.Макаренко рассматривается демократизация современного менеджмента, теории и практики социального управления [29]. Макаренковской направленностью объясняются успехи в области советского спорта, при рассмотрении деятельности спортсмена - профессионала как разновидности трудовой деятельности [32]. Макаренковская педагогика используется в правоохранительной деятельности [28].

«Очеловечение» труда, производства и экономики - знаменательный факт в историческом развитии общества и человека, в их трудном и многогранном движении к новому «качеству жизни». Об этом свидетельствует необычайно успешный опыт создания «новой модели бизнеса» одной из бразильских промышленных компаний [17].

То, что отчетливо проявляется в последние десятилетия в гуманитарной направленности экономики, имеет глубокие корни. На Западе это отмечается уже в конце XVII века в деятельности Дж. Беллерса, далее отражается в социально-педагогических устремлениях И.Г. Песталоцци, Ш. Фурье, Р. Оуэна, Г. Спенсера, П. Наторпа, Г. Кершенштейнера, Дж. Дьюи [33, т. 1, с. 102 – 111, 134 – 143, 160 – 181, 202 – 211, 219 – 249]. Проблему человека в политэкономии рассматривали во второй половине XIX в. К.Маркс и Ф.Энгельс [там же, с. 192 – 201].

В России ***в первой половине XVII в.*** В.Н. Татищев развитие «горнозаводского дела» тесно связывал обучением подростков; вопрос о связи промышленности и образования, воспитания занял в сер. XIX – первой половине XX вв. важное место в работах Н.Г. Чернышевского, П.А. Кропоткина, С.Н. Южакова, В.И. Ленина, А.К. Гастева, В.Н. Шульгина, А.С. Макаренко, М.С. Погребинского [33, т. 2, с. 159 – 176, 283 – 289, 300 – 318, 330 – 355].

С начала XX в. израильские кибуцы убедительно демонстрируют существенное изменение «элементов педагогики» в качественно новых условиях труда и

быта работников [30]. В связи с идеей преобразования трудовых отношений в 1960 – 1980-х гг. сформировалась концепция «освобождающего образования», «нового воспитания» - П. Фрейре, Бразилия [25]. Известен опыт успешного применения идей А.С. Макаренко в деятельности текстильного предприятия в Чехословакии в 1970-х гг. – рук. Ф. Козел и др. [23. с. 155 – 156].

В различных странах уже длительное время действуют молодежные объединения «По-другому трудиться, по-другому жить, по-другому воспитывать детей»; среди них - организации по преодолению наркозависимости подростков и молодежи [там же, с.371-372]. В современной Бразилии опыт А.С. Макаренко используется в движении безземельных рабочих, в форме сельскохозяйственных кооперативов, поселений, лагерей [36].

Примечательно, что установка на полную хозяйственную самостоятельность производственных предприятий, с преобладанием рыночных отношений в экономике стала главной причиной разрыва отношений между СССР и Югославией в конце 1940-хх гг., а в последующем - распада Югославии как союзного государства. В «Третьем рейхе» на предприятиях действовали «рабочие советы», были «народные предприятия».

В истории Республики Куба, ее системы образования и воспитания молодого поколения с начала 1970-х гг. важную роль стали играть «школы в поле», интернатного типа, имеющие каждая 100 га ранее не использованной земли - для выращивания цитрусовых, ягодных и овощных культур. В Китайской Народной Республике начавшееся в 1986 г. реформирование системы образования пошло в направлении «трудовой педагогики», соединения обучения и воспитания с работой на производстве, с непосредственным опытом учащихся в разных областях жизни. Реформа конца 1990-х гг. закрепила и расширила этот курс образовательной политики.

В СССР: ***Октябрьская революция 1917 г.*** возникла и победила под лозунгами: Мир народам, Земля крестьянам, Заводы рабочим, Власть советам.

В тесной связи с экономическими и социально-политическими преобразованиями осуществлялась «культурная революция». Она должна была кардинально обновить культуру, внедряя в нее новые общественные отношения и ценности, принципиально изменяя сферу труда, повседневной жизни и быта людей, верования, традиции и обычаи, праздники.

Признание величайшей ценности труда воплотилась в учреждении в середине 1920-х гг. звания «Герой Труда». Это была инициатива «снизу», ведомственная, затем она приобрела общегосударственную значимость в звании «Герой Социалистического Труда».

Сущность «культурной революции» - воспитание «нового человека». Энергично проводилась «ликвидация неграмотности» огромной массы взрослого населения (71%) до 50 лет. В стране создавалась сеть школ, библиотек, клубов, дворцов культуры, театров, музеев, домов отдыха, медицинских учреждений, здравниц. Всеобщим достоянием становились исторические достижения науки и техники, искусства.

Происходило революционное обновление искусства, художественной литературы, их содержания и средств. Они мощно и благотворно проникались поэзией свободного труда, народного социального творчества, героического созидания нового мира, служения общему благу, высоким нравственным идеалам. Человек труда впервые в истории становился поистине главным «героем нашего времени». Возникал своеобразный «культ труда».

Экономика, производство и народное образование развивались в их неразрывной связи и взаимодействии. Школа начала строиться как «единая трудовая»; труд был положен в основу педагогики, он приобрел в образовании всеобщее значение, способствовал закреплению советской власти как власти рабочих и крестьян. Но в условиях послереволюционной разрухи труд в школе ограничивался самообслужи-

ванием и по существу не выходил за пределы общего образования-обучения и элементарного приобщения всех детей к труду.

Государство и общество приняли на себя долю ответственности за явление преступности. Руководящей стала идея: от тюрем и «кары» к воспитанию и перевоспитанию. Их основа - общественно полезный труд, коллектив, самоуправление. Исключается привлечение к судебной ответственности несовершеннолетних (до 18 лет). Дела по их правонарушениям рассматриваются специальными комиссиями в системе органов советской власти.

Для несовершеннолетних правонарушителей и беспризорных детей создаются учреждения открытого типа, по принципу: «для детей - ни тюрем, ни лагерей». Эти учреждения введены в общую систему народного образования, работают в соответствии с общими для страны педагогическими целями и принципами. Отсутствует установка на их «перевоспитание»; создаются детские трудовые колонии, коммуны. Официальная основа их организации – коллективный производительный труд, доверие к силам и способностям детей, их самостоятельность, частичное самообеспечение.

Эти условия эффективно использованы в педагогической деятельности А.С.Макаренко, других видных представителей педагогической науки и практики.

Примененный в стране в ходе Гражданской войны «военный коммунизм», обеспечивающий военную победу новой власти, в начале 1921 г. сменился «новой экономической политикой» (НЭП), оживлением рыночных отношений и частичного предпринимательства, при сохранении за государством «командных высот».

В сельском хозяйстве до конца 1920-х гг. осуществлялась кооперация в форме «коммун», с широким обобществлением средств производства и результатов труда. Распространенными были также товарищества по совместной обработке земли, сельхозартели, потребительские кооперативы. С 1929-начала 1930-х гг. кооперирование приняло форму «коллективных хозяйств», колхозов; в личном пользовании крестьян оставался приусадебный участок, 0,5 га. Продолжали действовать «совхозы», государственные сельхозпредприятия.

С конца 1920-х гг. существенно изменяется система работы с несовершеннолетними правонарушителями: они привлекаются к суду по некоторым статьям Уголовного кодекса (с 14- 12 лет), с отправлением в открытые детские колонии. В середине 1930-х гг. возникают закрытые, с принудительным содержанием спецшколы для «трудных детей» и детские воспитательные колонии.

А.С.Макаренко до лета 1935 г. (перевода его в отдел трудовых колоний НКВД УССР) удается в своей педагогической деятельности сохранить принципы и методы воспитания, заложенные в начале 1920-х годов.

В 1927-1931 гг., на новом этапе развития страны, развернулась бурная дискуссия о расширении социально-воспитательной функции общеобразовательной школы, укреплении ее связи с жизнью, развивающимся промышленным производством. Вопросы о расширении предмета педагогики, решительного обновления содержания и форм, методов воспитания были расценены как «левый уклон», направленный на «отмирание школы». Вместе с отходом от понятия «социальное воспитание» начался процесс катастрофичекой недооценки роли воспитания в развитии общества, в системе образования.

Стремительно развивающийся ***в конце 1920 – начале 1930-х гг.*** процесс индустриализации страны привел к отходу от всеобщности труда в образовании. Возобладал курс на профессионализацию; образование разделилось на два направления: с трудом при подготовке квалифицированных рабочих и без труда при подготовке специалистов средней и высшей квалификации.

Формирование и воспитание «трудовой интеллигенции» в нетрудовых условиях со временем привело к образованию правящей «элиты», отступившей от идеалов власти трудящихся и социализма.

Первая попытка демократизации управления промышленными предприятиями предпринята в начале 1930-х гг. Вводился «хозрасчет» (хозяйственный расчет): определение себестоимости продукции, прибыли и ее целесообразное распределение. Этот опыт не получил развития, он вступил в противоречие с острыми финансовыми потребностями государства.

В первой половине 1930-х гг. трудовое хозяйствование и социальное управление обогащались общественным движением «стахановцев», «ударников» производства. Небольшие рабочие бригады эффективно осваивали новую технику, совершенствовали организацию труда, создавали на работе моральную атмосферу коллективизма, товарищества и взаимопомощи.

Впервые производительный труд введен в сферу духовной жизни общества, стал моральной категорией, «делом чести, славы, доблести и геройства». Учреждены ордена «Трудового Красного Знамени», «Знак Почета», медаль «За трудовую доблесть», в дальнейшем также «Ветеран труда». Возникла традиция: вручение знамен, значков и грамот, премий победителям «социалистического соревнования», трудовым коллективам и выдающимся работникам, новаторам.

Государство и общество поощряли произведения искусства и литературы, прославляющие труд, пропагандирующие крупные государственные стройки, народнохозяйственные начинания.

Молодежь находила достойное применение своим силам и стремлениям, в единстве с историческим развитием всей страны. Этому способствовала общая атмосфера одухотворения труда, поэтизация различных профессий, им посвящались песни, стихи, фильмы, спектакли, повести и романы, они становились массовыми и любимыми.

Во время Великой Отечественной войны производство воодушевлял призыв: «Все для фронта, все для победы!»

В конце 1950-х. гг. и в 1960-х. гг. «социалистическое соревнование» приняло форму движения бригад и ударников «За коммунистическое отношение к труду». Ограничиваясь в основном сферой групповых трудовых отношений и быта, оказавшись в обстановке административного ажиотажа, это начинание постепенно потеряло свой авторитет, общественную значимость.

В середине 1950-х. гг. в системе средней общеобразовательной школы педагогическая общественность возбудила широкую практику непосредственной связи обучения и воспитания школьников с производительным трудом. Из двух направлений этой связи: в форме ученических производственных бригад колхозов, совхозов (по инициативе школ Ставропольского края) и школьных учебно-опытных хозяйств (инициатива Рязанской области).

Жизнеспособной оказалась форма ученических бригад, они получили массовое распространение, при активной поддержке партийной общественности, в соответствии с насущной потребностью страны в ускоренном развитии сельского хозяйства.

В 1959-1964 гг. средняя и высшая школа подверглись коренному преобразованию по «Закону об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования». Общеобразовательная школа получила возможность организации систематической производственной деятельности учащихся и начального производственного обучения. При поступлении в вузы требовался годичный стаж трудовой деятельности.

Однако производительный труд в школе организовывался преимущественно как «труд - работа», а не как «труд - забота» (терминология А.С.Макаренко), т.е. не в логике «трудового хозяйствования» и «воспитания хозяйственной позиции по отношению к окружающему миру» [8, ч.1, с. 167], а во многом по-старому, как труд наемного сезонного работника, батрака.

В сер. 1960- х. гг. этот закон потеряла силу, как якобы одно из проявлений «волюнтаризма» социально-экономической политики; серьезным препятствием было отсутствие необходимых подзаконных актов. Новые меры оказались малоэффективными в городских условиях, при организации труда учащихся на предприятиях промышленности, строительства, торговли, сферы услуг. Развитие системы школ - интернатов без опоры на производительный труд вело к возникновению у молодого поколения и родителей потребительства, к дискредитации этой важной формы общественного воспитания.

В первой половине 1960-х гг. появились и стали массовыми «университеты культуры» при различных учреждениях культуры и просвещения. Это, однако, практически приобрело характер лишь просветительства, существенно не сказывалось на улучшении культуры повседневной жизни, труда и быта людей, культуры общения.

И в искусстве, художественной литературе в период «оттепели» и в последующие годы, появившиеся замечательные произведения были слабо действенными в отношении развития общественных отношений, преодоления назревших проблем и опасных тенденций в экономике и социальном управлении, культуре и образе жизни советских людей, молодежи.

Принятая осенью 1961 г. новая Программа КПСС обозначала 3 главных задачи «дальнейшего коммунистического строительства»: развитие материально-технической базы общества; совершенствование социалистических общественных отношений; воспитание нового человека. Объявленное триединство этих главных задач оказалось лишь декларативным.

На практике они решались в большом отрыве друг от друга и при огромном их несоответствии: масштабное и тщательное решение проблем развития производств - и очень слабое внимание к совершенствованию общественных отношений; задача «воспитания нового человека» оказывалась «на обочине». (В текстах «Основных направлений экономического и социального развития СССР» на предстоящие 5-летия, занимающих обычно более 70 страниц, теме народного образования, культуры и искусства уделялось обычно лишь около 1 страницы.)

Искажался фундаментальный тезис о приоритете производительных сил в общественном развитии. Предполагалось, что воспитание «нового человека» может происходить как бы и само собой в процессе взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Из поля зрения выпадал «человеческий фактор», слабо учитывалось обратное влияние трудящихся, народа на ход исторического развития.

В Программе партии впервые объявлена задача: совершенствовать «управление народным хозяйством», «методы хозяйствования и экономического стимулирования», «критерии оценки работы предприятий и организаций, исходя из необходимости улучшения конечных результатов производства».

Знаменательным является стремление создать и ввести в действие «Моральный кодекс строителя коммунизма». В Программе партии даны его 12 «принципов». Этот документ далеко не соответствует понятию «кодекс»: свод правовых или нравственных законов, заповедей, представленных в конкретных нормах, правилах, стандартах человеческого поведения (с обозначение и запретов, наказания за их нарушение).

(См.: Уголовный кодекс, Трудовой кодекс, «Домострой» в Московском государстве, XVI в.; Тора - в иудаизме, Шариат - в мусульманстве, «Имидж идеального японца - 1966» и т.д.)

При стремлении опереться на исторически сложившиеся «общечеловеческие» достижения культуры и нравственности «Моральный кодекс» по существу не отражал принципиально нового в советском образе жизни: господство коллективной, общественной и государственной собственности на средства производства и резуль-

таты общего труда. Нет определения этой собственности как священной и неприкосновенной, не объявлены главные меры по ее всеобщей защите.

И это при том, что в начале 1960-х гг. появились массовые мелкие хищения государственной собственности; это стало началом конца советского строя.

Разработка нового морального кодекса - дело многих поколений, результат народной инициативы и опыта, взаимодействия правовых и моральных установлений. Приоритетным должно было стать развитие нравственных норм, т.е. таких, которые становятся верованиями, поддерживаются силой традиций, привычек, личных убеждений. (В этом А.С. Макаренко видел сущность и главную трудность воспитания.)

«Моральный кодекс» не пошел дальше декларации некоторых принципов и практически сразу потерял свою значимость. Столь же голословной и безрезультатной стала характеристика «нового человека»: «всесторонне и гармонически развитая личность, сочетающая в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство».

В середине 1960 г. задумана, но была вскоре заторможена экономическая реформа, предусматривающая широкую хозяйственную самостоятельность производств. Аналогичные меры с начала 1960-х гг. стали успешно применяться в сельском хозяйстве, на базе кооперативной собственности колхозов.

В народном образовании в 1960 - 1970-х гг. приобрел широкую известность и признание многолетний опыт нескольких средних школ, в педагогических целях успешно использующих производительный труд, опыт А.С.Макаренко – рук. Г.М. Кубраков, З.Г. Шоюбов, И.Г. Ткаченко, В.Ф. Карманов, П.Г. Годин (предс. колхоза) [7,2,9; 23, 105,106,200,203,219; см. также 20].

В конце 1960 гг. проблема привлечения школьника в работе на производстве и в сфере обслуживания вновь обострилась. Она стала решаться путем «профессиональной ориентации», на базе межшкольных учебно-производственных комбинатов (УПК). Их деятельность ограничивалась вниманием к рабочей профессии, ознакомлением с ней, практически без производственной работы (она могла быть во время каникул). Не было условий для воспитания в условиях «трудового хозяйствования» (что свойственно педагогике А.С.Макаренко).

В 1970 -х гг. деятели и работники строительной отрасли производства создали и успешно апробировали замечательную форму его организации - «бригадный подряд». В эти же годы осуществлен уникальный опыт обращения к макаренковской организации трудового коллектива на строительстве крупного объекта на севере страны - рук. В.П. Сериков (ставший Героем Социалистического Труда) [18, см. также его текст-19].

В середине 1970-х гг. - начале 1980-х гг. проблема воспитания детей в школе и семье вызвала серьезное беспокойство советской общественности [см. 23, с. 198-200].

Проект новой Конституции СССР (принята в декабре 1977г.) предусматривал «запрещение детского труда», согласуясь с международными документами, реагирующими на эксплуатацию детского труда в слаборазвитых странах. Под настойчивым давлением общественности, авторитетных членов Верховного Совета страны принята формулировка: «запрещение детского труда, не связанного с обучением и воспитанием» (статья 42).

Конституция закрепляла воспитательные функции коллективов «в зрелом социалистическом обществе».

Поворотным пунктом в истории советской экономики, производства и педагогики, воспитания должен был стать Закон 1983г. «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями и организациями» [3]. В конце этого года постановлением Правительства опыт «бригадного подряда» в строительстве распространялся на все другие отрасли производства.

В апреле 1984г. началось осуществление «Основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной школы» [33, т.2, с.334-338]. Реформа предусматривала решительное повышение роли воспитания учащейся молодежи, значительное расширение ее участия в производственной деятельности.

Намеченные Законом о трудовых коллективах и образовательной реформой мероприятиях затормозились взятым в 1985г. курсом на «перестройку» и «ускорение» развития всех сфер жизни страны.

В ходе начавшихся преобразований видные советские экономисты Л.И. Абалкин и Г.Х. Попов обратили внимание на необходимость использования наследия А.С. Макаренко в разработке «социальной педагогики» и реформирования «всей сферы труда общества [1, с. 172; 16].

На последних съездах КПСС, 1984 и 1986 гг., о задаче «воспитания нового человека» даже не упоминается.

Но она явно «проглядывается» в установках 1984 года: «повышать роль и инициативу трудовых коллективов в управлении и планировании, роль воспитания работников в духе сознательного, творческого отношения к труду», обеспечить «развитие социалистического образа жизни, всей системы общественных отношений, развитие социалистической демократии».

Об этом заявлено в новой редакции Программы КПСС, 1986 г. В ней движение к коммунизму определяется как путь к обществу, где утверждается общественное самоуправление; труд на благо общества становится для всех первой жизненной потребностью; «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех; действует принцип «От каждого - по способностям, каждому - по потребностям».

В необходимых преобразованиях на первый план выдвигаются: «человеческий фактор», «совершенствование управления и методов хозяйствования». Среди них: оперативно-хозяйственная работа «основного производственного звена» - трудового коллектива, повышение его роли в разработке производственных планов, хозяйственных решений, в социально-экономическом развитии; перевод объединений и предприятий на полный хозрасчет, усиление «экономических рычагов» в управлении, развитие «коллективных форм организации и стимулирования труда снизу».

Все это по существу вписывается в задачу «воспитания нового человека» путем его активного участия в социально-экономическом и культурном строительстве. Необходимо «в идейно-воспитательной работе преодолевать отрыв от реальных общественных проблем, абстрактное просветительство, разрыв слова и дела».

По существу это социально-педагогические установки, с опорой на трудовой коллектив. Но они игнорируются применительно к народному образованию, воспитанию молодого поколения. В области образования Программа (1 страница - из 66) ограничивается постановкой некоторых общепедагогических целей; отсутствует понятие «коллектив». Намечено, правда, «слияние средней профессиональной и общеобразовательной школы».

Таким образом, ярко проявляется незрелость педагогики как общественной науки, ее чудовищное отставание с выходом на «элементы педагогики» во всех сферах жизни общества, в его экономике, идеологии, политическом и государственном устройстве, науке, искусстве, традициях.

В этом отставании педагогической теории и практики сказывается нечто большее - полное непонимание властью все возрастающей роли воспитания, образования и педагогики в развитии цивилизации, общества и человека. Это и показатель глубокого отставания всего цикла социально-гуманитарных наук от бурно и широко развивающейся действительности.

В области литературы и искусства Программа также предельно кратка (менее 1 стр.) и декларативна. Признается, что литература и искусство - «могучий фактор» духовного, культурного прогресса. Необходимо развивать литературно-

художественную критику, преодолевая «проявления безыдейности, мировоззренческой всеядности, эстетической серости».

Грандиозный план преобразований был призрачным, обнаруживал всю глубину разлада между желаемым и действительным. Стало невозможным наверстать упущенное в течение десятилетий. Утверждалась двойная мораль: напоказ и в повседневной жизни. Появились спекулятивные, нетрудовые доходы. Бурно развивалась «теневая» криминальная экономика, наращивались ее огромные финансовые возможности. Появились и окрепли социальные силы, способные повернуть вспять историческое развитие страны по всем ее направлениям.

Экономические преобразования и образовательная реформа «буксовали»; первостепенной стала политика, борьба за власть. Она осложнялась длящейся десятилетиями скрытой подменой социалистического идеала ценностями либерально-демократических «прав и свобод». Оказалась далеко не прочной идеологическая база советского строя. Он был подорван растущим общественным расслоением, верховенством бюрократической «номенклатуры», научной и образовательной «элиты», противоречиями в центре власти.

Ударной силой «перестройки» стало третье поколение советских людей, периода «оттепели» и нереализованных общественных потенциалов, потребностей и надежд. Не получив должного воспитания, в обстановке мира и благополучия, патерналистской защиты от трудовых и житейских невзгод, - это поколение оказалось в плену «общества потребления».

Рядом с новым поколением учительства, работников культуры и высшей школы оказалась немалая часть старшего поколения, включая ветеранов Великой Отечественной войны и труда. Жизнь показала: действия и судьбы молодого и старшего поколении нераздельны.

В педагогике проблема преемственности и взаимодействия поколений должна была стать ведущей проблемой. Каждое поколение оказывается в новых условиях общественного развития. Поэтому, говорит А.С.Макаренко, цели воспитания, образования и их социальная база, средства должны изменяться с каждым поколением.

Последующие социально-экономические реформы возглавили западные «специалисты» и полуобразованные, безответственные люди, не имеющие полноценной трудовой и жизненной практики, далекие от понимания законов общественного развития. Пренебрежение к проблеме воспитания, образования и педагогики стало одной из глубинных причин развала СССР, крушения его экономической и политической системы.

Вся 74-летняя история СССР, с ноября 1917 г. – это преодоление разрушительный последствий Первой мировой и Гражданской войн, иностранной интервенции, ускоренное создание многих новых производственных отраслей и планововой системы хозяйствования, колоссальные потери людских и материальных ресурсов в Великую Отечественную войну, состояние «холодной войны» и навязанной Западом гонки вооружений, противодействие мощной подрывной деятельности по всем направлениям жизни и деятельности страны.

Разрушение Советского Союза ***в конце 1991 г.*** произошло, несмотря на его достигнутые в короткий исторический срок выдающиеся достижения в производстве, науке, технике, культуре, искусстве, социальной сфере. Это была соперничающая лишь с США страна, имеющая огромный авторитет в мире, надежда всех прогрессивных и миролюбивых сил.

Распад СССР и утверждение в Российской Федерации летом 1992 г. частнособственнической рыночной экономики, государственных институтов капитализма совершились без активного массового сопротивления. Сказалось и использовалось легковерие советских людей, отсутствие у них общественно-политического опыта противостояния лицемерию и обману. В полную меру проявился недостаток предшествующего воспитания - отсутствие способность распознавать хорошо замаскиро-

ванные враждебные явления и коллективно бороться с ними (проблема, которая очень беспокоила А.С.Макаренко). Победил национализм, укоренившийся в окраинных республиках страны.

Чудовищная «шоковая терапия» лишила людей возможности осмысления происходящего, пришлось «выживать». Массовой стала «коммерция» типа «купи-продай». Грабеж народных богатств, бесчеловечная конкуренция, финансовые спекуляции, жульничество, преступность, коррупция, немыслимое расхождение богатства и бедности, безысходность для многих - «нивелируются» обилием товаров в магазинах, идеологией безграничных «прав и свобод», частной собственности и индивидуализма.

Человек превращается в машину, которая «делает деньги», чтобы приобрести максимум материальных благ, в машину потребления. Утратилась моральная ценность труда, она сменилась ценностью прибыли и «заработка». Исчезло уважение к человеку, непосредственно производящему средства для жизни, необходимые всем (это «быдло», способные лишь к подневольному труду).

В сфере рынка нет морали и нравственности, это сказывается на всей системе человеческих взаимоотношений. Безудержная реклама материальных благ побуждает к забвению духовных ценностей. Общество и человек начинают жить по принципу «здесь и сейчас», лишь приспосабливаясь к сегодняшнему дню, при тотальной неопределенности в отношении будущего. Перестает волновать проблема молодого поколения, его воспитания, перспектив и судьбы.

Культура, искусство, художественная литература, ставшие частью рыночной системы, во многом утратили самоценность, «освободились» от познавательно - образовательной функции. Исчезла поэзия созидательного труда, утратился интерес к общегосударственным трудовым делам и заботам. Телевидение, печать, радио, интернет заполнили происшествия, негативы, бесконечно многообразные противоправные действия, моральные уродства. Господствует шоу-бизнес, индустрия развлечений и «чтива». Частнособственничный рынок подрывает гуманитарные основы искусства, физкультуры и спорта.

В сознании людей все это направляется к тому, что существующее сейчас - это единственный вариант общественного развития. И ничего другого в мире не было, нет и не будет. Не может быть и речи о каком-то общественном идеале и стремлении к нему. Будущее непостижимо, существует только «здесь и сейчас».

Тотальная неопределенность будущего, неуверенность в нем - характерная черта экономики, культуры и образования «нового времени». И воспитание отвергается прежде всего потому, что в своей сути это всегда процесс, устремленный в будущее, от младенчества к все более человеческому совершенству.

Среди людей, отмечаемых государственными наградами и премиями лишь в последнее время стали появляться отдельные представители материального производства; главное место заняла профессиональная «элита». Учрежденная недавно золотая звезда «Герой Труда» не получает того общественного резонанса и авторитета, которые были свойственны «Герою Социалистического Труда». Попытки повторить детско-юношеское движение 1930-х гг. «Готов к труду и обороне» и создать единую организацию школьников не получает массовой поддержки.

«Деполитизация» и «деидеологизация» системы образования (фактически смена ее политических и идеологических основ) привели к утрате духовности в воспитании и обучении. Произошла «отмена» воспитания (в его коренном отличии от обучения) завершая тем самым советскую тенденцию: умаление новой социально - гуманитарной сущности воспитания, непонимание производительного труда как фундаментальной основы нового воспитания, отрицание приоритета воспитания в образовании. Место воспитания заняла социализация, мощное воздействие всей совокупности социальных сил и средств на все население, включая детей [22].

Отход от воспитания, его подмена социализацией четко обозначились в «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.» (принята Правительством РФ 29 мая 2015 г.). Документ «адресуется семье, системе образования, средствам массовой информации, религиозным организациям, общественным объединениям» [2а, с.3-4]. Это касается всех граждан и их действии в отношении детей.

Это «педагогика всего общества» (А.С.Макаренко), его современного состояния, без обозначения перспектив его экономического, политического и культурно-нравственного развития. Конкретизация и учет социальной перспективы - самое важное в деле воспитания, в отличии от социализации.

Государство в отношении воспитания и социализации занимает в «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.» совершенно такую же позицию, как и в отношении рынка: государство «не претендует на то, чтобы влиять на процесс воспитания в каждой семье, общественном объединении и т. д., оно оставляет за собой право относиться к результатам воспитания» [2а, с.4], корректировать их созданием некоторых благоприятных условий.

Короче говоря: государство действует в рамках законов рынка; им подчиняется и сфера воспитания-социализации. По существу воспитание исключается в его самоценности, в его значимости для социально-гуманитарного развития.

Не может быть и мысли о приоритете «собственно воспитания» (А.С.Макаренко) в образовании: говорится лишь о «единстве процессов воспитания и обучения» [2а, с.5].

Нет и целей воспитания, они как бы косвенно определены в фрагменте о том, как современная учащаяся молодежь представляет «в идеале» черты личности нашего времени. Это всесторонне обозначенный человек - индивидуалист [2а, с.3].

Среди всех «социальных институтов воспитания» приоритет имеет семья. Это естественно: семья и сейчас - главный хранитель частной собственности. Парная семья, частная собственность и государство исторически возникли одновременно и в неразрывной связи друг с другом.

Советская нетрудовая школа сейчас доведена до идеала «школы учебы», в ней господствует обучение, исключен производительный труд, даже в форме обучения труду. Усилилось отступление от классического закона: сначала воспитать Человека и лишь потом - Профессионала (в период ранней молодости). Школа продолжает работать «во вторую смену» и даже «в третью», в неблагоприятных условиях для здоровья человека, детей.

Общеобразовательная школа перегружена односторонней умственной деятельностью. Без необходимой связи ее с работой физической, с практикой жизни и производительным трудом (коллективным по своей природе), формируется ущербная личность. Она отягощена не только морально - психологическими недостатками, но и серьезными отклонениями в состоянии здоровья («школьными» болезнями).

Ухудшается общее самочувствие молодого поколения, его интеллектуальные, творческие способности, происходит утрата «жизнестойкости», моральных ценностей и ценностей жизни, распространяются подростковые самоубийства.

Разрушена система подготовки квалифицированных рабочих, среднего профессионального образования. Ликвидирована сеть станций юных техников и натуралистов. Принятый выбор типа школы и учебных направлений в ней искажается ранней «специализацией» детей, ведет к их одностороннему развитию и социальному расслоению.

Подлинным бичом вузовского образования является отступление от задач воспитания прежде всего человека, личности, и лишь потом профессионала. Главная причина поразительной неэффективности вузов – отсутствие такой практической и трудовой подготовки студентов, которая по объему равнялась бы теоретической подготовке (отступление от опыта многих стран). Еще более серьезный недостаток: вы-

бор студентом профессиональной подготовки отрывается от перспектив его трудоустройства, отсутствуют какие-либо государством определяемые гарантии.

Система среднего и высшего образования широко критикуется, но обычно лишь по направлениям: единый государственный экзамен, недостаточное финансирование образования, перипетии платных «образовательных услуг», реорганизация школ и вузов. Мало кого волнует связь образования с производством, современные трудности работы с учащимися, угнетенное морально-психологическое состояние школы, перегрузка учителя (вынужденного работать на 1,5-2 ставки, чтобы получать среднюю по региону зарплату).

Но жизнь берет свое, побуждает к сближению школы с производством. Используя новые экономические условия, создаются «школы-хозяйства (терминология А.С. Макаренко). Они позволяют значительно улучшать благосостояние школ и учителей, воспитывать молодежь в духе созидания, предпринимательства, трудовой заботы и социальной ответственности.

В 2003 г. в разных регионах страны начал проводиться ежегодный (в начале апреля) Конкурс имени А.С. Макаренко, для школ, успешно осуществляющих производственно-хозяйственную деятельность (рук. А.М. Кушнир). К настоящему времени в этом движении приняли участие более 100 педагогических учреждений разного типа. Ранее, в конце 1990-х гг. на Ставрополье возродилось, стало по- новому развиваться во многих областях страны движение школьных сельскохозяйственных бригад.

Литература

1. Абалкин Л.И. Обоснована ли тревога? Ответы экономиста на трудные вопросы // Звезда, 1989, №2
2. Ермолаев В.А. С веком наравне. - М.,1988
3. Волосовец Т.В., Евладова Е.Б., Кириллов И.Л., Мирошкина М.Р. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (контекстный анализ) // Воспитание школьников, М., 2016, №1, с.3-15.
4. Закон СССР «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями и организациями». - Правда, 19 июля 1983г.
5. Зауэрман Э. Макаренко и Маркс. Теория и практика воспитания рабочей молодежи. - Берлин, 1987(нем. яз.)
6. Зрински Л. Этические взгляды А.С. Макаренко. - Будапешт, 1964(венг. яз.)
7. Кваша Б.Ф. Педагогическое наследие А.С. Макаренко. С.-Петербург, 1998
8. Кубраков Г.М. По заветам Макаренко. - М., 1987
9. Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Части 1-8 / Сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксенов. - Н.Новгород, 2007 - 2015
10. Неверов В. Союз труда и красоты. - М., 1979
11. Неунылова О.Н. Теоретические аспекты формирования социального капитала // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. 2011, №7, с.401-403.
12. Неунылова О.Н. Проблемы формирования трудового потенциала (на примере Самарского региона // Интернет - журнал Науковедение, 2013, №1
13. Нехода Е.В., Сахарова З.Е. Современная экономическая теория: проявления кризиса и движение к гуманистической экономике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. М., 2012, №55, с. 164-172
14. Нифаева О.В., Нехамкин А.Н. Формирование цивилизованной модели российской экономики. Институциональный подход. Монография. Москва, 2013
15. Нифаева О.В. Совершенствование институциональной модели российской экономики. Морально - нравственное измерение. - Москва. 2014

16. Патаки Ф. (Венгрия) Образ социализма в трудах А.С.Макаренко // Ф.Патаки, Г.Хиллиг. Самоутверждение или конформизм. Опускума №6, - г. Марбург, ФРГ, 1987
17. Попов Г.Х. Взрослые болезни детского труда // Советская Россия, 1988, 12 марта
18. Семлер Р. Маверик. История успеха самой необычной компании в мире. Бразилия. - М., Добрая книга, 2007. - 384с., (пер. с англ.).
19. Сериков В.П. Рабочая педагогика. -М., 1982
20. Сериков В.П. - текст в газ. полосе: «Обвиняется» Макаренко Антон Семенович. - Советская культура, М., 6 февраля 1988 г.
21. Синицин И.С. Когда воспитывает труд. - М., 1987. - 336с.
22. Фаркаш Э. (Венгрия) Этический вызов А.С.Макаренко // Философские науки. - М., 1977, №7
23. Фролов А.А. Социально-воспитательная функция школы: опыт СССР и современность // Распад СССР: 10 лет спустя. Доклады и выступления... Т. 1 - М, 2002
24. Фролов А.А. А.С. Макаренко в ССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия. 1939 - 2005 гг. Критический анализ. - Н.Новгород, 2006. - 417с.
25. Фролов А.А. «Человек в системе производства» у Ф. Фукуямы и А. Макаренко // Вопросы Экономики. - М., 2010, №8
26. Фролов А.А. А. Макаренко и П. Фрейре: сравнение основ социально- педагогической деятельности // Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия... Матер. VII национ. науч. конф. / ред.-сост. Г.Б. Корнетов. -М., 2011.-С.154- 157
27. Фролов А.А. Человек в системе производства: новое в мировой практике организации труда и опыт А.С. Макаренко // Народное образование, М., 2012, №2
28. Фролов А.А. Идеи свободы и целесообразности в теории педагогики А.С. Макаренко // Педагогика, М., 2013, №2
29. Фролов А. А. Идеи свободы и «трудового хозяйствования» в педагогической работе с несовершеннолетними правонарушителями // Уголовно - процессуальное право. - Рязань, 2015, №4
30. Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю., Аксенов С.И. Исхак Адизис и Антон Макаренко: развитие - основа успеха организации. - Н.Новгород, Из-во НГПУ, 2015.-22с.
31. Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю., Аксенов С.И. Израильский кибуц и трудовая колония им. М.Горького: общие черты в исторической параллели. - Н.Новгород, 2015. - 97с.
32. Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю. Педагогика как наука о воспитании: исторический экскурс и современное состояние // Воспитание школьников, М,, 2015, №10
33. Фролов А.А. Неживенко В.Н. Педагогика А.С.Макаренко в успехах советского спорта 1948 - 1980-х годов. - Н.Новгород, 2016.- 30 с.
34. Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. В 2т. / сост. А.А.Фролов, Ю.Х.Трушина, Е.Н.Козлова. - М., 2007. - 304 и 400с.
35. Sanerman E. Anton Makarenko and Paulo Freire // Mararenko in Ost and West-I / Hrs von S.Weitz and A. Frolov. - Marburg. 1992. - 283c.
36. Gehring I/, B.Bowers, Whight R. Anton Makarenko: «The John Dewey of the USSR» //Journal of Correctional Education. Lanham: Dec. 2005. №56, iss.4. pg.327. 19 pgs. URL: http // proguest, umi. com/ pgdweb ? did=956758781 & did=38&Fmt=3&clientd=42744 & ROT=3098 & №name=POG
37. Tarlau R. Soviers in the Countryside The MST,s Remarking of Socialist Educational Practices in Brasil // Logics of Socialist Educational Purpose, v.24. 2013.
38. Дудар Т.Е. Культурное и этическое измерение экономических феноменов: доводы Платона и Аристотеля // European Social journal 2014 № 3-2 с. 412- 419

(Авторы: Фролов А.А., Неживенко В.Н. Статья готовится к печати).

Израильский кибуц и трудовая колония им. М. Горького: общее в основах трудового хозяйствования

«Педагогическая поэма» А.С.Макаренко, художественно отображающая опыт колонии горьковцев, вышла на иврите на территории Палестины в издательстве Федерации кибуцев в январе 1941 (в серии «Библиотека рабочего»). К началу 1950-х гг. произведено ещё 3 издания этой книги, что говорит о её популярности, влиянии на жизнь кибуцев в 1940—1950 гг. и в последующем.

Опыт колонии им. М. Горького - это не единичное явление, а наиболее яркая часть широкого педагогического движения, включающего различные формы бурно развивающегося в СССР в 1920-е гг. общественного воспитания.

Но лишь в деятельности А.С. Макаренко это движение не только получило замечательное развитие, но и стало широко известно, предстало в великолепном научном и художественном обобщении, вызвало всеобщий интерес и ожесточённые споры.

История кибуцев берёт начало с создания в 1882 г. в Палестине (тогда одной из самых отсталых провинций Оттоманской империи) еврейских сельскохозяйственных поселений «ишув». Основное население провинции — арабское. Выходцы из России и Румынии создавали на этой территории небольшие семейные фермы, используя наёмный труд живущих там арабов.

Поселения создавались на участках земли, купленных Еврейским национальным фондом. Он основан всемирной Сионистской организацией в 1901 г. (создала по предложению Т. Герцля на I сионистском конгрессе в Базеле в 1897 г.).

Еврейский народ на территории Палестины стало представлять Еврейское агентство (Сахнут). На всемирном съезде еврейских организаций (1929 г., участвовали, представители 26 стран) президентом всемирной Сионистской организации избран Х. Вейсман. Сахнут взяло на себя часть функций по субсидированию новых поселений на подмандатной Великобритании части Палестины. Приобретаемые еврейскими организациями участки земли становились собственностью всего еврейского народа.

Поселения, создаваемые первоначально в форме семейных хозяйств, скоро стали экономически неэффективными.

Успешно освоить новые земли, осушить болота, очистить поля от камней можно было только коллективным трудом, артельно.

В 1909 г. немецкий социолог Ф. Оппенхейм предложил такой вариант хозяйствования: совместная обработка земли с использованием семейного приусадебного участка (для личных нужд); общее хозяйство должно давать заработок в соответствии с квалификацией и продуктивностью труда каждого поселенца.

В 1909 г. группа еврейской молодёжи, 10 юношей и 2 девушки, ранее подённые рабочие частного предприятия по осушению болот и каменотесы, по своей просьбе получила участок земли на южном берегу Тивериадского озера для самостоятельного использования. Так выходцы из украинского города Ромны стали основателями принципиально иного типа хозяйства, не семейного, а коллективного, «квуцы». Их квуца «Дгания» взялась за выращивание зерновых.

В 1920-х гг. это коллективное хозяйство стало называться «кибуцем», как и другие объединения подобного рода. В кибуце «Мерхавия» трудилась Г. Меир, будущий премьер-министр Израиля.

В 1904—1914 гг. в Палестину прибыло 35—40 тысяч эмигрантов. Многие бежали из России, спасаясь от реакции, наступившей после революции 1905 г. Перед окончанием Первой мировой войны было 8 сельскохозяйственных коммун, с численностью 250—300 человек.

В Дгании «молодые евреи — выходцы из России (Украины) собирались восстановить связь между евреем и землей, утерянной за 2 тысячи лет до изгнания, и

жить в гармонии с национальными и религиозными традициями. Они мечтали создать «нового еврея» — с социалистическими идеалами, живущего в справедливом обществе, основанном на равенстве и коллективной ответственности»[1].

«Коллективный труд и быт должны были побороть порождённые капитализмом человеческие пороки — стяжательство, индивидуализм, зависть»[2].

Средний возраст членов Дгании — 17,5 лет... Как вспоминал потом один из основателей Дгании, «мы не называли себя социалистами, мы жили социализмом». Они чётко знали, что отвергают — частную собственность и связанную с ней эксплуатацию, буржуазный капиталистический порядок. Позитивные ценности стали результатом их собственного социального творчества [1].

В отличие от классических религиозных доктрин главный компонент мировоззрения кибуцников — культ труда. «Религия труда» — так называется книга А.Д. Гордона, одного из идейных предшественников кибуцкого движения. На формирование его взглядов оказало влияние философское учение А.Н. Толстого.

А.Д. Гордон считал: «Главным фактором, дающим евреям моральное право на землю родины, является возвращение к физическому земледельческому труду, отчуждение от которого продолжалось веками; только так может произойти истинное возрождение народа».

При всём многообразии форм организации труда и жизни в кибуцах их базисные принципы длительное время оставались неизменными: общность имущества кибуца (включая дома и средства производства), ротация при выполнении трудной и грязной работы в вечернее и ночное время, в выходные и субботние дни; общность управления кибуцем, удовлетворение материальных потребностей из общего фонда (наличие продуктового и вещевого складов, общая столовая и прачечная).

Главнейший принцип — полная добровольность пребывания в кибуце; в начале нужно быть кандидатом в его члены. Это прежде всего свободное, добровольное объединение людей, без каких-либо признаков принудительности. Коллектив скрепляют моральные принципы, личная убеждённость, сознательная дисциплина, ответственность.

О. Лебл, член Дгании, в 1920-х гг. «законы квуцы» сформировал в 15 пунктах: общая обязанность трудиться; коллективный труд и самоуправление при распределении рабочего времени; равенство прав в хозяйстве и всей жизни коммуны; отказ от наемного труда; «проникновение членов квуцы в хозяйственные проблемы (объём хозяйства, его отрасли, образование и повышение квалификации)»; равная обязанность всех (мужчин и женщин) работать в домашнем хозяйстве (кухня, стирка, уборка); «коммунистическая жизнь при равных условиях жизни», дисциплина во всех сферах хозяйства и общинной жизни; обязанность каждого отвечать за поступки; внимание и чуткость к членам коллектива; общественное воспитание детей до достижения ими возраста работоспособности; «свобода каждого в том, что касается политики, религии, партии»; «постоянное стремление к увеличению производства, расширение квуцы в рамках её хозяйственных возможностей»; обеспечение по старости и неработоспособности.

Эти моральные принципы — производное от великой идеи полного соединения качеств собственника и работника в одном лице. Тогда труд перестаёт быть «продажным товаром», а человек лишь рабочей силой на «рынке труда».

«При любых вариантах кибуцной организации общественный фонд — это материальная основа уклада жизни кибуца» [2].

Большинство кибуцев — светские организации, даже атеистические, демонстрирующие свою антирелигиозность. При этом в них сохраняются еврейские традиции, особенно связанные с религиозными праздниками.

Основа основ организации труда и всего социального уклада кибуца, его духовно-нравственного состояния — самоуправление, отсутствие «управленцев-профессионалов », административно-правового регулирования. Всё определяется

коллективно принятыми целесообразными решениями, моральными принципами и правилами, мотивами общего блага, сотрудничества, взаимопомощи и ответственности.

Действует «прямая демократия» - непосредственное участие всех членов кибуца в обсуждении принципиальных производственно-хозяйственных вопросов и всех проблем повседневной жизни, быта коллектива и отдельных его членов.

Возникающие проблемы решаются на еженедельных общих собраниях, с использованием ежедневных собраний в столовой после ужина; на них живо обсуждаются и различные общественно-политические вопросы. Столовая — это публичный центр жизни кибуца. Чтобы стать его полноценным членом (после испытательного срока), необходимо иметь 2/3 голосов общего собрания. Членом кибуца может стать лишь еврей по национальности.

В кибуцкой системе управления огромное значение имеют общественные объединения кибуцев, общая инфраструктура.

В СССР и дружественных ему странах кибуцкое движение замалчивалось как во многом не соответствующее принятым в них путям и средствам «социалистического и коммунистического строительства».

«Обычно в кибуцком поселении проживает 500—600 человек, в том числе 300—400 взрослых». После службы в армии примерно лишь 40% молодёжи возвращается в кибуцы. Популярность вузов остаётся высокой. С 1990 г. новые репатрианты предварительно проживают в кибуцах.

Кибуцы в общественной и культурной жизни Израиля играют большую роль, несмотря на скромную долю в общем населении страны. Богатые кибуцы имеют музеи (археологические, краеведческие), хоры, ансамбли, спортклубы. Ассоциация кибуцев содержит филармонический оркестр.

Б.И. Дубсон в книге «Кибуцы» констатирует: «К числу вопросов, вызывающих в кибуцах наиболее ожесточённые споры, относился и советский опыт строительства социализма. Наряду с абсолютной лояльностью к советскому политическому руководству одних кибуцников (во многих кибуцких домах можно было увидеть портреты И. Сталина), другие, особенно те, кому удалось уехать из СССР уже после гражданской войны, относились к советскому опыту критически» [1].

«Д. Бен-Гурион высоко ценил умение большевиков мобилизовать ресурсы для модернизации страны и считал целесообразным использовать их опыт для реализации целей сионизма» [1].

Фундаментально общее для колонии им. М. Горького (СССР, 1920-1928 гг.) и израильского кибуца — идея трудовой общины, коммуны, «общего дома» для взрослых и детей.

Это свободное объединение, в котором зарождаются и действуют принципиально новые социальные отношения, кардинально изменяется положение человека, детей и молодёжи в обществе, формируется новое. отношение людей к миру, труду, другим людям, новое отношение человека к самому себе.

Как и кибуцы, колония им. М. Горького начиналась «с нуля», создавала своё трудовое хозяйство, более или менее благополучные условия жизни, быта и воспитания в основном собственными силами сотрудников и детей.

Будучи бюджетной организацией, колония получала небольшие финансовые средства, продукты и материалы от местных властей.

Примечательно, что и в кибуцах, и в колонии горьковцев (коммуне дзержинцев) ясно просматриваются характерные черты коллектива как нового социально-культурного явления, его специфические признаки, обозначенные А.С. Макаренко. Главные из них — это «свободное объединение людей», «право отдельной личности добровольно состоять в коллективе» и «суверенитет коллектива» по отношению к личности, обязанность подчиняться коллективу [3].

Другой главный признак: утверждение «равенства людей в человечестве»; коллектив «в своём действии не противополагается всякому другому коллективу». При этом «суверенитет коллектива» проявляется в отношении к социальной среде.

Воспитанники, подростки и молодёжь — члены одного единого коллектива педагогического учреждения, персонала, всех взрослых и воспитанников вместе. И это — при несомненном понимании их природного неравенства, возрастных особенностей, неравенства физического и общего развития, жизненного опыта.

Общее собрание — главный орган самоуправления единого трудового коллектива, с участием всех воспитанников и заинтересованных сотрудников. Собрания производятся практически ежедневно или не менее одного раза в неделю, в конце дня, после сдачи командирами «рапортов» по итогам дня; режим собрания строго регламентируется: выступления — несколько минут. Обсуждению подлежат назревшие вопросы труда, жизни и быта коллектива, некоторые важные события.

Как и в кибуцах, в макаренковской колонии-коммуне действуют основополагающие принципы: свободный труд, равенство в труде, всеобщность труда, управления им. Производительный труд обязателен для всех воспитанников, в том числе и занятых в самоуправлении. От производительного труда освобождаются лишь секретарь совета командиров и «главное дежурство» — на время их полномочий в течение дня. Командир отряда работает вместе с отрядом. Сотрудники колонии-коммуны, в том числе А.С. Макаренко, — это служащие, обеспечивающие производство и быт коллектива.

«Культ труда» господствует в духовно-нравственной атмосфере макаренковского коллектива. «И водрузим над Землею Красное знамя труда» — призывно звучали слова на входной арке полтавской, затем харьковской (Куряжской) колонии горьковцев. И на обратной, внутренней стороне арки: лаконичное «Есть!». Введены праздники: День выпечки хлеба из нового урожая, праздник «Первого снопа», праздником был день молотьбы.

Трудовое коллективное хозяйствование — первооснова всего уклада жизни колонии горьковцев и коммуны дзержинцев. Хозяйственность А.С. Макаренко определяет как «способность организовать работу свою и чужую, руководить ею и оценивать её результаты» [3, часть 2, с. 35]. Ранее это определялось как «труд-забота», в отличие от «труда-работы» [3, часть 1, с. 41], то есть деятельности типа «батрачества» на хозяина-предпринимателя.

Секрет трудовых и педагогических успехов общины А.С. Макаренко раскрывается в «параллельном» действии двух факторов: «развитие хозяйства и внедрение коллектива в управление этим хозяйством» [3, часть 3, с. 193]. Остановка в развитии производства и хозяйствования — это «форма смерти свободного рабочего коллектива» [3, часть 3, с. 269].

Развивать нужно, прежде всего, производство, оно должно быть «образцовым» (выражение А.С. Макаренко), инновационным, как сейчас говорят.

Выдающийся вклад А.С. Макаренко в социальную педагогику состоит в том, что он отказывается от демократии «представительной» (передающей функции управления на длительный срок отдельным лицам и органам в результате выборов). Он применяет «прямую», «низовую» демократию (когда управление реализуется всеми членами коллектива, в форме переданных коллективом кому-то на небольшой срок полномочий, без «командной касты»).

На первый план в организационной структуре коллектива, в управлении им выдвигается «низовое» звено. Это «первичный коллектив», объединение из 8 — 15 человек, которое практически уже не может делиться, но и не может обособляться как «малая группа». Он формируется на основе стабильно работающего производственного участка.

Это трудовые «отряды», во главе с «командирами» образуют (с участием администрации) «совет командиров» — центральный распорядительный оперативно действующий орган самоуправления.

Действующий на основе представительства постоянных трудовых отрядов совет командиров превратился в «высший хозяйственный орган колонии»; «многие части хозяйства и администрации перешли в руки воспитанников» [3, часть 1, с. 100].

Распоряжаясь в сфере производительного труда, материального обеспечения и потребления совет командиров начал полновластно обслуживать все направления жизнедеятельности колонии, затем коммуны (кроме учебной, школьной работы, ею ведал педсовет).

В общем итоге: в колонии-коммуне практически устраняется административноправовое регулирование. Как говорил летом 1928 г. С. Ковпаненко, воспитатель колонии им. М. Горького, «глубокие товарищеские отношения между воспитанником, воспитателем, завколом и служащим вполне уничтожают само понятие администрации. Каждый горьковец — хозяин колонии — вот главный стержень горьковского самоуправления» [3, часть 1, с. 284]. Это не механический и небольшой «придаток» к администрации, как при детском самоуправлении.

В макаренковской практике при едином главном органе «параллельного действия» администрации и самоуправления жизнь и деятельность коллектива целиком регулируется духовно-нравственными отношениями. Управление реализуется на основе идей равенства, товарищества, свободы, ответственности, справедливости. Действуют мотивы личной убеждённости, чести и достоинства, совести, стыда и позора.

Начинает действовать принцип: «не человек для производства, а производство для человека», его всестороннего и гармоничного развития. И соответственно: «не жить, чтобы трудиться, а трудиться, чтобы жить».

Духовно-нравственная мотивация в макаренковском коллективе вытекает из общей заинтересованности в материальном благополучии. Оно достигается коллективным трудом и «порядком распределения коммунальных доходов», соблюдением равенства не только в труде и управлении им, но и в потреблении. Все потребности членов коллектива «удовлетворяются по коммунальному плану».

Израильский кибуц и трудовая колония им. М. Горького имеют общие черты социально-экономического и культурного объединения социалистичекикоммунистического типа. Их история кровно связана с происходящими в их странах преобразованиями в сфере производства, идеологии и политики, культуры, духовнонравственного развития общества.

Педагогическая направленность жизнедеятельности кибуца вполне тождественна макаренковской концепции педагогики, её проявлениям в трудовой колонии им. М. Горького. Главное основание коллектива кибуца и колонии горьковцев — принцип равенства и прежде всего в труде, принцип всеобщности труда в коллективе, отношение к труду как высшей ценности, верховенство права на труд, защита личности в коллективе, «суверенитет» коллектива в его отношении к обществу и к отдельной личности.

Самоуправление в трудовой общине начинается с руководства производственно-хозяйственной деятельностью и распределения создаваемых ею материальных и культурных благ.

Общее в связи кибуца и колонии им. М. Горького с жизнью общества — их умение не только активно использовать и создавать благоприятные условия для своего существования и развития в социальной среде, но и умение преодолевать неблагоприятные факторы в области экономики, социального управления, юридических и административных прав, финансовой регламентации.

Необычайная «живучесть» кибуца и макаренковской колонии-коммуны объясняется пониманием, что в общественном развитии есть то, что глубоко совпадает с их идеями, потребностями, и то, что вступает в противоречие с ними.

Кибуц и колония им. М. Горького в социально-экономической и педагогической направленности их деятельности устремлены в будущее общества и человека, опираясь на свои несомненные успехи в сегодняшней социально-гуманитарной практике, в удовлетворении личных, материальных и моральных, духовых потребностей каждого члена коллектива.

При всём этом необходимо видеть и главное различие: кибуц — это специфическая социально-производственная организация с элементами принципиально новой педагогики, а колония им. М. Горького — это новаторское педагогическое учреждение, основанное на прогрессивных принципах трудового хозяйствования.

(Авторы: Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю., Аксенов С.И., Неживенко В.Н., Опубликовано: Народное образование. – М., 2016, № 2 – 3, с. 61 – 67. Полный текст – в отдельном издании, под указанном выше названием, Н.Новгород, Издательство Нижегородского гос. пед. ун-та им. Козьмы Минина, 2015 г.-97с.).

Литература

1. Дубсон Б.Н. Кибуцы. Путешествие в светлое будущее и обратно. – М., Крафт, 2008. – 336 с.

2. Костинский Г.Д. Кибуцы – дальний родственник колхозов // Первое сентября. 2002 - № 2

3. Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Части 1-8 / Сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксенов. - Н.Новгород, 2007 - 2015

И. Адизес и А. Макаренко: развитие – основа успеха организации

«Лично мне в жизни пригодились две книги... Одну книгу я прочёл в 10-летнем возрасте, это книга Гайдара «Тимур и его команда».

А сегодня книга, которую я знаю до сих пор почти наизусть, — эта книга А.С. Макаренко «Педагогическая поэма». Эти две книги сделали меня тем, кто я есть», — так сказал И. Адизес в своём выступлении на пленарном заседании Международного инвестиционного форума в г. Сочи 23 сентября 2012 года [1].

В одном из интервью на вопрос о любимой книге он ответил: «Это «Педагогическая поэма». Я читал её на сербском языке» [2].

О значении указанных двух книг в своей жизни И. Адизес сказал, обращаясь к достижениям русской культуры: «... Большая, прекрасная русская душа, ведь она у вас есть, она внесла столько всего в мировое наследие — Пушкин, Толстой...» [1].

Ицхак Кальдерон Адизес - один из ведущих мировых экспертов в области повышения эффективности ведения бизнеса и правительственной деятельности путём внесения кардинальных изменений, которые не порождают неразберихи и деструктивных конфликтов, препятствующих изменениям.

И. Адизес за последние 35 лет работал со многими ведущими коммерческими организациями мира, являлся консультантом по политическим вопросам при правительстве глав многих государств. Он - основатель и генеральный директор Института Адизеса и организации, специализирующейся на управлении изменениями, имеющей филиалы в США и в 14 других странах... Читает лекции в более чем 50 странах...

«Я не думаю, что у вас есть недостаток талантов; огромное количество школ, программа MBA. Они растут тут как грибы после дождя. У вас нет нужды в новых талантливых людях, у вас и так хорошие люди. Меня очень впечатляют российские деловые люди. Они интеллигентны, умные, хорошо образованы, очень хитры. Они ведут себя адекватно. Проблема в другом...

У вас есть таланты, но вы ими не пользуетесь. У вас нет культуры, которая позволила бы людям внести тот вклад, который они могут внести. Посмотрите, что происходит с российской эмиграцией в Израиле. Это взрыв. А почему нет этого взрыва здесь?»

Объяснять ситуацию И. Адизес начал на примере: «В России я читал лекцию в Академии при Президенте РФ. Слушала сотня высокопоставленных руководителей. Я не пользовался презентацией в Power Point, использовал прозрачные слайды, писал на эпидиаскопе, и на экране выводилось то, что я писал.

К сожалению, эпидиаскоп поставили слишком высоко, и не намеренно я сдвинул его вправо, то есть слайд я повернул на 90 , и вся аудитория смотрела на эти слайды повернув голову набок. Я читал лекцию, потом повернулся к экрану и увидел, что происходит.

Но почему никто не сказал, никто не поднял руку: «Профессор, у Вас неправильно поставлен эпидиаскоп или не так положены слайды». В Соединённых Штатах мне обязательно бы указали: «Профессор Адизес, все не так». В Израиле мне через 30 секунд записали бы: «Идиот, что ты там такое натворил!».

В России полное молчание, ни слова. Я немало работал с коллегами и замечаю опять нечто. Когда руководитель компании приходят на совещание, что происходит? Все замолкают, никто не говорит.

Какой мой вывод? Это культура, в которой слишком много страха. Я не говорю о том, чтобы не подчиняться властям, нет. Речь идёт о страхе, люди боятся говорить, боятся вступить в конфронтацию с властью. Если я немного увлекаюсь, прошу простить. Я говорю от сердца...

В медицине бывает, что врач говорит вам: «Прислушайтесь к своему организму, к своему телу». И я думаю, что русская управленческая культура состоит в том, что голова отделена от тела. Мы не слушаем тело, не прислушиваемся к нему.

Могу я дать совет высокопоставленным руководителям, которые здесь сидят? Слушайте своё тело. Чем выше вы поднимаетесь по иерархии, тем меньше у вас должен быть рот и тем больше должны быть уши.

К сожалению, мой опыт говорит о противоположном: есть большой рот и маленькие уши. В этом проблема.

И что надо делать России? У меня есть идея, которой я хочу с вами поделиться. На самом деле именно поэтому я сюда и приехал.

Я считаю, что не только коммунизм и социализм обанкротились. На наших глазах происходит банкротство капитализма. Он больше не работает. Ищут решений. Может быть государственный капитализм, государственные «интервенции». Или: меньше государственного вмешательства. А на самом деле никто ничего не знает. «Невидимая рука рынка» уже не работает. Мир становится слишком сложен, мир ищет какого-то третьего пути.

Я считаю, что в России есть для этого потенциал. Вы освободились от коммунистической системы, но только не надо выплескивать ребёнка вместе с грязной водой. В коммунизме тоже были хорошие вещи. И великолепные цели. Плохо реализовывались они, но цели были высоки. А если вы берёте лучшее от капитализма, не копируйте Америку, возьмите только лучшее.

В России есть душа. Возьмите лучшее там. Здесь создавайте своё.

И неправда, что существует какое-то настоящее время. В английском языке есть так называемое настоящее продолженное. Настоящее время — это только доля секунды между прошлым и будущим.

Для некоторых настоящее — это продолжение прошлого. Для других это начало будущего. Смотрите через ветровое стекло, не смотрите в зеркала заднего вида. Пора двигаться вперёд» [1].

В книге И.Адизеса «Политические озарения» отражается его опыт консультирования органов власти ведущих держав. Автор «исследует социальные и политические проблемы современного общества, проводит глобальный анализ существующего положения вещей и определяет основы будущего мироустройства. Среди героев книги — наиболее видные фигуры мировой политики, в том числе Владимир

Путин, Михаил Горбачев, Слободан Милошевич, Винсенте Фокс и многие другие» [4].

«**Методология И. Адизеса** основана на базовом принципе: организации как живые организмы имеют свой жизненный цикл и демонстрируют предсказуемые и повторяющиеся поведенческие проявления в процессе роста и старения. На каждом этапе организационного развития компанию ожидает специфический набор проблем...

Для здорового перехода от этапа к этапу необходимы фундаментальные изменения в стиле руководства и способах управления, выработанные при активном участии и поддержке управленческой команды компании, которой предстоит их осуществлять» [3].

«**Программа И. Адизеса** состоит из 11 фаз, каждая из которых сфокусирована на одном из аспектов деятельности организации... Состав, последовательность, глубина и длительность каждой фазы выбираются исходя из потребностей конкретного клиента» [5].

Последовательность фаз: от «синергетической организационной диагностики», «решения проблем в составе кросс - функциональных команд», «создания структуры управления изменениями», «разработки видения, миссии, ценностей», «структурной реорганизации», «пересмотра системы отчётности» — к «передаче технологии И. Адизеса клиенту» (обучение специально отобранных сотрудников клиента), «стратегической фокусировке ресурсов», «созданию системной структуры» и «разработке синергетической системы вознаграждения».

В интервью, данном Т. Кузнецовой, сотруднику журнала «Управление компанией» (Украина), И. Адизес популярно изложил суть методологии и способов управления, ведущих к успеху.

Прежде всего «Должно быть ощущение необходимости перемен, понимание того, что систему можно улучшить. Люди должны осознать: то, что имеется — недостаточно хорошо... Нужно сформировать потребность изменений. Как правило, люди противятся переменам... поэтому, по моей методологии, мы проводим диагностику: нужно ли нам изменяться... есть проблемы, недоразумения... Нам нужно изменяться. Это должно стать очевидным для всех!...

Следующий шаг — создать миссию. То есть чётко определить, куда идёт компания. Как выглядит её будущее? Какие есть возможности?... Люди видят много возможностей для себя — тогда можно начинать реорганизацию» [2].

Как создать атмосферу воодушевление изменениями? — «Она создаётся восприятием: эти изменения — не проблемы, а неиспользованные возможности. Энергичные действия в сторону необходимых изменений создают воодушевление.

Если некоторые сотрудники никак не хотят изменяться, что делать? — Они не имеют веры, не доверяют себе. Необходимо проведение дискуссий целой группой. И если обнаруживается, что несколько человек бояться, но большая часть коллектива воодушевлена, им придётся плыть по течению...

Мы работаем в «открытом пространстве»... Нужно вести дискуссию, задействовать огромное число людей. Тогда гораздо проще внедрять изменения» [2].

Условия успеха. «Всё зависит не от размеров компании, не от страны, не от сферы деятельности или формы собственности, а только от одного фактора — силы личности руководителя. Если он не боится, если он воодушевлён, всё будет в порядке. Если же он говорит: «А где формула? Скажите мне, что делать», — ничего не получится...

Руководитель не может быть идеальным, но каждый может самосовершенствоваться. Не пытайтесь быть богом... Не отвергать людей с противоположной точкой зрения, учиться у всех пребывать в согласии с самим собой... Быть в ладу с окружающими людьми... Не быть идеальным, а быть лучше — как человек, как член команды. Значит — будут лучше решения...

Хороший руководитель должен быть гибким. У него есть наиболее близкий ему стиль, например, Е предприниматель.

Но когда возникает необходимость в качествах, присущих А (администратору), он должен быть А и т.д. В данный момент ему нужно ослаблять свой Е и усиливать А. При этом он испытывает дискомфорт. Но именно это и есть развитие... Это нужно для успеха» [2].

«... Если я стою на месте, на двух ногах, то я очень устойчив в краткосрочной перспективе. Но если я буду стоять очень долго, я устану, всё тело будет болеть... В процессе ходьбы вы время от времени теряете баланс (положение), но затем находите его, затем снова теряете... Дискомфортное в краткосрочной перспективе может быть полезным и в долгосрочной. Это и есть движение вперёд. Руководитель вынужден постоянно пребывать в состоянии дискомфорта...

Мы должны хорошо изучить себя, свои сильные и слабые стороны... Для самопознания нужны двое. Я могу познать себя через ваши глаза, но никак через свои собственные. Чтобы знать, где я нахожусь, мне нужна обратная связь» [2].

О чём вы мечтали в детстве? — «О том, чем живу сегодня. Ребёнком мечтал писать книги, учить людей. И сейчас я, фактически не занимаясь консалтингом, я учу людей, как использовать мои инструменты.

Ещё я мечтал много путешествовать, посмотреть мир. Я постоянно реализую эту мечту.

Если вы спросите, что бы я изменил в своей жизни, если бы смог прожить её сначала, я отвечу, что не стал бы ничего менять».

Как вы оцениваете свой успех? Вы добились в жизни того, чего хотели? — «Мой ответ будет двойственным: я думаю, что и преуспел, и проиграл одновременно. С профессиональной точки зрения я более чем преуспел. Но за такой успех мне пришлось заплатить большую цену. Я был в 53 странах, я консультировал многие компании, но не видел как росли мои дети» [2].

В чём состоит Ваша жизненная миссия? — Я много думал об этом. Последнее время больше чем когда-либо. В молодости я хотел изменить мир.

Сейчас, когда мне 70 лет, я пришёл к выводу: я не смогу ничего изменить. И теперь моя жизненная миссия — просто делать то, что я делаю, как можно лучше...».

Можно ли с помощью Вашей философии достичь счастья? Как применить Вашу теорию не только к бизнесу, но и в жизни? — «Существует масса возможностей и способов применения бизнес-подходов в частной жизни...

Если у человека проблемы с женой, он считает, что она должна измениться. Типичная ошибка... Чтобы её исправить, нужно первым делом спросить себя: «А что я должен изменить в себе?»... Если вы изменитесь — изменятся и конкуренты, и клиенты, и ваша жена, и соседи... Это одно из применений теории И. Адизеса в личной жизни...

В конфликтной ситуации никогда не перебивайте собеседника... Вы должны уметь прикусывать свой язык... Или просто запишите то, что хотите сообщить, и молчите до тех пор, пока собеседник не выговорится... Разве можно представить себе пилотов, говорящих одновременно?...

В общении с детьми. Серьёзная проблема детей в том, что мы их не уважаем и поэтому постоянно перебиваем, а они не имеют права перебивать нас... Должна быть цивилизованная дискуссия с ребёнком [2].

Есть ли у Вас любимые афоризмы? — «Есть, и очень много — приблизительно на каждый день в году. К примеру: вы не знаете, чего вы не знаете, пока не узнаете это... Только зная, чего вы не знаете, вы можете знать, что вы знаете. Это очень сложно: признать своё невежество. И чем больше я знаю, тем больше я понимаю, что многого я не знаю... И, честно говоря, с каждым годом я чувствую себя всё большим невеждой».

Что для вас означают деньги? — «Когда у вас есть деньги, у вас есть выбор: делать что-то или нет. Предназначение денег только в том, чтобы давать выбор, свободу. И ничего более...

Деньги вообще не могут сделать кого-то счастливым, зато они могут сделать человека несчастным... Но если у вас их нет, это сделает вас несчастным».

Сравнительный анализ идей А.С. Макаренко и И. Адизеса. Что из всего сказанного здесь ранее об идеях и практике И. Адизеса может быть соотнесено с «Педагогической поэмой», этим художественным манифестом **Антона Семёновича Макаренко**, классика педагогики, социального педагога-реформатора?

Какие его идеи и практические решения стали руководящими, получили разработку в применении к бизнесу, теории и практики менеджмента? Как в результате изменяется, обогащается представление о существе макаренковского наследия? В каких новых аспектах оно может исследоваться и использоваться далее?

Решение этих вопросов органически включается в зародившееся в 1960-х годах направление освоения и разработки наследие А.С. Макаренко — ***использование его творчества в других (кроме педагогики) областях социально-гуманитарной мысли и практики и исследование его в связи с современным общественным развитием*** [6, с. 21—24, 108—112, 372, 376, 378; 7, с. 8, 9].

В русле этого направления неизмеримо повышается общественно-педагогическая значимость трудов и опыта А.С. Макаренко. На качественно новый уровень поднимается их теоретическое освоение и практическое использование.

Становится ясно, как далеко выходит А.С. Макаренко за традиционные рамки «детской» и «школьной» педагогики. Он максимально расширяет предмет педагогики и её задачи. Его научные и практические достижения прочно связаны с развитием других социально-гуманитарных наук. Всё более очевидно, что новая педагогика может и должна стать важным фактором повышения эффективности многих направлений обществознания и человековедения.

Определиться в макаренковедческом значении трудов И. Адизеса можно по его ***ключевым понятиям***. Главное из них — «управление изменениями». Другие: культура управления, эффективность, цели, методология и программа, способы действий; успех, организация как живой организм, деструктивный конфликт, циклы развития (фазы), трансформация, формы и функции, кризис и новые возможности развития, управленческая команда и руководитель, личностный рост.

Из макаренковской терминологии явно усматриваются: диалектичность, развитие, перспективы, стиль управления, организация и её структура, целесообразность и результативность, воодушевление и вера, оптимизм, уважение и требовательность, отношение к жизни и её качество, уполномоченность и ответственность в управлении, коллектив, познание и действие, поведение и знание.

Всё это, можно сказать, коренится в имеющих основополагающее значение двух фрагментах «**Педагогической поэмы**».

«Всё дело в остановке. Не может быть допущена остановка в жизни коллектива...

Какая чудесная, захватывающая диалектика! Свободный рабочий коллектив не способен стоять на месте. Всемирный закон всеобщего развития только теперь начинает показывать свои настоящие силы. Форма бытия свободного человеческого коллектива — движение вперёд. Форма смерти — остановка [10, ч. 3, с. 269]. Далее А.С. Макаренко замечает: Это «моё великое открытие». Оно стало признаваться нашими макаренковедами лишь в последнее время. В западных странах его по достоинству оценили гораздо ранее, в аспекте макаренковской системы «перспективных линий».

Второй фрагмент: «Человек не может жить на свете, если у него нет впереди ничего радостного. Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость. В педагогической технике эта завтрашняя радость является одним из важ-

нейших объектов работы... Нужно настойчиво претворять простые виды радости в более сложные и человечески значительные...

Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, — это сила и красота. И то и другое определяется в человеке исключительно по типу его отношения к перспективе. Человек, определяющий своё поведение самой близкой перспективой, ... есть человек самый слабый. Если он удовлетворяется перспективой только своей собственной, хотя бы и далёкой, он может представляться сильным, но не вызывает у нас ощущение красоты личности и её настоящие ценности.

Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека личными, тем человек красивее и выше» [10, ч.4, с. 101].

Постановка перспективы в центр характеристики человеческой личности и процесса её развития и воспитания — капитальное открытие А.С. Макаренко. Его ещё предстоит масштабно осваивать и развивать в психологии, социологии, этике, педагогике.

В макаренковском произведении 1938 г. отмечено то, что так ярко представлено и в творчестве И. Адизеса: «Секрет и прелесть нашей жизни не в отсутствии конфликта, а в нашей готовности и умении его, разрешать» [10, ч. 7, с. 109].

И проницательное соображение: При изображении в художественной литературе «собственно социалистических явлений необходимо пересмотреть своё отношение к конфликту... Конфликт становится более тонким, более глубоким, более нежным, он отражает более сокровенные глубины человеческой личности.

Это «очеловечивание» конфликта заметно у Чехова... Разрешение этих очеловеченных конфликтов у него пессимистическое, что вполне соответствует его эпохе» [там же, с. 201].

И. Адизес обратился к фундаментальному в макаренковском наследии — к идее всеобъемлющего **развития, к диалектическому** методу педагогического мышления и действия, то есть к «душе» педагогики А.С. Макаренко, её **методологии.**

Диалектический метод в макаренковских высказываниях объясняется, как требование видеть педагогические явление прежде всего в их постоянном развитии, закономерном изменении. **Противоречия** — источник развития, главная категория диалектики. Как говорится: «развитие — синоним жизни».

Уклонение от противоречий в объяснении педагогических явлений и процессов, игнорирование факта их развития при построении и характеристике педагогической деятельности, её оценка с позиций лишь «статус-кво» — главное в умозрительно-декларативной, социально-приспособленческой педагогике. Это антипод социальной педагогики А.С. Макаренко, «опережающей общество» в его экономическом и духовно-нравственном, культурном развитии.

Её неприятие, критика разного рода, произвольные толкования и искажения основываются на метафизическом, спекулятивном и догматическом мышлении. А.С. Макаренко хорошо показал действие такого методологического подхода в «Замечаниях к акту обследования коммуны Ф.Э. Дзержинского» весной 1934 г. [10, ч. 3, с. 214, 217-220].

Этот подход действует и в макаренковедении, в корне подрывая выявление и использование сущностных сил и огромных потенциалов макаренковского наследия.

После ознакомления с работами И. Адизеса возникает новый, очень важный вывод: педагогике А.С. Макаренко противостоит «**бесконфликтная**» педагогика, в ней происходит «омертвление живых педагогических тканей», как говорил А.С. Макаренко. Это действие в педагогике консервативных и регрессивность сил.

У И. Адизеса и А. Макаренко диалектический метод выступает и как характеристика социальных действий в их многообразных **связях**, в совокупности многих явлений и процессов. Ведущими являются понятия: система, организация, структура, иерархия, коллектив как единство многообразия, коллектив — «команда» и др.

Проблему соотношения **системы (теории) и метода** И. Адизес и А. Макаренко решают, несомненно, на основе первенства метода, идеи развития, управления изменениями.

Бедой макаренковедения является установка на приоритет системы, в её неком «идеальном» состоянии. До недавнего времени превалировала характеристика: «педагогическая система А.С. Макаренко». Её необходимо лишь охарактеризовать в наиболее развитом состоянии и «внедрять» в современную педагогическую практику «один к одному», как выражался в 1970—1980 гг. В.В. Кумарин, авторитетный советский макаренковед.

Это резко противоречит духу и букве наследия А.С. Макаренко. У него ясно сказано: система жизнедеятельности «воспитательного коллектива» вырабатывается им самим в длительном опыте. Это живая, развивающаяся система, продукт социального творчества членов коллектива, детей и взрослых.

«Внедрять» систему «в готовом виде», вне связи с тем, в какой среде она оказывается, с использованием чужеродных ей элементов, говорит А.С. Макаренко, — значит превращать её в «больную систему» [10, ч. 3, с.55]. Такая «пересадка» макаренковской системы порождает формализм и насильственность. И заключение: система плохая, устаревшая, «авторитарная» и т.д.

Требовалось, правда, «творческое» использование макаренковских идей и опыта. Фактически это значило: механическое приспособление их к существующим условиям, официально действующим педагогическим принципам и средствам. А то, что в наследии А.С. Макаренко не соответствовало им, объявлялось незначительным и «устаревшим».

Всё сказанное не противоречит тому, что в макаренковской системе есть важные открытия, «организационные находки», теоретические и практические решения, которые можно и необходимо использовать в новом опыте как нечто «готовое». Важно при этом не забывать о первостепенном — о творческом методе А.С. Макаренко. К совершенству его системы можно подойти лишь со временем, трудным путём самостоятельного развития коллектива.

И он не считал свою систему «завершённой». Он, наверное, не согласился бы с действием здесь «идеала», так как это противоречит его приоритетной установке на бесконечное развитие педагогических явлений и процессов в неуклонно развивающейся социальной среде. И бесконечно многообразны условия, в которых конкретному коллективу предстоит формироваться, действовать и развиваться.

Здесь уместно далее обратиться к тому, как в творчестве А.С. Макаренко используются **индуктивный и дедуктивные методы** педагогического мышления и действия в становлении и развитии педагогической системы. Коренной порок педагогики он видел в том, что её методология, «педагогическая логика» базируется по существу лишь на дедукции. Это значит, что господствует «дедуктивное предсказание»: такие-то теоретические, социально-гуманитарные положения принимаются на веру как руководящие, исходные в определении педагогических средств, без проверки на опыте [10, ч. 4, с. 234, 243—244 и ч. 3, с. 53—54].

Это принципиально «не опытная» методология. Априори определяемые идеи, средства, технологии предлагаются к безусловному исполнению. Это, конечно, не наука, так как игнорируется опыт, эксперимент, доказательность как основа основ научного знания.

Если исходным становится этическое положение, содержание которого якобы не вызывает никаких сомнений, то действует «этический фетишизм», слепая вера, а не научное знание.

А.С. Макаренко разрабатывает педагогику, как подлинную, **опытно-экспериментальную** науку, которая может приближаться к точности естественнонаучного знания, пользоваться апробированными и результативными технологиями. Это воспринималось (и продолжает восприниматься) даже как кощунство, «механи-

стический подход» к многообразию педагогических явлений, посягательство на неповторимость каждой отдельной личности.

Основание для такой характеристики — упорно отстаиваемый взгляд на педагогику преимущественно как на «искусство», где не может быть «формул», главенствует якобы лишь талант, нет особой надобности в мастерстве и технической выучке. Да и наука понимается с игнорированием того факта, что применение научных «формул» к конкретным делам происходит творчески, требует индивидуализации и свойственного искусству воодушевления.

А.С. Макаренко в русле «диалектической логики» объясняет, как соотносятся индуктивный и дедуктивный методы в науке о воспитании, при образовании и развитии педагогической системы. «Как и во всякой другой области, опыт в педагогике возникает из дедуктивных положений, и они имеют значение далеко за пределами первого момента опыта, остаются направляющими началами на всём его протяжении. Дедуктивные положения возникают, прежде всего, как отражение общей задачи» [10, ч. 3, с. 56]. В дедуктивных положениях отражаются специфические педагогические цели и средства. В советских условиях это прежде всего «положения о суверенитете коллектива и деятельности коллектива в обществе».

«Отстаивая права цельного (т.е. системного — А.Ф.) опыта, — говорит А.С. Макаренко, — мы ни одной минуты не истратим на отстаивание исключительных прав индукции». В опыте происходит формирование системы, в единстве её теоретических предпосылок и практических средств. Образуется «органически цельная система».

«Длительный опыт цельной системы должен сам в себе заключать постоянный анализ» В ходе протекания и углубления опыта происходит «критика системы и её исправление», вносятся «прибавления и купюры», устраняются ошибки. «Нужно очень осторожное, сугубо диалектическое отношение к ошибкам, потому что очень часто то, что считается ошибкой, при более терпеливой проверке оказывается полезным фактором».

Проверка всей системы требует «довольно большого отрезка времени». Недопустимо нарушающее цельность системы вмешательство, произвольное введение в неё инородных, «дедуцированных» идей и средств. Исправления и дополнения должны основываться на «индуктивной логике», учитывая конкретные данные опыта.

«Основанием для советского педагогического закона должна стать индукция цельного опыта. Только цельный опыт, проверенный и в самом его протекании, и в результатах, только сравнение цельных комплексов опыта может предоставить нам данные для выбора и решения» [10, ч. 3, с. 55-56].

Творчество А.С. Макаренко и И. Адизеса глубоко родственно, так как отрицает и абстрактное теоретизирование, и навязывание «вполне готовых» практических решений. Взаимопроникновение теории и практики — яркая особенность их деятельности. В ней господствует деловой подход, стремление поставить науку на службу социальной практике, творческому решению вполне конкретных задач.

И. Адизес:

Люди должны осознать: то, что имеется - недостаточно хорошо... Нужно сформировать потребность изменений... Энергичные действия в сторону необходимых изменений создают воодушевление.

Дискомфортное в краткосрочной перспективе может быть полезным и в долгосрочной.

Это и есть движение вперёд.

Литература

1. Адизес И. Выступление на пленарном заседании Международного форума в г. Сочи, 23 сентября 2012 г. (запись синхронного перевода на рус. яз.).

2. Кузнецова Т. Теории и мечты Ицхака Адизеса // Управление компанией. — 2008. — № 5 (Украина), http://www.magagement.com.ua/ interviw/intl60.htme
3. http:/russia.adizes.com/ob-institute-adizesa
4. Интернет-ресурс к 9 книгам http: //russia.adizes.com/biblioteka/knigi/
5. http:/russia.adizes.com/professionslnye-uslugi/ 11-fur-programmy-adizesa /
6. Фролов АА. А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия. 1939—2005 гг., критический анализ — Н. Новгород, 2006.
7. Фролов А.А. «Человек в системе производства» у Ф. Фукуямы и А. Макаренко // Вопросы экономики — М., 2010, № 8.
8. Фролов А.А. А. Макаренко и П. Фрейри (Бразилия): сравнение основ их социально-педагогической деятельности// Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия. Матер. конф. — М., 2011.
9. Фролов А.А. А. Макаренко и Л.И. Петражицкий: право и нравственность (педагогический аспект) // Юбилейные чтения... Сб. науч. трудов. — Самара, 2008.
10. Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Части 1—7 / сост., ком- мент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксенов — Н. Новгород, 2007—2014
11. Иваненко О. Страницы воспоминаний о великом друге// А.С. Макаренко. Педагогическая поэма. — Киев, 1969 (укр. яз.)
12. Макаренко А.С. Педагогические сочинения. В 8т./сост. Фролов А.А. (по всем томам), Л.Ю. Гордин, М.Д. Виноградова (по отд. томам). — М,, 1983-1986.
13. Илалтдинова Е.Ю. Методология менеджмента И. Адизеса и А. Макаренко: преемственность и развитие // Народное образование. — 2013. — № 2.
14. Кучерчук В., Чумаченко С., Чумаченко В. Гармоничные отношения в команде //ж. «Бизнес Энтропия» http://bizentropy.biz/articles/114- garmonichnye-otnosheniya-v-komande.html

(Авторы: Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю., Аксенов С.И. Опубликовано. Народное образование, - М., 2016, № 1, с. 7 – 17. Полный текст – в отдельном издании, под указанном выше названием, Н. Новгород, Изд-во Нижегородского гос. Пед. Ун-та им. К. Минина, 2014 г.-22с.)

Педагогика А.С. Макаренко в успехах советского спорта 1948 – 1980-х годов

Лишь недавно внимание исследователей привлек факт эффективного использования наследия А.С. Макаренко в спорте, советском хоккее в 1948 — 1980-х годах. Об этом обстоятельно повествуется в книгах А.В. Тарасова, изданных в 1960 - 1980-х годах. А.В. Тарасов (1915- 1995) - один из основоположников отечественной школы хоккея, заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР (1957), кандидат педагогических наук. Был нападающим хоккейных команд ВВС Московского военного округа и ЦДКА (1947-1953); чемпион СССР в 1948 - 1950-х гг.

Как и А.С. Макаренко, А.В. Тарасов — выходец из рабочей среды. После окончания семилетки и курсов ФЗУ он в начале 1930-х гг. стал рабочим инструментального цеха авиационного завода. «К нам, подросткам, отношение рабочих было самое душевное, как к родным сыновьям. Они заботливо учили нас не только профессии слесаря-инструментальщика, но и учили главному — умело трудиться, по совести жить, дорожить временем, они требовали сознательности, дисциплины и честности. Это были настоящие умельцы, любящие труд, свою профессию» [5, с. 174].

Следовательно, А.В. Тарасов в возрасте подростка - родственник коммунаров-дзержинцев, изображенных А.С. Макаренко в «Марше 30 года».

А.В. Тарасову не было еще 20 лет, когда он начал увлеченно играть в футбол и хоккей, заочно учился в школе тренеров. Затем стал тренером своей заводской команды (где многие были старше его).

В 1948 - 1972 гг. (с перерывом) он тренер сборной хоккейной команды СССР и команды ЦСКА. Автор книг: Тактика хоккея (1963), Совершеннолетие. Хоккей. Хоккеисты. 3-е изд. (1970), Хоккей грядущего. 2-е изд. (1971), Путь к себе (1974), Хоккей без тайн (1988).

В самом начале книги «Совершеннолетие» А.В. Тарасов говорит: «...Я должен сразу пригласить в соавторы этой книги двух великих педагогов - Антона Семеновича Макаренко и Константина Сергеевича Станиславского»[3, с. 3].

«...Мы, тренеры, взяли на вооружение один из основных макаренковских принципов: как можно больше уважения к человеку, как можно больше требовательности к нему» [3, с. 18]. Коллективизм определяется как фундаментальное основание блестящих и устойчивых успехов советского хоккея в рассматриваемый период [там же]. «Коллективизм одухотворяет игру» [3, с. 42].

Во всем этом хорошо видна специфика А.С. Макаренко-педагога: литературно-художественное объяснение им хода и результатов своей педагогической деятельности, его ярко впечатляющие теоретико-методические разработки, острые публицистические выступления.

И главное: поэтическое начало заложено в самом содержании его педагогической теории и практики. Во время своего, особенно тяжелого, положения (март 1928 г.) он восклицал: «...Все-таки до черта поэзии в этой колонии им. М. Горького, нужен поэт побольше Пушкина, чтобы увидеть эту поэзию и уложить в стихи» [2, часть 1, с. 256].

Исследователям еще предстоит решительно освободиться от жесткого разграничения педагогических и литературно-художественных трудов А.С. Макаренко. Литературные произведения - органическая и существенная часть его педагогики. Именно «Педагогическая поэма» стала его манифестом, главным средством широкого распространения его идеи в мире.

За 19 дней до своей кончины он сказал: «Я чувствую себя не только прежде всего, а везде и всюду педагогом. Моя литературная работа – только форма педагогической работы» [1, т. 4, с. 343].

Вызывает восхищение и другой аспект наследия А.С. Макаренко, хорошо представленный в книге А.В. Тарасова, также упускаемый из виду последователями. Это - макаренковский основополагающий тезис: ***педагогику не выдумывают, она объективно существует в воспитательно-образовательной практике общества***, являясь очень важным фактором его функционирования и развития. Задача педагогической науки - адекватно и перспективно воплощать принципы и формы, средства этой реально действующей социальной педагогики, в соответствии с общественными потребностями «сегодняшнего и завтрашнего дня».

Применительно к своему времени он утверждал: «Настоящая педагогика — это та, которая повторяет педагогику всего нашего общества» [1, т. 4, с. 341]. Он создавал свою теорию и практику педагогики, исходя из того, что его принцип «уважения-требования» - это характерная черта, «формула» нового общества. Осенью 1935 г. он писал: «Та теория, с которой я боролся и теперь борюсь, есть теория чуждого нам общества» [2, часть 4, с. 81].

А.В. Тарасов хорошо понял и в практике спорта с большой полнотой использовал воззрения А.С. Макаренко, видя в нем, прежде всего, социального педагога и реформатора, яркого представителя отечественной социально-экономической системы. Книга с самого начала и до конца - это полемика с прославленным канадским хоккеистом Морисом Ришаром, представителем иной спортивной системы, других социально-культурных ценностей.

Автор принципиально согласен с тем, что в свое время не было принято предложение канадских специалистов быть тренерами наших ведущих хоккейных команд. Создавать свою, отечественную систему игры в хоккей необходимо было и потому, что осваивать канадскую систему, блестяще уже разработанную, — значит

лишь «догонять» ее, не имея надежды на победы в настоящее время и в будущем. «Ответ Морису Ришару» и «Идти своим путем» - начальные главы книги.

«...Хоккей, спорт - одна из сфер нашей общественной жизни. Общие для нас принципы воспитания человека, своеобразно переломляясь, сохраняют здесь непреходящую ценность» [3, с. 3].Соблюдение и развитие в спорте этих социально-педагогических принципов - глубинная основа достижений советского хоккея в 1948 - 1967-х годах. Это «плоть от плоти» успешно развивающегося общества.

«Как может учить нас тренер-иностранец, если он не знает нашего народа, его характера, склонностей, особенностей национального поведения... Хоккеисты ФРГ пошли на выучку канадцам (их сборную возглавляет Э. Рейле), и ... канадская школа хоккея плохо прививается на другой почве» [3, с. 39].

Идеология патриотизма, дружбы народов, спортивного братства - духовная основа отечественной школы хоккея 1946 - 1980-х годов.

Проникновение автора книги в существо наследия А.С. Макаренко видно и в характеристике: это творец педагогики как науки о воспитании. Предвосхищается современная, углубленная оценка этого наследия.

Приоритет воспитания, принципиальное отличие воспитания от обучения-образования (при их диалектически-органической взаимосвязи), основополагающее значение социализации; развитие личности как результат педагогического процесса в целом - корневые проблемы, вызывающие полемику и в макаренковедении, и во всей педагогике. И это - на фоне объявленного в начале 1990-х годов якобы «устранения» воспитания (по существу его трансформации в связи с происходящими в стране социально-экономическими преобразованиями).

Четкий макаренковский подход к специфике «собственно воспитания» привел А.В. Тарасова к важнейшему решению: в подготовке спортсмена-профессионала главное - человек и его воспитание, а потом профессионал и его обучение, профессиональная выучка. Позиция А.С. Макаренко: профессионализация недопустима в отношении несовершеннолетних (возможна лишь начальная профессиональная подготовка, в виде «дополнения»; доминирует готовность к «профессии человека»), - оказывается, своеобразно проявляется и в отношении взрослых.

И в художественной литературе, в искусстве А.С. Макаренко ставит на первый план «культуру личности» автора; с этим тесно связано второе: тематика произведений и художественная «техника», мастерство [2, часть 7, с.138].

Насколько глубоко А.С. Макаренко различает воспитание и обучение, видно по его соображению: «воспитательный талант» существенно отличается от талантов «преподавательских» [2, часть 7, с. 281]. Выражая серьезную неудовлетворенность советским педагогическим образованием, он говорил: «Нужно воспитывать педагогов, а не только образовывать» [там же, с. 275]; первостепенное значение имеет жизненная позиция педагога как человека, его «мировосприятие». В октябре 1938 г. он высказался со всей определенностью: «У нас нет воспитательной педагогики» [там же, с. 313].

Замысел книги А.В. Тарасова: дать «наиболее полное объяснение важнейших особенностей отечественного хоккея» и «рассказать не столько о самом хоккее, сколько о нравственном воспитании человека в хоккее». Тема книги: «воспитание человека в спорте через спорт» [3, с. 3].

Автор не дает определения понятий воспитания и обучения, но его практическая интерпретация их показывает полное соответствие макаренковскому пониманию. А.С. Макаренко определяет воспитание и обучение не отвлеченно - умозрительно, а по сфере их действия.

Сфера воспитания - непосредственный жизненный опыт людей, молодежи, его содержание, мотивация, переживание, волевое и духовно-нравственное напряжение, социально преобразующая направленность. «Лучшее воспитание - без слов», в практике повседневной жизни, утверждает китайская народная мудрость.

Область обучения - знания и навыки умственной и практической, трудовой, профессиональной деятельности, усвоение («присвоение») достижений общественно-исторического опыта. По сути, потребительская направленность обучения и преимущественно индивидуальный характер учения таят опасность использования результатов обучения (образования) в ущерб общественных и личных интересов.

О соотношении базовых понятий педагогики: воспитание, обучение, социализация, развитие личности - см. [7].

В книге содержание воспитания спортсмена как человека и его обучение как профессионала всецело определяются спецификой ***нового воспитания: его основа - коллективизм***. Преодолеваются сложившиеся в советское время упрощенные стереотипы, позволявшие усматривать в коллективизме «явление толпового типа» (А.С. Макаренко) и групповщину, слепое повиновение, конформизм, подавление индивидуальности.

А.В. Тарасов вносит много нового в трактовку коллективизма, его теорию и практику. Он утверждает коллективизм «настоящий», «естественный», «современно понимаемый» [3, с. 18, 12], т.е. обусловленный жизненной практикой, объективной потребностью единства общего и личного в достижении прочных успехов. Он против коллективизма «вымученного», действующего «по приказу», лишь ради официально принятого принципа, без его подкрепления структурой коллективных действий. Это действительно искусственный коллективизм, он порождает формализм и разочарование, отрицание самой сути коллективизма.

В практическом опыте автора книги коллективизм мыслится и организуется как социально-культурное явление, выходящее далеко за рамки социально бесправной и изолированной «малой группы» и тем более - минимального социального «поля» в действиях «пары»: учитель - ученик («парной педагогики»), Воспитание через коллектив - это «высокий урожай на большой площади», так принято в китайской педагогике.

В новой системе спорта тренер и спортсмен едины в принадлежности к своей команде и своему спортивному клубу, в ответственности перед спортивным сообществом и массой болельщиков. Наши спортсмены и тренеры за рубежом «полпреды миллионов» [3, с. 99]. Это высший уровень коллективизма, уважительной требовательности к человеку в спорте.

«Мы боролись за культуру спортсмена. Человек интеллектуальный всегда играет лучше, он творит на поле, а не просто исполняет указания тренера. Играет с размахом и удовольствием... Нам хотелось, чтобы сами ребята решали, кто из них более достоин надеть красные свитеры с буквами "СССР"» [3, с. 121].

В личности выдающегося хоккеиста предельно ярко отражаются особенности этой игры: хоккей – это «удаль, огневой характер игры, очень не просто разобраться в вихре происходящих событий. Клокочущая схватка страстей, скрытая борьба характеров, пышущий жаром темперамент — таков хоккей... Хоккеисту нужна не только мудрость шахматиста, но и точность снайпера... Яркое, красочное зрелище хоккейного поединка - это праздник чувства и красоты» [3, с. 4-5].

В хоккее личность предстает как характер. Такая трактовка - стержень статьи А.С. Макаренко «Воля, мужество, целеустремленность» (последней написанной им статьи, она тогда не была принята к печати) [2, т. 4, с. 316-320].

Книга А.В. Тарасова примечательна еще и тем, что практика спорта убедительно подтверждает ***основополагающее значение труда в новом воспитании, педагогике А.С. Макаренко.***

Коллективизм не «насаждается», он естественно вытекает из организации спорта как трудовой, производственной деятельности. В труде важно «разделение труда», сочетание множества групповых и индивидуальных функций. Для достижения общего результата необходимо разумное и подвижное объединение различных трудовых усилий и средств.

Беда традиционной теории и практики воспитания и большинства макаренковедческих разработок: считается, что для воспитания не очень важен вид деятельности (труд может приравниваться к организации праздников, развлечений, отдыха); хорошо воспитывать можно и вне условий труда и производства (как в советской и современной нетрудовой школе и «школе учебы»). Такой подход «от имени Макаренко» ведет к неудачам, искажению и дискредитации его наследия.

Нельзя игнорировать фундаментальный, исходный тезис макаренковской педагогики: «Труд всегда был основанием для человеческой жизни и культуры» [2, часть 6, с. 105], и прежде всего труд непосредственно в сфере материального производства. Вне труда не может быть социально и нравственно полноценной личности, ее благополучия и действительно человеческого счастья.

«Работоспособность», «трудолюбие» - слова, часто употребляемые в книгах А.В. Тарасова. Свойственное «захватывающему своими стремительностью и напряжением хоккейному поединку проявление смелости, отваги, бесстрашия, духовной крепости» автор напрямую связывает с отношением к труду. Мужество хоккеиста, «идущее от сердца, не показное», - это «прежде всего колоссальное трудолюбие, творчество, ежедневное, напряженное, это регулярные тренировки, с выдумкой, огоньком»...» [3, с. 20-21].

Макаренковская теория и практика воспитания в труде решительно преодолевает характеристику труда лишь как «трудового процесса», в аспекте лишь трудовых и профессиональных умений, навыков работника.

«Уважение-требование» и новый коллективизм заложены не просто в приобщении детей и молодежи к производительному труду. Речь идет ***о свободном труде, о приобщении работников к «хозяйствованию» в труде, к управлению единым трудовым коллективом взрослых и детей*** в «воспитательном коллективе» педагогического учреждения, деятельность которого поддерживается государством и обществом.

В хоккее этот принцип, как показано в книге, своеобразно применяется по многим направлениям: общие собрания спортивной команды, совет тренеров, взаимодействие тренера и спортсменов в определении стратегии и тактики игры, в учете и оценке общих и индивидуальных действий игроков, в комплектовании хоккейной команды и ее первичного коллектива - «звена», в целесообразном распределении функций атакующих и защитников, в отходе от администрирования и в развитии духовно-нравственных отношений в управлении; заинтересованное участие комсомола и общественности в руководстве спортом.

Таким образом, макаренковская педагогика реализуется в ее всеобъемлющем качестве: это ***педагогика не «прямого, а параллельного действия»***. Воспитательные влияния освобождаются от искусственности, они выступают как разумные требования успешной трудовой жизни, в данном случае спортивной деятельности. Педагогические и спортивные достижения неотделимы.

В колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф.Э. Дзержинского производство и воспитание «параллельны»: производство остается продуктивным, подчиняясь педагогическим целям. По-китайски это: «одной стрелой убить двух орлов». Определение «педагогики параллельного действия» см. [2, часть 4, с. 209].

Опыт применения идей А.С. Макаренко в спорте, отраженный в книге А.В. Тарасова, обнаруживает многие другие черты макаренковской трактовки коллектива и коллективизма, по достоинству еще не оцененные педагогами-исследователями.

Среди них важнейшее: ***коллектив - это добровольное объединение***. Спортивные клубы и команды со всей очевидностью демонстрируют этот первостепенный признак коллектива. В традиционной организации коллектива и в его понимании макаренковедами этот признак фактически не учитывается. Яркий пример - коллектив учебного класса, организованный и действующий «в административном порядке». Это можно сказать и о коллективе школы.

А.С. Макаренко в июле 1925 г. писал: «Колония [им. М. Горького] организована как открытое учреждение. Кому в ней не нравится, может свободно уходить» [2, часть 1, с. 142]. Позднее он говорил: «Наша колония представляла собой свободное объединение людей - здесь никого не заставляли жить насильно» [2, часть 6, с. 153, см. также часть 7, с. 332].

Это - при официальном направлении несовершеннолетних правонарушителей (до 18 лет) и беспризорных детей в колонию по решению в основном комиссий исполкомов по делам несовершеннолетних, а со второй половины 1920-х гг. и по постановлению суда, с определением в открытую трудовую детскую колонию. Такое положение было общепринятым, оно не относится к новаторству А.С. Макаренко.

В его практике добровольность пребывания в колонии хорошо сочеталась с добровольным принятием каждого в ее коллектив и с его правом исключать недостойных. При приеме новичков им давалось 1-2 дня для ознакомления с колонией и принятия решения о пребывании в ней. Так начиналось воспитание жизненно важных качеств самостоятельности, личной и коллективной ответственности. Применялись морально-психологические средства «удержания личности в коллективе».

По книге А.В. Тарасова видно: в ведущие хоккейные команды страны спортсмены направлялись, выдвигались региональными спортивными организациями; использовались и рекомендации авторитетных спортсменов. Коллективное и индивидуальное поручительство, доверие порождало серьезные моральные обязательства. Вступивший в команду принимал установленные в ней нравственные принципы, дисциплину, режим, бытовой распорядок (в частности, отказ от курения и спиртного).

Отмечается знаменательный для развития теории и практики коллектива факт: как бы стирание грани ***между коллективным и индивидуальным***. Пример: Е. Бабич, «настоящий патриот команды тонкий тактик, ... обладал счастливым даром - умел находить ту почти неуловимую середину между индивидуальной и коллективной игрой, что делает спортсмена высочайшим мастером» [3, с. 43].

Книга насыщена фактами поразительно успешного развития личности, творческих способностей, спортивного мастерства «хоккеистов экстра-класса». Их таланты расцветали в условиях «свободного объединения», высочайшей уважительной требовательности. Яркими штрихами обрисована судьба 38 человек.

Среди них знаменитый защитник В. Брежнев: вначале «вспыльчивый, обидчивый парень»; тяжелейшую травму пережил при трогательной заботе товарищей по команде; «научился отдаваться хоккею до конца», «выпрямил свой характер», появились «новое отношение к игре, новая дисциплина и новое понимание хоккея» [3, с. 22-23]. И. Ромишевский: «парень волевой, бесстрашный», подсказал решение перевести его в оборону, тогда «полностью раскрылся его талант»; доказал «верность своему спортивному идеалу». [3, с. 21-24].

В. Старшинов: кажется, что это «игрок недисциплинированный», иногда грубит, но в сборной страны он «совершенно преображается, не теряет контроля над собой», «он душа команды»; его талант засверкал в боях «на ближнем пятачке». В. Александров: смелый и мужественный хоккеист и самых напряженных моментах не теряет хладнокровия, «умеет и рисковать, и играть внимательно, расчетливо» [3, с. 26-27].

«Уход спортсмена из коллектива всегда означает, что коллектив чего- то ему не дает, что тренер как руководитель и педагог его не устраивает».

Поэтому при заявлении человека уйти из команды «мы требуем, чтобы он откровенно изложил мотивы своего ухода».

Признав правоту товарищей, спортсмен обычно «извинялся и вел себя совершенно иначе. В таких ситуациях никогда не следует спешить» [3, с. 96].

В. Тарасов различает ***«технический коллективизм»*** (проявляется в «пасе», передаче шайбы от одного игрока к другому) и ***«тактический»*** (игра без шайбы) [3, с. 6].

В «техническом коллективизме» важно количество передач, скорость движения шайбы, число острых игровых моментов, динамика развития атаки. В зарубежных командах пасом руководит тот, кто владеет шайбой. Получается, что четверо зависят от одного, сокращается поле их действия и инициативы. Пас превращается в универсальное средство ведения атаки, возникает губительный шаблон, «схематизм мысли и действия». Начинается игра на «звезду», ее превосходство.

В новой системе игры «технический коллективизм» приобретает новые черты: большое число передач усиливает эффект атаки, ее скорость (шайба всегда быстрее игрока), пас становится скрытным, неожиданным для соперника, вносит замешательство в его игру [3, с. 6-7].

Это имеет прямое отношение к тому, что А.С. Макаренко называл «педагогической техникой» в реализации принципа коллективизма. Коллективное действие нужно структурно организовать, обеспечивая эффективное и творческое участие в нем каждого, не допуская «выпячивания» одного за счет других. Коллективное действие становится многофункциональным, побуждает к развитию игрока-универсала.

По такому же направлению в новой системе хоккея развертывается и «коллективизм тактический», при «игре без шайбы». Имеется в виду организационная структура коллектива хоккейной команды, строение ее «первичного коллектива» - «звена», нападающей тройки игроков.

Обычное ее построение: 1+2, т.е. «забивающий гол» и его «партнеры», «подыгрывающие» ему своевременными и точными передачами. Как в опере: солист и «рядовые исполнители», статисты.

Жесткое распределение обязанностей в «тройке» имеет много недостатков. Это «не способствует росту и воспитанию высококлассных игроков» (партнеры зависят от сильного нападающего, ощущают свою «второстепенность», не имеют должных условий для развития своих способностей), ограничивается «боеспособность тройки в целом».

Главное же - «звезда», «лидер» оказывается в состоянии исключительности, возникает «звездная болезнь»: зазнайство, самоуспокоенность, пренебрежение к товарищам по команде [3, с. 10].

Коллективизм «до конца последовательный» утверждается в звене, где действуют «3 сильных, творчески разнообразных хоккеиста», понимающих, что «независимо от их силы они в команде и тройке равны». Такое звено «представляет собой значительно большую опасность для соперников». «В хоккее солирует не один, а трио» [3, с. 10-11].

Это не значит нивелировку игроков, «стирание ярких индивидуальностей» и отрицание славы сильнейших. Слава может стать «мощным стимулом для овладения спортсменом высотами мастерства». Это не установка на хоккеистов-середняков». Обычно в тройке кто-то оказывается сильнее.

В новой системе игры принципиально изменяется ***положение и характер «звезды».*** Она не мешает каждому игроку показывать все свое мастерство, включая и превосходство в индивидуальной борьбе. Сопернику трудно играть против тройки умеющих и забивать шайбы, и подыгрывать товарищу.

Пример - тройка: А. Альметьев, К. Локтев, В. Александров. «Разносторонние, техничные, умные, они поразительно дружны... Творческий почерк этих трех хоккейных асов различен. Они отличались друг от друга и своей игровой манерой, и обводкой и финтами, даже привычкой по-своему держать клюшку.

Но они были едины в главном - во взглядах на общие принципы игры, они одинаково понимали хоккей. И оттого их согласованность в действиях носила уже во многом интуитивный характер.

…Они умели все, что умели их предшественники, но они пошли дальше (не могли не пойти: ведь хоккей в целом, как и жизнь, прогрессирует)… Они сумели избавиться от увлечения индивидуальной игрой» [3, с. 13].

Как бы обрадовался А.С. Макаренко, узнав о таких фактах убедительного подтверждения идеи: подлинный коллективизм - это не только важнейшее для общего успеха, но и наилучшая среда для развития индивидуальности. Это игра «с равным мастерством, без старания выделиться, буквально забывая о себе, чтобы партнер мог сыграть успешно» [там же].

Такое на Западе сначала воспринималось как «отсутствие у нас талантов»: нет «звезд». «А мы гордились этим, ... индивидуальный приз можно было вручить чуть ли не каждому спортсмену, это игроки экстра-класса...».

«А. Фирсов – четырежды чемпион мира и Европы. Слава ни в коей мере не испортила его... Поразительны его три скорости: скорость мысли (неожиданных решений), скорость исполнения технического приема и скорость бега… Комсорг сборной СССР, он стал отличным учителем младших товарищей, Викулова и Полупанова... Удивительны его человеческая добропорядочность, жадный интерес и любовь к игре» [3, с. 13-16].

Успешный опыт следования макаренковским идеям основан у А.В. Тарасова на понимании главного в педагогике А.С. Макаренко – его ***новой трактовки предмета и задач педагогики как науки.*** Видна ее четкая целенаправленность ***на результативность*** воспитательно-образовательного процесса, на достижение максимального успеха.

Традиционная педагогика при разработке целей и средств воспитания уклоняется от проблемы результативности, обнаруживая тем самым свою беспомощность. Ссылаясь на чрезвычайную сложность человека, процесса становления личности, она пытается по существу оправдать неспособность педагогики быть подлинной наукой. Теория и практика разобщены: теория - дело ученых; «проецирование» теории на конкретные условия работы – дело практиков.

Макаренковская трактовка предмета педагогики четко отражается в его определении коренной задачи педагогики: выявление закономерностей ***во взаимодействии педагогических целей, средств и результатов.***

Необходимо знать об устойчивых причинно-следственных связях в триаде: цели - средства - результаты. Нужно иметь в виду вектор не только от целей к результатам, но и от результатов к целям и средствам. Методологическим основанием педагогики должна стать «логика педагогической целесообразности».

Педагогика А.С. Макаренко - это практико-ориентированная наука. Он превращает педагогику в «общественно активную», «практически целеустремленную» и «ответственную» перед человеком и обществом науку, «обгоняющую общество в его человеческом творчестве» [2, часть 6, с. 73, 235, 242].

В его педагогике неразрывно связаны все четыре «этажа» педагогики: методологический, теоретический, организационно-методический и технологический. Теоретические положения, цели и принципы, методы воспитания «не повисают в воздухе», а выводятся на уровень общезначимых практических решений. Определение и применение практических педагогических форм и средств требует глубокого понимания их теоретических, методологических предпосылок.

В книге А.В. Тарасова применительно к спорту освещаются в основном организационно-методический и технологический «этажи» педагогики. Это замечательное воплощение макаренковской методологии и теории в педагогике спорта.

Это и соответствие макаренковскому взгляду на педагогику в направлении: она может и должна стать действительно ***общественной и целиком опытно-***

***экспериментальной наукой, приближающейся к точности естественнонаучного знания*.**

Как и у А.С. Макаренко, у А.В. Тарасова вся педагогическая работа - это непрерывный творческий поиск, определение и закрепление, развитие эффективных организационных и технологических средств педагогического процесса. Новые идеи и решения проверяются практикой, воплощаются в обоснованных теоретических положениях.

Того и другого деятеля педагогической науки глубоко роднит понимание ее общественных основ и социальной значимости, необходимость нести ***педагогические знания «в массы»***, в широкую сферу жизни и деятельности детей и молодежи. Пять книг А.В. Тарасова, очень популярных и интересных, доступных массовому читателю, - замечательное тому подтверждение.

Примечательна его роль в развитии детско-юношеского спортивно-оздоровительного движения «Золотая шайба». Внедрение в него достижений педагогики спорта — главная задача книги «Хоккей без тайн». Интересна последовательность ее глав: Советы родителям; Откровения с юным хоккеистом; Тренер, овладевай мастерством! На память тут приходит, конечно, макаренковская «Книга для родителей».

А.С. Макаренко и А.В. Тарасов подчеркивают ***широкий коллективизм в создании новой педагогики***. Ее суть и история не могут сводиться к узко личному мышлению и действиям педагога, к индивидуальным и «кабинетным» достижениям.

В предисловии к книге «Хоккей грядущего» говорится: она, как и книга «Совершеннолетие»,- «плод коллективной мысли многих тренеров и специалистов… Мне посчастливилось встретиться с большими спортсменами, ищущими свой путь к мастерству, с творчески работающими коллегами-тренерами, с прославленными мастерами зарубежных команд. Это была отличная школа житейской опытности и хоккейной мудрости» [4, с. 6].

В книге показано непосредственное участие выдающихся спортсменов в создании и развитии отечественной «школы» хоккея, новой спортивной системы.

Отмечена значительная помощь зарождающемуся советскому хоккею со стороны Чехословакии и ГДР («стран народной демократии»). В начале 1948 г. в СССР состоялись совместные тренировки наших хоккеистов и игроков команды «ЛТЦ Прага», чемпиона Чехословакии по хоккею с шайбой. «Показательные уроки замечательной вратарской игры дал прославленный Б. Мудрый». В 1951 - 1954 гг. «немецкие друзья предоставили возможность проводить тренировочные сборы на их искусственном катке, под Берлином» [3, с. 44, 46].

А.С. Макаренко не раз говорил, что его идеи и опыт упираются на хорошее знание работы десятков действующих учреждений интернатного типа и школ. В его трудовой колонии-коммуне подростки вместе со взрослыми, специалистами строили новую жизнь и одновременно - «новую педагогику». Она «рождалась на всей теории Союза», проявлялась «в живых движениях людей, в традициях и реакциях реального коллектива, в новых формах дружбы и дисциплины [1, т. 6, с. 100].

Литература

1. Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т./сост.: А.А.Фролов по всем томам, Л.Ю. Гордин и М.Д. Виноградова по отд. томам. — М., Педагогика, 1983-1986.
2. Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Части (тома) 1-8/сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксенов. — Н. Новгород, 2007-2015.
3. Тарасов А.В. Совершеннолетие. Лит. запись О. Спасского. - М., Изд-во «Молодая гвардия», 1968. - 130 с.
4. Тарасов А. Хоккей грядущего. Лит. запись О. Спасского. — М., «Физкультура и спорт», 2-е изд., 1971. - 359 с.

5. Тарасов А. Хоккей без тайн. - М., «Молодая гвардия», 1988. 270 с.
6. Фролов А.А. А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939-2005 гг., критический анализ). — Н. Новгород, Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2006. — 417 с.
7. Фролов А.А., Аксенов С.И. Единство воспитания, социализации и развития личности в педагогике А.С. Макаренко//Педагогика, М., 2014, № 9, с. 87-92.
8. Хоккей//Большая советская энциклопедия. Т.28. - М., Советская энциклопедия, 1978. – кол. 283 – 285.

(Авторы: Фролов А.А., Неживенко В.Н. опубликовано в отдельном издании, под указанным выше названием,Нижний Новгород, Издательстве Нижегородского гос. педагогического университета им. Козьмы Минина, 2016 г.-31с.).

Педагогика как наука о воспитании: исторический экскурс и современное состояние

Публикации в периодической педагогической печати последнего времени показывают: растет внимание работников образования к теории воспитания. Чувствуется «дыхание» жизни, назревающая потребность в таких практико-ориентированных материалах по воспитанию, которые имеют надежную теоретическую базу. Как говорят физики: «Нет ничего более практичнее хорошо обоснованной теории».

Виден конец 30-летней советско-российской истории умаления роли воспитания, его дискредитации и отождествления с насилием. Примечательно, что это происходит вместе с укреплением суверенитета страны и развитием государственности, с изменениями к лучшему в сфере культуры, идеологии, духовно-нравственной жизни человека и общества.

Не вдаваясь в анализ опубликованных материалов, можно сказать, что появляется что-то принципиально новое в понимании самой сути воспитания. Совершается выход за пределы «личностно-ориентированной» педагогики, персональных взаимоотношений типа «учитель-ученик». Воспитание включается в «поток жизни», в общий процесс человеческой социализации, не боясь быть обвиненным в «социологизаторстве», «конформизме», подавлении личности, утрате индивидуальности и т.д.

Но в целом представление о воспитании еще остается абстрактно-схоластическим. Подразумевается нечто непреодолимое: теория - это одно (дело педагогов-ученых), а практика - это другое (дело практических работников, они должны «рефлексировать» применение теории к практике).

Предлагается теория, в которой совершенно отсутствует какая-либо доказательная база. Нет убедительных оснований для выдвигаемых теоретических положений. Слишком много отвлеченных рассуждений, «умствования», системно не упорядоченных понятий (заимствованных в основном из психологии).

И главное: нет даже намека на то, насколько практична данная теория, может ли она удовлетворить педагога-практика, предлагая ему научно обоснованные, опытным путем апробированные формы организации воспитательного процесса, его средства и показатели результативности.

Поэтому и нет вопроса: современные удручающие последствия воспитания - это результат личностно-ориентированной педагогики или это результат ее непонимания, искажения чиновниками образования и практическими работниками?

Вспоминается сказанное А.С. Макаренко еще в начале 1930 г.: «... Вопрос решается совсем не в части отношения теории к практике, а в самом качестве как теории, так и практики» [1, часть 1, с. 205]. Он видел недостатки прежде всего теории, она фактически отказывается от четкого «проецирования» на практику.

Это прикрывается апелляцией к самому главному: педагогика - не столько наука, сколько искусство, индивидуальное творчество педагога-практика. Как будто только в педагогике, а не в любой науке (сельскохозяйственной, медицинской, воен-

ной и т.д.) требуется творческая реализация общих закономерностей, их конкретизация при бесконечно многообразных и постоянно изменяющихся условиях.

Речь идет, следовательно, ***не просто о воспитании, а о качестве педагогики как науки, о специфике ее предмета, о ее задачах и методологии***. В какой степени в педагогике могут действовать признаки подлинной науки? Есть педагоги-ученые, которые вполне согласны с тем, что таковой она не может быть «по определению».

Это как в США, англоязычных странах, где педагогики нет, есть лишь education, образование-обучение. Наука о воспитании человека считается не нужной: все необходимое для настоящего времени делает социализация, рынок, либерально-демократическая система. Воспитание с его устремленностью в будущее не согласуется с тотальной неопределенностью общества, которое строится по принципу лишь «здесь и сейчас», как общество потребления, при абсолютизации роли материальных благ в человеческой жизни и безразличии к ее духовно-нравственным основаниям.

Необходимо серьезно отнестись к макаренковской трактовке педагогики как ***«практически целесообразной», практико-ориентированной науки***. Она органически связывает общественные потребности и потребности возрастного и индивидуального развития детей и молодежи. Она соединяет в их жизни и деятельности потребности «сегодняшнего и завтрашнего дня» общества и личности.

Это не «прикладная» философия, антропология, социология, психология, а самостоятельная наука об особых, педагогических явлениях и процессах.

Работая в этом направлении, А.С. Макаренко боролся за превращение педагогики в науку всецело ***опытно-экспериментальную***, способную приближаться к точности естественнонаучного знания.

Основа методологии педагогики - индуктивный метод, экспериментально-опытные данные, в сочетании с дедукцией, определяющими теоретическими предпосылками. Необходимо решительно освободиться от «педагогики дедуктивной», умозрительно-декларативной произвольно утверждающей определенные политико-идеологические, этические и общепедагогические принципы.

Это борьба за педагогику ***общественно активную, социально и личностно «ответственную»***. Педагогическая наука и практика могут и должны превратиться в один их главных факторов экономического и культурного прогресса, реализуя огромные потенциалы человеческой личности. Как у Дж. Дьюи: образование, школа должны стать «социальной лабораторией».

Тогда главной задачей педагогики становится выявление закономерностей, устойчивых причинно-следственных связей во взаимодействии педагогических целей, средств и результатов. Эта триада - фундамент педагогики как науки. Ее методология - «логика педагогической целесообразности», «педагогическая логика».

Исследования и разработки вне этой практико-ориентированной парадигмы не могут квалифицироваться как педагогика. Это «околопедагогика», что свойственно педологии: изучение ребенка не трансформируется в изучение целесообразного процесса его развития, воспитания и обучения. Есть «инертность по отношению к педагогической цели», как говорил А.С.Макаренко.

В этом духе принципиально высказывался Дж. Дьюи: «Тщательное изучение врожденных способностей и недостатков индивида необходимо лишь в качестве предварительного условия; следующий и более важный шаг состоит в том, чтобы создать среду, которая положительно воздействовала бы на любые имеющиеся задатки»; недопустима «полная свобода спонтанного развития» [6, с. 108, 126].

В современных отечественных теоретических разработках воспитание «не вписывается» в контекст представления о педагогике в целом.

Воспитание объясняется как обособленная ее часть. Не учитывается, что это органический «сколок» определенной системы педагогики.

Но существуют разные, в том числе и противоположные ***концепции педагогики***.

Есть педагогика простого приспособления к существующему социально-экономическому порядку; это пессимистическая, перспективно «слабая» педагогика, но мощная в его «консервировании». Есть педагогика, «опережающая общество в его человеческом творчестве» (А.С.Макаренко), оптимистическая активно-творческая, «сильная».

Первый вариант – это современная «личностно-ориентированная» педагогика, по сути индивидуалистическая, основанная на американской гуманистической психологии. Она культивирует «автономную» личность, стремящуюся минимизировать свою зависимость от социума. Общее не воспринимается как объективная реальность («общее - значит ничье»); существует только человек, индивид и некоторая механическая «сумма» личностей. При характеристике такой педагогической концепции важно помнить то, что сказал Дж. Дьюи: «Личность вне социальных связей – это миф или чудовище» [4, с. 49].

Второй вариант — это педагогика не просто коллективистская, а социальная, основанная на «педагогике всего общества» (А.С.Макаренко). Она создает условия для полноценного и всестороннего развития личности.

Приоритет социального в этой системе педагогики предполагает самое активное влияние человека на социум, его творческое преобразование к лучшему для всех и каждого. Главным в воспитании и развитии личности становится образование характера. Он определяется как сплав ума, чувства и воли человека.

Дж. Дьюи говорит: «Воспитание совершается путем участия личности в социальном созидании человечества... Истинное воспитание достигается путем побуждения способностей ребенка требованиями, предъявляемыми к нему теми социальными условиями, в которых он находится... Школа должна представлять такую форму общественной жизни, в которой сосредоточены все факторы, наиболее действительным способом позволяющие ребенку черпать из наследственного капитала человечества и направлять свои способности на служение общественным целям... Само воспитание уже есть жизнь, а не подготовка к ней» [6, с. 46,48].

Дж. Дьюи и А.С.Макаренко - две вершины социальной педагогики XX века [10]. Близко к ним сейчас может быть поставлен Пауло Фрейре, бразильский социальный педагог. В 1986 г. он получил премию ЮНЕСКО за научную и практическую деятельность по «воспитанию в духе мира», за разработку «нового воспитания», «освобождающего образования» [11, т. 1, с. 288-301].

А.С. Макаренко совершил прорыв в педагогике, неразрывно связывая ранее жестко разделенные трактовки воспитания: в узком смысле (как целесообразно управляемой деятельности) и в широком (как социально-культурного явления, выходящего за рамки предмета педагогики). Он сделал педагогику социальной в полном смысле этого слова и утвердил приоритет социального фактора в педагогике и воспитании. Он показал, что система воспитания, образования - это не только «сколок» общества; само общество - это в значительной мере «сколок» системы педагогики и школы (средней и высшей).

Такое положение становится все более очевидным при массовом распространении среднего и высшего образования, при широчайшем развитии средств массовой коммуникации. Все яснее становится, что человеческая история — это не только смена материально-производственных и социально-политических условий жизни общества, но и история смены поколений. Отход от проблемы взаимодействия поколений — одна из глубинных причин крушения СССР.

В прогрессивно развивающемся обществе неизмеримо возрастает роль молодого поколения. Возникает необходимость (и возможность) участия каждого подростка и юноши, девушки в преобразовании мира к лучшему. И участия, прежде всего в производственном труде, где концентрируются основополагающие принципы

человеческих взаимоотношений, социальных и личностных. Это органическая часть активизации человеческого фактора, человеческого и социального капитала в современном обществе.

Развитие науки о воспитании как социальной педагогики позволят выйти на высший уровень познания закономерностей педагогических явлений и целенаправленного, успешного использования этих закономерностей в педагогической теории и практике. «Индивидуально-личностная» педагогика сводит социальное пространство и время воспитательных явлений к абсолютному минимуму. Таким же минимальным здесь становится и действие педагогических закономерностей. Отсюда и степень их познания, и педагогические результаты: они минимальны.

Есть, правда, педагоги-теоретики, которые в своем умалении педагогики как науки исходят из отрицания общественных закономерностей вообще, а значит и педагогических. Этому способствует в настоящее время теория «управляемого хаоса», которая предполагает лишь некоторые его эпизодические корректировки. Но отрицание объективных законов социально-гуманитарного развития в их подобии законам развития природы - это то, что уже давно находится за пределами научной мысли и практики.

Социальная характеристика воспитания лежит в основах народной педагогики. Такое понимание свойственно замечательной плеяде отечественных философов, социологов, психологов, общественных деятелей: И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, П.Л. Лавров, Н.Г. Чернышевский, П.А. Кропоткин, В.С. Соловьев, Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин, В.И. Ленин, В.М. Бехтерев, Э.В. Ильенков [11, т. 2]. (Это первая в СССР, России хрестоматия по истории «собственно воспитания», в отличии от обучения-образования).

В зарубежной истории это исследователи первобытной культуры и выдающиеся представители философской и общественно-политической мысли: Конфуций, Демокрит, Платон, Аристотель, Д. Беллерс, И. Кант, И.Г. Фихте, Г.В. Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс, Э. Фромм, А. Валлон и др. [11, т.1].

Ведущие советские экономисты Л.И. Абалкин и Г.Х. Попов в конце 1980-х гг. рассматривали вопрос о значимости макаренковского наследия в аспекте экономического развития страны [2, с. 162-167; 6].

Дж. Боуэн, автор первого североамериканского докторского макаренковедческого исследования (1962 г.), позднее замечал: Дж. Дьюи и А. Макаренко «полагались на социальный реконструктивизм - применение педагогических методов к социальным проблемам» [цит. по: 12]. И другое его высказывание: «Значение Макаренко в том, что он более энергично и более страстно, чем многие из нас, пытался сделать мир более привлекательным местом для жизни. И мы на Западе ... не можем не признать его вклада» [цит. по: 5, с. 173-174].

«Педагогическая поэма» А.С. Макаренко, с 1941 г., трижды изданная на иврите на территории Палестины (государство Израиль с 1948 г.), с большим интересов использовалась в организации труда и в духовной жизни кибуцев, поселений социалистическо-коммунистического типа [цит. по: 13, с. 280-288].

В современной Бразилии идеи А.С. Макаренко успешно применяются в движении сельскохозяйственных безземельных рабочих, применяющем «социалистические экономические альтернативы» («коллективное органическое фермерство», «поселения и лагери этого движения») [14].

И. Адизес, авторитетный в мире американский специалист по менеджменту, в выступлении на пленарном заседании Международного инвестиционного форума в Сочи в сентябре 2012 г. сказал: книга «Тимур и его команда» («прочел ее в 10-летнем возрасте») и «Педагогическая поэма» («прочел ее на сербском языке и знаю ее до сих пор почти наизусть») - «это две книги, которые сделали меня тем, кто я есть» [3].

Обнаруживается ***связь явлений, происходящих в экономике некоторых современных развитых стран, с идеями и опытом А.С.Макаренко*** [9].

Далеко отсроченное действие педагогического творчества А.С.Макаренко, выраженное в жизненных судьбах его воспитанников (их более 2-х тысяч), свидетельствует, что социальная педагогика, основанная на производственно-хозяйственной деятельности и служении общему благу, объединяющая детей и взрослых, - необычайно активна и жизненна.

К сожалению, официально действующая у нас сейчас педагогика продолжает существовать в виде «педагогики школы», «детской» («в коротких штанишках»), нетрудовой «школы учебы» и «парной педагогики» (воспитатель - воспитанник). Это «педагогика вчерашнего дня» (А.С.Макаренко), она не только давно исчерпала свой ресурс, но и стала серьезным тормозом социально-гуманитарного развития.

Огромное и принципиальное сужение сферы педагогики и воспитания произошло с возникновением школы как специального учреждения для детей и молодежи.

Школа стала обеспечивать монополию власть имущих на научное знание и закреплять подневольное положение «рабочего люда». Возникло два типа школы, оба направленных главным образом на подготовку лишь «профессионала». Воспитание в первом типе ограничивается функциями управляющей «элиты», а во втором - положением «законопослушных» тружеников. Это по существу умаление человека как полноценной личности, невнимание к его общему жизненному самочувствию и солидарному поведению, к становлению будущих отцов и матерей, товарищей, друзей.

Вся педагогическая классика - это утверждение и развитие ***социальной педагогики***. Она неотделима от заботы о ***трудовой основе жизни, культуры***, человеческого существования. Таковы Я.А. Коменский, Д. Локк, Ж.Ж. Руссо, Ш. Фурье, Р. Оуэн, Г. Спенсер, П. Наторп, Г. Кершенштейнер, Дж. Дьюи. В отечественной истории это В.Н.Татищев, Н.И. Новиков, К.Д. Ушинский, Н.И. Пирогов, П.Ф. Лесгафт, С.Н. Южаков, К.Н. Вентцель, В.В. Зеньковский, Н.К. Крупская, А.В. Луначарский, С.Т. Шацкий, А.К. Гастев, Н.В. Шульгин, М.С. Погребинский.

В социальной педагогике ярко представлен ***приоритет воспитания***, оно считается важнейшим средством повышения эффективности образования-обучения, социализации и развития личности. Тщательно разрабатывается специфика воспитания, его принципиальное отличие от обучения, при диалектическо-органичной связи с ним. Этим примечательны работы Д. Локка, П. Фрейре и отечественных педагогов: А.Г. Ободовского, П.Д. Юркевича, А.Ф. Музыченко.

Четкое понимание ***специфики воспитания*** - главный секрет необычайного успеха А.С.Макаренко как педагога-теоретика и практика. Различие воспитания и обучения им определяется прежде всего по сфере их практического действия.

Сфера воспитания - непосредственный жизненный опыт детей, его содержание, мотивация жизнедеятельности и ее «переживание», волевая и эмоциональная, духовно-нравственная насыщенность, поведение человека-созидателя. В ходе обучения вырабатываются навыки умственной и практической, трудовой, профессиональной деятельности, идет усвоение, «присвоение» знаний, общественно-исторического опыта; это по существу деятельность человека-потребителя.

В «школе учебы» превалирует умственная деятельность, индивидуальная в своем существе. При ее слабой связи с работой физической, практикой жизни, при отсутствии производительного труда, коллективного по своей природе, - формируется ущербная личность, с серьезными недостатками не только в состоянии здоровья и в моральнопсихологическом отношении, но и в интеллектуальном развитии. В результате у нас сейчас - небывалая ранее проблема «жизнестойкости» молодого поколения и его «самочувствия», распространение «школьных» болезней.

Педагогика, характеризуемая как социальная, исторически квалифицируется как ***наука о воспитании***. Теория и практика обучения, дидактика - ее составная часть. Но когда она главенствует, образует систему дидактической педагогики, - вос-

питание в ней неизбежно строится по логике обучения. В этом сведении воспитания к обучению кроется главная причина умаления и «ликвидации» воспитания.

В современной Финляндии (ее система образования считается в настоящее время одной из лучших в мире) педагогика называется «наукой о воспитании» («касватустиеде»). «Финны считают, что обучение и образование должны быть направлены прежде всего на воспитание; воспитание есть основа всякого образования» [8, с. 107]. В германской педагогике есть теоретическая наука о воспитании (erziehungswissenschaft), «воспитание» не включает «обучение» и «образование», это рядоположенные категории [там же].

Современная теория и практика воспитания получает мощный импульс развития при обращении к педагогике как науке о воспитании. Все четыре «этажа» педагогики: методологический, теоретической, организационно-методический, технологический - необходимо рассматривать, прежде всего, в аспекте воспитания.

В наследии А.С.Макаренко эти четыре уровня четко обозначены, представлены не только равнозначно, но и в их взаимообусловленности, в цельной системе. Методология и теория «не повисают в воздухе», не отдаются на откуп практикам, а выводятся на уровень организации, методики и технологии. Организационно-методические решения получают убедительное теоретико-методологическое обоснование. Вырабатывается такой тип педагогического мышления, который неотделим от практического действия и неуклонного развития педагогических явлений.

Каждый «этаж» - это «гнездо» определенных понятий, идей, где есть центральное понятие. На методологическом уровне это «логика педагогической целесообразности».

На теоретическом уровне главенствует «параллельное действие» (аналог понятия «педагогический такт»), оно закладывается глубоко в фундамент педагогики. Это значит, что все многообразное содержание воспитания выступает опосредованно, в форме реальных жизненных условий и требований. Происходит гуманное «прикосновение» к личности, она свободна, может быть самостоятельной, инициативной и ответственной, в педагогически целесообразной системе жизнедеятельности.

Тогда возникает множество дилемм, среди которых главная: воспитание и жизнь, их единство - и приоритет воспитания, опережающего жизнь. Идея прогрессивного, диалектически противоречивого развития пронизывает все аспекты и «детали» макаренковской системы педагогики. Дихотомии, «парные оппозиции»: природно-биологическое и социальное, коллектив и личность, знание и поведение, уважение и требование, распоряжение и подчинение, знание и вера и т.д. - преодолеваются путем не исключения противоречия, а согласования (используя не разделительное «или-или», а соединительное «и-и»). Производственный процесс, например, в воспитании может сохранять свою специфику, быть «в параллели» с педагогическим процессом, подчиняясь его целям.

Всю систему своих взглядов и опыта А.С.Макаренко называет ***«педагогикой не прямого, а параллельного педагогического действия»***. Ее сущностное определение он дал в конце 1935 - начале 1936 гг. [1, часть 4, с. 209], хотя понятие «параллельности» он начал широко употреблять уже с начала 1920-х гг.

На организационно-методическом «этаже» педагогики доминирует понятие «воспитательный коллектив» - единый трудовой коллектив педагогического учреждения, всех его сотрудников, педагогов и воспитанников. Это главный объект воспитания и его основной фактор. В управлении этим коллективом происходит переход от административноправового регулирования к духовно-нравственным отношениям.

Решительный отход А.С.Макаренко от системы воспитания, основанной на должности воспитателя, хорошо показывает тот факт, что его трудовая коммуна им. Ф.Э. Дзержинского в течение 5 лет (1930-1935 гг.) в составе 150-400 воспитанников, при периодических выпусках и приема новых воспитанников, в условиях самообслуживания и самоуправления, сочетания школьной, производственной и культур-

ной, оздоровительной работы, - успешно функционировала и развивалась без штатных воспитателей. В трудовой колонии им. М. Горького воспитатели-учителя находились в положении «формального равенства» с воспитанниками.

На технологическом уровне педагогики стержневым является понятие «педагогическая операция», это главная единица воспитательного процесса. Как совокупность «операций» выступает «система перспективных линий» коллектива и личности. Это развитие во времени и пространстве личностного смысла их жизнедеятельности, сдвиг ее мотивации на достижение определенных целей. Таким представляется (по А.Н. Леонтьеву) механизм развития человеческого сознания.

Упорядочение понятийно-терминологического аппарата педагогики, его структурирование, переосмысление традиционных понятий, овладение принципиально новыми понятиями — насущная потребность современного развития педагогики как науки о воспитании.

Для преодоления «размытости» ***предмета педагогики*** необходимо четко определиться в отношении использования понятий смежных с ней отраслей социально-гуманитарного знания. Важно то, что хорошо видно в творчестве Дж. Дьюи: он стал выдающимся педагогом-реформатором, будучи одним из главных разработчиков прагматического направления в философии, внес важный вклад в развитие психологии и социологии.

Феномен А.С.Макаренко раскрывается в знаменательном факте: его идеи и опыт активно поддерживали представители советской власти, общественности, журналисты, литературные критики, писатели, педагоги-практики и лишь некоторые педагоги-ученые.

Разрабатывая новую концепцию педагогики, он вторгался в сферы этики, политики, права, социологии, психологии, эстетики, литературоведения, оставил заметный след в развитии этих и некоторых других связанных с педагогикой наук. Его труды способствовали формированию в 1960-х гг. отечественной военной и исправительно-трудовой педагогики. Широкая образованность, фундаментальные гуманитарные знания (особенно в области истории) —важнейший фактор его необычайного научно-практического успеха.

Уникальной в истории мировой педагогики является связь в деятельности А.С. Макаренко творчества педагога-практика, теоретика и писателя, художника слова. Это основа основ его яркого своеобразия и глубокого влияния на умы и сердца людей различных убеждений, возрастов и профессий.

Взаимодействие в его наследии ***трех путей познания и преобразования мира*** практически-опытного, рационально-научного и эмоционально-образного (свойственного искусству) - становится актуальной проблемой развития воспитания и его теории, преобразования педагогики как науки, ее задач и методологии.

Литература

1. А.С. Макаренко: школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Части 1–8/ Сост. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксенов. – Н. Новгород, 2007 – 2015.
2. Абалкин Л.И. Обоснована ли тревога? Ответы экономиста на трудные вопросы // Звезда, 1989. №2.
3. Адизес И. Выступление на Международном инвестиционном форуме в г. Сочи, сентябрь 2012 г. / И. Адизес. Запись синхронного перевода на русский язык.
4. Бим-Бад Б.М. Педагогика Джона Дьюи // Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия. Матер. VIII науч. конф. / ред. – сост. Г.Б. Корнетов. – М., 2012.
5. Кваша Б.Ф. Педагогическое наследие А.С. Макаренко. – СПб, 1998. – 179 с.
6. Педагогика Джона Дьюи: Учебное пособие / Авт. – сост. Г.Б. Корнетов. – М.: АСОУ, 2010. – 236 с.
7. Попов Г.Х. Взрослые болезни детского труда // Советская Россия. 1989 – 12 марта.

8. Тагунова И.А. Категории «воспитание» и «социализация» в современных западных исследованиях / И.А. Тагунова // Педагогика. – 2015. - № 3. – с. 103 – 113.
9. Фролов А.А. «Человек в системе производства» у Ф. Фукуямы и А. Макаренко // Вопросы экономики. – М., 2010, №8.
10. Фролов А.А. Джон Дьюи и Антон Макаренко – две вершины социальной педагогики XX века // Народное образование. – М., 2013, № 6.
11. Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. В 2-х т. / Сост. А.А. Фролов, Ю.Х. Трушина, Г.Н. Козлова, А.М. Кушнир. – М., 2007.
12. Gering T., Bowers F.B., Wright R. Anton Makarenko – "The John Dewey of the USSR?" // Journal of Correctional Education. Lanham: Dec. 2005, vol. 56. Iss. 4, 327 p.
13. Stand und Perspektiven der Makarenko – Forshung/Hrsg. Von G. Hillig, S. Weitz. – Munchen, 1994. – 402 p.
14. Tarlau, R. Soviets in the Countryside: The MST's Remaking of Socialist Educational Practices in Brazil // Logics of Socialist Education. Engaging with Crisis, Insecurity and Uncertainty / Editors: T.G. Griffiths, Z. Millei. 2013. Vol. 3 – pp. 53 – 72.

(Авторы: Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю. Опубликовано: Воспитание школьников. – М., 2015, № 10, с. 17 – 26).

Методология педагогики как науки о воспитании (по наследию А.С. Макаренко)

1. Методологию очень хорошо определяют как «душу» научного исследования, его мировоззренческие, философские предпосылки. В социально-гуманитарном знании это прежде всего то или иное видение путей познания и преобразования мира. Здесь огромное значение имеют этические представления, обращение к материальным и духовным основам жизни человека и общества.

Можно сказать, что в методологии гуманитарных наук присутствует элемент ***веры***, принятой в тысячелетней человеческой истории. Это культура, т.е. социально - унаследованные непреложные этические предписания-заповеди, навыки и привычки, традиции. Они регулируют общественное поведение в преодолении человеческой разобщенности, вражды и эгоизма.

2. Методология макаренковской педагогики основана на безграничной вере в человека, в неисчерпаемые возможности его развития, в могущество воспитания и в то, что «каждый человек хорош», «каждый человек в чем-то обязательно одарен». А.С. Макаренко непоколебимо верит в культуру, в жизнь, общественный и человеческий прогресс.

Это не просто научная гипотеза. Здесь действует исторический оптимизм, основанный на достижениях человеческой цивилизации. Вера в лучшее будущее, воспринятая не только умом, но и всей силой чувства и воли - базовый компонент макаренковского этико-педагогического принципа: «Как можно больше уважения к человеку, как можно больше требования к нему».

В отношении детей и подростков, юношества этот принцип означает качественно новый уровень доверия к ним, к их неизмеримо возрастающим возможностям и потребностям. Молодежь, говорит А.С. Макаренко, должны обладать «правам гражданства», активно-творческого участия в общественной жизни.

Это право естественно вытекает из активного участия молодежи в производительном труде. Труд — основа основ человеческого существования и культуры, духовной жизни общества и личности.

«Надо уметь работать [в воспитании] с верой в человека, с сердцем, с настоящим гуманизмом» [1, часть 5, с. 99].

3. Следовательно, первым признаком макаренковской методологии педагогики является то, что это ***оптимистическая*** методология. Она отражает состояние успешно развивающегося общества, ее породили и поддерживают прогрессивные социальные силы.

Антипод этому - ***пессимистическая*** методология неверия в будущее, простого приспособления к настоящему. Это продукт консервативных сил, стремящихся к сохранению социальных привилегий, общественного расслоения, лицемерия и насилия.

В методологии А.С. Макаренко действует социально-нравственный идеал - вдохновляющий элемент человеческой и педагогической истории. Это представление об образце общества и личности; он постоянно изменяется в своем высшем смысле и всегда остается «путеводной звездой».

Идеал А.С. Макаренко-педагога - высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, высокая производительность труда, полноценное развитие каждого члена общества. Все его наследие посвящено не просто воспитанию, а новому воспитанию и педагогике, созидающей нового человека.

4. Отсюда второе определение: методология А.С. Макаренко - это методология ***социально-творческой, «целеустремленной» и «ответственной» педагогики***. В его «педагогике завтрашнего дня» согласуются три функции: охранительно-стабилизирующая (закрепляющая социокультурные достижения прошлого); современно активная (решение педагогических задач своего времени); функция прогрессивно-опережающая (она отражает назревший прорыв к новому качеству жизни общества и человека).

В наследии А.С. Макаренко четко определяется фундаментальная задача педагогики: выявление закономерностей взаимодействия педагогических ***целей, средств и результатов.*** Преодолевается «размытость» предмета педагогики, в ее связи с другими отраслями социально-гуманитарного знания. Устраняются коренные недостатки педагогики: ее беспомощность, разрыв теории и практики, рассогласованность педагогических целей и средств, стремление уйти от проблемы результативности применяемой теории и практики.

В практико-ориентированной педагогике А.С. Макаренко хорошо представлены все четыре ее «этажа»: методологический, теоретический, организационно-педагогический и технологический.

Противоположность этому - педолого-педагогическая методология, отрицающая приоритет идеала и целей в педагогике. Она ограничивается лишь созданием условия для произвольно свободного «проявления» индивидуальной «программы» природного развития личности. Так декларируется; на самом деле здесь идеалом становится ограниченный человек-индивидуалист и «профессионал».

5. В методологии А.С. Макаренко господствует будущее, ***категория времени***, триада «***прошлое-настоящее-будущее***». Первостепенным является понятие «педагогический процесс». Педагогическая система определяется как момент, этап развития процесса.

Это имеет принципиальное значение в отношении детей. Особое внимание к их росту и быстрому развитию; необходимость уже во младенчестве на одно-два десятилетия вперед проектировать физическое, умственное и социально-нравственное воспитание - специфическая особенность педагогики. Обращаясь к ***диалектическому*** методу, А.С. Макаренко имеет в виду, прежде всего ***развитие*** педагогических явлений. Мудрые говорят: «Развитие - синоним жизни».

В этом плане А.С. Макаренко основательно использует другой главный постулат диалектики: ***противоречия - источник развития***. Противоречия преодолеваются, но не исключаются, т.к. это означает застой. Остановка - «форма смерти свободного рабочего коллектива» [1, часть 3, с. 269].

Основное противоречие: между воспитанием и жизнью - у А.С. Макаренко предстает в совокупности многих первостепенных проблем: педагогика и политика, социальное и природное, общее и индивидуальное, свобода и дисциплина, развитие и стабильность, любовь и долг, уважение и требование, внешние и внутренние предпосылки воспитания, объективные и субъективные и т.д.

6. Включение этих ***дихотомий*** в систему педагогического мышления и действия, преодоление «парных оппозиций» - глубинная основа выдающихся успехов А.С. Макаренко как педагога-теоретика и практика. Ключевое значение здесь имеет понятие «параллельности», т.е. не исключение противоречий, а их согласование, не разделительное ***или-или***, а соединительное ***и-и***.

Это методология «***педагогики параллельного действия***» [1, часть 6, с. 244]. Различное и даже противоположное в «парной оппозиции» согласуется так, что то и другое сохраняет свою специфику, при действии приоритетного компонента. Производительный труд может остаться экономически эффективным при безусловном подчинении педагогическим целям. Приоритет коллектива может стать фактором, наиболее благоприятствующим личности, ее воспитанию и индивидуальному развитию.

В русле этой методологии А.С. Макаренко разрабатывает «***логику педагогической целесообразности***», «педагогическую логику». В ней обозначаются педагогические закономерности, т.е. устойчивые причинно-следственные связи. Обосновываются векторы педагогического мышления и действия: от целеустремленного жизненного опыта - к его осознанию и продуктивному знанию; от коллектива – к личности; от объективных условий – к развитию человеческих потребностей, интересов.

В итоге - третья особенность макаренковской методологии: она создает живой, противоречиво развивающийся процесс «параллельного» педагогического действия, в нем превалирует категория времени.

Соперничающая с А.С. Макаренко традиционная методология ставит во главу угла понятие «педагогическая система». При игнорировании категории времени система превращается в окостеневшее, мертвое образование, инструмент насильственного «прямого» педагогического действия.

7. Реализуемые А.С. Макаренко в педагогике базовые философские категории времени и пространства точно соответствуют философскому представлению в едином ***«времени-пространстве»***, первоосновой которого является движение, это воплощается в макаренковских «перспективных линиях» коллектива и личности. Здесь выделяемые в аспекте времени перспективы близкая, средняя, дальняя предстают в органическом единстве с действующими в аспекте пространства перспективами индивидуальной, групповой, коллективной, общественной.

Таким образом А.С. Макаренко ввел в научный оборот понятия «***время педагогическое***» и «***пространство педагогическое***», этот факт относится к 1935 г. Для сравнения: в социологии понятия «время социальное» и «пространство социальное» начали применяться в 1970-х гг.

8. Категорию пространства А.С. Макаренко широко использует в определении педагогического ***«поля», предмета педагогики***, его границ в связи с другими науками об обществе и человеке. Исходным является положение: ребенок, каждый гражданин «подвергается воспитанию либо в специально-организованных формах, либо в формах широкого общественного воздействия» [1, часть 4, с. 209].

Это обычное разделение воспитания в «узком» смысле (специальная педагогическая деятельность) и в «широком» (социальное явление, неподвластное педагогике) макаренковская методология преодолевает. Глубокий прорыв в истории педагогики совершается путем образования «***воспитательного коллектива***» как связующего звена жизни детей и «взрослой» жизни общества.

Это единый трудовой коллектив педагогического учреждения, он обеспечивает взаимодействие старшего и младшего поколений. Две функции этого коллектива: оберегать детей от преходящих превратностей сегодняшней общественной жизни; включать детей в творческое совершенствование жизни общества по всем ее основным направлениям.

Так обозначается четвертая особенность макаренковской методологии: ***расширение*** педагогического пространства, воспитание через коллектив педагогического учреждения, тесно связанный с жизнью государства и общества.

Антипод этого - методология, где педагогической «поле» сводится к минимуму, к паре «педагог-воспитанник», к «парной педагогике». И результат ее минимальный; «уединенная», социально и нравственно ущербная личность индивидуалиста.

9. Очень важно, что в пространстве педагогики А.С. Макаренко четко выделяет две главные области: ***воспитание и обучение.***

Содержание воспитания и обучения он определяет не схоластически, а по сфере их действия. Область нового воспитания - социально-коллективистский жизненный опыт, его содержание, мотивация практических действии и их «переживание», волевая и эмоциональная, духовно-нравственная насыщенность. Сфера обучения - знания и навыки умственной и практической, трудовой, профессиональной деятельности.

В макаренковской методологии не только разделяются эти две области (при их диалектически-органическом единстве), но и утверждается ***приоритет воспитания***, им обеспечивается успех социализации, обучения и развития личности. Разработка педагогики как ***науки о воспитании*** - пятый признак педагогической методологии А.С. Макаренко. В этом заключается главный секрет замечательных достижений его педагогической практики и теоретической работы в педагогике.

Его социально-педагогической концепции противостояла при жизни и в дальнейшем, в настоящее время противостоит педолого-педагогическая методология. Ее основа - приоритет природного развития личности, приспособление к существующему и потребительское отношение к жизни. Противоречащей является и основанная на первенстве обучения «дидактическая» педагогика и «школа учебы», технократически и узко профессионально ориентированные. За 5 месяцев до своей кончины А.С. Макаренко констатировал: «У нас нет воспитательной педагогики» [1, часть 7, с. 313].

10. Шестая особенность его методологии: превращение педагогики в подлинную науку, ***экспериментально-опытную***, приближающуюся к точности естественнонаучного знания. С 1920 г., в течение 15 лет А.С. Макаренко целеустремленно проводил опыт практической проверки и развития идей «Декларации Наркомпроса УССР о социальном воспитании детей». Обучение в опытном плане он не затрагивал, оно осуществлялось в обычном, общепринятом порядке.

Это опыт педагогического учреждения в целом, основанный на индуктивном методе, при «направляющем значении» дедуктивных положении, с периодической фиксацией данных опыта и его осмыслением в итоговых материалах разного рода. Апробировалась ***педагогическая система***, противоречиво развивающаяся, открытая, обладающая мощным творческим потенциалом.

Ее ядро - цель воспитания характера, человека сильной воли, глубоких чувств, ясного ума и активного действия. Эта система обеспечивает «свободу в самочувствии воспитанника», он может «более просто и радостно переживать свое детство». Воспитание становится «естественным» (по выражению Ж.Ж. Руссо), жизненно ориентированным: оно направляется не чьей-то волей, а исключительно обстоятельствами и потребностями жизни, специально-организованной в педагогических целях.

Антипод макаренковской опытно-экспериментальной педагогики - педагогика отхода от развивающейся жизни, педагогика умозрительно-декларативная, «дедуктивная», догматическая. Она не располагает надежной доказательной базой, по существу не стремится быть наукой.

Макаренковская трудовая колония им. М. Горького и трудовая коммуна им. Ф.Э. Дзержинского - это взгляд в будущее. Он ярко проявился в следующем: свобод-

ный труд, преодоление отчуждения работников от средств производства и результатов труда, «хозяйствование», переход от административно-правового управления к самоуправлению, приоритет морального фактора в социальном управлении, «одухотворение» уклада жизни.

11. Наконец, седьмая особенность методологии А.С. Макаренко, самая замечательная, связана с его необычайно успешной деятельностью одновременно как педагога-практика, теоретика педагогики и писателя, художника слова. Это уникальное в мировой педагогике явление неразрывного единства трех путей познания и преобразования мира: ***опытно-практического, рационально-научного и чувственно-образного,*** свойственного искусству.

Значимость этого триединства в педагогике А.С. Макаренко еще просто не замечается. Из его наследия по сей день используется очень небольшая часть, лишь близкая «детской» педагогике школы. В аспекте его деятельности как социального педагога-реформатора предстоит осмыслить весь комплекс его художественных произведений, публицистические выступления, литературные рецензии, литературоведческие работы, различные рабочие записи, деловые и личные письма.

В этом плане можно сказать, что глубокое исследование макаренковского вклада в педагогику, в его полном объеме, еще только начинается.

Литература

1. Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Части (тома) 1 – 8. – Н. Новгород, 2007 – 2015.

(Автор А.А. Фролов. Опубликовано: «Историко-педагогическое знание в нач. III тысячелетия: педагогические направления в образовании. Матер. XI межд. науч. конф.» / ред. – сост. Г.Б. Корнетов. – М., 2015, с. 230 – 235).

О содержании издания, данного тома

Данная Часть 9 издания «А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания.....» – это окончание издания нового собрания его сочинений, в виде «учебной книги». Начало этому положила книга А.А. Фролова «А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939–2005 гг., критический анализ)», издана в Н. Новгороде в 2006 г.

Так возникла серия из 9 ежегодно выпускаемых книг (1-я часть нового издания макаренковских трудов вышла в 2007 г.). Далее планируется книга: «Педагогика общества, детства и молодежи. По наследию А.С. Макаренко: прошлое – настоящее – будущее». Предварительные материалы к ней, касающиеся в основном методологии педагогики А.С. Макаренко, печатались в 3-8 частях данного издания, в виде обширной вступительной статьи, на основе уже опубликованного в разных изданиях.

Работе над этой книгой будет способствовать подготовка «Сводного тематического указателя» к 1-9 томам (частям) данного издания: объяснение понятийно-терминологического аппарата педагогики А.С. Макаренко – и «Сводного именного указателя»; предполагается их публикация в отдельном издании.

Задуманный итоговый труд отражает работу, проведенную исследовательской лаборатории «Воспитательная педагогика А.С. Макаренко» НГПУ им. К. Минина в ходе нового издания макаренковских трудов, в процессе обобщения и критического анализа результатов исследования, теоретической разработки и практического использования макаренковского наследия в СССР, России и других странах в течение уже 75 лет.

О необходимости макаренковедческого исследования с высоким уровнем обобщения свидетельствует проведенный в январе 2008 г. в Федеральном институте развития образования симпозиум «Современный Макаренко: методология, теория и практика педагогики». Его материалы опубликованы в сборнике под этим названием (М., ФИРО, 2008) и в издании: Макаренко: альманах, М., 2008, №1.

Далее начался выпуск брошюр «Наследие А.С. Макаренко: современная разработка и перспективы (в аспекте методологии педагогики)». Сделано 3 выпуска (Н.Новгород, 2009, 2010 гг.). В выпуске 2 помещены тезисы 14 специалистов; в выпуске 3 – 23, авторы из России, Украины, Германии, Польши, Беларуси, доктора и кандидаты наук, специалисты по педагогике, философии, социологии, психологии. Выпуск 4 – брошюра: Фролов А.А. Педагогика А.С. Макаренко: основы методологии (в сравнении с другими концепциями педагогики). – Н.Новгород, 2013. Выпуск 5: Фролов А.А., Аксёнов С.И. Джон Дьюи и Антон Макаренко – две вершины социальной педагогики XX века. – Н.Новгород, 2015. Выпуск 6: Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю., Аксенов С.И. Ицхак Адизес и Антон Макаренко: развитие – основа успеха организации. – Н.Новгород, 2015. Выпуск 7: те же авторы. Израильский кибуц и трудовая колония им.М. Горького: общие черты в исторической параллели. – Н.Новгород, 2015. Выпуск 8: Фролов А.А., Неживенко В.Н. Педагогика А.С. Макаренко в успехах советского спорта 1948 – 1980-х годов. – Н.Новгород, 2016. Выпуск 9. Те же авторы. Рикардо Семлер и Антон Макаренко: свободный труд – основа новой жизни и всестороннего развития человека. – Н.Новгород, 2016.

Макаренковедческая лаборатория НГПУ им. К. Минина (действует с 2003 г.) 28-29 марта 2013 г. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда провела международную научно-практическую конференцию «Педагогика А.С. Макаренко: воспитание и жизнь (достижение и проблемы)». Под этим названием выпущен сборник материалов конференции, она посвящена 125-летию со дня рождения А.С. Макаренко.

Конференция поддержана участием в ней сотрудников Российской академии образования, Института истории и теории педагогики. В конференции приняли участие специалисты из Японии, Италии, Германии, Украины, США, из 20 городов и

районов Российской Федерации, в том числе 12 докторов педагогических наук.

Принятый конференцией Итоговый документ отражает состояние современного макаренковедения, его развитие и проблемы, направления дальнейшей работы.

Посвященные юбилейной дате научно-практические конференции прошли в Москве (Российском гос. социальном университете и Московском гос. областном университете – с аспирантами), Волгограде (Волгоградской гос. академии повышения квалификации работников образования), в Украине (Полтавском национальном пед.институте и Сумском гос. педагогическом университете) – с изданием материалов конференции. Юбилейная конференция проведена в Воронежском гос. университете.

Книга: «Педагогика обществаа, детства и молодежи. По наследию А.С. Макаренко: прошлое – настоящее – будущее» - задумана как приближение к осуществлению замысла А.С. Макаренко, которого ему не удалось осуществить. Он хотел написать «книгу по педагогике», «важный и капитальный труд о воспитании». Он приступал к этой работе, заявлял о ней несколько раз: в 1928 г., в конце 1932–начале 1933 гг., в феврале 1935 г. А еще гораздо раньше, осенью 1922 г., он намеревался «огромный опыт двух лет, вызвавший множество вопросов, обработать научным образом» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда воспитания..… Часть 1, с. 39).

В нашем издании трудов А.С. Макаренко он предстает как социальный педагог-реформатор, классик педагогики, органически совмещающий качества педагога-практика, мыслителя и писателя, художника слова, публициста, общественного деятеля. Его наследие характеризуется как масштабное, исторически значимое социально – культурное явление.

Новое издание трудов А.С. Макаренко необычно, имеет характерные особенности. Материалы даются в строгой хронологической последовательности (от 1-й части до 8-й включительно). Нет разделения материалов «по жанрам». В общем потоке представлены многообразные авторские материалы А.С. Макаренко: лекции, статьи, выступления, литературные рецензии и отзывы, деловые и личные письма, художественно-педагогические произведения, различные подготовительные материалы, конспекты, дневниковые записи.

Все написанное и сделанное им предлагается к восприятию в общем «потоке жизни». Это соответствует его концепции педагогики, генеральной идее «школы жизни, труда, воспитания». Таким образом можно приобщиться к методологии новой педагогики, видеть и осмысливать педагогические явления и процессы в их органической связи с жизнью общества в их масштабности, многообразии и единстве, в постоянном и противоречивом развитии.

К этому ведет нераздельность материалов, относящихся к педагогической теории и практике. Жизненно-ориентированная педагогика А.С. Макаренко примечательна согласованностью теории и практики. Границы его педагогики, ее методология и задачи четко ограничены выявлением закономерностей в сфере взаимодействия педагогических целей, средств и результатов. Это гуманистическая, человеко – центристская педагогика.

В комментариях, рубрике «Дополнения» приводятся сведения и факты, сопутствующие появлению тех или иных макаренковских материалов, решений и действий. Даны многочисленные документы его колонии им. М.Горького, коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, отдела трудовых колоний НКВД УССР, различных государственных и общественных организаций, деятельности А.С. Макаренко в Союзе советских писателей.

Издание претендует на всю полноту представления известных исследователям к настоящему времени произведений, различных авторских материалов А.С. Макаренко, документов о его деятельности. Среди них очень много неизвестных ранее и малоизвестных, не вошедших в предыдущее, 8-томное собрание его

сочинений (М., 1983–1986 гг.).

Таким образом издание предстает и как научная биография А.С. Макаренко, где социально-гуманитарная направленность его жизни и деятельности неотделима от личных качеств, культуры его личности. Стремление обратить внимание прежде всего на эти новые источники, материалы побудило составителей к публикации макаренковских художественно-педагогических произведений лишь в их фрагментах, имеющих преимущественно научно-теоретическую ценность. (Отдельные издания этих произведений многочисленны и доступны). Таким образом удалось удержать издание в целесообразном объеме.

Издание трудов А.С. Макаренко в виде «учебной книги» – еще одна его уникальная особенность. Эта учебно-познавательная направленность реализуется в материале «От составителей» (где даны их методологически значимые публикации последних лет), в расширенных комментариях, «Учебно-методическом материале» и списке публикаций (включая автореферaты диссертаций), сделанных в последние годы по макаренковедческой и близкой к ней проблематике. Методическую направленность имеют данные в начале каждого тома эпиграфы-цитаты, ключевые идеи данного тома. В комплекс учебно-методических материалов входят Именные указатели (в каждом томе).

Комментарии в учебных целях не только содержат многоаспектный материал (отражающий современные трактовки и многочисленные попутные сведения), но и печатаются не в конце книги (там их обычно не читают), а сразу после текста А.С. Макаренко, побуждая читателя к вдумчивому его восприятию, сравнению с предыдущими и последующими текстами.

Объективность комментариев может быть проверена повторными обращениями к макаренковским авторским материалам и документам.

Начиная с Части 2 издания в каждой из них в конце книг дается «Дополнительный материал». Это тексты А.С. Макаренко и документы, выявленные позднее, они хронологически дополняют содержание 1-й и последующих частей (томов). Этот материал не отражается по томам в Именных указателях, он обобщенно представлен в данном томе.

Часть 1 включает многообразные документальные материалы деятельности колонии им.М. Горького в 1921-1928гг., новые проекты расширения опыта колонии, первые теоретико – методические разработки А.С. Макаренко, планы художественно – педагогической деятельности.

В части 2 представлены документация коммуны им.Ф.Э. Дзержинского 1928 – 1932гг., макаренковские материалы о ее деятельности, фрагменты книг – очерков «Марш 30 года» и «ФД – 1», продолжение переписки с А.М. Горьким, начало переписки с Г.С. Салько (Макаренко).

Часть 3 содержит документальные материалы коммуны дзержинцев 1932 – 1935гг., материалы книги «Опыт методики работы детской трудовой колонии», фрагменты пьесы «Мажор», 1 и 2 частей «Педагогической поэмы», пьесы «Ньютоновы кольца».

В части 4 помещены труды А.С. Макаренко 1935 – 1936гг., материалы работы коммуны дзержинцев, фрагменты 3 части «Педагогической поэмы», книги «Методика организации воспитательного процесса».

Части 5 - 9 издания значительно отличаются от предыдущих: в ней уже нет привычных материалов о непосредственной работе А.С. Макаренко в его колонии-коммуне.

Новым и ценным является отражение его продолжающейся далее социально-педагогической деятельности: в отделе трудовых колоний НКВД УССР, в Киеве (сначала в качестве пом. нач. ОТК, затем консультанта). Ранее о «киевском периоде» его творчества было практически неизвестно, что приводило к разного рода домыслам и инсинуациям. Начало этого периода освещается в Части 4, со с. 70.

Часть 5 охватывает этот период до конца, а также начало жизни А.С. Макаренко в Москве, когда он целиком занят литературной, публицистической, общественной деятельностью. Это еще очень слабо изученный, новый этап его творчества, «московский период». Обычно он трактуется лишь как работа писателя, публициста, литературного критика. Не замечается, что это является продолжением и расширением его работы как социальногго педагога – реформатора, классика педагогики. Публикуются мтериалы его романа «Человек».

В это время А.С. Макаренко выходит на новый уровень своих обобщений, все теснее связывая педагогику с развитием общественной жизни, различными областями социально-гуманитарного знания. Центральное место в Части 5 занимают подготовительные материалы и фрагменты «Книги для родителей».

Часть 6 охватывает период с лета 1937 г. до весны 1938 г. Книга включает: статьи, рецензии, рассказы, «Лекции о воспитании детей», «Честь», «Проблемы школьного советского воспитания», выступления, письма, записи.

Данный том и тома 5, 7-9 хорошо представляют педагогику А.С. Макаренко «в широком смысле», с включением в нее «педагогики всего общества», в ней отражаются действующие социально-экономические явления и процессы, события в сфере политики, культуры, печати, художественной литературы, искусства.

С большой полнотой обнаруживается активно-творческая связь макаренковской педагогики с другими социально-гуманитарными науками, особенно с этикой и эстетикой, литературоведением. При обращении к опыту колонии горьковцев и коммуны дзержинцев даются новые обобщения, расширяется педагогическая проблематика, обогощается понятийно-терминологический аппарат.

В части 7 московский период жизни и деятельности А.С. Макаренко отражается с марта по ноябрь 1938 г. Включены статьи о советской школе, материалы о художественной литературе (включая детскую), фрагменты «Флагов на башнях», подготовительные материалы к «Путям поколениям» и «Ньютоновым кольцам», планы киносценария о школе, «Некоторые выводы из моего опыта», «О моем опыте», записи встреч с читателями, рассказы, статьи, письма. Дневниковые записи не только хорошо отражают хронологию напряженной творческой деятельности А.С. Макаренко в это время, но и показывают ее активную социально-педагогическую востребованность.

Часть 8 охватывает время от 1 декабря 1938 г. до кончины А.С. Макаренко 1 апреля 1939 г. Освещаются события 1-30 апреля. Публикуются педагогически направленные публицистические и литературно – критические статьи, этические и педагогические разработки, фрагменты киносценариев «Настоящий характер» и «Командировка». Дан историографический материал: «Начало освоения и разработки наследия А.С. Макаренко (кон. 1939 г. – 1945 г.)».

Часть 9 – дополнительный том, он содержит многообразные авторские и документальные материалы А.С. Макаренко, по различным причинам не вошедшие в 1 – 8 часть данного издания, материалы дореволюционного (1917г.) периода его жизни и педагогической деятельности.

Комментарии к текстам А.С. Макаренко во всех томах данного издания начинаются с указания на источник, по которому печатается текст. Публикуемые впервые материалы обозначаются ссылкой на архивный и другие источники.

Хронологически тексты располагаются по времени их написания или публикации, если время написания неизвестно. В наименовании материалов дата ставится, когда это наименование имеют несколько текстов. В комментариях биографические сведения об отдельных лицах даются лишь в рамках рассматриваемого периода. Фамилии причастных в это время к деятельности А.С. Макаренко писателей, педагогов, журналистов, работников различных учреждений, сотрудников и воспитанников колонии горьковцев и коммуны дзержинцев

выделяются курсивом.

О проведённой составителями работе над текстами: устранение купюр, уточнение текста, дат и т.д. – не сообщается (за исключением наиболее значимых случаев). Введённые составителями в текст слова (пропущенные или уточняющие) даются в квадратных скобках. Сокращение отдельных мест (обычно при общем сокращении текста источника) отмечается отточиями. Не сообщается о первой и последующих публикациях, о имеющихся разночтениях, а также о переводе с украинского языка (обо всём этом обычно говорится в комментарии к источнику, по которому сделана публикация).

В разных томах издания в макаренковских текстах повторяются идеи, понятия, факты, лица, требующие пояснений. Это ведёт к некоторым повторам в комментариях по томам. Тогда отмечается и нечто новое, соответствующее иным обстоятельствам, логике развития социально-педагогических явлений и процессов. Уточняются точные определения, которые дают составители издания в ходе изучения и комментирования публикуемых материалов.

Ссылки на издание Пед. соч. А.С. Макаренко в 8 томах (М., 1983–1986) делаются в том случае, если тот или иной материал еще не включен в наше издание, выходит за хронологические рамки его томов. После опубликования в них ссылки делаются на наше издание.

Подписи к фотографиям

На форзаце в начале книги:

1. Городок Белополье Сумского уезда Харьковской губернии, где родился А.С. Макаренко, фото 1912г.
2. Родители А.С. Макаренко: Татьяна Михайловна и Семен Григорьевич, 1913г.
3. А.С. Макаренко в начале учебы в Кременчугском городском училище (примерно 1901г.)
4. А.С. Макаренко – помощник учителя, затем учитель Крюковского начального железнодорожного училища (примерно 1906-1908гг.)
5. Крюковские железнодорожно-вагонные мастерские, там работал С.Г. Макаренко. На территории этого предприятия располагалось училище, где работал А.С. Макаренко в 1905-1911 и 1917-1919гг., фото 1899г.
6. Е.Ф. Григорович и А.С. Макаренко (примерно 1911г.)
7. Братья А.С. и В.С. Макаренко, кон. 1914г.

Вкладка в начале книги, после "Содержания":

1. А.М. Горький, 1905-1906гг.
2. А.С. Макаренко (второй ряд, справа) и, вероятно, Г.В. Орлов, с подругами на природе в выходной день, сентябрь 1915-1916г.
3. В этом же училище: А.С. Макаренко (в первом ряду справа), рядом учителя – Н.П. Найда и Г.В.Орлов, с ученицами, 1911г.
4. В Крюковском начальном железнодорожном училище: директор (инспектор) М.Г. Компанцев (справа) и учителя А.С. Макаренко и П.В. Рашев (1906-1910гг.)
5. М.Г. Компанцев (в центре), справа от него учителя З.П. Архангельская и А.С. Макаренко (крайний) с учениками Крюковского училища
6. Во дворе Крюковского училища
7. А.С. Макаренко с учениками, примерно 1906 г.

8. Братья А.С. Макаренко и В.С. Макаренко, курсант военного училища прапорщиков(1914-1915гг.)

Обратная сторона этой вкладки:

1. А.С. Макаренко – директор (инспектор) Крюковского соединенного высшего начального училища (1917-1919гг.)
2. А.С. Макаренко – студент Полтавского учительского института, 19 декабря 1914г.
3. А.С. Макаренко с группой учеников Долинского железнодорожного училища, начало 1914 г.
4. Долинское железнодорожное училище, учителя (второй ряд) и ученики. А.С. Макаренко во втором ряду слева третий.
5. А.С. Макаренко в 1918-1919гг.
6. Дом в Полтаве, Важничий переулок, дом 5, где жил А.С. Макаренко, будучи студентом Полтавского учительского института (современный вид)
7. Здание, где располагался Полтавский учительский институт (современный вид)
8. А.С. Макаренко – ратник 2-го разряда 147 пешей Воронежской дружины, кон. 1916 – нач.1917гг.

Вкладка в конце книги:

1. С.А. Калабалин и Г.К. Калабалина (в «Педагогической поэме» С. Карабанов и «Черниговка» с дочерью и сыном, 1934г.)
2. Дочь и внуки Г.А. Супруна, фото 1960-х годов. Один из первых колонистов-горьковцев (в «Педагогической поэме» Г.Бурун.) Инженер-майор, затем подполковник танковых войск, участник Сталинградской битвы, боев на Курской дуге и за Кенигсберг.
3. И.И. Ройтенберг (воспитанник коммуны дзержинцев), армейский политработник, 1941 г. Погиб в Великую Отечественную войну в мае 1942г.
4. Н.М. Мизяк и С.М. Мизяк, братья, лейтенанты, фото начала Великой Отечественной войны. Участники боев с японскими захватчиками в 1938 г., танкисты. С.М. Мизяк награжден орденом Боевого Красного Знамени, высшим военным орденом. Воспитанники коммуны дзержинцев.
5. В.М. Козырь, воспитанник коммуны дзержинцев, лейтенант, авиационный техник, с женой и дочерью, начало 1943г. Погиб в Великую Отечественную войну в августе1943г. при освобождении Украины.
6. В.Н. Терский (клубный работник в колонии им. М. Горького в Куряже; в «Педагогической поэме» - Перский В.Н.), в центре, в семье В.М. Грицюка, фото1950-х гг. Коммунар – дзержинец В.М. Грицюк занимался в изокружке В.Н. Терского. В Великую Отечественную войну командир взвода подрывников-саперов, участник диверсионной работы в тылу врага.
7. Кадр кинохроники: В.И. Клюшник в Московском пединституте им. В.И. Ленина (слева) беседует с зав. кафедрой педагогики И.Т. Огородниковым (крайний справа), 1948г. Инженер-подполковник танковых войск. Во время Великой Отечественной войны заместитель командира полка по технической части, затем преподаватель танкового училища. Коммунар-дзержинец. В макаренковском киносценарии «Настоящий характер» В. Кулешов.
8. Фото времен окончания войны с милитаристской Японией, август 1945г. Второй слева – З.С. Клямер, начальник штаба гвардейской танковой брига-

ды. В 1939г. командир танковой роты, во время советско-финской войны. Воспитанник коммуны дзержинцев.

9. О.В. Макаренко (первый ряд) в группе военных медсестер, 1941-1942гг.

Обратная сторона этой вкладки:

Обложки некоторых книг, изданных в постсоветское время в России, Украине, Германии.

На форзаце в конце книги:

1, 2, 3, 4 – обложки книг, изданных: в 1976 г. в ФРГ, в 2006-2010 гг. в России, в 2015 г. в Украине.

5. А.А. Фролов и Л.Ю. Гордин в Пекине, на площади Тяньаньмэнь, у Государственного Флага КНР, декабрь 1988 г.
6. А.А. Фролов и Л.Ю. Гордин с группой сотрудников кафедры педагогики Пекинского государственного университета, отмечается 100-летие со дня рождения А.С. Макаренко, декабрь 1988 г.
7. Первая страница одного из многочисленных текстов докладов, сообщений, представленных на Всекитайской конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.С. Макаренко, март 1988 г. Автор - Гао Чхэнье (Институт педагогических наук Педагогического университета Юго-западного Китая, тема: “Элементы социалистического гуманизма в педагогических идеях А.С. Макаренко”.
8. Участники VII международного симпозиума, проведенного 28 апреля -2 мая 1989г. в ФРГ (под Франкфуртом-на-Майне) “А.С. Макаренко в постсоветское время”. Слева стоят: И. Гашковец, Г. Хиллиг. Сидят, справа: В. Моргун, Э. Зауэрман, М. Богуславский, И. Токарев. Стоят выше: А. Фролов, Т. Кораблева, Н. Окса, Л. Гриценко, А. Петрикаш, И. Зязюн, З. Вайтц.
9. Участники международной научно-практической конференции, проведенной в Нижегородском государственном педагогическом университете 28-29 марта 2013 г. “Педагогика А.С. Макаренко: воспитание и жизнь (достижения и проблемы) “.

10-14. Серия брошюр, выпускаемая исследовательской лабораторией “Воспитательная педагогика А.С. Макаренко” (Мининский университет): “Наследие А.С. Макаренко: современная разработка и перспективы (в аспекте методологии)”. Обложки изданий 1915-1916 гг.

АВТОРСКИЕ МАТЕРИАЛЫ А.С. МАКАРЕНКО, 5 СЕНТЯБРЯ 1925 Г. – 27 ЯНВАРЯ 1935 Г. И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К НИМ

Удостоверение, выданное В.И. Поповиченко, 5 сентября 1925 г.

Выдано Василию Ивановичу Поповиченко в том, что он состоял воспитателем[1] Полтавской колонии им. М. Горького для несовершеннолетних правонарушителей с 1 января 1921 года до 5 сентября 1925 года, в течение какового времени, кроме обычных воспитательских обязанностей, исполнял обязанности помощника и первого заместителя заведующего колонией, а с 1925 года сверх того заведовал арендуемую колонией 19-ой госмельницей.

30 августа, в день празднования пятилетнего юбилея колонии, Полтавским Окрисполкомом награжден подарком – часами.

5 сентября 1925 года уволен от должности согласно его заявлению вследствие перехода на работу в гор. Ленинград.

Заведующий колонией *А. Макаренко*

Секретарь педагогического совета *Е. Григорович*[2]

Автограф А.С. Макаренко. Личный архив А.А. Фролова.

[1] Воспитатели в колонии были и учителями колонийской начальной школы. С лета 1922 г. *В.И. Поповиченко* **был также секретарем строительной (ремонтной) комиссии. К 1 сентября 1924 г. вел «надзор и контроль по продуктовой и материальной части» колонии. Его жена** *Н.Т. Поповиченко* **была также воспитателем-учителем. В «педагогической поэме» И.И. и Н.М. Осиповы.**

Григорович Е.Ф. **– воспитательница-учительница и фельдшер колонии им. М. Горького, окончила фельдшерскую школу и «полукурсовку мед. факультета», Киевский педагогический Фребелевский институт и Полтавский ИНО. В горьковской колонии с начала ее деятельности. Педстаж до этого – 11 лет. В «Педагогической поэме» Екатерина Григорьевна.**

Доклад на конференции работников учреждений социального воспитания интернатного типа в Полтаве, 15 – 16 января 1926 г. (в изложении)

…При обсуждении вопроса об организации внутренней жизни детских учреждений и о дисциплине.

Общий тон в этой работе был дан представителем трудовой колонии имени М. Горького. (Подчеркнуто в источнике – А.Ф.)

Он в основу жизни колонистов кладет труд, который является не только главным содержанием [воспитания], но и главным организующим фактором. Отсюда возникает система самоуправления, построенная на трудовом принципе: разбивка детей на отряды, строгая рабочая дисциплина и т.д.…

Докладчик начал свой доклад с того, что отбросил всякое значение педагогической литературы для педагогической работы. Педагогику он отбрасывает не только потому, что она будто бы «базируется исключительно на дедукции»,[1] но и главным образом потому, что она не дает указаний, касающихся деталей педагогической практики…

Другое парадоксальное утверждение – это утверждение о дисциплине… В его колонии применяется система наказаний[2] морального характера, в том числе и такое «почетное» наказание, как стоять под винтовкой[3]…

Докладчик советует применять наказания не только в колониях для несовершеннолетних правонарушителей, но и в общих учреждениях социального воспитания. И даже предлагает составить Положение о наказаниях… Это своеобразное «Уложение о наказаниях» должно быть составлено компетентной комиссией, чтобы оно могло быть широко использовано в других учреждениях…

Докладчик расходится с новой педагогикой лишь на словах. Он совсем не признает педагогики – и вместе с тем, по его же словам, читает много педагогических книжек, которые дают ему возможность быть на уровне современной педагогической мысли…

Он объявляет себя врагом самодисциплины и самоуправления[4], а фактически на них главным образом строится жизнь его колонии…

Ж. «Шлях освіти», орган Гос. научно-методологического комитета НКП УССР, Харьков, 1926, № 2, автор – «Г.В.» (т.е. Г.Г. Ващенко), фрагмент его отчета о конференции.

Ващенко Г.Г. **– тогда «профессор по педагогическим дисциплинам Полтавского института народного образования», преподавал рефлексологию, педологию, НОТ в педагогике, дидактику трудовой школы; предс. Бюро Полтавского кабинета социальной педагогики. В конце 1933 г. уволен из Полтавского пединститута за «буржуазный национализм». С 1940 г. профессор педагогики этого пединститута.**

Во время фашистской оккупации Украины в соответствии с планом оперативного штаба рейхсфюрера оккупационных областей А. Розенберга написал книгу о педагогике и школе в СССР, она частично издана в 1965 г. в Англии, на укр. яз. Ее фрагмент: «Янычар Макаренко – великий советский педагог» - опубликован в ж. «Визвольний шлях», 1955, №№ 6, 9, 10. Лондон).

[1] Говоря о «дедукции», А.С. Макаренко обращается к методологии педагогики. Он утверждает идею приоритета инуктивного метода в педагогике (в сочетании с дедуктивным). Таким образом, он борется за превращение педагогики в подлинную науку, экспериментально-опытную. Обстоятельно об этом он говорит в работе, относящейся к кон. 1932 – нач. 1933 гг. (см. часть 3 данного издания, с. 54 – 56 и кон. 1937 г. – часть 6, с. 234 – 235, 243 – 244).

[2] «Никакие наказания в школе не допускаются», - объявлено в «Положении об единой трудовой школе РСФСР» (сент. 1918 г.).

[3] «Стояние под винтовкой», «Смирно», определенное время – форма наказания солдат, принятая в старой армии. У А.С. Макаренко это у зачехленного знамени колонии, в ее канцелярии. Это его поиск сочетания в наказании (как и во многом другом) требования и уважения к человеку. В дальнейшем – «арест» (в его кабинете, бывшем и комнатой самоуправления), по образцу «домашнего ареста», привилегированного наказания – для командиров, офицеров (см. часть 6 данного издания, с. 274 – 275).

«Под винтовку» направлялись преимущественно неупорядочные в своем поведении, «разболтанные» воспитанники. В Советской армии караульный пост № 1 (в штабе полка, у полкового знамени в чехле, с часовым по стойке «смирно») является почетным.

[4] А.С. Макаренко отрицал идею «самоорганизации» детей, но не самоуправления. Он категорически против формального самоуправления, когда оно становится лишь «надстройкой над фактическим управлением взрослых» (часть 1 данного издания, с. 291). Для него самоуправления – это форма жизнедеятельности единого трудового коллектива педагогического учреждения, всех его сотрудников и воспитанников вместе (единая «трудовая коммуна»).

См. там же и с. 134 – 137: произвольная редакция текста А.С. Макаренко по вопросу «самоорганизации».

Дополнение. *Г.Г. Ващенко об этой конференции и о докладе А.С. Макаренко. «В работе конференции при рассмотрении вопроса о дисциплине обращает на себя внимание не только сам доклад Макаренко, но и отношение к нему со стороны участников конференции.*

Большую озабоченность вызывает отношение к парадоксам докладчика участников конференции. Значительная часть отнеслась к ним с определенным сочувствием. И последствия этого могут быть очень нехорошими.

Особо опасными являются мысли о наказаниях как средстве воспитания. В хорошо поставленных учреждениях совсем не приходится говорить о наказаниях и вообще о дисциплине, это верный признак того, что в учреждении все благополучно.

Поэтому симптомом «неблагополучия» является сочувствие участников конференции к мысли о наказаниях в учреждениях социального воспитания, и не только симптомом «неблагополучия», но и симптомом реакции».

О докладе А.С. Макаренко: *положенные в основу его колонии труд и самоуправление – это «не противоречит, а, наоборот, целиком сходится с теоретическими взглядами советской педагогики». То, что современная педагогика базируется исключительно на дедукции – «это совершенно неверна».*

«Фактически колония им. Горького имеет большие достижения совсем не благодаря наказаниям, которые в ней практикуются…[1] Можно еще допустить, что наказания играли какую-то роль в жизни колонии, учитывая специфические условия ее работы [с несовершеннолетними правонарушителями], но, во всяком случае, эта роль очень незначительна… Наказание в этой колонии не играет большой роли».

[1] В «Отчетной ведомости о состоянии Полтавской трудовой им. М. горького за 1923 г.» А.С. Макаренко сообщает: «Наказания почти забыты в колонии, даже выговоры и замечания стали редкостью» (часть 1 данного издания, с. 100).

Дополнения. *Публикация в газ. «Работник» (орган Полтавского оркома КП(б)У, окрпрофсовета, окрисполкома и городского совета, 21 мая 1926 г. (в рубрике «Хроника», укр. яз.):* **«Колония им. Горького переводится на ст. Рыжов (возле Харькова)[1], где она будет реорганизована во Всеукраинскую образцовую трудовую колонию для несовершеннолетних правонарушителей. На ее место в Ковалевку переводится детская колония им. В. Короленко».**

[1] Имеется в виду Куряж, соединение колонии им. М. Горького с действующей там трудовой колонией им. 7 ноября.

Коломойцева Е. «Правонарушители» (Полтавская трудовая колония им. М. Горького // газ. «Коммунист», орган ЦК и Харьковского окрисполкома КП (б) У, 27 мая 1926 г.: **«Колония существует 6 лет. В начале – Макаренко и 2 воспитательницы. Полуразрушенные здания. Одна пара сапог и один тулуп на троих. Через несколько дней прибыло 5 несовершеннолетних, достаточно опытных воров. На просьбу отмести от**

дома снег один из них сказал: «Такой чепухой не привык заниматься».

Сейчас это огромное поместье: поля, огороды, парники, фруктовый сад, хорошо расчищенный парк, мельница, лошади, коровы, свиньи йоркширской породы. Мастерские рассчитаны на 125 человек, а их в колонии 150, преимущественно мальчики. Трудовые отряды по 10 – 12 человек. К концу дня все сообщают заведующему колонией о положении дел в своих отрядах.

В каждом уголке, под каждым навесом, как муравьи, трудятся члены колонии. У всех бодрые и приветливые лица. Один не отстает от другого. Тут же шутки, остроты, веселые возгласы.

Спальни большие, чистые, светлые. Постельное белье – чистое, хоть и довольно бедное. Большая удобная столовая.

12 час. – обед: мясной суп с картошкой. После обеда опять работа. В определенные дни – военный строй. В клубе вечером отдыхают, веселятся, пляшут гопака, играют на рояли, в шахматы, в футбол, занимаются гимнастическими упражнениями. Любят читать, в библиотеке 2 тыс. книг. В библиотеке всегда полно...

Большой авторитет среди соседских селен: образцовое колонийское хозяйство, селяне охотно покупают скотину для развода, пожарная команда обслуживает нужды села. Крестьянская молодежь охотно посещает колонийские спектакли.

За 6 лет выработалось своя, крайне любопытная обрядность: День первого снопа, своя традиция в проведении революционных праздников и др. Особенно торжественно отмечается День рождения Горького, существует живая дружеская связь с ним. В кубе – портрет Горького, в кабинете – полка с его книгами – подарок писателя. Там же альбомы с видами Неаполя и Сорренто, присланные колонистами. Письма его полны трогательного участия, теплоты и какой-то огромной человеческой любви к «правонарушителям». Там же – и признательность Макаренко.

Действительно, об этом человеке, педагоге можно сказать бесконечно много хорошего. Антон Семенович – строгий, взыскательный, но все знает, все видит, никому ничего не спускает. Он ввел почти военную дисциплину, и, тем не менее, редко можно встретить более дружеские, сердечные отношения между младшими и старшими, учащимися и педагогом, между детьми и родителями, какие наблюдаются между Антоном Семеновичем и колонистами. Бывшие правонарушители – откровенны, правдивы и преданы своему учителю.

Воспитатели не надзирают, они наравне с воспитанниками работают. Имеется комсомольская ячейка, с ними ведет занятия специальный политрук».

См. также часть 1 данного издания, с. 195.

Викторов В. За монастырской стеной // газ. «Харьковский пролетарий», орган Харьковского окрисполкома КП (б) У, окрисполкома, окрсовпрофа и горсовета. 4 и 6 июля 1926 г. (с небольшими сокращениями).

«Кругом, куда ни глянь, - красота. Тихой радостью дышит бескрайний простор...

Легкие трусики на крепком, бронзово-загорелом теле юношей. Как молния, быстрые, четкие их движения. Красивый

нагрудный эмалевый знак с буквами: ТГК, трудовая колония им. М. Горького[1]. На дворе несколько команд, идет футбольный матч. День отдыха, воскресенье – увлечения, игры.

Знакомство с заведующим колонией тов. Макаренко. Нас окружают несколько командиров отрядов. Завязывается живая, интересная беседа...

На первом месте расположения колонии – прежде всего, сняли решетки с окон, и сразу стало светлее и радостнее[2]... Годы ушли на то, чтобы создать стройные формы совершеннейшей из людских организаций – трудовой коллектив[3], живущий единой волей, единой целью и единой радостью.

В конце мая колония переехала в Куряж... Переехала вместе со своим всем хозяйством, инвентарем, с конюшней, коровами, свиньями[4], но – без сапог, одеял и с очень скудной одеждой. Все ушло на улучшение хозяйства...

В Куряже помещения были почти без мебели и инвентаря, около 200 детей и подростков, с некоторыми пришлось полтавцам серьезно повоевать...

Куряжские товарищи захотели работать.

По трудовому признаку все колонисты делятся на отряды во главе с командиром. Их 25. Состав отрядов меняется по мере развития хозяйства и форм хозяйствования. Постоянные отряды – кузнецов, конюхов, животноводов, сапожников. Сторожевой отряд работает днем и ночью. В хозяйственном отряде – облеченные особым доверием колонисты, до некоторой степени трудовая гвардия колонии. Среди девочек – швейный, кухонный и сельскохозяйственный отряды. Новички направляются исключительно на сельхозработы.

Для разных временных нужд создаются сводные отряды, подбираются нужные работники из разных отрядов. Руководит выборный командир, власть его заканчивается с окончанием трудового дня. Это школа подготовки «командного состава» колонии.

В целом жизнь колонии направляется и регулируется советом 25 командиров и педперсоналом. Председатель совета – Макаренко, секретарь – один из командиров отрядов. Решения совета, его приказы – непреложны, подлежат неуклонному исполнению.

О каких-либо репрессиях нет и в помине. На началах широкого самоуправления и выборности создана обстановка взаимного доверия и самодисциплины. Нарушения установленного коллективом распорядка являются редким исключением. Существует «высшая мера наказания»: об этом будет сообщено Алексею Максимовичу, пусть он решит судьбу такого-то, как хочет». Этого бывает слишком чем достаточно.

Имя Горького в колонии – все. Им зачитываются, на память цитируют целые страницы, устраивают собеседования в кружках. И, наконец, здесь его любят хорошей, восторженной и честной юношеской любовью. Он – из низов вышел на первое место в литературе. Его душа понятна им, мыкавшим свое одинокое детское горе еще вчера. А сейчас они в крепком коллективе с творческой трудовой жизнью...

Во главе учебно-воспитательной части стоит педагогический совет, он ведает учебным делом и вырабатывает общие принципы воспитания. Вне своих прямых обязанностей педагоги всецело подчиняются воле коллектива и выполняют наравне с рядовыми воспитанниками все отрядные работы под руководством командиров отрядов.

Только после годичного стажа работы воспитанники по постановлению общего собрания получают звание колониста. Педагог, не получивший в течение года звание колониста, вынужден добровольно оставить колонию. Зимой, а для старших групп школы и летом, ведутся занятия по подготовке в фабзауч[5] и на рабфак[6].

Уже сейчас (за сравнительно короткий срок) колония послала на рабфак в Харьков, Киев и Шостку 18 человек. Из Полтавы 70 и куряжан 10 – комсомольцы.

Вновь отстроенное, блестящие, изумительной чистотой спальни. Много простора, света, воздуха... Отстраивается «тихий клуб», ремонтируется клуб со сценой и зрительным залом. Отстраиваются конюшни, коровник, свинарня. Много работы!

«Яблоко раздора», особенно в церковные праздники, - стоящая в центре колонии огромная церковь. Колонисты просят перенести церковные службы в другую церковь, небольшую, расположенную под монастырской стеной.

В 8.30 вечера – ежедневные общие собрания колонистов, подводятся итоги дня. Докладчику – 2 минуты, выступающему – 1 минута. Сон – в за день хорошо проветренных спальнях.

Еда: по 10 руб. 50 коп. на человека [по бюджету], плюс продукты подсобных предприятий колонии.

Заведующий говорит: к нам присылают, особенно в последнее время, исключительно детей-правонарушителей. За 5 месяц грязь с них смывается. А через год – это полноправный колонист с горьковским значком».

[1] Значок колониста-горьковца, фото, см. в части 1 данного издания, на форзаце в конце книги.

[2] Говорится о первоначальном расположении колонии в Трибах, в помещениях колонии для несовершеннолетних правонарушителей при царской власти, потом содержались пленные поляки.

[3] Когда А.С. Макаренко говорит о своем коллективе, он всегда имеет в виду трудовой, хозяйственный коллектив. Коллектив учебный или на основе развлечения, отдыха, просто совместного проживания, - не может иметь преимуществ и возможностей, свойственных макаренковскому трудовому коллективу.

[4] Железнодорожный состав с имуществом, воспитанниками и персоналом горьковской колонии состоял из 45 вагонов, см.: Макаренко А.С. Пед. Соч. в 8 т., т. 3. – М., 1984, с. 357 – 364.

[5] Школы фабрично-заводского обучения

[6] После рабфака колонисты поступали в высшие учебные заведения.

С улиц к труду. Судьба беспризорных, изъятых с харьковских улиц // Харьковский пролетарий, 4 июля 1926 г., без указ. автора.

«...Еще месяц назад Харьков стонал от беспризорных, они наводили своими налетами среди бела дня панику на мирных жителей. В начале июня задержано органами милиции и розыска около 500 беспризорных... Город очищен от малолетних правонарушителей». Все направлены в детдома, колонии, некоторые в Змневский реформаториум. Сельхозкоммуны Харьковщины приняли 30 детей. Часть детей взяты на патронирование в семьи.

Тимский П. Триста тридцать. (В трудовой колонии имени М. Горького) // газ. «Коммунист», орган ЦК и Харьковского окружкома КП(б)У. – Харьков, 6 июля 1926 г., укр. яз., в сокращении.

«В колонии 330 воспитанников... 70 десятин земли. С большой гордостью колонисты показывают рыжего красеня – бельгийского огиря и многопудового[1] кабана... Сейчас надо полоть картофель, косить, чистить пруд...

Самоуправление – образцовое. Совет старшин[2] (командиров отрядов – А.Ф.) – как бы по образцу Совнаркома... 3-годичный стаж пребывания в колонии дает право на звание старшего колониста, вручается значок колониста с бантом.

80 комсомольцев и 35 пионеров. Комсомольцы прорабатывают решения XIV партсъезда Украины...»

«У нас, к сожалению, не всегда внимательно наблюдают процесс психо-морального перерождения дефективных детей[3], которые попали в обстановку труда и коллективной товарищеской жизни, - несмотря на то, что в трудовой колонии им. М. Горького для этого достаточно материала».

[1] Пуд – старя русская мера веса, равная 16,38 кг.

[2] Автор статьи (видимо, и редакция газеты) уклоняется от слова «командир» (макаренковской «командирской педагогики»), показывает тем самым свое нелестное отношение к горьковской колонии.

[3] Автор, несомненно, является сторонником педологии, с ее понятиями: «морально дефективные» дети, их «перерождение», перевоспитание. А.С. Макаренко, получив в сентябре 1920 г. «детский дом для морально-дефективных детей № 7», уже в начале 1921 г. начал ходатайствовать о преобразовании его в трудовую колонию.

Летом 1922 г. он называет ее: «Трудовая колония им. М. Горького в Полтаве», - устраняя из ее наименования слова: «морально-дефективные», «несовершеннолетние», «правонарушители». В его одной из первых публикаций о колонии (нач. 1923 г.) он высказывается дипломатично: его опыт «вынуждает саму проблему нравственной дефективности рассматривать с некоторым сомнением» (часть 1 данного издания, с. 65).

В советской педагогике (ее «педологическом уклоне», как выражался А.С. Макаренко) понятие «этически дефективные дети» применялось в отношении несовершеннолетних правонарушителей и далее, в середине 1920-х гг. Педология утвердилась как «марксистская наука о детях» после прошедших в Москве в 1927 г. педологической конференции и в кон. 1927 и нач. 1928 гг. Первого Всероссийского педологического съезда (на котором выступили Н.И. Бухарин, Н.К. Крупская).

Бухарин Н.И. – **советский государственный и партийный деятель, признанный «теоретик партии», гл. ред. газ. «Правда» в 1918 – 1929 гг., член Политбюро ВКП (б) до ноября 1929 г.**

Крупская Н.К. **– советский государственный и партийный деятель, «душа» Наркомпросса РСФСР, глава Главполитпросвета НКП РСФСР.**

Постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе наркомпроссов» (июль 1936 г.) обязывало: «Восстановить полностью в правах педагогику и педагогов».

Стефанов П. В трудовой колонии им. М. Горького // газ. «Вести Всеукраинского Центрального Исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся», Харьков, 27 июня 1926 г., укр. яз. (в сокращении).

«В поисках более широкого поля трудовой деятельности, убегая от малоземелья, горьковская колония прибыла к нам из Полтавщины. Это новый этап ее жизни… создан трудовой коллектив, он удивляет своей прочностью, организованностью…

Традиционный праздник – «Первого снопа»… Далеко от колонии два юноши - колониста, одетых в красную легкую одежду, верхом на конях встречают гостей. Это «дозор», в руках у них медные сигнальные трубы, блестящие на солнце. В колонию подается сигнал: «Приехали гости, привет гостям!»

У ворот нас радостно встречают, мы расписываемся в книге гостей, каждому из нас на грудь прикалывают пару колосков ржи, перевязанных красной ленточкой. Это эмблема сегодняшнего праздника. Каждому дают приглашение. Мне – читаю: «10-й отряд просит Вас обедать за его столом»…

Кругом – чисто. «У нас правило: раз плюнешь – три раза моешь».

Колония перевезла свое хозяйственное имущество. Но ее главное имущество - коллектив с крепкой трудовой дисциплиной – имущество, которому нет цены… Сливались два коллектива, переборoли горьковцы. Состоялось то, чему было трудно даже поверить. Куряжан не узнаешь, они все, как один, стали горьковцами.

Все в легкой одежде: майки, трусики. Все здоровые, стройные, бронзовые от загара…

Сигнал, строй, вынос знамени – это торжественный момент…

Сводный отряд из 17 косарей, лица серьезные, сосредоточенные. Товарищи, - четко говорит завколонией, - поздравляю вас с большой честью – скосить первый сноп. Обрабатывайте землю и обрабатывайте ее как можно лучше, это значит бороться за укрепление власти трудящихся. Да здравствует советская власть!

Юноша, командир сводного отряда, так же кратко, четко отвечает.

…Мы все скоро понесем знания и навыки труда в жизнь. Да здравствует свободный человеческий труд!

После этого – зачисление воспитанников в колонисты. Звание колониста высокое и почетное, его нужно заслужить. Читается соответствующее постановление, новым колонистам дается значок колонии.

- Товарищи, - у завкола все кратко и выразительно, - в работе, в учении, отдыхе и развлечений всегда будьте колонистами!

- Есть! – отвечает вся колония.

Как прекрасно у них это «есть»! Его так сознательно, так единодушно, четко и уверенно восклицают колонисты.

Марш! Колонна движется в поле. Пришли – смирно! Под звуки «Интернационала» старший из сводного отряда начинает косить. Старшая девочка-колонистка вяжет сноп. Торжественная минута. Становится тихо: первый сноп связан. Косарь и вязальщица поднимают его с земли...

(Данное выше можно сравнить с «Педагогической поэмой»: далее текст в газете почти точно соответствует тексту этого произведения, см. часть 4 данного издания, с. 109 – 113 – А.Ф.)

За короткий час делянка в 400 квадратных метров скошена, снопы связаны и сложены в копны. Колонисты умеют трудиться и знают радость труда. Окончание – пение «Интернационала», гимна трудящихся...

В расположении колонии – закладка новой постройки. Завкол говорит:

- Товарищи, сейчас мы закладываем новую постройку..! Это будет свинарня. Может, это кому-то покажется странным. Пусть смеется. А колония считает: колонии невыгодны полевые работы, мы только поедаем тот хлеб, который собираем... Нам выгодно превратить этот хлеб в более дорогой продукт, в сало, кроме того, мы окажем большую помощь сельскому хозяйству нашей округи, если нам посчастливится нашу английскую породу свиней распространить далеко за пределы колонии.

После этого колонистов приветствуют представители окрисполкома, шефкома, окринспектуры наробраза. «Есть!» - отвечает колония на их пожелания. Представитель окрисполкома зачитывает акт закладки свинарни и кладет первый камень. Торжественная часть на этом кончается».

Далее обед на 400 персон. Вечером – физкультура и спектакль во дворе колонии. «В пьесе о колонии много жизненной правды, есть и художественные достоинства».

Брославский Н. В доме им. Максима Горького // **газ. «Комсомолец Украины», орган ЦК и Харьковского окркомитета ЛКСМУ, 5 августа 1926 г., укр. Яз. (фрагмент). «Был такой случай в колонии им. М. Горького, в ее первые годы, когда она была еще в Полтаве.**

Один из новичков-колонистов украл что-то у селянина, вблизи колонии. Случай позорный дважды: украл воспитанник колонии – и опозорил его товарищей, всех колонистов.

Заиграла труба – на спортплощадку сбежались все колонисты. Торжественно вынесли знамя колонии, и селянин перед всем строем искал виновного, он нашелся. И вместо того, чтобы наказать виновного, Макаренко, грозный начальник колонии, перед строем всей колонии просил у селянина прощения за поступок колониста.

Это морально повлияло не только на него, но и на всех колонистов. Виновному грозили, пытались его побить, поставили вопрос о переводе его в другую колонию. Было больно и стыдно,

что их руководитель так открыто унизился, просил прощения за какого-то негодника…

Нынешний секретарь комсомольской ячейки – был в Бутырках. Есть рабфаковцы. Один из них – активный комсомолец. 5 лет назад, 17-летним юношей был атаманом шайки, были обрезы, наганы, гранаты. Сейчас заражает всех неуемной энергией, жизнелюбием, верностью дисциплине[1]».

[1] Речь идет о *С.А. Калабалине*, **в «Педагогической поэме» С. Карабанов. Во время студенческих каникул – инструктор физкультуры и воспитатель. Колонисты – рабфаковцы летом замещали воспитателей-учителей.**

Бельский Я. Трудовая колония в монастыре (Куряж) // газ. «Пролетарий». Всеукраинская рабочая газета. Орган Всеукраинского совета профессиональных союзов и ЦК Компартии (большевиков) Украины, 8 августа 1926 г. (фрагменты).

Автор об одном из воспитанников: «может быть, его затравили как маменькина сынка из богатой еврейской семьи?» Семен (Калабалин – А.Ф.): «У нас этого быть не может. Он сам виноват в холодном отношении к нему: начал глушить всех своей книжной мудростью. У нас уважают физический труд, а он ленив и к труду совсем непригоден. Срубил сапкой капусту, нечаянно. Ему неприятно перед товарищами: ну, прямо ни на что не годен. Значит, он уже другой, переживает, почувствовал силу труда и ответственность перед коллективом»…[1]

Из письма А.М. Горького из Сорренто колонистам: «Учитесь и работайте, ибо труд есть лучший из уделов человека. Когда смотришь на все чудеса, созданные людьми, понимаешь, какое счастье быть человекам».

«Сигналист Бабич дает сигнал на сбор совета командиров. Быстро и дельно составляются сводные отряды, бригады для молотьбы, начинающейся завтра. Пыхтят махрой. Вопрос по заявлению Шуры Романовой, о возвращении к родным, в Саратов. Голосовали: отпустить после молотьбы…

Вечером на спортплощадке гимнастические снаряды облеплены детьми. Идет футбольный матч».

[1] Говорится, видимо, об А. Тубине (одном из прототипов А. Ужикова в «Педагогической поэме, см. часть 8 данного издания, с. 330 – 331).

Доклад «Работа с трудными детьми» на Первой Всеукраинской конференции детских городков, 30 сентября – 5 октября 1926 г. (фрагмент, в изложении)

Большое внимание на конференции уделено докладу «Работа с трудными детьми», сделанному завколонией им. Горького. Не касаясь целого ряда весьма спорных вопросов, которые имеют место в системе колонии им. Горького, конференция остановилась на тех положениях, которые для педагогики бесспорны и которые выразительно представлены как в практической работе колонии, так и в самом докладе.

Проанализировав и обосновав причины правонарушений, разделив детей на 7 групп по их доминирующим свойствам, докладчик построил свой доклад на том, как, учитывая все эти свойства детей, построить учреждение так, чтобы оно импонировало детям и воспитывало у них новые социальные навыки[1].

Докладчик обстоятельно остановился на том, как следует налаживать жизнь учреждения. Исходя из тех же предпосылок, которые выдвинуты в докладе о едином

[воспитательном] процессе, докладчик уточнил эти принципы практическими примерами, указывая, как провести в учреждении единый, точно до деталей продуманный план[2].

Основное условие, выдвинутое докладчиком, таково: план учреждения должен строиться на хозяйственной базе учреждения. Если учреждение не имеет никакой производственной базы, то необходимо использовать хотя бы то немногое, что есть: мастерские, огород, хозяйство.

Другое условие, выдвинутое докладчиком, - учет, точный учет любой работы. Это та самая область, в которой в наших учреждениях дело обстоит очень плохо. Задания детям дают, постановления выносят, а за исполнением никто не следит, а это как раз и есть то, что деморализует детей.

Чтобы можно было контролировать каждое задание, данное детям, докладчик предложил давать краткосрочные задания небольшим группам детей, с возложением ответственности на выдвинутого ими вожатого или старосту. Ответственность его – перед всем детколлективом, перед ним он обязан отчитаться по окончанию работы.

Докладчик настойчиво доказывал необходимость контролировать исполнение каждой части плана, осуществляемого в детучреждении.

Наконец, он совершенно правильно указал на необходимость относиться к воспитаннику с доверием и уважением, что мы имеем далеко не во всех наших учреждениях.

Все эти положения, разумеется, можно применить во всяком учреждении соцвоса, что и признала конференция.

Дюшен В. Первая Всеукраинская конференция детских городков // Друг детей. Орган Центральной комиссии помощи детям при ВУЦИКе. Ежемесячный общественно-литературный журнал. – Харьков, 1926, № 8 – 9, с. 26.

К статье сделана пристраничная сноска: «В одном из ближайших номеров нашего журнала будет помещено подробное описание этой колонии. Редакция». Но такой публикации не последовало.

Дюшен В.М. – **тогда инспектор украинского Наркомпроса; к 1928 г. стала ярым противником идей и опыта А.С. Макаренко. В «Педагогической поэме» М.В. Брегель, «из Наркопроса». Ее характеристику см. в части 1 данного издания, с. 336: «...Поражение ее приходит вместе с поражением троцкизма... Злобно встречает и Горького...»**

Конференция прошла на базе Первого одесского детского гродка им. III Интернационала.

К конференции А.С. Макаренко подготовил: Тезисы доклада «Организация воспитания трудного детства» (см. часть 1 данного издания, с. 197–198). Это масштабное глубокое и четко сформулированное, научное представление им своего опыта (пятый его обобщающий материал, после таких же: «Тезисы содоклада на Всеукраинском совещании по делам несовершеннолетних правонарушителей», «К вопросу об организации кабинета научной педагогики», «В Главсоцвос» - проект «крупного воспитательного предприятия», «Очерк работы Полтавской колонии им. Горького» (окт. 1924 г. – сентябрь 1925 г., см. часть 1 данного издания, с. 5).

Как видно по изложению В.М. Дюшен одного (и ниже – другого) фрагмента этого доклада А.С. Макаренко, он почему-то

значительно упростил содержание своего доклада. Нужно также учесть, что сказанное им в изложении В.М. Дюшен – это интерпретация сторонника педологии. Понимание интерпретации его взглядов противниками (а также и сторонниками А.С. Макаренко) – важный аспект макаренковедческих исследований.

[1] Может быть, здесь А.С. Макаренко говорил о 9 типах мотивации правонарушений несовершеннолетних (см. 1 часть данного издания, с. 198). Но только педолог мог представить это так: разделить детей «по их доминирующим свойствам» и на этой основе «строить» педагогическое учреждение. Ничего подобного А.С. Макаренко принципиально сказать не мог.

[2] Вероятно, А.С. Макаренко говорил здесь не о каком-то четком «плане», а о целостной системе деятельности педагогического учреждения, которую необходимо создать на его «хозяйственной базе».

Доклад «Работа с трудными детьми» на Первой Всеукраинской конференции детских городков, 30 сентября – 5 октября 1926 г. (фрагмент, в изложении)

Лучшим докладом, наиболее оживившим конференцию и вызвавшим живейший обмен мнениями, был доклад колонии им. Горького о работе с трудновоспитуемыми.

Этот доклад очень четко подчеркнул следующие положения: во-первых, что ребенок или подросток является трудным в большинстве случаев не в силу своих дефектов, а по вине условий своей жизни, вызывающих конфликт между ним и обществом, и во-вторых, что обычно такой ребенок изолируется и попадает в худшее общество, между тем как для его перевоспитания[1] необходимо поместить его в наиболее совершенную среду.

Поэтому задачей перевоспитания является не индивидуальное перевоспитание данного объекта, а организация среды этого детского учреждения, куда он направлен.

Обращаясь к этому вопросу, докладчик ставит учреждению задачу поднятия чести своего учреждения, так как это условие он считает совершенно необходимым для повышения личных понятий воспитанника о честности и порядочности.

В виду того, что эти методы вполне применимы и для учреждений с нормальным составом воспитанников, а также потому что учреждения страдают как раз от отсутствия плановости и учета, - мысли эти легли в основу целого ряда резолюций о работе конференции[2].

Дюшен В. Первая Всеукраинская конференция детских городков // Шлях освіти. Путь просвещения. – Харьков, 1926, № 11, ноябрь, с. 132 – 133.

[1] Еще одна искаженная трактовка макаренковского доклада педологом: А.С. Макаренко свою работу с несовершеннолетними правонарушителями никогда не трактовал как перевоспитание, всегда применял цели и принципы «нормального» воспитания (используя и элементы перевоспитания, о чем ранее сказано). В тезисах его доклада (часть 1, данного издания, с. 197 – 198) нет слова «перевоспитание».

[2] Такое первое широкое признание идей и опыта А.С. Макаренко педагогической общественностью и руководством украинского соцвоса побудило его к организации «Трудового детского корпуса» Харьковского округа» (историю этого начинания см. в

части 1 данного издания, с. 201–254). Показательна также востребованность его новаторских решений.

Дюшен В. Первая Всеукраинская конференция детских городков // Друг детей, Харьков, 1926, № 8 – 9. С. 28 – 30, укр. яз.

«Конференция… имела своей целью подвести итоги работы детских городков и наметить ее дальнейший план.

Кроме представителей округов УССР, на конференцию прибыли представители АМАССР, Белоруссии и РСФСР. Работа конференции длилась 6 дней.

Основные обсуждаемы вопросы: Условия организации здорового детского городка; Педагогическая работа в детгородке; Организация детской среды и пионерская работа; Работа с трудновоспитуемыми детьми.

Все доклады и содоклады были представлены местами, НКПрос давал лишь направление в прениях и резолюциях. Большой интерес к конференции: кроме делегатов, прибыли с мест ряд работников за свой счет. В конференции приняли участие педагоги Одессы.

Определенно продуманная линия работы в области детгородков отмечается в двух округах – Киевском и Одесском. Выявились две линии работы, вызвавшие горячие прения. Обе линии пока оставлены как две различные системы…[1]

Шефские организации могут приносить вред неумелым подходом к делу. Находят недовольных, дети винят педперсонал, возникают недоразумения и конфликты.

Хуже: член общественной организации начинает протестовать против «эксплуатации» детей, вносят разлад в работу, становятся на защиту и без того «потребительской психологии» воспитанников.

Частые ревизии, привлечение работников к ответственности за плохое положение учреждения приводят к тому, что лучшие переходят на работу в школу.

Конференция в своей резолюции отмечает: ревизии не должны проводиться без ведома и участия наробраза, а шефская работа должна протекать под непосредственным руководством ею.

Городок им. III Интернационала: конференция ознакомилась с его работой. Отмечается численность его воспитанников – 2 250 чел. Целый поселок, 92 каменных здания, особняки. (Построено банком в кредит для членов Общества взаимопомощи; деньги не получены в срок; поселок отдан под детский городок.)

Как и все детгородки, учреждение содержится на очень скудные средства; 50% детей босы и не имеют теплой одежды.

Но педагогическая работа – на высоте. Все посещают школу, их две: русская и украинская. Утром дети, босые, в одном белье и в платье – бегом в школу. Не загоняют в школу, как в других детгородках.

Хорошая библиотека и читальня – в уютном домике, ведется учет интересов чтения. Библиотека обслуживает и педагогов. Абсолютная тишина в читальне. Для многих это – «картина далекого будущего».

Хорошо поставлена работа по естествознанию. Есть Музей детгородка. Мастерские оборудованы соответствующим образом. При открытии конференции праздновалось открытие прекрасного здания центральной школьной мастерской.

Есть материальный трудности и ряд недостатков. Но все же этот детгородок служит ярким образцом того, что детские городки – одни из наиболее совершенных учреждений в системе воспитания и что педагогическую работу многих из них можно улучшать уже и сейчас, не дожидаясь лучшей материальной базы.

Конференция закончилась выступлением зав. Главсоцвосом НКПроса, который выразил уверенность в том, что с данного момента работа детских городков будет протекать в более нормальных условиях».

[1] Далее следует текст, представленный выше как первый фрагмент из доклада А.С. Макаренко.

Какие это «две различные системы», В.М. Дюшен здесь не разъясняет. По ее тексту видно: это «система А.С. Макаренко» - и общепринятая. А.С. Макаренко позднее (июнь 1936 г.) отмечал: это «противоречие между социально-педагогической и педологической точками зрения» (часть 4 данного издания, с. 271). Их борьба захватывала всех, но в отношении колонии им. М. Горького она «была острее», т.к. в ней эти противоречия «звучали наиболее ярко».

В начале 1928 г. в Харьковском округе определились «две системы воспитания детей – обычная система соцвоса и система, применяющаяся в колонии им. М. Горького» (часть 1 данного издания, с. 243). Первую А.С. Макаренко называл «педологическим уклоном в педагогике» (часть 5, с. 79).

Применительно к самоуправлению она определялась как «исполкомовская», по аналогии с «исполкомами», действующими в системе советской власти, в русле «представительной демократии». В макаренковской системе действовала «прямая демократия», в форме «совета командиров», непосредственного участия первичных трудовых объединений, «отрядов», в главном органе самоуправления (см. часть 1, с. 256, 260, 264).

Из письма А.М. Горького Д.А. Лутохину, 9 апреля 1927 г.

Под Харьковом существует колония имени Вашего покорного слуги, в ней 350 «социально опасных» подростков, они обладают многими га земли… Я говорю — они обладают, ибо действительными полными хозяевами колонии являются 24 выборных колониста, начальствующих отрядами: сельскохозяйственными, кузнечными и слесарными, портняжными…

Есть даже свой оркестр, а капельмейстер — девица, кажется, воровка. В руках этих 24-х всё... и вся работа. Вновь присылаемых не спрашивают, за что они осуждены, и о прошлом, вообще не принято об этом разговаривать, так что оно быстро забывается…

Руководит колонией такой же героический человек, каков Виктор Ник. Сорин «Республика Шкид». Его фамилия — Макаренко. Изумительно энергичный человек...

Скоро выйдет сборник, в котором будет обзор деятельности Харьковской колонии за 5 лет.

Я жду эту книгу, как праздник…

Макаренко. Альманах. – М., 2012, № 11, с. 15

Письмо Г.С. Салько[1], 3 июня, 1927 г.

Глубокоуважаемая
Галина Стахиевна!

Посылаю карточки[2], которые якобы необходимы Робсману. Пусть его наслаждается. Вы обещали передать ему, что с нашей квалификацией можно не считаться.

Посылаю Вам некий предлог получить с ЦКПД — 123 р. Все же их следует нам заплатить, ну с какой стати съезд детей (виноват, друзей детей) должен нам так дорого обойтись?[3] Правда же? Наш Горгуль[4] может все эти бумажки переправить Кулику[5].

В воскресенье, согласно Вашему приказанию, жду Вас на вокзале Южных в 10.

Примите уверения в совершенном
к Вам уважении и преданности
А. Макаренко
3/VI-27

«Ты научила меня плакать...» Переписка А.С. Макаренко с женой, 1927 – 1939 гг. В 2 томах. Том 1 / сост. и коммент. Г. Хиллиг и С. Невская – М., 1994, с. 16. Далее: «Переписка А.С. Макаренко с женой»

[1] *Салько Г.С.* **– предс. комиссии по делам несовершеннолетних Харьковского окрисполкома с янв. 1927 г. по янв. 1929 г. Впоследствии жена А.С. Макаренко; брак официально зарегистрирован в сент. 1935 г.**

[2] Речь идет, видимо, о «фотокарточках», фотографиях о колонии им. М. Горького.

[3] Говорится об оплате командировки А.С. Макаренко и группы колонистов - горьковцев на Первую Всеукраинскую конференцию детгородков. Эта группа горьковцев жила там по установленному у себя распорядку, работала с воспитанниками одесского детгородка.

[4] *Горгуль Д.* **– воспитанник колонии им. М. Горького с 17 ноября 1921 г.; в системе самоуправления становится зав. хозяйством колонии, затем ее сотрудник. В «Педагогической поэме» Кудлатый Д. См. часть 1 данного издания, с. 334.**

[5] *Кулик М.И.* **– тогда ответственный секретарь Всеукраинской Центральной комиссии помощи детям при ВУЦНКе (Помдет), активный сторонник создания в детколониях и детдомах крупных самоокупаемых мастерских. Способствовал созданию в горьковской колонии механизированной производственной столярной мастерской.**

Письмо Г.С. Салько, 23 июня 1927 г.

Глубокоуважаемая
Галина Стахиевна!

Очевидно, произошли неожиданные изменения в распределении Вашего времени, или телефон вчера подвел — во всяком случае, сегодня я оказываюсь излишним в Харькове балластом. Так как я действительно не уверен в причинах всего происходящего, то ретируюсь домой, где меня ожидает тоже «куча дел».

Буду рад исполнить всякое Ваше приказание на будущее. Если же таковых не последует, рассчитываю быть в комиссии в субботу. Что там у Вас за дела такие.

После Вашего приезда в колонию, как Вам известно, произошли некоторые события, сегодня я получил по этому поводу некий протокол комиссии[1], по этому случаю наговорил дерзостей Белецкой. Если еще наделаю глупостей, заранее уверен, что буду Вами наказан, поэтому моя совесть спокойна.

Дело впрочем не в этом. Это все чепуха. Гораздо хуже, что на моих глазах начинают пропадать хорошие вещи[2].

Уважающий Вас А. Макаренко
23/VI-27

Переписка А.С. Макаренко с женой, т. 1, с. 16 – 17.

[1] Имеется в виду, видимо, окружная комиссия по делам несовершеннолетних.

[2] Подразумевается, вероятно, не материальные вещи, а какое-то дело, его атрибуты.

Надпись на обратной стороне фото Г.С. Салько, 5 июля 1927 г.

Бывает так с человеком: живет, живет на свете человек, а так привыкает к земной жизни, что впереди уже ничего не видит, кроме Земли. И вдруг…он находит... месяц. Вот такой, как «на обороте сего». Месяц, со спокойным удивлением взирающий и на Человека и на Землю.

Ясному месяцу посылает человек новый привет, совсем не такой, какие бывают на Земле.

А. Макаренко.
5 / VII 1927».

Макаренко. Альманах. – М., 2012, № 11, с. 12.

Письмо Г.С. Салько, 10 июля 1927 г.

10 -VII-1927

Сказали, что эта бумага годится для писем к ясному месяцу. Судите сами, разве она годится? Компромисс, собственно говоря, нечто совершенно невероятное. Ну, вот видите, все-таки пишу. Вот до чего может дойти человек!

Сейчас 11 часов[1]. Я прогнал последнего охотника использовать мои педагогические таланты и одинокий вступаю в храм моей тайны. В храме жертвенник, на котором я хочу распластать весь мир. Да, именно весь мир. Если Вы читали ученые книги, Вы должны знать, что мир очень удобно вмещается в каждом отдельном сознании.

Будьте добры, не думайте, что такой мир — очень мало. Мой мир в несколько мириадов раз больше вселенной Фламариона и, кроме того, в нем отсутствуют многие ненужные вещи фламарионовского мира, как то: африканский материк, звезда Сириус или альфа Большого пса, всякие горы и горообразования, камни и грунты, Ледовитый океан и многое другое. Зато в моем мире есть множество таких предметов, которые ни один астроном не поймает и не измерит при помощи самых лучших своих трубок и стеклышек.

И вот этот мир, нет, конечно,— МИР — мне нестерпимо нужно растянуть на жертвеннике и с любезной, даже немножко банальной улыбкой просить Вас принять «эту безделушку».

Зачем она Вам? Чрезвычайно вероятно, что она Вам не нужна. Тем лучше.

Уже несколько раз я смотрел в Ваши глаза. Всегда я просил Вас принять от меня это жертвоприношение, но не мог же я при этом как-нибудь выражать свое волнение и особенно настаивать на Вашей милости. В самом деле, разве я могу допустить, чтобы Вы подчинились каким-то там «настойчивым просьбам».

Ах, какое шикарное дело — человек. Он может разложить на Вашем письменном столе окровавленный клубок собственного мозга, и если Вы откажетесь порадоваться такому подарку, человек может засмеяться, сказать:

- Пустяки, не беспокойтесь!

И закурить папиросу и вспомнить, что нужна пепельница. А потом завернуть собственный мозг в газету.

После этого он даже может прийти домой и подумать над тем, что ему дальше делать. И он может улыбнуться:

- Дело, видите ли, в том, что положить свой мозг перед нею на письменный стол можно только один раз в жизни. После этого человек ничего уже «делать» не может.

Он способен еще жить, но у него один глаз смотрит вкось и старается куда-то прыгнуть, а левая нога просто не слушается.

Человек поэтому имеет право улыбнуться... и застрелиться.

Скоро полночь. Уже проходит час, как я невыразимо одиноко стою перед жертвенником. В моем мозгу одновременно живут и летят вперед тысячи мыслей. Я знаю, что это любовь[2].

И я один знаю, что это лучше всякого блага на свете. Это лучше богатства, лучше счастья и великолепнее славы. И это выше правды и чище подвига. И можно быть гордым и презирать вселенную и плевать на солнце.

Но я не хочу гордиться и не хочу презирать. Я хочу только смотреть в глаза и грустить. Потому что нет ничего, кроме тайны жизни и близкой живой тайны Вашего взгляда, и нет ничего недоступнее. Можно расшибить свою голову, можно растерзать Вас, умереть и не узнать ничего, не раскрыть тайну.

Можно исцелить Вас в своем чувстве, утопить Вас в любви и вдруг узнать, что Вас уже нет, что в Ваших глазах исчезла тайна, что глаза Ваши просто плоть, орган зрения. И тогда ничего не узнаешь.

Я еще знаю, что мне не дано изобретать закон моей любви, что я во власти ее стихии и что я должен покориться.

И я знаю, что сумею благоговейно нести крест своего чувства, что я сумею торжественно истлеть и исчезнуть со всеми своими талантами и принципами, что я сумею бережно похоронить в вечности свою личность и свою любовь.

Может быть, для этого нужно говорить и говорить, а может быть, забиться в угол и молчать, а может быть, разогнавшись, расшибиться о каменную стенку Соцвоса, а может быть, просто жить.

«Все благо».

Но что я непременно обязан делать – это благодарить Вас за то, что Вы живете на свете, и за то, что Вы не прошли мимо случайности – меня.

За то, что Вы украсили мою жизнь смятением и величием, покорностью и взлетом. За то, что позволили мне взойти на гору и посмотреть на мир.

Мир оказался прекрасным.

Ваш А.М.

Переписка А.С. Макаренко с женой, т. 1, с. 17 – 26.

[1] После этих слов далее и в последующие два абзаца Г.С. Макаренко при публикации этого текста произвольно внесла свои политизированные соображения, что затем перешло во многие макаренковедческие публикации.

[2] А.С. Макаренко очень редко прибегает к слову «любовь». Здесь он поистине поет восторженный гимн любви, раскрывает высшее проявление этого чувства в самоотверженном слиянии с прекрасным во всем мире.

Письма Г.С. Салько, 24 и 25 августа 1927 г.

Глубокоуважаемая Галина Стахиевна!

Вчера поезд пришел из Лозовой в 12 часов. Я мерзко виноват перед Вами, чисто по-русски не узнал точно расписания. Я себя наказываю за это.

Завтра заедем за Вами к 9 часам[1].

Уважаемая Галина Стахиевна!

С присылкой Каминской какое-то недоразумение. У нее крашенные волосы, имеется мать (кажется, кустарь), семья очень небольшая. По словам Каминской все недоразумения с матерью заключаются в том, что мать не позволяет ей поздно возвращаться домой. Между тем, у нас девочки уже не помещаются в спальне, а во всей колонии 373 воспитанника.

Я глубоко убежден, что действительной нужды в присылке Каминской нет. Кроме того, вы и сами недавно высказывались в том смысле, что для колонии присылка таких девочек недопустима.

Уважающий Вас
А. Макаренко.
25 / VIII – 27

Переписка А.С. Макаренко с женой, т.1, с. 24.

[1] В письме отражается начало (с 5 августа 1927 г.) работы А.С. Макаренко по созданию «Трудового детского корпуса Харьковского округа». Вскоре создается «Управление детских домов округа» (включая все детские интернатные учреждения), во главе А.С. Макаренко и зав. Производством – Н. Э. Фере., зав. политчастью – Г.С. Салько.

При этом А.С. Макаренко официально остается зав. колонией. им. М. Горького (руководит ею его «заместитель»), а с 20 окт. 1928 г. еще и зав. Трудовой коммуной им. Ф.Э. Дзержинского. 26 дек. 1928 г. переведенные из горьковской колонии 60 ее воспитанников первоначально образовали детский коллектив коммуны дзержинцев (составляя, таким образом, историю одного коллектива).

Фере Н.Э. **– агроном колонии им. М. Горького с февраля 1924 г. по январь 1926 г. В «Педагогической поэме» Э.Н. Шере. Впоследствии кандидат сельскохозяйственных наук.**

Письма Г.С. Салько, осень 1927 г.

Я сейчас виделся с вриддиректором реформаториума[1] – у них пока терпимо, обещал к ним приехать в начале следующей недели. В субботу у нас быть Вы обязаны. Сухарев[2] на Вас въелся правильно – в заседании Окрпомдета нельзя быть живым серебром.

А. Макаренко.

Галина Стахиевна!

Все прекрасно.

Я сговорился по телефону с Павлушей (шофером), что завтра едем Липовая Роща – Змиев. Сейчас будьте добры, сговоритесь с Горгулем, когда Вы можете выехать. Было бы очень хорошо пораньше.

Горгуль зайдет к Павлуше и распорядится.

Я очень прошу Вас быть готовой к 8. Машина заедет за Вами, а потом в колонию.

Есть?

А. Макаренко.

Галина Стахиевна.

Если Вы еще дома, спешу уведомить Вас, что дорога, по коей я рекомендовал Вам направиться, сразу за лесом, подходя к нашему дому, покрыта снегом, и кто будет в лодочках, тот обязательно простудится, поэтому лучше переходить лес возле хаток.

Ваш А

Переписка А.С. Макаренко с женой, т. 1, с. 25.

[1] Говорится о реформаториуме в Змиеве.

[2] *Сухарев М.Я.* – зам. предс., затем предс. Харьковской окркомиссии помощи детям; с 15 февраля 1928 г. – зав. Управлением детдомов и колоний Харьковского округа (вместо уволенного тогда от этой должности А.С. Макаренко; яростный и последовательный его противник).

Из Трудового списка А.С. Макаренко

Украинская Социалистическая Советская Республика

Трудовой список

Макаренко Антон Семенович

Составлен Харьковской окринспектурой наробраза.

Первый отдел. Общее данные.

1. Родился в 1888 году, марте месяце, 1 числа. Метрическая выпись № 74, выданная причтом г. Белополье.
2. Национальность – русский [1].
3. Социальное положение – служащий.
4. Образование высшее. Аттестат Полтавского учительского института № 685, 15 / VI 1917 года.
5. Профессия – педагог со стажем 22 года. Формулярный список, составленный в Долинском железнодорожном училище.
6. Беспартийный.
7. Член профсоюза с 1920 года. Членский билет союза Рабпрос №40928.
8. На воинском учете – группа 1 категории. Личная книжка, выданная Полтавским губвоенкоматом 28 / VI – 1923 г.

14 сентября 1927 г.

А. Макаренко

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 352. Стандартный бланк, заполненный и подписанный А.С. Макаренко (вероятно, при оформлении на ответственную работу зав. Управлением детских интернатных учреждений Харьковского округа, входящим в штат Харьковской окринспектуры наробраза).

[1] В дальнейшем дается более точно: «национальность – украинец, родной язык – русский» - см. часть 4 данного издания, с. 171 и часть 8, с. 188

***Дополнения* к опубликованным в 1 – 8 частям данного издания авторским материалам А.С. Макаренко.**

К 7-му ноября на улицах Харькова не должно быть беспризорных. Трудовой корпус беспризорных // «Харьковский пролетарий», 2 октября 1927 г. (без указ. автора). (В изложении).

В настоящее время на улицах Харькова около 500 беспризорных детей 5 – 15 лет. Окружная комиссия помощи детям принимает срочные меры. Дети старше 15 лет будут устроены в специально организуемых производственных артелях. Других

разместят по детским учреждениям Харьковщины. Хулиганствующих определяет Змиевский реформаторий.

В этом году хозяйственная и воспитательная работа в детучреждениях значительно улучшена. На днях заканчивается ремонт всех детских домов. Отпущены средства на одежду и обувь, все население детдомов будет одето и обуто. Приглашаются опытные педагоги. 25 – 30 сентября с улиц подобрано 150 беспризорных[1].

[1] Далее – запись беседы с А.С. Макаренко, см. часть 1 данного издания, с. 232. Сообщается о начале создания «Трудового детского корпуса»: в него вошли 23 детских дома, колонии, из них 4 колонии «перешли на систему воспитания в колонии им. М. Горького». Позднее А.С. Макаренко говорил об объединении 18 колоний Харьковского округа.

Сообщение финансового отдела Харьковского окрисполкома, 4 октября 1927 г.

В секретариат Окрисполкома.

Через Окрплан.

4 октября 1927 г.

Возвращая при этом: 1) Проект Устава Управления детскими школьно-трудовыми колониями и 2) Проект Положения об отпуске средств на содержание учреждений Трудового Детского Корпуса[1], Окрфинотдел уведомляет, что проект Устава Управления, по заявлению т. Макаренко, упразднен Окринспектурой Наробраза[2] и не подлежит рассмотрению и утверждению.

Что касается Положения об отпуске средств на содержание учреждений Трудового Детского Корпуса (ТДК), то Окрфинотдел считал бы необходимым внести такие изменения:

П. 1-й дать в такой редакции: "Все кредиты на содержание учреждений ТДК открываются Окрфинотделом непосредственно до распоряжения ответственных учреждений на общих основаниях".

П. 2 упразднить.

П. 3. дать в такой редакции: "Управление ТДК имеет право поднять вопрос перед Президиумом Окрисполкома о централизации в его распоряжение части кредитов, которые открыты детучреждениями для централизованного снабжения одеждой, учебными и принадлежностями и другим».

П.п. 4 и 5 Объединить в такой редакции: "Управлению ТДК дается право поднимать вопросы о закрытии свободных кредитов по сметам всех детучреждений и о передвижении при необходимости кредитов в порядке статей 140 и 141 Положения о местных финансах УССР».

П. 6. Управлению ТДК дается право возбуждать ходатайство по отношению к банковскому кредитованию производства детучреждений с целью увеличения оборотного капитала, с условием покрытия такого займа в течение бюджетного года за счет производства.

С п.7 согласиться.

Зав окрфинотделом А. Брановский

Зав. п/отделом местн. финансов Хляченко

ХОГА, ф. Р – 845, оп. 3, д. 1778, л. 210, с об. Сообщение об этом: Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 229.

[1] Тексты этих двух составленных А.С. Макаренко документов (проекты) см.: часть 1 данного издания, с. 226 – 230. Они, как и публикуемые здесь выше и ниже два документа, требуют тщательного изучения в аспекте того, какое значение в организации социально-воспитательного процесса А.С. Макаренко придавал управлению, проблемам трудового хозяйствования, финансирования, штата работников, их оплаты труда, административного руководства, связи с вышестоящими учреждениями и организациями. См. также часть 1, с. 239 – 241.

Во всем этом он видел объективно действующие «элементы педагогики», которые необходимо в педагогическом учреждении привести в полное соответствие с содержанием нового воспитания.

[2] Окринспектура Харьковского окрнаробраза принципиально не согласившись с макаренковским проектом «Устава Управления ТДК», изначально подорвала эту инициативу. Другой первостепенной причиной стало несогласие вышестоящих организаций с многими сделанными А.С. Макаренко предложениями. Они противоречили действующим тогда узаконенениям, юридическим и административным предписаниям.

Эти препятствия А.С. Макаренко все время стремился преодолевать и в колонии им. М. Горького. В феврале 1926 г. он писал: «Способы организации, финансирования, учета, отчета, штатов решительным образом противоречат задачам нового воспитания» (Часть 1, с. 186). Осенью этого года говорил: «Возможны большие [педагогические] достижения при изменении внешних условий: финансовых, материальных, юридических» (с. 198).

Все это происходило в условиях тогдашнего тяжелого материально-финансового положения в Украине и во всей стране (сокращение финансирования, задержка денежных выплат, режим накопления страной средств для предстоящей индустриализации).

Из протокола заседания Президиума Харьковского окрисполкома, 11 ноября 1927 г.

Слушали: 4. Порядок финансирования учреждений Трудового детского корпуса. (Докл. секретарь ОИКа тов. Мороз.)

Постановили: 4. а) Предложить ОИНО в будущем так называемый «Трудовой детский корпус» именовать «Управлением детских домов», причем это Управление работает на правах подотдела ОИНО.

б) Так как Управление детских домов исполняет, кроме воспитательной, и хозяйственную функцию, то по предложению Окрплана установить такой порядок финансирования Управления детдомов, а именно:

1. Все кредиты на содержание учреждений УДД открываются Окрфинотделом непосредственно до распоряжения соответствующих учреждений на общих основаниях.

2. Управлению ДД предоставляется право с Инспектурой Наробраза централизовать часть кредитов в свое распоряжение

на проведение в централизованном порядке закупок одежды, учебных принадлежностей и т.д.

3. Управлению ДД предоставляется право с разрешения ОИНО и ОФО закрывать свободные кредиты по сметам детучреждений и передвигать при необходимости в соответствии с положением о местных финансах УССР.

4. Отчетность вменить в обязанность лиц, подписавших документы, по которым получались деньги в кассе ОФО.

5. С целью развития производственных предприятий дать Управлению ДД права кредитоваться в Банках, но при условии, что размер кредита и договоры кредитования в каждом случае устанавливает Президиум окрисполкома.

Верно: зав. прот. частью ОНКа Овсюков

ХОГА, ф. Р – 845, оп. 3, д. 1778, л. 225. Сообщение об этом: часть 1 данного издания, с. 230.

А. Кириенко. Всероссийское совещание работников детских домов // На путях к новой школе. Орган научно-педагогической секции Гос. Ученого совета НКП РСФСР. – Москва, № 12, 1927 г. (в изложении).

Совещание проходило 15 – 20 ноября, до 300 участников, «работники с мест, представители НКП, НКздрава, Деткомиссии ВЦИКа, Комонеса[1], научные силы в области педологии и психологии трудного детства. Один из основных вопросов – о трудных детях и о новых формах учреждений для них».

Доклад т. *Эпштейна*, **зав. Главсоцвосом НКП РСФСР: «Состояние детской беспризорности и очередные задачи борьбы с ней». Доклад т.** *Данюшевского*: **«Трудные дети и работа с ними» - о корнях трудного детства, его социальной основе и биологических особенностях; «за основу взяты формулировки, принятые конференциями Москвы и Ленинграда».[2]**

Доклад т. *Корст*[3]: **«Педагог детдома, организация его работы и повышения его квалификации». Основное качество педагога – «способность быть организатором всей детской среды,... возбудителем условных общественно-полезных рефлексов детского коллектива, связывая жизнь детей с общественной жизнью».**

Недостаток «самоорганизации детей». «Самая отсталая форма педагогической работы – формальное «дежурство», заполняющее почти все рабочее время педагога»[4], необходимо «распределение педагогического труда по специальностям». Личные карты воспитанников, с результатами «педагогического и медицинского анализа», что позволяет «предупреждать проступки». Заведующего детдомом «разгрузить от целого ряда административно-хозяйственных функций»[5].

Доклад т. *Тизанова*; **работа общественности – СНОП[4], общества «Друг детей», профсоюзов, комсомола, Комонеса. 2 последних дня: «секции по труду, общественной работе и клубным занятиям».**

В совещании участвовал *А.С. Макаренко*, **по командировке Наркомпросса УССР. 17 ноября он писал Г.С. Салько (Макаренко): «Мне хочется поставить ребром вопрос о ревизии соцвоса... Стоит ли сказать: «Доктрина соцвоса не пролетарская?» (часть 1 данного издания, с. 233).**

В таком духе он высказывался в августе 1922 г.: «русская трудовая школа… по идее буржуазна… Не труд – работа, а труд – забота. Только организация школы как хозяйства сделает ее социалистической» (там же, с. 41). Он – за свободный труд в форме «хозяйствования», не в форме поденного труда, батрачества, хоть и «в коллективе».

На совещании он участвовал в прениях, возражал «против слишком формального подхода к вопросу о наказаниях» (часть 2 данного издания, с. 63).

Всероссийское совещание, работников детских домов (по сравнению с Первой Всеукраинской конференцией детских городков) отличается гораздо более сильным влиянием педологии, с опорой на рефлексологию и учение И.П. Павлова об условных рефлексах (что А.С. Макаренко считал совершенно недопустимым: из психологии и биологии, из работ И.П. Павлова «прямой вывод к воспитательному средству мы делать не имеем права». (часть 6 данного издания, с. 242).

Педология, **«наука о детях», на Западе стала разрабатываться во 2-й пол. XIX в. В России ею занимались П.Ф. Лесгафт, В.М. Бехтерев, А.П. Нечаев, Л.Ф. Лазурский и др. В СССР педология развивалась в 1920 – пер. пол. 1930 – х гг. по направлениям: «биогенез» - Е.А. Аркин, И.А. Арямов, П.П. Блонский и «социогенез» - А.Б. Залкинд, С.С. Моложавый, А.С. Залужный.**

С конца 1920-х гг. и до сер. 1930-х гг. педология занимала монопольное положение, подрывала право педагогики и психологии быть самостоятельными науками. А.С. Макаренко главный порок педологии видел в ее «инертности» по отношению к педагогическим целям, в «безразличном отношении к нашим государственным и общественно-политическим целям» (часть 6 данного издания, с. 63 – 64).

Рефлексология **– естественнонаучное направление в психологии, созданное в России в нач. XX в.** *В.М. Бехтеревым* **(в параллели с бихевиоризмом), механически разрабатывающее проблему соотношения поведения и сознания. Его «Коллективная рефлексология» в первом издании вышла в 1921 г. в Москве. Начавшаяся в 1928 – 1929 гг. критика рефлексологии завершилась в 1931 г.**

На Украине последователем В.М. Бехтерева был *В.П. Протопопов*, **вместе с А.С. Залужным и С.О. Лозинским. А.С. Макаренко подверг резкой критике книгу** *А.С. Залужного* **«Учение о коллективе» (М.–Л., 1930, см. часть 3 данного издания, с. 46 – 47).**

Украинский педагог-дефектолог педологического направления профессор *А.В. Владимирский* **бывал в колонии им. М. Горького, считал А.С. Макаренко «совершенно новым по типу педагогом», объяснял его воспитательные успехи как «изобретение в педагогике бесконечно малых величин» (свидетельство** *И.А. Сокольянского*: **Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, фонд № 447 – Г.Е. Жураковский, картон №13, ед. хр. 4, лл. 28 – 29). Это перекликается со сказанным А.С. Макаренко летом 1925 г.: «…Нужно всякую хозяйственную деталь… ощущать как явление педагогическое. Это требует огромного внимания и осторожности (часть 1 данного издания, с. 167).**

[1] Комиссия по делам несовершеннолетних.

[2] На этих конференциях ведущими докладчиками были *А.Б. Залкинд* **и** *П.Г. Бельский*. **А.С. Макаренко на Первой Всеукраинской конференции детгородков иронически высказался об их «типологии трудного детства» (там же, с. 197 – 198). Позднее, в 1928 г., в разгар борьбы с опытом макаренковской колонии они выступили со статьями: Залкинд А.Б. в ж. «Детское движение», Харьков, 1928, № 4 (система этой колонии «противоречит принципам советской педагогики»); Бельский П.Г. в ж. «Вопросы изучения и воспитания личности. Педология и дефектология», Москва, 1928, № 2 (критика макаренковской «новейшей» системы перевоспитания беспризорных).**

[3] *Корст Н.* **– ответственный работник Наркомпроса РСФСР, в мае – июне 1928 г. знакомился с деятельностью горьковской и Дергачевской колоний, коммуной им. Ф.Э. Дзержинского, отметил их «мощную производственную базу», другие достижения в воспитании, особо одобрил колонию горьковцев и коммуну дзержинцев – в статье в ж. «Детский дом», М., 1929, №1 (подробности см. в части 1, с. 280 – 281).**

[4] По существу это значит сведение работы педагога к надзирательским функциям.

[5] Принципиальнейшая разница: А.С. Макаренко «хозяйственную заботу» и управленческие функции делает первостепенными и для руководителя педагогического учреждения, и для всех педагогов, и более того – для всех детей, единого трудового «воспитательного коллектива» в целом. Без этого воспитание становится искусственным, оно произвольно навязывается, вызывает сопротивление, превращается в надзирательство.

Телеграмма Г.С. Салько, 19 ноября 1927 г.

= ВОЗВРАЩАЮСЬ ХАРЬКОВ ВОСКРЕСЕНЬЕ ОЧЕНЬ ПРОШУ БЫТЬ ДОМА ДВА ЧАСА ДНЯ МАКАРЕНКО=

Переписка А.С. Макаренко с женой, т. 1, с. 27. Телеграмма послана из Москвы, где А.С. Макаренко участвовал во Всероссийском совещании детских домов. Адресовано: Харьков, Сумская, 24, квартира 5, Салько. Его впечатления об этом совещании см. в письме Г.С. Салько – часть 1 данного издания, с. 233.

Все ли благополучно в детских колониях? Соцвос считает положение удовлетворительным. Горе – воспитатели продолжают работать **// Харьковский пролетарий, 1928 г., 19 января (без указания автора):**

«В связи с избиением детей педперсоналом, имеющем место в Лозовской детской колонии[1], наш сотрудник имел беседы с ответственными работниками Харьковской окружной инспектуры народного образования.

Помощник окружного инспектора, старший инспектор по соцвосу т. Пляченко[2] сказал: Положение детских колоний в настоящее время удовлетворительное. Случай с избиением детей в Лозовской колонии является единичным. Педперсонал детколоний не хуже персонала, работающего в обычных трудшколах. 25 % коммунисты и комсомольцы, около 10 % окончили институты народного образования.

Педагогическая работа в детколониях в высшей степени тяжела, хотя бы уже потому, что население колоний очень велико. Насчитываются колонии, имеющие до 750 детей. Дети поступают в колонию из детского коллектора, где подвергаются предварительному воспитанию в течение только месяца.

Инспектурой наробраза ведется упорная борьба с методами воспитания, которые применялись в свое время в Лозовской колонии...»[3]

Далее в статье подзаголовок: «Ответы работников наробраза не удовлетворяют»:

«...месяц тому назад в окружном суде слушалось дело по обвинению зав. педчастью Волчанской детколонии Кодиссон о наказании детей путем изоляции в карцер. В недалеком будущем перед Харьковским судом предстанут педагоги Лозовской колонии... В прокуратуре еще есть некоторые материалы, свидетельствующие о недопустимом отношении к детям педперсонала... В некоторых головах средневековые методы воспитания рисуются как наиболее действенные методы...

Странные заявления к утверждениям Пляченко и Макаренко... Инспектура не всегда в курсе дел. Надо со всей беспощадностью осудить тех педагогов, которые, будучи бессильными в воспитании детей, применяют в отношении их грубую физическую силу».

[1] О случившемся в Лозовской колонии, условиях и последствиях этого см. в части 1 данного издания, с. 243, 248 – 249. Макаренковскую общую характеристику состояния колоний Харьковского округа в это время, условий работы педперсонала и предвзятое, некомпетентное освещение в печати всей картины работы колоний см. там же, с. 244 – 248.

[2] *Пляченко* **– в Типах и прототипах «Педагогической поэмы» Клянченко: «...Добродушный наблюдатель, но умница и веселый человек... Он сторонник опытной логики» (там же, с. 341). А.С. Макаренко: «Тов. Пляченко совершенно прав: из 18 харьковских колоний в 15 совершенно благополучно, благополучнее, чем думают, и в тысячу раз благополучней, чем это должно быть по всем естественным законам» (там же, с. 247).**

[3] Далее запись интервью с А.С. Макаренко (см. там же, с. 243).

Дополнение. К 24 февраля 1928 г.: А.С. Макаренко становится известно, что А.М. Горький в 6-й книге альманаха «Круг» (1927 г.) положительно отзывается о колонии его имени, опираясь на переписку с ее воспитанниками и А.С. Макаренко (см. часть 1 данного издания, с. 252 – 253 и Горький А.М. Собр. соч. в 30 т., т. 24. – М., 1953, с. 282 – 283).

Из письма Г.С. Салько, 10 марта 1928 г.

…Сегодня я как раз прочитал 20 том Горького – там есть дельные места о героях на час и героях на всю жизнь. Как-то неясно Горький по этому случаю говорит, что под Харьковом есть колония, и он мог бы много рассказать об удивительных людях в этой колонии, но ему это лично сделать неудобно.

Как видите, и я могу считать себя кандидатом в герои навсегда. Но, кажется, русские женщины имеют слабость как раз к героям на час. Вы представляете исклю-

чение? Нет, солнышко, я пока не решаюсь приступить к совершенствованию самого себя – боюсь повредить себя, прежде всего в Ваших глазах…

Переписка А.С. Макаренко с женой, т. 1, с. 32.

Выписки из речей, трудов В.И. Ленина 1919 – 1922 гг.
Том XX, часть 2

Стр. 292. О раннем политическом воспитании (речь на съезде учителей-интернационалистов 18/I – 19).

302. О том, что новый класс воспитывается не из книжек и речей (речь на втором Всероссийском съезде профессиональных союзов 20/I – 19).

326. Работайте по мере своих сил, не беритесь за непосильную работу, работайте под руководством старших (речь на съезде коммунистов-учащихся 17-IV – 19).

343. …дезертиру «разъяснили его долг» (пример Петроградских рабочих).

358. Топливная работа должна быть поставлена по-военному: с такой же энергией, строжайшей дисциплиной, которая требуется на войне (проект циркулярного письма ЦК по поводу топливного кризиса, конец 1919 г.).

367. «Чтобы победить нужду и нищету, голод и бедствия, нужно твердо запомнить, хорошенько усвоить себе и во что бы то ни стало провести повсюду в жизнь правило:

Коль война, так по военному.

Рабочие и крестьяне сумели создать Красную армию без помещиков и капиталистов, сумели победить эксплуататоров.

Рабочие и крестьяне сумеют завоевать себе новое счастье, восстановить земледелие и промышленность.

Первый и основной шаг к этому – немедленное, во что бы то ни стало, с революционной энергией проводимое, с военной решительностью, сплоченностью, быстротой, беззаветностью осуществляемое восстановление транспорта. (коль война, так по военному – Правда, №28, 7 февраля 1920 года).

446. «У Рудзутака[1] сказано все яснее и проще, не сказано ни о «производственной атмосфере», ни о «производственной демократии». Там написано ясно, что каждый член союза должен сознательно относиться к тому, что абсолютно необходимо поднятие производительности в стране. Это написано простым, понятным языком.

Все сказано лучше, чем у Троцкого[2], полнее сказано, потому что прибавлены натур-премии и дисциплинарные суды. В Цектране[3] на этом пути сделана крайность и защищать их новыми задачами напрасно, их надо исправлять.

От принуждения мы не отказываемся. И ни один здравомыслящий рабочий не дойдет до того, чтобы можно было сейчас обойтись без принуждения» (Речь на заседании коммунистической фракции II Всероссийского съезда горнорабочих 23 января 1921 года).

474. Ликвидация безграмотности, а не[витание] в эмпиреях. Четыре заповеди:

1. Не мудруй лукаво, не важничай коммунизмом, не прикрывай великими словами халатности, безделья, обломовщины, отсталости.

2. Ликвидируй безграмотность.

3. Борись с взяткой.

4. Проверяй всю свою работу, чтобы слова не остались словами, - практическими успехами хозяйственного строительства.

5. Три врага: коммунистическое чванство, вот враг, безграмотность, взятка (Новая экономическая политика и задачи Политпросветов – тезисы речи – середина октября 1921 года).

Стр. 16. Нам нужны не новые декреты, не новые учреждения, не новые способы борьбы. Нам нужна проверка пригодности людей, проверка фактического исполнения.

Следующая чистка[4] пойдет на коммунистов, мнящих себя администраторами. Пробирайтесь лучше в область пропагандистской и агитаторской и всякой иной полезной работы все те, - кто все эти комиссии, совещания и разговоры ведут, а простого дела не делают. Сочиняют что-нибудь особенное и мудрое и оправдываются тем, что новая экономическая политика и надо что-нибудь новое придумать. А то дело, которое им поручено, не делается (речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 года).

Стр. 14. Мы действительно находимся в положении людей, и надо сказать, что положение это очень глупое, - которые все заседают, составляют комиссии, составляют планы – до бесконечности. Был такой тип русской жизни – Обломов. Он все лежал на кровати и составляя планы. С тех пор прошло много времени. Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались… (Там же и тогда же).

Стр. 25. Главное: надо трезво уметь смотреть, где и какие ошибки допущены, и переделывать все сначала. Если не два, а даже много раз придется переделывать все сначала, то это покажет, что мы без предрассудков, трезвыми глазами подходим к нашей величайшей в мире задаче. (Речь на XI съезде РКП 27 марта 1922 года).

Стр. 30. …а он ответственный коммунист и революционер не только этого не знает, но даже не знает и того, что этого не знает (там же, тогда же).

Стр. 40. …4 700 коммунистов (почти целая дивизия и все самые лучшие) не оказались ли подчиненными чужой культуре? Правда, тут может как будто получиться впечатление, что у побежденных есть высокая культура. Ничего подобного: культура у них мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас (Там же и тогда же).

Стр. 44. …Виновного не найдешь. Просто обычное русское интеллигентское неумение практически дела делать – бестолковие и безалаберность (Там же и тогда же).

Стр. 45. В нашей борьбе нужно помнить, что коммунистам нужно обдуманно [действовать]. Они вам расскажут превосходно о революционной борьбе во всем мире. А чтобы вылезти из отчаянной нужды и нищеты, для этого нужно быть обдуманным, культурным, порядочным – этого они не умеют. (Тогда же и там же).

Стр. 49. В 1921 году гвоздем было отступления в порядке. Вот почему нужна была сугубая дисциплина. Рабочая опозиция[4] говорила: «Вы недооцениваете рабочих, рабочие должны проявлять больше инициативы». Инициатива должна состоять в том, чтобы в порядке отступать и сугубо держать дисциплину» (Там же и тогда же)[5].

Стр. 50. В связи с НЭПом у нас принимаются возиться, переделывать учреждения, основывать новые учреждения. Это вреднейшая болтовня. Мы пришли к тому, что гвоздь положения в людях, в подборе людей (Тогда же и там же).

Стр. 55. Я нисколько не отрицаю пользы учебников и недавно писал, что было бы лучше, если бы наши литераторы поменьше уделяли внимания газетам и политической трескотне, а писали бы учебники (Там же и тогда же).

Стр. 105. В то время, когда мы болтали о пролетарской культуре и ее соотношении с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры, показывающие, что даже и с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо.

Оказалось, что, как и следовало ожидать, от всеобщей грамотности мы отстали еще очень сильно, и даже прогресс наш по сравнению с царским временем (1897) оказался слишком медленным. Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витает в эмпириях «пролетарской культуры».

Это показывает, сколько еще настоятельной черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы. Это показывает далее, какая уйма работы предстоит теперь для этого, чтобы на почве наших пролетарских завоеваний достигнуть действительно сколько-нибудь культурного уровня (Страничка из дневника «Правда» № 2, 4 января 1923 г.).

Стр. 116. Именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуре, в быт, в привычки. А у нас, можно сказать, хорошее в социальном устройстве до последней степени не продумано, не понято, не прочувствовано, схвачено наспех, не проверено, не испытано, не подтверждено опытом, не закреплено и т.д. (Там же).

Стр. 125. Наш теперешний опыт соединяет в себе в поразительной степени черты отчаянно смелого с робостью мысли перед самыми мельчайшими изменениями. (Там же).

Стр. 128. Нам тоже не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки (Там же).

Стр. 135. Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет теперь неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и материальные.

Стр. 179. Вся пропаганда должна быть построена на политическом опыте хозяйственного строительства. Это наша главнейшая задача, и если кто вздумал понимать это в старом смысле слова, тот оказался отсталым и не может вести работу пропаганды для массы рабочих и крестьян.

Наша главная политика сейчас должна быть – экономическое строительство государства, чтобы собрать лишние пуды хлеба и угля, чтобы не было голодных – вот какова наша политика. И на этом должна быть прилажена вся агитация и пропаганда. Нужно, чтобы было поменьше фраз, так как фразами вы не удовлетворите трудящихся.

Стр. 173. В чем состоит коммунизм? Вся пропаганда его должна быть поставлена так, чтобы дело сводилось к руководству практически государственным строительством. Коммунизм должен стать доступным рабочим массам как собственное дело. Это дело ведется плохо, с тысячами ошибок. Этого мы не скрываем. (Речь на Всероссийском совещании политпросветов 3 ноября 1920 года).

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 99, лл. 1–2, с об., авторская машинопись. Эти выписки нуждаются в тщательном исследовании вопроса о том, как А.С. Макаренко видел «педагогику общества», «элементы педагогики» в государственной политике, социальном управлении, хозяйственном и культурном строительстве, просветительно-пропагандистской работе. Нужно решать актуальные практические задачи, необходимы дисциплина, смелый творческий опыт, его постоянный критический анализ. Главная идея: строительство нового общества «должно стать собственным делом рабочих масс».

Все это служило А.С. Макаренко убедительным подтверждением правильности его подхода к новому решению фундаментальных проблем педагогики и воспитания, особенно проблем единства теории и практики, их целеустремленности. Основа основ советского воспитания – новый социально-трудовой творческий опыт коллектива педагогического учреждения, личный опыт каждого его воспитанника и сотрудника.

Макаренковскую работу над произведениями В.И. Ленина см. также в части 7 данного издания, с. 151 – 155 и части 5, с. 320.

А.С. Макаренко цитирует В.И. Ленина в «Педагогической поэме» (Пед. Соч. в 8 т., т. 3, с. 443), во время обсуждения его доклада на секции социального воспитания Украинского НИИ педагогики 14 марта 1928 г. Он ссылается на ленинский тезис о проявлении инициативы в дисциплине, когда необходимо отступать (речь на XI съезде РКП 27 марта 1922 г.).

[1] *Рудзутак Я.Э.* **– советский государственный и партийный деятель; в 1920 – 1921 гг. генеральный секретарь ВЦСПС.**

[2] *Троцкий Л.Д.* **– советский государственный деятель и партийный деятель; в ноябре 1927 г. исключен из ВКП (б), в 1928 г. отправлен в Казахстан; в 1929 г. выслан из страны; занимался подрывной деятельностью в СССР.**

[3] **Центральный государственный комитет по транспорту.**

[4] **Говорится о периодических «чистках» рядов большевистской партии, об исключении из нее недостойных. Это происходило путем голосования на общих с беспартийными собраниях; решения могли быть обжалованы в вышестоящих партийных органах.**

Письма Г.С. Салько, 1 и 3 – 4 марта 1928 г.

Утро 1/III-28

Солнышко!

Пишу наскоро в кондитерской. В Вашем письме целые нетоварищеские страницы. Нужно совсем меня не знать, нужно не доверять мне ни на грош, чтобы написать то, что Вы написали. Если бы та фраза, которую Вы мне инкриминируете, содержала в себе хоть только намек на какой-то подленький совет, разве со мной можно было бы разделаться только письмом? Ведь это была бы гадость первого сорта, после чего; мне нужно было бы просто плюнуть в физиономию и, во всяком случае, уж не переписываться со мной.

Ей богу, Солнышко, как Вам не стыдно вынуждать меня оправдываться в такой бесталанной жалкой мерзости. Ведь как раз вся соль моей иронии в том и заключалась, что я представил себе самое невероятное, самое дикое, что только можно придумать по отношению к Вам. Говоря это, я думал, что высказываю самое высокое о Вас мнение, что Вы поймете и иронию и мою любовь к Вам, которая только и позволяет мне так шутить.

Я, может быть, не умею любить, не умею отдавать себя любви, потому что любовь считаю моей личной драгоценностью и не ощущаю своего права отдаваться ей. Но Вы должны быть всегда уверены, что никаких неожиданностей и гадостей между нами быть не может — Вы для меня дорогая находка и в Вас я не хочу потерять прежде всего свою ценность. Я вот не умею выражать ни страдания, ни преданности, для этого я слишком по-мужски застенчив, но Вы должны, обязаны все глубоко знать и видеть и таких писем не писать. Хорошо?

Сегодня в коммуне отвечу Вам подробнее. В воскресенье у Вас буду.

Ваш А

Колония Дзержинского

3-4/III-28

Не сердитесь, Солнышко, если мало или плохо напишу,— сейчас половина третьего ночи, я только что попрятал в ящики всякие счета и расписки.

Перечитываю Ваше письмо и смеюсь. Какая Вы прелестная чудачка! Вы так акробатически повесили меня ногами вверх на простой дружеской шутке, что мне особенно теперь хочется узнать все ваши ответы на мое мерзостное поведение.

Воображаю, что Вы там обо мне думаете «втайне». Подсчитываете мои промахи, которые мне якобы нельзя делать. Ах, солнышко, солнышко! Ну, кто же на свете знает, что такое промах, ежели все люди начинают и оканчивают глупейшим промахом — родятся и умирают.

Вот и Вы в письме Вашем сделали такой ужасный промах, — «де в бога заяць, де в черта батько». Как это Вы до сих пор не заметили, что я ни одной минуты не ощущал Вас как больную. Поверьте, мне всегда нужно серьезно напрягать воображение, чтобы поверить, что Вы больны — это лучшее доказательство для меня, что у Вас ничего серьезного нет, и что Вас просто мучают лекаря.

Это Вас не обижает? Умом я представляю себе Ваше нездоровье, но я просто не в состоянии переживать эту идею по отношению к Вам. Если бы повыгонять из Вашей палаты всех Ваших товарок, я бы с наслаждением уклался на Ваши колени и нисколько бы не мучился угрызениями совести — хоть и на всю ночь не дал бы Вам спать. Вот какой я скверный человек.

И никогда мне не казалось, что я платформа или вагонетка и Вас я никогда ни в чем подобном не заподазривал.

Не сердитесь также на меня за то, что я хочу сесть в тюрьму. Уверяю Вас, это вовсе не так глупо, как кажется. Прежде всего, это не упадочность. Мне просто хочется довести до полного выражения состояние советского гражданина[1]. Во-вторых, мне надоели люди. Ведь могут же они надоесть. Я на них не сержусь и не злюсь, они мне просто надоели — все они «черненькие, все прыгают», ну и пусть, а все же они зверушки. В-третьих, я прямо с восторгом представляю то ощущение полной свободы, какое может быть только в тюрьме. В-четвертых, я в тюрьме написал бы чертовски интересную книгу, только не о педагогике (педагогика — шарлатанство); а о жизни[2], о Солнышке, о том, почему на свете только одно Солнышко.

Пишите Вы, что я в любви ничего не понимаю. Ничего подобного. Вы даже представить себе не можете, как хорошо я разбираюсь в этом проклятом вопросе.

Вашу щекотливую и занятную тему Вы обязательно разработайте в ближайшем письме, обязательно в письме, Вы ведь замечательно пишете. В воскресенье я Вас увижу, но ведь это нечто из Дантова Ада, так никакие темы, кроме плоских шуток, подобных приписываемой мне, нельзя сказать, чтобы были уместны.

О делах не пишу. Меня по-прежнему едят, но я уже смотрю на всех, как Кук на дикарей — даже интересно.

Бальзака нигде нет, хоть плачь. Что это за республика такая!?

Солнышко, целую руки — спасибо, что даже поклепы на меня взводите ласково, для меня это, по некоторым соображениям, чрезвычайно важно.

Целую руки, целую руки.

Ваш А.

Переписка А.С. Макаренко с женой т. 1, с. 28 – 30.

[1] Письмо написано при тяжелейшем состоянии А.С. Макаренко: разрушен его замысел расширения и развития опыта горьковской колонии (создание «Трудового детского корпуса»); за 4 месяца его отсутствия в колонии появились серьезные негативные явления (сменилось три и.о. зав. колонией; одновременно он еще и заведовал коммуной им. Ф.Э. Дзержинского).

Он хочет во всей полноте и сложности выразить «состояние советского гражданина», т.е. понять и объяснить, что происходит, как-то связывая историю своего педагогического опыта с историей всей страны в это время, в конце 1920-х гг., на переломном этапе ее развития.

Конкретно о тогдашней борьбе вокруг его опыта см. часть 1 данного издания, с. 244 – 255, а о всем драматическом периоде этого ожесточенного противостояния различных социально-политических и общественно-педагогических сил с июля 1927 г. по июль 1928 г. см. также часть 4 данного издания, с. 329 – 345.

О его целой стихии «гражданских мыслей» А.С. Макаренко говорит и позднее, в письме Г.С. Салько 13 мая 1928 г. (накануне подачи им официального заявления об уходе с заведования колонией): «Сейчас мой горьковский кризис еще больше настраивает меня на преклонение перед жизнью – я прислушиваюсь к своей боли, к чувству глубочайшего оскорбления, к целой стихии «гражданских мыслей», к национальному отчаянью, к начинающемуся складываться какому-то постоянному ощущению безнадежности. Это очень какое-то сложное и тревожное состояние...» - полностью см.: часть 1 данного издания, с. 275.

[2] «Педагогика – шарлатанство»: говорится об официально действующей тогда (по существу действующей и потом, по сей день) педагогике, которая пытается оторваться от экономики и политики, идеологии общества, замыкается в рамках «природы человека» и детского возраста, «школы учебы», «парной педагогики».

При таком сужении предмета педагогики игнорируются общественно-педагогические закономерности, возникает именно шарлатанство, т.е. произвольные, невежественные суждения и заключения, претендующие на «ученость».

А.С. Макаренко в данном случае по существу повторяет А.К. Гастева, его высказывание 1922 – 1923 гг. о педагогике как о «собрании предрассудков». От него он заимствует мысли о необходимости «инженеров педагогики», о «технологии» воспитания и обучения. Совпадение их концепций педагогики А.С. Макаренко отмечает в ноябре 1923 г. (см. часть 1 данного издания, с. 95, 182).

Гастев А.К. **– один из основателей научной организации труда (НОТ) в РСФСР, поэт пролеткультовского направления, социальный педагог. Его книга «Восстание культуры» (сборник статей) издана в Харькове в 1923 г.**

Письмо Г.С. Салько 21 марта 1928 г.

Колония им. М. Горького
21/3-28. Утро.

На улице опять мороз. Говорят, что зима будет продолжаться до 15 мая. Колония Горького рожает весну страшно трудно, еще никогда так трудно не было. Ну черт с ней, с весной.

Доброго утра, Солнышко! Ведь правда, теперь у Вас должны наступить добрые утра — это значит, что по утрам Вы не должны вспоминать вчерашнюю высокую температуру. Вообще с температурой, Солнышко, Вы пропускаете все сроки. Нам нужно настолько уже поправиться, чтобы можно было разбить все градусники, имеющиеся в Тубинституте[1]. Я уже думаю, не объявить ли для Вас какую-либо премию!

Я в этом году переживаю какой-то великий пост с очень поздней пасхой. Подумайте, еще месяца два видеться с Вами только на извозчике или в окружении Ваших соседок. Говею. Ничего.

4 часа дня.

Переписка А.С. Макаренко с женой, т. 1, с. 38-39

[1] Говорится о медицинском обследовании Г.С. Салько на туберкулез. Заболевание она получила от глубокой простуды поздней осенью 1928 г., во время работы в Управлении детдомов и колоний Харьковского округа.

Письмо Г.С. Салько, 21 апреля 1928 г.

21 апр. 10 часов утра

Комм. Дзержинского

$\frac{\text{Прошло}}{\text{Осталось}}\ \frac{5\text{ сут.}19\text{ час.}}{42\text{ сут.}1\text{ час.}} = \frac{139\text{ ч.}}{1009\text{ ч.}} = \frac{8340\text{ м.}}{60540\text{ м.}}$ Отн. 1:7,62[1]

С добрым днем, мое Солнышко. Сейчас выезжаю в Горьковскую. На небе хмуро, что-то собирается похожее ни дождь, а у меня на душе самое противоестественное соединение: богатейшая человеческая радость и звериная тоска - 60.540. Колония Горького, коммуна Дзержинского, всякие другие условия жизни на земном шаре[2] не позволяют мне вот сейчас лечь и уснуть до 2го июня.

Сегодня письмо будет? Если не будет письма сегодня, набью морду какой-нибудь марке.

2 1 /IV Вокзал Почта

Получил Ваше письмо. Спасибо. Спасибо, Солнышко. Идет дождь. Меня ждут в машине и мокнут. Спешу. Будь весела. Солнышко родное.

Ваш А.

Переписка А.С. Макаренко с женой, т. 1, с. 44.

[1] А.С. Макаренко отмечает, сколько времени (суток, часов) прошло со времени отъезда Г.С. Салько на лечение в Крым и сколько времени осталось до ее возвращения, определяет отношение одного к другому по убывающей величине.

Это одно из проявлений его пристрастия к математике, см. еще часть 1 данного издания, с. 148 – 150 и др. Многочисленные количественные характеристики педагогического процесса в его трудах – показатель стремления приблизить педагогику к точности естественнонаучного знания, сделать ее подлинной наукой. Эти данные нуждаются в специальном исследовании.

[2] В это время положение не только колонии им. М. Горького, но всех детских интернатных учреждений Харьковского округа оставалось тяжелым. Их продолжали обследовать различные государственные и общественные организации, делая при этом далеко не однозначные заключения.

В одном из украинских периодических изданий опубликован материал обследования пяти детских интернатных учреждений, сделанного ЦК ЛКСМУ в марте 1928 г. (укр. яз.):

«...Змиевский детский реформаториум. По общему положению – не имеет ни комсомольской, ни пионерской организаций. Туда посылают бандитов, несовершеннолетних правонарушителей, злочинцев и злодеев (выражения, совершенно недопустимые в лексиконе А.С. Макаренко. – А.Ф.), из которых только после упорного труда могут выйти честные люди... Ставится вопрос о прикреплении реформаториума к совхозу, чтобы всех охватить трудовыми процессами...

Трудовая колония им. Шевченко в Гиевке – 200 детей. Это был дружный коллектив детей, который давал хорошую подго-

товку к трудовой жизни. Потом в этот коллектив вошли дети детдомов им. ВУЦИКа и Люботинского – и колонию не узнать. В этих детдомах детей воспитывали белоручками и лодырями, оберегали от труда, они проникнулись мещанской психологией, ели белый хлеб, у них были няни и уборщицы… Мэри Пикфорд и Гарри Пиль – идеалы большинства воспитанников. На стенах комнат девочек – портреты «кинозвезд» и листовки религиозного содержания.

Ахтырский детский городок им. Скрыпника: воспитание поставлено образцово. Все приучаются к труду. 3 школы: сельского хозяйства, соцвоса и школа учебных мастерских. Но дело с пионерами плохо… 140 чел. В пионерской организации – нудная, неинтересная жизнь.

(Примеч. А.А. Фролова: зав. этим детгородком – *М.Л. Довгополюк.* **В Типах и прототипах персонажей «Педагогической поэмы» - М.Т.Богатырчук см. в части 1 данного издания, с. 342: «Представитель кулацкой педагогики… В колонистах он видит прежде всего батрака… Нечто выставляемое против [горьковской] колонии троцкистами». Приобрел тракторы, детгородок обрабатывал большую земельную площадь).**

Особенно о самоуправлении. В 4-х детучреждений из 5, которые обследовала комиссия, существует система командиров. Коллектив разделяется на отряды, во главе с командирами, которые образуют совет командиров. В колонии им. М. Горького дети командиров не выбирают, их назначает администрация. (Примеч. А.А. Фролова: это совершенно неверно; командира отряда определяет этот отряд, но это решение должно подтвердить общее собрание всей колонии; назначение применялось в исключительных случаях).

В Зеленогайской и Гиевской колониях эта система предложенная сверху, не привилась. Гиевская колония приняла ее из колонии им. М. Горького механически, вопреки желаниям педагогов и воспитанников. Комиссии пришлось наблюдать никчемную пародию на те внешние приемы, характерные для системы колонии Горького. В Зеленом Гаю система командиров не привилась. Она присоединилась к тому, что делалось в Гиевском реформаториуме: командиры приобрели полную власть и за спинами воспитателей били детей, а воспитатели говорят, что избиений нет: «Мы не били!»

Харьковский окрнаробраз почти совсем не руководит детскими колониями и до настоящего времени не обращает внимания на предложение окружкома комсомола взяться за смену системы совета командиров, а также не принял мер, чтобы прекратить избиения.

Если сравнить две системы самоуправления: в Ахтырском детгородке и Горьковской колонии, то лучшей представляется Ахтырская. Там – система выборных звеньевых. Звенья составляются по принципу приятельства 5 – 6 человек. На делегатских сборах детей (от 1 до 10) образуется Центральный исполнительный комитет, исполком, из 15 человек, руководящий центральной орган детского самоуправления… В самоуправление втягивается значительная часть воспитанников…

(Примечание А.А. Фролова: в середине июля 1928 г. А.С. Макаренко в письме заведующему Главным управлением социального воспитания НКП УССР заявлял, что самоуправление в колонии им. М. Горького является «действительным руководителем колонии», а в Ахтырском детгородке это «надстройка над фактическим управлением взрослых» - см. часть 1 данного издания, с. 291).

Когда же наши педагогические институты возьмутся за изучение этой системы? До какого времени будет существовать «командирство», которое так вредно и противоречит основам советской педагогики?..»

Личный архив А.А. Фролова, стр. 57 – 60 публикации в издании, не отмеченном им при записи этой публикации. См. также часть 1 данного издания, с. 260 – 261 и 263 – 265.

Письма Г.С. Салько, 24 – 26 апреля и 1 мая 1928 г.

Ой!

24/IV – 28 1 ч. дня

$\frac{8\text{ с. }22\text{ ч.}}{38\text{ с. }22\text{ ч.}} = \frac{214\text{ ч.}}{934\text{ ч.}} = \frac{12840\text{ м.}}{56040\text{ м.}}$ Отн. 1:4,35

Задержался, Солнышко. Сегодня обязательно получу Ваше письмо. Это событие.

У нас хорошая весна – светит солнце и крымский ветер. Деятельно готовимся к 1-ому мая. Мне все кажется: вот отбуду 1-е мая и стану свободным гражданином. Как же!

Напишите мне подробно о Вашей жизни, вплоть до того, какая у Вас комната и где стоит Ваша кровать — приложите план. Точно так же опишите подробно, где там у Вас море и какая у него физиономия. Хорошо.

Выезжаем. И кроме того так трудно писать, когда к тебе в бумагу смотрит несколько пар глаз.

Целую Ваши руки.

Ваш Т.

Колония им. Горького

25 апреля 1928 г. 12 часов дня

$\frac{8\text{ с. }21\text{ ч.}}{37\text{ с. }23\text{ ч.}} = \frac{237\text{ ч.}}{911\text{ ч.}} = \frac{14220\text{ м.}}{54660\text{ м.}}$ Отн. 1:3,8

Вы видите, Вы видите?!

Бывают: вечеринка, званный вечер, бал, банкет, оргия, вакханалия. У меня вчера было нечто получше вакханалии. Прихожу на почту. Мне дают одно письмо. Я рад — спасибо! Еще открытка. Господи, как хорошо! И еще открытка! Ого. Это уже оргия. Я готов танцевать самый разнузданный танец и целовать без конца старую почтовую марку, которая еще продолжает рыться в пачке писем на «М». Я лезу в карман, чтобы достать 15 копеек — за 3 письма.

Но в это время на прилавке появляется беленький конвертик с таким аккуратно вымытым личиком, как будто он и не думал бывать в грязных лапах разных чинуш. Я кричу на весь вокзал Южных: — 20 копеек! Двугривенный летит за окошко, я хватаю целую кучу писем и лечу. Но тут и старая почтовая марка приходит тоже в восторг. Она, представьте, даже улыбается, ласково смотрит на меня поверх очков, протягивает руку куда-то назад и, понимаете, я как будто в концерте Персимфанса, и играют не какого-нибудь там Бетховена, а нечто совершенно исключительное: «Подождите, куда Вы? Вам еще есть заказное!»

Вдруг музыка обрывается: я начинаю соображать со скоростью ионов, электронов, эманаций радия и других не менее поворотливых предметов: заказное может быть от кого-нибудь другого? Так никто же больше не пишет мне до востребования! А зачем бы Солнышко писало все простые, простые, а тут вдруг заказное!? Но письмо уже лежит передо мною. Никаких сомнений! 25 копеек за Ваши письма, за Ваши письма, голубчик!

Пять писем, и каждое такое, что никакими человеческими словами не ответишь.

Прежде всего, страшно нехорошо. Что это такое — болит горло? Как болит, почему болит? В открытке от 21-го Вы ничего не пишете о горле, но кто его знает, что это еще значит. Может быть, Вы потому и написали открытку, что совсем уже больны и письма написать не можете? Почему у Вас болит горло? Простудились, ангина, или еще что такое? Почему не пишете подробнее об этом?

3 часа дня

$$\frac{10\text{ с. }00\text{ ч.}}{37\text{ с. }20\text{ ч.}} = \frac{240\text{ ч.}}{908\text{ ч.}} = \frac{14400\text{ м.}}{54480\text{ м.}}$$ Отн. 1:3,7

А в то же время Вы беспокойтесь обо мне. «Береги себя» производит, Солнышко, такое впечатление, что я готов обратиться в Бову-королевича или в Еруслана, но как все-таки я могу беречь себя. Я просто не понимаю, как это можно провести на деле,— такую психологическую установку.

Нужно бросить колонии? Так это, Солнышко, мы решим только тогда, когда Вы приедете, и мы будем разрешать вопрос о новой жизни. Ведь будем же мы его разрешать? Кстати, Вы замечательно придумали — приехать за Вами в Крым в конце мая. Я сейчас не вижу буквально ни одного препятствия к такому замечательному делу. Есть ли где остановиться в Симеизе? Ведь я не захочу приехать на один день? По горам с Вами мы лазить не будем — терпеть не могу этого занятия,— я и раньше не лазил — это не приобщает человека ни к какой высоте. Но зато морем «упьемся». Вы не имеете никакого понятия о том, как я люблю море. Из всех впечатлений моей жизни — море самое сильное после Вас.

Я умею в море видеть не только воду, а всю человеческую историю. Оно живое и, правда ж, умное, умное, сердитое, серьезное, сильное. Таким должен быть человек, как море.

Я сейчас не решаю вопрос о своем приезде. Все будет зависеть от того, как Вы будете относиться ко мне к концу мая. Вы думаете, что уж теперь ясно, как? Вот посмотрим. Во всяком случае, если Вы меня не разлюбите, нужно обязательно устроить наше свидание в Крыму. Мы еще успеем об этом списаться.

Мне очень не нравится, как Вы решаете медицинское затруднение: «спать и не толстеть». Ваше решение больше подошло бы к Александру Македонскому: — просто не спать. Скажите пожалуйста, это называется решением! Почему это решение? Сколько уже Вы давали обещаний в вопросах Вашего здоровья быть более разумной, кажется, ничего из этого не выходит. Ваше здоровье — дисциплина, которую Вы с большим трудом постигаете. Просто не спать, что-то особенное.

Сейчас выезжаю в Дзержинскую. Простите, родненькая, что мои письма такие неуклюжие. Я всегда пишу их в толпе. В жизни вообще я один никогда не бываю.

Целую все Ваше имущество, ласковое мое Солнышко: будьте же совсем здоровы, как Вам полагается, как Вам идет.

Ваш Т

Солнышко, люблю! Как это сказать так, чтобы Вы все поняли.

26 апреля 1928. 10 ч. д.

Спешу, гоню, бросаюсь из стороны в сторону, как угорелая кошка. Пишу бисером, потому что на мое перо смотрят черт его знает сколько глаз. Получил вчера

два письма. Люблю, страшно соскучился. Что с Вашим горлом. Напишите подробно. Господи, только когда я получу об этом.

Заедает меня 1-е мая и ремонт. Целую Солнышко. Будь здорова. А хорошо жить как! Правда? Кланяйтесь морю.

P.S. Лучшее описание моря не у Жуковского, а у Салько. У Галочки Салько, она же Солнышко.

Вокзал 2 ч. дня

Сейчас получил открытку с изображением «Каспия» и письмо от 23/IV с головной болью. А как горло? Это просто ужасно. В одном письме болит горло, в другом не болит — молчит, потом опять болит. Я серьезно боюсь, серьезно боюсь, Солнышко! О Вашем здоровья нужно писать подробнее.

За Вашу нежность, за Ваши письма, за изумительные Ваши письма нельзя ни благодарить, ни молиться. Я просто как балда вчитываюсь в Ваши строчки и ничего не понимаю. Я не могу себе представить, что возможно что-либо подобное, я никогда раньше не мог бы допустить, что возможно такое.

Я прекрасно понимаю, что тут я случайный повод. И что такое я? Но что у Вас в душе? Свет, особенный ослепительный и нежный, музыка, верхняя чистота, какой-то сад какого-то высшего великолепия.

Этого, Солнышко, нельзя понять, и никто никогда ничего подобного не читал. Я просто раздавлен Вашими письмами, сижу и тихонько молчу. Вас даже целовать нельзя. Нужно целовать только ветер, который от Вас прилетел. Так, Солнышко, и еду в колонию Горького ничего не понимающий.

Я люблю Вас — это страшно мало, что сегодня даже пошло. Как сказать? Вот видите, нет у меня слов никаких.

Смотрю на Вас, смотрю с надолго открывшимися и пораженными глазами, и дыхание у меня захватило.

Захватило.

1 -го мая 1928
Вокзал 6 часов

Солнышко.

Позавчера получил Ваше «холодное» письмо. Нельзя меня наказывать, голубка. Мне без Вас так пусто и глупо, что и сказать нельзя. Что писем харьковских не получали, ну что же тут сделаешь – далеко заехали, значит, пока к Вам допишешься.

Я сейчас, собственно говоря, болен, так намаршировались, по городу, ноги мои никуда уже не годятся.

Сегодня мои колонии[1] участвовали в церемониальном марше на ипподроме и удостоились аплодисментов присутствовавшей публики.

Разве это важно? Все это пузыри на воде.

Солнышко, родненькое, ласковое, единственное, не нравится мне кое-что в Ваших письмах, то у Вас горло, то фигура, умолчания у докторов, все это ни к чему. Я решительно требую, чтобы Вы вернулись совершенно здоровой, веселой, стриженной, радостной. Ведь у нас новая жизнь впереди, Я уверен, что так и будет.

Левка[2] был с нами, но потом смывался куда-то. Очевидно, завелись где-то другие симпатии.

До свидания, Солнышко, спешу к своим босякам.

Ваш А

Переписка А.С. Макаренко с женой, т. 1, с. 47 – 50 и 55 – 56.

[1] С конца 1927 г. по начало июля 1928 г. А.С. Макаренко был заведующим одновременно колонией им. М. Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского.

[2] Лев Михайлович Салько – сын Г.С. Салько от первого брака. Отец – Салько М.В., в 1919 г., зам. наркома просвещения

Украины; в 1923 – 1925 гг. зам. киевским, затем харьковским губнаробразом; в 1930-е гг. зав. черниговской окринспектурой образования, член Совета при НКП УССР.

Л.М. Салько принят в коммуну им. Ф.Э. Дзержинского 23 сент. 1928 г., выпущен из нее при поступлении в Московский авиационный институт; затем авиаинженер в НИИ ЦАГИ.

Среди Типов и прототипов «Педагогической поэмы» - Левицкий Алеша, характеристику см. в части 1 данного издания, с. 344.

Письма Г.С. Салько, 3 и 4, 9 мая 1928 г.

3/V. Вокзал
9 ч. утра

Получил две открытки и огромное писмище заказанное. Сейчас не хочу читать, только вскрыл и пробежал [глазами], вижу, что в общем «благополучно» и Вы меня еще любите. Ой, не знаю даже что Вам сказать от радости. Сегодня обязательно вырву кусок времени и буду писать, писать, писать. Спасибо, голубчик – Солнышко!

Сегодня еду в коммуну. За эти праздники я столько совершил разных операций с деньгами, что у меня полные карманы разных расписок и заметок, и нужно специально засесть за финансовую работу, в колонии Горького не дают.

Желаю Вам солнца и радости.

Целую все – все

Ваш, Ваш, Ваш
Тося

Коммуна Дзержинского
12 часов ночи с 3 на 4 мая

$\frac{18\text{ с. }9\text{ ч.}}{29\text{ с. }11\text{ ч.}} = \frac{442\text{ ч.}}{707\text{ ч.}} = \frac{26460\text{ м.}}{42420\text{ м.}}$ Отн. 1:1,6

Через пять дней будет «преполовение».

Я преклонил голову и молчу. То благоговение, с которым я читаю Ваше письмо (26/IV), не может быть выражено никакими знаками. Это Великий Вход Солнышка, и нужно, чтобы хор пел «Иже херувимы», но у меня нет хора.

Я ничего не могу написать своего. Сейчас я могу быть только отзвуком, слабеньким и даже дребезжащим отзвуком. Это вовсе не значит, что моя любовь родится в Вашей любви. Нет, здесь совсем другое начало. Если я вдруг узнаю, что Вы меня не любите, я не только не стану меньше любить Вас. Нет, я немедленно сделаюсь психическим, просто потому, что не вынесу своего чувства к Вам, и больше всего не вынесу его тишины, его бессловесности. Где-то у какого-то нового русского поэта есть такой стих:

«Доверим душу голосам, неизреченного молчанья».

Это довольно неповоротливо сказано, но страшно умно. Так вот я этих голосов неизреченного молчанья тогда не вынесу. А теперь я отзвук, потому что, как бы я ни любил Вас, я не достоин чего-то. Чего? Я затрудняюсь точно определить чего. Я не могу сказать, что я недостоин, чтобы меня любили даже Вы. Ах, какой я идиот! ВЫ! Я могу допустить, что ВЫ меня любите, но представить ВАС, вот такую, как ВЫ есть, живую, радостную, с такими глазами, с такой полной человеческой глубиной, с такой чистотой, представить, что из ВАС такой истекает такое море ласки и нежности и что это только для меня, для меня одного — это не по силам моему воображению.

Я не могу представить себя таким исключительным, таким избранным. Это, наверное, потому, что только в письмах я увидел это море. Когда я читаю ВАШИ письма, я стараюсь представить себе, как Вы смотрите, какая ВЫ в этот момент, и не

могу. Когда ВЫ приедете, я буду искать в ВАШИХ глазах все строчки ВАШИХ писем.

Я потерял свой голос, СОЛНЫШКО. Сегодня нет ничего на свете. Кроме ВАШЕГО письма.

1. ВАМ весело, СОЛНЫШКО, ВЫ смеетесь, хохочете даже. Если бы только для этого мне нужно было жить на свете, это было бы далеко не глупо.

ВЫ знаете, как я люблю смех и радость, хотя я сам довольно хмурый человек. Нельзя представить себе настоящего человека без смеха. Наверное, такие хмурые люди, как я, живут для того, чтобы будущие люди смеялись. Если у них будут лица, освещенные умом и чистотой, как у ВАС, они должны смеяться. Пусть они научатся еще у ВАС так доверчиво радостно, с таким высоким культурным доверием полноценного человека смотреть на мир, как ВЫ смотрите.

Вот я сейчас представлю себе, как ВЫ смеетесь. ВАШ смех — это целое произведение, о котором критикам можно писать большие книги. Это потому, что на ВАШИХ глазах ВАШ смех рисует целую кучу картин. ВАШЕМУ смеху есть где размахнуться. Ведь, собственно говоря, у человека смеются только глаза.

2. ВЫ мне не раз говорили о 22 годе. Я не мог ВАМ не верить, но правда, я думаю, что у ВАС это обратное представление. По богатству СВОЕМУ ВЫ и прошлое украшаете цветами. Это прекрасно, РОДНАЯ, я целую кончики ВАШИХ ботинок, я, как умею, благодарю ВАС за эту изумительную щедрость, но я по-прежнему не понимаю, совершенно искренно, чистосердечно «по-товарищески» говорю, не понимаю я, СОЛНЫШКО, как я, такой корявый, такой дикий, такой скучный и такой однообразный мог заслужить у ВАС такую царскую щедрость.

3. «Я должен был неотвратимо полюбить». Этот закон, СОЛНЫШКО, выполнен с излишней даже педантичностью. С излишней. Потому что такие убежденные циники, как я, могли бы составить исключение. Впрочем, я в этом вопросе мало еще разбираюсь.

Я никак не могу привыкнуть к моей новой жизни. Так трудно себе представить: жил, жил человек, к чему-то пришел, даже возгордился, и вдруг оказывается, что жизнь началась только сегодня[1]. Представьте себе: ВЫ тридцать девять лет считали себя русской, и вдруг сегодня вечером ВЫ забыли все русские слова, и нет никакого сомнения в том, что ВАШ родной язык — английский, и Вы ни слова по-русски не понимаете. Вот я в таком теперь положении.

Прошлого нет, СОЛНЫШКО, верно, прошлого нет. ТЫ прости мне минутную слабость. Никогда этого больше не скажу. Не могло быть прошлого, если есть такое СОЛНЫШКО.

4. Разочарование? Разве я очарован? СОЛНЫШКО! Разочароваться в ВАС, значит прежде всего смешать с грязью себя. Я не очарован, я люблю ВАС до последнего атома самой идеи ВАШЕЙ личности, я люблю ВАС как выражение чего-то большего, чем мир. Я это говорю совершенно серьезно. Для меня ВЫ оправдание жизни. Для ВАС я готов совершить даже подлость, даже украсть, если это будет необходимо для ВАС. ВЫ никогда не должны так говорить, ВЫ это знаете.

5. ВЫ никогда, пока ВЫ в Крыму, не должны писать таких длинных писем. Ведь Ваше письмо — это 5 часов[2]. Я решительно требую, чтобы больше этого не было. Здесь я тоже имею право командовать. Даю ВАМ честное слово: если ВЫ мне еще раз пришлете такое длинное письмо, я буду всю ночь работать. Раз ВЫ убиваете себя, значит и мне можно. ВЫ пишите мне самые короткие письма.

У нас впереди целая жизнь (а не 10 лет! Как ВАМ не стыдно), а ВЫ сейчас, когда ВАМ нужно набраться сил на всю жизнь, сидите над бумагой. Ей богу, честное

слово, если будете писать не короткие письма, честное слово, клянусь ВАШЕЙ лаской, прибавлю себе работы и уменьшу еду.

ТЫ прости меня за это требование. Для меня будет великим счастьем, если ТЫ его выполнишь. Хорошо, Солнышко. Я тебя страшно люблю и прошу: для меня побереги себя. Хорошо?

Солнышко, родненькое, спокойной ночи. Ой, как мне хочется запустить руки в твои кудряшки и прислониться к ним.

$$\frac{18\text{ с. }20\text{ ч.}}{29\text{ с.}} = \frac{452\text{ ч.}}{696\text{ ч.}} = \frac{27120\text{ м.}}{41760\text{ м.}}$$ Отн. 1:1,5

11 ч. утра 4 мая
Коммуна Дзерж.

Пишу в классе. Осталось в 11/2 раза больше, чем прошло. Я старался перевести эти цифры па живую цепь дней ожидания. Это, оказывается, невозможно. Черт его знает, как еще долго! 29 дней. Все-таки месяц.

12 1/2 часа

У нас холодно. Дождь. Говорят, такая погода будет до конца мая. Это хорошо. Пусть у нас будет такая погода, Нс жалко будет, что пропадет весна без СОЛНЫШКА,

Я уже сложил много стихов для Вас[3]. Писать не хочу. Вы очень строгий критик, и я могу повредить себе плохими стихами. Да и не нужно Вам знать мои стихи, Они для меня.

Сейчас я иду в город. Идти будет плохо под дождем и по грязи. Но я дорогой буду слагать стихи, и моя дорога будет лучше Ваших крымских.

Спасибо за открытки Симеизские. На последней открытке так ярко и так хочется на ней представить Вас, глазастое Солнышко.

1 ч. 16 мин. дня

Я уже в фуражке и пальто. До свиданья, моя ясная звездочка! На вокзале встретимся через полтора часа.

3 ч. дня. Вокзал

Солнышко, родненькое, получил сразу три письма и открытку. За что балуете, родная. Сейчас нужно куда-то удрать, чтобы без людей начитаться. Только не переутомляйте себя письмами, дорогая.

Все буду искать в Ваших письмах ответа о том, как можно приехать за Вами в Крым. Как бы этого дождаться скорее, скорее.

Сейчас еду в Горьковскую. Собачий холод, почти мороз. Я этого бога, если бы поймал, честное слово, выпорол бы. Неужели в Крыму так же гадко, как же это можно допустить, чтобы Вы лечились в такую погоду?

Завтра, солнышко, едва ли удастся послать письмо. Буду целый день в колонии, а передавать никем не хочется. Спасибо, звездочка, что ты такая удачная. Будь весела, будь радостна. Целую Ваши руки.

Ваш А

Переписка А.С. Макаренко с женой, том 1, с. 57 – 61.

[1] О значении Г.С. Салько в жизни А.С. Макаренко, всей его творческой биографии см. по плану его автобиографического романа, предшествующему замыслу «Педагогической поэмы» - часть 1 данного издания, с. 319 – 327.

[2] Эти «длинные письма» Галины Стахиевны стали спасительными для А.С. Макаренко в трагический момент его напряженной борьбы за колонию им. М.Горького, в преддверии его расставания с нею.

Официальное заявление об уходе из колонии он написал 10 мая 1928 г. (и, видимо, вторично 30 мая, см. часть 1 данного из-

дания, с. 276). Извещение о снятии его с заведования колонией появилось в газ. «Вісти» 27 июня (см. часть 1 данного издания, с. 289), что документально не подтверждается.

[3] Юношеские стихи А.С. Макаренко см. далее в данной книге, в разделе, посвященном дореволюционному периоду его жизни.

Дополнение. Письмо А.М. Горького А.С. Макаренко, 9 мая 1928г.

Дорогой т. Макаренко,

горестное письмо Ваше получил вместе со статьей Остроменцкой[1]; читая статью, едва не разревелся от волнения, от радости. Какой Вы чудеснейший человек, какая хорошая, человечья сила.

Настроение Ваше, тревогу Вашу — я понимаю, это мне знакомо, ведь и у меня растаптывали кое-какие начинания, дорогие душе моей, напр.— «Всемирную литературу».

Но — не верю я, что Ваше прекрасное дело может погибнуть, не верю! И — позвольте дружески упрекнуть Вас: напрасно Вы не хотите научить меня, как и чем мог бы я Вам и колонии помочь? Вашу гордость борца за свое дело я также понимаю, очень понимаю! Но ведь дело это как-то связано со мною и стыдно, неловко мне оставаться пассивным в те дни, когда оно требует помощи.

Мне известно стало, что Вами заявлено требование субсидии в 20 тыс. [рублей]. Я осведомлен, что деньги эти Вы получите. Книги Вам буду посылать, семь пакетов посылаю вместе с этим письмом, из Москвы вышлю все свои книжки. Было бы хорошо, если б Вы составили список нужных Вам и послали его в Москву, Чистые Пруды, Машков переул. 1, кв. 16.

Затем: мне очень хочется подарить ребятам инструменты для духового оркестра и для оркестра балалаечников. Разрешите? Может быть, среди ребят окажутся талантливые музыканты. А я имею возможность приобрести все это очень дешево.

В Россию еду около 25-го мая, у Вас буду во второй половине июня.

Передайте мой сердечный привет ребятам и научите меня сделать что-нибудь приятное для них. Дорогой друг, я очень хорошо знаю великое значение маленьких радостей, испытанных в детстве.

Крепко жму Вашу талантливую руку, будьте здоровы!

9. V. 28

Sorrento

А. Пешков

Макаренко А.С. Пед. Соч. в 8 т., т. 1. – М., 1983, с. 245.

[1] *Остроменцкая Н.Ф.* **– журналист, писатель (в области детской литературы). Была в колонии им. М. Горького клубным работником с весны 1926 г.; с 31 мая – воспитатель; с начала июня принята учителем-воспитателем «на 3-месячный стаж». Затем посетила колонию в апреле-мае 1927 г.**

Свои впечатления о колонии она отразила в большом очерке «Навстречу жизни. Колония имени Горького» - в ж. «Народный учитель». – М., 1928, № 1 – 2, с. 12 – 77. Это произведение было широко использовано в борьбе против А.С. Макаренко, стало причиной его критики со стороны Н.К. Крупской и А.В. Луначарского – см. часть 1 данного издания, с. 203 – 288.

Из писем Г.С. Салько, 14 – 16 мая 1928 г.

14/V

10 утра. Вокзал

Перескакиваю к Дзержинцам, ночь почти не спал, но так было славно, все Вы вспоминались, вспоминалось знаете что! Я теперь вижу этот гвоздь — Ваше справедливое отношение к тому всему, что ценно как человеческое. О, это у Вас страшное богатство.

Получил Ваших писем еще 4. Сейчас еду к Леве. Еду к нему с проектом — вместе в конце июня вылететь с ним на Баку, потом поездом на Батум, пароходом — Ялта, машиной Севастополь.

Письма Ваши только бегло просмотрел, чтобы увидеть, все ли благополучно. Увидел, и хорошо стало — все славно у солнышка, и оно по-прежнему любит. Эх, черт, ей-Богу, как это замечательно! Только Вы так много пишете, что ясно наплевали на мою просьбу. Есть. Я с сегодняшнего дня начинаю тоже заваливать себя работой.

Да! Как Вам не стыдно, право, думать, что я приеду с портфелем. Ну, об этом вечером.

Будь здорово, родненькое. Целую твои руки, мое любимое солнышко.

ТТ

Коммуна Дзержинского

11 часов вечера

15/V-28

Прошло 30 с. 8 ч.
Осталось 17 с. 12 ч. Отн. 1,8:1

Я тебя люблю.

Мое родное солнышко!

Ты пойми, как я занят, если за вчерашний и сегодняшний день я вот только сейчас добрался до бумаги. Вчера до позднего вечера возился с ревизией, а сегодня с утра приехал Гайдарь[1] из Полтавы, и насилу сейчас оторвал его от себя и отправил спать. Я должен говорить о ревизии и Гайдаре, потому что эти предметы заслоняют солнышко — лучшее доказательство теории относительности[2].

У меня страшная жажда ответить на Ваши последние письма. Боже! До чего это прекрасно получать Ваши письма. Вот только некоторые слова не поддаются моим усилиям прочесть их. Я все эти слова подчеркиваю и привезу их Вам для дачи дополнительных объяснений. Например, в истории с 30-летней девой очень много непонятного.

Я Вас люблю, Ваше Сияние!

Скажите, пожалуйста, почему письмо Ваше начинается 9/V 8 ч. утра, а заканчивается 8 ч. вечера 8/V? И почему одно письмо было с 7 копеечн. маркой?

Уж не влюбились ли Вы, солнышко?...

Нет, я хочу ответить на Твои письма.

Может быть, это вовсе не хорошо, что Вам приходится беспокоиться с Алупкой? Может быть, и не нужно этого делать, а я мог бы сначала проехать в Алупку и найти квартиру?

Хотя теперь уже поздно об этом списываться.

Вы знаете, о чем я мечтаю, Солнышко?

О том, что останется так мало дней, что мои письма уже не смогут приехать к Вам раньше меня, и тогда я буду посылать Вам телеграммы. Очевидно, что последнее письмо я пошлю Вам 25 мая. Посмотрите, как дробненько разбивается время: От 15 до 25-го я Вам пишу письма, от 25 до 30 телеграммы. Из тех писем, которые я пошлю Вам только пять (от 1 5 до 20) могут удостоиться Ваших ответов. Послушайте,

какая музыка в этой арифметике? Вы узнаете мотив? Ведь это играют торжественную встречу нашему свиданию, сказке нашей любви.

Я тебя люблю, Галочка, родная Галочка! …

Какой я все-таки счастливый, Галочка. В то самое время, когда умирает сказка о горьковцах, родится сказка нашей любви. Я только теперь понял, вот во время Вашего отсутствия, что наша любовь не просто любовь, а сказка. Когда она проживает долго-долго, она станет прекраснее всех сказок людей. Но нужно, чтобы она прожила страшно долго. Вы это знаете?

О горьковцах, это все-таки кровожадная сказка. Она оканчивается тем, что баба-яга поедает детей.

Нам нужно так бережно пронести нашу любовь через жизнь, чтобы не расплескать ни одной капли. Нужно, Солнышко, чтобы ни одна капля не упала на землю. Когда мы увидим, что дорога наша кончена, мы должны выпить нашу любовь всю до капли, сразу, чтобы ничего не пролить и чтобы никому ничто не осталось …

Скверно или хорошо, что нам так не хочется быть в разлуке? С каких пор Солнышко стало задаваться такими вопросами? Если бы я не боялся надоесть тебе, я голосовал бы всегда против разлуки. Но я очень угрюмый и однотонный человек. Я уверен, что нужно будет тебя увозить от меня на некоторое время, чтобы твоя душа могла отдохнуть от однообразного жужжания моей личности. Только в этом смысле, как организатор, я признаю разлуку. А вообще, Солнышко, я подписываюсь под Вашим отвращением …

По секрету. Я все время страшно боюсь, что меня не надолго хватит. Я ведь живу только за счет нервов. Что тогда будет?

Ничего ужасного, Антон. Солнышко тебя вышвырнет, а ты пустишь себе пулю в лоб. Быстро, дешево, экономно…

- Да, Вы спрашиваете уже несколько раз, за ЧТО же я Вас так люблю?

- Видите ли, Солнышко, на подобные вопросы, Вы сами знаете, принято отвечать после концемайского отчета?

Я тебя люблю.

Солнышко, мое драгоценное, мое стриженое, глазастое Солнышко! О кампании самокритики у Вас так замечательно сказано все, что я даже возмущаюсь. Мое мужское вековое превосходство пищит и протестует против такого наглого вмешательства женщины в область точной короткой убийственно ярко меткой и экономной мысли. Но, с другой стороны, мне так хочется за этот отдел «о самокритике» самым нежным образом запустить руки в Ваши кучери, целовать каждую точку, каждый кусочек Вашего лица.

Нет, я таки знаю, за что я Вас люблю?

- Нет, совсем не за то, что Вы думаете. Нет, нет!

- «Мне кажется, я стала меньшей болтушкой»

- Гм...! Едва ли, Солнышко!...

Ну зачем Тебе стараться быть «меньшей болтушкой».— Ну что это за такие старания. Да за одну болтовню твою, именно твою, такую болтовню, которая осыпана бриллиантами, тебя можно полюбить до смерти, Солнышко. Вы вообще над собой поменьше старайтесь, только испортите.

Солнышко!

Мой любимый, нежный солнечный друг! Мой голубок, Солнышко! Галя милая, родненькая, чистая моя девушка, Галочка.

Спокойной ночи!

ТТ

16 / V 1 ч. дня. Вокзал.

Вы знаете, прямо огорошен — уже второй день от Вас нет писем. Я соглашаюсь на все, что угодно, только бы Вы не заболели. Но что может быть еще? Решил сидеть на вокзале ждать, м. б., сейчас придет с севастопольским поездом.

3 часа

Получил. Я так и знал, что Вы заболели. Действительно Вам лучше? Это правда? Как Ваше письмо дошло с одной только маркой? Спасибо, Солнышко, за каждую строчку, за каждую букву.

Спасибо за вырезку. Книгу куплю.

Целую крепко, крепко Солнышко.

ТТ

1 6/V. Коммуна им. Дзерж.

По Вашему распоряжению все исполнено. Был у Розы Липовны[3]. Ее, правда, не застал, но оставил записку с приказанием написать Вам.

С Левой мы заключили договор в конце июня лететь в круговое путешествие: аэропланом до Баку, поездом Баку-Батум, пароходом Батум-Ялта, машиной Ялта-Севастополь, поездом Севастополь-Харьков. Все путешествие нужно совершить в шесть дней, нигде не останавливаться, нигде не задерживаться, вообще пролететь. Лева дал мне подписку в том, что он обязывается участвовать в этом путешествии. Его обязательство нуждается в утверждении высшей власти, которая называется таинственными литерами МАМА. Я думаю, Вы возражать не будете?

Лева мне говорил, что в первых числах июня он едет на неделю в Крым, вероятно, в Севастополь. Ему эту прогулку устраивает папа. Возможно, что он выедет в Крым 1 -го июня. Я не знаю, знаете ли Вы об этом? Не будет ли это помехой для нашего Алупкинского плана?

10 рублей я не смог передать Леве, т. к. решительно не знаю, можно ли это сделать при Оксане Модестовне[4]. Я решил эти деньги передать через Полю.

Хорошо?

Что сказать о Леве? Он вид имеет здоровый, мне понравился. Я с удовольствием полечу с ним. Мы дали друг другу обещание, что разговорами надоедать друг другу не будем…

Переписка А.С. Макаренко с женой, т. 1, с. 69 – 75. Другие фрагменты письма 16 мая см. в части 1 данного издания, с. 276 – 277.

[1] *Гойдарь* **– тогда сотрудник колонии им. М. Горького; после ухода из нее А.С. Макаренко – зав. этой колонии (среди нескольких потом сменившихся), см. часть 1 данного издания, с. 314).**

[2] Это попутное замечание показывает, что в творчестве А.С. Макаренко необходимо усматривать и значение теории относительности А. Эйнштейна, она «присутствует» в макаренковской педагогической теории и практике.

[3] *Р.Л. Берлин* **– тогда предс. Всеукраинской (Центральной) комиссии по делам несовершеннолетних, близкий друг, подруга Г.С. Салько. В «Педагогической поэме» Джуринская М.С., инспектор украинского Наркомпроса.**

[4] *О.М. Езерницкая*, **«Ксения» - родственница Г.С. Салько, в ее семье пребывал Л.М. Салько.**

Из писем Г.С. Салько, 18 и 20 мая 1928 г.

Коммуна им. Дзержинского

18 мая 7 часов

Вы замечаете, что я уже не считаю дни. Их уже нельзя считать. В моем представлении я в каком-то ураганном вихре лечу к Вам, дни мелькают, как телеграфные столбы, мне их считать нечего, я вижу всю дорогу: вот она быстро несется мне навстречу, и в конце ее я вижу Вас, Вас, понимаете, Солнышко?

Ах, господи, если бы Вы только знали, как Вы мне нужны. Это ничего, что к Вам в Алупку приедет, может быть, только моя кожа: у меня такое ощущение, как будто меня всего вывернуло наизнанку и какими-то специальными инструментами вытаскивают из меня мясо, нервы, кости, мозг. Я приеду к Вам пустым мешком. В Ваше распоряжение.

Солнышко!

Был сегодня у Розы Липовны. Чудачка она, эта Роза. Она такие интеллигентные слова говорит, что мне даже скучно стало. По ее мнению нужно бороться за «систему», нужно подавать докладные записки, протестовать в РКИ[1], требовать у нового обследования и т. д. Она говорит, что это трусость уходить сейчас из колонии Горького. Я ей сказал:

— Ну и пусть.

Она ничего не понимает, правда?

Конечно, многое в колонии сейчас прямо трагично. Я вчера задумался над одним моментом.

Вчера обошел работы. Везде веселые искрящиеся глаза, согнутые в работе запыленные фигурки в драных костюмах. Работа, по совести говоря, далеко не легкая — шесть часов однообразного мускульного напряжения, шесть часов неудобного положения, от которого потом болят поясницы. И при этом никакой квалификации, никакой перспективы в будущее от этой работы нет. Но там и здесь в каждую минуту схватывается шутка и смех, между быстрыми взмахами рук вдруг загорается щебетанье рассказа или спора. Несколько пар подносят носилки с песком, вытянувшись гуськом. Их встречают задиристо.

- Верблюды через пустыню.

Верблюд, идущий впереди, гордо, действительно по-верблюжьи, задирает голову и вдруг выворачивает носилки на спину склонившегося над дерном шутника. Тот пытается протестовать, возмущенно схватывается с земли, но верблюд спокойно с высоко задранной головой важно следует дальше, все хохочут, и сам обиженный вдруг смеется, оглядываясь на меня. Смеюсь и я.

- Ну, я ж говорил, что верблюд.

Смех затихает. Кто-то меня звонко с натиском спрашивает:

- Правда, что нашу колонию закрывают?

Все бросили работать, кое-кто просто притих в осторожном движении.

Что же я им должен сказать?

Солнышко мое!

Несколько совершенно необходимых сентенций.

Я никогда с Вами не поссорюсь. Что бы Вы ни сказали, я еще могу обидеться, обозлиться, но я никогда не стану думать о Вас дурно, потому что Вы даже представить себе не можете, как я Вас люблю.

Я не живу. Сплошное недоразумение, Солнышко, думать, что я могу жить, когда Вас спрятали в тубинституте. Я сейчас просто машина, которая вертится, потому что ее кто-то завел и некому остановить. Никому ее верчение не нужно, а многих оно даже раздражает. Будьте хозяином, остановите. Это было бы для меня страшным благодеянием.

У меня никакого характера борца нет, и мне ни с кем не хочется бороться. Я сейчас болен презрением ко всем. Если РКИ или кто-нибудь другой меня еще тронет, я расшаркаюсь: лакеев мало!

Сухарев, Ахтырка[2], детские дома, опытная станция — все это сны после пьянства — не стоит о них говорить.

Последняя. Наша прекрасная дружба – самое драгоценное, что было и есть в моей жизни, и какие бы случайные случаи ни происходили, я не могу никогда допустить никакой катастрофы.

Сейчас у меня момент наивысшего напряжения в борьбе. Мне нужно сейчас нечеловеческое напряжение и прямо гений, чтобы с честью довести свое дело до берега.

Во всяком случае, мне нужно сохранить свое человеческое достоинство для нас, для нашего какого-то прекрасного будущего. Я Вас люблю.

А

Коммуна Дзержинского

20 / V 28 9 ч. вечера

…Вопрос, страшно трудный вопрос, как устроиться с квартирой, решается очень просто. Конечно же, гостиница, к черту всякие пансионы с общими верандами. Идеальным выходом было бы взять номер из двух комнат. Есть ли такие? В Харькове есть. Это очень мило и во всех отношениях удобно. Но если таковых нет, то и говорить нечего: конечно, один номер, а не два. Хорошо, Солнышко? О цене говорить не надо. Сколько раз в жизни мне выпадет жить с Солнышком в Крыму? И из-за какого [-то] полтинника я буду отравлять свое СЧАСТЬЕ.

Все Ваши словечки о деньгах возьмите немедленно обратно. Немедленно. Ни у кого другого, ни у себя я занимать не буду. Эти 10 дней (боюсь, что меньше 10, дней 6-7, Солнышко) мой подарок Вам. СВАДЕБНЫЙ ПОДАРОК, хорошо, Солнышко. Я заброшу в море Ваш кошелек, и только в Харькове подарю Вам новый. Никаких других выходов просто не представляю. Можете же Вы на ДЕСЯТЬ дней перестать считаться этими самыми деньгами. Потому что самое главное вот что: НИКОГДА НИ У ВАС, НИ У МЕНЯ В СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЕ ДЕНЕГ НЕ БУДЕТ. Значит, о чем тут говорить. Что считать? На какой конец считать? Будьте же, СОЛНЫШКО — СОЛНЫШКОМ.

Собственно говоря, мне в Алупке не нужны ни комнаты, ни гостиницы, ни горы, ни дворцы. Ничего. Мне нужны только Ваши колени, и весь вопрос о жилплощади этим решается окончательно.

Я ТЕБЯ не перехорошил. Это наглая выдумка.

Господи! Женат, конечно, женат. Никакой путаницы нет. Ай, и чудачка ты, какая ты милая чудачка. Сколько проклятых вопросов ТЫ понаходила в Алупке. Прямо ужас!

Пошел спать. Солнышку моему, Солнышку ясному САЛЮТ!!!!

21 / V Доброе утро, Солнышко!

Переписка А.С. Макаренко с женой, т. 1, с. 77 – 82. Другие фрагменты этих писем см. в части 1 данного издания, часть 1, с. 277 – 278.

[1] Рабоче-крестьянская Инспекция, наркомат СССР и республик, высший контролирующий государственно-общественный орган советской власти.

[2] Ахтырский детский городок, на его базе прошел съезд заведующих детдомами и детколониями Харьковского округа (планируемый ранее А.С. Макаренко).

[3] Этой датой, 20 мая 1928 г., может быть отмечен брачный союз А.С. Макаренко (неофициальный) с Г.С. Салько.

Письма Г.С. Салько, 24 – 26 мая 1928 г.

Моему ясному солнцу ХВАЛИТЕ ИМЯ ГОСПОДНЕ.

Я знаю, что считается неприличным письмо, напечатанное на машинке. Солнышко, ей-богу это предрассудок.

Представьте себе, что у меня нет ни одной свободной минутки, нет ни одного свободного шага. В квартире у меня нет чернил, но зато стоит спрятанная от всякого разрушительного элемента машинка. Когда я приезжаю в коммуну, меня окружает целая толпа всяких людей и ходит за мной по пятам, а когда я усаживаюсь за

стол, они садятся вокруг меня и смотрят, что я делаю. Они глубоко убеждены, что у меня не может быть от них ничего тайного, что я не имею права заняться чем-нибудь таким, что к ним не имело бы отношения[1]. Кроме того, они меня «страшно любят», особенно в последнее время, в последнее время они серьезно вообразили, что я герой, сражающийся с каким-то змием, а они поэтому имеют право смотреть мне в рот и сожалеть о моих страданиях.

Но когда я ухожу в свою комнату, где стоит машинка, они стесняются следовать за мной, потому что предполагают, что мне нужно привести себя в порядок и вообще заняться туалетом. Это единственная причина, которая в их глазах оправдывает мое удаление с их горизонтов. Я их вот обманываю, сижу и болтаю с моим солнышком. Я знаю, что у самых дверей моей квартиры вертится дежурный по коммуне и очередной сигналист. Им неловко давать сигнал на рапорты, потому что им неизвестно, привел ли в порядок я свой туалет. Ничего, пусть немножко опоздает сигнал на рапорты. Правда, Солнышко?

Кроме того, в машинке есть еще одно преимущество, на ней гораздо скорей пишется и, кроме того, оригинальней как-то мыслится: больше наклонности к болтовне.

А мне давно вот так просто хочется болтать с Вами, и я теперь очень часто, когда думаю о нашей встрече в Алупке, представляю себе, что мы с Вами болтаем, и болтаем, и болтаем без всяких претензий и без всякой критики. Так могут болтать только настоящие друзья, которые настолько верят друг другу, что не боятся быть неинтересными.

Впрочем, мне сейчас болтать, пожалуй, и довольно: трубят-таки на рапорты.

Коммуна Дзержинского
24 мая 28
11 часов вечера

Хочу ответить на Ваши последние письма, там много таких мест, на которых я поставил нотабене.

Ваше письме от 20 мая такое значительное, что до сих пор в беготне, заботе и в толпе я считал просто неприличным Вам отвечать на него. Оно на меня производит впечатление какого-то классического произведения — это прогулка, Солнышко, по глубинам человеческой жизни.

Отвечать на него — это значит пройтись по всей философии человечества, я, конечно, это не сделаю никогда, не потому, что не умею, а потому, что боюсь Солнышка: а вдруг ему философы не нравятся. Все же я должен сказать, что не имею никакого понятия об обидах, какие я мог нанести Солнышку настолько основательно, что оно и до сих пор о них забыть не может.

Вы пишете, что скажете мне о них только тогда, когда окончательно мне поверите. Но, родное, не нужно никогда окончательно верить человеку. Это, может быть, и не опасно, но это скучно и тоскливо. Я вот сейчас страшно люблю Вас, страшно ценю Вас, страшно благодарен за Вашу изумительную ласку, готов целовать чистоту Вашу, в чем бы она не выражалась, даже в кончике Вашего ботинка, в Вашем гребешке, подвязке, каком-нибудь бантике, карандашике, но я каждую минуту ревную Вас, страшно ревную, и в какой-то страшной глубине своего духа я поместил гаденького желтенького чертика, и он в какую-то чудесную непонятную щелочку подглядывает за Вами и доносит мне о всяком подозрительном пустячке. Этот чертик мне и самому гадок, но поневоле приходится его держать, как во всяком благоустроенном государстве.

Поэтому, Солнышко, не нужно откладывать обид до того времени, когда Вы мне окончательно поверите — все равно этого никогда, конечно, не будет. А ты, Солнышко, в таких страшных выражениях говоришь сейчас об обидах, что я, честное слово, терпеть больше не могу.

Мог ли я обидеть Солнышко? Объективно говоря, конечно, нет, могло так случайно получиться, какая может быть обида, когда я вот уже в течение года радикально перестраиваю свою жизнь под знаком народившегося моего Солнышка. Я в это время по своей безобразной натуре мог совершить миллионы преступлений против Солнышка, мог оказаться просто последним гадом, я вот даже не буду спорить, именно мог бы, но как я мог обидеть?

Как может обидеть Вас Ваша собственность? Если я поступил как-нибудь нехорошо, вопрос может ставиться только о моей дрессировке. Вы должны сделать так, чтобы я так больше не поступал. И только. Я не знаю, насколько Вы хорошо знаете, что я в полном Вашем распоряжении до самого последнего конца. Вы должны это знать, я бы не ценил своей любви, если бы я не отдавал себя до конца и без всяких договоров и условностей.

Это вовсе не моральная постановка вопроса: Вы должны сделать так, чтобы я поступал хорошо, я же не намерен связывать себя в этом отношении никакими обязательствами. Когда любишь так, как я люблю, не может быть никакой морали, никаких побуждений и поступков, кроме любви. И если Вы говорите, что я Вас обидел когда-то, значит это каким-то образом вытекает из моей любви, что я могу с собой поделать?

Все это я говорю так только для того, чтобы Вы не обижались, наказывать же меня Вы, конечно, должны и имеете право, я не буду иметь никаких претензий: Ваше право меня воспитывать и даже калечить.

Во всем этом вопросе мы как-то очень близко подходим к каким-то основным законам архитектоники любви[2]. На эти темы у меня мерещатся миллионы всяких соображений, но лучше я о них расскажу Вам в Алупке, в письме я этого не сумею сделать, да и не успею.

Вообще я вижу, что любовь — это просто совершенно самостоятельная вселенная, существующая рядом с обыкновенной солнечной вселенной. Я сейчас очень часто прислушиваюсь к своей внутренней жизни: я страшно поражаюсь ее какому-то новому, страшно сложному миру, Это что-то великолепное, торжественное, украшенное высшим разумом, но, с другой стороны, это в то же время и что-то нелогичное, идиотическое, чуждое обыкновенному человеческому опыту. Я могу Вам об этом очень много рассказать, Солнышко.

Вы так потрясающе написали о Вашем беспокойстве за меня, что я могу только прахом лечь у Ваших ног и молчать. Но как же я могу предпринять что-нибудь, чтобы больше беречься. Ведь это значит нужно перестроить себя совершенно, а кто его знает, чем такая перестройка может окончиться? Может быть, как раз нынешняя обстановка моей жизни сообщает мне особые силы, которые позволяют мне так спокойно и радостно, по-мальчишески радостно любить Вас и так же радостно смеяться над всеми потугами человеческого общества определить мое настроение.

Нет, мое Солнышко, я считаю, что все сейчас прекрасно, и прекрасно не по каким- либо арифметическим законам сохранения или траты энергии, а по законам великой экономики любви, совсем особым законам. Если бы я был собакой Вашей и свирепо набрасывался на всех проходящих мимо Вас, я от этого только бы здоровел. Сейчас моя гордость, моя независимость — это какой-то Ваш дар, и я тоже только здоровею.

Ах, как Вы великолепно, как замечательно отделили меня от колонии Горького, как Вы заманчиво нарисовали мою могилу в колонии Горького. Совершенно верно, Солнышко, не нужно, чтобы дети пожирали отцов своих только потому, что им хочется лопать. Я как раз так склонен был думать, как и Вы, только я не сумел бы так точно и так страстно все это описать.

Какое замечательное все это письмо Ваше.

25 мая. День

Вчера меня напоили в коммуне по случаю любви между Яровым[3] и Ривой[4].

Сейчас все время думаю о моей поездке. Я похож на героя трюкового кинофильма: могу выбраться к Вам только вдруг, неожиданно для всех, схватившись за пролетающий аэроплан, как-нибудь приготовить свою поездку, что-то организовать не имею никакой физической возможности. Не удивляйтесь поэтому, Солнышко, когда я свалюсь к Вам с неба, а в руках у меня будет смета на ремонт или требовательная ведомость.

26-го утро

Кабинет Сухарева

Никого нет. Нажимаю на Сухарева насчет денег. Размахиваю письмом Горького. Деньги-то я получу, но мне необходимо их получить до l-го.

В связи с приездом Горького[7] здесь страшное смущение. Мне это нравится просто, как мальчишке, но с другой стороны это и опасно. Я очень боюсь как раз Горького, вдруг он что-нибудь начнет проделывать, чтобы я остался. А я сейчас на таком разгоне, что НЕ ХОЧУ.

Никак не могу поймать Полю. Это меня прямо убивает. Где эта девица пропадает?

Сегодня вышлю Вам деньги. По телеграфу. И очень боюсь, что Вы не успеете их получить.

Письмо пошлю еще завтра. После этого ждите только телеграмм в том случае, если будет какая-нибудь помеха. Телеграммы буду давать срочно.

Вокзал 26/V. 3 ч.

Получил Ваше письмо 22/V. Нехорошо, Солнышко, злиться. От Вашего спешного письма никакой беды нет. 1-2-го обязательно увидимся. Я все равно удеру отсюда, хоть кровь с носа.

Целую Солнышко. Будь весела, не нужно портить нервы.

26/V, 6 ч.

Колония Горького

Я могу Вам сейчас послать только сводку, описания положения на нашем фронте. Цель нашего наступления — Алупка. Неприятель применяет весьма странную тактику — он не сопротивляется нашему движению, как препятствие, со стороны Алупки никаких воинственных движений не обнаруживает, зато просто удерживает наше наступление за хвост. Эта стратегия при всей своей оригинальности все же оказывается достаточно противной.

Северный фронт — Коммуна им. Дзержинского. Все силы и все энергии сговорились на том, что нужно с 1-го прекратить занятия и начать переводные зачеты. Насилу убедил публику, что занятия нужно продолжить до 10 июня — ибо мы на уборку сада потратили 10 дней.

Несмотря на отчаянное сопротивление, противник был разбит, но, правда, в полном порядке отступил, удивляясь такому странному настроению неприятеля. 1-го числа это удивление станет еще большим. Во всяком случае, никакого беспокойства со стороны северного фронта не наблюдается, и на юг можно ехать спокойно.

Западный фронт — Колония Горького. Здесь дело хуже. Во второй половине июня приезжает Горький. К его приему мы не готовы во всех отношениях; Ремонт в самом разгаре, а денег нет ни копейки. Из тех 10.000, что дал Помдет, не осталось и памяти. Я требую еще 6.700 рублей. Один раз мне уже в них отказали. После получения письма Горького настроение как будто изменилось к лучшему, но относительно.

Выдвигают проект: ликвидировать Зеленогайскую колонию и устроить там общежитие, 100 человек из Зеленогайской колонии перевести в Куряж и выдать, на что хочешь, в том числе и на их содержание 20.000 рублей. Но в колонии от этого проекта страшно пищат. И без того новеньких у нас видимо-невидимо и с ними

страшно трудно. Взять 100 человек пьяных и картежников из Зеленого Гая — значит развалить колонию вконец.

У нас справедливо говорят, что это можно было бы сделать только в том случае, если бы я оставался в колонии и бросил коммуну Дзержинского. Я должен об этом заявить в ИНО[5]. У тов. Кантаровича[6] кроме того такое настроение, что вообще деньги выдать колонии только в том случае, если я остаюсь в колонии. Вообще он категорически кричит, что меня отпускать нельзя.

Вопрос об ассигновании денег должен разрешаться во вторник. Вот и посудите — во вторник, так сказать, новая волынка. Если мне поступить неосмотрительно как-нибудь, дело затянется надолго, и мою поездку сорвут. Завтра я поэтому кричу — или давай немедленно 7.000 рублей или я пишу Горькому, чтоб не приезжал. Важно мне вырвать деньги, а там я могу ехать спокойно — без денег в колонии не управятся без меня.

Вы себе представить не можете, как я сейчас нервничаю и волнуюсь, так обидно и досадно, так надоело быть рабочей скотиной, которой никогда нет передышки.

Во всяком случае, я решил твердо — 1-го я выезжаю обязательно. Если будет очень плохо, я проеду в Крым только за тем, чтобы проводить Вас в Харьков. Побуду с Вами там 1 день, посмотрю на море и домой.

Солнышко мое, даже не могу кончить письмо — меня рвут на части. Сейчас приехала машина за мной из ГПУ[7].

Еще раз повторяю. 1 -го выезжаю обязательно. Еду прямо в Алупку. Если в каком-нибудь совершенно неожиданном случае нельзя будет выехать, даю в Алупку до востребования телеграмму — «Выезжайте в Харьков». В таком случае Вы мне телеграфно сообщите, когда Вас встречать. Надеюсь, что этого обмена телеграммами не будет.

Мое солнышко, до свиданья, дорогое — в Алупке.

Ваш Т

Переписка А.С. Макаренко с женой, т. 1, с. 82 – 89.

[1] Примечательный факт: глубокое морально-психологическое единство педагога и воспитанников, общие заботы и переживания, взаимопонимание и такт – важнейший аспект педагогики А.С. Макаренко.

[2] Архитектоника – соразмерное расположение частей, гармоническое сочетание их в одно целое. А.С. Макаренко видит сложную, противоречивую сущность чувства любви, философски объясняет ее сочетанием «высшего разума» и «чего-то нелогичного», чуждого обычному человеческому опыту (см. ниже).

В начале 1939 г. он задумал «Повесть о любви», вспоминая свою любовь к О.П. Ракович (1923 г.), см. часть 8 данного издания, с. 270, 303 и часть 2, с. 193 – 194.

[3] *Яровой* **– учитель в школе горьковской колонии, затем коммуны дзержинцев.**

[4] *Рива – Р. Коган* **– практикантка Харьковского института народного образования в колонии им. М. Горького летом 1925 г., затем, видимо, учительница в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. В «Педагогической поэме» Р.С. Лансберг.**

[5] Инспектура народного образования Харьковского округа.

[6] *Канторович С.И.* **– первый заместитель председателя Харьковского окрисполкома в 1925 – 1929 гг.; первый в макаренковском списке «Друзей колонии». В Типах и прототипах «Педагогической поэмы» М.М. Гинзбург (характеристику см. в части 1**

данного издания, с. 337: «…Умен и видит далеко вперед и видит сложность явлений…»).

[7] Имеется в виду руководство ГПУ трудовой детской коммуной им. Ф.Э. Дзержинского (совет и правление коммуны, состоящие из ведущих сотрудников ГПУ Украинской ССР). Коммуна образована к 10-летию ВЧК – ГПУ как общественно-государственная педагогическая организация, живой памятник «первому чекисту» - Ф.Э. Дзержинскому.

Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности (ВЧК) создана в декабре 1917 г. С февраля 1922 г. – Государственное политическое управление (ГПУ); с ноября 1923 г. Объединенное главное политуправление (ОГПУ, действующее отдельно от НКВД), затем НКВД.

А.С. Макаренко был в коммуне дзержинцев вольнонаемным работником, получал и носил военную форму. Сотрудником НКВД стал с ноября 1935 г., при работе в ОТК НКВД УССР (см. часть 4 данного издания, с. 170), имел звание лейтенанта госбезопасности (две звездочки на петлицах, см. там же, фото № 4 на форзаце в начале книги).

Дополнение. *Из записи А.И. Раченко беседы с Н.К. Крупской, 3 июня 1928 г.* ***«Н.К. Крупская:***

- Горького я пока видела только на праздновании 10-летия Свердловки[1].

- Хорош? – спрашиваю.

- Хорош-то он хорош, только уж больно сейчас он опьянен всем тем новым для него, что он видел. Не надо его трогать пока. А потом придется его немного разочаровать, например, насчет колонии им. Горького (зав. Макаренко), где ребят порют…

- Странно, ездил туда недавно Ингулов и ничего возмутительного там не находит.

Презрительно пожимает плечами.

Макаренко. Альманах, № 2 / сост. С.С. Невская. – М., 2011, с. 8.

[1] Имеется в виду высшее партийное образовательное учреждение им. Я.М. Сверлова.

Н.К. Крупская в докладе 14 мая 1928 г. на VIII съезде ВЛКСМ (Москва), основываясь на материале большого очерка Н.Ф. Остроменцкой о колонии им. М. Горького, подвергла уничтожающей критике «один Дом им. М. Горького на Украине» (по-своему пересказывая фрагмент очерка о применении там наказаний). Она настаивала на воспитании в коллективе, без каких-либо поощрений и наказаний, без учебных отметок. Доклад опубликован в «Комсомольской правде» 17 мая. (См. ее Пед. соч. в 11 т., т. 5. – М., 1959, с. 271).

Этот факт стал решающим в отстранении А.С. Макаренко от работы в его колонии. Суть и значение этой истории см. в части 1 данного издания, с. 260 – 293.

Критически по поводу очерка Н.Ф. Остроменцкой высказывался и А.В. Луначарский (О воспитании и образовании. – М., 1976, с. 271.

Луначарский А.В.- ***государственный деятель, писатель, критик, искуствовед, нарком просвещения РСФСР в 1917 – 1929 гг.***

Письма Г.С. Салько, 25 июня и 7 июля 1928 г.

Солнышко!

Страшно досадно, что не застал Вас — день в моей жизни лишний, пасмурный. Ждать не могу — извозчик нанят до Куряжа, и не знаю, когда придете, да и в Куряже дела по горло.

Билеты на среду на «Любовь Яровую» есть — три штуки.

Для Левы взял билет на «Без вины виноватые» за 3/VII, боюсь будет ли Лева в это время в городе? Передайте ему билет. Если ему нельзя быть 3-го, он в театральной кассе (Пушкинская возле Николаевской церкви) может переменить. 28-го идет «На всякого мудреца», я побоялся на этот день брать, потому что 2 7-го же мы в театре — будет для него утомительно.

Будь здорова, Солнышко, мое родное.

Твой А

25/VI 2 часа

P.S. В среду буду часов 6 – 7.

[7 июля]

Галина Стахиевна!

Жаль как, не застал Вас. Завтра утром приезжает Горький[1]. Когда он явится в колонию, точно не известно, конечно, завтра, но в котором часу. Здесь у всех свои планы, собираются его тягать по горсоветам и т.д. Если у Вас будет охота, берите Розу и приезжайте в колонию часам к 12. А?

Как Вам не стыдно опаздывать на поезд.

Ваш АМ

«Переписка А.М. Макаренко с женой», т. 1, с. 90.

[1] А.С. Макаренко, колония им. М. Горького торжественно встретили А.М. Горького на харьковском железнодорожном вокзале 8 июля 1928 г. В колонии, затем в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского он был 9 – 10 июля. См. об этом в части 1 данного издания, с. 289 – 293.

А.С. Макаренко покинул колонию сразу после проводов А.М. Горького, с уведомлением колонистов: он уходит в очередной отпуск. Официально (после очередного отпуска) он зав. колонией до 3 сент. 1928 г. (см. часть 4 данного издания, с. 170 – до 1 сент.).

Записки Г.С. Салько, август – сентябрь 1928 г. и 16 сентября 1928 г.

Эчеленца!

Спасибо за записочку. Я страшно рад, что получил Вашу записочку и тому, что я Вас опять скоро увижу. Вы только как-нибудь поделикатнее подготовьте Леву к тому, что я его выбиваю с ночевки.

Я хочу кутнуть по случаю..., ей-Богу не знаю, по какому случаю, но вообще хочу кутнуть.

Страшно спасибо за записочку и за присылки маме.

ТТ

Эчеленца!

Будьте ласковы — не прогоните наших послов, дайте им рюмку водки, пусть погреются.

Ваш А

Глубокоуважаемая Галина Стахиевна!

Посылаю Вам сына[2]. Пожалуйста, не посмотрите на него пристрастными глазами — был хороший мальчик, взяли и испортили. Вообще я волнуюсь.

Искренно уважающий Вас А. Макаренко

Дорогая Галина Стахиевна!

Посылаю Вам сына. Буду ли завтра, ей-богу, не знаю, очень, страшно хочу, но боюсь наплыва всякого начальства, могут не пустить, а вечером спектакль. Во всяком случае буду стараться.

Я. нижеподписавшийся А. С. Макаренко, обязуюсь любить предъявителя сего до 16 сент. 1931 года (Тридцать первого).

А. Макаренко
16/IX 28

Переписка А.С. Макаренко с женой, т. 1, с. 91 – 92.

[1] Обращение, возможно, в духе: «ваше превосходительство».

[2] Говорится о Л.М. Салько, еще до его официального приема в коммуну дзержинцев.

Дополнение. *В колониях для беспризорных // Вісти Всеукраинского Центрального исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов*, - ***Харьков, 5 сентября 1928 г. (укр. яз., без указ. автора): «На Харьковщине 19 колоний для беспризорных, около 5 000 детей. Еще «дома подростков» - 800 человек, где содержатся главным образом те, кто учится на рабфаках, в вузах и работают на предприятиях.***

В этом году в школы пошли 900 беспризорных, в ФЗУ – 280, в профшколы – 130, в другие школы, 55 чел. – на рабфаки. Все, кто идет на учебу, обеспечиваются стипендиями. Много размещено на медицинских курсах, в профшколах.

В этом году закончили рабфаки и поступили в вузы около 30 выпускников детдомов.

С этого сезона в колониях мастерские преобразуются. На их базе создается что-то вроде ремесленных школ, где беспризорники получат возможность учиться в течение 3 лет и выходить квалифицированными мастерами. Мастерские охватывают ¼ всего детского населения колоний.

Колонии имеют 50 квалифицированных трактористов из беспризорных. Они используются на работе в этих же колониях...

В больших колониях, до 250 детей, организованы 7-летние школы, а в меньших – 4-летки.

Украинизация[1] в колониях осуществляется очень хорошо. Почти все колонии, за исключением Горьковской, учат детей украинскому языку.

Колонии обеспечены одеждой и пищей на весь зимний период»

[1] Обучение в школах на украинском языке.

Письмо Г.С. Салько, 19—20 сентября 1928 г.

Коммуна Дзержинского
19 сентября 28
5 ч. 15 м. вечера

Только два часа тому назад отошел Ваш поезд. Я себе сейчас места не нахожу. Очень плохо, что мы, мужчины, не умеем выражать свое горе — от этого было

бы легче. Я делаю свое дело и улыбаюсь всем, у меня нет сил даже для раздражения и нет сил считать дни до Вашего приезда.

Кроме того, я боюсь считать дни. Может так случиться, что по моим расчетам до нашего свидания будет оставаться ещё дней 4 0, а я получу от Вас письмо приблизительно такое:

«Дорогой Антон Семенович!

Я знаю, что меня простить нельзя. Я знаю, что я сделала гадость. Вы прекрасный, хороший, но я ничего с собой не могу поделать. Я уезжаю в Пензу. Буду всегда рада получить Ваше письмо и никогда Вас не забуду».

Сейчас Вы едете в купе вдвоем с этим мужчиной. Вы будете с ним до 9 ч. 10 м. утра, а потом поедете автомобилем. Вы подумаете, что по совести нужно было бы попросить другое место, но ведь Т. все равно об этом не узнает.

Вы с тем большим удовольствием поговорите со своим соседом, что я Вас обидел:

1. Не купил груш.
2. Не купил булочку.

Это такая гадость с моей стороны. Это грубость и варварство. Я поступил как животное. В день Вашего отъезда. Не думайте, я все это хорошо знаю.

Заходит солнце. Оно как раз освещает мой стол немного слева и сзади. Телефон на столе кажется золотым. И золотые окурки в пепельнице. В саду сыгровка оркестра. Какой-то вальс. Кто-то пробежал со смехом мимо окна.

А Вы сейчас в купе, и солнце так же золотит и Ваши кудри, и Вашего соседа, и свежие чехлы на диванах. Мы с Вами сейчас освещены одним вечерним солнцем. Но сосед...

Солнышко мое!

Если бы Вы только знали, как глубоко, как тревожно, как благодарно я Вас люблю.

Вы бы тогда выгнали Вашего соседа совсем из поезда.

Мое Солнышко!

6 ч. 28 м

Знайте: каждую минутку о Вас думаю. Каждую минутку.

1 ч. ночи.

Только что окончили [стенную] газету. Спокойной ночи, Солнышко.

12 часов 20/IX

Вы подъезжаете к Симеизу. Редко бывает, чтобы так реально человек мог представить себе то, что происходит за тысячу верст. Я вижу каждый камень на дороге и впереди пыль от обогнавшего Вас авто, и пыль на Вашем плече, и яркое море, и обсерваторию на Кошке, и самый Симеиз, и Вашего спутника по вагону, который теперь сидит рядом с Вами, крепко надавливает на Ваше плечо на поворотах, заглядывает в Ваше лицо, ловит Ваш теплый взгляд и улыбку и страшно доволен и собой, и судьбой.

У Вас сейчас тихое, спокойное, немного укаченное машиной настроение. Где-то там далеко, в Харькове, остались хорошие, но прискучившие люди, какие-то потребители Вашей души. Пусть они живут на свете: никакая логика не может запретить Вам отдохнуть от них два месяца.

И это, может быть, даже прекрасно. Я так люблю Вас, что и с этим готов примириться.

Я только сейчас, когда Вы уехали, чувствую, что это значит, два месяца.

Переписка А.С. Макаренко с женой, т. 1, с. 92 – 94.

Письма Г.С. Салько, 21 – 22 сентября 1928 г.

Утро 21 сентября

Назначьте мне, солнышко, постоянное свидание.

Вы, вероятно, будете в Ялте. Пусть и в другом городе, все равно, где-нибудь на берегу, так, чтобы было видно море, в такой час, чтобы Вы всегда могли быть на этом месте, назначьте мне свидание.

Вам это ничего не будет стоить. Просто Вы придете на то место и с четверть часа посидите, посмотрите на море и немного подумаете обо мне. В этот час я буду удирать куда-нибудь в сад, несмотря ни на какую погоду, и буду благодарить Вас за свидание.

Хорошо, Солнышко?

Ведь это можно сделать каждый день.

Условие: чтобы в этот час возле Вас не было никакого мужчины, решительно никакого, даже самого платонического.

2 ч. ночи

Только что закончили педсовет. Пришлось протягивать, осаживать некоторые шкурные фигуры.

Завтра утром лечу в город, получать Вашу телеграмму. Письмо это не буду посылать спешным, чтобы потом не вышло перерыва между письмами. (Смотрите, какая у меня глупая уверенность, что Вам очень нужны мои письма,— и откуда, спросите?).

Завтра у меня свидание с Фиш[1]. Она просит послать к нам кое-каких ребят. Завтра уже нужно много всяких людей увидать, и у меня, как перед заутренней, радостно на душе. Сам не знаю, почему. То есть, м. б., и знаю.

Спокойной ночи, Солнышко.

22 утро

Вокзал

Ой, Солнышко, голубка моя, какая хорошая, какая ласковая чернобровая телеграмма. Готов зарезать, спалить, развалить этот самый санаторий «Пролетарий» за то, что стены его, окна, двери потолки на Вас смотрят, и будут смотреть еще два месяца.

И плакать хочется и смеяться. Смеяться оттого, что такая уже хорошая телеграмма и так хорошо подписана.

Господи, господи, как я люблю Вас, как без Вас муторожно глупо жить, какой я был идиот, дурак, что, пока Вы здесь были, не сидел возле Вас целыми днями, прямо непереносно вспоминать, что до 20 ноября не увижу Вас и Вы там, в Ялте без присмотра бог знает чего можете наделать.

Мое родное, любимое солнышко, люблю тебя любовью любящей, любовной любовью.

Целую твои глаза,

твои руки.

Твой Тося

Буду писать каждый день, а вот посылать как, не знаю. Назначь свиданье.

Переписка А.С. Макаренко с женой, т. 1, с. 94, 96.

[1] *Фиш Б.М.* **– председатель харьковской окружной комиссии охраны прав несовершеннолетних в 1927-1928 гг.**

Из писем Г.С. Салько, 23 – 30 сентября 1928 г.

Коммуна им. Дзержинского

23 сентября 1928 г.

…Живу скверно и сонно[1]. Сам себя не понимаю. Не могу представить себе двух месяцев без Вас. Сегодня смотрю — 23-е, все равно осталось два месяца, а с того дня, когда Вы уехали, прошла тоже целая вечность. Просто ничего не понимаю.

Без Вас кое-как можно жить только тогда, когда знаешь, что «сегодня» уже нечего считать, «завтра» кое-как пройдет, а «послезавтра» Вас увидишь.

А вот сейчас, когда эти два месяца никак не могут начаться, я просто потерялся. Такого в мае еще не было. Тогда была какая-то зарядка напряжения — просто набрался терпения на 6 недель. А сейчас нельзя сказать, что у меня истерика — нет, а просто вот чувствую, что никаких сил, никаких не хватает, чтобы вытерпеть два месяца, т. е. сейчас-то, конечно, силы есть, но я не сомневаюсь, что их не хватит.

Такое точно у меня было состояние, когда я ездил в Крым с Яровым. Но тогда, правда, ни в чем не сомневался, а просто знал, что нет сил ни на один день отложить отъезд из Крыма к Вам, и, как дурак, пробывши в Ялте одни сутки, полетел в Харьков до краев наполненный страшным беспокойством.

Такое же беспокойство у меня и сейчас. Я Вас без остервенелой боли не могу представить в обществе мужчин, с которыми Вы разговариваете, улыбаетесь, которыми Вы хоть капельку интересуетесь. У меня находятся самые убедительнейшие аргументы в пользу всяких сомнений, но не так мучительны сомнения, как то, что рисует мое воображение. Я с чертовской точностью представляю себе Ваше лицо, выражения глаз, нюансы голоса, наклон головы, Ваши руки, Ваши волосы,— тогда, когда вдруг, по моим соображениям, Вам кто-нибудь начинает нравиться.

Я теперь прекрасно понимаю, что я не умею подавлять ревности. У меня, собственно говоря, и не было опыта ревности. Сначала мы все время были вместе, потом Вы были больны, потом Вы были в лесу (хотя и здесь Слабвенко не выбивается у меня из головы). Может быть, поэтому я не умею ревновать, не умею обуздывать свою ревность.

А как же будет дальше. Мне нужно прилепиться к Вам и не отходить от Вас ни на один шаг.

Пожалуйста, Солнышко, не обижайтесь. Здесь нет ничего для Вас обидного. Чтобы Вы не сделали, виною будет моя сравнительная непривлекательность, мое однообразие.

Писать об этом и не стоило бы, право. Все равно ничего я не узнаю. А может быть так и нужно.

Только я не хочу, чтобы любовь была страданием.

Меня пугают эти два месяца вот как раз потому, что я боюсь послать Вам шестьдесят таких ноющих и скучных писем, как это. А я ничего лучшего и не сумею написать. Испорчу Вам Крым, и солнце, и море, и может быть, каких-нибудь два-три невиннейших момента общения Вашего с новыми людьми.

Ночь 23 сентября

Солнышко, я часто не могу бывать в Харькове, а поэтому прошу Вас посылать письма на почтовый ящик 309. А чтобы в коммуне какая-нибудь любопытная баба не соблазнилась Вашим почерком, я посылать буду Вам конверты с адресом, напечатанным на машинке. К сожалению, сейчас у меня лучших конвертов нет. Буду в городе — куплю.

Завтра еще не надеюсь получить от Вас письмо, оно должно прийти 25-го. 25-го и поеду в город. Я буду посылать Вам письма через мальчика, ходящего ежедневно на почту, и поэтому только заказные.

Эта вся история может окончиться тем, что я украду где-нибудь деньги и приеду заглянуть в Ваши глаза.

Где этот самый «Пролетарий»? Хоть бы представить себе, в какой точке Вы сейчас находитесь.

Я Вам, вероятно, много писать не буду, потому что могу только мучить Вас своими письмами. Правда же, Солнышко?

Мое солнышко!

Мне сейчас вдруг представилась вся значительность той катастрофы, которая случилась со мной в 192 7 году. Как это я мог так полюбить. Я всегда хорошо знаю,

чем Вы скрутили меня: это какая-то особенная гармония между тремя вещами: Вашим лицом, Вашим умом и особенной ртутностью Вашей личности.

Но эта самая ртутность и пугает меня больше всего. Вы знаете, как трудно поймать живое серебро, когда оно рассыпется? А Вы знаете, как его трудно удержать.

Утро 24 - IX

Доброго утра. Вчера через эту самую [стенную] газету легли в третьем часу, а сейчас меня гонит наш почтальон — отправлять. Будьте веселы, жизнерадостны, прекрасны.

Будьте милостивы ко мне.

Ваш А

Ночь с 25 на 26 сентября

…Я очень рад, что Вам пишу на машинке. Это позволяет очень быстро мыслить, а у меня от быстроты мысль всегда выигрывает в точности. В Вашем письме много такого, что я сам понимаю только потому, что схватываю в каком-то лихорадочном быстром броске. А если начинаешь читать медленно и со вкусом, то решительно в своей жизни уже ничего не понимаешь…

Я могу только мыслить тем горячее и тем более страстно, что моя голова, как Вы знаете, выпила кровь из сердца. И любить мыслью, это значительнее и выше и радостнее и больнее, чем любить нервами. Чем любить этим самым примитивным сердцем. Никогда сердце не найдет столько подробностей и тайн любви и ревности, как голова…

Приезжал сегодня Арнаутов[2]. Ни слова об этом не напишу, потому что на самом деле, понимаете, НА САМОМ ДЕЛЕ, никакого Арнаутова нет. Есть только мол любовь к Вам и моя ревность…

Я болен? Я не могу сейчас заболеть ничем, кроме помешательства. Всякая бацилла, наткнувшись на меня, в панике немедленно удирает…

Вы не написали, что сказал Вам врач, который Вас осмотрел в санатории. Почему Вы умолчали об этом? Почему нужно ехать в Симеиз. Значит, Вам не нравится то, что сказал ялтинский врач?..

26 / IX Видел сегодня Леву. Вопрос решен окончательно, но он не может покинуть Езерницких. Нужно, чтобы Вы написали туда письмо. А может быть, иначе как-нибудь сделать. Лева настроен хорошо. Видел Розу. Сделал одну глупость. Об этом вечером…

Ночь с 26 на 27 сентября[3].

…Сейчас приезжала Дюшен[4]. Я ей когда-нибудь… морду не то, что она зла и завистлива, а за то, что она не умеет скрывать своей злости и зависти. Мне, кроме того, надоело однообразие ее мимики…

Целую Тебя.

Твой Т

Ночь с 27 на 28 сентября

Получил сегодня Ваше письмо от 24 сентября. Трудно рассказать Вам, как Вы обрадовали меня тем, что Ваше здоровье так хорошо. А что эти самые лучи не подложат никакой свиньи? Не забудьте, пожалуйста, написать, что они Вам скажут. В Москве кутнем и не один раз, а устроим сплошной кутеж. Это хорошо, что Вы захотели кутнуть – это тоже признак здоровья.

Только уж, конечно, Вы совершенно напрасно считаете меня виноватым в том, что Вы здоровы. Я по-прежнему продолжаю думать наоборот, в том, что Вы заболели, много было моей вины. Я должен был знать, что с Вами нужно обращаться как с фарфором.

Спасибо, солнышко, за то, что как высоко цените нашу любовь. Может быть, Вы и ошибаетесь в приписывании ей особенно целительных свойств, но это хорошо в другом отношении, это хорошо, что Вы больше верите внутренним силам нашей

личности (ведь у нас одна личность), чем разным там докторам. Пусть доктора нас лечат, а верить мы будем только себе. Хорошо?..

Почему Вы не пишите, как устроилось дело с Вашей комнатой. Неужели и до сих пор спите на веранде?...[4]

Имейте в виду, что я прекрасно знаю всю изумительную глубину моей глупой ревности и моей ревнивой глупости.

Пора спать. Спасибо, что Вы так удачно перелицевали мою душу, что Вы так тревожно украсили мою жизнь, что так хорошо и любить, и мучится. За все спасибо, родная, любимая.

28 – IX. Утро. Вокзал.

Спасибо, голубка, за Ваше письмо 25 – IX. Как великолепно, что Вы здоровы… Я Вам сейчас прислал бы подписку на 400 лет, если бы был уверен, что та, которая на 3 года, не будет учтена раньше срока.

Целую Тебя.

Твой А

5 часов вечера 28 сентября

…Я летом страшно ревновал Вас к Слабвенку, тогда я видел Вас два раза в неделю, а стоило Вас увидеть, чтобы стало легче…

12 ч. ночи с 28 на 29 сент. 28

Вот и сейчас перечитал Ваше письмо. Спасибо, Солнышко.

Вместо того чтобы сердиться, Вы лучше как-нибудь по-другому помогите мне.

Я себя успокаиваю очень многими и очень сильными вещами. Самая главная, что Вы отдаете мне Вашего сына…

У меня так тихо на душе, как осенью в лесу. Я совершенно спокоен и готов побежать, куда Вы прикажете, готов обратиться в любой предмет, если он Вам нужен…

Какое-то отношение к моей жизни имела война, литература, наука, музыка, но для чего им нужно было как-то взбалтывать меня, не понимаю теперь…

Но теперь я знаю, на сороковом году знаю, что Вы – Солнышко, абсолют. В моей жизни все ясно и красиво и значительно. И значителен и свободен я сам, и все человеческие и мирские дела проходят мимо меня уже не как туман, а как ясная, великолепная и радостно наполненная река.

А на берегу стоя я и Вы рядом со мной…

Сейчас я почти физически ощущаю Ваше плечо, оно рядом с моим, ощущаю Ваше дыхание, слышу, что Вы шепчете мне «последнюю новость»:

- Я люблю тебя, милый[5]…

30/IX 12 ч. дня.

Короткая записочка Солнышку. Вчера не было ни одной свободной минуты. Возвратился из города поздно, потом всякие дела, вечером педсовет, затянувшийся до поздней ночи, сегодня у меня экскурсии[6] и начальство…

Переписка А.С. Макаренко с женой, т. 1, с. 98 – 116.

[1] Начало письма см. в части 2 данного издания, с. 92.

[2] *Арнаутов В.А.* **– зав. Главсоцвосом Наркомпроса УССР во 2-й пол. 1920-х гг. В Типах и прототипах «Педагогической поэмы» Наумов, «большой чин в Наркомпросе», характеристику см. в части 1 данного издания, с. 341.**

[3] Начало этого письма см. в части 2 данного издания, с. 93.

[4] Продолжение см. там же, с. 93 – 94.

[5] Продолжение см. там же, с. 94 – 95.

[6] Речь идет о посещении коммуны различными делегациями и экскурсиями.

Дополнения. *Горький А.М. По Союзу Советов // ж. «Наши достижения», 1929, № 2, март – апрель, с. 14 – 38* **– вторая серия цикла очерков:**

«Заведующий Бакинской трудовой колонией (забыл его фамилию) и А.С. Макаренко, организатор колонии под Харьковом, в Куряже, - все эти «ликвидаторы беспризорности» - не мечтатели, не фантазеры. Это, должно быть, новый тип педагогов. Это люди, сгорающие в огне действенной любви к детям.

А прежде всего – это люди, которые, мне кажется, хорошо сознают и чувствуют свою ответственность перед лицом детей… Они работают со страстью и пафосом художников…»

Далее – описание расположения и помещений колонии им. М. Горького. Столовая – «в летней церкви». Церковные службы – в зимней. О росте, развитии детей, как они изменяются.

«Каждый из них – индивидуальность, уже очерченная более или менее резко, каждый из них – «человек со своим лицом»».

А.С. Макаренко «знает каждого колониста, характеризует его пятью словами и так, как будто делает моментальный фотографический снимок с его характера».

Он умеет разговаривать с детьми «с той спокойной, скрытой силой, которая понятней и красноречивей всех красивых слов».

Дети производят «странное впечатление благовоспитанных».

Различные традиции колонии. Среди них: «Не заводить романов со своими девчатами». Утреннее построение, «каре, со знаменем».

Новеньким говорят: «Хозяева колонии – это мы… Не понравится – уйдешь. Здесь все такие, как и ты».

Подарили альбом, 284 автобиографии. Выпускают иллюстрированный журнал «Промінь» (Луч).

После ухода А.С. Макаренко с заведования колонией колонист Н. Денисенко в письме сообщает: дисциплина стала падать, старшие ушли из колонии, перемены в учебе: 7-летняя школа и школа учебных мастерских[1], но «тяга к учебе невелика».

Дается по Собр. соч. А.М. Горького в 30 т., т. 17, - М., 1952, с. 159 – 169.

[1] На первый план вышло, следовательно, не воспитание человека (как было при А.С. Макаренко), а обучение работника, «профессионала». Выдвинут тезис: «Вас эксплуатировали, теперь вас будут учить» - см. часть 1 данного издания, с. 313 – 314.

Это решительный отход от макаренковской коллективной школы жизни, труда воспитания – к индивидуалистической «школе учебы», хоть и с использованием производительного труда, но для подготовки лишь «работника», по направлению: «труд-работа, а не труд-забота» (см. там же, с. 41).

Из Книги отзывов посетителей трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. 29 декабря 1927 г. – 10 мая 1938 г. **Коммуна открыта в день празднования 10-летия ЧК – ГПУ 29 декабря 1927 г. Харьков. (Здесь дается в переводе с иностранных языков).**

Привет дзержинцам, готовьтесь стать сознательными строителями социалистического общества! Будьте тверды в

овладении знаниями, будьте твердыми борцами за лучшее будущее человечества! Готовьтесь к борьбе с пережитками старого мира, стройте новую жизнь!

I/I-28 г.
В. Чубарь[1]

Все хорошо, дело только за результатом. Воспитание теперь - основное.

П. Постышев[2]
12/II - 28 г.

Мы в восторге от всего, что видели здесь. Никто из нас не видел ранее детскую колонию, которая могла бы сравниться с этой. Мы все убедились в том, что в этой колонии между детьми и их воспитателями - самые наилучшие отношения и дух. Мы с действительной радостью ознакомились с той работой, которая проводится здесь для того, чтобы сделать из детей полезных членов человеческого общества.

Норвежская делегация коммунальников; *Олаф Эдегаард, Олаф Эриксен, Сигурд Сольгейн, Олаф Иогансен, Олаф Мое.*

Делегация Латинской Америки изумлена теми достижениями, которые имеются в первой пролетарской стране, одним из них и лучшим является «Коммуна имени Дзержинского». Создается новый человек, выковывается новая психология ребят. Такие начинания – залог победы Социалистической Революции во всем мире.

А. Фортус
20 августа 1929 г.

Приходите вы, сомневающиеся, и вы, неверующие в советскую систему воспитания, приходите и посмотрите «Коммуну для беспризорных детей им. тов. Дзержинского», и сами убедитесь в полезности великого дела воспитания детей, которое теперь осуществляется в Союзной России. Стоит даже из далекой Америки приехать и осмотреть такие заведения. Вот что мы радостно заверяем теперь, сегодня.

7.9.1929.
А. Виктор
Сарра Виктор.

Делегация бакинских рабочих в составе 20 человек, посетившая коммуну 3/I—1930 г., вынесла от ее посещения самое отрадное впечатление.

То, что особенно заслуживает внимания, - это система управления и методика воспитания. Из коммунаров поистине выковывают здесь не только производственников, но и организаторов хозяйственной жизни. Нам надо перенять это и провести в бакинских домах.

Идеальная чистота помещений, классов и спален производит самое хорошее впечатление. Искренний привет от делегации коммунарам и особенно воспитателям и руководителям, вло-

жившим много энергии в совершенствование работы и жизни коммуны.

Председатель делегации
Члены
(подписи)

Беспризорные! Этими словами европейская буржуазия пугает своих отдельных слушателей. Вот, говорит она,- это наследство революции. Но мы видим совершенно другое наследство революции: коммуну Дзержинского, где позабытые, беспризорные дети растут активными членами нового общества.

И мы не забываем, что такие позабытые, беспризорные дети у нас, в капиталистической стране, они умирают от голода или погибают в тюрьмах. Но нечего сравнивать. Это не впервые мы видим огромную разницу между страной диктатуры пролетариата и страной диктатуры буржуазии.

Для нас это только новый толчок к тому, чтобы выполнить задачу, которую перед нами поставил рабочий класс.

12.УП.30
Чехословацкая делегация рабочих.
Юлиус Фучик[3], Чеведенка Иосиф, Елена Шнейдерова, Алойс Догнал, Павел Штраус.

Я чрезвычайно заинтересована такого рода институтами. Этот институт основан на здоровых принципах и, безусловно, выпустит полезных граждан, которыми правительство должно гордиться.

Тот факт, что мальчики и девочки получают жалование, очень интересен. Об этом мы никогда не слышали в Америке. Прекрасный пример, которому нужно следовать.

Греди
23/VII – 1930

6/IX – 30 г. Я поражен той колоссальной работой, которую проводят внучата Феликса Эдмундовича Дзержинского. Меня никто не уполномочивал, но я беру на себя смелость от имени 150-ти человек-экскурсантов заявить, что коммуна имени Дзержинского является образцом коммунистического воспитания.

Вагоновожатый Харьковского трамвая *Н. Корвяков.*

4-го апреля 1931 года Немецкая Рабочая делегация и агитбригада «Alarm» посетили колонию имени Дзержинского. Делегацию сопровождали представители ЦК и Горкома партии г. Харькова и предс. редакции газеты «Харьковский Пролетарий».

Образцовая Коммуна и на редкость по-чекистски спаянная дисциплиной. Коммунары - это наилучший показатель творческой работы верного стража октябрьских завоеваний.

Молодцы Дзержинцы! Будьте такими, как бесстрашный, стойкий железный Феликс!

Представитель ЦК
Представитель горкома (подписи)

---

3 мая 1931 г.

Детскую трудовую коммуну имени Ф.Э. Дзержинского посетила делегация украинских рабочих и фермеров из Канады.

В огромном воспитательном значении школьного обучения, связанного с непосредственной работой на станках, убедили нас энтузиазм коммунаров, сильно развитое чувство коллективизма, серьезность и сознание общественной полезности своего труда.

Наш клич: Да здравствует коммунизм!

Е. Михайлов, А. Шерстобитов, Т. Сидор, И. Гарная, Л. Клепарчук и др.

Громкие слова ничего не значат. Деятельность молодых будущих носителей социалистических идей в мире - вот пример для других стран. Мог ли кто-либо и когда-либо в какой-нибудь стране видеть что-либо подобное, чтобы дети, выброшенные из общества, стали во многих отношениях руководителями его?

Я только хотел бы, чтобы они изучили эсперанто[4], который поможет им связываться с юными рабочими других стран.

21/X – 31 г.
Гелен

---

21 октября 1931 г.

Успехи коммуны несомненны: в ней созданы условия, в которых должны и могут получить трудовую закалку не только бывшие беспризорные, но все подрастающие поколение республики трудящихся.

(подпись неразборчива)

Ребята! Мы в восторге от вашей коммуны. Только после того как рабочий класс завоевал власть и учредил диктатуру пролетариата, он смог создать такие коммуны. Беспризорность детей – следствие гибнущего капитализма. Мы, рабочий класс и вы, коммунары, ее победим.

Строительство социализма потребует огромного числа высококвалифицированных и технически грамотных работников. Коммуна имени тов. Дзержинского выполнит эту славную задачу и тем самым оставит лучшую память о великом революционере. Вперед к победе коммунизма!

27/XI - 1931 г.
НКТ СССР
Н. Шверник[5]
А. Цихон[6]

7/I - 1932 года был на открытии мастерских, завода в доме беспризорных им. т. Дзержинского. Производство хорошо оборудовано, дети в хорошем состоянии, бодрые. Руководители уверены, что ученики овладеют техникой производства. Соц. строительство получило еще одну позицию воспитания молодого поколения и выполнения государственного плана. Через год нужно еще наведаться.

Г. Петровский

Делегация Бюро инженерно-технического коллектива Харьковского Электромеханического завода им. т. Сталина в день принятия шефства над производством в коммуне дзержинцев сверлилок - ознакомившись с работой и бытом коммуны, считает, что эта коммуна является самым лучшим памятником Великому Чекисту Пролетарской Революции.

Эта коммуна может показать всему миру пример трудовой дисциплины и внутреннего распорядка. Это образец коммунистической формы общежития, быта и труда. Желаем коммуне доказать, что 7 000 сверлилок будут даны в намеченный срок.

29-I-32 г. (День штурма на ХЭМЗе)
(подписи)

Хотя побыл я здесь и немного, но увидел, что подлинно делаются здесь новые люди – люди нашей великой страны. Второй том «Энергии» я посвящу такому человеку, который прошел большую школу подлинного воспитания в такой коммуне, как коммуна Дзержинского.

В дальнейшем хочу держать связь с людьми коммуны.

Фед. Гладков[7]

Чтобы ни сказал я,
Что ни пиши –
нельзя достаточно вами восхититься.
Инженерам человеческой души
тут есть чему поучиться!

А. Безыменский[8]

Коммуна дзержинцев – прекрасная фабрика переделки людей. Вношу предложение: организовать в музее коммуны фотоотдел, в котором можно было бы увидеть портреты ребят в том виде, в каком они пришли на эту социалистическую фабрику. Надо организовать показ того, из чего можно делать строителей социализма.

21/II – 32.
А. Жаров[9]

Трудно, товарищи, сразу сформулировать свои впечатления. Они так громадны. Делается здесь у вас большое дело. Когда-нибудь крупный художник опишет вашу коммуну. И это будет ярким показателем нашей великой эпохи. Крепко жму всем вам руку, дорогие товарищи.

18/III – 32 *Г. Рыклин*[10]
День Парижской коммуны **Газ. «Правда»**

Коммунарам и руководителям коммуны им. Ф.Э. Дзержинского!

Успехи коммуны несомненны. Дело коммуны – огромная победа. У коммуны им. Дзержинского нужно учиться, как воспи-

тывать внутреннюю дисциплину у наших ребят. Полны энтузиазма перенести ваш опыт в Аджаристан[11]

30/X-32 г.
Жоржонадзе

Мы были на замечательном совете командиров коммуны. Обсуждались подступы к новым, еще большим достижениям. Высоты науки, искусства, величайшей социалистической культуры были оценены по-большевистски. Мы будем вместе со всем комсомолом гордиться новыми победами коммунаров-дзержинцев и через страницы «Комсомольской Правды» их победами будем радовать всю страну.

Привет коммунарам-дзержинцам и их боевым руководителям.

Бригада газ. «Комсомольская правда»[12]
И. Бачелис, С. Шаховской, Л. Гольдфабр
[сер. дек. 1932 г.]

---

19 6/III – 33 г. Был у своих подшефных - коммунаров-дзержинцев. Осмотрел жилье, клуб, другие помещения.

Живут дружно, весело. Очень понравился завод, это большое достижение. Нужно и дальше бороться за культурный быт, за марксистско-ленинское воспитание, больше заниматься военным делом, в частности, морским. Больше организации в политической агитации и наглядной пропаганде генеральной линии партий.

Было бы очень хорошо опыт всех ваших достижений популизировать везде и всюду. Будем помогать в Военно-Морском деле и больше крепить связь.

Командир Р.К.К.Ф, подшефного
крейсера «Червона Украина»
Ян Леждей

Рабочая делегация лучших ударников завода им. П.П. Постышева, г. Москва.

Свежесть, здоровье, бодрость. Чистота, уют и опрятность. Производственники. Общественники. Политики и организаторы. Вот что мы увидели.

Мы не удивлены. Нет. Мы знаем, что если чекисты взялись за какой-то участок, то они сделают.

Поэтому-то мы так и любим ЧЕКа.

Привет коммунарам и лучшие пожелания на многогранном жизненном поприще.

14 – I – 34.

(подписи)

Эх, если бы наш Феликс мог посмотреть, как осуществляется его заветы воспитания людей.

1934 15/III

Елена Стасова[13]

РГАЛИ, ф. 332, оп 4, ед. хр. 370 – оригинал «Книги отзывов»; оп. 2, ед. хр. 1 - машинопись, фрагментарно, с переводами на рус. яз.

К концу 1935 г. в «Книге» сделано 350 записей (коллективных и индивидуальных). 28 августа 1933 г. коммуну посетила представительная французская делегация во главе с *Э. Эррио*, **предс. Комиссии по иностранным делам Палаты депутатов Франции, ее экс. премьер-министром. Его запись в «Книге посетителей»: «С моим восхищением и признательностью».**

К концу 1932 г. коммуну посетили 214 делегаций. Из них из СССР – 87, из стран Европы, Северной и латинской Америки, Южной Азии, из Китая, Египта – 127 (см. конкретно – в части 2 данного издания, с. 363). В 1935 г. организация «Интурист» чествовала коммуну им. Ф.Э. Дзержинского с принятием 200 зарубежных делегаций, экскурсий (часть 6, с. 284).

Эта известность коммуны в зарубежных странах, ее практическая связь с происходящими в мире событиями, определенное влияние на них – принципиально новое в педагогике, так расширяющей «поле» своего действия, ее предмет и задачи. Это новое в целях и средствах воспитания, важный фактор успеха педагогической деятельности А.С. Макаренко.

[1] *Чубарь В.Я.* **– советский государственный и партийный деятель, с 1923 г. предс. СНК УССР, зам. предс. СНК СССР; с 1934 г. нарком финансов СССР; в 1920 – 1934 гг. член Политбюро ЦК КП (б) У.**

[2] *Постышев П.А.* **– советский партийный деятель, в 1926 – 1930 гг. член Политбюро и секретарь ЦК ВКП (б) и одновременно в 1930 – 1937 гг. секретарь ЦК КП (б) У.**

[3] *Фучик Ю.* **– деятель чехословацкого коммунистического движения, писатель, критик, журналист, казнен фашистами в 1943 г.**

[4] **Эсперанто – искусственный международный язык, основанный на материале наиболее распространенных европейских языков.**

[5] *Шверник Н.М.* **– советский гос. и парт. деятель, в 1930 – 1944 гг. первый секретарь Всероссийского совета профессиональных союзов.**

[6] *Цихон А.М.* **– сов. гос. и парт. деятель, в 1928 – 1930 гг. нарком труда СССР.**

[7] *Гладков Ф.В.* **– советский писатель, высоко оцененный А.М. Горьким, автор широко известного романа «Цемент» (1925 г.).**

[8] *Безыменский А.И.* **– советский поэт, деятель юношеского коммунистического движения.**

[9] *Жаров А.* **– советский поэт, один из представителей комсомольских поэтов.**

[10] *Рыклин Г.Е.* **– советский писатель, печатался в газ. «Правда», «Известия», жур. «Крокодил», готовил корреспонденцию о коммуне им. Ф.Э. Дзержинского.**

[11] **Аджаристан – Аджарская автономная ССР – в составе Грузинской ССР.**

[12] Этой бригадой составлен сборник материалов о коммуне им. Ф.Э. Дзержинского «Второе рождение», издан в Харькове, кон. 1932 г.

[13] *Стасова Е.* – **деятель ВКП (б), в руководстве МОПРа (Международной организации помощи борцам революции).**

Письмо Г.С. Салько, 24 – 25 октября 1928 г.

Ночь с 24 на 25 октября

Мое солнышко.

Голубчик, какую ты мне сегодня телеграмму послала? Сегодня послала в 5 часов вечера, а в семь я ее уже получил. На Харьковской почте или там телеграфе чиновники все, вероятно, из Умани. Работаю в кабинете, полный кабинет народу, и вдруг слышу один из самых глупых парней в коммуне, Василенко, берет телефонную трубку, отвечает на вызов. Слышу, он говорит:

- Телеграмму?

Вижу его растерянную физиономию, беру сам трубку и собираюсь принять какую-нибудь малоумную телефонограмму, какие бывают почти ежедневно, вроде такой:... состоится собрание женщин-работниц Журавлевского района...

Говорят, что не телефонограмма, а телеграмма. Но кто же телеграммы передает по телефону. Ей-Богу, это только в России возможно. Ведь я имею право послать по телеграфу любое письмо, самое интимное, самое ласковое, и вот представьте себе, что мои слова, которые может слышать только Солнышко, будет повторять и записывать на первом, попавшемся под руки клочке бумаги какой-нибудь глупый Василенко. Так и со мной сегодня чуть-чуть не случилось. Слышу, передают телеграмму из Ялты. Я бросил карандаш и повторяю только:

- Есть... Есть. Есть.

А все наши любопытные уши, совсем было притихшие, сразу поняли, в чем дело, и сделали вид, что телеграмма для них ни одной минутки не была интересным событием.

Телеграмма такая:

«Харьков. Коммуна Дзержинского, Макаренко. Спасибо, жить очень весело, будьте здоровы. Салько».

Передала эта уманская бестия телеграмму и спрашивает, кто принял? Говорю: Макаренко.

- Так сам Макаренко и принял?

- Сам и принял. А вот вы мне скажите, товарищ, имеете ли вы право частную телеграмму передавать, как телефонограмму, через какое-то третье лицо?

- Право? Так, видите ли, к Вам далеко посылать, так мы думали, что для Вас лучше будет, если мы по телефону передадим.

-Ну, знаете (наши уши опять насторожились), не всякому человеку положено думать. Для вас, по всей видимости, это большой пользы не приносит. А я вот думаю, что вы нарушили основной закон телеграфной связи, по которому вы обязаны содержание телеграммы сохранять в тайне.

- Извините, товарищ, мы ничего такого тайного в телеграмме не заметили, мы думали, что такую телеграмму можно передать по телефону.

Я бросил трубку, что с дураком разговаривать, и теперь вот не знаю, заявить ли жалобу или нет.

Но мне во всей этой истории понравились наши дамы. Они, бедные, прямо жалкий вид имели. Вы же можете представить себе, как они страдали во время передачи этой телеграммы. Я их еще и подразнил. Повесил трубку и говорю:

- Видели вы таких дурней: частную телеграмму передают по телефону. Ну хорошо, что я сам случайно оказался возле трубки.

Нет, Солнышко, все таки ей-Богу нам везет, как утопленникам. Я бы страшно был обескуражен, если бы вашу телеграмму таскали по всей коммуне и комментировали те слова, которые мне одному понятны.

Ну, что эти звери могут понять в твоих словах «жить очень весело». В самом слове жить они обязательно увидели бы твое времяпровождение в Ялте. Ах, да что об этом говорить. Нам так везет, что мы можем не бояться самых страшных уманских телеграфистов. Правда, Солнышко.

Я не знаю, как тебя благодарить за телеграмму. Ты начинаешь меня баловать по настоящему, вчера ты засыпала меня подарками, сегодня ты посылаешь телеграмму с такими милыми, такими прекрасными философскими формулами, что я скоро перестану чувствовать, что я живу на свете, а от меня останется одна чистая задумчивая радость.

Но, Солнышко, неужели так уж тебе весело. Я все не могу выпустить из сердца твое заказное письмо. Ведь оно такое тревожное, несмотря на его такой восхитительный оптимизм. Ты пиши мне, как обстоит с этим дело, как ты себя чувствуешь, что нужно делать? Я ни за что не хочу, чтобы в твоей жизни прибавилось хоть самое маленькое страдание. Но я об этом не будут много говорить, ты все знаешь, я только жду и жду твоих писем и страшно беспокоюсь за тебя.

Сегодня я не смог отправить тебе письмо, прости, моя голубка, это вышло почти не по моей вине. Вчера очень поздно лег и сегодня проспал, а мальчик ушел на почту в восемь часов, и я не успел передать ему заказное письмо, а никакой другой оказии, которой я бы решился доверить письмо, не оказалось. Вечером приезжала Балицкая, хотел ее попросить бросить письмо, но было неловко просить, да и женщине таких вещей доверять нельзя, обязательно потеряет. К тому же я сообразил, что все равно в таком случае письмо пойдет только завтра, и таким образом я ничего не выгадываю.

Завтра я уже не просплю, и получишь ты сразу два письма в одном конверте.

Я живу, Солнышко, по-прежнему, значит люблю тебя, скучаю по тебе, жду тебя и люблю тебя. Эти четыре отдела моей жизни заслонили все на свете, я живу в них с минуты на минуту! Теперь уже считаю дни, часы по твоему приказу считать не могу, действительно много получается. Но с днями не так плохо. Самое хорошее то, что с каждым днем их число уменьшается, смотри, как хорошо Бог устроил мир. Теперь осталось только 2 3 день, господи, смотри, как мало. Ой, как же будет замечательно, когда ты окажешься не в Ялте, а на Харьковском вокзале. Ты подумай, какая существенная разница.

Несмотря на мою тревогу и беспокойство за наши осложнения, я радостен, Голубка, а вот ты в письме от 1 8-го здорово пищала. А совсем недавно ты писала, что нужно радоваться и приказывала мне смеяться и смеяться. Я повытаскивал все колпаки, какие оказались у меня, и готов был, как последний дурак веселиться, но ты первая запищала.

Правда же, ведь теперь ты пишешь, что жить очень весело. Ей-Богу, как это прекрасно сказано. Страшно досадно, что нельзя было сразу же ответить тебе телеграммой, я бы тоже мог придумать такое же портативное и веселое выражение того, как хорошо с тобой жить на свете.

О Леве не беспокойся, милая. Сегодня я хотел его перетащить в коммуну, но он отпросился по телефону до воскресенья, у них в субботу в школе вечер. А хитрый у тебя сын, ей-ей хитрый. Сегодня спрашивает меня:

- А кружок естественников у вас есть?

- Пока нет, но вот ждем, прибудет к нам известный любитель технологии Лева Салько, так он заведет кружок естественников.

Он в телефоне хохочет и я хохочу. Между прочим, в коммуне ребята его ждут не дождутся. Интересное о нем мнение у ребят. Вчера вечером с кучкой хлопцев я разговорился: спрашиваю, не будут ли обижать Левку в отряде? Смеются.

Лева ко мне переедет числа 20-го. Сейчас не стоит его брать, потому что он попадет в переходное положение, когда у нас все переделывается. Как слушатель первого курса кустарно-промышленной школы он имеет право выбрать любую мастерскую. Лично я считаю, что ему лучше было пойти в столярную, но у него вкус к металлу, с этим ничего не поделаешь. Возможно, что я возьму его и раньше. Будет он в шестом отряде, в котором много его знакомых. Уверен, что через месяц он уже будет командиром и самым любимым товарищем всех коммунаров. Все его будут на руках носить, начиная от воспитателей и кончая Филькой Куслием[1]. Воспитателей я заставлю его любить.

Успокойтесь, Солнышко.

Нужно ответить Вам на некоторые вещи:

1. Конверты, Солнышко, посылаю и буду посылать аккуратно. Историю с конспирацией забыл совершенно, но предъявления Вашего склада моих преступных фраз требую «всеми фибрами души».

2. На свидании, Солнышко, бываю ежедневно и прихожу на них даже раньше времени. Мне приятно воображать, что я сижу на скамье, и море шумит, и я жду, когда Вы придете, приятно воображать, что я встаю Вам навстречу и целую Вам руку и говорю:

- Здравствуй, Солнышко.

Я страшно люблю первые моменты встречи с Вами, когда так трудно разобрать, любите Вы или уже перестали, и когда постепенно начинаешь замечать кое-какие признаки любви и радоваться им. На свиданиях я говорю с Вами исключительно о будущем. Но, представьте себе, мне иногда кажется, что Вас на свидание не было. Я не обижаюсь на это, потому что Вас, вероятно, утомляют эти хождения, теперь становится холоднее и темно, я часто прямо боюсь, хорошо ли мы делаем, что так рискуем Вашим здоровьем. Имейте, Солнышко, в виду, что в плохую погоду или когда не хочется или Вы устали, на свидание ходить не нужно: я посижу немного на скамье и уйду в коммуну Дзержинского.

3. Солнышко, вы меня слишком много хвалите. Не то, что мне неловко, но смотрите, чтобы потом не пришлось Вам горько разочароваться. Я человек довольно вредный. Я только Вас люблю и не могу быть вредным по отношению к Вам, потому что у сокола крылья связаны.

4. Страшное спасибо за подробные сообщения о своей болезни. Хорошо, что находятся такие умные доктора, которые предупреждают Вас, что здоровьем Вы не должны разбрасываться. Вам мало просто их слушаться. Вам нужно приобрести традиции сохранения Вашего здоровья, иначе все равно Вы наделаете глупостей. Я вот этого Вашего легкомыслия по отношению к своему здоровью страшно боюсь. Я буду Вас серьезно воспитывать в этом направлении.

5. О ревности. Я, конечно, все-таки немножко ревную, но не к чему придраться. Я просто болван, мне не нужно было подымать такой шухер по случаю моторной лодки. Теперь Вы уже ни о чем таком доверчиво не напишите. Не забудьте, что Вы так и не сообщили мне подробностей этого чудесного катания, а я просил. А теперь Вы с грязью смешали всех Ваших мужчин и пишете, что гулять ходите с женщинами. Я понял, что я наглупил в своей откровенности, и молчу. Но не ревновать, Солнышко, когда Вы в каком-то санатории, где смешанное воспитание, я не могу, собственно говоря.

Меня же ревновать Вы не можете. Я сейчас не создан для блаженства. Я сделался таким анахоретом, бреюсь раз в две недели, хожу в грязных сапогах и работаю,

как трактор. Здесь говорят, что я опустился. Идиоты. Попробовали бы они не опуститься.

6. Спасибо, что прислали недописанное до конца листика письмо. Это значит, что Солнышко у меня искреннее. И впредь так делайте. Пишите письмо, а потом бросайте и отправляйтесь гулять (с женщинами или мужчинами не моложе 65 лет), я прочту в Вашем письме, что Вы думали обо мне, когда гуляли, ибо вы не могли же не думать, раз у Вас осталось недописанное письмо.

Ну, спать пора. Mi vin amas, mia Sunnjo! Я тебя люблю, Мое Солнышко!

Ро-дно-е! Целую твои ресницы.

Твой Тоська

Переписка А.С. Макаренко с женой, т. 1, с. 171 – 175.

[1] *Куслий Ф.П.* **– воспитанник колонии им. М. Горького (в Куряже), затем в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. В «Педагогической поэме», «Флагах на башнях» Филька Куслий, Филька Шарий. После службы в Красной Армии окончил институт физкультуры (отделение спортивной медицины). Во время Великой Отечественной войны в бомбардировочной авиации, награжден орденами Отечественной войны, Красной Звезды.**

Затем работал в области лечебной физкультуры. В своей квартире создал «Комнату А.С. Макаренко», с материалами о встречах его воспитанников и с молодежью разных городов.

Дополнение. *Из письма А.М. Горького П.П. Крючкову[1], конец 1928 г. (после 22 ноября, до 6 декабря):*

...Макаренко, как видно из его письма[1], пишет книгу. Ее надо издать в Москве. Я сообщил ему, чтоб он послал рукопись Вам. Книгу нужно издать хорошо и дешево. половину расходов по изданию – или все? – я бы взял на себя...

Макаренко. Альманах. – М., 2012, № 11, с. 22.

[1] *Крючков П.П.* **– секретарь А.М. Горького с 1920-х гг., сотрудник издательств «Международная книга» и Гослитиздата.**

[2] Имеется в виду, несомненно, письмо А.С. Макаренко А.М. Горькому 22 ноября 1928 г. см. часть 2 данного издания, с. 125, говорится о «Педагогической поэме», первой ее части.

Из записной книжки,
14 августа 1929 г. – 29 марта 1931 г. и конец сентября 1929 г.

3138

Нельзя сказать, что я Вас люблю – я Вам служу, Вы знаете – суть в служении, как св. деве Марии.

3145

Полищук[1] уже второй раз требует, чтобы ему в 8 часов давали хлеб, и когда кладовщик ему второй раз отказал, он назвал его дураком.

3158

Фельдшер. Воображает, что он гипнотизер, и может говорить только о гипнотизме. Но он врет, что он и сапожник (12 пар в день), и механик (об этом даже показывает какое-то удостоверение).

3162

Сидели Черный и Ряполов[2] целый день в кабинете. И их уже и не стерегли. Они и в уборную ходили свободно. Затем с отправкой в Соловки, конечно, не вышло. Что с ними делать?

Поставил вопрос на совете командиров.

- За Ряполова Терский[3] очень просит.

Ребята высказывались сурово, но, конечно, приняли.

- Ну, идите мыться.

- Ракин, говорю им вдогонку, я их в наказание арестом домашним[3] на месяц.

Все любовно пошли их умывать.

Прощение – хорошее дело.

3167

Мама[5] рассказывала… [Далее листы с №№ 3168, 3169, 3171, 3172 отсутсвуют[6]; конец №3172 – о театре].

3175

Экскурсия вэковцев на Эсхар, человек 700. Все рабочие вносят на экскурсию немного денег. Должен ехать и их оркестр. Но оркестр требует плату. Ехать, получая только бесплатный проезд и питание, они не соглашаются. Левшаков[7] предлагает наш оркестр. Рабочие встречают его с радостью и кричат, что их оркестр надо разогнать. Кто-то из членов их оркестра где-то подвыпил, просит, чтобы ему сыграли гопака. Рабочие кричат, что не нужно ему играть.

3180

Пришел Ряполова брат. Его отец – крестьянин в Лаптеве. С ним пацан. Видно, сюда послали родные.

Экзаменую[8] Ряполова…

3182

Оказывается, Колесса[9] не дают жить и в Б.Т. Уже что-то написали по партийной линии, и его, наверное, снимут. Однако.

3183

Приходит грязный взрослый парень, лет 19, просит принять в коммуну. В Мелитопольском округе недород и его хозяин прогнал.

3185

У нее рот, как чемодан. Не могу видеть. С какой стати она перед мной этим чемоданом действует.

21 – VIII – 29

3186

- Я далеко не пойду. Мои врачи недалеко – вон сидят.

Сам при этом пьяный и с огурцом в одной руке.

3188

Служитель Балицких[10] [слово неразборчиво] передал по телефону, что Л.А., уезжая, распорядилась передать мне: принять какого-то мальчика, Харченко.

Тут же Шевченко просит рассчитаться за крупу для собак.

3189

На вечернем [общем] собрании в ответ на приглашение коммуны в сад металлистов я предлагаю приглашение принять, но ответить, что пешком мы идти не можем, нужны деньги на трамвай.

Юрченко[11] встает:

- Так неловко, если трамвай, надо просто идти. Что же такого, что трудно.

- Сам Юрченко никогда с нами маршем не ходит.

Утром на лавочке он говорит все-таки:

- Важен политический момент.

Тимошка[12] правильно замечает, что важен оркестр. Из-за оркестра и приглашают главным образом.

3190

В Чемуранской хозяин имеет [земли] 3 десятины. Но он сдает под дачи домик, берет 300 рублей в год. Продналогу на жизнь [не дописано].

3191

Приехала Саша. Просит [неразборчиво].

- Сколько там они работают, 2 месяца в году.

3193

Я говорю Юрченко: не может быть [хорошего] воспитания, основанного на обмане.

3194

С.Л. скептически говорит о таких, как Чевелий[13] и Коля:

- Вони никуда не підуть. Підуть вони на войну. До первого году.

3195

Целая программа. Рива привыкла к Яровому и даже он начинает ее сторониться. Об этом она говорит Дробатовой[14].

Яровой же говорит Дроботовой, что она ему надоела, что она противна. От Ривы он это скрывает.

Дроботова в нерешительности, сказать или не сказать Риве.

3196

Музыканты уходя на Эсхор, в 5 ½ играют сигнал вставать. В коммуне паника – преждевременно [не в 6.00].

3198

Те же музыканты совершают налет на груши, в саду.

3200

Сентенция. Мужчина изменяет, потому что он этого хочет, а женщина – потому что другие этого хотят. Поэтому любящий мужчина никогда не изменит, а за любящую женщину ручаться нельзя.

3201

Т. считает последней пошлостью, что муж и жена раздельно едут на курорт.

- Что угодно можно делать раздельно, но всякую приятную вещь – вместе.

3202 [часть листа не заполнена, помета: «200»]

Вбегает по сходням на балкон человек в черных штанах. Мы сидим рядом на кушетке. Я машинально здороваюсь, но Оксана подчеркивает знакомому:

- Михаил [два слова жирно зачеркнуты]. – Антон Семенович Макаренко.

- Я слышал.

Я молча рассматриваю это существо.

Он с каким-то шутовством, но неумными ухватками рассказывает на плохом украинском языке об экскурсии студентов его педтехникума в Закаспийский край.

3203

[не заполнено, помета: «208»]

3204

[не заполнено, помета: «208»]

[Далее вырван 1 лист]

26 – VIII – 29…

27 – VIII – 29…

3216

Идем за гробом[15]. Нас всего 5 человек. Действительно, неловко. Я все время вижу надпись на катафалке: «Похоронное бюро коммунхоза».

3217

Так нельзя умирать. Молча смотрим, как рабочие закапывают могилу. Говорим о том, что земля просохла на 2 метра. Все-таки не мешало бы поставить точку - прекратить [этот разговор].

3218

После похорон едем в парк. Сидим на лавочке. Чувствуются первые прохладные прикосновения осени. Галя посматривает на меня весело, вдруг показывает пальцем на вылитый голубями кубик на ее платье. Я не понимаю. Она показывает на свои глаза. Я понимаю: у меня голубые глаза.

Меня заставляет декламировать Тютчева.

3219

Пивень[16] попал, когда он мячом сбил груши. Он врет.

- Я отбил, а мяч попал в грушу.

3220

Дроботова убеждает меня…

3221

Лійко – есть такой – добивается места завшколой…

3222

У нас встречают коммуну из Прилуков…

3223

Пригласили фотографа сниматься. Откуда-то набралось человек 6 молодых людей, которые с чисто восточной простотой уселись в первом ряду.

- Кто это такие?

- А это все свои ребята.

Мне так места и не нашлось.

Нарочно сел внизу с хлопцами. На это, конечно, ни на кого не подействовало. В следующем снимке они опять уселись.

3224

Образчик иронии Антоновича:

- Кропачев[17] В коммунхозе? Там нет хорошего леса. Я там уже выбирал – всего два воза выбрал. И потом очень дорого – рубля по четыре в среднем выходит.

- Ну, конечно, хотя там и смотрели такие опытные люди, как Волков, но раз Вы говорите, что нет… Тем более у Вас такое важное производство.

- Почему Вы говорите с иронией. Я прошу говорить деловым тоном.

- Ах, Вам не нравится ирония? Пожалуйста. Конечно, у такого делового человека, как Макаренко…

[Далее отсутствует несколько листов. Следует продолжение какого-то №]

Вся прелесть Рубина[18] заключается в том, что он прекрасно специализировался на склоке и бьет в этом деле. Чудинского, который принадлежит к старой, склочной школе. Чудинский по старинке больше упирает на расположение «нашего коллектива», на «индифферентные отношения» к ребятам, на то, что кто-то «не реагировал на обстоятельства». Чудинский говорит речи, во время которых делает добродетельное лицо.

Рубин пользуется более совершенными методами:

- Чудинский хочет казаться беспристрастным, поэтому он говорит: хотя Рубин и склочник, но он добросовестный работник, он прекрасно вел общественную работу и много сделал в деле ликвидации неграмотности. Я как раз никакой…[не закончено]

3228 3 – IX – 29

Вечером «Нестерович»[19] разговаривал с Плохотниковым[20]:

- Вот в коммуне до сих пор никто не умирал.

Плохотников, человек умный, решил пошутить:

- Как не умирал. А сейчас три человека в больнице. Один, говорят, уже умер.

Нестерович сначала об этом [сказал] всем бабам в коммуне. Варвара Николаевна сказала фельдшеру Беленькому. Он в 5 утра позвонил в Николаевскую больницу. Больница не отвечает. Позвонил в санчасть. Из санчасти отвечают:

- Да, мы слышали, что у вас один умер. Сейчас позвоним в больницу. Ждите телефона.

Через полчаса по телефону сообщают:

- Дежурный врач больницы не может точно сказать относительно умершего коммунара, потому что контора сейчас не работает. Труп тоже можно получить только завтра.

Мы начинаем готовиться к похоронам. Я выдаю деньги Беленькому на могилу и бумажку. Оркестранты начинают повторять похоронный марш.

Кое у кого срывается:

- Умер потому, что его кормили не тем, чем нужно.

Все решают, что умер Островерхов, у него была неудачная операция с гландами.

- При чем тут – кормили. Что у него желудок больной что ли?

Часа через 2 приезжает пом. главврача санчасти. Он специально смотался в Николаевскую больницу и видел Тракирова из Борисова, а об Островерхове справлялись в терапевтическом отделении, его завтра выписывают.

Я все-таки не верю. Звоню главному врачу больницы, и он через полчаса мне сообщает, что Островерхов жив. Беленький возвращает деньги.

Вечером на общем собрании [коммуны] постепенно вызывал Беленького, «Нестеровича», Плохотникова, выясняем истину. Все хохочут. Плохотников получает 10 нарядов[21]. Нестеровна смущена.

Ребята предлагают Плохотникову надеть юбку.

Терский говорит:

- Если Нестеровна будет кормить Плохотникова помидорами, значит, это она выдумала.

3329

Экскурсия прилучан. С ними бородатый Томшын. У него своя завирательная идея:

- Если их учить грамоте, развивать, то из них урки еще хуже выйдут.

Приезжает Карлсон[22].

У всех у них какое-то кокетливое отношение к бывшим правонарушителям.

[нет 1 листа]

…коммунаров. Они только и смакуют вопрос: какой он был раньше и какой теперь стал. У него были «мокрые» дела. Вообще, какое они все трудные! Только об этом говорят.

Ребята из Прилук откровенно завидуют нашей дисциплине, нашей чистоте, недовольны своими воспитателями, которые ходят с револьверами.

3231

По случаю неожиданной смерти Островерхова. Беленький рассказывает анекдот: Какая-то женщина выписалась из больницы, и ей по ошибке дали удостоверение, что она родила сына.

3232

Наши производственники недовольны оружейной мастерской Ф.К. Там угнездились какие-то частники, которые понабрали своих родственников. Родственники работают на импортных машинах, а наши только режут жесть.

3233

Девочки просят выдавать им сатиновые юбки. Ребята по пальцам считают, сколько у девочек платьев. Считают и то, что девочки сшили из лоскутов.

6 – IX – 29 г….

3235

У попа косичка перевязана желтенькой ленточкой. А сам классически тяжелый, в сапогах.

3236

Баба с сестрой, из Пятницкого. Учительница как-то добилась у Балицкой и она обещала принять ее в коммуну. Вероятно, Шевченко тогда о ней именно мне и звонила. Была она в приемной Петровского и оттуда прислали просьбу о принятии.

Но для наших хлопцев [на общем собрании] никакие авторитеты недействительны.

У женщины есть безграмотное удостоверение, что в ее хозяйстве 2 лошади и 1 корова. Конечно. Узнали они, что семья платит продналог. Земли у них 3 десятины. «Середняк» - и конец. Напрасно бабка доказывала, что вторая лошадь – не лошадь, а

лошонок, что в семье две ненормальных женщины, которые не работают, что отец старый.

Отказали. Протокол [собрания] утвержден Блатом[23].

Баба ходит за мной. На глазах, вытаращенных как у Тапусели, слезы, совсем не женские, с лошадиные, скорбные. Они пришли пешком из Чугуева. «Продналог» им здорово напортил.

3237

Рива обижена. Почему за июль произведен вычет за столовую, если она уезжает в отпуск.

- А Вы заявили, что снимаетесь со стола?

- Зачем я буду заявлять, когда я уезжаю в отпуск.

- Многие были в отпуске и оставались здесь и столовались. Нельзя же так по-домашнему.

- У нас много кое-что по-домашнему.

- Например.

- Ну, вот жалованье платят 5-го.

3238

Дроботова почему-то в восторге от «Бурьяна» Головко. Почему-то находит, что это похоже на «Ревизора».

3239

Доктор Смирнов, который работал у нас от ГПУ. Высокий, большая морда, развязен, но европейское лицо. У нас он, когда приезжал, прежде всего шел на кухню и лопал – пробовал.

Выпрашивал, то разломанный стул, то гвозди…

3241

Держал пари с Дроботовой, что она не достанет программы кустпромшколы (кустарно-промышленной – А.Ф.). Где они ни были, в наробразе и в Наркомпросе, таких программ нигде нет и не было, они не составлялись.

3242 11 – IX – 29

В коммуне целая история. Третьего дня Горьковский[24] выстрелил холостым зарядом и попал в лицо Пихоцкой[25]. Раны не было, но были царапины и истерика.

В.Н. Татаринова сказала:

- Вот девочка чуть глаз не потеряла. Горьковский:

- Довольно бузить. Знаю я Вас. Вечно брешите.

Потом он перешел «на ты».

- Ты думаешь, я пьяный. Может, ты сама пьяна.

На другой день вечером на общем собрании Горьковский отказался давать отчет на основании:

- Что я с ней буду говорить. Она воровка. Молоко украла у хлопцев.

Поднялся шум. Все прыгали и чуть ли не хотели судить Татаринову.

Убеждение, что Татаринова украла молоко, между прочим, всеобщее. Василенко подтвердил на собрании, что во время поездки коммуны в Москву, в совхозе отказались дать молоко на том основании, что молоко уже получено по записке Татариновой. Тогда никто этого не проверил, а теперь подняли крик. Когда я приехал, сразу получил заявление Татариновой о реабилитации и об увольнении.

Юрченко, который, конечно, все время науськивался Дроботовой, мне говорит, что он верит всей этой истории «Она также не удержалась, что же».

Терский тоже сомневается.

Я крепко стою на том, что Татаринова не могла так рисковать – захватить всю дневную порцию молока, да еще при своей подписи.

Вечером я говорю Василенко:

- Стали уже заниматься мелкими сплетнями.

Он несмело отбивается.

Дело в том, что в бухгалтерии совхоза просто нельзя установить, кто и когда получил молоко. Нет никакой расписки.

3246

Записывал биографии ребят. Очень много, которые к 14-м годам прошли по 8 – 10 детских домов. Из многих детских домов переходили потому, что детские дома расформировывались. Припадочное наше творчество очень дорого обходится нашей смене.

3249

Нестеровна ходит, радуется:

Тогда, как с пробками этими говорила: «Витя всегда говорит правду». Вот значит и теперь правду сказал. Я тогда столько пострадала. Пусть и они пострадают.

3251 8 – X – 29

Нет на рынке втулок. С.Л. [неразборчиво].

3252

Яровой приходит убитый: обвиняется в перепродаже «гребінников»[26]. За это ему прибавили [неразборчиво].

Через день Яровой по телефону говорит:

- Отменили.

3253

Прокоп Карп. Рассказывает:

- Продает колбасу, которая стоит 170 р. – за 72 р. Покрывают свой грех «активности».

3254

Приходит мясник, частник. Мы уже три месяца ему не платили долг. Но он духом не падает и предлагает открыть колбасное отделение. Его калькуляция:

Мяса на одного [неразборчиво] 16 кг. по 9 р. 14 к.

Сала 2 кг. по 40 р. – 80 р.

Прочие продукты – 10 р.

Рабочая сила – 4,40

Мак. расходы – 6,60

Всего около 250 р.

Будем выпускать в день 25 кг. колбасы. Следовательно, 1 дневная порция обходится в 10 р., а продавать будем по 16 р. Значит, в день заработок 150 р., а в месяц 3 600.

Наши все начинают мечтать. С.Л. называют зав. колбасной фабрикой. Смеются, что пустят в колбасу всех собак и кошек Е.Ф.[27]

3255

Жду автобуса. Какой-то милиционер тоже сидит. Спрашивает меня:

- Вы образованный человек?

- ?

Почему это всякому простому человеку ясно, что неправильно поступают, а Вам неясно?

14 – XI – 29

Букшпан[28] вызывает Кропачева:

- Вы женаты?

3256 29 – 3 – 1931

По телефону Антонович[29]:

- В 24 минуты уволить уборщицу Калиберду.

Бухгалтерия приняла телефонограмму и уволила.

Зачем? Она служила в совхозе [при коммуне], работала по 12 часов и захотела иметь выходные дни. За это и уволили там, а узнали, что она поступила [на работу] к нам и к ним.

3257

Зовут, приехали, из городского приходу.

Бегали по дому хозяином Антонович и за ним несколько человек.

Москва Центр Маликов 1 а, кв. 16. А.М. Пешкову[31].

Москва Центр Москворецкая, 11, ком. 216 т. Макаревичу.

Москва Центр Внутр. проезд Чистопрудного бульвара, 6. Наркомпрос РСФСР. Главсоцвос. Ком. 333 – Данюшевскому[30]. Редакция журнала «Детский дом» Васильева.

20 – IX [1929 г.]

Папиросы – 60, трамвай – 8, газета – 15, трамвай – 8, трамвай – 8, гостиница – 5,50, завтрак – 3,68 [неразборчиво] – 1,38, - 65,30 = 12,43.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 20. Даются записи, опущенные в издании: Воспитание гражданина в педагогике А.С. Макаренко. В 2 ч. (в одной книге). Монография / авт., примеч., ред. – сост. С.С. Невская. – М., 2006, с. 621 – 630.

Одна из многих записных книжек А.С. Макаренко. Эта относится в основном к первоначальному периоду деятельности коммуны дзержинцев, когда в ней шли поиски новой формы обучения (с 1 сент. 1929 г. начала действовать «кустпромшкола», кустарно-промышленная), начался переход к производственной организации производительного труда.

Как сторонник «школы жизни» А.С. Макаренко фиксирует свои многообразные жизненные наблюдения. Они широко касаются взрослых: их поведение и взгляды - первостепенный педагогический фактор. Используется метод наблюдения, это характерно для педагога-ученого.

Записные книжки отражают творческую работу А.С. Макаренко и как писателя: он художественно воспроизводит реальную действительность, опираясь на типичное в жизни и людях. В записях начинает проявляться фундаментальные качества писателя и педагога – его мировосприятие и способность видеть общее в частном, конкретном, великое – в малом, дальнее – в близкомзакономерное – в случайном.

См.: «Беседа с начинающими писателями», часть 7 данного издания, с. 135 – 136. «Записная книжка помогает организовать знания жизни». Необходимо иметь в виду, что в макаренковских записях фиксируется иногда не то, что он хочет сказать, а что он услышал от других.

Записи он нумерует, используя это при тематической подборке материалов к своим произведениям, путем группировки записей. См. – при работе над «Книгой для родителей», в части 5 данного издания, с. 265 – 280.

[1] Говорится об одном из сотрудников коммуны.

[2] Говорится о двух коммунарах, совершивших какой-то серьезный проступок, на грани их исключения из коммуны. Отправку «в Соловки» не приняло правление коммуны. Сидели «в кабинете», т.е. в комнате А.С. Макаренко и совета командиров.

[3] *Терский В.Н.* **– учитель – воспитатель в колонии им. М. Горького с лета 1926 г., затем в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, руководитель клубной работы. В «Педагогической поэме», «Марше 30 года», «ФД-1» В.Н. Перский, в «Типах и прототипах» Н.Н. Кубанов, во «Флагах на башнях» Т.В. Маленький.**

[4] **«Арест», по аналогии с «домашним арестом», применяемом в армии к офицерам, - пребывание коммунара в «кабинете» некоторое число часов, на виду у всех, в свободное время. О «месяце» А.С. Макаренко сказано в запальчивости.**

[5] **Говорится о матери А.С. Макаренко, Татьяне Михайловне, проживающей с сыном в коммуне.**

[6] **Некоторые листы из записных книжек А.С. Макаренко изымал при работе над своими художественными произведениями.**

[7] *Левшаков В.Т.* **– руководитель оркестра коммуны, капельмейстер, изображен в «Марше 30 года» и «ФД-1». Им написана музыка марша «Дзержинец», ноты см. в части 3 данного издания, с. 335.**

[8] **А.С. Макаренко «экзаменовал» новичков, определяя их в соответствующий школьный класс.**

[9] *Колесса П.А.* **– зав. производством коммуны с кон. июня до нач. октября 1928 г. Говорится о его последующей работе в другом учреждении.**

[10] *Балицкая Л.А.* **– член правления коммуны, в «типах т прототипах» Костина Н.А. – см. часть 1 данного издания, с. 339. Ее муж –** *Балицкий В.А.* **– один из четырех главных членов правления коммуны, в 1924 – 1930-х гг. нарком внутренних дел УССР, в 1931 – 1932 гг. зам. предс. ОГПУ СССР, затем предс. ГПУ УССР, с 1934 г. нарком внутренних дел УССР. Активный сторонник А.С. Макаренко.**

[11] *Юрченко* **– организатор комсомола в коммуне, «политвоспитатель, фактически молод, сам идет за комсомолом» (А.С. Макаренко, часть 1 данного издания, с. 340). В «Типах и прототипах» Юрский Самуил Ильич.**

[12] *Т.Д. Татаринов* **– воспитатель – учитель в колонии им. М. Горького с лета 1925, зам. А.С. Макаренко, затем в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, зав. производственным обучением. В «Педагогической поэме» И.Д. Киргизов, в «Марше 30 года» Тимофей Денисович. Его жена,** *В.Н. Татаринова***, также воспитатель-учитель.**

[13] **Коммунары** *Чевелий Дмитрий и Александр***, братья. В «Педагогической поэме» Жевелий Митя и Жевелий Шура.** *Чевелий Д.А.* **– в колонии им. М. Горького с апреля 1921 г., затем в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. В Великую Отечественную войну лейтенант, штурман боевого корабля на Северном флоте. Погиб 9 ноября 1941 г. В охране водного района Беломорской военной флотилии.**

[14] *Дроботова* **– зав. школой коммуны, тогда это обычная «единая трудовая школа», попытка создать «кустпромшколу (при тогда кустарно-ремесленном производстве коммуны).**

[15] **Хоронили родственника семьи Езерницких.**

[16] **Говорится о коммунаре, воспитаннике.**

[17] *Кропачев* **– зав. производством коммуны после Колесса, затем Коган С.Б.**

Коган С.Б. **– зав производством коммуны с 15 марта 1930 г. Позднее нач. снабжения, работник финчасти. Под этим именем – в «Педагогической поэме». В ее «Типах и прототипах» - Соломон**

Борисович, Борис Соломонович Клямер. В «Марше 30 года» и «ФД-1» - Соломон Борисович Левенсон.

[18] *Рубин* **– учитель–воспитатель. То же ниже –** *Чудинский*.

[19] **Один из сотрудников коммуны.**

[20] **Коммунар-воспитанник.**

[21] **Форма наказания воспитанника, еще не имеющего звания коммунара, - выполнение срочной бытовой работы, в течение одного и более часов, в свободное время, по распоряжению дежурства по коммуне (вместе воспитатель и воспитанник, командир отряда).**

[22] *Карлсон К.М.* **– зам. предс. правления коммуны, затем председатель – до сент. 1932 г.; зам. председателя ГПУ УССР.**

[23] *Блат И.М.* **– первый предс. правления коммуны, один из руководящих сотрудников ГПУ УССР. Наиболее ответственные решения общего собрания коммуны (прием на работу ее сотрудников и увольнение, прием воспитанников, их перевод в другое учреждение и др.) – поступали на утверждение правления коммуны.**

[24] **Коммунар-воспитанник; фамилия ему дана по наименованию колонии им. М. Горького (малыш тогда не мог назвать своей фамилии).**

[25] **Коммунарка-воспитанница.**

[26] **Гребней, гребешнеков (укр. яз.). Имеется в виду спекуляция.**

[27] **Имеется в виду** *Е.Ф. Григорович*, **тогда любительница кошек и собак.**

[28] *Букшпан М.М.* **– ответственный секретарь правления коммуны, один из руководящих работников ГПУ УССР. С марта 1932 г. член правления коммуны. В «ФД-1» А.О. Крейцер, во «Флагах на башнях» М.О. Крейцер.**

[29] *Антонович* **– ответственный работник ГПУ УССР, видимо, по отделу кадров.**

[30] *Данюшевский И.И.* **в 1923 – 1930-х гг. зам. зав. отделом социально-правовой охраны несовершеннолетних Наркомпроса РСФСР, заведовал также опытной станцией соц.-правовой охраны несовершеннолетних; с 1930 г. директор Научно-практического института спецшкол и детдомов.**

Активно поддерживал А.С. Макаренко, начиная с осени 1938 г. Тогда А.С. Макаренко выступил с докладом в указанном институте (см. часть 7 данного издания, с. 296 – 324). Стал одним из первых зачинателей освоения наследия А.С. Макаренко, в 1940 г.

А.С. Макаренко была «назначена встреча» в Наркомпросе РСФСР (по его просьбе): 20 сент. 1929 г., 10 часов (см. часть 1 данного издания, с. 157). Возможно, она не состоялась, т.к. на этот же день, 13 часов, была назначена его встреча с А.М. Горьким (см. там же).

[31] **Эта запись и все последующие, сделанные в конце этой записной книжки, относятся к сентябрю 1929 г. 20 сентября – первая встреча А.С. Макаренко с А.М. Горьким в Москве, в 13 часов. Она прошла в состоянии неопределенности (А.С. Макаренко: «так, на всякий случай», «сам не знаю, так»).**

Он показал А.М. Горькому свою «книгу», (по плану – 3 части, до 20 печ. листов, с «несколькими совершенно необходимыми теоретическими главами»), просил его дать «рекомендательную записку», для издания в Гос. изд-ве художественной литературы. (не в изд-ве «Народный учитель», так посоветовал А.М. Горький).

После получения от *П.П. Крючкова* **известия о направлении в ГИХЛ горьковской рекомендательной записки А.С. Макаренко намеревался послать туда первую часть книги. Название книги не упоминается, но это, несомненно, была первая часть будущей «Педагогической поэмы».**

А.М. Горький послал этот текст с «рекомендовательной запиской» не в ГИХЛ (из-за длительного отсутствия председателя правления этого издательства), а в изд-во «Земля и фабрика» (З и Ф). Получив извещение об этом, А.С. Макаренко в ноябре 1930 г. уведомил издательство, что он посылает текст посылкой. Но она не была получена издательством, хотя из издательства и был послан А.С. Макаренко вторичный запрос.

В Наркомпросе РСФСР и в московском наробразе А.С. Макаренко искал новое место работы (предлагались «коммуна для трудных» возле Болшева, рядом с Болшевской молодежной коммуной ГПУ, колония в Ирбите, на Урале и др.). Он был неудовлетворен работой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского: она похожа на «оранжерею», имеет черты привилегированного детского учреждения, отрывается от жизни страны.

(Этот недостаток был решительно преодолен в марте 1930 г., тогда началось развиваться коммунарское производство, возникла идея самоокупаемости коммуны и строительства завода. Но и позднее, в марте 1934 г. А.С. Макаренко говорил: «Здесь нет хорошей правды, врать не хочу», - см. часть 3 данного издания, с. 208).

Обо всем сказанном выше см. часть 2 данного издания, с. 154 – 160. К серьезной перемене в жизни и деятельности А.С. Макаренко подталкивала, видимо, Г.С. Салько, ставшая (еще неофициально) его женой.

Следующая его встреча с А.М. Горьким в Москве состоялась через 4 года, 21 сентября 1933 г. – см. далее в этой книге.

***Дополнения.* Из переписки по поводу издания «Марша 30 года» А.С. Макаренко.**

Из письма Павлова (зав. Массовым сектором Гос. изд-ва художественной литературы) А.М. Горькому 2 июля 1930 г.:

...Редактор нашего издательства тов. Черняк[1] передал мне, что Вы интересуетесь рукописью Макаренко «Марш 30 года» (о Харьковской коммуне им. Ф.Э. Дзержинского). Направляя при сем указанную рукопись для ознакомления, прошу не задерживать ее возврата в ГИХЛ на мое имя.

Из письма А.М. Горького из Сорренто А.Г. Халатову[2] 14 ноября 1931г.:

...Вы извините меня, но в области, наиболее знакомой мне, в ГИХЛе и Изогизе, Огиз работает все хуже и хуже, все больше небрежно и лениво. «Сборник беспризорников»[3], маленькая

книжка, печатается год, а в Англии уже давно вышли рассказы, вошедшие в этот сборник.

История с «Записками» А.С. Макаренко[4] о Харьковской колонии беспризорников – темна и загадочна. Почему книга, одобренная редакцией, не печатается уже более года? Почему на запросы автора ГИХЛ не отвечает?[5]

Из письма А. Митрофанова (редактора ГИХЛа) Г. А. Халатову 24 ноября 1931 г.:

...Рукопись Макаренко «Марш тридцатого года» задержалась потому, что ее потребовало ГПУ (для прочтения; в рукописи ведь говорится о коммуне беспризорных ГПУ и о некоторых деятелях этого учреждения). Павлов[6] несколько раз звонил товарищу, у которого была для прочтения рукопись, и, наконец, мы ее добыли.

Месяц тому назад я снесся с тов. Макаренко (через его товарища, приехавшего в Москву), заключил с ним договор и условился с ним о некоторых (весьма небольших) изменениях в рукописи, которые автор доверил сделать мне. Рукопись я теперь отредактировал и в декабре она будет сдана в набор[7].

Из письма А.М. Горького М. Кольцову[8], конец 1932 г.

...Очень рекомендую книжку «Марш 30 года», это описание Харьковской им. Дзержинского коммуны беспризорных. Коммуну эту я знаю, Макаренко – тоже, а поэтому и говорю: отличная книжка для отдыха души. И вам бы, молодой и хороший дядя, эту книжку прочитать да о коммуне написать...

Из письма А.М. Горького М.М. Авербаху[9], 16 января 1933 г.:

...Было бы тоже хорошо, если бы кто-нибудь написал красивую заметку о коммуне Дзержинского по книжкам: «Второе рождение», составленной бригадой «Комсомольской правды»[10], редактор – А. Броневой[11] из Харькова, и по Макаренко «Марш 30 года», изданному ГИХЛом. Очень веселая книжка...

Макаренко. Альманах, №2. – М., 2011 / глав. ред. А.М. Кушнир, сост. С.С. Невская, с. 18, 19, 21.

Книга–очерк «Марш 30 года» вышла в свет отдельным изданием осенью 1932 г. в Гос. изд-ве художественной литературы (редактор Ю.Б. Лукин). Книгу А.М. Горький получил в декабре 1932 г. Ее фрагменты, историю создания см. в части 2 данного издания, с. 224 – 241.

[1] *Черняк Я.З.* **– литературовед, член Союза советских писателей. Его рецензия (составленная, несомненно, при консультации с педагогом-специалистом) стала серьезным препятствием к публикации произведения. Под ее влиянием редакцией была сведена к минимуму полемическая направленность книги, критика «соцвоса», оставлены лишь некоторые теоретические обобщения – см. там же, с. 240 – 241.**

[2] *Халатов А.Б.* **– советский партийный и государственный деятель; в 1927 – 1933 гг. пред. правления Госиздата.**

[3] **Говорится о сборнике, составленном колонистами-горьковцами из их различных материалов; сост. П. Дроздюк (впоследствии журналист) и др. 9 ноября 1930 г. выпускник Большевской молодежной трудовой коммуны № 1 им. Г. Ягоды П. Железнов (поэт) и др. обратились к А.М. Горькому с просьбой об**

издании альманаха «Вчера и сегодня», с такого же рода материалами. А.М. Горький выдвинул ряд требований к этому сборнику, в тои числе обязательное участие в нем А.С. Макаренко.

Составители послали ему подготовленный материал в начале 1931 г., но ответа не последовало: это противоречило его педагогическому принципу «не ворошить прошлое» бывших беспризорных и несовершеннолетних правонарушителей; это было время создания в коммуне дзержинцев своего завода; А.С. Макаренко писал «Марш 30 года» - с осени 1930 г. до его конца. См.: Макаренко. Альманах. – М., 2011, №2, с. 18.

[4] Имеется в виду «Марш 30 года».

[5] Эти «запросы» А.С. Макаренко, тексты, неизвестны исследователям.

[6] *Павлов* **– член правления ГИХЛ.**

[7] «Марш 30 года» подписан к печати в сентябре 1932 г.

[8] *Кольцов М.Е.* **– советский писатель, журналист, общественный деятель.**

[9] *Авербах М.М.* **– литературный критик, тогда предс. Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП).**

[10] Сборник: «Второе рождение. Трудовая коммуна им. Ф.Э. Дзержинского, Харьков» - составлен и подготовлен бригадой «Комсомольской правды» в составе И. Бачелиса, С. Шаховского, Л. Гольдфарба, г. Харьков, сдан в набор 21 дек. 1932 г., напеч. – книж. фабрика Партиздата ЦК КП (б) У. С посвящением: «Славному боевому ГПУ - руководителю дзержинцев» - «Комсомольская правда».

О составе сборника – см. часть 2 данного издания, с. 363 – 378.

[11] *Броневой А.О.* **– зам. нач. экономического управления ГПУ УССР до 1936 г.; в 1930-х гг. предс. Комиссии по борьбе с детской беспризорностью харьковского облисполкома; с марта 1932 г. зам. предс. Правления коммуны, затем предс. Правления. Отмечен А.С. Макаренко в «группе четырех гэ»: четыре «бэ»: Балицкий, Блат, Броневой, Букшпан.**

Записи, подготовительный материал к роману «1950 год», сентябрь 1930 г. и 10 мая 1931 г.

Реплика контрреволюционера:

- Эта пятилетка будет очень дорого стоить. Сейчас ходим голышом, скоро и кожу нашу будут отправлять за границу.

- И кишки наши на струны.

Обыватель – ХИРК [далее слово неразборчиво]

Прикапики, кассир. На прилавке лежит только вялая цыбуля[1].

- А на другой день уже и цыбули нет, а только цирковая афиша, и лампочка мигает и мигает – подумайте, мигает.

Вот анекдот: показывает пятерню, потом свертывает кукиш и говорит: пятилетка в 4 года.

Реплика ультра-материалиста:

- Я все-таки думаю, что эта чепуха заставит десятки миллионов людей испытывать голод и унижение всяких очередей и поиски пищи. Из-за чего? Ведь это совсем не материализм, ведь это настоящий идеализм и при этом очень глупый.

Чем окупаются наши страдания? Для чего, в угоду кому? Только для будущего потребителя. Ведь дело идет здесь не о каком-либо другом идеале, а только о том, чтобы будущий потребитель имел достаточно материи себе на штаны, чтобы он мог жрать до отвалу. Для этого? Да? Стоит ли этот идеал моей жизни? И все-таки это просто идеал и при этом очень глупый.

14 сентября Ш. – студент–медик[2]. Ездили все студенты в колхоз где-то возле Чугуева на молотьбу. Колхозники сидят по домам, работают два-три «активиста» да несколько наемных. На поле стоит 80 копен ячменя.

16 / IX Весь мединститут поехал во главе с директором выбирать бураки в Кириновку.

16 / IX Наша лавочная комиссия пошла получать обещанную кем-то в правлении колбасу, предъявили бумажку.

Берет телефон:

- Что это вы пишите! Вы не знаете, что у нас в Донбассе?

Нашим он доверительно рассказывает:

- Приказ. Все до последнего лота отправлять в Донбасс. Объясните рабочим: надо поголодать, походить в рваном, потерпеть.

16 / IX Озрянский в литейной:

- Песку нет на шишки[3].

- А чего же вы не достаете?

- Да нужно бы поехать в Серп и Молот[4], узнать, где они достают.

- Да какого же черта вы сидите, поезжайте немедленно.

16 / IX Попов[5] говорит:

- Коган же не производственник. Разве он производственник!

- А кто же он?

- Спекулянт.

Попов обвиняет Когана в том, что он, выгадывая копейку, обманывает.

Вариков договаривается по 28 с пуда, а платит по 25. Теперь Вариков и по 40 коп не хочет ехать.

16 / IX Трудно понять землекопа:

- А чем будете платить? Чеками опять?

16 / IX В банках огромные очереди, денег никому не дают, даже в сберкассе.

В обывательских стенах:

Послал бог на Землю евангелиста Луку.

Он был арестован и дает телеграмму:

«Апрец в Чека. Евангелист Лука».

Та же история случилась и с Ильей.

Апрец и Илья.

Только посланный Моисей на божий запрос:

«В чем дело? Где ты?»

Отвечает:

«Жив – здоров. Нарком Петров».

16 / IX Опять попались: серия взаимных услуг – ботинки, немного масла, а за это для учреждения выгода.

Возможно, что Коган и в самом деле спекулянт. Он в никелировочной ставит мотор в 5 сил, от этого никелировка получается темной. Вообще барахольщик. Нашу продукцию только поэтому принимают, что другой нет. Производственник от демонализации.

16 / IX Мухи благодушествуют на солнечных бликах на столе.

Он танцует, грациозно раскорячив руки.

Она танцует, потрясая жиденьким задиком.

16 / IX Галя говорит: Пушкиненок. Громик.

Становятся обыватели в очередь, не зная даже, есть ли что-нибудь в магазине.

Она писательница и жена писателя. Ее фамилия Пионтке. Что она пишет, черт ее знает. Но она грамотнее районной «братвы» и благодаря этому в собственных глазах стоит высоко. И она, и он коммунисты. Он, должно быть, страшно развратен. Держит возле себя какого-то юношу и раздевает его и, наверное, что-нибудь ему позволяет. Ей не понравилась мать мужа, и она сказала ему: «Или я или она». А ему [далее неразборчиво].

18 / IX Над красивыми губами – злые, гордые, заплаканные глаза.

Это трогает только тех, кто уже «тронут».

Лицо города. Новый асфальт, пирамиды кирпичного щебня на широких дворцах церкви облепили двухэтажные и разные другие дома, с изувеченной лепкой и кое-где кирпичные кубы новых казарм.

18 / IX Приехал младший Шершнев. Он уже работает счетоводом в Фергане и опять туда едет. Там хорошо, близко контрабанда и все можно достать. А дома в селе будет руководить коллективом. Коллектив даже получил премию, но хлеба сдать не хватит – придется купить.

В других Сизах дело плохо. Много хлеба проросло в копнах.

По словам Шершнева, в Фергане узбеки плуги сбрасывали в речки. Лошади их боятся и вообще там не без Шайтана.

А он сам видел, как работали трактора, охраняемые кавалерией.

18 / IX «Раньше молодежь от покоя стремилась к подвигам, а теперь от подвигов ищет покоя и страшно хочет устроиться получше. Только об этом и думает»

Бюро ЛКСМУ не согласились на принятие сына Попова на рабфак. Я говорю:

- Мы приняли потому, что он сейчас рабочий и член профсоюза.

Потом:

- Да, это мы сделали ляпсус, что его в союз приняли. Хоть он и работает у нас три года, но отец…

- Но ведь и отец у нас работает два года. Правда, он имел лесопилку, но ведь и перед тем был рабочим.

- Ну, этого никто не знает, это дело темное.

18 / IX Предлагает тему для романа:

«Так как при постройке дома идут дожди, и рабочие мокнут, трудно их прикрыть, то нужно дом начинать с крыши. Последовательно догматически следуя этому совету, постепенно доходят до того, что сначала сшивают листы железа, а потом под них подводят стропила. Чтобы было им на чем держаться, делают специально стан и подставки.

Кирпич постепенно приклеивает стену. Много от этого неудобств и прорывов, но все-таки дом доводят до фундамента. А вот с фундаментом трудно. Нужно раскапывать всю землю и последний кирпич никак невозможно уложить. Дом, наконец, рушится.

Какой-то юрисконсульт из гор. Сталино:

- Теперь у нас с продовольствием хорошо. Только вот картошки много поперли. Все завалено. Улицы, переулки, площади, дворы, все гниет на дожде. Уже двойной гниющий запах. Везде дали телеграммы – прекратите посылку маршрутов. Но маршруты уже отправлены, а кроме того, говорят: «У нас распоряжение везти картошку. Что ваши телеграммы, пусть центр прикажет.

И прут и прут.

На общем собрании коммунаров вызвали Шейписа и Охрянского[6]. Почему грязно в квартирах?

- Разве у нас невероятная грязь. Ничего нет невероятного.

Все-таки им замечание объявили в приказе[7].

20 / IX Любочка, Весен, Григорович поступили на курсы подготовки в ФЗУ. Рады были – по 100 руб. стипендии. Но стипендии им уже 2 месяца не дают. А теперь их послали на бураки на 2 недели. Откуда-то на город стали налетать разные бумажки [далее неразборчиво].

Автобус у парка атакуется кричащими, ругающимися пассажирами. Он весь дрожит и скрипит. Переднее колесо подперто домкратом и шофер с чем-то возится.

22 / IX Семен[8] покупает в совхозе сало, но там требуют [далее неразборчиво].

При них же Семен звонит в коммуну, и из коммуны передают по телефону телефонограмму.

Приезжает на огромном грузовике заведующий совхозом Харго. У них в земле 120 десятин картофеля. Выбирать некому.

- Дайте ребят на несколько дней, крестьяне за деньги работать отказываются.

Я говорю, что копать мы будем, но жалко обуви.

- Мы плужком выберем, а вы только подбирайте. Мы вам дадим лапти. Можно пожить у нас в бараках несколько дней. И потом:

- Нет, о нескольких днях и говорить не приходится. Позвоните завтра. Может быть, на один день.

СБ[9] рассказывает, что в Киеве, совсем подавлены, в особенности встречными промфинпланами, которые часто представляют собой особую форму склоки.

22 / IX Барбаров[10] в письме к СБ пишет, что он должен сам организовать «встречный» промфинплан.

Кто-то в письме из С. пишет, что там «сливизация», т.е. уничтожаются все фруктовые деревья и оставляют только сливы. Автор говорит, что это он тоже не способен понять высшую математику.

У одного их ЦРКА в Харькове большая толпа. Сдавили друг друга и все над головами поднимали [фраза не закончена]

Попов собирается уходить, потому, говорит, что его травят, в особенности в деле приема детей на рабфак.

В этом же письме к СБ фраза:

- Как это можно жить у моря и не видеть рыбы!

23 / IX Целый вечер дразнили Терского. Он говорит:

- Я тебе плачу половину своего жалованья. Едь работать в колхоз. Но если ты поедешь и будешь пищать, я тебе набью морду.

- Кретинизм во всех этих разглагольствованиях.

- Ты знаешь, что такое естественная ответственность?

Терский рассказывает, что в Севастополе на пристани грузин по очереди вынимал из ящиков фрукты, разбивая ящик предварительно о землю. По его словам, это противоречит моим положениям о естественной ответственности.

23 / IX Прошу накормить ребенка.

25 / IX Левка[11] был на хлебозаготовках.

26 / IX Телеграмма Когану.

По улице везут бочку с керосином.

2 мая 1931. Вечер халтуры. Оля-кухарка.

10 мая 1931 г. Снова старые конфликты. Котляр несколько дегенеративный мальчик, крал все время. Общее собрание, несмотря на мое сопротивление, постановило уволить. Ребята предъявляют довод: опять все нужно прятать, боятся воров.

Это, конечно, имеет гораздо большое значение, чем кажется.

Но главное не это. Главное – это все тот же непонятный для всех пункт воспитания целого коллектива. Стародевическая педагогика кричит: мальчик исправим, его нужно держать.

Логика [приоритета] мальчика, а не логика коллектива. Почему у нас нет массовой логики, логики больших цифр, оптимальной логики кадров?

Тема. Проститутка, попавшая в хороший детский дом, в коллективе воспитательном[12].

Положение. Три шишельника. В бухгалтерии просят показать дневные рапорты за месяц. Им дают на просмотр, и они в них переправляют число шишек: 100 на 400 и т.д.

Пацанам этим лет по 13. В бухгалтерии выплачивают.

Положение. Квартира Гали. Вещи для каких-то приятелей сначала заперли, запечатали, потом взломали замки, вещи вытащили в какой-то сарай, все это без ее присутствия.

Пошла жаловаться прокурору и сама знает, что это безнадежно. Даже при сочувствии прокурора все это потонет в общем море завирательных идей, шкурничества, чисто турецкой развязности и беззакония.

Анекдот. Я видел фокус. В руке яйцо, дунул – цыпленок. Затем дунул – яйцо.

Я видел лучше: в руке говно, дунул – председатель треста.

А теперь: в руке председатель треста, дунул – говно.

Целая шайка воров в коммуне. Главный – Жуков. У него карманы и тумбочки набиты грязными, мятыми кошельками. В кошельках мелочь и вырезки голых женщин из «Мужчины и женщины». Все это «доставали» по базарам и в трамваях. Засыпались, их проводили в милицию, они отдавали там деньги, а к вечеру их выпускали. Они ходили в коммунарской форме, но им верили, что форма краденная.

Случайно узнаю об их похождениях.

Серкевый знал об их похождениях, на него главным образом и накинулось общее собрание. Говорили такие речи:

- Что ты улыбаешься, как балерины. Ты опозоренный человек. Ты должен плакать сейчас и стыдиться.

- Товарищи, что говорить о тех сявках. Нужно говорить о *Сучкевиче*. Это изменник. Он продал свою коммунарскую честь мелким уличным сявкам и продал очень дешево, за конфеты и кино.

- А кто с тобой будет разговаривать в коммуне? Тебя купили за конфетные бумажки. Вечером комиссия пяти[13] сидит до часу ночи. Перед нею сидит растрепанный Сучкевич. Он уже не улыбается и у него заплаканные глаза.

На другой день *Акимов* идет искать *Жукова*, чтобы отнять у него унесенное пальто. Для чисто мускульной поддержки он берет с собой *Грушева*. Жукова они встречают у какого-то притона и говорят ему просто:

- Снимай.

Жуков молча снимает и отдает, а Грушев молча смотрит.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 21. Записная книжка, автограф А.С. Макаренко. На с. 3 его автограф: «Материалы к роману «1950 год». Вырван небольшой блок первых листов. На л.1 зачеркнута нумерация: 2901 – 2960. Начата новая нумерация: 373 – 432. Эта нумерация в данной публикации опущена. 22 лл., с об.

На л.2 автограф А.С. Макаренко:

1 отряд – 5-я спальня.

Бригада токарей: Ермоленко II, Певень II, Вовченко, музык., Дорошенко – 16, помком. Куксов – 16

Бригада слесарей: Фомичев – 11 ком., Боярчук – 16, Юдин – 11, Каллуновский – 11, Клюшник – 11, Агеев И. – 11, Пащенко – 16, Скребнев – 16, Долинный II

Кузница

2 отряд – 7 спальня

Токари: Кравченко, Редько, Назаренко, Орлов, Шатаев

Слесари: Токаренко, Землянский, Харченко, Анисимов, Панов, Луций, Ярошенко, Ильюшечкин

Кузница Сычев

О романе «1950 год» в наследии А.С. Макаренко более ничего не находится, кроме этого материала, поэтому трудно даже что-то предположить о его замысле.

Можно сказать, что задумано столкновение социально-экономических трудностей, морально-психологической атмосферы 1930-х годов – и далекой перспективы – 1950 год, когда вполне могут обозначиться результаты происходящих в стране преобразований.

20 лет – это и время созревания нового поколения. Роман задуман, видимо, в жанре фантастического романа, что для творчества А.С. Макаренко не характерно.

Но это хорошо показывает огромное значение оптимистической устремленности его социально-педагогических взглядов и опыта в будущее – при неразрывной связи с суровыми реалиями современности, с борьбой за это будущее. Здесь можно видеть проблематику задуманного А.С. Макаренко в кон. 1928 – нач. 1929 гг. большого автобиографического романа – см. часть 1 данного издания, с. 319 – 327. См. также далее – замысел романа «Пути поколения» - часть 7, с. 177, 201 – 204.

Обнаруживается и вторая специфическая черта его педагогики – органическая связь жизни взрослых и детей, общность условий их жизни, судьбы и воспитания в условиях коренной перестройки материальных и духовных основ общества.

[1] Лук (укр. яз.)

[2] Имеется в виду, видимо, *Шершнев Н.Ф.***, воспитанник колонии им. М. Горького с 14 марта 1921 г., студент. Окончил Харьковский медицинский институт в 1930 г., Работал врачом в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. До этого был фельдшером в колонии им. М. Горького фельдшером в летнее каникулярное время. В «Педагогической поэме», «ФД-1» и «Флагах на башнях» Н. Вершнев.**

[3] Изделие из песка, необходимое при отливе предмета из металла (тогда в коммуне – из меди кроватных углов и масленок Штауфера).

[4] Харьковский металлургический завод.

[5] Один из работников коммунарского производства.

[6] Служащие коммуны.

[7] Работающие в коммуне взрослые (часть их жила на ее территории), составляя единый с воспитанниками трудовой коллектив, должны были соблюдать в своих помещениях и на коммунарской территории необходимый бытовой и санитарно-гигиенический порядок. Решения совета командиров коммуны были обязательны и для взрослых, касались не только производства, но и быта.

[8] Имеется в виду, видимо, *С.А. Калабалин***, воспитанник колонии им. М. Горького с 9 марта 1921 г.; после учебы в институте физрук в колонии горьковцев, коммуне дзержинцев. В «Педагогической поэме» и «Марше 30 года» С. Карабанов.**

В Великую Отечественную войну проявил мужество и героизм в военной разведке и контрразведке, награжден орденом Отечественной войны. До конца жизни - заведующий детскими домами.

[9] Говорится о С.Б. Когане.

[10] *Барбаров П.Н.* **– политрук коммуны с сентября 1930 г., затем зам. зав. коммуной по политчасти по январь 1932 г. В «Марше 30 года» Варваров, «молодой и кучерявый».**

[11] Говорится о Л.М. Салько.

[12] Тема, нашедшая отражение во «Флагах на башнях» (Ванда Стадницкая).

[13] Имеется в виду «следственная комиссия», создаваемая по поводу серьезных проступков, правонарушителей; в ее состав входили воспитанники и сотрудники коммуны, педагоги.

Дополнения. *Лилин Т. Харьков. Фабрика нового человека // газ. «Правда», орган Центрального комитета и МК ВКП (б). – М., 3 января 1932 г. В изложении:* **Общий сбор собрания коммуны, по трубному сигналу, с оркестром. Он недавно получил первую премию на харьковском конкурсе духовых оркестров. Зачитывается открытое письмо Деткомиссии ВЦИК детской коммуне им. Ф.Э. Дзержинского: о чекистах и коллективе коммуны дзержинцев, это «дети Феликса».**

Коммуна работает без воспитателей, они были лишь первые 2 года. 212 мальчиков и 34 девочки. 61 % из них имеют «уличный стаж».

Школа: начальная группа, 2 младших подготовительных к рабфаку группы, 2 старших подготовительных к рабфаку группы, 2 первых курса рабфака, 1 – первый курс рабфака, 1 – третий курс[1].

Производство: арматурный цех, деревообделочный, швейный. 24 отряда, организованы по производственному принципу. Центр управления: руководитель коммуны, воля общего собрания; исполнительный орган – совет командиров. Политический руководитель – комсомольская организация. 131 комсомолец, 91 пионер – ядро коммуны. В октябре – ноябре принят 71 новенький [воспитанник].

В 1-м квартале промфинплан выполнен на 103 %, во 2-м – 143, в третьем – 101.

За 11 месяцев 1931 г. коммуна дала чистой прибыли 373.694 руб. Средний заработок коммунаров – 60 руб. в месяц. 35 руб. идет на содержание коммуны; 7 руб. 75 коп. – в фонд совета командиров; половина остатка (11 руб. 12 коп.) поступает в сберкассу на личную сберкнижку; остаток – на карманные расходы (11 руб. 62 коп.).

Всего внесено в сберкассу около 7 тыс. руб. На заем «Пятилетка» подписка составила 3.886 руб. На «Третий решающий» - 10 тыс. 200 руб.

Личные карманные деньги идут на покупку воспитанниками радиоаппаратуры, физкультурных принадлежностей, выписку газет и журналов, красивые шарфы, перчатки; у малышей – на сладости.

Оплата своего содержания – меньше фактических расходов. В 1928 г. на одного коммунара тратилось 48 руб. в месяц; в 1931 г. – 84 руб.

На стене плакат: «Нам нужны командирские и инженерно-технические силы... Политика рабочего класса...»

29 декабря коммуна празднует свое 4-летие[2], будет пущен завод электросверл. Постройка его и все оборудование – это 1,5 миллиарда рублей. «и эти деньги дала коммуна» - говорят коммунары. «Хватит кустарщины; с 1 января переходим к заводу».

[1] Вечерний рабфак Харьковского машиностроительного института открыт по постановлению правительства УССР 15 сентября 1930 г., на базе начальных классов школы коммуны. «Это сообщало коммуне характер серьезного политехнически-гармонированного учебно-производственного комбината и открывало большие перспективы в поисках нового, более совершенного производства» - Макаренко А.С. Пед. соч. в 8 т. – М., т. 1, с. 160.

[2] Статья написана в преддверии этой даты, т.е. примерно в середине декабря 1931 г. Это первая публикация о деятельности А.С. Макаренко в центральной советской периодической печати.

Относящуюся к сентябрю 1932 г. развернутую макаренковскую характеристику коммуны (особенно в аспекте ее финансово-хозяйственной деятельности) см. в части 2 данного издания, с. 346 – 352. Это первая публикация А.С. Макаренко в украинской центральной педагогической печати (ж. «Коммунистична освита», орган Наркомпроса УССР, 1932 г., № 10, укр. яз.).

Четырехлетие коммуны им. Дзержинского ознаменовано пуском первого в Союзе завода электросверлилок // «Пролетарий», орган Центрального комитета КП (б) У, УССР. – Харьков, 10 января 1932 г., автор «Г.Г.». **В изложении:**

Коммуна превращается в кузницу пролетарских кадров. Зав. Трудкоммуной говорит: «Я, учитель, в жизни своей не предполагал, что может быть развита такая огромная плодотворная работа».

В течение 5 месяцев – выросли 2 огромных корпуса, построен прекрасный завод. 299 коммунаров, воспитанников. Социалистическая система в беспризорности как социальном явлении – немыслимо.

Коммуна не знает отсева. Лишь 9 воспитанников ушли из нее, в силу разных обстоятельств.

Начальнику коммуны. Помначкоммуны
по педагогической части А.С. Макаренко

Рапорт

19 ноября я уже заявил сам жалобу на поведение уполномоченного ВЦСПС т. Козакова во время посещения коммуны норвежской делегацией 18 ноября. Настоящим подробно доношу Вам об этом и одновременно отвечаю на вопросы, предложенные Вами вчера по поводу этой же истории.

За время работы моей в коммуне имени Дзержинского и еще раньше, во время заведования колонией имени М. Горького, всего за время с 1925 по 1932 год мною было принято несколько сот иностранных делегаций, большею частью рабочих. Не

было ни одного случая, чтобы делегация, уходя, не была довольна и коммуной и, в частности, моим приемом и объяснениями, почти всегда делегация благодарит меня и за прием и даже за работу.

Тем более незаслуженным я считаю выпады и оскорбления, которые сопровождали прибытие в коммуну товарища Козакова. Я до сих пор, собственно говоря, не могу даже понять, в чем дело и почему захотелось т. Козакову поднять скандал.

Делегация прибыла в коммуну в выходной день, когда почти все коммунары были в отпуску. Как Вам известно, мы разослали всем, кому нужно, письма с просьбой не привозить к нам делегаций в выходной день. И для нас и для делегации это во всех отношениях невыгодно: нет коммунаров, с которыми делегаты могли бы побеседовать, нельзя наблюдать коммунаров за работой или в школе, в коммуне в выходной день не бывает так чисто, наконец, таким образом, мы лишаем коммунаров возможности отдохнуть, ибо почти каждый выходной день вторгаемся к ним в спальни в то время, когда они имеют возможность и полежать и раздеться. В особенности это смущает девочек[1]. Дело в том, что у нас не бывает почти ни одного дня, в том числе и выходного, без посетителей.

Во всяком случае, если прибывающая делегация имеет особое значение, часто важное и для нашей воспитательной работы, нас предупреждают накануне, и в таком случае мы оставляем специальный отряд коммунаров для приема гостей, а иногда оставляем и всех коммунаров или оркестр для маленького концерта.

Такого предупреждения не было сделано в данном случае, и я имел основание быть этим недоволен и упрекнуть руководителей делегации, нисколько не относя, конечно, своего недовольства к самой делегации и имея в виду прежде пользу для дела.

Делегацию я принял лично в присутствии тов. Шведа[2], секретаря нашего комсомольского коллектива. Я вошел в главное здание коммуны непосредственно вслед за делегацией. Всех гостей было, вероятно, человек 20. Они вошли в здание не только в галошах, но в галошах, облепленных снегом. Просьбу коммунара-дневального снять галоши они не исполнили[3]. Если его просьбы не поняли иностранцы, то должны были понять наши. Я сказал товарищу (переводчику):

— Попросите товарищей снять галоши.

Вы задали мне вопрос, почему я погнал гостей вниз снимать галоши? Дело происходило на первом этаже и никуда вниз спускаться было не нужно, вестибюль находится рядом. Я считаю, что я поступил правильно, предложив снять галоши, так как самим гостям, вероятно, было бы неловко, если бы они оставили на полу целые лужи воды. Все-таки несколько человек не очистили ноги от снега, и я действительно сказал т. Горну, что напрасно он боится обратить на это внимание, но это я сказал русскому в полной уверенности, что иностранцы нас не понимают.

Как всегда, прием гостей у нас начинается беседой. В данном случае беседа не отличалась от обычных бесед с другими делегациями. Я рассказал о составе коммуны, о работе коммунаров на заводе, о работе самоуправления, о зарплате, описал рабочий день, одним словом, все то, что обычно рассказывал всем делегациям. Обыкновенно бывает, что в своем рассказе я подаю только «скелет» описания коммуны, рассчитывая на вопросы.

Разным делегациям требуется разные. Некоторые интересуются заводом, другие самоуправлением, многие отношением девочек и мальчиков. Все это выясняется только в перекрестной беседе, в вопросах.

Вы меня спросили, почему мой рассказ был сухим? Я не могу это сказать, но особенными ораторским способностями я и не обладаю, да кроме того, у меня уже образовалась привычка говорить не делегатам, а собственно говоря, переводчику, и какие-нибудь особые ораторские приемы здесь и не нужны.

Я рассказывал минут десять, потом предложил задавать вопросы. Вопросов не последовало. Я еще кое-что добавил, и опять предложил задавать вопросы, и сно-

ва никто ни одного вопроса не задал. Тов. Козаков в этот момент как раз сказал, что нужно устроить новую беседу после осмотра. Мы так никогда не делаем, так как это, во-первых, не удается: осмотрев завод, делегаты выходят прямо во двор и прощаются. Во-вторых, это и не нужно, так как на дополнительные вопросы мы всегда отвечаем во время обхода. Я в таком смысле и ответил Козакову, ответил, конечно, вполне вежливо, ибо не имел никаких оснований ни для резкости, ни для грубости. Козаков так же вежливо сказал — «хорошо».

Так как вопросов, очевидно, ожидать было нечего, я познакомил делегатов с Шведом, и попросил его показать коммуну. Я лично не мог идти с делегацией, так как был в одном сапоге, у меня болела нога, Вы об этом знаете. Все ушли.

Но через десять минут от тов. Козакова поступила претензия, которая, прежде всего, удивила меня своим непривычно заносчивым и вызывающим тоном. Я не помню буквально слов, но в общем тов. Козаков заявил, что мы не умеем принимать рабочие делегации, что такие делегации бывают раз в год, что это непозволительное отношение и прочее. Я с трудом понял, что все дело в том, что Швед, показывая спальню или класс, не давал объяснений, а просто говорил: это спальня, это столовая.

Я по совести и теперь удивляюсь этой претензии и тогда удивился, об этом и сказал Козакову:

— Да ведь у нас не музей.

В самом деле: что можно объяснять в классе, в котором есть столы, стулья, доска, или в столовой, в которой ничего нет, кроме обыкновенного оборудования столовой. Показывание столовой, класса, спальни имеет значение именно без всяких объяснений, так как здесь без слов совершенно очевидны и чистота, и забота о детях, а больше показывать там и нечего. Почему я не понял и теперь не понимаю претензий Козакова.

И на другой день, и на третий день у нас были рабочие делегации, и им так же без всяких объяснений показывали помещения коммунаров, и они остались очень благодарны, чему и Вы были свидетелем. Только в музее, где выставлены разнообразные специальные экспонаты, нужно о каждом из них говорить — объяснять, этот смысл и имело мое замечание тов. Козлову, что у нас не музей.

После осмотра завода, на котором, конечно, давались Шведом и объяснения, тов. Козаков вместе с частью делегации снова зашел в кабинет. Делегаты расписывались в книжке, а Козаков кричал на меня и Шведа:

— На черта ваш завод и ваши сверлилки, нужно было показать методы перевоспитания[4].

Он настолько собой не владел, что совершенно забыл, что он скандалит в присутствии иностранцев. Когда он узнал, что я беспартийный, он дал себе уже полную волю и грозил, что он со мной расправится, поговорит со мной в другом месте, что я администратор без мозгов, что если бы я был партийным, то я читал бы товарища Сталина и знал бы, как нужно относиться к рабочим делегациям.

Чтобы не заводить ссоры при делегатах, я почти не отвечал Козакову и несколько раз только просил его прекратить разговор. На это он кричал, что он говорит не со мной, а с секретарем комсомольского коллектива.

Я и до сих пор не могу понять, чего хотелось товарищу Козакову. По его мнению, нужно было рассказывать о каких-то особенных педагогических фокусах советского воспитания, в то время, когда весь наш метод и заключается в работе и хозяйствовании на заводе, в упорядоченном быте, в самоуправлении, в работе комсомола. Всего этого Козаков не заметил, сорвал своим криком все настроение и у меня и у делегатов, оскорбил меня.

Метод показывания коммуны за пять лет у нас совершенно выработан и оправдан на опыте. Если Козаков хотел навязать какой-то свой, то это нужно было делать не простым криком, а как-то иначе.

Я работаю, как Вам известно, по 14-16 часов в сутки, не имею выходных дней, значительную часть этой работы отдаю делегациям. В создании и развитии коммуны я вложил много сил, и все достижения коммуны в некоторой части обязаны своим происхождением и мне. Поэтому я полагал бы, что даже московский уполномоченный может обращаться со мной с большим уважением и не разоряться[5] в коммуне и надо мной, как завоеватель в неприятельском лагере, при этом без всяких оснований.

В заключении отмечаю, что норвежская делегация, прибывшая с Козаковым, была вообще чрезвычайно пассивна, не задала ни одного вопроса и не проявила никакого интереса.

Помначкоммунны А. Макаренко
25 ноября 1932 г.

Воспитание гражданина в педагогике А.С. Макаренко. В 2 частях / авт., примеч., ред. – сост. С.С. Невская. – М., 2006, с. 693 – 696.

А.С. Макаренко стал пом. начальника коммуны по педагогической (учебно-воспитательной) части 15 апреля 1932 г. И.о. нач. коммуны стал Максимов, затем нач. коммуны И.Судаков (с 1933 г. – Тепер, далее Марусинов, Тихонов, Берман).

В управлении коммуной появился административный «уклон»: решения совета командиров и общего собрания вступали в действие после утверждения начальником коммуны; в случае разногласий требовалась апелляция к правлению коммуны (А.С. Макаренко до этого был заведующим коммуной).

Эта реорганизация управления вызвана выходом коммунарского завода электроинструментов на полную производственную мощность, его переходом на хозрасчет и проектированием завода фотоаппаратуры. А.С. Макаренко уже не мог педагогически целенаправленно руководить производственно-хозяйственной деятельностью коммуны, этим основным направлением воспитательного процесса (наряду с учебно-образовательным процессом).

Уже летом 1932 г. он увидел в своем социально-педагогическом опыте опасную тенденцию: педагогически неоправданное расширение производства ведет к тому, что «коммуна теряет и свое воспитательное значение, и свою воспитательную силу» (часть 2 данного издания, с. 340). Число инженерно-технического и управленческого персонала, квалифицированных рабочих и мастеров стало, постепенно значительно превышать численность коммунаров-воспитанников.

В августе 1932 г. он писал М.М. Букшпану: «...Очевидно, моя роль в коммуне просто закончена... Какое я имею право похерить всю свою работу... и обратиться в надзирателя, в «помощника» случайных меняющихся людей...?... По возвращению из отпуска коммунаров буду просить об увольнении по семейным обстоятельствам. Где-нибудь найду новую работу,...мне бы хотелось в Крыму, этого требует здоровье моей жены».

М.М. Букшпан – И.П. Судакову: «...Макаренко хочет уходить. Сейчас его отпускать нельзя. Нужно подобрать соответствующую замену, нужно тебе освоиться. Пока нужно создать ему максимум условий для работы, а если он будет настаивать – отпустить» (часть 2 данного издания, с. 341 – 341).

В октябре 1932 г. А.С. Макаренко писал А.М. Горькому: «В коммуне меня ценят и любят, хорошо платят... Правда, и здесь мне не дают полной свободы творчества, и здесь находятся охотники потребить то, что добыто огромным моим напряжением, но ведь от этого нигде не избавишься» (там же, с. 344).

[1] Примечательный факт: забота А.С. Макаренко прежде всего о детях и их воспитании, его сопротивление «показухе».

[2] *Швед А.Н.* **(Суля) – в коммуне с 1929 г., выпущен в августе 1933 г., характеристику см. в части 3, с. 116. В пьесе «Мажор» М. Шведов. Окончил педагогический институт, был начальником Новосибирского детприемника, методистом Новосибирского института усовершенствования учителей. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной Звезды, значком «Отличник народного просвещения РСФСР».**

Другой примечательный факт, традиция коммуны: посетителям ее показывает не только заведующий, но и ответственный в самоуправлении воспитанник (представители единого коллектива взрослых и детей, хозяева).

[3] Традиция коммуны: дежурный коммунар-дневальный на входе в главное здание коммуны (и у вешалки-раздевалки) должен был следить за вытиранием обуви на коврике при входе, поддерживая чистоту в здании и вызывая у входящих, «невзирая на лица», уважение гостей к хозяевам, коллективу.

[4] Это «разговор на разных языках» в педагогике: нужны «перевоспитание», «перековка», нечто искусственное, насильственное – и воспитание естественное, нормальными условиями жизни трудящихся.

[5] «Разоряться» - т.е. выходить из себя, браниться, ругаться (в просторечии).

Письмо Г.С. Салько, 29 ноября 1932 г.

29 ноября 1932

Лисичка.

От тебя два дня писем нет, забыла? Или опять в Севастополе? Или уж так увлеклась кем-нибудь, что рука не поднимается писать Макаренку?...

Вчера поставили печку и уже топим, но пользы большой от этого как будто нет.

В коммуне все по-прежнему, коммуны нет[1], есть моя проклятая работа, больше ничего не вижу. Хочу страшно быть с тобой, а там будет видно. Вообще у меня сумбур, распространяться не буду…

Если ты приедешь 27, то я как-нибудь переживу эти пустые дни…

Ну, хорошо, давай скорее телеграмму, когда приедешь, а то уж очень трудно, трудно.

Будь радостна.

Твой А

Сейчас получил твое письмо от 17 – XI. Значит, все-таки едешь? Жду, жду. Смотри только в дороге будь осторожна, не простудись смотри. Смотри же!

Будь здорова.

Переписка А.С. Макаренко с женой. Т. 2. – М., 1994, с. 189 – 190.

[1] Не стало самоуправляющегося единого трудового коллектива детей и взрослых, «воспитательного коллектива». В управле-

нии коммуной стали преобладать функции администрации. И это – когда есть производительный труд и успешно развивающееся, современное производство. Самоуправление стало ограничиваться «детским коллективом», отстраняться от вопросов управления производственно-хозяйственной деятельностью. Ослабли морально-нравственные основы управления трудовым коллективом коммуны.

Расширение числа взрослых в едином трудовом коллективе коммуны привело к необходимости увеличения численности воспитанников, доведения ее в 1933 г. до 360 человек, в 1934 – 1935 гг. до 400 и 500, с приемом новых коммунаров большими группами (и при периодических выпусках).

Уже в феврале 1933 г. в коллективе коммунаров появились признаки дезорганизации, серьезные нарушения дисциплины, - см. часть 3 данного издания, с. 84 – 96. Но А.С. Макаренко удается и далее, с большим трудом поддерживать необходимый уровень воспитания, сохранять и развивать традиции коммуны.

Дополнения. *Из письма Г.С. Салько С.А. Калабалину, 8 декабря 1932г.*

...Когда Вы были в Харькове, Вы, вероятно, заметили, что Антон скверно выглядит и сильно переутомлен. А сейчас он с великим трудом работает. Конечно, только очень редко от него услышишь жалобу, но недавно вечером он мне сказал: «Меня надолго не хватит, тут меня потребят до конца»... Я думаю, что никто как Вы, понимает это и без слов... Да вдобавок еще и материально очень тяжело, честное слово, сейчас просто нечем его кормить...

Если бы Антона освободить от каторги в коммуне, то он литературной работой без всякой гонки заработал бы на пропитание и пожил бы, наконец, человеческой жизнью: мог бы читать книги, иметь, хоть иногда, как говорят, «свободную душу». Пора уж ему, ведь правда?

А тут случилось одно обстоятельство, которое, на мой взгляд, если умело повернуть и если Вы поможете, то можно будет Антона избавить от этой, действительно, каторги.

27-го Антон получил от Горького письмо следующего содержания...[1] Прочла я это письмо и подумала: что бы стоило этому самому Максиму одолжить Антону 2 – 3 тысячи рублей, ведь вот просто...

Макаренко. Альманах / гл. ред. А.М. Кушнир, сост. С.С. Невская. – М., 2011, № 2, с. 21 – 22.

[1] Далее дается содержание письма А.М. Горького 17 декабря 1932 г.:

Дорогой Антон Семенович, вчера прочитал Вашу книжку «Марш 30-го года». Читал – с волнением и радостью. Вы очень хорошо изобразили коммуну и коммунаров. На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. Я искренне поздравляю с этой книгой. Вероятно, напишу немного о ней...

Макаренко А.С. Пед. соч. в 8 т., т. 1. – М., 1983, с. 253.

Из письма А.М. Горького П.П. Крючкову, 28 января 1933 г. **(отклик на письмо С.А. Калабалина):**

...Очень прошу Вас перевести в Харьков – деткоммуне имени Дзержинского Антону Семеновичу Макаренко 5 тысяч рублей. Макаренко болен, ему нужно ехать в Гагры, лечиться и работать над книгой о воспитании беспризорных. Его «Марш 30-го года» очень хорошо написан. Выслав деньги – телеграфируйте мне. А Пешков.

Из письма А.М. Горького А.С. Макаренко, 30 января 1933 г.:

...Стороною я узнал, что Вы начинаете уставать... Огромнейшего значения и поразительно удачный педагогический эксперимент Вам имеет мировое значение... Поезжайте куда-нибудь в теплые места и пишите книгу, дорогой друг. Я просил, чтобы из Москвы Вам выслали денег...

Из письма П.П. Крючкова А.М. Горькому, 16 февраля 1933 г.:

...Перевести Макаренко через банк или почтой сумму, указанную Вами, очень трудно. Послал Макаренко в Харьков две телеграммы, но ответа до сих пор нет. Завтра посылаю срочное письмо.

Из письма А.М. Горького П.П. Крючкову 25 февраля 1933 г.:

...Неужели Макаренко тяжело заболел? Это – обидно...

Макаренко. Альманах. – М., 2011, № 2, с. 22.

(Будучи неосведомленным о предпринятой Г.С. Салько и С.А. Калабалиным денежной инициативе, А.С. Макаренко просил П.П. Крючкова разъяснить ряд «неудоменных вопросов»: О Гаграх, отпуске, книге – см. его обращение к П.П. Крючкову, письмо 16 февраля 1933 г., телеграмма 17 февраля, письмо 7 марта – в части 5 данного издания, с. 356 – 357. – А.Ф.)

Письмо П.П. Крючкову, 28 июля 1933 г.

Сочи, Маковская 9, лагерь коммуны им. Дзержинского, 28 июля 1933 г.

Дорогой Петр Петрович!

Деньги Алексея Максимовича, которые я получил от Вас, лежат у меня на моей совести, и я по-прежнему буквально падаю в этой каторжной работе и конца ей не вижу. День и ночь, без вечеров для отдыха, без выходных дней, часто без перерыва на обед, все это можно выносить, если работа дает результаты. Но время создания результатов уже минуло.

Совершенно исключительный коллектив коммунаров Дзержинского сейчас сделался предметом потребления в самых разнообразных формах: то для создания капитала, то для производственного эффекта, в порядке приложения разнообразного самодурства, то в виде неумных и вредных опытов. Вся моя энергия уходит на мелкие заплаты и нечеловеческие усилия сохранить хотя бы внешнюю стройность.

Вы не подумайте чего: я ни с кем не ссорюсь и все мною даже довольны. Но я больше не могу растрачивать себя на пустую работу, и у меня иссякают последние силы, а самое главное, я теряю последние надежды подытожить свой опыт и написать ту книгу, необходимость которой утверждает Алексей Максимович.

Я могу отсюда уйти, но меня тащат в новые коммуны, я сейчас не в силах за них бороться, я четырнадцать лет без отдыха, отпуска.

И вот я к Вам с поклоном: дайте мне работу в одном из Ваших издательств или нечто подобное. Мне нужно побывать среди культурней людей, среди книг, чтобы я мог восстановить свое человеческое лицо — а тут я могу просто запсиховать. Имейте в виду, что я человек очень работоспособный, и Вы будете мною довольны, тем более что и характер у меня хороший.

Я в начале сентября приеду в Москву, но очень прошу сейчас ответить, можете ли Вы мне помочь? Если не можете, буду искать других выходов.

Уважающий Вас.

А. Макаренко.

P.S. В Сочи буду с коммуной до 13 августа[1].

Макаренко. Альманах. – М., 2011, №2, с. 24 – 25.

[1] Летний отпуск – «поход» всей коммуной – совершался с 28 июля по 15 августа 1933 г. по маршруту: Харьков – Горький (по железной дороге) – Ульяновск, Сталинград (по Волге, на теплоходе) – Новороссийск (по железной дороге) – Сочи (летний палаточный лагерь в парке) – Севастополь (морем) – Харьков. В это время А.С. Макаренко продолжал работать над первой частью «Педагогической поэмы».

Письмо А.М. Горького А.С. Макаренко, 10 августа 1933 г.:

Дорогой Антон Семенович – не отвечал Вам, ожидая, когда получу возможность ответить конкретным предложением. Но покамест еще не вижу этой возможности и пишу только для того, чтоб Вы знали: Ваше письмо получено мной и о Вашем переводе в Москву я – забочусь.

Будьте здоровы!

А. Пешков.

Макаренко. Альманах. – М., 2011, № 2, с. 24.

Ответное письмо А.С. Макаренко А.М. Горькому, 25 августа 1933 г., см. в части 3 данного издания, с. 118.

Телеграмма П.П. Крючкову, 31 августа 1933 г.

Приеду третьего – Макаренко.

Макаренко. Альманах. – М., 2011, №2, с. 24.

А.С. Макаренко приехал в Москву 8 сентября 1933 г., был там 3 недели, продолжая работу над первой частью «Педагогической поэмы». Он передал ее А.М. Горькому 21 сентября (первые 6 глав, сделанных «начисто», остальные «в черновом виде», «в папках»).

По поводу работы А.С. Макаренко в издательстве, в Москве А.М. Горький сказал: с квартирой в Москве «очень трудно, очень трудно»; в издательстве «работой нагрузят», писать будет невозможно. А писать «очень нужно, очень нужно,... еще напишешь, заработаешь, а служить не надо».

А.М. Горький 26 сентября в письме А.С. Макаренко о «Педагогической поэме» дал ей очень хороший отзыв и решил: «рукопись надо издавать». Он поручил П.П. Крючкову «устроить издание книги» в изд-ве «Советская литература». А.С. Макаренко необходимо было закончить работу над рукописью.

О пребывании А.С. Макаренко в Москве до 26 сентября и далее см. в части 3 данного издания, с. 121 – 123, 127 – 129, 132 – 138.

«Педагогическая поэма» (1-я часть) начала печататься в редактируемом А.М. Горьким альманахе «Год XVII», книга 3 (указание выше издательство). Подписана к печати 7 декабря 1933 г., вышла в свет в феврале 1934 г. (см. там же, с. 201).

Предложение А.М. Горького издать первую часть «Педагогической поэмы» отдельной книгой и его требование к А.С. Мака-

ренко приступить к написанию второй части произведения – см. макаренковские письма П.П. Крючкову во второй половине марта и 14 апреля 1934 г. – в 5 части данного издания, с. 363 – 364.

Позднее А.С. Макаренко писал о своей нерешительности в литературной работе и о роли А.М. Горького: «Четыре года я сопротивлялся, отказывался писать... Тогда Алексей Максимович прислал мне перевод на 5 тысяч рублей с требованием немедленно идти в отпуск и засесть за книгу. В отпуск я не пошел (оставить работу я не мог), однако настойчивость Горького взяла, наконец, свое: педагог стал писателем» (часть 1 данного издания, с. 318).

Индивидуальный учет жизни, деятельности и развития воспитанников в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, картотека

Учетная карточка

В каком отряде состоит [воспитанник], год рождения, национальность, откуда прибыл, сведения о родных, долго ли был на улице, отношение к партии и профсоюзу, образование, специальность, прохождение медосмотра, № книжки сберкассы. «Элементы характеристики». «Автобиографические сведения».

Дата, движение по пребыванию и работе в коммуне, по школе, отрядам и работе, с №№ приказов.

Регистрационная карточка.

Кандидат или член коммуны. Когда прибыл, где живет (№ комнаты общежития), год рождения, образование, место рождения, социальное происхождение, родственники и их место жительства, труд в колонии, данные по беспризорности и судимости.

Место работы в колонии, с какого времени, должность, разряд, оклад, премии и поощрения. Членом каких органов самоуправления состоит, с какого времени. В каких кружках участвует, с какого времени. Проступки и взыскания.

Производственная учетная карточка.

Дата поступления на производство, цех, смена, продолжительность рабочего дня. Выбыл с производства, причина.

Пример*: Працан П.В.* Данные 1931 – 1935 гг.:

3.XI 1931 г. – столярная мастерская, ученик столяра.

I 1932 г. – литейный цех, обрубщик.

I 1932 г. – электрозавод, сборочный цех, сборщик, ученик слесаря, 150 руб.[2]

I 1933 г. – инструментальное производство, слесарь-инструктор, 100 руб.

1934 г. – фотозавод, сборочный цех, юстировщик, 4 разряд, 120 руб.

VIII 1935 г. – фотозавод, фотолаборатория, фотограф, 4 разряд, 100 руб.

Самоуправление: командир роты[3], с 1932 г. Кружки: фотокружок с 1935 г., кружок танцев с X 1935 г., литературный с 1934 г.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед.хр. 390. Наименование материалу дано А.А. Фроловым.

Отмечена последняя дата – октябрь 1935 г., когда А.С. Макаренко в коммуне уже не было. Но ясно, что этот материал он ранее подготовил, отражая официальные требования к учету и специфические черты его педагогической теории и практики.

Начало этому было положено, вероятно, осенью 1932 г., когда с помощью студентки-практикантки Е.П. Треневой налаживался систематический учет состава коммунаров и их развития. Тогда А.С. Макаренко составил «Программу работы учетного

отдела педагогической части трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского» (см. часть 3 данного издания, с. 35 – 36).

Тренева Е.П. **– работала в коммуне дзержинцев «педагогом по учету» и учителем русского языка и литературы на рабфаке с 1 сент. 1932 г. по 15 сент. 1933 г.**

Всесторонний учет происходящего в педагогическом процессе – существенный фактор успешности макаренковской теории и практики воспитания. Конкретные данные и направления этого учета см.: часть 2 данного издания, с. 39 – 40 и др. Индивидуальные характеристики колонистов, коммунаров и их развитие очень ярко представлены в художественно-педагогических произведениях А.С. Макаренко.

[1] *Працан П.В.* **– погиб во время войны СССР с белофиннами (1939 – нач. 1940 гг.).**

[2] **Указывается месячная зарплата (в среднем).**

[3] **Коммунарская организация по взводам и ротам (по возрасту, полу и росту) действовала во время ее выходов в город (на демонстрации и др.) и летних длительных дальних «походов» во время отпуска, школьных каникул.**

Постоянной она стала с осени 1934 г., когда стало невозможным последовательное применение производственного принципа комплектования «отрядов», усилилось значение производственных «бригад».

Дополнение. *«Нам партия дала путевку в радостную жизнь» // Комсомолец Донбасса, 24 авг. 1934 г.* **(Материалы о коммуне им. Ф.Э. Дзержинского), две стр.:**

Портрет Ф.Э. Дзержинского и «Дзержинский о детях».

Макаренко А.С. Такова наша история. (См. часть 3 данного издания, с. 253).

Зайцев В.[1]**, коммунар. Отрывок из поэмы «Дзержинец»: «...Семь великих лет коммуны...»**

*Бродский***, секретарь комсомольской организации коммуны. И всюду комсомольцы были первыми.**

Медведев С., **вожатый. Выросла наша пионерская организация. (2 отряда, 120 пионеров).**

Без автора: Их прошлое – улица, их настоящее – завод, институт. Сведения о выпускниках: Т. Таликов[2], В. Дорошенко[3], Н. Каплуновский[4], М. Пивень[5], А. Агеев[6]. Хорошие рабочие на заводе: А. Захожай[7], С. Мизяк[8], А. Гуляев, Л. Векслер, Н. Чуйко.

Сопин[9]**. Кузница писательских кадров. В коммуне своя типография, выпускается с 1934 г. газета-многотиражка «Дзержинец». Стенгазета «Резец» и др.**

Пащенко Н.[10] **Буду инженером.**

Редько[11]**. Был пастухом – батраком, стал квалифицированным рабочим.**

Русаков[12]**. Расту полезным человеком.**

*Андреев***. Шура – пример многим (говорится об А. Захожае).**

«Дзержинец». Растем в труде. Содержание: совещание начальников цехов, конструкторов, бригадиров, 80 чел., половина – коммунары. О выпуске электросверлилки «ФД-5», за июль надо было выпустить 900 штук, план выполнен, с использованием сверхурочных работ.

Мазуренко[13]**. Наша жизнь. О распорядке дня коммуны. Работа и учеба в 2 смены.**

Фотоиллюстрации. **Гриша Левченко, работа с напильником. Недавно его подобрали на вокзале.**

Шура Чевелий **– старый коммунар. Организатор и руководитель кружка кролиководов. За ударный труд премирован малокалиберной винтовкой.**

К. Борискина[14] **– командир группы обмотчиц якорей электросверл.**

Шура Захожай **– пример многим. Пропагандист комсомольского коллектива. Начальник шлифовального цеха завода.**

Игра в шахматы, в «тихом клубе». (Одновременно библиотека, читальный зал, - газеты, журналы; «Громкий клуб» - большой зал, для общих собраний, вечерних «рапортов», концертов, спектаклей – А.Ф.).

[1] *Зайцев В.Г.* **– впоследствии журналист, корреспондент и зав. отделом редакции газ. «Рыбный Мурманск», автор книги «Рассказы о Макаренко» (2 изд. в СССР, 1970-е гг.; 2 изд. в ГДР, 1980-е гг.).**

[2] *Таликов Т.* **– очень успешный секретарь совета командиров коммуны с мая 1929 г. В Типах и прототипах «Педагогической поэмы» Маликов Ваня (характеристики см. часть 1 данного издания, с. 342 и часть 3, с. 113). Окончил Харьковский машиностроительный институт, жил и работал в Харькове. Во время Великой Отечественной войны – офицер Военно-морского флота.**

[3] *Дорошенко В.* **– секретарь совета командиров с октября 1930 г. «Хороший поэт, в оркестре альт, в коллективе активист-комсомолец, на производстве прекрасный работник» (Второе рождение, с. 84). Макаренковская характеристика при выпуске – часть 3 данного издания, с. 115.**

[4] *Каплуновский Н.Л.* **– в коммуне с 1929 г., с 2-годичным «уличным стажем». С нач. 1931 г. член товарищеского суда коммуны (о работе тов. суда см. часть 2 данного издания, с. 278 – 279). Макаренковская характеристика при выпуске: часть 3 данного издания, с. 115.**

Окончил Вольское авиатехническое училище. В 1937 – 1941 гг. доброволец, участник освободительной войны китайского народа против японских империалистов, награжден медалью «За отвагу». В конце Великой Отечественной войны – старший инженер 5-го Берлинского дважды орденоносного полка. Награжден орденами Отечественной войны, Красной звезды.

[5] *Пивень* **– «уличный стаж» 4 года. «Он краса волейбольной команды, гордость велосипедистов, солист оркестра. Путь морского инженера сулит ему много хорошего» (Второе рождение, с. 85). Макаренковская характеристика при выпуске: часть 3 данного издания, с. 115.**

[6] *Агеев А.* **– «уличный стаж» полтора года. «...Чрезвычайно активен, несмотря на слабые организаторские способности. Огромная склонность к литературной работе, чрезвычайно много читает, очень любит дискутировать на литературные темы. Лучший сборщик на заводе. Председатель всех секций литературного кружка. Единственный коммунар, носящий очки, за что**

прозван «Гарри Ллойдом» (Второе рождение, с. 83. В части 3 данного издания, с. 116 – Агеев В., однофамилец или родственник).

[7] *Захожай А.Н.* **– «Черномазый, глаза сверкают, умное лицо. Добродушный. Передовик [в труде]. Замечательно бодрый, остроумный, всегда искрится шуткой. Хороший организатор... В школьных занятиях напора не чувствуется, его качества больше проявляются в работе на шлифовальном станке» (Второе рождение, с. 84). Макаренковская характеристика при выпуске: часть 3, с. 112. В произведениях А.С. Макаренко – Похожай, Захожай.**

Не пошел в машиностроительный институт, окончил юридический, работал по профессии. В Великую Отечественную войну в органах контрразведки. Награжден орденом Отечественной войны. Затем работал в Полтавской области адвокатом.

[8] *Мизяк С.М. и Н.М.* **– братья, в коммуне с сент. 1928 г. В коммуне работали токарем, слесарем, увлекались техническим творчеством. Окончили Ульяновское бронетанковое училище, затем в Дальневосточном военном округе, лейтенанты.**

В 1938 г. они участники боев против японских захватчиков на Халхин-Голе; Сергей в Кремле получил орден Красного Знамени; Николай – орден Красной Звезды. За участие в боях против японской Квантунской армии оба награждены орденом Красной Звезды.

С.М. Мизяк в 1947 г. закончил Академию бронетанковых войск, полковник. Позднее – в Харькове, зам. директора НИИ гигиены труда.

[9] *Сопин А.П. и И.П.,* **коммунары, братья. А.П. Сопин: окончил Харьковский юридический институт в марте 1939 г.; до 1941 г. член обл. суда в Казахстане, затем член военного трибунала стрелковой дивизии, участник боев под Москвой, майор. До 1966 г. в органах милиции Волынской области.**

И.П. Сопин: в колонии им. М. Горького в 1924 – 1928 гг., затем в коммуне. После выпуска работал в пищевой промышленности, окончил рабфак (заочно), затем Харьковский юридический институт, был прокурором Краснобаварского р-на г. Харькова. С 1941 г. красноармеец танковой бригады Юго-Западного фронта, потом старш. воен. следователь саперной бригады, затем стрелковой дивизии Сталинградского фронта. В 1942 – 1945 гг. в фашистском плену. В 1947 – 1966 гг. сотрудник Харьковского коллегии адвокатов.

Фото братьев (в групповом снимке) см. на первом форзаце части 8 данного издания, с. 47 – 48.

[10] *Пащенко Н.* **– в коммуне с 1929 г. Член бюро комсомольской организации. Один из сигналистов коммуны. «Побывал в 15 детдомах, но ничего подобного коммуне [им. Ф.Э. Дзержинского] не встречал. Главное, в чем разница, - это производство. Оно-то и закрепило меня в коммуне... Закончу ее если не инженером, то сознательным рабочим советской страны» (Второе рождение, с. 111).**

[11] *Редько* **– «В 1921 г. я начал путешествие по колониям, детгородкам, детдомам, оказался в коммуне [им. Ф.Э. Дзержинского]. До коммуны я ничего не умел делать, только пасти скот. В коммуне я начал учиться слесарному делу и сейчас за ударную**

работу правлением коммуны награжден малокалиберной винтовкой. Коммуной я очень доволен. Я кончаю третий курс рабфака и чувствую себя настолько подготовленным, что смело могу выйти в самостоятельную жизнь» (Второе рождение, с. 106). В нач. 1930-х гг. – член «следственной комиссии», кандидат в члены товарищеского суда.

[12] *Русаков*: «**Отец убит в 1917 г. при стычке красногвардейского отряда с белыми. Старший брат – доброволец в Красной Армии… Я промышлял по городам, часто попадался во время облав. Побывал в Допре [доме предварительного заключения – А.Ф.], в детдомах, колониях. В 1927 г. – в этой коммуне… Долго работал по обслуживанию.**

Попав в производственный отряд, в отряд слесарей, сразу почувствовал себя хорошо… Сейчас работаю по слесарной части, пом. инструктора. Был совсем малограмотным, сейчас на первом курсе рабфака». (Второе рождение, с. 105 – 106). В 1930 г. – разводящий в летнем палаточном лагере в саду коммуны (караул с винтовками).

[13] *Мазуренко П.* **– в коммуне в 1930 – 1936 гг. Из Омска, написал письмо в ГПУ УССР с просьбой принять в коммуну Ф.Э. Дзержинского (слышал о ней от взрослых). Стал слесарем-лекальщиком, окончил рабфак, Одесский морской техникум.**

В 1942 г. техник-лейтенант. Затем командир 63-го батальона связи. За спасение экипажа советского военного самолета, упавшего на нейтральной полосе, награжден орденом Красной Звезды. Будучи инженером радиобатальона 17-й воздушной армии, участвовал в боях в Болгарии, Венгрии, Румынии, Югославии, Австрии. В 1956 г. инженер-подполковник.

[14] ***Борискина К.*** **– занималась в коммунарском драматическом кружке-студии. Затем артистка Харьковского театра русской драмы. В произведениях А.С. Макаренко – К. Каширина.**

Из дневниковых записей к роману, апрель 1934 г.

Апрель 1934 г. Коммуна.

Пацаны. Люблю пацанов. Они люди с красивыми лицами, женоненавистники и убежденные холостяки.

Фабульное. Его жена из Чехословакии. Она переписывается с родителями, рабочими в Праге. На мужа донос, что он переписывается с заграницей. Пока выясняется правда, он многое претерпевает.

Фабульное. Шершнев, уезжая в Полтаву, устроил попойку у Семенова[1] в квартире. На балу, шутя, снимали «лейкой». После бала сообщили, что Богданович[2] и Семенов украли «лейку» на заводе. Сообщила об этом жена Семенова. Потом оказалось, что «лейку» Богданович взял у Кольки Пащенка[3], который был «лейкой» премирован.

Деталь. К теме «Дураки». Пристали по телефону, почему коммунарам в премию по учебе дают деньги. Надо покупать вещи.

- Почему? Спрашиваю.

Ответы получаются самые непонятные: надо давать предметы…

- Можете быть, потому что деньги от дьявола? «Люди гибнут за металл?»

А сколько этой интеллигентщины еще существует!

Хозяйство. В колонии им. Горького осенью купили лошадей, с трудом кормили целую зиму купленным кормом, а к весне они сдохли.

Больная тема. Что такое свобода личности: якобы задавлены, на самом деле свободны.

Диалог. Артистка: Ужасно люблю глупости и люблю тех людей, которые делают глупости.

Я: Что угодно могу простить, но не могу простить глупости. Глупости никогда не могу делать.

Слова. В учетной карточке НКпроса я предлагаю после фамилии ставить кличку, если она имеется. Вся эта наркомпросовская моль в ужасе: А это можно, узаконить кличку? Это они допустить не могут.

Сволочи.

Разговор: На что нам ваша карточка, у нас же нормальные дети.

- Но они же станут когда-нибудь ненормальными?

- Як не може бути!

Бюрократизм. Какое это страшное зло.

Большое, сложное, опасное дело. Нас всегда нагоняет осень и бедность. Мы можем сорваться и полететь в трубу. Все это приносится в жертву во (запись обрывается – А.Ф.).

РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 24, лл. 20 – 27, автограф. Не ясно, к какому «роману» делались записи.

[1] **Говорится, видимо, о** *Семенове Е.***, он в коммуне с 25 января 1927 г. До этого работал в кочегарке на мельнице, был пастухом, жил у тетки, был в двух детдомах, в коллекторе. «Учусь на первом курсе рабфака, на заводе шлифовальщик, занимаюсь в драмкружке» (данные кон. 1932 г. – «Второе рождение», с. 112 – 113). Посещал Харьковскую балетную студию.**

После службы в Красной Армии – артист балета Харьковского окружного ансамбля песни и пляски. В Великую Отечественную войну – в войсках противоздушной обороны, в Восточной Пруссии, в составе 2-го Забайкальского фронта. После – в балетных группах московских театров. Медали «За трудовую доблесть», «Ветеран труда».

[2] *Богданович В.С.* **– колонист в Куряже и коммунар-дзержинец в 1925 – 1933 гг. В октябре 1932 г. член бюро комсомольской организации. Макаренковская характеристика при выпуске: «Очень добропорядочная, честная и благородная натура. Мало верит в свои силы…» (Часть 3 данного издания, с. 115).**

После службы в Красной Армии – военное училище специальных служб авиации, стрелок-радист, офицер связи. В Великую Отечественную войну командир радиороты ВВС Балтийского флота, нач. связи авиационного полка. Затем на Тихоокеанском флоте. Три ордена Красной Звезды, медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Японией», «За освобождение Кореи». С 1951 г., 12 лет – командир полка, полковник.

Дополнения. *Из писем Г.С. Салько Л.М. Салько 20 и 27 декабря 1934 г.* **«У нас на носу, что называется, годовщина коммуны, [7-летие]. Антон очень занят. Но после праздника непременно поедет в Москву. Он уже получил всякие извещения, и ему, собственно, уже надо бы быть в Москве, но праздник задерживается… Антон в январе будет в Москве. Может быть, к середине…**

У Антона сейчас тяжелые условия работы, и он снова страшно хочет вырваться из коммуны.

Правда, есть такой разговор, что театр русской драмы (харьковский – А.Ф.) хочет пригласить Антона на должность зав. литературной частью. Антона очень устроила бы эта работа...

А сейчас в коммуне, знаешь, как бывает, обострились всяческие противоречия между Антоном и руководством. В коммуне опять новый начальник, бывший хаторговец[1] и, конечно, с хаторговскими традициями и взглядами. Буквально на каждом шагу приходится с ним спорить. *Тепер* **сейчас начальник фотозавода...**

В коммуну приезжал *Пивень*, **он окончил летное училище в Ленинграде и теперь ехал в какую-то часть. Вид у него самый «гвардейский»...**

Харьковские наши студенты: *Клюшник*[2], *Борисов*[3], *Никитин*[4], *Таликов* **и др. переживают довольно неприятную штуку – их выселяют из нашего дома и хотят выселить в город... Антон ничего не может поделать...**

Езерницкие **уже переехали в Киев[5]. Наташа пока живет у Затонских.** *Елена Самойловна и Володя*[6] **в отпуску на Кавказе...**

Неизвестный Макаренко. Выпуск 8 / сост. и авт. вступ. ст. С.С. Невская. – М., 1998, с. 44.

[1] Имеется в виду: работник Харторга.

[2] *Клюшник В.И.* **– в коммуне дзержинцев в 1929 – 1933 гг. Макаренковская характеристика – в части 3 данного издания, с. 112. В «ФД-1» и «Флагах на башнях» Клюшнев. Прототип Кулешова В. в киносценарии «Настоящий характер» (часть 8 данного издания).**

В 1939 г. окончил Академию бронетанковых войск, потом преподаватель танкового училища, зам. ком. полка по технической части. Участвовал в боях на Калининском направлении, награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны. В 1965 г. инженер-полковник.

[3] *Борисов Ф.С.* **выпущен из коммуны в 1933 г. Макаренковская характеристика – в части 1 данного издания (в «Типах и прототипах»), с. 344. Окончил машиностроительный институт, инженер. Погиб в Великую Отечественную войну.**

[4] *Никитин С.М.* **– с 1925 г. в горьковской колонии. В оркестре коммуны (упоминается в «Типах и прототипах», с. 346). В апреле 1930 г. – «контроль коммуны»; в нач. 1931 г. – секретарь совета командиров.**

Окончил Харьковский механико-машиностроительный институт. В 1939 – 1941 гг. инженер-конструктор Харьковского завода им. Коминтерна. В Великую Отечественную войну с заводом в эвакуации в Нижнем Тагиле, выполнял фронтовые заказы. С 1946 г. ст. инж. – конструктор на Ворошиловарадском тепловозостроительном заводе. Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Жена – коммунарка Р.А. Красная.

[5] Летом 1934 г. столица УССР переведена из Харькова в Киев.

[6] Говорится о *Е.С. и В.П. Затонских. Затонский В.П.* **– предс. Центральной Контрольной Комиссии КП (б) У; в 1922 – 1923 и 1933 – 1938 гг. нарком просвещения УССР. Г.С. Макаренко и Затонские находились в дружеских отношениях.**

Из письма Г.С. Салько Л.М. Салько, 5 янв. 1935 г.

...Сегодня празднуется семилетие коммуны... Двадцать девятого был пленум горсовета, а всякие наши администраторы в горсовете. Антон в райсовете. Потом Антон считал, что праздник надо перенести под выходной, а то знаешь, как пацаны обыкновенно устают до и во время праздника. И наконец, решили: пятого числа.

Между прочим, твою телеграмму напечатали в газете[1]. Вчера была генеральная репетиция: все очень хорошо, но меня особенно поразил коммунар Зайцев, он с тридцать второго года в коммуне, я его что-то не помню. Антон говорит, что Зайцев этот у меня учился, но я совершенно этого не помню. Так вот этот хлопец – лет шестнадцати, читал написанные им стихи. Стихи совершенно исключительные, написанные пятистопным ямбом, размер очень трудный...

Вечер хороший. Ужинать мы не остались по обыкновению. Видели в театре всех твоих знакомцев... Видела всех наших студентов...

У нас со вчерашнего дня страшные морозы. Сегодня, кажется, тридцать градусов. Что же делается в Москве, даже подумать страшно...

Антона НКВД ССР вместе с начальником коммуны вызывают в Москву с докладом[2].

Очень будет плохо, если морозы не спадут к тому времени. Так что Антон обязательно будет в Москве...

Неизвестный Макаренко. Вып. 8, часть 1 / сост., авт. вступ., ст. С.С. Невская. – М., 1998, с. 45.

[1] Говорится о телеграмме Л.М. Салько (в связи с 7-летием коммуны), опубликованной в газете-многотиражке «Дзержинец».

[2] Об этом выезде А.С. Макаренко в Москву и его докладе исследователям еще неизвестно.

Письмо Н.Ф. Шершнева П.П. Крючкову, 21 января 1935 г.

Уважаемый Петр Петрович!

Антон Семенович заболел: спазм внешних сосудов сердца. 9 января я провел у его постели полночи. Было 3 приступа.

11 января приступ повторился в более тяжелой форме, с потерей сознания и довольно угрожающими симптомами.

После повторного приступа удалось уложить его в постель, созвать консилиум, который констатировал заболевание сосудов сердца... Консилиум предложил в течение 10 дней полное постельное содержание, после чего отправить в курортно-санаторную обстановку под Москвой и назвали курорт «Узловое».

В Харькове достать место в этот курорт невозможно и я прошу Вас помочь нам за счет коммуны им. Дзержинского направить Макаренко в названный курорт. А.С. Макаренко немного возражает против условий курорта, но профессура категорически настаивает на пребывании в условиях курорта ½ - 2 месяца. Прошу вторично помочь Макаренко.

С приветом. Врач Шершнев Николай, воспитанник Макаренко. В 28 году с Вами и Алексеем Максимовичем разъезжал по Стране Советов.

21 / I – 35

Там же, с. 47. Возможно, Н.Ф. Шершневу написать это письмо посоветовала Г.С. Салько.

Письмо П.П. Крючкову. 27 января 1935 г.

Глубокоуважаемый Петр Петрович

Ваше письмо с запросом о колонии имени Горького с приложением анонимной жалобы двух колонистов почему-то получили у нас только в конце декабря.

Я не знал, как приступить к проверке письма. Обратиться в Наробраз мне казалось безнадежным, так как я наверняка мог предсказать, что там к моему интересу отнесутся весьма отрицательно. Заняться расследованием непосредственно в колонии было бы бестактно по отношению к ее руководству, я рисковал в таком случае сильно испортить положение директора и его помощников.

Я поэтому обратился за помощью к своим бывшим воспитанникам и коммунара-дзержинцам[1]. Как раз в это же время производилось обследование колонии партийной организацией. Это обследование в общем пришло к выводам удовлетворительным. У меня впечатление иное.

Говорить о регулярных избиениях или мошенничествах в колонии, конечно, нельзя. Может быть, бывают зуботычины в редких случаях, во всяком случае, это не характерно. В колонии другая беда, гораздо более печальная: в ней нет ни серьезной воспитательной работы, не организационного творчества, ни коллектива колонистов. Это обычный детский дом, материально плохо обставленный, руководимый случайными людьми, малограмотными и невежественными, и ленивыми.

Печальнее всего, что это руководство в то же время убеждено, что в колонии все хорошо и что она в некотором роде представляет из себя образец. Это легкомыслие не сопровождается никакой попыткой работать или хотя бы у кого-нибудь поучиться работать. О работе с детским коллективом в колонии просто не имеют никакого понятия.

Очень возможно, что руководители искренно убеждены, что они много тратят энергии и что поэтому и результаты должны быть хороши. В самом деле: ежедневно утром они усаживаются в легковую машину и уезжают в город, в котором и проводят целый день за разными разговорами, которые, вероятно, считают необходимыми и полезными для дела…

А в это время дело в колонии идет самотеком: кое-как живут, кое-как обедают, учатся, работают. У колонистов нет перспектив, нет доверия к своему завтрашнему дню, нет доверия и к своему руководству. А поэтому нет энергии для дружной борьбы с материальной нуждой, для борьбы с отсталыми элементами в колонии.

Материальная сфера в колонии давно должна быть признана ужасной: старый монастырь, запущенные здания, все не приспособлено, все рушится, все неудобно, все нужно перестраивать, ремонтировать, а большею частью даже заменять новым. Вообще здесь нужны большие усилия и большая терпеливая энергия, воодушевленный коллектив[2].

Этого всего нет и надежды на это тоже нет никакой. В наробразе сидят тоже люди временные и случайные, которые еще меньше имеют понятия о работе с детским коллективом, чем в колонии. Хуже всего то, что за 17 лет после революции в наробразе так и не накопилось кадров специалистов для руководства такими колониями, и поэтому их жизнь всегда зависит от случайных комбинаций людей, орудующих исключительно при помощи «своего ума» и доморощенного остроумия.

Поэтому, какие бы меры ни принять в колонии имени Горького, не может быть никакой уверенности, что эти меры надолго оздоровят колонию. Через месяц-другой налетят новые деятели и начнут выделывать новые глупости. Вообще это самый отсталый участок, вероятно, во всем советском строительстве[3].

Я глубоко убежден, что единственно, что необходимо делать, - это создать настоящую серьезную методику работы в советском детском коллективе, методику

обязательную и для наробразов, и для руководства колоний, и для педагогических вузов. Успех колоний в настоящее время исключительно зависит от педагогической техники. А в наробразе даже не знают, что такая техника возможна и что она есть в отдельных явлениях опыта.

Положение печальное. Печальное еще и потому, что если бы даже наши педагогические верхи захотели приступить к созданию техники, они обязательно начнут ее высасывать из общих идеальных положений, расправляясь с данными опыта при помощи кавалерийских положений, расправляясь с данными опыта при помощи кавалерийских наскоков и острот.

Эти выводы я мог бы Вам прислать еще в начале января, но вдруг сильно заболел, и мне запретили даже подходить к письменному столу.

Прилагаю мое письмо к Алексею Максимовичу[4], в котором прошу его прочитать мою пьесу «Ньютоновы кольца», посланную одновременно заказной бандеролью. Очень прошу Вас передать письмо.

Глубоко уважающий Вас
А. Макаренко
Харьков
Коммуна Дзержинского
27 января 1935 г.

Неизвестный Макаренко. Вып. 8, с. 50 – 51. См. также часть 4 дан. изд., с. 47 – 49.

Это письмо – образец замечательной способности А.С. Макаренко видеть в конкретном, индивидуальном – общее. Он решает «частные» вопросы, обращаясь к их социальным основам, применяя в педагогике технологический подход, преодолевая умозрительно-теоретическую педагогическую логику, отстаивая решающую роль опытной работы в науке о воспитании.

[1] Значит, А.С. Макаренко вполне доверился группе своих воспитанников, активных коммунаров-дзержинцев в «обследовании» колонии им. М. Горького. Это яркий показатель его единства с воспитанниками в управлении коллективом.

[2] В педагогике А.С. Макаренко действует не просто коллектив и не просто трудовой, деятельный коллектив, а «воодушевленный коллектив», т.е. проникнутый идеей и духом единства в творческом созидании лучшей жизни каждого для себя и всего общества. Воспитывается «хозяйственная позиция по отношению к окружающему миру» (часть 1 дан. изд., с. 167). Технологическая основа этого – система «перспективных линий» коллектива и личности, развитие этой системы в социальном пространстве и времени.

[3] Заключение А.С. Макаренко о катастрофическом отставании теории и практики педагогики от потребностей социально-экономического и духовно-нравственного развития общества – ключевой момент всего его творчества. Недооценка «человеческого фактора» стала губительной в истории СССР, является мощным тормозом и в нашей новейшей истории.

[4] Это письмо А.М. Горькому от 26 января 1935 г. см. в части 4 дан. издания, с. 46 – 49.

***Дополнения.* Письмо А.М. Горького П.П. Постышеву, 5 февраля 1935 г.**

Дорогой Павел Петрович, — прощу Вашей помощи.

В прилагаемом письме на имя секретаря моего П.П. Крючкова речь идет о Куряжской детской колонии, находящейся в 8 килом. от Харькова, на месте Куряжского монастыря.

Автор письма - Антон Семенович Макаренко, организовавший эту колонию в 22 году, он заведовал ею до 30 г.,[1] когда был смещен Скрыпником, после чего немедля перешел в детколонию имени Дзержинского, тоже около Харькова, этой колонией он заведует до сего для. С его моральным обликом Вы можете ознакомиться по книжке «Марш 30 г.» и «Педагогической поэме», напечатанной в Альманахе «Год XVII».

Куряжская колония существует 12 лет. Количество колонистов - 400 человек, мальчиков и девочек. За 12 лет колония выпустила десятки ребят в вузы, агроинституты, на производства.

Нет никаких естественных причин для того, чтобы она разрушалась, - причина разрушения - одна: плохое руководство. У колонистов есть земля десятин[2] 300, есть машины, скот и вообще есть все для того, чтоб хорошо жить и работать так охотно, так успешно, как они работали раньше.

И вот я убедительно прошу Вас обратить внимание Ваше на эту колонию, для чего нужно, чтоб Вы распорядились послать туда честного и толкового человека, а он бы подробно ознакомился с ее состоянием, разогнал всех, кого надобно разогнать, и дал бы колонистам новое, хорошее руководство.

Очень прошу Вас об этом, и, зная Ваше великолепное отношение к детям, уверен, что Вы поможете.

Крепко жму руку.

Неизвестный Макаренко. Вып. 8, с. 47 – 49. Фрагментарно дано в части 4 дан. издания, с. 49.

[1] Точно: А.С. Макаренко заведовал колонией в 1920 – 1928 гг.

[2] Мера земельной площади, равной 1,09 га.

Последствия: 7 апр. 1935 г. в повестку дня заседания ЦК КП(б)У включен вопрос: О детских колониях им. Петровского и им. Горького (один из докладчиков – П.П. Постышев). Решение: членам ЦК Ашрафяну и Затонскому послать в колонию им. Горького уполномоченного ЦК и НКП, чтобы «на месте провести мероприятия по укреплению ее руководства и улучшению ее работы».

Опускула макаренкиана, № 22, с. 49 – 50. Более подробно: часть 4 дан. изд., с. 50.

Из письма Г.С. Салько Л.М. Салько, 19 февраля 1935 г.

...Затонские уехали из Харькова 17/II ... Наш Антон вот уже второй день как бывает в коммуне. В коммуне произошло событие очень неприятное: застрелился *Петька Куприйчук*.**[1] В связи с этим депрессивное состояние многих мало выдержанных и устойчивых ребят, таких как** *Векслер, Стирис[2], Филька[3]* **и проч.**

Хотя у Антона был позавчера припадок его сердечной болезни, но он не мог не пойти в коммуну. Говорит, что сердце не на месте.

Вчера говорил ребятам о их будущем, сегодня обсуждается вопрос о летнем походе. До сих пор все антоновы требования к

походу *Тихонов* **называл: «беллетристика». Конечно, таково мнение и ХОЗО[4], в ведении которого сейчас коммуна. А ты знаешь, какое значение имеет для пацанов ожидание похода, планы и прочее...**

19 / II 35 г.

Там же, с. 45 – 46.

[1] *Куприйчук П.* **– видимо, из недавно прибывших в коммуну старшего возраста, из осужденных. В документации коммуны упоминается только 1 раз: 9 дек. 1934 г. на педсовете его исключили из техникума (при реорганизации техникума), как и других «особо неуспевающих студентов» (см. часть 3 данного издания, с. 319 – 320), с возможностью окончить «одногодичные курсы типа фабзауча». Был в группе коммунаров, совершающей прыжки с парашютом, с крыла самолета «У-2». В связи с его самоубийством совместное решение совета командиров и комитета комсомола коммуны: «подозревается антисоветский факт; осудить» (часть 4 данного издания, с. 51).**

[2] *Стирис Ф.Г.*: **«...Три года беспризорной жизни... С 1932 г. в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. Работаю на токарном станке, учусь на I курсе рабфака... Наша бригада идет первой по заводу» (дек. 1932 г., «Второе рождение», с. 105). «Хочу получить среднее образование и высшее. Но я очень сомневаюсь в этом» (Часть 3 данного издания, с. 237, апр. 1934 г.). В произведениях А.С. Макаренко Стириус.**

В коммуне окончил рабфак, токарь.

В 1939 г. окончил Харьковский юридический институт. Потом пом. прокурора Хабаровского края, военный следователь во время войны с Японией. Во второй пол. 1940-х гг. пом. воен. прокурора Прибалтийского воен. округа, подполковник. Юрисконсульт Совета Министров Латвии.

[3] Имеется в виду *Куслий Ф.П.*

[4] Имеется в виду Хозяйственный отдел ГПУ УССР.

Из письма Г.С. Салько Л.М. Салько, 4 марта 1935 г.

...Антон уезжал в Одессу в институт, в котором, ты был - кардиологический. Он сейчас там. Я еще не имею писем, но телеграмму он мне прислал...

Я тебе писала, что он ходил на работу после того, как застрелился Куприйчук. Работал он много: надо было сделать дела и хоть немного наладить в коллективе. Я видела, как он за это время уставал, раньше этого не было: приходил совсем заморенным.

Уехал он, наконец, в Одессу потому, что с московскими санаториями ничего не вышло и еще потому, что ему надо не столько отдыхать, сколько лечиться. Поехал он стационарным больным, так что, вероятно, будет лучше...

4 / III 35 г.

Неизвестный Макаренко. Вып. 8, с. 46.

Из писем Г.С. Салько Л.М. Салько, 7 марта 1935 г.

...Относительно московской квартиры[1] мне трудно тебе сказать, как делать. Я уверена, что в Москве мы будем, и Антон говорит: в 36 году.

А тут получила письмо от Эны[2], приглашают Антона в Наркомпрос в Киев работать. Не знаю, как Антон к этому отнесется, а я думаю, что не стоит, надо одну линию держать, а только запутаешься, да и где сейчас у Антона силы, чтобы начинать новую работу и борьбу, а ведь без борьбы не обойдется в Наркомпросе.

Посылаю Антону все [твои] письма. Я думаю, что Антону надо быть в Москве, там все его дела и интересы. Буду тебе писать все обстоятельно о наших делах...

Там же, с. 53.

[1] А.С. Макаренко получил возможность вступить в кооператив по строительству в Москве «Дома писателей».

[2] Несомненно, ошибка при копировании письма: не Эна, а Елена (Затонская).

Из письма Г.С. Салько Л.М. Салько, 15 марта 1935 г.

...Уговариваю Антона после лечения в Одессе поехать в Москву для решения квартирного и литературного вопросов.

Мы с Антоном в этом году, по-видимому, действительно выберемся из коммуны, как будто все пока благоприятно складывается...

Антон в Одессе, пишет мне частенько[1], жизнью он очень доволен, говорит, что никаких болезненных явлений у него нет. Принимает углекислые ванны, уверяет, что не верит в их целебные свойства, но на жизнь не жалуется, а это самое главное. Хорошо еще то, что он далек от всяких забот о коммуне, а то тут его не оградишь. Степан[2] замещает Антона и мотается как угорелый...

Там же, с. 53 – 54.

[1] Эти письма к Г.С. Макаренко, видимо, не сохранила; в РГАЛИ, ф. 332, оп. 5 их нет. Наверное, в этих письмах были неприятности (не очень приятное и ей лично).

Об этом можно судить по письму А.С. Макаренко Л.М. Салько 2 апреля 1935 г. из Харькова:

«...Как ни трудно, из коммуны вырваться всегда можно. Точно также при некоторой энергии можно устроить прописку в Москве и все прочие формальности. Препятствия только материальные... А пока останется хоть копейка [денежного] долга, я из коммуны тронуться не могу... Я лично думаю, что придется потихоньку ожидать квартиру на Лаврушенском, а за это время постепенно расквитаться с долгами».

Он против покупки квартиры (дома) в Москве на Мещанской улице, считая это «авантюрой». «...Я не вижу со стороны Гали свободной и простой решимости. На словах она искренно согласна, а на деле она будет мучиться, и портить себе нервы». Полный текст письма – см. часть 4 дан. издания, с. 59 – 60.

[2] *Дидоренко С.А.* **– зав. хозяйством коммуны им. Ф.Э. Дзержинского с января 1931 г.; и ранее иногда замещал А.С. Макаренко. С мая 1933 г. нач. адм.–хоз. части коммуны. В апреле 1936 г. пом. нач. коммуны.**

Во «Флагах на башнях» Степан Иванович. В «ФД-1» - Дидоренко Тимофей Денисович. После увольнения из коммуны –

управляющий хозяйством колонии им. М. Горького. Впоследствии в Томской колонии.

Характеристика, выданная Досычевой Н.Н., 15 июня 1935 г.

Довычева Нина Николаевна, 1918 г. рожд., была воспитанником Трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского с XII – 1931 г. по настоящее время.

Выпускается из коммуны как закончившая воспитание.

В течение всего времени пребывания в коммуне была в первых рядах коллектива, отличалась честностью и работоспособностью, была членом коммунарского самоуправления. Квалификация – токарь 3 разряда.

Начальник педчасти А. Макаренко.

Ксерокс документа, получено Фроловым А.А. от Гетманца М.Ф. в 2015 г. Стандартный машинописный бланк (0,5 л.), со штампом: «Трудовая коммуна НКВД УССР им. Ф.Э. Дзержинского, г. Харьков», без исходящего №. Печать коммуны, не гербовая. Заполнен А.С. Макаренко, со слов: «была в…»

Имеется справка о рождении: родилась в 1918 г., день рождения «неизвестен», т.к. (далее машинопись, неясная – А.Ф.).

Дополнение. *Из письма Г.С. Салько Л.М. Салько, 19 июля 1935 г.*

…Из Харькова я уехала 10/VII, вот уже 8-й день в Киеве. Знаешь, раз с Антоном, значит хорошо.

В прекрасном месте получили квартиру: три комнаты, отдельная квартира. Очень ждем тебя с нетерпением. Антон очень доволен, что ты поехал в Кисловодск…

Возможно, что сейчас переедем в нашу квартиру, до сих пор жили в гостинице и надоело…[1]

Неизвестный Макаренко, выпуск 8, с. 54.

[1] А.С. Макаренко принял приглашение на работу в отделе трудовых колоний для несовершеннолетних НКВД УССР. Официально он пом. нач. этого отдела с 1 августа 1935 г. Работал там до кон. марта – нач. апреля 1937 г. О киевском периоде его жизни и деятельности, творчества см. часть 4 дан. изд., с. 71 – до конца тома и часть 5, с начала тома до с.177.

4 сентября – официальная регистрация брака А.С. Макаренко и Г.С. Салько.

Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 31 августа 1935 г.

…Мы по-старому живем, чувствуем себя временно живущими в Киеве и поэтому нет ощущения уюта и покоя. Мне уже так хочется жить, зная, что это надолго. Надоело вечное ощущение, что жизнь временная…

Там же, с. 54.

Письмо Л.М. Салько, 20 сентября 1935 г.

Дорогой Лева.

Здравствуй!

Что же ты не пишешь? Как ты живешь? Есть ли у тебя деньги?

С деньгами вышло как-то неладно. Почему они[1] выслали на Харьков? Ведь я еще в конце июля сообщил им свой новый адрес и по этому адресу они мне писали и сообщили его Лукашевич. Где эти деньги? Я дал телеграмму в Харьков, в 54 отделе-

ние, но оттуда, конечно, не отвечают. Я написал в Гослитиздат, просил выслать мне деньги по новому адресу и по новому договору, тоже никакого ответа.

Новый договор[2] они мне прислали на подпись, поставили по 650 рублей [за печатный] лист при тираже в 50.000. Конечно, эго шахрайство[3], но спорить здесь я еще не могу.

Тут, черт возьми, деньги нужны, в Москву выехать не с чем, и тебе послать нужно, ты, наверное, сидишь без денег. Может бы ты как-нибудь вырвешься к нам.

Надо выяснить, возвратили ли они 1.700 рублей из Харькова, сделали по крайней мере такое распоряжение? Если возвратили, пускай выдадут тебе. Если эти деньги где-то затерялись, пускай дадут тебе из других, ведь по новому договору мне уже причитается 9.000 рублей.

Третью часть[4] наконец кончил. Сейчас допечатываю. Дня через два вышлю в Альманах и Горькому.

Может быть, скоро выеду в Москву. Тогда дам тебе телеграмму. Впрочем, ты меня встретить все равно не можешь? В таком случае в день приезда зайди часов в шесть к бабушке[5] на 3-ей Тверской-Ямской.

Галя здорова, помогает мне в печати, но я этому не рад, ей пора уже толстеть. В отделе[6] работы до черта по-прежнему, это меня по-прежнему злит. Из литературного агенства[7] получил письмо, в котором они пишут то самое, что и тебе говорили. Хотел притянуть их, но, представь себе, где-то пропали все мои договора. Не захватил ли ты их нечаянно?

Будь здоров. Пиши, как твои дела.

Целую.

Твой А.

Киев

20 сент. 1935

Опускула макаренкиана, №24 / сост. С. Невская (Москва), и Г. Хиллиг (ФРГ). – Марбург, 2001.

Адресовано в Москву, где Л.М. Салько учился, в Московском авиационном институте. Фрагмент письма опубликован в части 4 данного издания, с. 76.

[1] Говорится о высылке А.С. Макаренко денег из ГИХЛа за первую часть «Педагогической поэмы».

[2] Имеется в виду договор о ее второй части.

[3] Шахрай – мошенник, плут, шаромыжник (укр. яз.).

[4] Говорится о третьей части «Педагогической поэмы».

[5] Софья Григорьевна, у нее А.С. Макаренко снимал комнату во время пребывания в Москве.

[6] Говорится о работе в отделе трудовых колоний для несовершеннолетних правонарушителей НКВД УССР.

[7] «Литературное агентство» - акционерное общество, дающее тогда право авторам публикации их произведений за рубежом. Говорится о праве перевода первой части «Педагогической поэмы» в Англии, о выборе переводчика.

Письмо Л.М. Салько, 21 сентября 1935 г.

Дорогой Лева!

Я послал в Гослитиздат распоряжение о том, чтобы тебе переслали в институт или выдали на руки 450 рублей[1]. Лучше будет, если ты поскорее зайдешь к ним и получишь. Найдешь главного бухгалтера и сошлешься на мое письмо к нему от 21/IX.

Пиши. Почему не пишешь?

Будь здоров.
Твой А.
Киев 21 / IX 35

Опускула макаренкиана, № 24 / сост. С.С.Невская, Г. Хиллиг – Марбург. ФРГ, 2001, с. 106.

[1] А.С. Макаренко получал тогда 500 руб. в месяц (оклад ответственного работника).

Роман. Темы, подтемы, 6 октября 1935 г.

Их личные нело? Страдания и фасад революции.
Зверское невнимание к человеку.
Он изменил жене, но ему некогда.
Мелкие хитрые шкурники.
Болтуны и их влияние.
Куда девать дураков.
Уладить эту проклятую любовь. И семью.
Коллектив нивелирует недостатки личности
Голодные студенты.
Склока.
Новая культура фокстрота.
Новая молодежь – Зоя[1]
Семья и дети.
Творческое долголетнее усилие награждается часами[2] и склоками.
Пайки.
Сплетники.
Жизнь как биологический анекдот.
Блеск и трудность личности.
Любовь и техническая забота о ней.
Коммуна им. Блинова[3].
Закат перспективы.
Большая тема, № 230.
Широкий охват человеческого недоумия.

Все захватано руками масс. Оборотная сторона темы № 230 (№232)[4]. Это утонченные сволочи.

Еще вторая сторона – линия гурманства [в приложении] к человеческой природе.

Человек сильный и обиженный, №235.
Русская история и Россия.
Хорошая новая любовь.
Проблема новой ревности.
Сказка Гали.
Мать. (Она ждет тебя, мучится твоим сумасшествием).
Мертвые и живые.
Колхозы.
Параллельное смятение двух душ, № 275.

Профессиональная преданность ограниченности. Для Белковского ничего не существует кроме пути.

Почему люди дряни?
Счастье.
Бесконечность человека.
Матерщина, язык культуры.
Апробирование кассы.
В чем радость жизни.

Жить для будущего.
Естественная ответственность.
Проститутка.
Дисциплина.
Порядок, четкость.
Водка.
Санчо и Дон Кихоты.
Кутузовы и Наполеоны.
Бюрократы и сановники.
Вопрос о вступлении в партию.
Беспартийный большевик.
Ордена.
Марафет.
Женщина и попадья.
Цветы и оптимизм.
Дайте душу – возьмите 100 руб.
Стахановцы.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 7, 16 лл. Автограф А.С. Макаренко. Озаглавлено: «Роман. Темы, подтемы».

Вероятно, это продолжение работы над романом, начатой осенью (в сентябре) 1930 г. (что дано ранее в этой книге). И см. ниже: «Ньютоновы кольца».

[1] Говорится, видимо, о *дочери Р.А. Ковнатор***, позднее она гостила в семье А.С. Макаренко, см. часть 4 данного издания, с. 255 и часть 5, с. 63.**

[2] Имеется в виду традиционное тогда награждение часами, в том числе и А.С. Макаренко. В декабре 1932 г. он правлением коммуны (в связи с ее 5-летием) награжден золотыми часами – см. часть 2 данного издания, с. 260.

[3] Коммунары там приняли участие в прополке табачной плантации во время летнего крымского «похода», в 1933 г.

[4] Здесь и далее это ссылки на №№ в записных книжках А.С. Макаренко.

Ньютоновы кольца. Роман. Сюжетные линии, фабульные ходы и другое.
6 октября 1935 г. – 18 февраля 1936 гг.

1935
Начат 6 окт. 1935 г.
Материал закончен 18 февр. 1936
4 м. 12 дней
Сюжетные линии. Фабульные ходы. Лица. Пейзажи. Типы. Детали.
Слова. Сентенции. Диалоги. Метафоры. Фрагменты. Имена.
Коллизии. Цитаты. Концовки. Заглавия. Лирические отступления. Настроения.

Глава 1.

Деталь. Прохожу через лес. Говорили, что грабят. Держу в кармане револьвер. В лесу падают желуди. Кажется, будто кто то крадется в лесу.

Гл. 2.

Деталь. Приехали гости (иностранцы, дети? Интеллигент). С ними несколько наших «парней». Видно, что отвыкли от всякого дела. Разваливаются:

- Можно ли принять душ?
- Можно.

Однако раньше потребовали, чтобы врач сказал, можно ли в этой воде купаться? И врач, и мы удивлены

Диалог. Нельзя сказать, что я вас люблю.

Гл. 11. Я вам служу, как служат деве Марии

Тип. Гл. 1 и 3. *Тася Литвин*[1]. Начала жизнь, тьма человеческого прорыва в темную вечность. Всегда без работы, всегда с оскаленными зубами, готовая вгрызться в многочисленных своих врагов. Всегда старается быть веселой, и никогда это у нее не выходит. Всегда просит [рабочее] место. И не знает, что ей нужно. С ребенком, рожденным от какого-то мальчишки-рабфаковца. Его нет в мире, этого отца.

Подтема. Гл. 1. Он[2] смотрит на все происходящее злыми глазами. Они не осилят революцию, эти слабые, в большинстве глупые люди. Их нужно связать чем-нибудь, моралью что ли. Своими личными неловкими страданиями они портят фасад революции. Чем им можно помочь.

Он постоянно наблюдает, как эти люди начинают приспосабливать свою личную неловкость и тогда они перестают казаться ему такими глупыми и неловкими. Революция и жизнь, и любовь находят свои законы организации и техники.

Сентенция. Гл. 3. Черт! Не могут они подождать как-нибудь с этими ребенками? Очень нужно их рожать! Дети мешают и мешают их глупые страдания!

Фабульный ход. Гл. 9. Оркестр горьковцев играл на слете пионеров. Ему не дали делегатские мандаты и даже на обед не пустили. Не дали никакой радости - беспризорные - даже отказали в билетах на трамвай. Оркестр, видя это, обиделся и демонстративно ушел. Теперь ему попадет.

Деталь. Гл. 4. Китайчонок круглил долго хрипящие, смешно булькающие звуки. Сначала на него смотрели с открытыми ртами, потом уморились и опять пошел по театру шум. Китайчонок совсем охрип, но говорил все быстрее, махал кулаками и все как-будто загорался. Его дергают сзади за рубаху, не замечает, поставили перед ним стакан воды, не заметил. Наконец, его стащили с трибуны. Вышел на трибуну *Скрыпник*[2] и прежде всего, выпил стакан воды. Зал хохочет. Скрыпник выпил воду китайчонка.

Фабульный ход. Гл. 4. Марафетчики устраивают интернациональный вечер, приглашают китайца из прачечной, ассирийцев, ищут татарина. Возникает спор, удобно ли в национальных костюмах, ведь вечер интернациональный. Запутались вообще в двух соснах.

Коллизии. Гл. 9. Он в горячке работы. Ни спать, ни есть, ни любить некогда. И вдруг выясняется, что он изменил жене. На него все смотрят пораженные, но ему некогда!

- Да разве вы не понимаете, когда мне этим заниматься. Потом, потом!

Фабульное. *Голощанов,* табельщик. Ленив, груб, вообще не нужен. Его пустила семья жить в кухне. Он выживает семью и доказывает, что она ведет контрреволюционную агитацию. Местком за табельщика, начинается склока.

Гл. 12. Фабульное. Пустяк. Но почему этот пустяк злит и волнует? Сад. Надо сберечь урожай. Но жена этого сукиного сына целый день лежит на диване, и дети носят ей яблоки в фартуке.

У *Панищука* другой трюк. Он в руках держит явно покупную грушу, не нашего сада, а другой рукой снимает и лопает.

Деталь. *Сербский* не может найти работу бухгалтера. Устроился торговать в каком то киоске ЦРК. Получает 13 % от валовой выручки. Изныл:

- Вы понимаете: мне просто физически тяжело, я не могу поднять баллон с сельтерской водой, я и сижу без воды.

Тип. *Одарюка* едят. Отдали под суд за недостаток вещей. Он страшно мнителен. Видно, что целый день только и делает, что говорит о своем деле, в мельчайших тактических соображениях, собирает миллиарды доказательств и думает ими поразить суд. Он повторяет одни и те же выражения:

- Завхоз вошел с нею в контакт.

- А она в контакте с ним.

- Мне инкриминируется.

- Инкриминируемые мне деяния.

Деталь. Лодырь *Голощапов* – объект защиты месткома. Гуляет в саду с женой во время работы.

Тип. *Фельдшер*. Воображает, что он гипнотизер и может говорить только о гипнотизме. Он еще и сапожник (12 пар в день) и механик (об этом даже показывает какое-то удостоверение). Но попался он на чем: девчонка-уборщица жалуется:

- Хи хи! А воны давай тай давай. Воны все хотилы навстоя? Хи!

Диалог. Там вышло недоразумение.

- Не недоразумение, а хамство и глупость.

- Но я в этом не виноват. Я был против. А они вдвоем, говорят: есть большинство, и кончено.

- Я меньше всего думаю о вашем выговоре. Мне просто противно работать с такими товарищами. В то время когда я работаю как собака, вы собираетесь где-то под кустами и ругаете меня, объявляете выговоры, на которые даже не имеете права.

- Как не имеем права?

- Вот именно никакого права. Вы исполнительный орган МК[4] и даже рядовому товарищу Вы не можете объявить выговор. Тем более администрации, по отношению к которой вы находитесь в паритете.

- Но мы же ничего не объявляли. Так, болтали.

- Болтовня это и форма вашей деятельности, и способ обнародования ваших постановлений.

- Мы, собственно, не объявляли выговор, а написали, что коммуна не собес, что нельзя держать человека из сочувствия.

Характер. Гл. 2. Он революцию принимал как переход на новую квартиру. Квартира должна быть хорошая, удобная, Лучше, чем раньше. Должен быть порядок и чистота, все приложено, привинчено.

Фабульное. Револьвер. Он должен обязательно выстрелить. Зачем, почему, в кого, как это разрешается? Комично?

Подтема. Гл. 20. Тоже история коллектива. Куда же девать негодных людей, дураков, мещан, шкурников? Из них-то и составляются коллективы. Не травить их? Выбрасывать? На Марс их не выбросишь?

Все дело в том, что их можно воспитывать, в каждом человеке можно что-нибудь найти. И коллектив всегда лучше отдельных его членов[5].

Подтема. Гл. 3. В составе предыдущей: уладить эту проклятую любовь. И семью. И детрождение.

Подтема. Гл. 12. Даже *Кочубиевский* или кража денег Коганом, события в высшей степени отвратительные, должны показать, что новый коллектив решается не только качеством моральной личности, а более высокими измерениями самого общества.

Нужно найти слова и формы для картины именно общества, его основной линии, нивелирующей недостатки личности, делающей их только техническими недостатками, остатками какой-то старой структуры, старых форм борьбы за существование в одиночку[6].

Мама рассказывает: Приходит стара *Говоречка*. Говорит:

- Я приходила, вы так крепко спали. На правом глазу у вас мухи сидели. В верху две и внизу 4. Так я не захотела вас будить, а положила картофель на стол.

Это с тасиного огорода.

Там 18 картошек. Так она картошку принесла, а бутылки подсолнечного масла не стало.

- Так что же вы думаете - она украла?

- Ну, конечно, взяла. Полная бутылка была. Боря перед тем видел. То она все приходила, и то бы испекла, и то бы сделала, так масла нет. А сегодня уже хвалится: напекли хрустов, котлеты сделали, 22 котлеты, такие хорошие котлеты, 22.

Мама обвиняет *Кропачева* и *Говоречку* черт его знает в чем: *Ляля* ловила *Кропачева*.

- Ничего не вышло. Видел, приехала. Старая только, а издали молодой показалась.

- Ну, ничего, зато есть бархат на платье.

- Какой бархат?

- А как же: Ляличка такого хорошего бархату купила - 72 рубля. Где они возьмут 72 рубля?

- Да вы что же думаете? Кропачев купил?

- Да, этот толстяк самый. А, конечно, он.

- Да зачем же?

- Да что? Он получает 250 руб., что ему стоит?

- Да за что?

- Как за что? Значит, было за что.

Слово. У нее рот как чемодан. Не могу видеть. С какой стати она передо мной этим чемоданом действует.

Сюжетная линия. Гл. 13. Смерть матери. Одинокая. После 70 лет работы. Палочка-подарок.

Ситуация. *Рива* привыкла к *Яровому*, и даже он начинает ей нравится. Об этом она говорит *Дроботовой*. Яровой же говорит Дроботовой, что она ему надоела, что она противна. От Ривы он это скрывает. Дроботова в нерешительности: сказать или не сказать Риве.

Слово. В коммунарской стенгазете: Телеграмма из Нанкина (после кражи груш):

«Приветствую дорогих товарищей. Они действуют с мукденской энергией. Да здравствует мировой бандитизм! Чан-Кай-Ши».

Ситуация. Он ничтожество. Во время войны они разошлись. Вдруг он явился к ней на квартиру. Разговор. Она ушла ночевать к соседям. Он начал допекать ее письмами и упреками. Сын однажды пошел к нему и потом заявил, что ему отца жалко. Эта любовь к отцу была воспитана ею. Он ушел, но через три дня пришел, исхудавший и печальный. Она решила возвратиться к мужу, но когда она пришла к нему, он начал упрекать ее, что благодаря ей он захватил гонорею. Она ушла от него, не сказав ни слова, а сыну сказала: «Так нужно». Сын покорился.

Ситуация. Гл. 17.

- У нас выделена группа по борьбе с проституцией. Так вот мы думаем прикрепиться к вам.

- Как к нам? Причем здесь мы?

- Но у вас же есть девочки?

- Ну, так что, что девочки? А какая проституция?

- Понимаете, профилактика.

Тип. Гл. 2. Секретарь, который уставил кабинет словарями, потому что там корешки.

Типы. Гл. 7. У них у всех дома модные книжные шкафы и все книги в хороших переплетах, но книг они не читают.

Ситуация. Гл. 1. Он поехал на экзамен. Но экзамен отложили на 4 дня. Человек 50 уехали потому, что не хватило денег. Для ночевки дали школу, спать на полу. Взяли за это 2 рубля. У него не хватило денег. Он четыре дня ничего не ел.

- Да я на базаре подлатался немного: кавуны, дыни.

Дисциплина. Он не пошел со всеми, потому что ему нужно было выкинуть свою фотографическую карточку.

Диалог:

- Вы должны похвалить *Юрченка*. И не позже, как завтра утром.

- А то что?

- Да ничего. Я только вас предупреждаю.

Тип. *Лийко*. Добивается место завшколой. Больше всего интересуется:

- Дадут ли деньги на трамвай.

Черт, его знает, зачем ему давать деньги на трамвай.

Люди. Вся прелесть *Рубина*[8] заключается в том, что он прекрасно специализировался на склоке и бьет в этом Чудинского, который принадлежит к старой склочной школе. *Чудинский*[9] по старинке больше упирается на «разложение» нашего коллектива», на «индифферентное отношение к работе», на то, что «кто-то не реагирует на выяснение обстоятельств».

Чудинский говорит речи, во время которых делает добродетельное лицо. Рубин пользуется более совершенным методом: он упрекает Чудинского в пристрастии.

Фабульная линия. Болтали о смерти одного, находящегося в больнице, пока все не поверили, что он умер.

Анекдот. Женщина выписалась из больницы и ей по ошибке дали удостоверение, что она разрешилась от бремени сыном.

Слово.

- Мы внесем исторический отголосок в общий тон. Дайте денег.

- Ну вот и обратитесь в помдет, и тогда будет у вас отголосок.

Лицо. У попа косичка перевязана желтой ленточкой. А сам классически тяжелый, в сапогах.

Лицо. Баба ходит за мной. На глазах, вытаращенных, как у тяжело везущей лошади, слезы. Совсем не поэтические женские, а лошадиные, сказочные.

Тип. *Дроботов*. Почему то находит, что «Бурьян» похож на «Ревизора» («Бурьян» Головко).

Тип. Доктор *Смирин*. Высокий. Большая морда, развязан, но европейское лицо. Прежде всего идет на кухню и лопает.

Просил у меня груш и яблок. Я отказал. Он подал заявление в МК. МК тоже отказал. Не обиделся.

В городе возле распреда просит:

- Голубчик, возьмите для меня полфунта масла.

- А отчего вы сами не возьмете?

- Да я уже взял. Мне больше не дадут.

Фабульное. Выстрелил холостым зарядом, поцарапал лицо.

Фабульное. Во время поездки на экскурсию она получила для всех молоко и присвоила. Но этого нельзя установить точно. Идут разговоры.

Фабульное. 1929. Нет на рынке втулок. СЛ стоит возле воза и держит в руках обломок втулки.

Ситуация. *Яровой* приходит убитый. Сам рассказал, что батька в селе занялся торговлей. Бьет кулаком по столу:

- А все же я буду в партии.

Ругает институт:

- Засраные интеллигенты.

Они его проводили на все нагрузки, а тут вычистили. Боятся, что их обвинят.

Яровой съездил в деревню. Привез от ячейки справку, что батько исправно все платил, и налогу у него было только 45 р. Но в последнее время стал заниматься перепродажей.

Слово. Компанически (работает). За каждым словом: «данный», «регирует», «уденция». Заводской комитет в расстроенном чувстве.

Слово. Каждый новый зав. приходит и начинает развивать деловые настроения.

Стиль. Серые стены и незакрывающиеся, напиханные пыльной пересохшей бумагой шкафы.

Человек. Пыльные ботинки, опустившиеся чулки и грязные волосатые ноги из-под штанов.

Слово. Вы вносите вопросы, которые не подготовили, получается тесто, которое вы еще не месили.

Слово. У нас верно: костяк уходит. Так из кого вы будете новый костяк делать? Из шоколада, думаете? Из таких же, как *Терентьев*.

Слово. Он еще сырой гвоздь, железный. Если по нему сильно бить, он все равно согнется. А потом бери клеши, вытаскивай, выбрасывай. А и выбросишь - он тебе не одну покрышку проколет.

Настроение. Ему было неприятно, что тело умершей называют трупом.

Слово. Свою автобиографию я могу рассказать, а автобиографию отца не могу.

Кетова[11] уже несколько раз выгоняли из коммуны. Говорят про него:

- Переменный состав.

Слово. Я их каждую ночь будирую.

Деталь. Целое расследование. Комендант уверяет, что телефонистка ночью спала[11]. Она же уверяет, что ходила в уборную. Комендант произвел целое следствие, допрашивал сторожей и привратников и приступил даже к исследованию вопроса: сколько времени нужно человеку, чтобы сходить в уборную? При разных обстоятельствах.

Тело. Бедра у нее такие мускулистые и так мускулисто подпирают юбку, что она гораздо выше поднимается сзади, чем в других местах.

Семья. Это семья! Член коллегии, партии он в прошлом году подобрал умирающего с голода беспризорного, держал у себя, заставлял его проделывать интересную работу: продавать на базаре многочисленные пайки, которые получает по разным официальным и неофициальным блатам.

Слово. Он, ОТК, за то деньги получает, что говорит, будто мы плохо работаем.

Слово. Вы разъезжаете, как графы. Я пешком хожу, как дьявол.

Гл. 4: Женщине: Вы красивы, очень красивы, но у вас некрасивые глаза.

Слово. Гл. 4. Он уже две недели везет (неразборчиво – А.Ф.). И все она «уже на колесах». Сегодня в ответ на мою угрозу он кричит:

- Нельзя же так подходить - с росчерком пера.

Слово. Гл. 8. Отложить? Почему, когда сидел со мной до двух часов ночи, не откладывал.

Сравнение. Он был счастлив как человек, только что получивший билет в ж.-д. кассе. Он два часа стоял в очереди, он ругался с ее нарушителями, он трепетал в предчувствии нехватки билетов, он прислушивался к невероятным разговорам и слухам. И вот он радостный, не верящий своему счастью, бредет в толпе вокзального зала и читает билет дрожащими глазами, он забыл обо всем прочем, о жене, о начальнике, о своем чемодане, о бумажнике, который так берег в очереди.

Фокстрот. Гл. 1. В городе все гремит фокстротом. Такая понятная, безудержно-грустная, без претензий и философских проблем музыка всем нравится, даже музыкальным критикам, во всяком случае, всем, у кого медные нервы, кто берет жизнь а ля натюрель.

Слово. Гл. 4. Город? Я просил же город! Золотко, но для меня это мало: формальное выполнение, мне нужно по существу.

Слово. Бабы каются, а девки собираются.

Гостя нужно провожать, хорошего, чтобы не упал, а плохого, чтобы не украл.

Степан: **Гл. 4.** Он презирает женщин и не представляет их в качестве работников, он их отводит открыто куда-то, но на каждом шагу он поет какой-нибудь сердцещипательный романс.

Ко всему, что он видит, он относится отрицательно. Но это у него только будничный фасон. Сделает он так, как нужно.

Слово. Мать его в материальных условиях тяжело живет.

Мой вред тот, что я неграмотен, это мое, как бы сказать, недостижение.

Слово. Сапожник: я не видел столько ботинок, сколько я видел трупов.

Сентенция. Пыль – среда, в которой заводятся холостяки.

Типы. *Антонович* и *Судаков*[12] - Ваня и Антоша. Ходят и друг друга хвалят нежными голосами. Жена Антоновича, бывшая уборщица, говорит со мной о приеме ее сына в коммуну. Беспокоится, не ругаются ли мальчишки в коммуне.

Слово.

- На Марсе каналы проводят.
- Ну, это еще гипотеза.

Диалог.

- Днепрострой? Это станция?
- ?
- И мост.
- Для чего?
- Ездить.
- Значит, просто мост?
- Мост, а возле моста станция.
- Для чего?
- Для пассажиров.

Деталь. Гл. 4. Приехали польские революционеры, только что выпущенные из тюрем. Наши набросились на самого изможденного. Под руки, обедать. Оказался секретарем харьковского МОПРа[13].

Подтема. Гл. 3. Одновременно: большое внимание к каждой детали на заводе и полное небрежение жизнью отдельного человека.

Слова. Мы должны проверить, организовать. Наше присутствие.

Он известен всем. И должен, так сказать, принять в этом участие.

И приступает заниматься этим.

За уменьшение импортной заграницы.

Если мы подойдем, как главную базу.

Нет, товарищи, упущение в плановом порядке.

Изволили грубости? Написать некоторым товарищам, и целый ряд товарищей находится, так сказать, под следствием.

Не в последних рядах показателей.

За тракторным, первенцем нашей пятилетки, вырастает другой первенец - турбиностроий.

Сколько раз говорили об автобусах и разных таких недостатках.

У нас район, так сказать, дзержинский. И, конечно, дойдет до раздевания. У нас коммунары, конечно, ходят гулять и в дальнейшем они могут идти, и их могут раздеть. И да здравствуют товарищи дзержинцы, которые здесь воспитываются.

Поза. Он добродушный человек, но на трибуне упирается руками, дыбится на публику, рычит.

Фабульное. *Мальчик Судакова* бродит. Однажды он ушел ловить рыбу, к ночи не вернулся. Мать в обмороке. Отец в Угрозыск. Говорят: машина выезжала на реку к утопленнику, пока его не нашли, нашли трусики и туфли. Совпадение. А где они? Кажется, взял доктор. На «скорую помощь». Доктор дома. Домой. Доктор говорит - взял милиционер. К милиционеру. Он отдал трусики и туфли какой-то нищей. А сын уже дома.

Староста. **Гл. 20.** Шатающаяся, спотыкающаяся староста. Шатающиеся зубы. В коробочках и сундучках катеринки, агатовые пепельницы и царская рента. Но трясущимися руками она выхватывает у меня газету:

- Как Челюскинцы?

Деталь. Вышли за углом в переулке.

Тема. Гл. 6. Творческое долголетнее усилие, большие достижения: когда дело блещет? И растут, набегают со всех сторон люди, приживаются, разглагольствуют и портят. Они, впрочем, знают, что дело держится им. В результате они дают ему награду или поездку в санаторий, которая к тому же не удается.

Положение. Гл. 3. 13 педагогов в коммуне. Пятерым можно дать паек 1-ой категории. Остальным второй. Кому дать? Ясно, нужно привлекать новых. Иначе не идут. А из старых один Татаринов. Грызня. Открылись все старые грехи друг друга. Кто получил первую, тем неловко, но своя рубашка ближе к телу.

Слово. «Пойду земляка брать за горло». «Бутылки - одни рахитики». «Бутылочка законная, как графинчик».

Сентенция. Гл. 19. Если к одному человеку отнестись внимательно, к его затруднениям, к его сомнению, стремлению, к его теплу, то это пусть ничтожный, но такой важный элемент какой-то важной человеческой культуры.

Слово. Гл. 5. Флачки.

Анекдот. Гл. 5. Инженеру срочно предлагают лететь на аэроплане в Ленинград. Он боится, дома семейная драма, жена протестует, дети плачут.

Слово. Гл. 5. Съезд в Изюме, где все говорили, что объектив такой сделать нельзя. Речь Броневого.

- Что же мы должны немцев в жопу целовать?

Ошибка. Гл. 5. Цветы вместо Косиора[14] попали Скрипнику. Отдайте назад.

Броневой. **Гл. 4.** Энергия, находчивость, свобода, смелость. Переоценка многих вещей. Удача. Все это на фоне веселого, бодрого, искрящегося нрава. Нахал.

Георгиевский. Подозрительность, себе на уме, выжидательность, врожденный шепот, осторожность и печально интеллигентная линия. Стремление скорее удрать на более верное место.

Горбунов.[15] **Гл. 3**. Талант. Страшная способность проникать в существо вещей, в их скрытые силы. Застенчивость. Очень тонкий юмор и знание людей.

Кочубиевский. Невероятный нахал, враль, рвач, лакей, хвастун, фантазер, злобный наушник. Сидит у начальства в кабинете. Мошенник. Энергичен. Сдача велосипеда и получение его без квитанции.

Дидоренко.[16] Беспринципен и мало культурен. Но ладен, ловок, весел, умен, работоспособен. Капризен, страшно самолюбив.

Структура? Все в пределах одного класса, от других только осколки. Силаков и другие.

Приживальщики в среде класса.

Левшаков.[17]

Женщины. *Хлюпшева*[18], Тимановская, *Юрченко*.[19]

Цейтлин.[20] Нахал, халтурщик и задавака. Ему написали целый сценарий[21], но он его даже не читал. Подлетает с блокнотом.

- Расскажите, что у вас тут главное в коммуне.

А на другой день требует:

- Давайте какую-нибудь цехячейку.

- Давайте хорошеньких.

Судаков его боится - столичная штука.

Судаков позвал шофера:

- Видишь, это Цейтлин! Пока его не отвезешь, никого не вози! Слышишь?

Через полчаса он сам дает записку отвезти доктора.

Цейтлин ушел пешком.

Судаков по столу:

- Я тебе говорил, никого не вози.

Тема. Язва желудка. Боится идти к доктору, чтобы не подтвердил.

Положение. Рябой нескладный парень. Украл. Сидит на стуле и тупо выслушивает разглагольствования Судакова. Почему украл?

- Меня к сокращению. Мне все равно: тут, конечно не мед, и на улице не мед, да и в допре не мед…

Он это «не мед» повторил раз пятьдесят.

Положение. Гл. 3. Застрелился В. Ясно, фигура отягченная, склонная к насилию, к безудержному тупому гневу. Ясно! Нет, развал! Нечуткость! Надо больше политработы!

Шутки. Стекло фонаря лестницы грязно. На грязи пальцами написано:

- Комендант, вытри!

Деталь. Интеллигенты режутся в фильку???

Тема. Гл. 3. Сколько сложных переживаний может предшествовать самоубийству, а потом оказывается, что у человека катар желудка.

Сплетни. «Убивают детей и продают их вещи».

«Зазывают на квартиры и укладывают на электрическую кровать».

«Раздевают на улице и пускают голым».

Тема. Гл. 3. Жизнь как биологический анекдот. *Приходько* и *Водоложский* очень отягченные, с остановившимся иногда взглядом, иногда, как дураки, склонные к дурацкой, тупой, некрасивой гордости, садисты и насильники. И вот они оба не могут вынести смеющейся непокорности этого кисельного бессильного существа - женщины.

Деталь. Гл. 6. Со всеми договорись: газету выпускать интересную, деловую. Ну, пусть уж передовая, как передовая, напихана выдержками из газет.

А через полчаса приносят статью в том же духе.

Положение. Гл. 1. *Кочегар* жалуется на товарища:

- Несамостоятельный человек. У него 15 детей, так он привез сюда в барак, зарегистрировал, а потом домой повез. Теперь получает хлеб на всех и возит в деревню.

- Так ведь дорого стоит? 10 детей!

- Э, так он хитрый. У него фонарь есть, раньше он был смазчиком.

Положение. *Филатов* обижен. Шел под рюмкой через совхоз, долго доказывал часовому, что так ближе, сам упросил часового отвести его к коменданту, чтобы получить разрешение, а в комендантской его арестовали, позвали доктора и составили протокол.

Идея. Сравнительное благополучие наших студентов не дает покоя. Нужно выпускников выселить «чтобы они узнали жизнь». Торчит идея в голове, ничем не выбьешь.

Вещь. Б. ночует в своем кабинете. На диване подушка с измятым баном.

Контраст. Из угла стола стройные, обтянутые чулком ножки, случайно обнародованные выше колен, а над столом широкая, скуластая, бугристая и глупая рожа.

Слово. Это технический бандит, молотком долбануть, подчистить, нажать.

Тип. Гл. 1. *Надя*. Характер. Нескладная. Однако, по-своему пикантная женщина. Говорит растянуто-страстно. История поступления в совхоз. Возвращение. Грубость бабушке. Разнообразие настроений. Неожиданный уход, очевидно, на аборт. Записка, которая начинается: «Галочка». Но у Гали нет пищи. «Иди, куда хочешь». «Куда же я пойду?» И у Гали драма.

Образ живого, может быть, чересчур живого человека, которого раздавливает сложная машина.

Слово. «Дожить и пережить».

Положение. Водка в портфеле. Трамвай, давка. С кассиром: «Что это у вас бежит». Кассир боится грабителей, но и он смеется моей беде.

Шутка. Перекинулся треугольник.

Тип. СБ таки украл у меня 500 рублей.

Он и у других:

Касько принес мешки для пайка, наволочки и прочее и оставил у кладовщика. Пришел Касько, а пайка уже нет. А был только СБ – получал паек.

Выдавали талоны на мясо. СБ получил все талоны и по ним мясо, понес домой. *Лейтес* потребовал для себя талоны.

- Твой талон? Я тебе сейчас принесу.

Принес.

Через час *Дидоренко* говорит *Лейтесу*:

- Я тебе передал два талона.

Значит и из этих двух один СБ спер.

Проблема. Вот эта самая личность, которая может набузить, нагадить, наглупить, сожрать, которая требует учебы и вожжей, – она, проклятая, в то же время только на свободе может оказать настоящие блестки таланта.

Тип. Гл. 5. *Терский* в своей борьбе за жизнь предпочитает опереться на юридическую логику:

- Пойду в завком, узнаю, полагается топливо или нет.

А живет у нас пятый год.

Вспомнил он, что его *Севку* записали в первый отряд и сдали ему под расписку. Теперь он пишет в СК: «Мне нечем его кормить и мальчик голодает».

Анекдот. *Левшаков*. Получает клюкву. Стал последний в очередь. Долго стоял, получит завтра. Приходит завтра.

Велят: принесите записку от заведующего.

- Позвольте. Как? Только записку? А анкетные бланки у вас есть?

- А зачем?

- Вы же не знаете, в каком году я родился и что делал до революции.

- Платите полтора рубля.

Вкус. Гл. 6. Он любит этот мир потому, что в нем попадаются хорошие свитера, прекрасного зеленого цвета.

Чудак. Гл. 18. Я разозлился на Терского за то, что хотел идти в оперу с грудным ребенком.

Положение. А. - работник до отказа, создавший дело, погибает в борьбе с мелочами.

Б. - интеллигентно? Хам по пустяковому поводу говорит ему:

- Посажу.

Шпана. Из того же типа отношений. Когда захватывает дух от последних напряжений и усилий, Б. дает в руки бумажку:

- Вот эти 40 человек не уплатили членские взносы. Проставь против них, сколько они получили за январь.

Дурак. Гл. 2. Среди серьезных деловых переговоров, не чуждых страсти и увлечения, он вдруг «як дурень з печи»:

- А у нас пионерский клуб есть!

- А вы знаете как? У нас есть такой отдельный стол, куда усаживаем.

Тип. Гл. 10. Лентяй. Склочник. Тратит массу времени на выяснение своего положения. Три дня прогулял, представлен к увольнению, а он говорит о каких-то комбинациях с квартирой. Из моего кабинета подслушивает и говорит:

- Я дорого бы дал, чтобы Вы послушали.

Он может одновременно унижаться и гадить.

Тип. *Высоцкий*, «нещасна людына», которую незаслуженно сбили с толку – из строительного десятника сделали педагогом. На каждом шагу «текст». Комическая самоуверенность, а на уроке: «Феодал имеет 3-4 гектара, а помещик 100 гектаров».

Ситуация. Усилия, дипломатия, удачи и неудачи *Юдина*.

Пейзаж. Рябенький апрель.

Дурак.

- Из скольких?

- Из семи.

- Непонятно...

Шофер. **Гл. 2.** У него однажды пропала вторая скорость.

Сентенция. О счастье говорят только в опере.

Сентенция. Партийки нестриженные, гладкие волосы сзади закручены кулачком, злее стриженных.

В театре. Она вытащила из кармана кусок комбикорма с маргарином, попробовала, пошутить с мужем – «Шоколад». И закашлялась.

Костюм. Она одета в платье из солдатского сукна. А может быть, оно перешито и из рясы.

Человек. Впереди обритая, бугристая голова - старый черт видно.

Пара. *Колька*[22] и [медицинская] сестра. Она сдобная и увлекла Кольку полтавским «Л». Сошлись. Теперь она с тем же «Л» журчит только об обидах, наносимых Колькой. Сейчас он ее уволил. У нее четверо детей. Он придрался к тому, что записывая фамилии больных, она не ставила инициалы.

Деньги, полученные на медикаменты, он растрачивает, а она на свои деньги покупает лекарства.

Магура. **Гл. 6.** Аккуратнейший. Может довести до белого каления, когда подходит с аккуратно расписанной записной книжкой и аккуратным карандашом в руке и ассептически бережно, с особенно выраженным смакованием этой операции, толкует что-нибудь незначащее из этой самой записной книжки.

Першников. Вежлив, потирает руки. Холостяк.

Коллизия. Стыдно кормить здорового, жадного, беспринципного парня и стыдно своего стыда. Здесь возможна (неразб.) интеллигентская и более простая. Это тема голода.

Тема. Гл. 4. Любовное переживание, полное всякой прелести, неги, ласки. И моя забота, когда эта любовь появляется в коллективе, как массовая болезнь, с разными истерическими припадками, ревностями и страстно глупым, тупым стоянием у радиаторов.

Тип. …

Коммуна им. Блинова. Впечатление отрицательное. Несколько казарменного типа построек на заросших сорняками буграх. К ним ведет по таким же буграм дорога, на которой авто качает, как на море. За постройками на таких же буграх заросли бурьяна и между ними участки табака, заросшие бурьяном.

Коммунары прибыли в 10 утра, остановились на буграх. Хозяев не видно, говорят, что они на работе, но и на работе их не видно.

По двору ходит много бригадиров, которые должны нами руководить.

Фактически они ничего не делали, сидели на травке и смотрели, как мы работали.

Вид у них не хозяйский. Они молоды.

Привезли к ним две недели назад двигатель. Он еще стоит на возу, и бригадиры совещаются, какая бригада будет его снимать и сколько за это заплатят. Половина бригады могла бы его снять, как моментально его сняли 10 человек нашего первого взвода.

Ночуем на острове. Лежим, смотрим вверх. Слышно, как шумит Мзымта. Горит огромный костер, в который пацаны свалили целое сухое дерево. Начинается

дождь, прятаться негде. Я приказываю не двигаться, чтобы сохранить сухим то место, на котором лежишь.

Три пацана хлопочут возле костра, подозрительно отлучаясь в темноте. Слышу потом голос *Килуна*:

- *Лобода*, накрывай на стол, ложки, вилки.

Утром бригадиры повели меня в бурьян и показали безобразие: среди сожженной осоки в нескольких местах выкопан картофель. Заплатил за пацанов 40 рублей.

Среди тех же бурьянов нашли бригадиры три консервных коробки с вымытыми картошками.

В этом случае коллизия сложная. Могли бы колхозники нас покормить.

Гагры. Гл. 6. Днем и вечером тишина. Великолепный парк поддерживается в своем великолепии только для общей широкой декорации. Все сидят по своим дорогим номерам, и никому не нужно быть близко от декоративных красот и от людей и от общества. Все спит и молчит. Молчат вылощенные пальмы, молчит пустая эстрада, молчит зной и молча, проскальзывает мимо жадного личного покоя автобусы и легковые.

Деталь. Гл. 6. Дама в курортном декольте несет из нашей столовой судки с обедом. Подмышки у нее в прыщах, но губы накрашены.

Слово. Если у *Левшакова* принцип, так я тоже.

Манера. Он размахивает руками сзади себя.

Деталь. В Новороссийске на пристани мальчишка ныряет и вылавливает хлеб, брошенный с парохода и банки с испорченными консервами. Потом деловито одевается, а хлеб и банки лежат на берегу. Наши спорят:

- Это не наш хлеб, наш белый.

Тип. Постоянные анекдоты и смех.

Примитив. *Куликов* и *Векслер* копируют картины. Их уговаривают, что нужно писать с натуры. Они с самоуверенным видом:

- Та-е.

По их словам, нет тем вокруг коммуны. На картину они смотрели узко практически. Повесить пейзаж «У речки» - будут люди смотреть, и приятно.

- А что я здесь нарисую.

Новые тарелки. Плохой работы. Они издают звук, как колокол. Их звук звенит как кругленький дурачок, а не разливается бесконечной, звенящей, вздрагивающей трелью, как в старых тарелках.

Счастье. Очень важно: счастье и красота в далекой перспективе.

Наказание. Двое рвали груши. В наказание я их заставил писать в стенгазету. Они описали, как влезли на дерево, «все было хорошо». Я к ним придрался: что же тут хорошего, что вы рвали общие груши. Пишите сначала.

Рука. У *Конисевича* рука огромная, как лопата. Он прощается и крепко сжимает руку. Когда я кричу, он другой такой же рукой хлопает меня по плечу.

Глупости. Гл. 5. По данным нашей бухгалтерии у нас две вагранки. Как это вышло? Вагранка делалась на заводе «Красный Октябрь». За нее заплатили и по счету заприходовали. Монтировали потом и снова заприходовали.

Слово. В Москве народ более дрессированный и живой. Москвич действительно успевает выпорхнуть из-под авто. А украинец, попавший под авто, еще раздывляется, чи не его давят, чи другого.

Критика. Гл. 18. Драмы и трагедии классиков («Коварство и любовь»). Я не могу их смотреть до конца и не понимаю, для чего их показывают. Не то переживаю, что герои умирают целыми компаниями, а то, что перед смертью они страшно разговорчивы и очень глупеют. Им свободно можно не умирать, обстоятельства вовсе не требуют этого, но герои разболтались, перебивают друг друга и не могут поэтому выяснить какую-то правду.

Слово. Я свои единоначалия не могу провернуть.

Тема. Широкая тема. Из нейтрального пункта широкий охват человечества и его деяний, главным образом его глупости, жадности, ограниченного эгоизма, которые приводят к ранней гибели, к тяжелым переживаниям удачных и счастливых. Богатый анализ причин и отношений, которые приводят к выводу.

Спасение в контроле, в ревизии слишком большого диапазона человеческих способностей, слишком распространенного недоумия. Спасение в решительном движении науки, направленной к отбору и улучшению человеческой природы, между прочим, к воспитанию большой общности между людьми, к научному вмешательству в историю симпатии и любви, вообще к воспитанию новых коллективных инстинктов.

В романе линия спора, раздела между ведущими мыслями: что делать с этими дураками, чудаками, нарывами. Одни говорят: уничтожить их, запретить пароваться, усилить отбор, вмешаться в игру природы, уменьшить диапазон человеческих характеров. Вторая линия выражений: нужно такое устройство общества, чтобы и дураки уместились, нужно сохранить разнообразие и игру человеческой природы.

Тип. Развить линию *Журбина*, не развитую в «Поэме», линию гурмана и коллекционера в области человеческой природы.

Позиция. Не посмотреть ли от первого лица на все человеку сильному, обиженному, отравленному немножко погонами, немножко привилегиями, немножко идеализмом, но высоко благородному по натуре, ищущему, справедливому, в общем нашему. Украсить его злым сарказмом, который сарказмом и остается, но переключается на наших врагов. Человеку талантливому и работоспособному, не жадному, не способному к коварству.

Предложить ему на решение множество моральных проблем.

Букшпан. Он всегда с писателями и артистами. Он председатель клуба [коммуны]. У него все книжные новинки. Он организует мой вечер о «Педагогической поэме», два тома которой я ему подарил, но на вечере именно и обнаруживается, что «Поэмы» он не читал.

Реплика. Как я завидую Гейне…

Даже у Гейне есть что-то. Но что имеем мы? Что сделали с нашей историей, укажите хоть одного покойника, из которого можно было бы сделать сносное национальное знамя. Куда ни глянь, одна грусть, тот вор, тот сифилитик, тот жалкий мелкий дурак, тот предатель, все своекорыстны, все вшивые мелкие люди. Подумайте, во всей тысячелетней истории ни одного порядочного вождя.

- А Петр? А Суворов?

- Ну, вот видите, придумали. Не лезьте ко мне, пожалуйста, с этим вашим Петром. Не люблю я этого. Мне не нужно героя с бутылкой водки, в диаконском стихате и с дубинкой в раке. Отстаньте от меня, пожа-та. И с Суворовым убирайтесь к черту. Тоже - победитель.

Список имен…

Нет, ни одна из этих женщин мне не нравится. Все это скучное и бедное чиновничье мещанство. Ни одной настоящей души. Их нужно обязательно выдумывать?

Надо еще хорошо составить их список. Может быть, какая-нибудь жемчужина завалялась на свалках моей памяти. Они хороши только, когда их щупаешь и пока щупаешь.

Зарисовки из санатория.

К главной теме. Параллельные мотивы. Человек типа Горбунова говорит: люди дрянь, в большинстве страшная дрянь. Какой может быть коммунизм. А события говорят: они дрянь потому, что дрянно общественное устройство. Присмотрись ближе, и ты увидишь, сколько у людей хорошего.

Тема романа. Одновременные процессы большого внимания и каждой детали на заводе и полного непонимания этого же правила по отношению к людям…

Сентенция. Если к одному человеку отнестись внимательно, к его затруднению, к его стремлению, к его теплу, к его сомнению, то это пусть ничтожный, но такой важный элемент какой-то огромной человеческой культуры. И не так уж страшно: может быть, нужно умножить на 100 миллионов. Это еще ничего…

В воспитании нужна такая же точность, как в производстве — до 1/100 т/п.

(Предыдущие 2 абзаца даются по изд.: Макаренко. Альманах. – М., 2011, № 2, с. 26. – А.Ф.).

РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 8. Тетрадь с записями, автограф А.С. Макаренко. 75 лл., с об. А.С. Макаренко упорядочил свои записи, сделанные в 1929 – 1933 гг. На лл. 69–73 – план работы над романом, сроки.

Название романа не обозначено. В сравнении с другими подготовительными материалами определяется как «Ньютоновы кольца». Примечательно, что к январю 1935 г. А.С. Макаренко написал пьесу «Ньютоновы кольца» (комедия). Его «интересовала «химия» явлений среди наших людей», «тема тоже педагогическая» (см. часть 4 данного издания, с. 47, 52).

«Приступил к роману, - пишет А.С. Макаренко 22 октября 1935 г. – Пока что дело находится в стадии организации материала. Тема намечается, сюжет еще темен. Не дает мне покоя тема «Дураки»» (часть 4, с. 163).

Как и в пьесе «Ньютовы кольца», в романе начинает разрабатываться тема: строящийся завод фотоаппаратов, участвующие в этом деле люди, характеры, коллизии, «педагогика производства», взаимосвязь старшего и молодого поколений. Пьеса (фрагменты) и комментарии к ней – см. в части 3 данного издания, с. 290 – 292, 296 – 315.

Использован технический термин – «ньютоновы кольца», это недостаток в оптической части фотоаппарата, искажение или недостаток четкости изображения. Преодоление «абберации» человеческих характеров, различных людских заблуждений, отклонений от истины – одна из центральных проблем в педагогике А.С. Макаренко.

[1] Образ этой молодой женщины становится одним из главных в последующих подготовительных материалах к различным художественно-педагогическим произведениям А.С. Макаренко (под разными наименованиями).

[2] Говорит как бы сам А.С. Макаренко, центральный образ автобиографического романа, см. часть 1 данного издания, с. 319 – 327.

[3] *Скрыпник Н.А.***: в 1922 – 1927 гг. нарком юстиции УССР, генеральный прокурор; в 1928 – 1933 гг. нарком просвещения; с 1933 г. зам. предс. украинского Совнаркома. В первой пол. 1928 г. поддерживал руководство ЛКСМУ в резкой критике деятельности А.С. Макаренко. В 1932 г. его статью «Педагоги пожимают плечами» представил политически и идеологически противоречащей постановлениям ЦК партии о школе 1931 – 1932 гг. (см. часть 2 дан. изд., с. 375).**

В октябре 1933 г. на Пленуме ЦК ВКП(б)У были вскрыты ошибки в национальной и культурной политике, осуществляемой под руководством Н.А. Скрыпника.

[4] **Местком профсоюза.**

[5] **Важнейшее положение А.С. Макаренко: в коллективе возникает сила, энергия, не сводимая к механической сумме отдельных личностей. Коллектив имеет свое «лицо», характерные черты, тенденции развития. Он – «главный объект» воспитания (но не цель, она распространяется на каждого члена коллектива).**

[6] *Кочубиевский* **– пом. нач. коммуны им. Ф.Э. Дзержинского по производственно-технической части с января 1933 г., в период освоения коммунарского завода фотоаппаратуры.**

[7] **Подчеркивается неразрывная связь и коллектива, и личности с «основной линией» существования и развития всего общества.**

[8] *Рубин* **– видимо, учитель.**

[9] *Чудинский* **– видимо, учитель. В «Типах и прототипах» Клямер (часть 1 данного издания, с. 336).**

[10] *Дроботов* **– видимо, муж (или родственник) Дроботовой.**

[11] **Эпизод в пьесе «Ньютоновы кольца».**

[12] *Судаков И.П.* **– начальник коммуны с конца 1932 г. (после М.А. Максимова); его заместитель** *Тепер* **потом становится начальником коммуны.**

[13] **Международная организация помощи борцам революции, МОПР.**

[14] *Косиор С.В.* **– советский гос. и парт. деятель, один из организаторов КП(б)У; с июля 1928 г. до кон. 1930-х гг. генеральный секретарь КП(б)У.**

[15] *Горбунов Н.А.* **– главный инженер завода электроинструмента в январе 1933 г.; с июля 1933 г. начальник экспериментального отдела.**

[16] *Дидоренко С.А.* **– см. здесь ранее: «Степан».**

[17] *Левшаков Т.В.* **– капельмейстер оркестра коммуны, автор мелодии сигнала «знаменный салют» (одновременно и сигнал «на работу»), музыки и оркестровки марша «Дзержинец» (ноты марша – в части 3 данного издания, с. 335). В «Типах и прототипах» Левченко В.И. (часть 1, с. 342 – характеристика). В художественных произведениях о коммуне – под своим именем. В коммуне до 15 октября 1934 г.**

[18] *Хлюпшева* **– секретарь парторганизации коммуны.**

[19] *Юрченко Е.З.* **– педагог, жена (или родственница) Юрченко.**

[20] *Цейтлин* **– журналист, Москва.**

[21] **Говорится, видимо, о «сценарии», плане, составленном А.С. Макаренко.**

[22] **Имеется в виду, вероятно** *Н. Шершнев*.

[23] *Журбин П.И.* **– персонаж «Педагогической поэмы», воспитатель. Прототип -** *Весич И.А.*, **воспитатель-учитель в колонии им. М. Горького с июля 1923 г., один из заместителей А.С. Макаренко с 1925 г., потом в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. «Бывший штабс-капитан». Уволен из коммуны по распоряжению ее правления, несмотря на настойчивое заступничество А.С. Макаренко,**

- см. часть 2 данного издания, с. 264 – 267. См. о нем также ниже: «Позиция».

Дополнения. *Из письма А.М. Горького Д. Вишневскому и М. Пинчевскому, 17 ноября 1935 г.:*

Уважаемые товарищи –

Матвей Погребинский[1] прислал мне ваше письмо с просьбой ответить вам по поводу сценария, затеянного Вами…

Я очень рекомендую вам ознакомиться с диссертацией Иды Авербах, посвященной вопросу о перевоспитании правонарушителей и «Педагогической поэмой» Антона Макаренко, - две части этой книги уже изданы Гизом, третья часть появится в альманахе «Год XVIII»…

Макаренко. Альманах. – М., 2011, № 2, с. 39. А.М. Горький скончался 18 июня 1936 г.

[1] *Погребинский М.М.* **– ответственный работник ГПУ – НКВД СССР по созданию трудовых коммун для молодежи, осужденной на небольшие сроки, организатор Болшевской, Люберецкой, Дивеевской, Понетаевской, Городецкой и др. коммун. К 1929 г. в них было более 10 тысяч молодых правонарушителей. Деятельность Болшевской коммуны легла в основу художественного фильма «Путевка в жизнь», ставшего классикой. Посещение Болшево в июле 1929 г. коммуной им. Ф.Э. Дзержинского (во время московского «летнего похода») побудило А.С. Макаренко по примеру болшевцев создать свой завод.**

М.М. Погребинский по просьбе А.М. Горького ходатайствовал о возвращении А.С. Макаренко на заведование горьковской колонией. Макаренковский отзыв о книге «Болшевцы» см. в части 5 дан. издания, с. 55 – 59.

Письмо Л.М. Салько, 23 декабря 1935 г.

Дорогой Лева!

Только что получил твое письмо, спешу ответить. Перевод на твою сберкассу сделал 10 декабря, прилагаю справку сберкассы № 824 (при Гослитиздате). Значит, где-то перевод ходит. На всякий случай, если до сих пор в твоей сберкассе перевод еще не получен, посылаю тебе на 300 рублей доверенность. Эти деньги получи в бухгалтерии Гослитиздата (Никольская 10/2), спроси там бухгалтера Полину Николаевну Антонову, передай ей мой привет и получи деньги. Там же в соседнем окне поругай сберкассу № 824.

Спешу. Напишу скоро.

Целую

Твой А.

23/XII 35

Опускала макаренкиана, № 24, с. 134.

Из писем Г.С. Макаренко Л.М. Салько, конец мая и 30 мая 1936 г.

…Здесь меня перервали, и был перерыв [этого письма] на два дня. Нашли дачу не бог весть какую, но будет не плохо: лес и поле. Переедем числа тридцатого. Отец уехал в командировку, будет в коммуне [им. Ф.Э. Дзержинского].

Вчера отец получил письмо от Ковнатор, она пишет: «Ваши дела сейчас блестящи, ожидаем со дня на день статьи в «Правде». Если приедете в Москву, вас ожидает куча приятных вещей»…

У меня теперь есть помощница, такая молодая и хорошая Оля[1]. Гаша[2] уехала в Харьков, у нее больны дети…

Собираюсь переезжать на дачу первого. У нас все здоровы и веселы. Отец уехал сегодня в Винницу на открытие колонии, в которой работает Семен[3].

Опускула макаренкиана, № 24, с. 156 – 157.

[1] Домработница в семье А.С. и Г.С. Макаренко. Иногда упоминается как «*Оля-немка*». В Москву с семьей Макаренко потом переехала «*Марфуша*».

[2] Видимо, одна из дочерей рабочего коммуны им. Ф.Э. Дзержинского – Пенкина (в «Книге для родителей» многодетная семья Веткиных).

[3] Говорится о *С.А. Калабалине*.

Письмо Л.М. Салько, 16 июня 1936 г.

Киев, 16 июня 1936 г.

Дорогой Лева!

Вчера я получил от Бобунова[1] официальное письмо, в котором сообщается, что нам предоставляется на Лаврушинском квартира[2] из 3-х комнат, №13, площадью 63,53 кв. метров па 8 этаже.

Требуют от меня немедленного взноса 7000 рублей пая и 2100 рублей за разные дополнительные работы - кухня, телефон, шкафы, карнизы и прочее.

К счастью, такие деньги у меня есть в Держлитвыдаве[3], но Бобунов не написал, куда их нужно переводить. Письмо написано им 21 мая, отправлено было на адрес коммуны имени Дзержинского и получено мною только 15 июня. Срок же поставлен трехдневный.

Я боюсь, что Бобунов воспользуется таким опозданием и попробует как-нибудь нагадить. Я послал бы ему заявление о разных квартирных переделках и просьбу сообщить № текущего счета и банк, куда перевести деньги, но боюсь, что он это еще затянет, может быть, даже нарочно.

Если у тебя найдется время, постарайся, возможно, скорее побывать у Бобунова и все это дело наладить и выслать мне название банка и счета. Кстати, одним глазом глянь, что это за квартира № 13 и когда она будет готова.

У нас все благополучно. Подробности при скорой встрече.

Целую.

Твой А.

Опускула макаренкиана, № 24, с. 160.

[1] *Бобунов А.Г.* **– писатель, сотрудник оргсектора Союза советских писателей, куратор жилищно-строительного кооператива, Дома писателей, Москва. Дал рекомендацию для вступления А.С. Макаренко кандидатом в члены ВКП(б) в феврале 1937 г.**

[2] Получена была квартира № 14.

[3] Говорится о публикации первой части «Педагогической поэмы» в украинском Гослитиздате, на укр. яз.

Ньютоновы кольца. Роман. Октябрь 1935 г. – август 1936 г.
Фрагмент главы пятой.
2.

…Доктор Короп[1] еще погрозил Бунчуку[2] пальцем и поспешил в соседнее отделение, устроенное из деревянных диванов, где заседала высшая администрация. Доктора Коропа возмущало, что все попали в такую красоту, а все продолжают свою

заводскую волынку. Доктор открыл уже рот, чтобы протестовать, но в том, что говорил Траян, услышал что-то интересное и закрыл рот.

- Хромов-электрик[2], Хромов осужден, и конечно, за дело, и все-таки Хромов выше стоит, чем мы все. Гораздо выше. И в особенности выше вас, товарищи оптики.

Траян говорил это добродушно и добродушно не стеснялся, заикаясь и, может быть, поэтому заикался редко. Никитин, прилепившись к бортовой решетке, смотрел на Траяна хмуро и пошатывал ногой, положенной на другую ногу. Зато Ходиков[3] весь напрягался в стремлении перебить говорившего:

- Давно слышу, голубчик! Давно знаю. Абсолютно старомодное пренебрежение металлистов ко всем остальным. Металлисты, дорогой мой, белая кость, новое дворянство, тяжелая промышленность, Красавец мой, да это ведь то же самое, тютелька в тютельку то же самое, что вот было у рыцарей! У него на голове железо, на плечах железо, на груди железо. Конечно, ему кажется, что и сердце у него железное.

Дмитрий Иванович тоже, знаю, он, душенька мой, паровозник, так он уже вообразил, что у него не сердце, а паровозный котел, а мы, бедные оптики, так себе, легкая промышленность, люди легкого производственного поведения. Старая песня, ангелы мои. Рыцарям в свое время сбили спесь, и вам собьем.

Бакурин[4] слушал Ходикова почти с удовольствием и видел, что и у Рязановой[5] поблескивают глаза от какой-то радости. И это происходило исключительно потому, что Ходиков умел все-таки говорить. У него и глаза смотрели ласково, и слова выходили нежно-приветливые и не могло подлежать сомнению, что он именно металлистов любит больше всего на свете. И Траян слушал его, улыбаясь одним усом и задумчиво посматривая на медленно проплывающие зеленые берега.

- Ерунда! Ерунда, Иван Прокофьевич! Не в том дело, что металлисты! Какой же Хромов металлист или Бакурин, р..раз они пошли работать на оптический завод. Теперь они тоже оптики. Нет, Хромов к..как бы это вам сказать, Хромов человек настоящего синтеза, современного синтеза.

- Очень прошу точнее - какого это современного? - спросил осторожно тихим голосом Никитин[6], не подымая глаз и еще сильнее пошатывая ногой. - Технически современного?

- Да, технически современного. Но по самому своему существу современная техника есть явление, как бы это сказать - советского порядка.

- Не понимаю, - продолжал Никитин, - не вполне понимаю. - Насколько я могу себе представить, современная техника есть прежде всего, мировое явление, европейское или американское, во всяком случае буржуазное, капиталистическое. Если вы и забыли, нам приходится кое-кого догонять.

- О, я это хорошо знаю, это и каждый пионер знает. Я может быть, не вполне ясно выражаюсь. А впрочем, и так хорошо. Но все-таки эту технику создали не капиталисты, а инженера, техники, рабочие. Это создано, если хотите, общим человеческим гением, это явление общечеловеческого порядка, значит, порядка социалистического. И, кроме того, давайте уточним. В военном искусстве есть тактика и есть стратегия, У нас тактика это работа одного станка. Конечно, и на западе эта тактика очень высока. Но вот стратегия у нас другая.

- Что такое стратегия, что такое стратегия? - закричал Ходиков. - Организация производства?

- Если говорить точнее, - организация людей на производстве.

- Так причем здесь Хромов? Кого Хромов организовал?

- А вот увидите!

- Что я могу увидеть, дорогой мой? Пусть Хромов гениальный человек - он придет ко мне или к Никитину и скажет: делайте не так, как вы делаете. А вот так. И потому он гениальный, что же мы подымем руки вверх и скажем: сдаемся. Какой здесь особенный советский синтез? А вы, голубушка, такого наговорили: Хромов превыше всех.

А как делается за границей? Тоже так делается. И с каких пор вы стали таким социалистом, Петр Васильевич! Вы, дорогой мой, даже папу [римского] перещеголяли. Я понимаю: социализм - колхозы, долой частную собственность, буржуев, все наше. А вы уже и технику... Вот, пускай Елена Павловна скажет, что вы, милый мой, загибаете. Да еще и нашли самого настоящего социалиста - Хромова. Я очень хоту его... почитать, но душевно, между нами говоря... душевно... это же лед, а не человек.

- Я ничего не говорю о его политическом или моральном лице, с этой стороны я его не знаю. Я говорю о его логике, если угодно, технический логике. А это логика новая и при этом наша, советская. А что касается меня, то я всегда был таким.

- Господи, боже мой! Какие же доказательства? Какая логика? Что вы такое увидели? Объясните нам, дуракам.

- Я не знаю, какая это логика, если нельзя продавать аппараты, - сказал Кудерман. - Эго совершенно неправильный метод и отнюдь не советский, к вашему сведению. Потребитель должен участвовать в производстве, а как он может участвовать, если вы не даете в руки этот самый аппарат. Вот вы дайте ему в руки, потребитель подымет, допустим, хай, зачем продаете такую дрянь, напишите об этом в газете «Коммунар» да еще с карикатурой, допустим, на товарища Ходикова и на товарища Бакурина, и на товарища Рязанову, а потом вас с песочком проработают в партийной организации, вы схватитесь за свою голову, подумаете и начнете делать хорошие аппараты. Другого же пути нет, это настоящий советский путь, потребитель должен участвовать в производстве. Я, по крайней мере, не наблюдал, чтобы иначе делали.

- А вот Хромов сделает иначе, - задумчиво сказал Тран.

- Интересно будет посмотреть, как он сделает иначе. Здесь не кабинет, однако, здесь лоно природы и пароход «Надежда» и никто не пишет протокол, а товарищ Бунчук просто себе храпит в сидячей ситуации, почему бы по всем этим проклятым вопросам не выскажется, наконец, товарищ Рязанова.

- Я лучше послушаю... поучусь.

- Боже мой, до каких же мы пор будем учиться. Надо же когда-нибудь и торговать! Вот товарищ Траян говорит: Хромов сделает, он знает какую-то там замечательную технику. А только я не вижу ничего особенного. Просто человек ходит на службу, а в склады все равно поступает брак. Серьезно вам говорю: привлеките на помощь потребителя. Нельзя же так: никто ничего не знает, никто ничего не сделает. Ну, вот мы едем по квартирному вопросу, так это же не производственная операция.

- Это и есть самая настоящая производственная операция.

- Советского стиля семья? - ехидно спросил Ходиков, но Траян ответил внимательным сухим взглядом:

- Да, советского.

- И от этого будут аппараты? - ревниво закричал Куперман.

- Вот именно.

- Хорошенькая логика! От этого не будет аппаратов, от этого будут всякие там разговоры: внимание к человеку, и это, конечно, правильно, потому что это в порядке дня и полезно для души. Но причем здесь Хромов?

Траян, сидевший с краю дивана, скучно поднялся и подошел к борту. Правый берег чистенькими, гребнистыми косами золотого песка отодвинулся подальше. У берега купается группа девочек. Одна из них с косичками по пояс в воде идет к самому пароходу. Видно, что у нее хорошее настроение. Она легко шагает, вероятно, на носках, руками игриво кружит над тихими струями реки чуть-чуть манерно, прикасаясь к ним пальчиками. Глаза ее щурятся против солнца и улыбаются Траяну.

- Теплая вода? - спросил Ходиков.

Девочка приостановила движение, прикрыла кулачком глаза, потом сказала, срываясь на хрип: «Теплая», - и с деловым выражением поплыла рядом, погрузившись в реку до самого носа.

- Ах, какая прелесть! - сказал доктор Короп.

Траян со сдержанным удивлением на него оглянулся.

- А что не прелесть? - Доктор враждебно прицелился к Траяну. - Только и живет человек, пока маленький. Плавает себе, радуется. А чуть подрастет, ему сейчас же технику в голову, начальство на голову, внимание к человеку, вы понимаете, странная вещь! Внимание бюрократа к человеку! Эго же, я вам скажу, такая трагедия.

- Стой, стой, стой, доктор, куда это вы заглянули? - Рязанова даже руку протянула к доктору.

- А что плохо? - доктор удивленно вытаращил смеющиеся глаза. - Елена Павловна, уклонился разве?

- Какого бюрократа? Что это значит?

Доктор наклонился к коленям и простительно по-детски сморщил лицо:

- Елена Павловна! Родненькая! Ну, давайте! Ну, на минутку, здесь же так прекрасно - он вдруг широко вытянул руку к горизонту, - мир смотрите, настоящий живой мир, можете же вы на эту только минуту забыть о вашем... этом корсете!

- Каком корсете? Доктор?

Она серьезно склонилась к нему. Он зашептал куда-то в гущу колен, зашептал горячо, доверительно дружески.

- Елена Павловна! Сами знаете, какой корсет у вас: положение, партбилет, секретарь организации, а я что - массы, массы, которые нужно всегда обрабатывать, подрабатывать, понимаете, обкладывать всякой идеологией, препарировать, приготовлять, начинять.

- К чему, к чему приготовлять?

Доктор сердито мотнул головой:

- Да все равно к чему! Ну, к счастью, все равно, к счастью. Все равно. И вы в корсете. Но вот сейчас заговорили: внимание к человеку! Я человек, пожалуйста, смотрю вам в глаза, видите, я не массы, так вот предо мною, пред живым человеком сбросьте вашу... эту скорлупу. Вы можете себе представить: внимание к человеку не может, не может произойти, если это внимание исходит от такого... какого-то броненосца, надо, чтобы субъектом внимания тоже был человек.

- А не бюрократ?

- А не бюрократ.

- Хорошо. Почему вы такое значение придаете этому вопросу. Разве бюрократизма так много?

- Елена Павловна! Какой там много? Вы! Понимаете, все кругом. Ужас, что такое!

Рязанова порозовела, как-то особенно взрывно, даже лоб у нее вдруг стал розовым. Бакурин удивленно прислушивался к разговору, нужно было быстро понять, что такое сегодня с доктором. Траян оглянулся быстро от борта.

- Постойте, - удивленно произнесла Рязанова. - Если уж так... живые глаза, говорите... хорошо. Почему вдруг вас этот вопрос так взволновал?

Доктор поднял голову разочарованно, скучая, глянул на небо, вздрогнул.

- Эх! Ну что говорить! Как это так... взволновал! А почему нельзя волноваться. Вы уже сейчас с вопросом: почему взволнован? Ну вот... потому: солнце взошло, берега зеленые, девочка хорошая плавает, вот и захотелось... по-настоящему. А вы тоже.

- Бюрократ!

Доктор засмеялся добродушно, как смеются люди, которым, собственно говоря, весело, но которые почему-то долго сдерживали свое веселье!

- Да, Елена Павловна. Все мы бюрократы! И вы тоже. И Дуся Круг. Ей 23 года, а она уже.

- Все-таки, доктор, объясните.

- А вы скажите не так! Не доктор, а, к примеру, Михаил Григорьевич! Не знаете моего имени, отчества? Не знаете? А фамилию мою знаете? Вот видите, покраснели! Не знаете фамилии. А я при вас уже два месяца работаю. Я знаю, что вы Елена Павловна Рязанова, и еще про вас кое-что знаю. А почему? Потому что у вас кабинет, бумажки, планы. В этих планах всякие вопросы, ответы, инструкции, где же вам знать, как зовут доктора и что ему нужно, может, в жизни?

Рязанова слушала, опустив глаза, трудно было судить, какое впечатление произвели на нее слова доктора Коропа. Ходиков слушал доктора, и его глаза, очки, губы улыбались одобрительно. Из-за спинки дивана над плечами Ходикова уже склонилось обветренное лицо Морочного, и сверкала перламутровая его улыбка. Ходиков задорно воспрянул облезлой большой головой.

- Правильно, доктор, говоришь, ей-богу, правильно. Я это давно замечаю, голубчики. Все хорошо, я люблю нашу жизнь, очень люблю. И так приятно: все люди как будто на солнышко вылезли. То, понимаете, сидели где-то в погребе, сыро, пустота, грязно, скучно, а теперь вылезли, и оказывается, всем солнышка хватит, и никто не кричит: я имею право на солнышко, и никто дворцов не строит, никто не важничает. На этом, доктор, поставим нота бена, поставим.

- Поставим, - ответил доктор с воодушевлением и кивнул головой.

- Поставим, так что вы, мать-секретарша, родненькая, не обижаетесь? А души все-таки мало. Не только мало, а и совсем нет. И не то, что люди стали плохие? Боже сохрани, люди замечательные. И даже... даже Орхидея - хороший человек, честное олово, хороший, жалко вот, что он сегодня не поехал с нами. А... черт его знает, отчего это, скажите. Каждый, аж слеза его прошибает, все беспокоится, все хлопочет об общем благе, бегает целый день, не спит, не ест, заботится, чтобы как лучше, а души у него к другому человеку все-таки нету. Я уже думал, думал, отчего это? А вы знаете отчего? Оттого, что все записано, на бумажке записано.

Рязанова вскинула на Ходикова огромные серьезные глаза.

- Интересно. Бумажка виновата.

- Бумажка! Вот смотрите. Один начальник написал, другой начальник написал, третий, четвертый целый циркуляр сочинил, а пятый даже книжечку такую, брошюру, все побеспокоились. А Орхидея, или, допустим, вы получили, ах, ты господи, боже мой! Директива! Ах ты, царица небесная, как же ее лучше выполнить! Надо же проработать, план составить, надо же что-то не забыть, важное ведь дело, - сколько людей от этого зависит. И это нужно не забыть, и это сделать, и это записать, и туда написать. Ох, не управлюсь один, дайте делопроизводителя. А тут же и массы нужно в известность поставить, как же можно, а вдруг спросят: поставили массы в известность или не поставили? И сколько раз поставили. Давай общее собрание, давай плакат! А начальник, он тоже ревности имеет к человеку, он тоже беспокоится. Он вторую бумажку пишет, что сделано, какие меры приняты? Какие разъяснения? Немедленно ответить с получением сего. Ай, ай, ай, а у нас ответ не готов, давай скорее считать, сколько было собраний, сколько человек выступало? Да черт его знает сколько, пять человек? Да, что-то пять? Больше. Десять человек. Ой, хлопот сколько, ой, забот сколько, такая важная директива, а некогда, просто времени нет.

А тут еще и какой там индивид стоит тебе перед самым столом и вякает, и вякает. Да чего тебе, да какого ты черта? - К вашей милости! - Да ты видишь, занят, ты видишь, некогда, видишь у меня голова кругом идет, какой у нас все-таки народ... ничего не понимает.

- Правильно, - сказал неожиданно Морочный - правильно, так бывает. Я в прошлом году прошу, прошу топливо у Кузьмы Гавриловича, просил, просил, а он как глянул на меня, а глаза у него красные, глядит глазами, а ничего не видит, а потом и говорит: да, подожди... тут у меня отпускная кампания на носу, черт... никак не согласую.

- Ха, - с печальным оживлением сказал Куперман. - Сколько я на эту кампанию времени перепортил. Сколько меня записывали и переписывали, все-таки план составляли, да еще Орхидея говорил: мы прекратим этот хаотический порядок, отпуска нужно строго по плану.

- И получили отпуска в декабре.

- К сожалению, не получили и в декабре. В общем и целом остался без отпуска.

Морочный засмеялся громко, весело, как будто ему странное удовольствие доставило, что он не получил отпуска.

Ходиков грустно задумался и, наконец, сказал с какой-то решительностью:

- Без души, если подходить к человеку, никогда ничего не выйдет. Никакими бумажками нельзя заменить душу, дорогие мои.

Рязанова давно уже слушала собеседника, отвернувшись к реке. Пароход хитро вилял, то ближе подходил к одному берегу, то к другому, и оба берега были очаровательны. Зеленые, пушистые рощи стояли на берегах в удивительном чистоплотном, прибранном порядке, к самой воде сбегали совершенно целомудренные, не оскорбленные ни ступней человека, ни брошенной газетой, ни единым окурком бархотно-изумрудные полянки, площадки, иногда переплетаемые таинственно-уютными затемненными деревцами серьезного прохладного леса.

Река проходила между берегами с видом добродушной, ласковой уверенности - тысячи лет ее окружали эти берега, и она привыкла к их любовной родственной заботе. И поэтому не нужно было никаких волн, никаких гребней, никаких девятых и десятых валов - никакой борьбы. Здесь было полное согласие природы, веховая договоренность, гармония и мир.

Бакурин одним ухом слушал разговоры, другим прислушивался к убаюкивающему негромкому стуку колес, к глуховатому дыханию машин и все хотел среди этого привычного шума услышать голоса природы, вот этих рощ, этих лужаек, этой спокойной реки. И хотя было очевидно, что природа именно в этом месте, именно сегодня как будто нарочно показывала свое истинное лицо, да при том еще лицо победы и торжествующее, он не мог услышать ее голоса. И река, и берега, и рощи, и поднявшиеся над какими-то невидимыми полями два ястреба, - молчали.

Это не было молчание мертвого покоя. Лицо природы смотрело живыми прекрасными, здоровыми, глазами, полными спокойной радости и уверенной добродушной силы. За кормой довольно высоко уже поднялось солнце, и казалось, между солнцем и нарядной, чистой и тихой землей происходил непрерывный условный разговор, в котором не было ни беспокойства, ни [суеты], разговор, может быть, деловой, а может быть, просто бездушная болтовня, что-нибудь в роде... «Как поживаете» или еще проще: «Растете, живете?»

Бакурин невольно краем глаза посматривал на Рязанову. В ее лице было удивительное соединение такого же упорядоченного мирного уклада - это в глазах, а в выражении рта в мелкой страдальческой складке на порозовевшей щеке - тревога и неспокойная мысль, возбужденная болтовней Ходикова.

Самому Бакурину не хотелось ввязываться в разговор. Где-то у самых фундаментов души ощущалась крепкая уверенность, что и Ходиков и Короп «бузят», занимаются мелкой мещанской и недорогой логикой, но где-то повыше, где помещались специальные инструменты логики, ничто не шевелилось и цепи аргументов не возникали в тишине.

И в той же ленивой полусонной тишине все-таки прощупывалось терпенье и отчасти взволнованное желание: пусть Рязанова отвечает, с какой стати она помалкивает. Желание это настойчиво надавливало на душу с одной стороны и тут же с боку ощущалось и теплое, еле слышное прикосновение жалости - сизый шарф у Рязановой в свободном и красивом беспорядке расположился на плечах, и сразу стало видно, что плечи у Рязановой тоже красивые, теплые и вовсе не худые, несмотря на

привычную тонкость. И снова взгляд Бакурина переходил к неуловимой тонкой линии груди и к хорошо спрятанной, но ощутимой все же линии ноги.

Все эти линии, к которым сегодня, почему то тащил глаза он, были страшно похожи на линии рощ, берегов, реки, что-то было в них свое, притихшее под солнцем, такое же чистое, упорядоченное и живущее какой-то своей замечательной жизнью. По всем этим причинам не подлежало сомнению, что не имели права Ходиков и Короп приставать к Елене Павловне с разными философскими загадками и претензиями и вообще, черт его знает, с какой стати все так устроено: милая, теплая, хорошая женщина - Елена Павловна с неоспоримым правом на счастье и радость, может быть, сама несущая для кого-то счастье, а просто ни эти глупые, лобатые, кучерявые, облысевшие филистеры сидят и вякают: топливо, отпуск, души. И Бакурин неожиданно для себя самого сказал, потягиваясь:

- У вас у самих никакого внимания к человеку[7] - Елена Павловна ведь тоже, с вашего позволения, - человек, чего вы к ней пристали. Сами вы… бюрократы!

Все засмеялись: Куперман свободно, откидываясь назад и заваливая голову, Ходиков снял пожелтевший опалин, Короп смущенно, зарывая пятерню в шевелюру. Засмеялся и Траян, стоя у борта, как только он умел смеяться, чуть-чуть, подымая усы и немедленно поднимая к ним руку. А на самом деле Траян обрадовался больше всех, и поэтому все обратили внимание на его громкую речь:

- С...с..спасибо, Дмитрий Иванович! Вот я им теперь от..т..томщу, Елена Павловна, это же христиане, это же такие, знаете равноапостольные кислосвяты. Сколько миллионов лет живут, а ничему не научились.

И Ходиков, и Короп что-то такое закричали, замахали руками, Елена Павловна далеко запрокинула голову на спинку дивана, чтобы посмотреть на Траяна, и в этом ее движении вдруг обнаружилось так много искреннего, свободного, девичьего, что у Бакурина вдруг стало интересно, горячо на душе.

В строгих, ловких глазах Траяна загорелась хорошая, расправившая плечи симпатия хорошо воспитанного человека. Он повернулся к Рязановой боком, чтобы лучше видеть ее лицо и продолжал, чуть-чуть склоняя к ней голову.

- Вы понимаете, у них идеалы просто вылезли наружу, идеал Ивана Прокофьевича брести пешком, где иногда п..п....проселку встретить нищего, обмыть ему раны, нищий должен быть обязательно с ранами, взвалить на плечи и ... куда-нибудь оттащить. Тут иногда, куда Иван Прокофьевич и сам не знает, но обязательно оттащит.

- Почему не знаю? Почему не знаю, - заблестел Ходиков, - знаю, красавец. И оттащу!

- А к.. куда? - спросил Траян, совершенно не скрывая того, что вопрос задается ехидно.

- Голубчик мой, доставлю вам полное удовольствие, в больницу оттащу.

- П..п..позвольте, больница - это уже бюрократизм, как говорит доктор.

- Э, нет! Это уже!... - закричал доктор.

- К..к... как же нет. Больницу строить - это знаете лесоматериал, железо, подводы, десятники, чертежи, планы - никакой души! Вы п...п... просто, наверное, не знаете, что значит строить больницу.

- Знаем...

- Нет, не знаете.

- Голубчик, мы принципиально против больницы не возражаем.

Траян сделался строгим. Он холодной сталью заостренный глаз направил прямо в сердце Ходикова.

- Нет, возражаете! П... принципиальность! Одна больница и та в этой самой вашей душе не помещается. Одна больница! А вопрос решается не одной больницей, а количеством больниц, понимаете, количеством, числом. А если бы все были такие кислоплюи, как вы, нигде ни одной больницы не было бы, и не шлялись бы по доро-

гам и искали раненых нищих, вообще по методу милосердного самарянина. А скорее всего и не шлялись бы, а сидели бы в кустах и разглагольствовали бы о душах. Проклятый стиль, русский стиль, - остальные все душёвные подлецы!

Доктор вскочил, уже рассердившийся, красный, взлохмаченный.

- Петр Васильевич! Кто же такие мы... вот мы, с Ходиковым? Кто мы такие по-вашему?

Всем стало страшно интересно, что ответит на это Траян. Рязанова села быстро боком, чтобы лучше видеть его лицо. Трян смутился этим вниманием, краснея, начиная ответ, никак не мог выговорить первое слово и даже головой кивал от напряжения.

- Вы... К... к... Вы - К-Карамазовы! Братья Карамазовы. Все позволено или не все позволено. Страдание и сладострастие. Бог, черт, души, человек, а о больницах, о дорогах, о светлых комнатах, о какой иной организации, культуре ни одного слова. Карамазовы - русский стиль. Русское христианство! Пустосвяты и кислоплюи!

3.

Обвинение в карамазовщине доктор Короп встретил так шумно, что все остальные члены экскурсии, как на пожар, сбежались к месту происшествия. Только Сероштан скрывался где-то в отдаленных кормовых закоулках, увлекши туда Наташу Орлову. И другая публика на палубе заинтересовалась явным поражением доктора. Старик с медным чайником щурился на кормовое солнце и посмеивался:

- Ага! А вы, значит доктор будете? Молоденький какой доктор. А это ж кто такой, который про больницы?

Доктор даже обрадовался возможности заняться новым собеседником, тем более, что старый собеседник Траян еще в холодном и стройном напряжении замер у борта.

-Дедушка! Я доктор, а тот, сердитый – инженер. А вы значит, колхозник?

- А я колхозник, - охотно подтвердил дед.

- Хорошего колхоза или плохого? – доктор ласково положил на дедово колено волосатую свою руку. У деда такой лобовой вопрос вызвал некоторую слезливость во всем организме, хотя лицо нисколько не встревожилось.

- Колхоз у нас хороший, а землица плохая. У нас землица от туманов не рожает. Туманов здесь много бывает.

- Да что ты, дедушка, какие же у вас тут туманы.

Серьезный сосед в хаковой рубашке посмотрел на деда вбок через плечо, посмотрел с явным осуждением, потом улыбнулся в черную козлиную бородку.

- Ты, дедушка, из 8-го марта? Ага?

- 8 марта, дорогой, 8 марта.

- У них там в головах туманы до сих пор бродят.

- А? – вопросительно сказал дед и широко открыл рот, хотя улыбки своей мирной так и не оставил.

Сосед объяснил доктору:

- С чайником, видите? По какому соображению с чайником? А как же, пассажир. У них там в 8 марта все пассажиры. На пароходе, на этом сколько вас?

- Нас?

- Да вот же вас? Из “8 марта”.

- А едут, едут, как же, наши люди, - дед забегал ласковыми глазами по палубе.

- От этого и земля не рожает, что пассажиры все. И чего тебе кататься, спросить. Чего ты в город ездил?

- А? – дед, видно, чуял, что от соседа добра нечего ждать, да и удирать от собеседника было непристойно.

- А к сыну ездил, к сыну.

- А тетка эта с ребенком?

- А она к мужу, к муженьку с сыночком ездила.

Сосед махнул рукой, отвернулся с досады:

- Ну вот тебе и причины. А нечего на туманы сворачивать! Туманы у них! Ох, и народ же, прости господи.

Доктор загляделся на сердитого соседа, а дед тем временем заегозил по-другому, только говорил шепотом: как будто его шепот соседу мог быть не слышен.

- Туманы у нас бывают, это уже, голубок, ничего не поделаешь. А особенно после трактора. Он, милый, как перевернет землю, глубоко забирает… трактор. Как перевернет, а земля и силу теряет. Она потом вернется, сила-то, только годика через три. Она от солнышка вернется. Солнышко может за три годочка.

Сосед покачал головой:

- А они три когда катаются. Так и ползут, так и придумают. Колхозники!

- Колхозники, правда, - несмело обрадовался дед.

- Да какие вы колхозники! Пографские! Город тоже неправ. Живет их там две тысячи, а с чего живут, ну никак не разберешь! Летом дачники, зимой неудачники. Богатый народ городской. Видишь чайник какой, а коровы нет.

- Есть корова, как можно?

- Да чем же ты ее кормишь, коровку? Тебе ж и трактор в помеху и туманы. Агроном тоже.

Дед на это ничего не ответил, еще посопел, взялся было за чайник. С другой стороны деда сидела молодуха с ребенком, та самая, которая к мужу ездила в город. Ребенок был уже не маленький, лет двух, но давно уже начал хныкать, все становился на ноги, на диване, потирался щекой о плечо матери.

- Дедушка, у вас в чайнике-то вода?

- Водичка, как же, водичка.

- Дай, дедушка, ребенку.

Дед обрадовался возможности перейти к темам, менее опасным, чем туманы и тракторы. Он полой завозил по носику чайника, организуя необходимую в нашей жизни асептику, а сам воспользовался случаем, чтобы поговорить:

- У меня всегда чайник. На пароходах-то не бывает водицы, а у меня всегда, сколько хочешь.

Доктор, как будто проснувшись, поднял глаза.

- Как так на пароходе нет воды?

Сосед в хаковой фуражке с уставшей выразительностью махнул рукой:

- На пароходе! Еще не изобрел такого способа!

Доктор сморщил лицо, озабоченно посмотрел вокруг и медленно пошел по палубе, приглядываясь к людям. Пассажиры ехали больше деревенские. Только на корме заседал городской цветник, составленный вокруг Сероштана. Сероштан рассказывал что-то веселое, весь блестел каким-то маслом, выступившем на физиономии. Его лицо все было покрыто каким-то странным молодым пушком, размещенным без особой справедливости, на ушах и щеках больше, на бороде пух этот перемешивался с черными клочками пушистой бороденки, а через голову проходила чистая сияющая лысина, но не такая, какая бывает у стариков, а моложавая, прибранная, может быть, самое молодое место на этой голове.

С особенным восхищением Сероштана слушали Матильда Петровна Ходикова и Мария Сергеевна Лесниченко: только у Матильды Петровны выражение было добродушно-снисходительным, а у Марии Сергеевны неудержимо-восхищенно-смущенное. Девушки, напротив, посматривали на рассказчика с осуждением, особенно Дуся Круг: нахмуренные брови у нее шевелились, из-под бровей выглядывали прищуренные, открыто недоверчивые глаза. Тут же стоял Сережка Найдовский и рассматривал Сероштана с чисто научным любопытством…

Неизвестный Макаренко. Вып. 2 / сост. Невская С.С., Русаков А.Н., Филин И.В. – М., 1993 (Ин-т развития личности РАО, Росс. педагогич. о-во), с. 10 – 24.

«...Я живу нормально, разъезжаю по Украине и болею гриппом. Это не мешает мне писать роман для альманаха (в отдельное издание не дам, пока альманах не выйдет в каком-нибудь декабре). Роман, честное слово, получается хороший...» (часть 4 дан. издания, с. 234).

По этому роману (как ранее и по пьесам «Мажор» и «Ньютоновы кольца» - часть 3 дан. Издания, с. 149 – 165 и 296 – 315), хорошо видна еще должным образом неоцененная и не осмысленная существенная черта творчества А.С. Макаренко как социального педагога: его внимание к старшему поколению, к судьбе детей, молодежи в ее зависимости от образа жизни старших.

Он преодолевает ограниченность педагогики сферой детства и юношества, узко-личностной или коллективно-групповой направленностью. Он стремится понять «педагогику всего общества». В характеристику педагогического процесса вводится категория «поколений». Их закономерная смена, преемственность и взаимодействие рассматриваются в общем потоке социально-культурного развития общества.

В приведенном фрагменте романа ставятся актуальные проблемы: организация современного промышленного производства «по-советски», участие в нем потребителя, связь производственной и гуманитарной логики, внимание к человеку и забота о нем, развитие бюрократизма, пережитки благотворительного подхода к человеку.

Описывается организованный профкомом завода фотоаппаратов выезд его работников в выходной день «на природу», на пароходе «Надежда», - что позволяет людям в непринужденной обстановке, свободно обмениваться мнениями по волнующим их вопросам.

В §3 затрагивается тема сельского хозяйства, колхозов.

[1] Короп – врач, молодой специалист. Прототип – *Н.Ф. Шершев.*

[2] Хромов – «осужденный за вредительство» специалист - «электрик», талант, главный инженер завода.

[3] Ходиков – инженер по оптике, остановившаяся в своем развитии личность.

[4] Бакурин – автобиографический образ.

[5] Рязанова – секретарь парторганизации завода, «умная и тонко организованная натура», еще колеблющаяся.

[6] Никитин – инженер, человек «кабинетного типа».

[7] Отмечается исторически важный факт: забота о человеке, проявляемая в государственном масштабе. См.ниже: всеобщее бесплатное медицинское обслуживание, здравоохранение. И при этом – отставание в культуре реализации этого огромного общественного достижения на индивидуальном уровне.

Такого рода неразвитость советских, социалистических общественных отношений А.С. Макаренко отмечал и в других направлениях движения страны к совершенству ее жизнеустройства.

Указанные выше персонажи – см. по пьесе «Ньютоновы кольца», часть 3 дан. издания, с. 190 – 191, 296 – 315.

О писательских планах (интервью), начало сентября 1936 г.

Писатель А. Макаренко закончил «Книгу для родителей». Автор поставил перед собой задачу помочь родителям разобраться в сложных запросах воспитания. В художественной форме рассказывает писатель в книге о семье, о том, чем наша семья отличается от старой и т.д. Эта работа А. Макаренко принята к печати в альманах «Год XIX»[1].

Скоро А. Макаренко закончит сценарий «Четыре товарища»[2] (название условное), построенный на материалах трудовых коммун им. Горького, им. Дзержинского и др.

Год тому назад писатель закончил комедию «Ньютоновы кольца» о так называемых «чудаках»[3], которых иногда считают неполноценными для социалистического общества. Если таких «чудаков» окружают вниманием, воспитывают, они становятся полноценными советскими гражданами.

Осенью прошлого года комедию читал М. Горький и одобрил ее. А. Макаренко вносит в комедию ряд дополнений, изменений и лишь после этого произведет окончательную редакцию пьесы.

Литературная газета, Киев, 11 сентября 1936 г., без подписи, укр. яз. Интервью сотруднику украинского журнала «Театр».

[1] Говорится о начале «Книги для родителей» в ее первоначальном варианте, представленном в альманахе «Год XIX» (по издательскому договору под названием «Отцы и дети», см. часть 4 дан. издания, с. 264).

П.А. Павленко, **(гл. редактор альманаха), получив этот текст, сообщил А.С. Макаренко в ноябре 1936 г., что материал «целиком уходит в область философского жанра», звучит «как манифест, как учебник благородства» (часть 5 дан. издания, с. 118). Но публикация этого текста почему-то не состоялась.**

Этот материал впервые опубликован как «Очерк «Книги для родителей»» в части 5 дан. издания, с. 107 – 119.

[2] Этот сценарий А.С. Макаренко готовил по заказу Укрфильма. «Много пишет сценарий» - писала Г.С. Макаренко Л.М. Салько 6 сентября 1936 г. (Опускула макаренкиана, № 24, с. 176). Этот материал не известен исследователям.

[3] Тема «чудаков», необычных людей, по разным причинам «выламывающихся» из обычной жизни, характерна для творчества А.М. Горького, см. его пьесу «Чудаки». Сказанное здесь о пьесе «Ньютоновы кольца» затем повторено в статье «Драматургия Украины» - в ж. «Театр», Киев, 1936, №1 (сдан в набор 21 сент. 1936 г.).

Выступление в Ленинградском доме писателей, 14 декабря 1936 г.
(в записи)

…Рассказ автора «Педагогической поэмы» о своем совершенно исключительном по богатству и глубине опыте в деле социалистического воспитания людей интересен не только для педагогов.

- Основную роль в воспитании, - говорил А.С. Макаренко, - играет семья - коллектив, где ребенок является не объектом баловства или родительских «жертв», а участником, в меру своих сил, общетрудовой жизни.

К семье обращается новое произведение А.С. Макаренко – «Книга для родителей», уже подготовленная к печати[1]. Отрывки из нее, яркие и острые, автор прочел собравшимся.

Сейчас он работает над третьей книгой, в которой хочет показать, как находят свое место в жизни люди «неполноценные»[2].

Сам он подчеркнул, что не считает себя писателем, и заявил, что никогда не покинет своей педагогической работы, «самой важной, — как он выразился, - в Советском Союзе».

Вопреки этой писательской скромности, все присутствующие на вечере согласились с А.В. Ганзен, которая дала высокую оценку литературной деятельности писателя А.С. Макаренко, черпающего материал из самой гущи жизни.

Литературная газета, М., 23 декабря 1936 г. **Об этом событии упомянуто в части 5 дан. издания, с. 135. А.С. Макаренко был приглашен «ленинградскими писателями» на обсуждение «Педагогической поэмы» в Доме им. Маяковского. По газетной публикации видно, что на этой встрече писатели серьезной заинтересованности и активности не проявляли.**

[1] См. комментарий 1 к предыдущему материалу. «Книга для родителей» начала печататься в ж. «Красная новь», 1937, № 7.

[2] Имеется в виду роман «Ньютоновы кольца» Фактически это четвертая книга, с учетом опубликованной в кон. 1932 г. книги-очерка «Марш 30 года». (Часть 2 дан. издания, с. 224 – 239).

Дополнение. *Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 25 января 1937г.* **...Мы живем хорошо... Отец наш здоров и бодр, а это основное. Мы сидим упакованными, но это не омрачает нашей радости и жизнерадостности. Уверяю тебя, мальчик, что мы хорошо себя чувствуем и не нервничаем.**

Положение сейчас таково, что в Броварах никак не дождаться управляющего на место отца[1], и хотя отец не принимал дел по колонии, но и бросить он ее, конечно, не может без нового управляющего. Все говорит за то, что к первому, числу новый управляющий будет, т е. его ждут со дня на день.

Но скажу тебе, дитятко мое, что я даже рада, что мы, пока отец занят в Броварах, живем в Киеве. Я имею возможность поберечь его, и позаботится о нем, а ты хорошо знаешь, как это ему нужно. Так что я даже довольна, что мы в Киеве пока...

Спокойно подождем и ждем квартиры [в Москве], которая от нас не уйдет...

Конечно, у меня есть определенная раздвоенность между тобой и Антоном, оба вы мне дороги и болезны, но если бы я сейчас была в Москве, а Антон в Киеве, то эта раздвоенность не уменьшилась бы. Такова сейчас моя жизнь, что поделаешь...

Опускула макаренкиана, № 24, с. 229 – 230.

[1] После неоднократных устных просьб А.С. Макаренко об освобождении его от работы пом. нач. ОТК НКВД УССР он 14 июля 1936 г. подал официальный письменный рапорт об этом, с согласием быть «консультантом-педагогом» даже без оплаты этого труда (см. часть 4 дан. издания, с. 265). С 17 сент. 1936 г. он стал «старшим инспектором-консультантом по учебно-воспитательной работе».

Начав эту работу во вновь организованной колонии НКВД в Броварах (№5, под Киевом), он вскоре становится фактически

ее руководителем, до конца января 1937 г. (затем – его переезд в Москву). Его заинтересовал появившийся тогда новый контингент несовершеннолетних правонарушителей – дети из семьи, что совпадало с написанием «Книги для родителей».

Понятия, идеи «Книги для родителей», схема (в изложении), конец 1936 г. – начало 1937 г.

Более 100 понятий, идей (взятых А.С. Макаренко из его записных книжек, даны в кружочках, с обозначением (черточкой) связи между ними, иногда с обозначением направления связи (стрелкой) и двойной черточкой, с перечеркнутой черточкой. Заметны два «гнезда» понятий, идей; кружочки иногда с пометами: крестик, минус, ноль.

Первое гнездо включает: забота о родителях, чувство благодарности, свобода ребенка, дом родителей, что делать детям, домашняя работа, единение трудящихся, пролетарский гуманизм, равенство в пище, отношения к детям (не личное дело), удобное платье, дети и семейный бюджет, платье родителей, уступчивость родителей, «все для детей», ложный аскетизм матери, домработница, воспитание тирана, жадность, одежное тщеславие, зависть, ребенок-игрушка.

Вторая группа: авторитет родителей, они «подруги», товарищи, распоряжение, коллектив, лечение, эгоизм прикрытой правдивости, каприз за едой, ребенок плохо ест, закаливание, вырывание кусков. Близко к этому: власть ребенка в еде, ребенок умрет.

Без обозначения связи: коллективная этика, «не хуже людей», высший и низший труд, труд не ради денег, «дураков» хватит, простая философия распределения, последовательность в хозяйстве, взять без спросу, отношение к деньгам, карманные деньги, цель воспитания, непротивленчество, секрет воспитания, мерка успеха, финансовая тайна, поза, воровство, игра в воровство, «беззаботное детство», алименты и другое:

Внимание к мелочам, парижская мода, значение школьной формы, последовательность в нарядах, аккуратность, воспитание – дело, гражданский долг, сильные чувства, неполадки взрослых, стипендии, жертвовать собой. Радость детей и родителей, помощь старухе, застенчивость и наглость, ангелы и цветы, детский обман, спекуляция на детских талантах, погоня за любовью, нежности и поцелуи, первое детство, материальная сфера, сдержанность, руководить – не навязывать, развитие родительской нагрузки, вежливость и деликатность, механические привычки, игровые установки, бытовая и хозяйственная беспомощность, умелость нагрузки, дети-наследники, семья - советская ячейка, свободная любовь, единственный ребенок, игры детей, половое воспитание, кино, театр, учение, школа, книги, дети вождей, избалованность, нищенство, сварливость, нервы, раздражительность.

Воспитание гражданина в педагогике А.С. Макаренко / авт., сост. С.С. Невская. – М., 2006, с. 270. Автограф А.С. Макаренко. Без указания на источник (РГАЛИ) и без даты. Ориентировочно относится к концу 1936 г. – началу 1937 г.

Есть прямая связь с другими подготовительными материалами к первому и последующим томам «Книги для родителей», см. часть 5 дан. издания, с. 155 – 171 и часть 8, с. 138 – 151.

Данный материал ценен как свидетельство органического единства в трудах А.С. Макаренко средств литературно-художественного творчества и научного способа познания (образного восприятия и оперирования понятиями). Этот синтез

позволил ему глубоко проникать в сущность педагогических явлений и процессов.

В «Книге для родителей» А.С. Макаренко продолжает разработку общепедагогических проблем, развивает систему понятий и идей, относящихся к опыту его колонии – коммуны и общественно-педагогическому опыту; это имеет прямое отношение к творческому развитию педагогики, школы, системы образования и воспитания в целом.

Сказка о советском медведе (фрагмент главы третьей «Книги для родителей» - в семье Веткиных)

…Степан Денисович пересел на табуретку, захватил бороду рукой и потащил ее вправо, дрогнул под усом снисходительной, иронической улыбкой и начал:

…В одном лесу жил медведь с медведицей, и было у них двое медвежат. Жили они ничего себе, и все шло хорошо, но тут случилась такая беда: заболел у медведя зуб, самый такой главный зуб, без которого ему обойтись невозможно никак.

Медведь уже что ни делал: и горячим молоком полоскал, и травку какую-то прикладывал - ничего не помогает, болит и болит, а медведю некогда болеть, надо на работу ходить и дома по хозяйству хлопот много, а тут зуб разболелся, никакого спасения. И стал медведь сердитый, на жену кричат и детей своих за каждый пустяк ругает, и все рычит и за больной зуб хватается.

Вот медведица смотрела-смотрела да и говорит медведю:

- Что же ты страдаешь с зубом своим, а лекарство не помогает, надо зуб вырвать. Медведь как зарычит на нее:

- Говори ерунду: вырвать! Разве проживешь без зуба в дремучем лесу?

Медведица замолчала, потому что боялась строгого хозяина.

А на другой день видит, как он мучается, опять к нему пристала:

- Пойди к доктору, пускай тебе зуб посмотрит. Может, что-нибудь такое сделает.

А медведь теперь уже не зарычал, потому что здорово его болезнь одолела, а только промычал печально:

- Какие тут в лесу доктора? У них никакой культуры нету, бедней медведь заболеет, а полечиться негде.

А она говорят:

- А ты в город пойди к настоящему доктору.

А он ей отвечает:

- Настоящему доктору деньги платить, а какие у нас деньги, видишь, какие мы бедные, у старшего Мишки до сих пор штанов нет, корову хотели завести, и коровы нету.

Но тут медведица стала его просить, и Мишка старший, и Тишка молодший, Мишка говорит:

- Ходил я без штанов шесть месяцев, и еще похожу, в лесу все равно никто не увидит.

Но старый медведь махнул лапой на них и не захотел деньги тратить.

А в это время зуб все больше болит; катается медведь по земле, деревья грызет, ревет на весь лес, всю звериную мелкоту распугал.

Пробегала тут по своим делам лисичка знакомая, услышала, что делается, заглянула к медведям, и так ей старика жалко стало. Села она против медведя на задние лапки, покачала головой и сказала:

- Ай, ай, ай! Такой заслуженный зверь, а безвинно страдает как! Пойди к доктору!

- Ай, отстаньте вы с вашими докторами,- промычал медведь,- какие у меня такие выдающиеся средства, чтобы к докторам ходить?

А лисичка ему говорит:

- Чудак ты старый! Никаких денег не нужно. Теперь на земле Советская власть, даром лечит. Ты в поликлинику пойди, в поликлинику!

Медведь даже зубами на нее клацнул - рассердился.

- Кто меня в поликлинику пустит? Где у меня профсоюзный билет, где?

Но лисичка как пристала: иди да иди в поликлинику, всех пускают трудящихся, никакого билета не нужно; запишись в очередь и все. И медведиха тут прибавила, и Мишка и Тишка обступили.

Подумал медведь и решил: была, не была – пойду в поликлинику. Собрался в дорогу, подвязал щеку полотенцем, взял оглоблю старую, чтоб собак отгонять, и пошел.

Ну, вышел он из лесу, попал на городскую дорогу и побрел потихоньку. На дороге мало кого встречал, а кто и попадал навстречу, так те мигом повернули да бегом к городу - забоялись медведя, думали, он какой-нибудь такой, старорежимный зверь, а он был настоящий советский медведь, да еще и больной к тому же.

Пришел медведь в город, прет посередине улицы, за щеку держится. А народ от него в стороны, в переулки, по дворам разбегается. Лошади, никаких разговоров, как увидят - назад, да не как-нибудь, а вскачь, во все лопатки, телеги бьют, головы задирают. Собаки, на что уже народ храбрый, и то с перепугу в подворотни, под крыльца, под кровати, куда попало, сидят и дрожат, зуб на зуб не попадает, говорят:

- Что за безобразие? куда Горсовет смотрит? Почему такие бандиты по улицам свободно прохлаждаются?

Один милиционер не испугался, стоит на перекрестке и думает:

- Новое дело! Медведь! С какой точки зрения его рассматривать? Ведет себя прилично, а все-таки вопрос: по тротуару ему положено или посередине?

На всякий случай показал зеленый свет, а потом передумал, дает красный - и к медведю. Взял под козырек из вежливости и спрашивает:

- Почему посередине улицы ходите? Движение нарушаете?

А медведь взялся опять за щеку и говорит:

- Где тут поликлиника?

Посмотрел на него милиционер и подумал:

- А черт его разберет, может и бальной, а может и прикидывается для чего-нибудь.

- Документов никаких не имеете?

Медведь помотал годовой, какие у него документы?

Тогда милиционер сказал:

- За нарушение правил уличного движения полагается с вас три рубля штрафа. Но так как у вас денег нету, ясно видно, потому что кроме полотенца и одежды никакой не видно, так пойдемте в район, здесь близко.

Пошли они в район. А в районе все народ геройский, с револьверами, у медведя даже зуб перестал болеть от мнительности.

Начальник района очень удивился такому посетителю, но все-таки сказал спокойно:

- Садитесь, пожалуйста.

А медведь говорит:

- Я и постою, мне в поликлинику нужно.

- Да это все хорошо,- сказал начальник,- только очень странно-как-то: поликлиника для людей, собственно говоря, назначена.

А медведь и говорит:

Я тоже трудящийся!

Посмотрел на него начальник строго и ответил:

- Ну, это еще вопрос, какой ты трудящийся. Есть такое мнение, что ты вредитель.

Медведь даже лапами всплеснул за такое оскорбление, зарычал даже:

- Р-р-р-разбирраетесь вы, кто вр-редитель, а кто не врре-дитель? Рразбирраетесь?

- Разбираемся,- сказал начальник. - Вот в книжке написано: Брем[1], том первый, страница 594. «Медведь преследует всяких животных, всего охотнее овец, но также быков, лошадей, лесную дичь». Что скажешь?

- Хо, - заревел медведь весело,- овец преследую и лошадей? Брем устарел, товарищ начальник, Посмотрите, когда книга написана - в 1825 году. В то время, конечно, не только медведи, но и люди другие были. Да и книжка немецкая, не про советского медведя.

- А что ты понимаешь в советской власти?

- Как же, все понимаю. Овцы и лошади - государственная собственность, все понимаю.

- Чем же ты кормишься? - спросил начальник.

- Исключительно вегетарианской пищей, исключительно вегетарианской,- убедительно сказал медведь.- Травка всякая, ягода, ну иногда кучу муравьиную найдешь, мышку какую-нибудь, а если затравишь зайчонка, так это редко, разве в выходной день.

- А вот у Брема сказано, на поля ходишь, пшеницу, кукурузу лопаешь. Как с этим?

- Вы вот, Брему верите, а мне не верите,- обиженным голосом сказал медведь. - Конечно, пшенички хорошо пожевать, но я же понимаю - люди трудились, сеяли, как же можно? Да и некогда, товарищ начальник, просто нет ни минутки свободной, туда-сюда, служба, семья.

- Что ты болтаешь? - вскричал начальник. - Какая у тебя служба?

- А лес кто сторожит? Да без меня у вас порубок было бы на сто процентов больше. А теперь всякий такой человек и пошел бы в лес с топором, да стесняется, боится со мной повстречаться, потому что не люблю этого. Лес государственный, а они без всякого плана… Я строго с ними, как зарычу: Давай рррразрешение!

Медведь так зарычал, что даже начальник и все милиционеры испугались, а потом, конечно, смеются и говорят:

- Как же это ты без жалованья служишь?

Медведь стал грустный - грустный и говорит:

- Не платят жалования, некому похлопотать, и Мишка мой до сих пор без штанов ходит. Зуб вот заболел, и то одни неприятности. Пошел в поликлинику, так, видите, арестовали и к Вам привели.

Ну, тут увидел начальник, что медведь свой, советский, немедленно написал ему записку в поликлинику и автомобиль предоставил.

Сейчас же доктора взялись, посадили медведя в кресло, стали зуб лечить. Прочистили зуб, запломбировали, совсем как новый стал.

А потом отправили домой с честью, награду всякую выдали: медведице на платье, Мишке и Тишке на штаны, и дали ему продуктов всяких, а лекарств нужных, пуд винограду, да пуд шоколаду, бочку меду, да ведро йоду, пшеницы мешок, сукна кусок, сто рублей денег и для хозяйства веник.

Пришел медведь в лес веселый и здоровый. Встретили его медведиха, Мишка, Тишка и лисичка-сестричка. Рассказал медведь все как было, как его в район водили, допрос чинили, в кресло садили и зуб лечили.

Вот, говорит,- что значит Советская власть. Справедливое отношение и доверие к труженику.

Все радовалось и веселились. А лисичка сказала:

- Кажется, и у меля зуб начинает болеть. Прямо беда, покоя не дает.

Рассказывал сказку Степан Денисович замечательно: рычал по-медвежьи, даже лапы подымал с угрозой, за щеку держался и стонал, как настоящий больной.

Малыши перебивали его рассказ восхищенными визгами и спазмами испуганного дыхания. А когда Степан Денисович, изображая лисичку, взялся за щеку, закачал головой и запищал жалобно, ребята запрыгали и засмеялись, как будто действительно перед ними лисичка на зубную боль жаловалась.

В благодарность за сказку Маруся полезла на колени к батьку и, запутав ручонки в его рыжей бороде, спросила как будто задумчиво:

- А потом какая будет? Какая потом будет сказка?

Вопрос заинтересовал и других, все затихли и смотрели на батькину бороду.

Степан Денисович, деловито соображая, глядит на потолок.

- На тот выходной день назначается сказка «О трактористе Семене и пахаре Филимоне»…

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 76. Кратко дано в части 5 дан. издания, с. 154.

Данный текст – опущенный при публикации «Книги для родителей» фрагмент ее главы третьей, где рассказывается о многодетной семье Веткиных (Макаренко А.С. Пед. соч. в 8 т., М., 1985, с. 33 – 54). Начало фрагмента дано там же, с. 240 – 241 и в части 5 данного издания, с. 145 – 146.

А.С. Макаренко пытается существенно обновить содержание сказок для детей, наполняя его смыслом новой, советской жизни. С малых лет ребенок должен проникнуться главным в ней: это жизнь при общей собственности, жизнь трудящихся, они работают на общее благо, сообща пользуются результатом своего труда, без скрупулезных денежных расчетов, полагаясь на законы справедливости, чести и совести.

Насколько это оказалось далеко от существующего представления о детях и их воспитании, от тематики фольклорного жанра, видно по тому, что попытки Фролова А.А. в 1970-х гг. опубликовать «Сказку о медведе» в каком-либо периодическом издании оказалось безуспешным. А речь могла идти и о детской игрушке, детских играх, что уже младенчестве и раннем детстве во многом определяет мироощущение и социальное поведение зрелой личности.

[1] Говорится о книге: Брэм А.М. Жизнь животных. - 1825 г.

[2] В этой сказке речь, видимо, должна идти о механизации, коллективной и индивидуальной организации сельскохозяйственного труда и хозяйствования. Видимо, также, что А.С. Макаренко обдумывал серию таких сказок.

Дополнения. *Из материалов НКВД УССР о высказывании А.С. Макаренко* **на торжественном общем собрании коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (около 1 тыс. человек) при выпуске 70 ее воспитанников 5 сентября 1936 г. (расценено как «антисоветское выступление»). Резолюции:**

Проведенной проверкой донос тов. Огия[1] подтверждают. Что делать?

Так как Макаренко стал писателем и выехал в Москву, направить [материалы] в СПО[2].

Март 1937 г. Подписи (неразборчиво).

Личный архив Фролова А.А., его выписка, источник не указан (по небрежности).

[1] *Огий Н.А.– Чернуха* **тогда секретарь парторганизации коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. Об этом высказывании А.С. Мака-**

ренко (касающемся *И.В. Сталина*) **и о реакции на это президиума собрания он письменно сообщил (по инстанции) секретарю парткома НКВД УССР** *Крауклису Я.К.* **с грифом «совершенно секретно» и «лично».**

Тот на этом уведомлении 13 сентября 1936 г. написал: «*Резолюция на донос Тов. Стрижевскому. Как только Кидыба сядет в ОТК, мы через некоторое время М. удалим. Это враг…***» Далее разбирательство этого дела приостановил, видимо, В.А. Балиций, активный сторонник А.С. Макаренко (смещен с должности наркома внутренних дел Украины 11 мая 1937 г.).**

В мае 1937 г. назначенный на должность начальника ОТК НКВД *Реферт В.Д.* **26 мая указанный «компромат» на А.С. Макаренко направил** *Чирскому Р.А.*, **нач. отдела кадров НКВД УССР, с копией** *Стрижевскому Л.И.*, **секретарю парткома Управления безопасности НКВД УССР, зам. нач. секретариата НКВД УССР. 1 июня 1937 г. зам. Чирского** *Райхштейн Р.А.* **материал по А.С. Макаренко направил в Москву.**

Подробно об этом эпизоде жизни и деятельности А.С. Макаренко (5 сент. 1936 г. – 1 июня 1937 г.) см. в части 5, с. 64-66. Макаренковское «Обращение к коммунарам-выпускникам» см. в части 5 дан. издания, с. 64. При жизни А.С. Макаренко оно не публиковалось, в нем сказано: «Будьте энергичными последователями нашего гениального Сталина». После этих слов видимо, и было сказано то, что было воспринято как «антисоветское выступление».

Вероятно, в порядке своей «реабилитации» А.С. Макаренко написал статью «Дело партии», она была опубликована 12 сентября 1936 г. в газ. «Юный пионер», органе Харьковского обкома и горкома ЛКСМУ. В статье говорилось о коммуне дзержинцев и выпуске из нее 5 сентября 1936 г.

Примечательно, что незадолго до этих событий, 20 июля 1936 г. газета «Правда» (Москва) опубликовала статью А.С. Макаренко о коммуне им. Ф.Э. Дзержинского «Прекрасный памятник» - среди материалов, посвященных 10-летию со дня смерти Ф.Э. Дзержинского.

[2] Видимо, Секретный политический отдел НКВД СССР. Москва.

Папка с материалами дела А.С. Макаренко включает: заявление Огия Н.А., объяснительная записка Макаренко А.С. (автограф), корешки вырванных листов (около 20), еще один текст Макаренко. Эти 2 макаренковских материала еще неизвестны исследователям.

«Дело Макаренко» было в Москве поднято позднее, вероятно, в связи с вопросами обновления руководства Союза советских писателей и издательств художественной литературы, поднятыми на совещании писателей в ЦК ВКП (б), оно проходило 25, 27 марта и 8 апреля 1938 г. под председательством *А.А. Андреева* **и** А.А. Жданова **(А.С. Макаренко там не было).**

На этом совещании поступило предложение определить А.С. Макаренко (беспартийного) директором Государственного издательства художественной литературы. А.А. Фадеев в день открытия совещания сказал о возражении *В.П. Ставского* **(ген.**

секр. ССП, после смерти А.М. Горького): «Есть кое-какие данные, порочащие Макаренко в прошлом».

А.А. Фадеев **по поводу этих возражений сказал: «А все почему? Потому что Макаренко самостоятельный человек, любил говорить правду прямо, в глаза руководства «Союза». Конфликт между В.П. Ставским и А.А. Фадеевым завершился определением второго председателя правления ССП.**

Опускула макаренкиана, № 21 / авт. Г. Хиллиг, Марбург, ФРГ, 1998, с. 92 - 94.

Видимо, *А.А. Фадеев* **защитил тогда А.С. Макаренко. Потом он первым дал ему рекомендацию для поступления кандидатом в члены ВКП(б).**

Позднее, 2 июня 1938 г. А.С. Макаренко введен в состав редакционного совета издательства «Советский писатель» (избран на заседании Президиума правления ССП, в связи с реорганизацией этого издательства, оно аннулировано как кооперативная организация, передано в ведение ССП, - см. часть 7 дан. издания, с. 99).

Афиша лекции А.С. Макаренко в Политехническом музее, Москва, 21 апреля 1937 г.

Государственный политехнический музей.

Большая аудитория.

Лекционно-экскурсионное бюро МОСПС. Общемосковский лекторий.

6-я лекция цикла «Литература».

21 апреля. Начало в 8 час. веч.

Читает А.С. Макаренко:

«Художественная литература о воспитании безнадзорных детей».

Участвуют: Засл. арт. Республики И.А. Зелесский.

Артист МХАТ Ю.Э. Кольцов.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 433, л. 1.

Текст лекции см. в части 5 дан. издания, с. 191 – 213.

Дневниковые записи, 1 мая – 17 декабря 1937 г. и 20 февраля 1938 г.

1 – 4 мая 1937 г.

Написал 1 – 3 главы романа «Человек». Сбк[1] получил 500. Гале[2] 500.

5 мая

Отдал 1 – 3 гл. «Человека» Панферову[3]. Он вежливо благодарил, хотя и сказал, что мало для книги журнала. Вечером разбор «Творчества» Панферова.

6 мая

Работал над статьей для «Правды» «Детство и литература»[4]. Читал. Материала мало.

7 мая

Был у Панферова. Конечно, для журнала мало. Сговорились, что буду работать не спеша. Написали договор на 25 листов по 600 рублей. СК – получил 100.

8 мая

Целый день работал над статьей для «Правды». Торопился. Писал прямо в чистовку. До 3-х часов ночи возились со статьей в редакции «Правды» с Лежневым[5]. Статья получилась действительно неряшливая.

9 мая

Вечером в ДСП[6] отчет и перевыборы правления. Выступал. Меня выбрали единогласно. Взял билет в Смоленск на 16-е.

10 мая

Днем с Галей гуляли по городу. Вечером доклад в Пединституте имени Бубнова[7]. Говорил много и, кажется, наговорил лишнего. Получил – 610. Гале – 580.

11 мая

Утром у Колбановского[8]. Он все о своей психологии. Рассказывал, что вчера во время [моего] доклада кто-(то) рядом сидел и возмущался, воздевая руки, кричал: «Чепуха», «Смехота». Какой-то, очевидно, доцент. Что-то записывал. Я действительно раздразнился. Сказал, что если бы дали мне школу, немедленно завел бы Совет командиров, и у знамени поставил бы часовых на целые сутки.

Вечером срочно потребовал на совещание Лежнев. У него собрался «беспартийный актив»: Паустовский, Файко, Финн, Финк, Славин. Говорилось о необходимости реагировать на поведение Шухова и вообще. Лежнев роздал темы, мне почему-то тыкнул «Болшевцев», «напишите про эту кормушку». Не знаю, что буду писать.

Говорили много о нашем неуменье разбираться в литературных явлениях. В свое время перехвалили и «Ненависть» Шухова и «Человек меняет кожу», теперь уже захвалили Вирту[9].

В редакции секретарь показал мне анонимную открытку («педагог»), в которой я обвиняюсь в великодержавном шовинизме и в диспутах официальных и неофициальных.

Был в ДСП. Наше Правление не утверждено.

12 мая

Заболел. t° - 37,5° С. Лежал. Забежал Лежнев, просил нарзану, — у него гости. Я сказал, что работаю над критической статьей о «Возвращении» Олесова. Книга ниже литературной нормы.

«Давайте нам».

Почему им давать? Лишний труд. Сколько я не писал в «Правду», все равно не печатают[10]. «Детство и литература» тоже, кажется, не идет.

13 мая

По вызову был в «Детиздате». Там Строгова и Цыпин убедили написать договор на роман для старшего возраста: 20 листов, кажется, по 1500. Тираж 25000. Толкуют об издании «ПП»[11], но это на осень.

Отдал Накорякову[12] «ПП» для французского перевода. Кажется, пойдет через «Лит. агентство». Значит, без копейки. А русское издание всех 3-х частей заложили на 38 год.

19 мая

Приехал из Смоленска. Бродил целый день по городу.

Получил 2000 из «Октября» аванс за «Человека».

За вычетом подоходного налога получено 1537 р.

Читал и подготовлял критическую статью о «Возвращении» Олесова.

Купил книги и билеты в театр, еще кое-чего. Гале — 1260.

Переведено в СК в окончательный расчет за ДБ

III части «ПП» за разными вычетами 2 347 р.

20 мая

Утром рано написал «Драма в «Звезде», о «Возвращении» Олесова. Отдал Лежневу. Целый день [...] звонили из «Литературного обозрения», обижались, что отдал в «Правду».

Вечером с Галей был в театре. «Садко». Галя возмущалась оформлением Федоровского.

Альманах бузит по поводу «Книги для родителей»

21 мая

Сдал «Цель воспитания» Ермилову[13]. Вечером приступил к «КДР»[14].

Получил СК 100.

22 мая

Целый день работал над «КДР». Перепечатал один печатный лист. Вечером диспут в «Доме учителя»[15] прошел довольно скучно. Мне просто надоели эти разговоры.

23 мая

Был в Альманахе. Был у Накорякова. Не застал. Вечером принимал Петрова[16]

24 мая

Целый день прогулял. Утром в пионерском дворце. Вечером у студентов Станкостроительного института[17].

25 мая

Звонил в «Детиздат». Говорят, деньги вам переводим, копию договора пришлем на днях. Вечером с Галей в Большом театре, «Игорь». Работать не пришлось.

Был у Накорякова по поводу «КДР». Условились, что я дам ему к 1-му то, что будет написано, а он решит, пускать ли в «Кр. Нови» или в Альманахе.

СК получил 2 400. Уплатил за квартиру март, апрель и май. 2 358 рублей.

26 мая

Днем был по приглашению в «ЗКП»[18]. От постоянного договора отказался. Кое-что обещал прислать к 10 июня — «Размышления о педагогическом величии»[19] и 31 мая дать главу из КДР. Вечером на премьере «Собака на сене».

Задумали с Галей две вещи: пьесу об офицерской группе при Гетмане и роман из времен Владимира Мономаха.

Намечается небольшая статья о характере исторического романа по сопоставлению «Гулящих людей» и «Лже-Нерона».

27 мая

Целое утро перепечатывал КДР и почти кончил. Заходил Регинин. Обещал ему еще две статьи о «Собаке на сене» и «Об исторических романах». Вечером был у Китаевой. Там очень верят в пьесу.

28 мая

Утром у Панферова. Познакомился с Первенцевым[20].

Заказывал билеты на вокзале.

Вечером диспут у учителей Октябрьского района[21]. Я был не в ударе.

Предлагали за лекцию 200 рублей, но я отказался.

В «Л.Г.» напечатана моя заметка о Северном полюсе.

Переведены в СК из «Детиздата» 5 958 р.

Это, вероятно, 25% договора за «Ворошиловцев»[22] за вычетом подоходного налога (из 7 500).

Получил из СК 940 р. — Гале 940 р.

29 мая

С утра писал заметку о «Собаке». Вышла слабо, подписал «Гальченко»[23]. Ермилов прислал на просмотр «Цель воспитания» (Колбановского исправления).

Потом работал над КДР. Четвертая глава. Оставил у Ермилова четыре листа «КДР».

30 мая

Целый день работал. Вечером были Петров и Глебка[24]. Что-то там «Л. Г.» напечатала обо мне. Интервью[25]. Сволочи!

31 мая

Писать некогда было. Целый день исправлял текст и сдал отрывок «КДР» в «ЗКП».

1 июня

Утром писал. Днем ездил за билетами и деньгами. У Панферова очень уговаривали сдать им «КДР» в «Октябрь». Я сдался (?) на Накорякова.

Получено в «Октябре» в остаток аванса «Человека» 3 000, а за вычетом подоходного — 2 306. — Получил в СК 2 000.

Гале на расходы на даче 4 300.

2—6 июня

Переезд в Дубечню.

7 июня

Приводил в порядок написанное.

8-29 июня

Дубечня. Написал от 6-го до 12 листа включительно — 7 печатных листов КДР. Работалось хорошо. Никто не мешал.

1-19 июля

Вплоть до 18 июля не писалось в Москве. Работал плохо. Написал статью в «Л.Г.» о повести Н. Гирей «68 параллель».

Седьмую главу начал 3-4 июля в карандаше, но не понравилось, бросил. Начал ее переписывать и написал новеллу о Любе Гореловой только 18 июля.

Правда, по замечаниям «Красной нови» три дня посидел над 5 и 6 главами «КДР», много исправил и улучшил, заново написал повесть о Кетовых (Виктор).

1 июля 1937. Получил СК 2 600. Гале 2 450. 3-4 июля. Получил СК — 400. 5 июля. Получил Л.Г. 300.10 июля. Получил в «Правде» 669 р. — Гале 669 р. 10 июля. Переведено за «КДР» из «Красной Нови» 1 500 р. (1 385). Гале 1 385 р.

20-24 июля

Закончил повесть о Александре Волгине[26]. Получил в «Л. Г.» 700 р. — Г. — 700 р.

8 августа

Закончил 8-ю главу.

Август 2. Получил в «Красной Нови» за 7-ю книгу (КДР) 3 680 р., а за разными вычетами 3 100. Гале дал 2 000 р. 1 100 для путевок.

8 августа

Статья о «Закономерности».

9 августа

Рассказ «Три разговора».

12 августа Радиокомитет[27] - 375 (364). Гале – 364.

14 августа

Статья о летчиках в «Кр. Звезду».

Статья о выборе профессии в французский журнал.

Статья об «У трех гор» Ковалевского[28].

13 декабря 1937 г.

Возвратился из Горького. Моей корреспонденции в «Правде» нет. Написал заметку о выборах в Горьком и передал в «Литературную газету».

Ермилов звонил, просил завтра прийти подписать договор на роман о коммуне[29]. Звонила Караваева[30], просит передать этот роман ей, но не хочет разговаривать с Ермиловым. Предложил ей написать новый роман о семье и молодежи и сделать его к концу июля. Она как будто ухватилась за эту мысль и обещала даже сегодня прислать договор, но ничего не прислала.

«Донбасская газета» по-прежнему требует какой-то отрывок. Звонили из «Детиздата» насчет «Ворошиловцев». Уговорился с ними, что роман сдам к середине февраля. В «Известиях» никаких моих статей не напечатано[31]. Очевидно, я не гожусь для газетной работы. Написал 9 писем.

14 декабря

Подписал договор с Ермиловым на «Чапаевцев»[32]. Срок представления 15 февраля. Из «Молодом Гвардии» никаких слухов.

Вечером писал «Честь» (посещение Тепловых Ниной) и «Ворошиловцы» («В Кучи»). «Ворошиловцы» идут — норма. Затрудняет описание движений лиц — мимика, боюсь, не однообразно ли получается. В «Чести» куда-то ползут фигуры, как будто слишком много болтают, где-то прячется тема. Правда, чувствую, что все это вместе взятое при помощи хорошего конца может сразу стать на место. Но порядок этого хорошего конца не ясен. Во всяком случае, дальше писать без плана нельзя.

Получил много писем от читателей «Книги для родителей». Одно из них — Натальи Дмитриевны Соколовой — чрезвычайно интересно.

15 декабря

Днем хотел добраться на митинг, но бродил, бродил по городу. Вьюга, трамваи и авто не ходят. Добраться пешком на Кудринскую не решился. И так перемерз, промочил ноги, вернулся домой.

Дома мешали посетители, писал мало, только поздно вечером.

Звонил представитель Калинина, обещал ему поехать в Калинин[33] в начале, января.

Подписался на газеты и журналы на полгода — 202 р.

Начал составлять план окончания «Чести».

16 декабря

Написал главу 6-ю «Ворошиловцев» — «На своей улице».

Составил план окончания «Чести». Получилось 22 главы, день — 2 главы. Как будто немного. План получился в общем удовлетворительный. Теперь ясен план работы: каждый день по главе «Чести», а все остальное время на «Ворошиловцев» и прочее.

Из «Молодой Гвардии» звонили. Обещали завтра прислать договор на «Пути поколения ». 20 листов по 800 р. Срок 1 августа.

Вечером был в театре для детей на Никольской. Сажин просит пьесу. Обещал дать к 1 августа на тему «Пути поколения» или к 1 сентября. Говорил ему о «Мажоре». Он оказывается, не читал.

Вечером приходила поэтесса Глебова. Стихи у нее еще сильно спотыкаются, но со временем она может быть хорошим поэтом.

17 декабря

Сегодня вечером диспут в ЦДКА — в какой-то Зеленой гостиной. Может быть, сорвется[34]. Я теперь уже понял: эти диспуты устраиваются культработниками, а публика на них ходит мало и то для того, чтобы посмотреть на писателя.

Был автор биографии Павлова. (Фамилии даже не знаю.) Обещал ему просмотреть к 15 января хотя бы половину.

20 февраля 1938 г.

Закончил «Честь », сдал в «Октябрь» и в отдельное издание. Договор обещал Трусов через несколько дней. По-хамски у них это делается. «Вот одобрит Юрий Борисович, напишем договор». А если бы я подписал договор раньше и даже аванс получил? А то обстоятельство, что роман печатается в «Октябре»? Предлагают по 800 рублей за лист и сами говорят, что мало.

Обстановка в «Гослитиздате» скучная, бюрократическая, нудная, не располагающая.

Воспитание гражданина в педагогике А.С. Макаренко / авт. монографии, примеч., ред.-сост. С.С. Невская. – М., 2006, с. 824 – 829. Дневниковые записи А.С. Макаренко после 20 февраля 1938 г. до 6 февраля 1939 г. (по данному источнику) включены хронологически в часть 7 дан. издания (см. с.57) и часть 8.

Хорошо видная по дневниковым записям чрезвычайно насыщенная литературно-художественная, публицистическая и общественная деятельность А.С. Макаренко в последние годы его жизни – показатель высокой востребованности его творчества, идей и социально-педагогического опыта в этот период общественного развития.

[1] **Говорится о сберкассе (банке), через которую А.С. Макаренко получал деньги, гонорары.**

[2] **Имеется в виду Г.С. Макаренко.**

[3] *Панферов Ф.И.* **– гл. редактор ж. «Октябрь», автор популярного романа «Бруски».**

[4] **Здесь и далее труды А.С. Макаренко, опубликованные при его жизни и помещенные в 7 и 8 частях дан. Издания, - не комментируются. Примечания даются лишь к неопубликованным работам, а также к тем, которые остаются неизвестны исследователям.**

[5] *Лежнев И.* **(псевд.) – литературовед, публицист, зав. Отделом литературы и искусства газ. «Правда».**

[6] **Дом советских писателей.**

[7] **О содержании доклада А.С. Макаренко в Московском пединституте им. Бубнова исследователям неизвестно.**

[8] *Колбановский В.Н.* **– психолог, педагог, в 1931 г. директор Гос. ин-та психологии, педологии и психотехники. Активно защищал и пропагандировал педагогику А.С. Макаренко. Дал ему рекомендацию для поступления кандидатом в члены ВКП (б), будучи зав. Сектором диамата Института философии АН СССР. Единственный из психологов-педагогов, выступавший в защиту «Педагогической поэмы». Об указанном выступлении А.С Макаренко исследователям неизвестно.**

Первая встреча А.С. Макаренко с В.Н. Колбановским произошла, вероятно, в начале апреля 1937 г., на Всероссийском совещании по педагогическим наукам, см. часть 5 дан. издания, с. 182 – 185.

[9] *Вирта Н.Е.* **– писатель; его роман «Одиночество» (1935 г., об обреченности мятежа на Тамбовщине в ходе Гражданской войны) удостоен Сталинской премии в 1941 г.**

[10] **Об этих статьях исследователям неизвестно. Макаренковскую статью о школьном воспитании (дана «в порядке обсуждения») и его обобщение поступивших отзывов (23 марта и 7 мая 1938 г.) см. в части 7 дан. изд., с. 52 – 55 и 68 – 73.**

[11] **Говорится об отдельном издании всех трех частей «Педагогической поэмы».**

[12] *Накоряков Н.Н.* **– директор Гос. изд-ва художественной литературы до авг. 1934 г.; далее, видимо, сотрудник в ведомстве изданий на иностр. языках.**

[13] *Ермилов В.В.* **– литературный критик, литературовед, был членом редколлегии ж. «Красная новь», активно поддерживал и объяснял социально-гуманитарную сущность педагогики А.С. Макаренко. Дал ему рекомендацию для поступления кандидатом в члены ВКП (б).**

[14] **«Книга для родителей».**

[15] О содержании этого диспута исследователям неизвестно.

[16] *Петров Н.В.* **– режиссер, театровед, Заслуженный деятель искусств, был худож. руководителем Харьковского театра русской драмы, был в дружеских отношениях с А.С. Макаренко.**

[17] О содержании этих встреч А.С. Макаренко с пионерами и студентами исследователям неизвестно.

[18] Газета «За коммунистическое просвещение», затем «Учительская газета».

[19] Как замечал А.С. Макаренко позднее, это размышление о парадоксальном сочетании в тогдашней педагогике ее теоретического «величия», претензий – и немощных практических, организационных решений. Статья не была написана. Посланный в эту газету 31 мая «отрывок из КДР» не был напечатан.

[20] *Первенцев А.А.* **– писатель; А.С. Макаренко поддержал его первый роман – «Кочубей».**

[21] О содержании этой лекции («диспута») исследователям неизвестно.

[22] В дальнейшем «Флаги на башнях».

[23] Эта «заметка» исследователям неизвестна.

[24] *Васильев Г.М.* **– двоюродный брат Г.С. Макаренко.**

[25] Этот факт еще предстоит исследовать.

[26] Говорится о персонаже седьмой главы «Книги для родителей». Ее главы обозначаются как отдельные повести.

[27] Об этой работе А.С. Макаренко в «Радиокомитете» исследователям неизвестно.

[28] Об этой макаренковской статье исследователям неизвестно.

[29] Имеется в виду «Ворошиловцы», «Флаги на башнях».

[30] *Караваева А.А.* **– писательница, гл. редактор ж. «Молодая гвардия».**

[31] Активное сотрудничество А.С. Макаренко с редакцией газ. «Известия» тогда было прервано. Начало предполагаемой серии статей было положено статьями «О личности и обществе», «Цель воспитания», «Счастье» (см. в части 5 и 6 дан. издания; о других статьях см. часть 6, с. 220). Перемена произошла в связи со сменой руководства газетой, на фоне общественно-политических событий конца 1937 г.

[32] О содержании этого литературного замысла А.С. Макаренко исследователям неизвестно.

[33] Ныне гор. Тверь.

[34] Об этом «диспуте» в Центральном доме Красной Армии исследователям неизвестно.

Человек. Роман, в трех частях. Линия сюжета. Начало мая 1937 г.

1 часть. Экспозиция. Бредовое состояние завода. Прорыв. Отсутствие коллектива. Разлад. Интрига. Ничего не разберешь. Начинает даже преобладать отрицательное мнение. Бакурин присматривается и ищет.

2 часть. Основная линия – борьба Бакурина и тех, которые рвут и мечут. Иные нарочно, другие нечаянно рвут и мечут. Нарастание противоречий до крайнего предела и опасности для Бакурина.

3 часть. Подозрения Бакурина. Его нажим на кадры. Его нажим на врагов. Первый треск. Второй треск и катастрофа. Апофеоз.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 28, л.31. Примечательно, что в макаренковских издательских планах этот роман не значится.

В части 5 данного издания, с. 220 – 227 опубликовано: Человек. Роман. Часть первая, план.

Запись А.С. Макаренко в дневнике: «1 – 4 мая 1937 г. Работа над романом «Человек». После 3-х глав – застрял» - см там же, с. 220.

Человек. Роман. Часть первая. Три начальных главы. 1 – 4 мая 1937 г.

1. Мелкий случай.

Совещание в тресте закончилось в десять часов вечера. На председательском столе апофеозными пирамидами громоздились окурки, гуляли по столу обгрызанные карандаши, изорванные записки. Члены совещания галдели у дверей, вздымали рукава пальто и лениво острили, выливаясь в коридор и цепляясь портфелями за двери.

Председатель, Исаак Маркович Северный, обеими руками водил по бритому лицу, растирая усталость и затихающее раздражение споров, сквозь пальцы посылал холодные взгляды вдогонку уходящим.

Секретарь правления треста Татьяна Михайловна Стрельченко с осуждением посмотрела, па стол, брезгливо отряхнула со своей папки какой-то бюрократический прах, как то по-особенному, по-детски крепко сощурила глаза:

- До свидания.

- Идите, голубчик, - улыбнулся ей Северный.

Бакурин потянулся к телефону, рассыпая по столу всякий сор.

Накурили, сволочи, - засмеялся вдруг Северный, завертел головой, разбрасывая на лбу прямые черные волосы, и сильно стукнул ящиком стола. - А знаете, люблю, когда накурят, с фронта привычка. Вы машину? А то, может, мою возьмете? А?

- Да нет… куда... не по дороге! Я сейчас.

Бакурин сказал номер, подождал. Молчание. Северный стукнул последним ящиком стола, погремел ключами:

- Ну, добренько. Вот диван, газета, ожидайте Вашу. Я поехал.

Северный вышел. Бакурин снова поднял трубку.

- Да не может быть, барышня, не может не ответить. Там коммутатор... Да, завод, завод электроинструментов, постоянные дежурные. Ударьте им крепче.

Он долго прислушивался к дыханиям, потрескиваниям, шумам телефонной трубки, но не услышал желанного «Завод Коминтерна»!

Обозлился, бросил трубку и сказал вслух в пустом кабинете:

- Спят, дряни!

Но тут же и догадался: телефонистка - живой человек, а живому человек иногда бывает необходимо не минутку удалиться от коммутатора.

Он решил подождать, уселся на широком кожаном диване и хотел даже закурить, но вспомнил, что и так накурился до тошноты. Он вдруг почувствовал крепкую усталость, а далекий путь до завода теперь представился большой и запутанной работой.

Бакурин еще раз поднял трубку, еще раз послушал какую-то болтовню в эфире, еще раз растолковал барышне, что коммутатор завода не может не отвечать, и молчаливо бессильно выслушал раздраженный отпор барышни:

- Бросьте, товарищ, глупости какие: не может, не может! Вы же сами слышите, отвечает или не отвечает!

Бакурин сжал розовые губы, аккуратно уложил трубку на вилку и аккуратно с хорошим нажимом сказал вслух:

- Выгоню!

Но вспомнив, что к десятой марке трамвая нужно пройти четыре – пять кварталов, потом около часу ехать, а потом идти пешком два километра, он снова потерял аккуратность в настроении, растерянно задумался. Неужели придется тащиться полтора часа? И что там за погода? Когда собирались на совещание, было только четыре часа, на улицах было неуютно и пахло ненастьем.

Бакурин надел пальто и шляпу и вышел на улицу. В мире дебоширила осень. Ветер не просто дул, и дождь не просто падал, а все это набрасывалось на дома и на людей с озлобленным вредным цинизмом, толкалось, плевалось, хлюпало и пузырилось на тротуарах, било по окнам, по щекам, по очкам острой и зябкой пылью…

Бакурин вошел в пустой вагон трамвая и занял место.

Поехали. Вагончик был старенький, смешной. В пути он все время клевал носом, образуя небольшую килевую качку, дребезжал всеми своими фибрами и бессильно позвякивал. Но Бакурин был так благодарен светлому, сухому пристанищу, что техническая слабость трамвайчика не только не злила его, а даже умиляла. Когда вагончик последний раз клюнул и задрожал в агонии, Бакурину не захотелось покидать его стариковский уют. Кондукторша сказала недружелюбно:

- Гражданин, приехали!

Бакурин послушно поднялся. Опустил ногу с подножки, и она легко погрузилась в холодную жидкую грязь. Он сделал несколько широких шагов и добрался до мостовой, но и на мостовой было грязно. Она уходила в лесную просеку - дорога на завод имени Коминтерна. За спиной Батурина трамвайный дедушка проковылял к городу, и Бакурин остался один в темной просеке, накрытый сверху мокрым дырявым небом. Ботинки его начинали раскисать в грязи. «А говорила мать: калоши возьми. Будут теперь неприятности».

Дорога в трех шагах терялась в темной просеке. Справа и слева было еще черней, из лесу смотрела притаившаяся в дебрях подозрительная тайна. Вспоминались сплетни и россказни заводских болтунов, утверждавших, что в лесу грабят и убивают. Бакурин прислушался. В глубине леса шелестел дождь, из города долетали неясные сложные звуки не то гулы трамваев, не то хоры ангелов.

Бакурин вытащил из кармана брюк черный браунинг, подал в дуло патрон и опустил руку с револьверов в карман пальто, но вдруг выдернул ее оттуда, поневоле отмечая волну густого страха, пробежавшую из груди к коленям: сзади зачмокали шаги, и в темноте зашевелился еще более черный силуэт человека.

- Эй! - крикнул Бакурин и со злостью почувствовал, что голос его нелегко подчиняется воле.

- Это вы, Дмитрий Иванович? - пропищал в темноте сладковатый фальцет, принадлежащий единственному человеку в мире, - инженеру Ходикову.

- Чего вы тут торчите, - уже вполне храбрым голосом спросил Бакурин.

- А я вас ожидаю, ангел мой, только я думал, вы на машине?

- Меня ожидаете? - удивился Бакурин. - Если я вам срочно нужен, вы могли подождать меня на заводе.

- На заводе, дорогой мой, вы сейчас мне нужны. Вы нужны именно здесь. Я имею один маленький недостаток, маленький такой. Другие считают, что это большой, а я думаю, что маленький. Понимаете, с детства, отличаюсь трусостью. Боюсь и все... Ну, давайте шагать. А вы что, без калош? Ну как же это можно! А почему пешком?.. Ну, скажите... Конечно спят, такие, сякие, обязательно спят.

А я у тещи был. Сел на трамвай, приехал. В городе думал: что такое, лес? Пустяковое дело. Какой дурак в такую погоду пойдет грабить? И простудиться можно и неприятно ведь. Бандиты, они тоже о здоровье беспокоятся, миленькие. А встал с трамвая, как глянул, мамочки мои!

Ходиков маленького роста, и у него такие полные и блестящие губы, что Бакурин и в темноте различал их движение. Идя рядом, Ходиков бестолково перебирал

ногами, то работал ими мелко и спешил, то раскорячивался во всю длину Бакуринского шага, часто цеплялся одной ногой за другую, спотыкался, разбрызгивая грязь и болтал неутомимо:

- А в нашем лесу пошаливают. Вчера, говорят, влюбленные одни пострадали, бедненькие. Они искали уединения и пострадали: остались голенькими, просто в одной коже. Собственно говоря, для любви обстоятельство самое благоприятное, а вот, говорят, любовь у них сразу прошла, как руной сняло: плачут и все. Нет, я теперь через лес, дудки! И вам не советую.

Из лесу вместе с привычным шелестом дождя доходили какие-то странные звуки, что-то потрескивало, что-то шуршало по мертвым листьям, чудились несомненные шаги, редкие, осторожные, разбойничьи. Ходиков говорил слишком громко, этот человек не видел опасности.

- Вы так кричите, что привлекаете бандитов, - сказал Бакурин. – Тише! Вы слышите? Шаги! Вот! Вы послушайте…шаги ведь, да?

- Это? Нет... – запищал спокойно и по-прежнему громко Ходиков.

- Это не шаги, это, дорогой мой, желуди падают... Вот упал... Вот упал... А это совсем близко тоже желудь. А это веточка треснула. Она старенькая, надо же ей отломиться когда-нибудь. А сегодня дождик. Одна лишняя капелька ударила по веточке - и готово. Смерть! Хотя, конечно, не смерть. Она уже давно умерла, родная. Это похороны, хорошие похороны, милые: дождик, лес, кругом свои.

- Как это свои? - с удивлением спросил Бакурин.

- Да свои: деревья, веточки, листья, своя компания. Люди так не умеют умирать, они из смерти сделали черт знает что, какое-то пугало: кричат, разрывают одежды, вообще скандалят. Люди слишком боятся смерти, слишком, нет чувства меры...

- Да ведь и вы боялись... один через лес... Кстати, почему вы сейчас не боитесь? Ведь нас только двое?

Ходиков подпрыгнул, догоняя Бакурина.

- Голубчик мой, так это так и полагается бояться. У меня ведь это не такой там ужас, а такой приятный страх, знаете, как у зайчика. Хороший страх, необходимый. А с вами, дорогой, я не боясь. Это потому, что вы сильный, большевик, и у вас абраша в кармане, вы будете стрелять в случае чего, а я ни за что не стрелял бы... Видите?

Слушая Ходикова, невольно отмечая звуки падания желудей и похоронные симфонии над веточками, Бакурин начинал нутром ощущать какую-то особенную прелесть и достоинство темной лесной жизни и с радостью слышал, как затихают последние остатки раздражения, разыгравшегося еще в тресте. Даже размокшие в грязи ботинки перестали его волновать, он успокоено представил себе, как Гаша почистит их, высушит, наведет прежний блеск и порядок.

- А вот и бандит, - по-прежнему громко сказал Ходиков,- приготовьте вашу машину... Лес кончался. Перед глазами протянулось широкое поле дождливого тумана. Справа ощущалась более прохладная влажность реки, прямо из-за тумана мохнатыми пятнами смотрели огни завода. На этом фоне неожиданно резко рисовалась фигура человека. Человек шел, колеблясь под ветром, наклонив голову и громко плакал, надрывался, стонал, видно, давал себе волю в туманной пустыне осени,

- Женщина, - шепнул Бакурин. Женщина с разгону налетела на инженеров, вдруг оборвала рыдания и вскрикнула как-то совершенно по-новому, свободным от слез, молодым голосом.

- Ой, кто ты?

- Что такое случилось? Чего вы скандалите, дорогая, - запищал Ходиков, ухватил женщину за локоть.

- А кто это? Ой, это Фома Николаевич!? А это кто? Ах, это вы… товарищ Бакурин… Я вас ожидала, ожидала...

Женщина произносила свои восклицания звонко и весело, в ее голосе открыто пробивались нотки привычного шаблонного кокетства. Бакурин подумал: так кокетничают те, у кого хорошенькая мордочка - единственная рента, доставшаяся от природы.

- Это вы, Валя? - спросил Ходиков - Что случилось?

- Я - не знаю... у меня каждый день что-нибудь случается. Вы знаете… так не везет… прямо горе... такое...

В Валином голосе снова затолпились слезы.

- Я хотела поговорить... с товарищем Бакуриным... думаю... новый замдиректора… выслушает…

- Успокоитесь, - сказал Бакурин строго, - Вы где ночуете?

- Да я не знаю...

- Переночевать найдем... - перебил Ходиков. Черт его знает, вот погода... завтра расскажите... Чего такого страшного.

- Ну, завтра, - покорно сказала Валя и зашагала рядом с Бакуриным.

Они шли по дороге, проложенной через поле. Здесь ветер и дождь, и волны тумана слились в некое космическое месиво самого отталкивающего вида, и земля смотрела в этот хаос лицом растоптанного чернозема бесформенных желтых кустиков. Валя шагала рядом с Бакуриным, и в те моменты, когда ветер особенно нахально набрасывался, она слегка падала на его плечо и цеплялась за рукав, и Бакурин ощущал дрожь и слабость ее тела. Он взял ее под руку.

- Черт! Вы собственно говоря, раздеты! Как же так можно?

Валя ничего не ответила, только теснее прижалась к Бакурину. Ее мокрая, голая рука казалась дряблой и чересчур холодной. Бакурин поднял руку к ее плечу и там ничего не нашел, кроме прилипшего к телу мокрого рукавчика.

- Фома Николаевич! Берите ее с другой стороны и прибавим шагу!

Бакурин храбро бросал свои явно погибшие ботинки в скользкую неверную грязь, с некоторым даже интересом прислушивался к переливанию воды между пальцами ног, старался рассмотреть, что надето на ногах Вали. Но и Валя и Ходиков не столько шли, сколько царапались по земному шару, подпрыгивали, скользили, семенили ногами, ничего нельзя было увидеть. Бакурин улыбнулся в темноте: черт знает что, получается комично: двое мужчин в пальто нежно ведут полуголую женщину… в такую непогодь! По самым минимальным рыцарским требованиям нужно было бы снять с себя пальто и набросить на дрожавшие плечи Вали.

Бакурин вдруг заинтересовался величиной обязательности этого рыцарского положения. Собственно говоря, обязательность его достаточна. У него, кроме пальто, довольно теплый пиджак, если поднять воротник, будет хорошо. До завода осталось не больше километра. Почему он все-таки не снимает пальто? Почему? Может быть, действует некоторая подсознательная математика: Валя все равно измокла вконец, лишний километр ничего не убавит и не прибавит. А может быть подсознательная «политика»? В самом деле, Бакурин нужнейший человек, может быть и по планам мироздания предначертано его длительное существование?

А что такое Валя? Да, что такое Валя, это в самом деле вопрос. В этот момент разнузданный ветер поддал сзади целым ведром раздробленной холодной воды, треснул Бакурина мокрой лапой по затылку, и шляпу свою Дмитрий Иванович поймал уже налету. Он громко рассмеялся:

- Вот дрянь какая!

Смеясь, он снял с себя пальто и набросил на плечи женщины.

«Милосердный самарянин» - подумал он. Валя протянула руки вперед:

- Ой, что вы! Не надо, товарищ Бакурин!

Он махнул рукой и сказал грубовато, недовольно отмечая уже знакомые нотки ее шаблонного кокетства:

- Не болтайте. А что у вас на ногах?

- На ногах? А балетки, - весело ответила Валя.

Ходиков как будто только что научился ходить правильно. Он шагал впереди и ничем не реагировал на происходящие за его спиной нежности. Бакурин поднял воротник пиджака и вскользь подумал: сделано по-христиански, а все-таки, с какой стати сделано.

Наконец выбрались к заводу. Над головами путников закачались в дождевой пыли заводские фонари.

- Ну что же? Зайдем поговорим?- остановился Бакурин у входа, заваленного кирпичами, досками, бочками.

- Вот спасибо все вам, товарищ Бакурин, - с радостной слезой ответила Валя. Я только на пять минут... Мне так важно!

Входная дверь вдруг открылась, и в полосе света встал высокий узкий человек:

- Это вы, Дмитрий Иванович? А с вами кто? А, товарищ Шалимова? Встретили? Добрый вечер, Фома Николаевич! Заходите, чего мокните?

Человек выражался сдержанным глуховатым тенорком, смотрящим внутрь и не склонный к эмоции. Ходиков отозвался в удивительно совпадающем тоне, но в писке Фомы Николаевича было столько отличной душевной убедительности:

- Дорогие мои, живете на свете, а никак к порядку не привыкнете. Какие могут быть разговоры: девушке нужно и переодеться и погреться! Задача первой очереди. А разговоры завтра. Идем!

Валино кокетство контрольно развернулось в полном блеске:

- Спасибо, спасибо! Ой, миленький Фома Николаевич! А только мне очень нужно. Очень скоро нужно... с товарищем...

- Знаете что, серденько, не говорите чепухи в присутствии серьезных людей! Какие там у вас экспрессы? Вы что? Хотите предупредить убийство?

- Ой, какое убийство? - восхитилась Валя.

- Убийства не предвидится? Ну, идем к нам. У Матильды Петровны найдется барахлишко, попьем чайку. Идем! Отпустите голубицу с миром, граждане!

Ходиков потащил голубицу в сторону, и уже выбрались они к поперечному ряду фонарей, когда фигура в дверях процедила спокойно…

(Далее в источнике пропуск текста – А.Ф.)

- Как это… обреченное дело? Иван Сергеевич?

Высокий Иван Сергеевич (нач. планового отдела завода – А.Ф.) в желтом плаще стоял у окна и скучно бледнел изможденным лицом, покрытым ранними морщинами. Он заговорил, не глядя на Бакурина, обращаясь скорее к самому себе и, может быть, повторяя давно продуманные мысли, приобретшие уже книжный оттенок:

- Валя Шалимова начала жизнь... в тяжелую страду прорыва в черной вечности. У нас это особенно тяжелая штука, азиатская! Я ее не могу жалеть, потому что у нас это обычное. Не понимаю, для чего нужно это существование, для чего нужно ее хорошенькое лицо, между прочим, очень привлекательное. Почти всегда без работы, всегда с оскаленными зубами, всегда окруженная врагами. Старается быть веселой, но от этого еще хуже... Какое там веселье! У нее ребенок, рожденный от какого то мальчишки-рабфаковца. Да ну ее к черту!

Иван Сергеевич глянул на Бакурина и насильно улыбнулся:

- Мелкий случай! В российском муравейнике обыкновенный случай!

Он оттолкнулся от стола и пошел по комнате, не обращая вниманья на Бакурина. Дмитрий Иванович проследил за его маршем до угла комнаты, сжал губы и вспомнил вдруг весь несимпатичный сегодняшний вечер: и припадки разной глупости на совещании и неудачу с машиной, и хулиганские выходки осени, и свой позорный страх в темноте темной просеки, и дрожащие плечи Вали. С усталым вниманием посмотрел на Ивана Сергеевича, и он тоже показался ему частью осенней погоды, как будто принес его в эту комнату сегодняшний ненастный ветер.

Тяжело опираясь на стол, Бакурин поднялся с кресла и сказал строго:

- Вы нездоровы, Иван Сергеевич! Все это от плохой погоды.

Как это «мелкий случай»? Что это такое?!

Иван Сергеевич остановился у другого окна и сказал тихо:

- Она, кроме того, еще и воровка.

- Кто?

- Да эта самая... Валя...

Слово «Валя» он произнес с явной иронией, как будто это нежное имя само собой противоречило сущности вопроса.

В коридоре загудели и хлопнули двери, и в кабинет ворвалось краснощекое, до отказа набитое здоровьем и силой существо и заорало:

- Ах, ось воны де! Пальто ваше заберить!

Девушка протянула Бакурину его пальто и глянула на него задорно возбужденными от бега и еще от чего-то глазами и мокрыми ресницами.

Бакурин ответно улыбнулся ей:

- А ты, голова! Что же ты пальто на себя не набросила?

Девушка показала шикарный ряд влажных зубов и почти пропела:

- Та на шо ж то пальто? Дощик такий добрый!

- Добрый?- просиял Бакурин.

- А то ж? В осени дощ идэ, а лiтом хлиб гудэ! Бачили?

Она еще раз блеснула зубами и уже в дверях обернулась к Бакурину с задорным нападением:

- А вы до дому идить! А то бабушка сердяться, сердяться!

Она метнула ярким ситцевым подолом и снова в коридоре загудели и захлопали, двери.

- Ишь какая, - весело сказал Бакурин и испытывающие посмотрел на Ивана Сергеевича. Иван Сергеевич кисло улыбнулся в воротник плаща:

- Будьте покойны и для нее приготовлена... чаща жизни…

2. Пустосвяты

На другое утро Бакурин шел на завод рано, только что прогудели семичасовые гудки. Дождя не было, но осень висела над миром влажной серой шапкой. Директор завод Ашманов задерживался в столице, забот у Бакурина было много. Заводская площадка еще не была приведена в порядок, здания цехов были закончены только вчерне. Дома для сотрудников стояли еще в лесах, и вчера на совещании упрекали Бакурина в медленных темпах. Черт их разберет, какие это темпы медленные, а какие быстрые. Бакурин всегда боялся больше всего темпов бестолковых, возможно, что они и были самые медленные.

Строители еще лазили по стенам внутри цехов, возились с верхними фонарями крыши, а внизу уже выстраивались станки и целые шеренги их шумели уже в работе. Тут же, рядом со станками возились бетонщики, плотники, водопроводчики, электротехники. Уезжал в столицу, Ашманов широким восторженным местом показал на весь этот бедлам и декламировал, растягивая слова, как поэты:

- Стихия, товарищи! Стихия строительства!

В глубине души Бакурин думал, что эту стихию все же можно было бы упорядочить, но он на заводе человек новый, и теперь все равно ничего не поделаешь: стихия успела затопить все пространство завода, перемешав в общей каше новые здания и старые хаты, заполненные сотрудниками, бараки строителей, асфальтовые дорожки и непроходимые болота подъездных переулков, склады строительные и склады производственные, ящики, бочки, станки, топливо, щепки, опилки, осколки, осеннюю сырость и исковерканные кустики.

Бакурин напрыгался через все это добро, пока выбрался на дорожку, идущую мимо забрызганных известкой окон механического цеха. В конце здания Бакурин

наткнулся на коменданта Поддужного. Комендант поучал хорошенькую, юную и чистенькую Наташу, телефонистку. Наташа смотрела вниз из окна второго этажа и смущенно отворачивала нежно-розовое личико от квадратной головы Поддужного. А Поддужный размахивал кулаком и говорил:

- Товарищ Нестеренко, не пробуйте отпираться на разные объективные причины. В уборную холить тоже имеется норма, а если сотрудник гуляет, а сворачивает на желудок я другие такие частные причины, вы знаете, как это называется?

Наташа первая увидела Бакурина и, застыдившись, спрятала покрасневшее лицо за стеной. Комендант закричал сердито:

- Прошу вас не устраивайте нежностей! Не отворачивайтесь, пожалуйста, когда вам комендант говорит дело! И принимайте во внимание, если до чего дойдет, как вы, конечно, не ожидаете!

Поддужный увидел Бакурина, вытянулся, козырнул и быстро надел на лицо уважительно-деревянное выражение.

- Что случилось? - спросил Бакурин.

В окно осторожно выглянул один глазик Наташи. А комендант энергично разворошил весь запас имеющихся в его распоряжении официально-технических слов, отчего его рассказ сделался бесконечным и малопонятным. Бакурин с напряжением переводил на обыкновенный язык сложные контексты речи коменданта:

- Конечно, расстояние в смысле отдаленности мест общего пользования и женское ихнее несоответствие я понимаю сознательно, а также насчет сообщения через разные предметы строительства, а потом и народ в окружности грубый и малокультурный, выражается и тоже использует женское ихнее положение без всякой вежливости. Только я говорю: они стали саботировать эту причину. В целях препятствия для всяких отговорок, положить нужно решительные репрессии, от этого и так нервы не выдерживают…

Бакурин живее заинтересовался речью коменданта после того, как услышал:

- Разве это имеет касательство? Вчера… эта... Валька Шалимова, библиотекарша, тут разные чувства, слезы и рыдания, в коммутаторе разве мыслимо? Вы пешком при вашем положении против погоды и дождя, а они организованно устраивают индивидуальные чувства и нервные ихние припадки. Они, конечно, бегали и водой брызгали, и на диване какие-то спальные места, разве можно в коммутаторе по внутреннему распорядку?

Бакурин задал вопрос:

- Товарищ Шалимова хотела ночевать в коммутаторе?

Поддужный обрадовался догадливости начальства, даже подпрыгнул на тротуаре, закруглил глаза и рукой вскинулся в воздухе:

- Так точно, ночевать! У них там разные житейские беспорядки, а коммутатор, будто гостиница для приезжающих! Я им разъясняю, а они...

- Кто это?

- Наташка! Товарищ Нестеренко! Она главная саботажница!

Дерзко вмешиваются и упрекают даже: человеку, говорят, пристанища не хватает, так мы в коммутаторе! А лотом плакание подняли, на лампочки ноль внимания, и такие слова: изувер и еще бюрократом. Если таким словам дать волю, какое есть единоначалие после этого? Каждое отвечаемое лицо должно принимать меры против бессознательности…

- Довольно! - сказал Бакурин и притопнул на коменданта взглядом. Поддужный отскочил в сторону и беспомощно зашевелил губами.

- Наташа, вы зайдете ко мне, когда освободитесь.

Наташа, сколько могла, еще покраснела и кивнула головой. Не успел Бакурин расположиться в кабинете, как ввалился большой и грузный инженер Воргунов, опустился в кресло и тяжело задышал старыми легкими. Потом повел ожиревшим глазом на Бакурина и захрипел:

- Вызовите этого кретина Маньковского. Пусть растолкует, откуда у него вторая вагранка взялась?

- Как вторая? Одна вагранка у нас...

- Извините, я теперь не уверен. Мне самому кажется, что одна, не иголка, а вагранка. А вдруг чудо: две вагранки! Мы ведь какой народ: хлебом не корми, а чудеса должны быть.

- Да одна же вагранка, Петр Петрович!

- Ну, вот спросите у этого... у главбуха... Маньковского.

Маньковский пришел, видимо, подготовленным к неприятным разговорам, не глянул на Моргунова и застыл перед столом в неприступно-официальной позе. К нему эта поза очень шла: по сторонам тонкого горбатого носа у него расположились сухие дряблые щеки, вытянутые к скулам в косых складках, а сзади щек ходили под кожей злые желваки, Маньковский прикрыл веками выпуклые глаза и спросил неприязненно:

- Звали, Дмитрий Иванович? Вагранка, конечно?

- Товарищ Маньковский, у нас одна вагранка...

- У нас две вагранки.

Бабурин быстро повернулся на стуле и заинтересовался:

- Как две, в цеху одна!?

Не подымая век, посматривая скорее на грудь Бакурина, чем на его лицо, гордо подняв нос, Маньковский сказал:

- Я в цех не хожу и не обязан ходить. На учете в бухгалтерии вполне правильно считается две вагранки.

- Черт бы вас побрал, - пробурчал Воргунов. - Я все-таки советую вам пойти посмотреть.

Маньковский глянул на Воргунова косым взглядом, как на муху, неожиданно появившуюся в поле зрения:

- Учет инвентаря не может базироваться на зрительных впечатлениях, товарищ Воргунов.

Рыхлый организм Воргунова поднялся над креслом и заколыхался у самого носа Маньковского. Все мешочки и припухлости его лица со злым презрением уставились на гордую физиономию главного бухгалтера:

- Не может базироваться? А на каких впечатлениях он может базироваться? Может быть, на слуховых или на обонятельных? Может быть, бы услышали запах второй вагранки?

Маньковский и на сантиметр не сдвинулся с места, даже не отмахнулся от Воргунова, как это уместно было бы сделать по отношению к надоедливой мухе. Он окончательно застыл за невидимой бетонной стеной бухгалтерского гонора. Он отвечал не Воргунову и не Бакурину, он отвечал идее:

- Никаких впечатлений, ни зрительных, ни слуховых в природе бухгалтерского учета не существует. Инвентарь завода заключает тысячи единиц, которые бухгалтерия не должна щупать и рассматривать. Производственник может на базе зрительных впечатлений утверждать, что у него сто станкоединиц, а бухгалтерский учет ему скажет: не сто, а сто двадцать...

- Ну, и что?

- Как что? Производственник будет отдан под суд за пропажу двадцати станкоединиц.

- Да черт! Что вы мне голову морочите станкоединицами! Вагранку украли что ли?

Молчание.

В кабинет вкатился Соломон Давыдович Блюм, разогнался серьезным выражением на какие-то разговоры, но сразу определил напряженную ситуацию в кабинете и тихонько застыл у окна стены.

- Вот ироды, прости господи! - Воргунов был на острой грани между крайним гневом и крайним весельем. Через минуту он уже развалился в кресле в припадке настоящего здорового схема:

- Ну, что это такое? Слушайте, да возьмите же себя в руки!

Вы же человек, батенька, вы же личность, личность, а не бухединица! Ну, обратите внимание, обратите внимание, все-таки вагранка одна, ей богу, одна, поверьте мне старику…

- Увольте меня, Дмитрий Иванович, - оскорблено задрожал голос Маньковского. - Я прошу оградить меня... Разрешите уйти.

Воргунов разрешил:

- Идите голубчик, идите! Только знаете куда? Идите в больницу, к этому чудаку… к доктору Тарану. Он на радостях бутылку спирта выпьет, такой пациент...

От стены отделился кругленький аккуратный Блюм и почти коснулся круглым выступом живота застывшей в оскорбленной гордости статуи главного бухгалтера. Лысая, круглая голова Соломона Давыдовича только в двух точках немного не соответствовала общему сферическому стилю обладателя, это там, где торчали большие красные уши, и в другом месте, где немного отвисала толстая нижняя губа. Блюм протянул к Маньковскому ладони:

- Если я вас правильно понял, у нас появилась вторая вагранка! Это же замечательное дело!

- Появилась, - скакал. Воргунов, пересиливая отдышку и целой носовой простыней вытирая пот. – Не появилась, а явилась. Явленный агрегат!

- Зачем нам тогда снабжение и разные агенты, и хлопоты? - продолжал Блюм. - Я бегаю, как собака, никто не хочет брать заказ, а я уже не на месте. Не можете ли вы, товарищ Маньковский таким же способом достать десять тонн алюминия?

- Если я буду нужен, позовите, - стальным голосом сказал Маньковский и вышел.

Блюм проводил его взглядом:

- Что с ним случилось? Почему такая проблема?

Бакурин задумчиво потянулся за папиросой:

- Все же... У Маньковского имеются, вероятно, хоть какие-нибудь основания... Вы проверьте, в чем дело, Соломон Давыдович…

- Конечно, имеются основания, - сказал Воргунов, - Русский стиль, - прекрасное основание.

- Почему русский?

- Мы, русские, прежде всего буквоеды. И всегда так было. На Западе была реформация, а у нас раскол. Там все-таки идеи и теории, а у нас, поверить трудно: Исус или Иисус, три перста или два перста. И ведь до чего доходили, умирали за это, на костры шли, страдали, в святые лезли. И Маньковский такой! Он тоже может умереть за какой-нибудь дебет. А вы заметили, он даже похож на боярыню Морозову. Мы буквоеды! Вы думаете, почему у нас житья нет от бюрократов. Потому, что все раскольники Пустосвяты...

- К вашему сведению, - улыбнулся Блюм, - Маньковский не может быть этим самым, Пустосвятом, потому что он все-таки еврей.

Воргунов хлопнул рукой по колену и прищурил удивленные глазки:

- Еврей? Жаль! А может научился?

- Что вы, Петр Петрович, он сам кого угодно научит! Это же страшный специалист.

- А все-таки, ну их к дьяволу, - вздохнул Воргунов. - Ну, с какой стати мы потеряли полчаса. И куда ни пойдешь, везде такие! Расскажите, что вчера на совещании, дают деньги?

- Деньги дают, но недостаточно очень. Виноваты, конечно мы. Назначен уполномоченный на некоторое время, какой-то Чекатилов. Он должен привести все в порядок. Вы его не знаете?

- Понимаю, - сказал Воргунов, - призвание варягов. Тоже старый метод и тоже российский!

Воргунов поднялся и направился к двери. Но дверь открылась без его участия. Валя Шалимова, шатаясь, проковыляла к креслу, повалилась на него и зарыдала, закрывая лицо руками.

Блюм недовольно вытянул губы:

- Тоже старый метод! Хотя это и гидротехника, но очень отсталая.

3. Человек без прибавлений.

Бакурин провозился с Шалимовой до самого вечера и все же не был доволен результатом. Что-то очень трудное и непонятное заключалось в этом «мелком случае», и Бакурии ощущал это на каждом шагу. В самый первый момент, когда ушли Блюм и Воргунов и оставили его наедине с «индивидуальными рыданиями», Бакурин присмотрелся к склоненной фигурки Вали и услышал в самом себе протест мелкого бессилия. Ощущая такое бессилие, люди всегда раздражаются, начал нервничать, раздражаться и Дмитрий Иванович.

У Вали светло-золотые волосы, гладко и туго натянуты, но их узелок на затылке небрежно связан грязноватой ленточкой, отдельные космы торчат из этого узелка и вздрагивают во время рыданий. У Вали очень красивая, полная и высокая шея, но разводы грязи отчетливо рисуются на ней, не прикрывая, а только оскорбляя ее красоту. Рукавчики шелковой блузки тоже измяты и испачканы. Когда Валя подняла голову, Бакурин был поражен таким же оскорбительным сочетанием исключительной красоты этого лица с неуверенностью и блудливой мимикой.

Все в этом лице было прекрасно: и нежный и мягкий овал, и мускулистые маленький рот и глаза, большие, ярко синие, полные чистоты и здоровья, и благородна безукоризненны, профиль, и нежнейший налет чуть-чуть приметного золотистого пуха на верхней губе. И вся эта прелесть была прикрыта, как пылью, отражениями глупой и неудачной жизни. В глазах и в выражении рта глядела трусливая подозрительность, но рядом с ней что-то проскакивало и вертелось шкодливо-назойливое и смешное. В контурах будущих морщин, чуть-чуть обозначившихся на лбу, и в еле заметных желтоватых оттенках румянца под скулами уже присутствовала неприглядная истасканность.

Бакурин с еще неразборчивой досадой прочитал все это в лице плачущей женщины:

- Чего вы ревете? Как вам не стыдно? Вы красивы, здоровы, молоды, чего еще нужно?

- А, ну ее к черту, эту красоту! - со страстными слезами сказала Валя, - мне от нее жизни нет, горе одно, глупая я такая...

- Позвольте, что случилось? Вчера мы расстались без слез, решили поговорить... Что произошло за ночь?

Валя осушила слезы и начала рассказывать. Уже на втором десятке слов в ее речи начала мелькать вчерашняя кокетливая ужимка. Сил нет смотреть на этого человека.

- Послушайте, Валя! Пожалуйста не кокетничайте и не вихляетесь, Вам это нс идет... И вообще безобразно! Говорите серьезно. Ведь дело все-таки не шуточное? Чего вы ломаетесь? Стыдно!

Валя замолчала, опустила голову, поцарапала грязным не стриженным пальчиком обочину письменного стола:

- Я… иначе не умею…

Бакурин громко рассмеялся к подошел к ней:

- А вы попробуйте. Вот сядьте так, свободно, можете положить нога на ногу, отклонитесь на спинку кресла. Правильно. Хорошо. Теперь рассказываете. Только, прошу вас, и слезы и улыбки отложите на… полчаса…

Валя посмотрела на Бакурина удивленно, затеяла было какую-то гримасу на тему «Ах, какой вы», но вспомнила о запрещении и заговорила действительно более просто. Но в этот момент вошел начальник инструментального цеха Фома Николаевич Ходиков. Он с радостной улыбкой растянул перед Валей толстогубое, небритое, лупоглазое лицо, расставил ладони на узких плечах девушки и запищал:

- Красавица! Простите! Ведь и я страдаю от этой женщины. Подлый такой зверь ревнивый! Она, как увидела вас, не...

- Да она где ночевала? - спросил Бакурин.

- Ночевала она у меня, только на улице, конечно, лучше. Оскорбительная у меня жена, и рассказывать стыдно. Она - хороший человек, уверяю Вас, только у всякого человека есть своя придурь! Без придури не может быть человека ...

- Давайте забудем, - предложил Дмитрий Иванович. - Ночь прошла и добре. Тут вообще положение запутанное какое-то.

Положение Вали было и в самом деле затруднительным. Она была назначена библиотекарем на заводе только потому, что не нуждалась в квартире, у нее была комната в поселке, расположенная рядом с заводом. В этом поселке Валя тоже работала библиотекарем. Рассчитывали, что совместительство никому мешать не будет. Но вчера Валю из ее комнаты выселили, ибо комната принадлежала сельсовету.

Бакурин усомнился:

- Как это выселили?

Выбросили все на улицу или как?

- Я пришла вечером, а дверь заперта, и замок висит...

- Ну?

- Я пошла к нему, к председателю сельсовета. Супикову, а он говорит, устраивайтесь на заводе, нам нужна комната...

- Хорошо... но вещи Ваши там... в комнате?

- Нет…

- А где?

- У меня нет вещей...

- Как «нет вещей»? Кровать, белье?

- Кровати нет.

- Белья?

- Белья... тоже нет...

Она вдруг заплакала, опустив голову на ручку кресла. Бакурин взглянул на Ходикова, Ходиков поежился, поежился и выговорил ласково:

- Белье... собственно второстепенная вещь. Не нужно из-за пустяков слезы тратить. Они, дорогая, вам пригодятся в хорошую какую-нибудь минуту, знаете, для серьезного дела пригодятся.

- Да как же это так? Вам сколько лет? Двадцать?

- Двадцать два…

- Ну, вот видите! Двадцать два! Где ваши вещи? Сколько времени живете…

Валя приняла позу, рекомендованную ей ранее Бакуриным и сказала спокойно:

- Я тогда... уходила от мужа, от этого, от Семенова, я только ребенка взяла… я боялась.

- Мужа боялась?

- Ага!

- Он вас бил?

- Нет... я боялась, что ухожу.

- А почему вы ушли от мужа?

- Я не знаю... не нравился. Он такой... скучный.

- Ах, Валя! Ну, как же так можно? Скучный... А вот... замуж Вы выходили почему? Потому, что нравился?

- Нет, не потому, а потому, а, потому... я ему нравилась.

- Горе с Вами, - улыбнулся Бакурин.

- Никакого горя, никакого горя, - заспешил Ходиков, - так и нужно: скучный, бросили, правильно, миленькая. Это прямо замечательно, вы себе представить не можете! Это редко кто умеет делать...

- Вы тоже не умеете? - задал вопрос Бакурин.

- А? Ходиков понял и просиял. - Да, я тоже не умею. Но это ничего, это так и нужно.

- Кто вас разберет, как нужно, а как не нужно.

Бакурин взглянул на Валю, и она подняла к нему синие свои глаза, и теперь они были по-настоящему прекрасны, потому что думали не о себе, а о комическом положении Ходикова.

- Сейчас начнем воевать, Только это трудно. Нам придется перепрыгнуть через некоторые препятствия. Препятствия номер первый - комендант Поддужный.

Бакурин позвонил. Секретарь Бунчук, с прокошенной через всю голову лысиной, с усами, свисающими вниз, черными и густыми, кивнул головой.

Через две минуты прибежал Поддужный, козырнул, вытянулся, расставил над плечами угловатые фланги нижней челюсти.

- Товарищ Поддужный. Надо вот… девушке комнату...

Не отнимая рук от «швов», Поддужный, как теперь, развел кистями рук. Этот жест знаменовал уже, что перепрыгнуть через Поддужного не так легко. И в подтверждение сего Поддужный завертел головой, хотя глаза его в этот момент суматошились в орбитах, вероятно, в поисках комнаты для Вали. Наконец Поддужный сказал:

- Комнаты такой трудно разрешить этот вопрос…

- А вы все-таки разрешите. Нужна комната.

- Дозвольте, я через пять минут.

Бакурин дозволил. Комендант шаркнул в двери.

Бакурин попросил Валю подождать и спустился вниз к предзавкому. Солоняк сидел за столом и морщил лоб над какими-то массовым предприятием. У него выцветшая лазурь глаз и серовато-пепельный ежик.

- Шалимова? Угу. Это которая в поселковой библиотеке? Я тоже слышал,… там конфликтное положение. Кто его знает, надо бы подождать, как там разрешится. А кроме того, какие у нас средства?

Бакурин первый раз был в этой комнате. Он присмотрелся к лозунгу, сделанному в интересных, зеленоватых тонах. Лозунг был о кадрах. Солоняк проследил за взглядом Бакурина и оживился:

- Хорошо сделано, правда? Это Костецкий. И дешево взял - пять рублей. Краска красивая.

- Дешево, - согласился Бакурин. - Так ничем не поможете Шалимовой?

- Да чего ты возишься с ней? У нас такое дело... грязное…

- Но... слушайте... Человек же. Вон лозунг у вас...

- Хэ. Дак это про кадры... Шалимова по-твоему кадры?

- А что?

- А ты присмотрись. У нас не заводе сплошь барахло. Тут тебе и бывшие жандармы и какие-то мельники, и проститутки. Кто угодно. Тут чистить нужно. Хорошо чистить. Ты не потеряй бдительности, товарищ Бакурин. А Шалимова? Ну, если хочешь, пускай подаст в кассу взаимопомощи. Я поддержу, девчонки все-таки.

Бакурин взглянул и к секретарю. Мать-секретарша, как называли ее на заводе, Нина Васильевна Люшкова, женщина еще молодая и изящная, с несколько евро-

пейской тонкой повадкой встречала его приветливо и поспешила познакомить его с упитанным, крепко сбитым и бородатым человеком. Человек властно сидел на стуле, поставил кулаки на мощные колени, расставил локти воинственным фертом. В таком положении, не подавая руки, он и кивнул Бакурину и сказал:

- Супиков.

Неизвестно почему при Супикове Бакурин не хотел говорить о Шалимовой, отделался какой-то ерундой и убежал к себе. Прыгая через ступеньки лестницы, Дмитрий Иванович подумал, что поступил малодушно и причины малодушия не вызывали сомнений: Бакурин боялся каких-то разоблачений Супикова, ибо в глубине души и сам не был уверен в валиной биографии.

В кабинете Бакурина дымило целое собрание. Валя забилась в угол дивана и оттуда посматривала на всех с некоторым даже испугом. Рядом с ней сидела телефонистка Наташа и краснела от множества зрителей, разглядывавших небывалую группу красавиц в служебном кабинете.

Начальник планового отдела Иван Сергеевич Олешко, как всегда, стоял у окна, а на стульях и креслах сидели и курили Воргунов, Ходиков, Блюм и Маньковский. Только комендант Поддужный торчал в официальной позе и от волнения шевелил пальцами. Поддужный и начал:

- Дмитрий Иванович! Такой комнаты невозможно в данную минуту организовать по причине полного отсутствия. А если они желают, можно у полковницы, у них свободная площадь в большом количестве.

- Какая полковница?

Комендант конфиденциально содрогнулся и доверительно объяснил:

- На этом заводе, скажу Вам, всякой разной твари, а также чуждого элемента большое перевыполнение...

- Ну, хорошо, так у этой «полковницы» можно?

- Пусть они пойдут вместе и посмотрят, и с моей стороны будет активное содействие.

- Хорошо. Товарищ Шалимова, идите с ним.

Поддужный покровительственно пропустил вперед своих подшефных и ушел за ними. Соломон Давыдович Блюм показал выткнутым пальцем на Маньковского:

- Одну вагранку заприходовали по счету завода «Октябрь», а другую по счету по монтажу той же вагранки. К сожалению, вагранка у нас только одна, как и следовало ожидать.

Маньковский имел прежний гордый вид и не просил пощады.

Бакурин спросил его:

- Так кто виноват?

Молчание.

- Отвечайте же, товарищ Маньковский.

- Ошибка всегда может быть, в данном случае обыкновенная ошибка. Но это вовсе не значит, что бухгалтерия должна ходить по цехам и щупать оборудование. Принципиально я прав.

Воргунов заворчал:

- Одна вагранка настоящая, а другая принципиальная. Итого две вагранки. Сальдо в нашу пользу.

Блюм громко расхохотался. Маньковский начал свое обычное:

- Разрешите мне уйти?

Бакурин обратился к нему с вопросом посторонним:

- Не можем ли мы выдать пособие, рублей пятьдесят, библиотекарю Шалимовой?

- А у нас нет таких назначений...

- Неужели ничего нет?

Маньковский заговорил о кредитах строительства, о кредитах на оборудование, о временном промфинплане, об убыточности производства, Бакурин перебил его:

- Выдайте пятьдесят рублей!

- Не имею права, - ответил ледяным голосом Маньковский и побледнел.

- Я напишу вам письменное распоряжение.

- Ваше распоряжение я выполню, но немедленно должен сообщить в трест о незаконном распоряжении.

- Хорошо, сообщите!

- Мне можно идти?

- Прикажите заготовить текст моего распоряжения... вот этого самого, незаконного, и пришлите на подпись.

Маньковский вышел. Бакурин взволнованными руками, не глядя на окружающих, начал перекладывать бумажки на столе, заметил, наконец, что он перекладывает их без всякого смысла.

Олешко прогнусавил у окна:

- Главбух прав. У вас будут неприятности.

- И какие там неприятности, - Блюм весело махнул рукой. - Если бояться неприятностей, ничего делать нельзя. Что такое пятьдесят рублей, какая, подумаешь государственная важность!

Но Воргунов заговорил о назначении начальника литейного цехе, потом звонил телефон, потом Ходиков въелся в Блюма из-за недостатка победита, потом притащили и выложили на стол целый стог почты.

День побежал вперед с обычным неустанным перестуком. Приходили и уходили люди, шелестели бумажки, взвинчивались и потрескивали нервы, на аккуратных бумажных площадях, строгими шеренгами проходили целые дивизии цифр. В дневном зеркале все это отражалось как событие первостепенной важности, а между тем все это были только мелкие дозы, гомеопатические приемы будущего благополучия, картины которого казались такими далекими, что о них разрешалась мечтать только дома, в постели.

В бурном потоке мелочей еще раз появились в кабинете Поддужный и Валя. Поддужный имел вид растерянный:

- Полковница эта не может без оборудования, а у них абсолютно без имущества. Товарищ Шалимова, вот, как здесь стоят, так и есть, без всякого прибавления, невозможно организовать...

А что же? Поддужный прав. Черт знает что: человек без всякого прибавления! Человек без упаковки и запасных частей! Бакурин потихоньку со злобой взглянул на эту красавицу. Вспомнил, что на этом прекрасном теле и белья нет. Такие трюки могут разрешить себе только Венеры, да и то мраморные. Ну, что с ней делать?

- А где ваш ребенок, - вдруг вспомнил он еще об одном «прибавлении» и со страхом ожидал в ответе новых усложнений вопросов.

- Ребенок у моей матери. Она приехала и взяла.

Все-таки легче.

- На чем же будете спать?

Ответа, конечно, не последовало.

И только в фигуре вошедшего Блюма, воспитанного на хитроумнейших задачах снабженческой практики, Бакурин увидел луч надежды:

- Дорогой Соломон Давыдович! Если у человека ничего нет, кроме одного платья, на чем ему спать, этому человеку?

Блюм не задумываясь ответил и притом строго диалектически:

- Смотря, какой человек. Если этот человек, допустим, Блюм, он может спать, как собака, на собственном кулаке. Ну, а если это товарищ Шалимова, то настоятельно необходимо иметь одеяло и маленькую подушечку, по меньшей мере.

- Этого нет... нет! Только одно платье есть!

- В таком случае нужно обратиться к Блюму, и он предложит великолепный тюфяк, который можно положить на пол, если он более или менее вымытый, а также и другие принадлежности.

Даже Поддужный после этой речи посмотрел на Блюма с определенной эмоцией, может быть потому, что он с минуты на минуту ожидал распоряжения достать, во что бы то ни стало. Валя простонала:

- Ой, Соломон Давыдович!

Бакурин уточнил предложенное Блюмом решение:

- Это... что же? Ваше собственное все?

- К счастью, мое собственное. В противном случае пришлось бы разговаривать с этим самым Маньковским, а вы уже знаете, что это не человек, а собака на сене, которая сама сена не желает кушать и другим собакам не позволяет.

Так благополучно, хотя и примитивно был разрешен вопрос об оборудовании жизни Вали Шалимовой. Бакурин мог надеяться, что им положено крепкое основание великого благополучия. Пятьдесят рублей из кассы завода были выданы на другой день.

Бакурин встретил Валю на заводской дорожке. Она улыбнулась ему ласково и без кокетства, сказала, что у полковницы ей неплохо, что завтра она купит белье. На прощание Валя смутилась и сказала, оглядываясь по сторонам:

- Только Вы напрасно со мной возитесь. Я не заслужила, честное слово!

Но это уже было естественное и приятное смущение выздоравливающего человека.

И поэтому Бакурин был страшно потрясен, когда еще через день к нему пришел перепуганный комендант и трясущимися руками выложил на его стол ключи от библиотеки, паспорт на имя Валентины Петровны Шалимовой и записку такого содержания:

Дмитрий Иванович!

Спасибо вам за все, за все. Только я никуда не годный человек, и жизнь моя кончена. Днепр будет для меня самая лучшая постель. И вы меня не ищите, кто-нибудь найдет и так.

Валя.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 28 – 35.

Судя по плану части первой романа «Человек» (см. часть 5 дан. издания, с. 220 – 226), А.С. Макаренко значительно расширяет содержание «Ньютоновых колец», возвращается к замыслу автобиографического романа в 3-4 частях, задуманного в кон. 1928 – нач. 1929 гг. (отошел от работы над ним лишь летом 1930 г., целиком погрузившись в «Марш 30 года», развитие коммуны им. Ф.Э. Дзержинского на основе производства). В плане романа «Человек» (часть 5, с. 220 – 223) широко используются формулировки плана этого автобиографического романа (часть 1 дан. издания, с. 322 – 327).

Особенно выразительно в этом отношении развитие автобиографического образа Д.И. Бакурина: «...Глубокая ненависть к старой России, к кошелькам, дармоедам,... такое же презрение к русскому, да и всякому другому человеку, к его глупости, эгоизму, головотяпству, дидактизму...

Все человеческие ценности, все проблемы личности и общества, героизма и работы, гордости и достоинства преломляются в новых надеждах на какой-то лучший человеческий коллектив, элементы которого он начинает узнавать в старых людях, так ему надоевших...

Прекрасно всякое движение, потому что оно живое... Новые уверенности в ценности человека и совершенно неожиданные проектирования в области положения человека в обществе... Обязательные большие броски в будущее человечество... Способность в тех же людях видеть больше положительного, чем отрицательного». (Часть 5, с. 222).

«Коллектив выше личности и богаче ее, а самое главное, что он создает для личности более здоровые пути развития, и ее отдельные недостатки скорее и гармоничнее нивелируются» (там же, с. 221).

Роман мыслится как широкая панорама революционных событий, захвативших представителя русской интеллигенции, роман о «сильной личности», ее драматическом развитии к лучшему. В этом, несомненно, сказывается влияние поэмы А.М. Горького «Человек», его призыва: «Вперед и выше...!»

А.С. Макаренко шутливо сообщал в письме близкому другу, К.С. Кононенко, еще в конце 1935 г.: «Очень много работаю над романом. Затевается настоящая «Война и мир». Ты, конечно, будешь играть роль Наполеона» (часть 4 дан. издания, с. 176). События трех русских революций и трех войн, рождение исторически совершенно нового общественного устройства, в течение лишь 40 лет, - тема, далеко выходящая за пределы обозримого в толстовской «Войне и мире».

На этом фоне грандиозных социальных потрясений и преобразований формировалась и действовала макаренковская концепция педагогики. Необходимые ей «образцы» он «логически и художественно выводил из всех событий и всей философии революции» (Макаренко А.С. Пед. соч. в 8 т. – М., т. 3, с. 435). Новая педагогика «рождалась на всей территории Советского Союза, но не везде нашлись терпение и настойчивость, что собрать ее первые плоды» (часть 8 дан. издания, с. 321).

Дополнение. *Писатель А.С. Макаренко в Смоленске // газ. «Большевистская молодежь», орган западного обл. комитета ВЛКСМ, 18 мая 1937 г.:*

Вчера в Смоленск приехал автор «Педагогической поэмы» писатель А.С. Макаренко. Днем он встретился со студентами педагогического института им. К. Маркса. Сегодня в 12 час. дня выступает на собрании учителей города в актовом зале пединститута.

Беседа с сотрудником газеты «Большевистская молодежь», 18 мая 1937 г.
(в изложении)

В беседе с нашим сотрудником писатель рассказал:

После 16-летней педагогической деятельности[1] я отдыхаю. Сейчас я работаю над художественным произведением, оно называется «Книга для родителей», идея которой возникла у меня во время встреч с родителями. «Книга для родителей» будет

напечатана в № 7 журнала «Красная новь». Думаю также написать книгу о трудколонии им. Дзержинского, в которой я много лет работал.

Меня часто спрашивают о судьбе героев «Педагогической поэмы». Со своими воспитанниками у меня крепкая дружба. От них я получаю каждый день по нескольку писем с разных концов страны.

Задоров[2] стал инженером. Он сейчас строит гидроэлектростанцию под Ташкентом. Карабанов[3] руководит одной из трудколоний НКВД на Украине. Вершнев[4] - главный врач юного города Комсомольска-на-Амуре. Братченко[5] - ветеринарный врач одного из кавполком на Дону.

Бурун[6] работает в Ярославле врачом. Жевелий[7] - летчик.

18 мая А.С. Макаренко выступил в актовом зале пединститута. Учителя города с большим интересом слушали рассказ педагога-писателя о своем опыте педагогической работы.

Вчера А.С. Макаренко уехал в Москву.

Судьба героев «Педагогической поэмы». Беседа с писателем А.С. Макаренко // газ. «Большевистская молодежь», Смоленск, 20 мая 1937 г. (без указания авторства).

[1] А.С. Макаренко здесь учел лишь срок его педагогической деятельности при советской власти, имея в виду и один учебный год заведования полтавской «единой трудовой школой №10» в 1919 – 1920 учебном году. Начало его педагогической деятельности – 1905 г.

[2] Собирательный образ. Среди его прототипов – *Архангельский П.П.* **– сын воспитательницы-учительницы колонии им. М. Горького З.П. Архангельской. После окончания Харьковского сельскохозяйственного института инженер-мелиоратор. Участвовал в ирригационных работах в Туркменистане, в 1937 – 1941 гг. в строительстве Куйбышевского гидроузла, Беломоро-Балтийского канала.**

Затем командир саперной роты на Волховском фронте, тяжело ранен в 1942 г. В конце Великой Отечественной войны дивизионный инженер 104-й гвардейской стрелковой дивизии. Получил два ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды, медаль «За отвагу». До 1971 г. – главный специалист филиала НИИ «Оргэнергострой».

[3] Калабалин С.А.

[4] Шершнев Н.Ф.

[5] *Браткевич А.* **в колонии им. М. Горького с мая 1921 г. Воевал на Закавказском фронте, участвовал в кавалерийских рейдах в фашистском тылу. Погиб в 1942 г.**

[6] *Супрун Г.И.* **в колонии им. М. Горького с апреля 1921 г. Будучи затем студентом Харьковского технологического института, переведен в Академию бронетанковых и механизированных войск (Ленинград). Участвовал в Сталинградской битве, в военных действиях на Курской дуге, в боях за Кенигсберг. Инженер-подполковник, награжден двумя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды.**

[7] Чевелий Д.А.

Письмо В. Регинину, 17 июня 1937 г.

«Дорогой товарищ Регинин!

Простите, пожалуйста, что обращаюсь к Вам по фамилии, — не помню Вашего отчества.

Ваше письмо получил одиннадцатого, сейчас наши едут в Киев за продуктами, пользуясь оказией и передаю письма. Отправлять отсюда — дело длинное.

Спасибо за память. К сожалению, со статьей об Алексее Максимовиче будет уже поздно, да и не знаю, что написать, для газетной статьи у меня материалов нет. Относительно А.М. у меня ведь больше чувств и мыслей, чем впечатлений.

Дача выбрана мною, прямо будем говорить, неудачная. Колхоз бедный — на песке, тянет больше к городу. От Киева всего тридцать километров.

Местность подходящая, но для дачников мало приспособленная. Великолепный сосновый лес, но в лесу ни одной хаты, а все подальше, а между хатами огромные пространства сыпучего песка, до леса пока доберешься, язык на полметра наружу. Речка тоже неплохая, но возле речки никто не живет, и вообще, черт их знает, чем они руководствовались, когда расселялись. Вероятно, меньше всего интересами дачников.

С продуктами туго. Есть кооператив, но хлеб там только для хозяйственников, мяса тоже мало, продукты.

С большими хлопотами и по дорогой цене. Но это все полбеды, можно возить и из Киева, а вот культура... вечером хоть плач, — темно, а нужно работать.

Поэтому мы отсюда удираем в конце июня. Вас не приглашаю во избежание неприятностей — для меня.

Работаю над «Книгой для родителей», работать, правда, никто не мешает, кроме блох, мошек и прочих некультурных создателей.

Крепко жму руку. Всего доброго Ваш А. Макаренко».

Макаренко. Альманах. – М., 2011, №2, с. 45. Написано в Высшей Дубечне, на даче.

Регинин В. **– секретарь редакции «Литературной газеты».**

Дополнение. *Члену Союза советских писателей тов. А. Макаренко, 26 августа 1937 г.*

Многоуважаемый тов. Макаренко.

Три года назад, с разрешения Ивана Петровича Павлова, по представленным его семьей, родственниками, ближайшими сотрудниками, а также учениками, проживающими в различных странах мира, материалам была начала работа по написанию биографической повести об И.П. Павлове.

Поскольку с точки зрения используемых материалов биография, очевидно, является наиболее ценной из всех попыток дать образ великого ученого, хотелось бы, чтобы и художественная форма ее была бы достаточно высока.

Авторы биографии были бы Вам очень признательны, если бы Вы сочли возможным ознакомиться с рукописью, а затем высказали свои соображения о путях поднятия ее художественной стороны.

В случае Вашего согласия рукопись в отпечатанном виде может быть переслана 15-25 сентября по указанному Вами адресу. В начале октября один из авторов будет в Москве.

Настоящее письмо я пишу по поручению зам. директора Института им. И.П. Павлова профессора Н.А. Подкопаева, который по своем возвращении из отпуска в Ленинград 6-8 сентября приложит свое сопроводительное письмо к рукописи.

С приветом.

Подпись (неразборчива)

26 августа 1937 г.

Ответ просьба адресовать: Ленинград, 164, Тучкова наб., 2.-а. Институт им. Павлова. Секретарю издания трудов.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 37. Здесь же имеется письмо *Подкопаева Н.А.* **от 12 ноября 1937 г., где говорится: «...С Вашего любезного разрешения посылаю Вам на просмотр первую часть повести об академике И.П. Павлове... На сбор материалов к книге потрачено несколько лет, использованы воспоминания более 40 лиц, многочисленные семейные материалы, полученные еще при жизни И.П. Павлова...»**

Автор биографии встретился с А.С. Макаренко в Москве 17 декабря 1937 г. (см. ранее «Дневниковые записи»).

Обращение к А.С. Макаренко с предложением принять участие в создании этой «биографической повести» свидетельствует о его авторитете как писателя, очень близкого к науке, современным исследованиям высшей нервной деятельности, к физиологическим основам поведения человека.

Высоко оценивая научные достижения И.П. Павлова, А.С. Макаренко категорически возражал против механистического переноса его рефлексологической теории (как и идеи «доминанты» физиолога А.А. Ухтомского) в педагогику, подверг резкой критике попытку А.С. Залужного строить учение о коллективе в русле педологии, на базе рефлексологии (см. часть 3 дан. издания, с. 47).

Из письма в редакцию журнала «Литературный критик», 7 сентября 1937 г.

…К сожалению, я не нашел здесь машинки, пришлось переписывать пером, это задержало. Очень прошу извинить за неряшливый вид рукописи и перепечатать за мой счет.

Только что прочел статьи о Чапаеве[1] в газетах, в том числе и статью Серебрянского в «Литературной газете».

По-прежнему остаюсь в глубоком убеждении, что «педагогическая» концепция во взгляде на «Чапаева» Фурманова решительно противоречит книге, не умна и вредна, т.к. выдвигает страшно пустую идею «парного» воспитания личности.[2] Я не помню, кто первый допустил ошибку, но уверен, что пришло время с нею покончить.

Если Вы со мною не согласитесь, очень прошу возвратить мне рукопись[3], т.к. копии у меня нет.

Очень жаль, что указанный Вами размер — один печатный лист — не позволит мне более подробно развить свою точку зрения, — она может быть доказана до конца, — книга совершенно ясная.

Я буду в Ялте до 26 октября.

Привет.

А. Макаренко

Макаренко. Альманах. – М., 2011, № 2, с. 45 – 46.

[1] Говорится о литературно-критической статье, посвященной роману Д. Фурманова «Чапаев» (вышел в 1923 г.).

[2] «Парная педагогика» - макаренковское определение концепции, которая сводит сферу педагогического действия к абсолютному минимуму – к персональным взаимоотношениям педа-

гога и воспитанника. Игнорируется их органическая включенность в широкую и сложнейшую систему общественных отношений.

[3] Речь идет о макаренковской статье: «Чапаев» Д. Фурманова – она была опубликована в «Литературной критике», 1937 г., №10 (см. часть 6 дан. Издания, с. 135 – 149).

Эта статья, как и многие другие отзывы, рецензии А.С. Макаренко на литературно-художественные произведения, характеризует его как блестящего литературного критика. Он соединяет воедино познавательную, эстетическую и педагогическую функции искусства. Он требовательно и бережно, уважительно относится к автору, писателю.

Письмо А.О. Авдеенко, 5 ноября 1937 г.

Москва, 5 ноября 37

Дорогой товарищ Авдеенко!

Ваша рукопись получена мною 5 октября, но, к сожалению, мне не давали ее читать. В связи с выборами[1] пришлось много разъезжать и работать, Вы меня извините за задержку.

О книге скажу Вам искреннюю правду.

Мне нравится, как Вы пишете. У Вас хороший язык, много страсти и души, много искренности. Многим Вашим страницам я прямо завидую.

Несмотря на это, в целом книга меня не удовлетворяет. Я лично думаю, что главный недостаток Вашей книги не в какой-нибудь Вашей слабости, а в неверной направленности Вашей силы, если говорить просто, в тематике.

Вы проводите Вашего Володьку через старый мир к новому. Совершенно естественно, что в старом мире ему жилось плохо. Когда к нему перешел фронт, он сразу встретил иных людей и иное отношение. Тема как будто вполне уместная, но посмотрите, как Вы ее подаете.

Вот первый отдел повести — Воронцовская улица, наполненная странными калеками, людьми, искрошенными не только физически, но и нравственно. Вы безудержно не жалеете самых ужасных красок. Даже пес здесь выступает «обваренный» с изуродованной ногой.

Ваши «Трое дураков» образец вопиющей отвратности. Даже мать, которую Вы, кажется, хотели изобразить в человеческом образе, в таковом не вышла: она запрещает Володьке нюхать лимон, боясь, что он заберет все соки. Появление слепого отца, его встреча с сыном, с женой, с земляками, страшные речи Никиты Поспелова, потом издевательства над ним даже сына — все это беспросветно страшно.

Но Вы обратите внимание: Ваш отец странен не только потому, что он слеп и несчастен. У Вас откуда-то такой аппетит на разные ужасы, что Вы и сами не замечаете, откуда они у Вас берутся.

А проверьте Ваш текст. Ваш отец страшен вообще независимо от своей слепоты. Он у Вас беден, как личность, это нищий духом, при всяких условиях он был бы получеловеком.

И Вы обедняете не только отца. Все люди у Вас такие. Желая показать ужасы белого тыла, Вы не знаете меры, Вы для этого всех людей обращаете в полуживотных. Вы и сами пишите: «Стадо людей разгуливает по выжженной, вытоптанной, заплеванной земле». Эту строчку можно было бы сделать эпиграфом к Вашей книге.

Чтобы как можно ближе приблизить Ваших людей к последней грани человеческого падения, Вы не жалеете никаких красок и очень часто поэтому впадаете в самый невыносимый натурализм. Вы заставляете Вашу проститутку Полю отдаваться мужчинам в ящике, куда выливают помои, предварительно разогнав собак. У Вас люди грызут стекло, чтобы получить стакан самогону.

Потом у Вас идут бесконечные побои, голод, изнасилования матери на глазах у сына, расстрел дедушки, описанный так же натуралистически, потом психопат Архип, потом женщина в вагоне «за пирожок», ночевка в нужнике, опять побои, банный беспросветный цинизм, расправа при помощи кипятка, расправа в тюрьме, ужасные письма, тоже получеловеческие, и, наконец, притон королевы молдаванской, нисколько не лучший всего предыдущего, достаточно привести картину карточной игры, где азарт тоже бесчеловечный.

Интересно, что Вы настолько увлекаетесь картинами разных бедствий, что даже забываете, что Володька выиграл большие деньга, и заставляете его немедленно после выигрыша красть деньги на дорогу. Этот эпизод Вы заканчиваете, разумеется, картиной убийства Васьки. Ну и так далее.

Спрашивается, для [чего] Вы все это написали? Что Вы хотели оказать? Для таких людей, бесчеловечных, бедных духом, нравственных калек даже революция, собственно говоря, не нужна, они ее не стоят и они неспособны ее сделать.

После Вашей книги остается такое впечатление, как будто Красная армия пришла в страну безносых уродов, проституток и психопатов. У Вас нет ни общества трудящихся, ни светлого права человека на освобождение. Человеческое общество у Вас отсутствует, у Вас нет людей, только уроды, да и уроды какие-то чрезмерные.

Это, конечно, неверно. Горький тоже изобразил дно, но посмотрите, сколько там настоящей человечности, мысли, поэзии.

А у Вас сплошное урчанье зверья и мясное крошево.

Это неправильно. Задавленная, порабощенная Россия все же была человеческой Россией, обществом мыслящих, борющихся, живущих людей. Только потому эти люди победили, что они были достойны победы. А Вы подменяете ее страной идиотов и полузверей. Дедушка не меняет картины.

Книга целиком не годится. Ее и переделать нельзя, ибо в ней одинаково порочны и тема, и идея, и сюжет, и фабула.

А очень жаль. У Вас есть замечательные места, прекрасные пейзажи, везде очень хороший язык. Вы очень талантливый человек, и я уверен, что Вы себя насилуете.

Я убежден, что в Вашей жизни есть много хороших, разумных и простых воспоминаний о жизни обыкновенной. Ведь ничего не может быть лучше обыкновенной жизни, где есть и страдание, и радость, и счастье, и горе, и героизм, и падение.

Только такая жизнь достойна внимания и достойна революции. В такой жизни страдание действительно звучит и протестует. А у Вас все это кроваво-грязное месиво просто перестает действовать, нервы читателя притупляются, если следить по ним одним ужасом за другим.

Дорогой Авдеенко, все это нужно бросить. Вам нужно переменить самое отношение к жизни, к теме, нужно больше доверить Вашим жизненным впечатлениям, чем писательскому фокусу[2]. Я убежден, что если Вы просто по-человечески вспомните все прошедшие перед Вами идеи человеческой жизни, Вы легко и просто, и очень быстро напишите прекрасную книгу.

У Вас большой и интересный талант, искренний, красивый и энергичный. Виноваты те, кто очень много жалел Вас и не говорил Вам правду. Вас нужно чаще бить, чаще и строже от Вас требовать, жестоко Вас критиковать.

Надо, чтобы Вы засели где-нибудь в тихом уголке и просто, нежно, искренно выбрали обыкновенную человеческую тему. Только ничего не нужно врать о жизни[3]. Жизнь всегда сама за себя говорит.

От души желаю Вам успеха в Вашем дальнейшем творчестве. Если не обижаетесь на меня за это письмо, всегда готов служить Вам в том или ином отношении.

Крепко жму руку,

А. Макаренко.

Макаренко. Альманах, 2011, №2, с. 73 – 74.

Авдеенко А.О. **– писатель. Родился в семье шахтера, бродяжничал во время Гражданской войны, потом в коммуне для беспризорных, работа на шахте и металлургическом заводе. Автобиографическую повесть «Я люблю» одобрил А.М. Горький, напечатана в 1933 г. в ж. «Наши достижения», стала популярной. Затем романы «Судьба», «Государство – это я», пьесы.**

[1] А.С. Макаренко говорит о своей работе, выступлениях в связи с предстоящими выборами в Верховный Совет СССР.

[2] «Отношение к жизни», характер «жизненных впечатлений» - это то, что А.С. Макаренко считает основополагающим и в художественном творчестве, и в деятельности педагога-практика и теоретика. Писательская и педагогическая «техника» - на втором плане.

[3] А.С. Макаренко имеет четкое представление о том, что такое «правда жизни» и «художественная правда». Он не идеализирует народ, чувствует и глубоко понимает его решающую роль в истории и культуре, его творческие силы, тяготы и страдания (см. часть 8 данного издания, с. 319 – 320).

Дополнение. **Вырезка А.С. Макаренко из газ. «Известия», 10 ноября 1937 г., из текста речи В.М. Молотова:**

«<u>Счастье</u> нашей страны в том, что, не испугавшись трудностей, она вырвалась из капиталистического гниющего общества. И вот 20 лет, как мы идем своей новой дорогой, идем к коммунизму, сознавая, что на нашу долю выпало <u>счастье</u> проложить верный путь к светлой жизни всего человечества. Это поднимает сознание масс нашей страны и сплачивает трудящихся».

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 83, л. 24. Подчеркивания сделаны А.С. Макаренко.

В этом номере газеты опубликованы также: «Сад радости» (об альманахе «Творчество народов СССР») и материалы, посвященные празднику 7 ноября.

Сказанные В.М. Молотовым А.С. Макаренко воспринял как подтверждение мыслей, заложенных им в статье «Счастье» (напечатана в этой же газете, 7 ноября 1937 г.). Ее продолжением стала заметка «О счастье». См. часть 6 дан. издания, с. 149 – 152 и 164 – 165.

Молотов В.М. **– советский государственный и партийный деятель, в 1921 – 1930 гг. секретарь ЦК ВКП(б); 1930 – 1941 гг. – пред. СНК (правительства) СССР, затем нарком иностранных дел.**

Письмо А.О. Авдеенко, 23 ноября 1937 г.

Москва, 23 – XI – 37

Дорогой товарищ Авдеенко!

Вы, вероятно, не нуждаетесь в моем ответе, но мне хочется ответить. Почему? Скажу прямо: Вы мне нравитесь. Я знаю, что многие относятся к Вам с осуждением, но Вы понравились мне еще в Крыму[1], хотя я и тогда заметил, что Вы людям не умеете нравиться.

Напрасно Вы со мной не хотите видеться. Я гораздо старше Вас и опытнее в жизни. Я мог бы быть полезен Вам, а, возможно, у Вас нет хорошего друга. Вы напрасно уклоняетесь от встречи со мной.

Вы ошибаетесь, обвиняя меня в жалости к Вам. Я жалеть не умею, жалею только стариков. Да и за что Вас жалеть? Вам отпущено больше, чем многим людям. А страдание талантливого человека – это всегда страдание жадного человека. Чего тут жалеть?

Но мне нестерпимо видеть, что Вы – такой талантливый человек, молодой, здоровый, у которого впереди так много жизни, отдаете душу и личность каким-то воспоминаниям, которым должна быть назначена только одна цена – забвение.

Люди бедные и бесчеловечные могут воскреснуть только потому, что они живут в нормальном человеческом обществе, а люди талантливые должны быть впереди этого общества.

Я не стану убеждать Вас писать о том или о другом, но я по-дружески призываю Вас открыть глаза и увидеть собственную силу. Ведь Ваша сила именно в том, от чего Вы сейчас так страдаете – в Вашей искренности. Любая сволочь, портач или шарлатан, который Вашей подметки не стоит, будет писать книги о радости, хоть по своей никчемности он ни к какой радости и прикоснуться не смеет.

А Вы тратите Вашу большую, искреннюю силу на расправу с самим собой. И поэтому раньше, чем писать, Вы должны совершенно забыть о Ваших воспоминаниях, а это очень легко сделать – стоит только серьезно решить.

Простите меня за вмешательство. Но я серьезно прошу верить моей дружеской любви к Вам. Я очень хочу, чтобы Вы написали хорошую радостную книгу и этим заткнули рот всякой бездари. Пишите чаще. Буду очень Вам благодарен.

Ваш А. Макаренко.

Макаренко. Альманах, 2011, № 2, с. 76.

Письмо ярко показывает чуткость А.С. Макаренко к проявлениям индивидуальности, одаренности и таланта. Видно его принципиальное отношение к искренности как первостепенному качеству деятеля литературы, искусства и педагогики.

Письма А.О. Авдеенко к А.С. Макаренко см. там же, с. 72 – 91.

[1] Видимо, речь идет о встрече в Ялте: в сентябре 1937 г. А.С. Макаренко находился, работал там, в Доме отдыха писателей.

Запись о переписке с А.О. Авдеенко, 25 ноября 1937 г. – 20 февраля 1938 г.

Макеевка, завод Кирова, Авдеенко Александр Остапович.

25 – XI – 37

Послано письмо с призывом к оптимизму.

28 – XI Получено письмо от 22 – XI.

13 – XI Получено письмо

Городской адрес

Москва, Б. Комсомольский 5, кв. 6

11 / 2 Получено письмо.

20 / 2 Ответ.

Макаренко. Альманах, 2011, №2, с. 81.

Письмо А.О. Авдеенко, 13 декабря 1937 г.

Москва, 13 – XII – 37

Дорогой Александр Остапович!

Очень благодарен Вам за дружеские, искренние письма. Если я вам хоть «трошки» помог, то и то для меня большое удовлетворение.

Меня страшно интересует: ленивый Вы человек или не ленивый? Я спрашиваю об этом не в обычном смысле, а в особом — писательском.

У меня бывает такая писательская лень. Иногда чувствуешь, нужно над героями подумать, произвести у них чистку, найти более благородные сюжетные ходы. Чувствуешь, а приняться за такое черное дело лень. Гораздо приятнее просто сидеть и писать. Иногда оглянешься, замечаешь, что герои куда-то тебя тянут, что нужно упереться, может быть, выбросить какой-нибудь печатный лист, и — лень.

Меня страшно интересует Ваш новый роман. Странный Вы человек. Как это так: бояться, что выговоришься. У меня вот наоборот: чем больше я с людьми говорю, читаю им отрывки, тем больше у меня появляется разных идей, образов, фабульных изобретений. А Вы какой-то особенный человек.

Я все-таки настойчиво Вас прошу показать мне Вашу книгу, когда будет написана половина. Мы с Вами поспорили бы, может быть, очень даже горячо, и я уверен! Вы после этого еще больше полюбили бы ее.

А? Может, попробуем такой способ?

Я очень любопытен, но это не существенная причина. Причина может быть в том, что я боюсь отпускать Вас одного в Вашу дымную Макеевку, — у меня это такой вполне естественный страх, если хотите, педагогическая привычка.

Еще раз прошу Вас, Вы меня не бойтесь, я сумею так сделать, чтобы не нарушать. Вашу любовь к этой книге, в целом для меня понятную. Но над хорошей книгой нельзя работать в одиночестве. У меня дома целая компания: жена и сын, я очень пользуюсь их читательским вкусом.

Так как? Может, Вы передумаете? Напишите, дорогой.

Крепко жму руку.

Ваш А. Макаренко.

Макаренко. Альманах, 2011, № 2, с. 77 – 78.

Дополнение. *В ж. «Литературное обозрение», 1938 г., № 1* **напечатан отзыв родителей семьи Пфлаумер о макаренковской «Книге для родителей» (см. часть 6 дан. Издания, с. 319 – 320). Для сравнения: в 1940 г. вышла книга (64 с.): Пфлаумер Н. Моя семья. Записала и литературно обработала Ольга Зив. – М., Гослитиздат.**

В ней говорится, что дети приносят в семью радость и моральное удовлетворение, облагораживают семейные взаимоотношения. «Любовь к труду, умение работать, дружеское соревнование между всеми членами семьи – вот основа воспитания, проповедуемая Н.А. Пфлаумер. Влияет авторитет родителей, их дружба, основанная на любви и уважении. «Это ценно и для школы».

Семья воспитала и усыновила 5 детей, «отмечена правительственной наградой». Автор Предисловия – Леонтьева О., депутат Верховного Совета СССР. Пфлаумер Н. – «незаконнорожденная», была служанкой у барыни.

Письмо А.О. Авдеенко, 19 февраля 1938 г.

Москва, 19 февраля 38 г.

Дорогой друг!

Никто никого не забыл и не мог забыть. Я Вас ни в чем таком не подозревал, я сам всегда о Вас думаю.

Я не писал Вам потому, что со мной случилось несчастье: упал у себя в комнате, поломал ребро, целый месяц пролежал в постели.

Страшно приятно, что Вы в хорошем настроении. Глубоко убежден, что книга у Вас будет хорошая.

Ваше приглашение приехать всерьез пока не принимаю. Вы человек горячий. Но если это Ваше желание «побыть под одной крышей» не испортится от времени, я обязательно к Вам приеду.

Планы у меня такие. На март я уезжаю лечиться в Малеевку. Начало апреля должен буду истратить на конец романа. А вторая половина апреля получается как будто свободная. Если у Вас все будет благополучно, я к Вам приеду числу к 15 апреля. Меня увлекает возможность познакомиться с Вашей книгой не спеша и в Вашем присутствии. И для меня и для Вас это может принести пользу.

Можно ли к Вам доехать без пересадки?

Май я думаю провести в Ялте, в нашем Доме отдыха. Если почему-либо нам не удастся встретиться у Вас, давайте встретимся в Ялте.

Одним словом, спишемся.

До болезни я много работал. Кончил роман «Честь» (так себе), сдал в «Октябрь».Х.

Ваше письмо было очень хорошо читать. Жаль, что Вы не написали ничего о теме, образах.

Пишите, письма будут мне пересылать.

Крепко жму руку, желаю бодрости и успеха.

Ваш А. Макаренко.

Макаренко. Альманах, - 2011, № 2, с. 80 – 81.

Забота о человеке. Комедия. Подготовительный материал. Конец 1937 г. – начало 1938 г.

Комедия

Тема: «Забота о человеке»

К первому мая открывается санаторий на 300 человек. Санаторий хорошо организуется с заботой и вниманием, но получается так, что в заботе о будущих больных организаторы забыли, что служащие и окружающие их работники тоже люди и забота о человеке распространяется и на них. Санаторий существует уже несколько лет и закрывается на зимние месяцы, поэтому там есть некоторый постоянный штат, как, например, начхоз, кастелянша, техслужащие. На лето набирается новый штат сестер, врачей и проч.

Действие происходит в одном из украинских санаториев, расположенных на Днепре. Недалеко расположено село.

Действующие лица:

1. Никитин Иван Иванович, 32 – 35 лет – директор санатория. Лицо положительное, дельный, энергичный. Много занят в городе: деньги, сметы, нормы и пр., не может вникать в детали отношений между сотрудниками. НИ.

2. Кривцов Сергей Николаевич 67 – 60 лет. Старый интеллигент. Хороший диагност и хозяин в своем деле, ученый врач. Совершенно советский человек, но много ворчит и считает, что в отношениях людей много недопустимо упростилось, особенно любовь. Горячий поклонник старого студенческого рыцарства и студенческих традиций. Кр.

3. Кривцова Анастасия Глебовна, 50 лет – жена доктора, добрая, отзывчивая женщина, умная. Гл.

4. Кривцова Галя, 18 лет – дочь врача, милая, веселая девушка, стиля Тани Ивановой, но более открытая. Г.

5. Забелин Анатолий Петрович, 45 лет – врач, терапевт. Романтик, поклонник Блока, пишет стихи. Не от мира сего – во всяких интригах и взаимоотношениях разбирается плохо, благодаря тому попадает в смешные положения. З.

6. Шишкин Николай Фролович, 30 лет – врач, невропатолог. Материалист без всяких предрассудков. Не прочь поухаживать. Умный, все видит насквозь. Ш.

7. Орхидея Кузьма Гаврилович, 40 лет – предместкома освобожденный. Человек недалекий, но политикан. К людям относится враждебно. Его легко испугать ответственностью и направить на человека. О.

8. Бондарь Семен Данилович, 27 лет – начхоз. Часто зовут «Сеней». Веселый, энергичный, прекрасный работник. Много и самоотверженно работает. Его едят и подозревают, что он «себя не забывает» и проч. Работу его знает и ценит Никитин. Его работу за прошлый год ревизует Чайкин, который ничего не понимает ни в деле, ни в обстановке и дергает Б. постоянно. Б.

9. Савченко Дарья Васильевна, 24 года – библиотекарь в санатории. Раньше работала в сельпо, заведовала отделом или была продавщицей культтоваров. Милая девушка или женщина, веселая и доверчивая. По своей натуре не верит в существование зла, особенно нарочитого, кем-то организованного. Легкомысленная, не умеет добиться своего, когда дойдет до точки. Не любит говорить о неприятном, особенно если это касается ее. Очень хороша собой. Вызывает ревность и зависть «баб», которые о ней сплетничают и врут. Она своей верой в людей с совершенной невинностью подает к этому повод. Д. Их с Б сближает то, что за них обоих «взялись».

10. Мария Абрамовна, 28 лет – сестра – экономка. Женщина холостая, поведения веселого. Увлекает Чайкина. С ней история по поводу этого самого ее «веселого поведения». МА.

11. Дундукова Ирина Никифоровна, 38 лет – старшая сестра в санатории. Член месткома. Женщина злобная, вздорная, любящая интриговать. Сплетница по самой своей сути. Из «бывших» людей, втихомолку вздыхает о своей «прошлой жизни», очень хорошей и богатой. Может быть, врет. Вертит О, ибо знает его слабые стороны. Дружит с Сероштаном и вместе с ним травят Дусю. П

12. Софья Львовна, 28 лет – сестра – заведующая лечебными кабинетами и процедурами. Работяга. Тихая и скромная, на которой выезжают П и МА. Она отстаивает правду до конца, заступаясь за Д и благодаря этому выдвигается на первый план. С

13. Степанида, 55 лет – свинарка или уборщица, ее премировали за хорошую работу поросенком, но Ч находит, что это было сделано незаконно, ибо на каждого поросенка не был составлен отдельный акт. Испуганный О отменяет премирование. Разговоры вроде: «значит, отменили премирование, потому что поросенка не крестили» и проч. Св

14. Гусаков Дмитрий Дмитриевич, 21 год – шофер. Интеллигентный рабочий, как Судак. Большой друг Г, может быть между ними любовь, ДД

15. Сероштан Мефодий Иванович, 36 лет – предс. сельпо. Личность темная, полная всяких пороков и подлости. Травит Дусю и Б и на этой травле хочет показать свою неподкупность и деятельность. Разгадал О и умеет подливать жару в огонь, разгадал также Ч, человека в футляре и бюрократа. Сероштан разоблачен в конце комедии. М

16. Чайник Александр Борисович, 28 лет – производит финансовую ревизию, бухгалтер из Курупра. Чиновник и бюрократ, полон важности и неприступно-

сти, но соблазненный МА и в конце выступает как ее муж. Фигура комичная и вызывающая некоторую злобу…

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 56. Авторская машинопись А.С. Макаренко, 44 лл. Без даты. Никаких других ссылок на это произведение у А.С. Макаренко не обнаружено.

Ориентировочно датируется: кон. 1937 – нач. 1938 гг. За основу берется: пребывание А.С. Макаренко в ялтинском Доме отдыха писателей (что, вероятно, легло в основу пьесы) и публикация макаренковского рассказа «Премия» в ж. «Молодой колхозник», 1938 г., № 5 (см. часть 5 дан. издания, с. 94 – 98, история премирования совхозной свинарки; в «Заботе о человеке» - Степанида, «свинарка или уборщица».

Публикуется лишь общая характеристика пьесы и сведения о действующих лицах. Опущено дальнейшее: планы отдельных действий – отдельная сцена, разбивка действия на эпизоды, с обозначением действующих лиц.

Так: Действие 1, Веранда небольшого дома в саду. Сад, деревья в цвету, видны дорожки. На веранде общее собрание служащих санатория.

1. **Собрание. Речи ИИ и О.**
2. **Деловой разговор Б, ИИ и Кр.**
3. **Стычка Ч и ИИ. ИИ уезжает в город.**
4. **Д и О: разговор о том, что Д негде ночевать.**
5. **Д, Ш и Гл – делано веселый разговор в библиотеке. Ш пытается ухаживать за Д. Уходит. И т.д.**

До этого – автограф А.С. Макаренко: «На дне», 4 действия, всего 10 895 слов; «Враги», 3 действия, 12 732; «Мещане», 4 действия, 14 752.

В содержании пьесы лежит мысль о свойственном новому обществу (в его становлении и развитии) противоречии: масштабная государственная забота о человеке (открытие общедоступных здравниц, образовательных учреждений, родильных домов и т.д.) – и забота при этом о каждом человеке в отдельности, в хорошо организованном коллективе, развивающемся в столкновении различных жизненных ситуаций, человеческих характеров и судеб.

Затрагивается проблема поколений – взаимодействие людей среднего, старшего возраста и молодежи.

Запись судебного заседания по делу о несовершеннолетних правонарушителях, 23 февраля 1938 г.

23 февраля 38. Суд для несовершеннолетних. ***Судья Клавдия Ивановна Макарова***. Угол Таганки и Товарного переулка.

Группа ребят обвиняется в кражах из социалистического сектора. 13 декабря они прошли в помещение школы для взрослых, взломали фанерную стену и прошли в контору, кочергой взломали замок на задней двери и проникли на базу. Взять там было мало чего. Взяли 15 «четвертинок» водки, набили карманы соевыми конфетами и накрали папирос. Вышли тем же путем. Кто взял водку, те спрятали ее в сарай, но там она пропала. Потом поехали на соседнюю станцию и там подарили 4 «четвертушки» ***Кузнецову***, окончившему десятилетку, знакомому.

Через несколько дней часть из них через форточку залезли в магазин завода «Фрезер». Набрали там апельсинов и другим дали. Еще через несколько дней взломали замок в сарае детского сада завода «Фрезер», взяли 7 деревянных санок и катались на них, потом потащили их домой.

Почти все они ученики 439 школы, большинство из 5 класса. Их родители - рабочие с «Фрезера», шлифовщик, слесарь, фрезеровщик, мастера, зав. столовой. Заработок их 300 – 500 рублей. У всех есть жены, тоже работают, семьи в общем здоровые, многодетные, и остальные дети хорошие. Да и эти ребята производят впечатление не воров, а расшалившихся, не знающих дисциплины. Ясно видна очень плохая работа школы, в которой они учатся.

Якиман, его отец – черный, худой рабочий, партиец. [Мальчик] учиться бросил – не хочет. Мальчишка способный, разбитной, не плохое лицо.

Говорит охотно, оглядывается, показывает пальцем, проверяет.

- Я ему говорю: там одна картошка. Нет, говорит, там есть апельсины. Ну, раз есть, так есть.

- Большая там форточка?

- Большая, вокурат можно залезть.

Кто был главарем, суду не говорят. Но это и так ясно. Главарь, конечно, ***Якиман***. Его судья укоряет, зачем краденное дали ***Кузнецову***. Якиман отвечает:

- Если бы купили, мы не дали бы ему.

Еще: были в агитпункте, пошли на горку. А потом пошли за санками.

Уши у ***Якимана*** сначала розовые, потом все краснеют и краснеют. Впрочем, так и у всех. Он просит оставить его дома, но когда отец в своем показании говорит, что он с ним не справится и лучше отправить его в колонию.

Мальчик в последнем слове обижается:

- Ну, что же, если отец отказывается, отправляйте в колонию.

- Значит, ты не по ленинскому пути пошел. Ленин сказал: учиться, учиться и учиться.

- Я не хотел в этой школе учиться, потому я там забаловался. А раньше был пионером.

Потом работал учеником на заводе и заработок в 110 рублей отдавал целиком матери. Отец говорит, что мальчик послушный и исполнительный, но дома бывает редко.

Отец склонен обвинять каких-то бывших детдомовцев, живущих в общежитии, хотя и сам признает, что детдомовцы не крадут.

Мирозинов, 5 класс 439 школы, был пионером.

- Приехал из лесной школы и перестал быть пионером.

- Почему?

- Летом жарко было носить галстук. А потом и не стал носить…

- У апельсинов. Туда много ребят набежало. Целая драка была.

- Я взял санки, вижу – они сломанные, я их там и бросил на горе.

Во второй и третьей [учебной] четверти он имеет отлично по поведению. Был в стрелковом кружке и на ГСО[1] сдал.

- Чтобы значок носить.

Характеристика из школы: «Мешает, сорит, бьет стекла, кричит, выражается, приносит краски и мажет лицо, своим хулиганским поведением разлагает учащихся и учащих, приносит обрезки веревок».

- Он больше наврал.

- А что?

- Я никогда стекол не бил.

Мирозинов заключает:

- Если удастся, буду учиться.

Кунцев, 13 лет, 5 класс, 439 школы. Не пострижен.

- Две «четвертинки» досталось. Дорогой выпил, а остальное вылили. Одни санки продали, деньги проели.

Курит. На ГСО сдавал.

- А отчего у тебя такие руки грязные? Чего это тебя в пот ударило?

- Жарко стало.

Характеристика школы: «Плохие [учебные] отметки, но школу посещает аккуратно. Дома не учит уроков. На уроках сидит тихо, но мало работает».

Нестеров, 15 лет, 6 класс 539 школы. Первая кража.

- Не пионер, потому что на [пионерские] сборы не хочу ходить.

Характеристика: «Не работает, не интересуется. Если посещает школу, то всегда перевязанный. По слухам, занимался кражей фруктов и поломал руку.» Отец с места: «На катке сломал руку!» Отец – член партии.

Книг не читает. Дома читает журнал «Россия». Татуировка на руке…

Ремезов, 15 лет, 6 класс 439 школы.

Четыре кармана конфет. Папиросы раздал, конфеты раздал. Откатался – и санки на горке оставил.

После кражи стал лучше учиться. Дисциплина отличная. Не пионер. Читал «Таинственный остров», «Принц и нищий», «Робинзон Крузо».

Асеев, 12 лет, 4 класс.

Записался в пионеры.

Характеристика: «Дерзости, грубости учителям, курит, организует курильщиков. Допускает самовольный уход с урока. Дезорганизатор».

Мажаров. Маленький, хорошенький, ученик 5 класса 439 школы.

- Ни в каких кружках не участвовал.

Судья удивлен. Переспрашивает остальных. Все остальные повторяют:

- Кажется, был.

- Кажется, ставил.

Но Мажаров настаивает на своем:

- Просили поллитра…

- Если бы было, поставил бы.

Очевидно, что разговор о поллитре все-таки был.

Потом докладывает ***комсорг школы***, высокий, небритый юноша. Он старается блеснуть индивидуальным подходом: и с тем говорил, и за тем следил, и дома посещал, и парторга цеха просил, и тот обещал.

- Здесь нужно обратить внимание на семью.

Он все сделал, кроме одного – не организовал этих детей.

Дело у Макаровой. Мальчик лет 15.

Мазурин. Учился плохо. Сидел три года в [одном] классе. Дошел до четвертого класса. Его решили устроить на завод, но за два года не устроили. Он украл у отца на 1 750 рублей облигаций, туфли у сестры и сапоги у отца.

- Для чего тебе нужны были деньги?

- У меня была растрата.

- Где?

- Я культмассовый работник в клубе.

Хохот.

Он, действительно, в рабочем клубе, в драмкружке и авиамодельном. Даже главные роли выполняет. Любит кино. «Веселые ребята» видел 10 раз. Ему поручили распространять билеты… Он распространил 15 рублей и проел. Решил покрыть. Взял на 100 рублей облигаций и просил молодого сапожника во дворе их заложить. Тот заложил за 60 рублей, 20 рублей взял себе за «комиссионные». Но и эти деньги были проедены. Взял еще на 300 – и то же. Потом испугался ответственности (отец строгий), взял и остальные 1 200, продал за 360 уже через другого жильца, ***Клямера***, по-

лучил 180 рублей, взял билет до Феодосии и уехал. Побродил (работы искал) и возвратился.

Клямер [свое] получил, заработал 5 лет, так же как и ***сапожник.***

Мазурина – на 1 ½ условно. Мать боится брать его домой, отец запретил.

Там же в суде, отец – молодой инженер, решил развестись с женой, взял сына два с половиной года, уехал в Ленинград, приехал туда 1 мая. К полудню не нашел квартиры, «пришел в тупик», бросил сына на площади у Финляндского вокзала и сам скрылся, долго менял места на окраинах СССР.

РГАЛИ, ф. 332, опись и ед. хр. А.А. Фроловым не зафиксированы (видимо, в материалах «Книги для родителей»).

Примечательно замечание А.С. Макаренко: «Ребята производят впечатление не воров, а расшалившихся, не знающих дисциплины. Ясно видна очень плохая работа школы». О комсорге школы, юноше, об его «индивидуальной работе»: «Он все сделал, кроме одного – не организовал этих детей».

О посещении им этого заседания суда см. также часть 7 дан. издания, с. 284.

[1] Готов к санитарной обороне.

Выступление на торжественном заседании, посвященном 70-летию со дня рождения А.М. Горького, 28 марта 1938 г. (в краткой записи).

28 марта Союз советских писателей, совместно с Институтом мировой литературы, устроил торжественное заседание, посвященное 70-летию со дня рождения А.М. Горького…

А. Макаренко рассказал о ненаписанной главе «Педагогической поэмы», о трехдневном пребывании А.М.Горького в харьковской колонии правонарушителей. А. Макаренко сумел несколькими скупыми чертами передать громадное обаяние личности великого писателя и создал, по выражению П. Павленко, живописную и красивую новеллу…

Литературная газета, 30 марта 1937 г.

Письмо А.О. Авдеенко, 3 мая 1938 г.

Москва, 3 мая 38

Дорогой, милый, родной Александр Остапович!

Рукопись вчера отправил в Макеевку, а сегодня получил Ваше письмо. Дело, впрочем, не в том.

Дело в том, что я перед Вами виноват, как самая захудалая свинья. Виноват, честное слово, не по злой воле.

Я человек - несчастный. Меня загоняли, и я похож на угорелую лошадь. У меня на плечах свой роман — «Флаги на башнях», — на него все сроки пропущены, все деньги, взятые под роман, давно прожиты, неловко перед людьми, а писать некогда.

Москва для меня гибель. В час пятнадцать телефонных звонков, пять посетителей, а толку на копейку. Бездельные люди, сами лодырничают и мне не дают работать.

Роман мой растянулся, конца не видно, и я принужден был пойти на последнее средство — печатать его прямо в чистовку. Так и делаю, сердце кровью обливается, знаю, что я поганю свою работу, а никаких других выходов нет. Меня, как Вы знаете, почти не издают, во всяком случае, не переиздают, нужно эти самые презренные средства к жизни зарабатывать горбом.

Дальше — сейчас меня пристроили заместителем редактора «Октября», я там провожу целый день, и тоже пользы от моей работы нуль — читаю жалкие рукописи, скучные, пресные, бесталанные.

В Макеевку я отправил вместе с рукописью целое сочинение[1], хотя, вероятно, оно Вам и не пригодится.

Нужно Вам сказать, что Ваш роман в пристальном чтении мне понравился гораздо больше, чем тогда, когда Вы были у меня, при беглом просмотре.

Это большая, высокоталантливая и свежая работа. Признаюсь Вам по секрету: иногда мне кажется, что это не Вы писали, настолько это не похоже на Ваши прежние работы и насколько это выше.

Вы растете на глазах, и за это я больше всего Вас люблю; Страшно хочется для Вас огромного, головокружительного успеха, искренно говорю Вам, этот Ваш успех меня больше обрадует, чем мой собственный.

Собственно говоря. Ваш роман совершенно цельная вещь, в которой ничего не нужно исправлять и дополнять. Но, принимая во внимание интересы читателя и не всегда полную его способность разбираться в сложных вопросах, тот план, который мы наметили вместе, представляется мне по-прежнему очень хорошим и полезным.

Я уверен, что у Вас есть копия рукописи и в настоящее время Вы уже очень много сделали. В самом тексте поправок будет очень немного, исключительно по линии уменьшения натурализма, который у Вас выходит очень выразительно и правдиво, но от которого Вам все равно необходимо избавляться. И без натуралистических трюков у Вас очень много силы, для Вас не нужны никакие подстегивания.

И, представьте себе, самые лучшие Ваши страницы — это те, где нет никакого натурализма. Например, объяснение в театре — прелесть, замечательно тонко и обвинительно, я перечитывал его несколько раз.

Жаль, что Вы небрежно отнеслись к Божедомову. Затеяна фигура хорошо, а потом кое-как прикончена, видно было, что Вам было некогда с нею возиться. Совершенно убеждён, что Вы слишком много уделили внимания семейным подробностям Вашего героя. Я уверен, что самые интимные его переживания будут выглядеть интереснее, если Вы будете давать их в меньшем количестве.

И, конечно, ни в коем случае не нужно Вашу героиню просто гробить при помощи милиционерского протокола. Картина, когда она уходит и на переезде отказывается сесть в машину мужа, и без того очень трагична и убедительна. Трамвай после этого совершенно не нужная и обидная для читателя жестокость, не правда ли?

Нет, серьезно. Вы работаете над замечательной книгой, я никак не могу отделаться от этого общего впечатления.

В некоторых местах я очень боялся, что роман потеряет при переходе на третье лицо. Нельзя ли соединить первое лицо с третьим, то есть перемежать Ваш рассказ с выдержками из дневника?

Вообще не думайте, что я Вам много помогу, — у меня самого голова кругом идет. И что особенно для меня приятно, — я Вам ни капельки не завидую, между нами говоря, это все-таки трудно.

Роман Ваш я прочитал несколько раз, первый раз сразу после Вашего отъезда. Потом меня выбило из колеи, и в двадцатых числах я начал читать второй раз уже с карандашом, и, читая его, как будто первый, иногда даже забывал, что у меня в руках карандаш.

Думаю, что в своём письме, отправленном в Макеевку, я не смог отметить все, что приходило в голову, очень хочется с Вами видеться и говорить, писать писем я, собственно говоря, не умею. Надеюсь, что 15-го у вижу. Вас в Ялте. Но когда придется читать Ваш роман в готовом виде?

Вы должны знать, что на Ваш роман я имею преимущественное право для того, чтобы печатать его в «Октябре». Лайнеров очень обрадовался, когда я рассказал о Вашей удаче, и тоже надеется, что Вы будете печататься у нас. Впрочем, имейте в

виду, что я, как редактор, — лицо для Вас второстепенное, со мною можно и не считаться.

Крепко жму руку.

Ваш *А. Макаренко*

Макаренко. Альманах, 2012, №11, с. 83 – 85.

[1] Об этом макаренковском «сочинении» исследователям неизвестно. Возможно, это какая-то часть «Флагов на башнях».

Письмо А.О. Авдеенко, 29 мая 1938 г.

Ялта. 29 мая, 1938 г.

Дорогой Александр Остапович!

Кончил вчера «Флаги на башнях» и отправил в Москву. Сегодня первый день отдыхаю и предаюсь природе. Писал очень плотно, до полутора печатных листов в день, вызвал даже некоторую неприязнь со стороны коллег, но уверен, что Вы меня одобрите.

Я влюблен в Вашу энергию, и мне очень нравится, что в этом отношении мы с Вами пара. О книге Вашей всем рассказываю и все злятся. По секрету Вам скажу — все злятся от зависти. Черт с ними, — это доставляет мне удовольствие.

Дорогой Остапович! Простите мне, честное слово, нечаянную оговорку с Вашим отчеством. Это не забывчивость, не ошибка, — это машинально: лучший мой друг, много для меня сделавший, называется Александр Осипович[1]. Рука писала в совершенно автономном порядке, а голова и душа мои прекрасно знали, кому пишуг и как его зовут. Вы забудете об этом инциденте, правда?

Ваше предложение прокатить меня в машине к Вам, а потом ехать домой, соблазнительно в совершенно райских масштабах. Но моя жена слишком слабое существо для таких радостей, а кроме того, мне нужно отсюда обязательно ехать в середине июня в Одессу, где мой сценарий встречает некоторые затруднения.

Теперь самое печальное. Сегодня только узнали, что Малеевку закрыли — обратили в детский дом. Какому ироду пришла в голову эта самодурная мысль, мы не знаем. Посылаем отсюда общий протест, но надеемся на успех слабо. Во всяком случае, я сообщу Вам результаты.

Дорогой друг! Не воображайте, что я посылал Вам какие-то похвалы. В моем представлении все иначе. Просто мы с Вами близки друг другу по натурам, по характерам, по думам и идеологиям, поэтому пишем друг другу правду. Я очень боюсь, что эта правда будет только нашей. Боюсь, что человеки в футлярах встретят Ваш роман волчьей болезнью и завистью, — и то и другое страшные вещи. Только Вы, пожалуйста, не сдавайтесь.

Вы кому решили отдать роман? «Новому миру»? Беспристрастно говоря, следовало бы дать Ермилову, — он самый смелый человек из наших редакторов.

Относительно моей «Чести» — умолчу. Посмотрим, что будет дальше. Я, конечно, духом не падаю — если даже «Честь» и неудача, то, во всяком случае, не преступление. Бывает и хуже.

Когда же мы с Вами встретимся? Черт бы их побрал с Малеевкой.

Как только определятся перспективы, я Вам немедленно напишу.

От чистого и горячего сердца желаю Вам энергии, удачи, хорошего настроения.

Не думайте обо мне хуже, чем я заслуживаю. Я люблю Вас просто и по-человечески.

Привет Вашей прелестной Любе[2] от меня и Гали.

Ваш *А. Макаренко*

Макаренко. Альманах, 2011, № 2, с. 87.

[1] Говорится об *А.О. Броневом***.**

[2] Говорится о *Л.Д. Авдеенко*, **жене** *А.О. Авдеенко*.

Дополнение. *Издательский договор А.С. Макаренко о повести «О любви», 5 июля 1938 г.*

Город Москва, 1938 года, июля 5 дня.

Редакция альманаха «Год XXI» заключает настоящий договор с тов. Макаренко А.С. в нижеследующем:

1. Тов. Макаренко А.С. обязуется представить рукопись в готовом для печати виде своей повести под названием «О любви» в колич. 8 авторских листов не позже 15/II 1939 г. …

Адрес автора: Лаврушинский пер.,17/19, кв. 14. т. К-I-78-96…

Зав. редакцией (подпись неразборчива)
Автор *А. Макаренко* (автограф)

РГАЛИ, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 13, л. 68.

Импульсом к написанию этой повести стали воспоминания А.С. Макаренко о его неразделенной любви к О.П. Ракович, см. часть 1 дан. издания, с. 120 – 121, 133 – 134 и часть 8, с. 279, 303 (1924 – 1925 гг. и 1939 г.)

Мыслилась, вероятно, широкая трактовка любви, с пониманием ее огромной значимости в этике, во всем комплексе мотивов, взглядов и поведения человека, в «философии жизни». Любовь к человеку – это высшее проявление доверия к нему и уважительной требовательности (часть 7, с. 270). «Без любви к человеку не было бы и Октябрьской революции» (часть 5, с. 99).

Из дневника, 9 – 11, 24 июня, 3 июля 1938 г.

9 июня, Ромицын из одесской [кино]студии прислал телеграмму – требует сценарий. Думал, думал и сценарий даже не начал. Ответил письмом, в котором предлагаю сценарий «Флагов на башнях» с непременным режиссерством Барской. Просил ответить в Москву…

Сценарий «Флагов на башнях» идет хорошо, сегодня, вероятно, будет закончен.

11 июня, Ялта. Завтра уезжаю. Сценарий закончил и перепечатал вчистовку до сцены «Соломон Давидович у диаграммы». Ромицын снова телеграммой требует сценарий.

24 июня, Москва…Сценарий еще не кончен. Мне он сейчас не нравится. Из Одессы ни звука.

3 июля. Одесса ответила в том смысле, что сценарий присылайте, а Барская не в их власти.

Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко. Русскоязычные публикации. 1976 – 2014 гг. – Полтава, 2014, с. 724 – 725.

Дополнение*. Из двух писем М.А.Барской А.С.Макаренко, ориентировочно: вторая половина июня 1938 г. (возможно, июнь – июль 1397 г.).*

…Мне очень хочется прислать вам записки детей, которые Вас заинтересовали… Я выступала по радио и обратилась к детям с вопросом, что они хотели бы видеть на киноэкране…

Мой запас благодарности Вам все увеличивается. Сейчас прочла «Книгу для родителей»… И прожила хороший, богатый чувствами и мыслями день…

Очень нравятся мне Ваши книги, и Вы сами тоже, Вы очень красивый человек... Вы должны знать, какими энтузиастами становятся люди, держа Ваши книги в руках... И очень приятно видеть, как шипят Ваши враги или попросту слабые люди...

По правде говоря, Ваша книга («Для родителей» - А.Ф.) – здоровый обвинительный акт мне самой... Книга рождает в человеке желание во что бы то ни стало быть самому чище и лучше...

Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко. Русскоязычные публикации. 1976 – 2014 гг. – Полтава, 2014, с. 726.

Барская М.А. **(псевдоним) – актриса, режиссер, сценарист и постановщик популярного художественного фильма «Рваные башмаки», о жизни детей немецких рабочих в до фашистской Германии, поставлен в 1933 г. Стала инициатором создания художественных фильмов для детей и юношества.**

Надпись на «Педагогической поэме», подаренной М.А. Барской, 26 июня 1938 г.

Маргарита Александровна. Этот кусок моей жизни далеко не самый счастливый. Судите в таком случае, каким неизмеримым может быть счастье. *А.Макаренко*. 29/VI 38

Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко. Русскоязычные публикации. 1976 – 2014 гг. – Полтава, 2014, с. 726.

Письмо М.А.Барской, 1 августа 1938 г.

Маргарита Александровна.

Это ничего, что я Вас не застал, Вы не придавайте этому значения, главное в жизни, как Вам известно, не в таких случаях. Тем не менее, очень хотел на Вас посмотреть – на душе моторошно[1] после вчерашнего[2].

За мной гонятся и нагоняют тучи всяких дел, скоро я начну хохотать, как это делал Соломон Давидович. Сейчас только из районной милиции – тоже навязал себе заботу. Душа моя скорбит смертельно, но дела на это плюют.

Иду писать роман. «Молодая Гвардия» звонит каждый день и кричит, что без моего романа они погибнут. Видите, как это важно: мой роман!

Красавица! Очень прошу, очень… улыбайтесь – у Вас это так замечательно выходит.

Целую Ваши руки. А.

Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко. Русскоязычные публикации. 1976 – 2014 гг. – Полтава, 2014, с. 727.

[1]Укр.яз. – жуть, жутко, чувство страха, тревоги.

[2]Имеется в виду, видимо, посещение М.А. Барской квартиры А.С. и Г.С. Макаренко 31 июля 1938 г.

Телеграмма С.А. Калабалину, 29 августа 1938 г.

Привет очень рад завтра целый день дома Макаренко.

Архив Кременчугского педагогическо-мемориального музея А.С. Макаренко. Адресовано: Москва, Полуектов пер., 7, Детская экскурсбаза, Винницкая группа. На этой экскурсбазе С.А. Калабалин был с группой воспитанников Соколовского детдома, которым он заведовал.

Дополнение. *Из письма М.А. Барской И.В.Стахину, 9 сентября 1938 г.*

… Я прошу: просмотреть мою работу:

1. Картину «Рваные башмаки» (первую детскую звуковую), за которую Горький, Роллан, Барбюс, Коганович и мировая пресса назвали меня мастером, о которой не только Горький сказал, что «такими картинами мы будем бить фашизм». Эта картина дала основания «Правде» и «Известиям» развернуть кампанию за детский кинофильм.

2. Картину «Отец и сын» (последнюю работу)[1]. Пусть даже в таком искромсанном виде…

В кинематографии всего я работаю 15 лет… Я боюсь за отнятое у меня право работать…[2] Я написала сценарий совместно с писателем Макаренко…[3] Я состою в Союзе писателей… Сценарий, на котором была и моя фамилия, отклонили[4]. Протесты Макаренко ни к чему не привели. С ним готовы заключить любое количество договоров, как с писателем, только без меня…

P.S. … Радека[5] я, действительно, знала, но никакой контрреволюционной картины ни под чьим-то влиянием не делала…

Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко. Русскоязычные публикации. 1976 – 2014 гг. – Полтава, 2014, с. 727 – 728.

[1] Речь идет о фильме «Отец и сын», на острую тему, которую поднимал и А.С. Макаренко в пьесе (незавершенной) для Театра юного зрителя: начавшийся разлад в семье ответственного, заслуженного работника, отступление детей от идеалов родителей, пагубное влияние «улицы», новое в явлении беспризорности, проблема связи поколений.

[2] 10 – 16 мая 1937 г. на обоих собраниях коллектива студии Союздетфильм фильм «Отец и сын» подвергнут резкой и предвзятой критике, под влиянием прошедшего судебного процесса над К. Радеком и другими «врагами народа». Выписки из стенограммы собраний – на с. 720 – 722. Основной вывод: «Порочная клевета на отношение советских людей к своим детям», «троцкистский пасквиль, картину выпускать нельзя».

[3] Сценарий по «Флагам на башнях» был написан к 3 июля 1938 г., он еще неизвестен исследователям. Авторы: А.С. Макаренко, М.А.Барская.

[4] К. Радек– 5 член Исполкома Коминтерна, арестован 16 сентября 1936 г. В январе – феврале 1937 г. на 2–м московском показательном процессе по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» приговорен к 10 годам тюремного заключения; умер (или убит) в мае 1939 г.

Ньютоновы кольца. Роман. Общие замечания по типам 10 глав. К 13 сентября 1938 г.

Б. Развивается обильно и правильно. Отношения почти со всеми установлены. Идейная линия назначена правильно. Единственный недостаток, который может быть уничтожен только в тексте, это активизирование личности, ее характерный блеск, высказывания. Боюсь, что это вообще будет самым трудным местом в романе.

Дальнейшее развитие, в общем, предчувствуется, но остается самым трудным момент решительного восстания против А. Это восстание может идти по линии партийного протеста или по линии дисциплинированного ожидания и спасения дела.

К. Личность проявлена хорошо. Намечаются и правильные черты гниения под влиянием той сумбурной атмосферы, которая организована А. Поездка в Москву вся проходила под знаком этого гниения.

И дальнейшее развитие предчувствуется не плохое. В 12 главе истерика с ширпотребом, в 13 главе кража пятисот рублей. В 14 главе, даже у К. возникает ощущение беспросветности и намечается то, что потом называется сумасшедшим домом.

В общем, фигура Купермана обещает быть самой интересной, сложной и диалектически развивающейся.

Р. По всем признакам общий колорит личности выходит неплохо, хороша должна быть и любовь. Гораздо труднее, часто очень вязко будет с прямой линией Р., как секретаря партийной организации. Эту линию вовремя нужно держать на прицеле и не забывать о ней ни на одну минуту. К 10 главе должна хорошо выразиться любовь Р.

Дальнейшее развитие предчувствуется в смысле внутренней жизни Р., в смысле остроты и правильности анализа. И снова трудно в смысле прямых действий. Яснее станет только в момент обмена партдокументов. Она не может сделать этого одна. Необходима помощь. И будет хорошо, если это будет помощь комсомольцев. В частности, нужно использовать и карточку, в которой А. снят вместе с Каменевым[1] или еще с кем-нибудь. Между прочим, действие происходит во время летнего процесса Тухачевского[2] и других. Этот процесс тоже должен быть в центре внимания.

Т. — Личность обрисована достаточно. Намечен и пункт перелома, протеста против отношения А. к людям. Идейная нагрузка очень хороша.

Трудно в будущем. Что Т. участвует в производственном движении против, это ясно, формы этого протеста нужно еще найти. В общем, это поддержка Хр. и ощущение правильной производственной линии. Будет интересно, если именно Т. увидит находку в стахановском устремлении молодежи.

Х. - Линия и со стороны личности и со стороны производственной борьбы удачная и ясна. Внешне Х. одерживает победу, поскольку А. опирается на оптиков. Но внутренне он страдает от его хамства и марафета. Намечается и путь просветления Н. В этом деле огромную роль играет судьба его дочери, которую увлек А. и которая служит объектом влюбления АЛ.

Хр. - Несмотря на очень скупое место, представленное Хр., его фигура должна быть интересна и интриговать читателя. Известно, что он крепко работает, что он не признает легковесного карьерного устремления А. Уже с 15 главы намечается перелом, но это момент и самого тяжелого положения Хр., ибо как раз в этот момент его оскорбляет А. Конец ясен - это победа вместе со стахановцами.

О.- Личность ясна, действия хороши и ясны. Он с А., хотя его ханжество и шокируется в некоторых местах. Но он слеп, глуп и ленив, и таким должен остаться до самой катастрофы с А.

Конец для О. будет придумать трудно.

А. – Пожалуй, развивается и стремиться вперед к финалу лучше всех. Разработаны и очень интересные детали личности и детали событий. Много интересного внесет находки: отношение к ХЛ рядом с влюбленностью сына, ширпотреб и отношение к НД и Ос, а также разврат с Ле.

Относительно этой фигуры бояться почти не приходится. Ко. – фигура несобранного, неупорядоченного правдолюбца, вся жизнь которого сплошной и громкий скандал, но внутри которого лежит самое жадное требование к жизни, - должна удаться. До сих пор и в истории с Ос. и в женитьбе все организовано хорошо. Остается роль и для дальнейшего. В значительной мере ему нужно передать роль Абашидзе «Ньютоновых колец»[3].

Конец, вероятно, найти будет не трудно. Он должен принять активное участие в разоблачении А. Не женить ли его на Ос. вместо Г. Это будет естественнее.

Тогда для Г. останется Ор, что тоже естественнее. У РД роль остается более выдержанной, потому что РД, несмотря на свою стахановскую удачу, будет цельнее, как выдержанный неудачник в любви.

Н. – Самая трудная фигура в романе. Боюсь, как бы он не получился голубым. Левкина натура[4] должна быть сохранена, но любовь к Е. получается не очень выразительной и почти банальной. Некоторое разнообразие может быть внесено с кражей фотоаппарата.

Точно также и дальнейшее развитие требует большого внимания и некоторых поисков.

Ос. – В начале романа шла хорошо. Потом развитие задержалось и во время письма требуется большая осторожность. Новый план спарить ее с КО подает некоторые надежды. Может проявиться ее сила именно в борьбе с натурой Ко.

Ор. - В начале романа не плохо. В дальнейшем стахановский путь, дружба с РД и МА., требует тоже осторожности.

Л. – Одна из опасных фигур романа. Вначале он колоритен, но линии развития еще темны. Нужно сделать его поклонником А. Но стремление к образованию, не оправданное в начале романа, должно сделать осью, вокруг которой он должен перейти в лагерь Б. Интересно показать, как все начинают бороться с его языком. Очень может быть, что Е. действительно начинает с ним заниматься.

П.Н.- Его производственная линия ясна и выразительна. Зато его дачная линия требует выяснения. То, что он предоставил комнату Ос, включает его поневоле в ряд личных отношений. Хороша также и его приверженность к лирике и писание стихов, К сожалению, любовную историю ему давать почти невозможно, что-нибудь нужно придумать в этом направлении.

В.- По своему заданию фигура второго плана, но так, как она задумана, получается хорошо. Это хорошая душа, не способная к сопротивлению и поэтому совершенно задавленная А. Но нужно постараться, чтобы душа эта получилась действительно хорошая, иначе пропадает вся аргументация.

М.- Маньковский, чистый бюрократ, способный взойти на костер за бухгалтерские правила. Именно на столкновение с А. проявляется положительная сущность и его бюрократизма, она перерастет у него в простое выполнение долга. Фигура должна получиться очень сложная и интересная, хотя и второго плана.

Ба.- Меньше всех обрисована в плане. Но она вообще не трудна - это отголосок старого стремления трудящегося человека к правде.

Бу.- Вполне ясен в хорошо должен выйти. Это соединение подхалима божьей милостью с петлюровцем, тоже милостью божьей и поэтому безвредное. Бедная душа, требующая поэзий и находящая ее в украинском антураже и в служении начальникам.

Необходимо придумать линию его просветления в последних главах.

П. – фигура ясная и не внушает опасения. Не нужно только о ней забывать.

Х.М. - По заданию фигура простая, но боюсь впасть в шаблон, чтобы ГН получилось в роде классической тещи. Во всяком случае, это существо довольно зверского домашнего оформления. Ко всякому новому она относиться с осуждением. Ей все же нравится близость к начальству и советский аристократизм семьи А.

Что-то в конце с ней нужно сделать: найти форму комического просветления.

АЛ. - Получается и идейно и сюжетно хорошо. Студент, уже отравленный домашним аристократизмом семьи, рано развившейся, но без правды и души, поздно отравленный сомнением и оригинальным протестом в форме поисков религии и смысла, «цели» жизни. Вялый и инертный, не имеющий друзей, он гибнет на глубокой, но глупой влюбленности в ХЛ. В оставленной записке винит только отца.

Ч.- Худший тип паразитического бюрократа. Зазнавшийся в своем мертвом чванстве, тупой и по существу развращенный. Должен выйти порядочно.

М.А. - Фигура в плане совершенно не разработанная. О нем нужно еще думать. Во всяком случае, очень положительный тип. Партиец. Очень способный и остроумный человек, с наклонностью к остроумию. В лагерь Хромова переходит только потому, что видит дело.

Г. - В отношении личных черт довольно выяснен, но в фабуле место его определяется еще довольно не ясно. Во всяком случае, чрезвычайно интеллигентная и философически-радостно – спокойно настроенная натура. Умнее многих других.

ХЛ.— Внешне очень очаровательное существо, но совершенно изможденное какой-то дикой школой и диким воспитанием дома. Мечтает о красивой жизни, попадает в руки А. Только под влиянием катастрофы А.Л. начинает приходить в себя. Катастрофа для нее полезна. В конце романа нужно дать ей рабочую роль, может быть под влиянием Г.

ТВ. - Роль мальчика еще не определилась. Во всяком случае, он должен быть прекрасно воспитан. О нем все-таки забывать нельзя.

КЕ.- И лицо, и сюжетный тон определились, фабульно зато совершенно темно. На каждом шагу нужно о ней помнить. Во всяком случае, она в орбите Р., очень умна, сдержана, многое начинает понимать, но влияет больше движением бровей и умным коротким словом.

РД.- Совершенно ясен и, кажется, выйдет хорошо. В жизни неудачник, страстно предан своему делу, стахановец, над ним все посмеиваются, пока он не прославился в работе с Т. и Хр.

Личный конец нужно ему придумать.

НД.- Совершенно ясен и хорош в начале и середине романа. Что делать с ним после увольнения, не знаю. Об этом большая забота во второй половине романа.

СМ. - Сволочь, совершенно определившаяся в первой половине романа. Для второй тоже ему работа найдется.

Пропадает вместе с А.

Что в романе усилить:

1. Отражение общих политических, в том числе и внешних событий.
2. Линии Ос, Н, Е.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 28, лл. 21 – 23, с об. Дневниковая запись А.С. Макаренко 26 сентября 1938 г.: «Написал два первых листа «Ньютовых колец» и сдал «Молодой гвардии» 13 сентября, благодаря их страшному натиску, к XX – летию Комсомола. Боюсь, что печатать они не будут...» (часть 7 данного издания, с. 249).

В сокращении опубликовано: там же, с. 250 – 251, с развернутым комментарием. Дополнение к нему: как писатель-педагог А.С. Макаренко концентрирует внимание на развитии каждого персонажа романа, показывает факторы этого развития: влияние жизненных событий (в том числе и политических), персональных отношений и влечений, особенностей характера. Отмечается связь «производственной линии развития» и «линии со стороны личности». Индивидуальное проявляется и развивается в общем потоке жизни и деятельности трудового коллектива.

[1] *Каменев Л.В.* **- советский партийный и государственный деятель. На проходящем в Москве 19-24 августа 1936 г. открытом судебном заседании против «троцкистско-зиновьевского террористического центра» приговорен (вместе с Г.Е. Зиновьевым и др., всего 16 человек) к «высшей мере наказания, расстрелу».**

[2] *Тухачевский М.Н.* - **военачальник времен Гражданской войны. В июне 1937 г. на закрытом судебном процессе обвинен (вместе с И.Э. Якиром и др. военоначальниками) в шпионаже в пользу фашистской Германии, приговорён к расстрелу.**

[3] **Говорится, видимо, о пьесе «Ньютоновы кольца».**

[4] **Имеется в виду** *Л.М. Салько.*

Дополнения. *Из письма М.А. Барской Г.С. Макаренко, конец сентября – начало октября 1938 г.:*

... Вам отдельная комната не так нужна, как ему. А сыну тоже нужна больше, час Вам... Ваш муж не имеет никакой возможности когда-нибудь побыть одному в комнате... И Вы даже не понимаете, что ему это нужно...

И Вы незаметно, постоянно привыкли не считаться с ним ради себя... Только огромная дисциплина чувств и полное отсутствие эгоизма у такого человека позволяет ему любить Вас, а Вам так злоупотреблять его любовью...

Создается род особой диктатуры, наиболее трудной для человека – диктатуры над душой, над мыслями...

Мне было достаточно пробыть с Вами обоими месяц (в Ялте, Доме отдыха писателей – А.Ф.) и теперь побыть у Вас один раз в доме, чтобы сказать Вам уже окончательно, что всё, положительно всё, от тона неуловимых мелочей, иногда приказания, отданного молчанием, всё говорит о том, что в этой семье – женщина, мать, тетка, хозяйка – умный эгоистический диктатор...

Это оптимизм избалованного существа, которому спокойнее и приятнее думать, что всё в жизни устраивается к лучшему...

Вы уговариваете его не работать ради денег, но... ничего не делаете, чтобы сократить расходы.

Вы держите две прислуги, хотя Вы целый день дома... Вы не даете себе труда удержать страсть к внезапным тратам, без которых можно обойтись... Что же вы огорчаетесь, что этот человек ломает голову, где достать денег...

То, что я говорю Вам, я в свое время поняла и в себе самой, и в людях, мне близких...

Ему по натуре – легче все давать, труднее – отказывать...

Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко..., с. 728 – 730.

Дополнения. *Из письма М.А. Барской И.В. Сталину, 10 октября 1938 г.*

... Дукельский[1] сам разговаривать со мной не пожелал, а разговаривал со мной его зам., Курьянов... Он сказал, что мои претензии на работу имеют основание,... что моё увольнение было неправильным... Положение моё «щекотливое»,... работы они мне дать не могут под предлогом, что у них режиссеров больше, чем нужно...

Что же делать, т. Сталин... Я не верю больше в помощь, кроме как от Вас.

Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко..., с. 733.

[1] *Дукельский С.С.* **– тогда предс. Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.**

Письмо М.А. Барской, 8 ноября 1938 г.

Кисловодск, 8/XI – 38

Дорогая Маргарита Александровна!

С праздником, с праздником!

Замечательным праздничным подарком могло бы быть Ваше письмо, а в нем для этого много прекрасных строчек, но потом Вы прибавили и много гадостей, пакостей, зловредных, пасквильных. Не могу не рычать и не ругаться. Не хочу вдаваться в частности, но возмущаюсь вообще искажением перспективы.

В своих педагогических доводах я всегда настаивал на необходимости воспитывать способность ориентировки. Как же обидно у своих друзей вместо этой способности наблюдать зияющий провал! Да ещё у каких друзей? У таких умных, талантливых и широких, как Вы. Для ориентировки нужен прежде всего вкус, и у Вас его до черта, почему же всё-таки Вы пишете: «… и не очень безобразная смерть». Какая чушь, простите!

Разве о смерти можно думать в порядке плана? Мы, люди, имеем неумеренный аппетит к пошлости: нам хочется всего счастья, благополучия, тишины, душевного покоя, нам не нравится, когда болит зуб или когда болит душа. Только в литературе мы наслаждаемся ценностями. А если такая ценность свалилась на нашу живую голову, мы начинаем скулить.

Вы одарены ценностью в совершенно избыточном порядке: у Вас личность, требование к жизни, страсть и нетерпение, философски потревоженные корни, столкновения, удачи и неудачи, очарования, разочарования, талант и блеск, а Вы недовольны. Вам пришлось подмести комнату, между нами говоря, - единственная работа, которая меня привлекает. Я очень жалею, что не служу подметальщиком на вокзале.

Ну, довольно мудрости. Поверьте, ничего не может быть пошлее, чем жизнь в санатории. Это пошлость, доведенная до гениальной отвратительности. Влезть в ванну, в которую в день влезает 30 человек, а ванная помещается среду 200 таких же ванн, - это полное уничтожение человека. Каждая «личность» при этом топорщится и пищит: «Почему температура 34, когда нужно 35», каждая личность уверена, что ошибка даже на 1 градус колеблет вселенную, а обслуживающий персонал со скукой пропускает в сутки несколько тысяч таких личностей, и где-нибудь в Москве, в каком-нибудь Курупре (курортном управлении – Г.Х.) сидит такой мелкий, облезлый и полуживой человечишко и выписывает: «средний процент отрицательного действия нарзана по наблюдению в 5 000 000 случаев равняется…».

Видите, какая похлёбщина, а люди стремятся к ней и платят за неё деньги. И к таким паскудным вещам они стремятся всегда, растеривая лучшие свои божественные атрибуты. В этом, и только в этом, заключается кризис человечества. И поэтому так высок подвиг, но еще выше его та сложная, невиданная глазу, будничная симфония, которая выпадает на долю отдельных людей в хорошие минуты.

Я, кажется, уже имел честь рекомендовать Вам «Голод» Гамсуна. Это самая замечательная книга, в особенности если не придираться к отдельным местам.

Я, параллельно с Вами, увлекаюсь мемуарами. Прочитал Бюлова, германского рейхканцлера. Он замечательно характеризует Николая II – «человек равнодушный». Теперь читаю Никитенко – есть места чарующие.

Ваши четыре «жадности» мне очень нравятся – страшно мне нравятся. Они замечательно показывают, какой Вы здоровый и жизнерадостный Человек, просто завидую.

Я очень хорошо Вас понимаю. И у меня самое страстное, самое заповедное желание побывать в каком-нибудь «Никарагуа», погулять на «Огненной земле», прокатиться в машине через Америку. Я только в Сибири не хочу быть – не нравится.

Я потому и завидую англичанам, что они могут, не выправляя заграничного паспорта, сесть на пароход, как на речной трамвай, и съездить в Австралию или Ка-

наду. Шикарно. И когда прогремит всемирная Революция, я обязательно буду путешествовать.

Я живу, во-первых, скучно, во-вторых, обидно. Пять раз нужно спускаться в столовую! А вообще… не знаю, как мне не нравится. Гулять не хожу, потому что все ходят. Здесь много [моих] почитателей, но я должен их разочаровать, так как они меня наблюдают только в «жвачном» состоянии, [в столовой], а им естественно, хотелось бы видеть меня за минуту до самоубийства. Они правы.

Спасибо, что вспоминаете Пушкина. Никитенко иногда пишет о нём недружелюбно. Пушкин был всё-таки вредный человек. Это очень хорошо.

От всего сердца, старого, опытного, мудрого сердца желаю Вас хорошего святого беспокойства и насильственной улыбки.

И пусть Вас никто никогда не жалеет, - признак большого к Вас уважения. Самый лучший букет – нежность безжалостности.

Ваш *А*.

Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко..., с. 736 – 737. Небольшой фрагмент – в части 7 данного издания, с. 334.

Телеграмма М.А. Барской, 15 ноября 1938 г.

Москва Герцена 47 кв. 23
Маргарите Барской
Кисловодск

Еще раз проверьте законы прекрасного и Вы увидите, как мы замечательно живем, а мелочи нужно любить даже неприятные. Заказываю Вам миллион улыбок самого срочного изготовления. Больше пишите рассказов и крепко спите. Счастье от Вас в нескольких переходах. Ваш друг.

Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко..., с. 737.

Телеграмма М.А. Барской, 26 ноября, 1938 г.

Из Кисловодска.

Ваше письмо – верх изящества. Низко кланяюсь, благодарю. Приезжаю первого. Будьте счастливы. Ваш друг.

Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко..., с. 737.

Дополнение. *Из письма М.А. Барской А.С. Макаренко, ноябрь, 1938 г.:*

... Если бы Вы знали, какое внутреннее затруднение испытываю я в связи с получением Вашего письма и телеграмм... Для меня сейчас «распалась связь времени»... Я не заслуживаю Вашего самоотверженного и полноценного чувства, раз сама не способна на такое...

Тут, в Москве, мы с Вами виделись почти каждый день, и я отлично понимаю, что мешала Вам мечтать и поливала душем из сухарей всё, что вы приносили ко мне...

У меня спокойная душа, я уверена, что я не катастрофа в Вашей жизни...

Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко..., с. 734 – 735.

Телеграмма Г.С. Макаренко, 28 ноября 1938 г.

Приеду не тридцать первого, а первого виноват Юлий Цезарь, но на душе хорошо люблю целую письма все получил Антон

Переписка А.С. Макаренко с женой, т. 2 / сост. И коммент. Г. Хиллига и С. Невской. – М., 1994, с. 268.

В библиотеке

Библиотека у Вали не очень бедная, но в ней тесно, темно, а снаружи у дверей нет ни одной витрины, ни одного рекомендательного списка. Валя работает в библиотеке всего вторую неделю, за это время даже самый опытный библиотекарь ничего бы не успел сделать.

Кое-какие книги Валя раскладывает на столах. Они лежат в хороших ярких переплетах с красивыми заглавными надписями, с золотым и серебряным тиснением. Иногда их берут в руки и перелистывают, но затихают со склоненной головой вовсе не над ними, а над тоненькими тетрадками журналов «Наука и техника», «За рулем», «Радио». Валя знает, что это необходимые признаки первого читательского этапа. Когда она ближе познакомится с посетителями библиотеки, дело пойдет быстрее. Уже вчера к ней подошел юноша с черными глазами, хорошенький, как девушка, и несмело попросил:

- Товарищ Осипова, честное слово... я не запачкаю и верну, в полной исправности верну, знаешь, когда? Я верну пятнадцатого числа. Хорошо?

В руках у него серый томик «Петра I».

- Так нельзя, — сказала Валя, — не разрешается на дом.

Юноша в смущении раскрыл «Петра I» и сказал так же нерешительно:

- Вот увидите, товарищ Осипова! Я никому не скажу, никто не узнает.

- Узнают. Вот вы понесете книжку домой, и все увидят, обязательно ко мне прибегут, скажут: Нестерову дали, и мне дайте.

Юноша обрадовался: опасность была не такой большой, как казалось Вале:

- Я, знаете? Я под поясом спрячу. Никто не узнает.

- Вот видите! Книгу под пояс! Разве можно?

- Ну, не под пояс... а знаете... я за пазуху положу, там чисто, честное слово, чисто.

И юноша через бортик гимнастерки показывает действительно чистый край сорочки.

А сегодня пришел из инструментального цеха Давид Резник, пересмотрел все книги на столах, потом стал против столика Вали:

- Скажите, есть такие книги, которые о любви?

Он не покраснел, а только посерьезнел и объяснил, чтобы не было недоразумений:

- Это я знаю: есть романы, так в них просто все описывается про людей, как будто были такие люди. Так это я знаю. А может, у вас есть такие книги, чтобы не романы, а чтобы так... чтоб серьезно?

У Давида Резника длинное худое лицо, а нос полный, мясистый. Он не торчит вперед, как у других людей, а как будто привешен на лице. Скулы у Давида насилу помещаются под кожей, такие они острые и выпирающие. Вообще Давид только с большой натяжкой может быть назван красивым юношей. Но он стоит серьезный перед Валей и требует серьезную книгу о любви. По Давиду видно, что такая книга ему действительно нужна до зарезу, и Валя чувствует, что она обязана дать [ее] ему.

- Давид, что же вам предложить? Вы читали «Анну Каренину» Льва Толстого? Вы, кажется, брали у меня.

- Нет, «Анна Каренина» — что! Там ничего нет определенного. Это роман, я не хочу роман.

Валя морщит лоб. Нет, в ее библиотеке нет такой книги. С неприятным чувством вины она вспоминает, что такой книги она вообще не знает.

- Стойте, Давид! Как же это я забыла «Викторию» Гамсуна? Вы не читали?

- «Викторию»? Не читал. Гамсуна? А это кто такой — Гамсун? Это не наш? Так это не роман?

- Нет, роман. Но это ничего, Давид. Это ничего. Вы прочитайте.

- Нет, я не хочу роман. Роман меня не устраивает. И там, наверное, все плохо кончается. Печально кончается.

Он с грустным вопросом смотрит в глаза Вали. Валя разочарованно кивает. В самом деле, у Гамсуна все грустно кончается.

- Нет. Вы посудите, товарищ Осипова! Для чего мне такая книга? Если нужно, чтоб печально кончилось, так это каждый сумеет. А если нужно, чтобы хорошо кончилось, так надо научиться. Странно, почему никто не напишет такую книгу? Такую книгу в первую очередь нужно написать.

Валя согласилась с Давидом, и Валя частично отвечает за отсутствие такой книги, но расстроенное лицо Давида начинает интересовать ее и с другой стороны:

- А для чего вам такая книга?

- Мало ли для чего? Надо же прочитать! Я не понимаю: о технике написали, о звездах написали, о разных животных, которых давно нет, тоже написали! А о любви почему-то не написали.

Давид улыбается и моментально хорошеет.

- Надо же сказать по этому вопросу что-нибудь определенное!

Он все-таки смотрит на Валю с надеждой, и Валя склоняет на бок голову.

- Давид, я поищу в городе такую книгу. Но, насколько я помню, нет такой книги, Давид.

- Спасибо, — говорит Давид Резник, — очень буду благодарен.

Он ушел последним, и Валя занялась приведением библиотеки в порядок. Она распределяла книги по полкам, складывала на столе газеты и журналы, и все ей казалось, что она сейчас вспомнит книгу о любви.

Потом: вдруг она вспомнила другое: как странно, и она любила, и другие люди кругом любили и любят, почему ни разу никому в голову не пришло издать серьезную книгу о любви, чтобы было все написано «определенно», как говорил Давид Резник. Валя прыгала с лестнички на лестничку, и быстрыми молниями проносились у нее все какие-то интересные и, в общем, приятные мысли: хорошо было, что Давид Резник ищет такую книгу, хорошо было, с другой стороны, что другие люди не искали такой книги и в душевной простоте считали себя специалистами в этой области. И может быть, замечательнее всего было то, что книга о любви еще не написана, но скоро ее кто-нибудь напишет.

Она выйдет в советском издании, и Валя получит ее, свежую, чистую, свою, и никто не скажет о книге, что она отображает буржуазную мораль. В самом деле, что общего между Давидом Резником и Анной Карениной и зачем ему учиться страдать у Гамсуна? Вале даже показалось на одну только секундочку, что в мире все хорошо устроено, потому что, допустим, такую книгу о любви кто-нибудь написал...

Валя остановилась с пачкой книг в руках и мечтательно улыбнулась: воображаю, какая получилась бы гадость. Разве можно написать книгу о любви, вообще о любви? Чудак этот Давид! Ему все хочется знать, чтобы все было определенно, тогда и жить не нужно. Зачем жить, если все написано. Прочитал и... и все как по нотам![1]

Валя даже вздрогнула от отвращения. Она нахмурила бровки и, подымая книги к полке, закусила губу. Пускай. В ее жизни любовь тоже получилась... очень, очень неудачно. Ну и пускай. Все-таки это лучше, чем по книге. И, кроме того, а кто знает, как будет завтра? Никто не знает. Какая завтра придет любовь? Может быть, такая придет, что Гамсуну не снилась.

Макаренко А.С. Пед. соч. в 8 т., т. 8. – М., 1986, с. 257 – 258. По смежным материалам датируется: кон. 1938 – нач. 1939 гг.

Валя, библиотекарь, - образ, представленный ранее в других макаренковских произведениях: Валентина Петровна Шалимова (роман «Человек» - май 1937 г.), Валентина Николаевна Осипова («Пути поколения», осень 1938 г.), Валя Осипова (роман

«Ньютоновы кольца», ноябрь 1938 г.). См. также Савченко Дарья Васильевна в пьесе «Забота о человеке».

В «Книге для родителей» - библиотекарь Вера Игнатьевна Коробова (глава восьмая); о ее «книжном царстве», о «физиономии и особом характере каждой книги», о ее жизни – см. в начале указанной главы (Макаренко А.С. Пед. соч. в 8 т., с. 256 – 258).

[1] Материал, подходящий для задуманной А.С. Макаренко повести «О любви». Утверждается фундаментальное макаренковское положение: приоритет личного жизненного опыта перед книжным знанием, человек как творец личной и общей судьбы, свобода воли и ответственность личности.

Пьеса для Театра юного зрителя, подготовительны материалы, январь – февраль 1939 г.

Пьеса в 4-х действиях.

Действующие лица:

Иван Николаевич - ответственный работник. Совершенно положительный тип. Хороший отец и семьянин. Обыкновенно спокоен и выдержан, но в гневе решителен. Семья в дисциплине и даже некоторой строгости при общей мягкости и совершенно товарищеском тоне, он - командир.

Человек умный и сложный, но прямой, без интеллигентщины и импрессионизма. Работает заместителем директора в кинопромышленности. Работа эта для него новая. Он рад встрече с товарищем детства, талантливым кинорежиссером, с которым он вместе думает создать новое и интересное. 45 лет.

Ольга Андреевна - его жена. Художник-иллюстратор. Культурная, интеллигентная женщина. Очень мягкая и спокойная. Тонкий женский ум. Некоторый корректив к твердости и непреклонности мужа. У них не только любовь многолетняя, но и большая дружба и понимание. Роль ее в главной теме пьесы мне еще не совсем ясна. Может быть она как аккомпанемент.

Таня - их дочь, 18 лет. Живая хорошенькая девушка, учится в вузе на первом курсе (в каком вузе?). Девушка с некоторым очень милым полудетским кокетством. Любит нарядиться, и ей это удается. Спортсменка. Подвижна и весела, как мать, глубоко и тонко чувствует. Очень открытый человек - без секретов. Роль в пьесе не совсем ясна. Блондинка.

Ира – племянница, 20 лет. Красивая брюнетка. Дочь брата Ивана Николаевича, убитого в гражданскую войну. Воспитывается у Ив. Ник. Любит его и тетку. Любит и помнит отца, гордится им, свои моральные поступки направляет, как бы его именем - это в трудных случаях.

На третьем курсе вуза, может быть, медик. Это большой скрытый темперамент. Она прекрасно им владеет, но иногда темперамент побеждает, тогда она может наделать глупостей, наговорить резкостей. Упряма по формуле: ну и пусть. - в злости. Это не мешает ей быть умным и сложным человеком, но способным запутываться в собственной сложности.

Она не была еще влюблена даже мимолетно и грустит об этом и немножко боится любви, чувствуя инстинктивно некоторую свою безудержанность. Она комсомолка, но у нее есть стремление к некоторому импрессионизму чувств - изощренности, необыкновенности. Также экзальтированно она любит социализм. Это основной тормоз для этой натуры. На этом тормозе работает Ив. Ник. в нужных случаях.

Ира полюбила или увлеклась режиссером. Скорее, влюбилась и принимает это за любовь. Она человек большой культуры чувств и поведения, владеет своей страстностью. Поведение ее с режиссером: большой внутренний жар, который она старается не показывать и тушить. В этой влюбленности есть нечто нервическое, дезорганизующее. Она думала: любовь - взлет, расцвет всех сил, а в этом чувстве у

нее упадок энергии, энтузиазма. Но она не хочет себе в этом сознаться: у нее немало эгоизма - раз мое, значит хорошо. Ира переживает большую внутреннюю драму и в конце пьесы понимает, что любить этого человека не надо.

Дмитрий Николаевич -27 лет. Брат Ив. Ник. Инженер авиаконструктор. Имеет уже свои конструкции, талантливый человек, суетно-веселый. Работал на заводе в Москве, его повышают, сейчас работает на Дальнем Востоке.

Приехал к брату в отпуск или в командировку. Лучше даже отдыхает. Изящен, хорошо воспитан, большой джентльмен и рыцарь. Холост. Это дает повод для шуток: женим Митю и в этом роде. Дмитрий остроумен, весел, всегда имеет свое мнение.

Братья большие друзья, но Митя немножко - сын. Гордятся друг другом, но это проявляется в вечных шутках друг над другом. Старший шутит откровенно и иногда издевательски, Дмитрий - более тонко, почтительно. В серьезных случаях они говорят без шуток, по-мужски. Оба очень ценят друг друга. Дмитрий в большой дружбе с Ольгой Андр., девчонок он любит подразнить, а они перед ним немеют. Дмитрий влюбится в жену режиссера, и они уедут на Дальний Восток, вероятно, не как муж и жена, а пока в порядке скорой помощи.

Анна Семеновна - 55-ти лет. Домработница в семье, скорее домоправительница и друг, может быть, член партии, воспитанная Ив. Ник. Говорит «ейный». У меня есть намерение дать ей значительную роль в романе Иры. А.С. первая заговорит в семье о том, что к добру этот роман не приведет.

Сережа - 18-ти лет, сын Анны Семеновны. Студент техникума или вуза - радист. Живет в общежитии, но часто бывает в семье. Он вырос на глазах у всех и со всеми младшими, большой друг Тани, немножко побаивается Иры, благоговеет перед Дмитрием. Сережа весельчак и зубоскал в коммунарско-общежитейском стиле. Общий любимец. С матерью у него нежные отношения и она на него часто ворчит.

Сережа увлекается радио, любит его крутить и настраивать. Иногда рык радио может быть хорошим аккомпанементом к происходящему на сцене. Сережу ругают за «игру» на радио, особенно Ив. Ник. Сережа удивительно чистый, ясный образ, искренний и честный. Вроде Алеши Карамазова, только советский и гораздо более веселый. Бывает комичен, но не по сути своей, а по положениям. Вызываемый им смех - смех любви и сочувствия. Интересен, как антипод режиссера. Сережа на первом курсе.

……двоюродный брат Ольги Андреевны, старый. Фигура тонко комическая. О нем надо думать.

Георгий Александрович, 42 г., режиссер. Моложавый, красивый. Талантлив, умен, «Сабакевич».

Елена Ивановна его жена, 26 лет – актриса.

Борис - сын Г.А. Очень похож фактурой на отца, но гораздо мельче. Ему 20 лет, От первого брака, живет с материю в другом городе.

Либретто.

1-е действие.

Комната перегорожена нишей. В большой части столовая, в меньшей кабинетик И.Н. Из столовой виден коридор с вынутой дверью и дверями в кухню и др. комнаты. На сцене убранная елка, стол раздвинут, молодежь накрывает его для ужина вместе с А.С.

Иван Николаевич живет уже в Москве 1 ½ - 2 месяца, семья переехала недавно. Они празднуют новоселье и Новый год. И.Н., зам директора кинопредприятия, где Г.А. выставляет свои картины, но они еще не виделись. Г.А. уезжал со своей группой на съемки. Встретились после долгих лет разлуки.

Застольная речь Г.А. Все немножко выпили. Разговор об искусстве после ужина. Первые намеки романа между Ирой и Г.А.

Может быть, здесь же и Е.И., вызванная по телефону. Знакомство с Дмитрием.

Действие 2-ое.

Квартира Г.А. (может быть № в гостинице). Г.А. с женой - он очень расстроен, какой-то неудачей.

Откровенный разговор с женой. Приезжает Борис погостить к отцу. Отец думает, что некстати, но сын не замечает этого, доволен собой.

Приходит группа актеров для разговоров с Г.А. Разговор неприятный. Е.И. «виляет» с актерами. Г.А. выпил с сыном.

Приходит И.Н., он уже знает, что талант Г.А. бесплоден, в конце действия он уверен в этом. Ему жаль Ирину и ее молодого чувства.

В конце действия Г.А. говорит по телефону с Ирой и уговаривает ее ехать кататься. Разговор с женой в стиле: «разве Вы против того, чтобы я утешился немножко в моих несчастьях» или в этом роде.

Действие 3-ье

Квартира И.Н.

И.Н., жена и Дмитрий. Сережа крутит радио. Приносят корзину цветов для Ирины. АС. высказывает свое мнение об увлечении Ирины - отрицательно.

Приходят оживленные с катка, в спортивных костюмах Ира и Таня. И.Н. резко говорит с Ирой о ее любви. Ирина говорит: «Я люблю его и это мое дело» и в этом роде.

Вечером вся молодежь и Е.И. Она декламирует им что-нибудь. Все видят ее талант. У молодежи разговор о любви и о волнующих всех событиях. Объяснение Дмитрия и Е.И.

Приезжает Г.А. с сыном. Молодежь собралась в связи с отъездом Д.Н.

Записи возможных фабульных завязок:

1) Ревизия в художественной организации: постановление снять с работ режиссера…
2) Выборы в Верховный совет.
3) И.Н. получает орден.
4) Растрата. Перерасход. Неправильно использованы деньги, непродуктивно.
5) Выигрыш денег.
6) Ложь.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 9, 9 лл. с об., авторская машинопись, с автографом. Далее: «двоюродный брат Ольги Андреевны» - запись Г.С. Макаренко: «Моя запись, по заданию Антонушки. Г.М.»

Пьеса, 4 п.л., значится в макаренковском плане работы, составленном 26 сент. 1938 г. 19 окт. 1938 г.: «Новый ТЮЗ предлагает договор на пьесу. В общем, согласился». 1 дек.: в плане на этот день – «ленинградочная пьеса», 4 п.л. В плане на 1939 г.: пьесу закончить к 27 июля. 11 янв. 1939 г.: «Принимаюсь за пьесу для Ленинграда». 17янв.: «Скоро начну писать». 23 янв.: «Еще не начал». 8 февраля: «Начинаю писать, закончить к 28 февраля».

Пьеса предполагалась для ТЮЗов в Ленинграде или Москве.

Проблематика пьесы близка замыслу романа «Пути поколения». Изображается время в СССР, близкое к смене поколений, когда возникает проблема «отцов и детей». Внимание к творческой интеллигенции и руководящим работникам, к сфере семьи, социально-педагогическим конфликтам.

Дополнение. *Письмо Г.С. Макаренко А.О. Авдеенко, 21 февраля 1939г.*

Дорогой Александр Остапович!

Пишу Вам по секрету от Антона. У нас все хорошо, все совершенно благополучно, есть интересные новости, о которых напишу дальше, но дело с договорами затягивается, а Вы понимаете, какие затруднения с этим связаны.

Я вижу, что «декохт», как говорит Антон, сильно его волнует и нервирует. Человек он такой, что не напишет Вам о деньгах без самой крайней необходимости. Я на эти вещи смотрю проще, но я прошу Вас, сделайте так, чтобы Антон не знал об этом письме к Вам.

Александр Остапович, если только правда, что Вы сейчас человек «зажиточный» и у Вас есть некоторый резерв, который лежит где-нибудь в сберкассе, то будет очень мило с Вашей стороны, если Вы выручите сейчас Антона. Только смотрите, будьте настоящим другом и если лишних, повторяю, лишних денег у Вас нет, то Вы совершенно просто напишите мне об этом. Смотрите, иначе обижусь до гроба. Крайности у нас нет, а есть временная задержка, которая скоро пройдет. Все понятно. Да?

Телеграфом переводить не нужно, я думаю — дорого очень. Словом, Вам виднее техника этого дела. Пришлите Антону, на его имя. Он, я знаю, будет Вам очень благодарен. Только, дорогой мой, ни слова Антону о моем письме. Я очень боюсь Вашего правдолюбия. Антон будет на меня обижаться. Уговор. Хорошо? Сколько прислать денег? Это зависит от Ваших возможностей, прежде всего. Нас устроит тысячи две-три. Большое, большое спасибо, что к Вам можно обратиться с такой трудной просьбой.

Теперь новости, первая и главная: Антон вступает в партию. Уже подал заявление и заполнил анкету. Очень жалеет, что Вы не в Москве. Проведут его до съезда. Правда, замечательная новость!

Вторая, менее важная — был творческий вечер в Клубе писателей. Критики совсем не явились. Пришли читатели. Был коекто из писателей. Читатели яростно хвалили Антоновы произведения. Вечер прошел очень тепло[1].

У Антонушки сейчас грипп и он лежит в постели. Домотался. Только, дорогой Александр Остапович, не проговоритесь Антону, что я Вам писала. Пожалуйста, очень прошу.

Поцелуйте от меня милую Любу и вашего малышонка. Желаю всем вам веселья, радости и здоровья.

До свидания.

Крепко жму руку.

Г. Макаренко.
21/II 39 г.

Макаренко. Альманах. – 2011, №2, с. 90.

Телеграмма А.О. Авдеенко, 29 февраля 1939 г.

Макеевка ДЖИ город Горки
Александру Остаповичу Авдеенко
Из Москвы 17/29.29.4.11.51

Благодарен тронут не вполне понимаю восхищаюсь не знаю как поступить буду думать возвращу либо очень скоро либо очень не скоро обнимаю привет Любе Макаренко.

Макаренко. Альманах. – 2011, № 2, с. 90. Дано в части 2 данного издания, с. 151, ошибочно датировано 29 апреля 1929 г.

***Дополнения**. Из письма М.А Барской матери, примерно февраль 1939 г.*

...Скоро Женька (Евгения, младшая дочь, сестра М.А. Барской - А.Ф.) будет работать в школе у Антона Семёновича. Во вторник он обедал у нас... Он мечтал вслух, какой будет школа. Женька слушала, как зачарованная...

Женька:

- Я пойду хоть дворником.

Антон:

- У Вас есть нужные для школы специальности: Вы библиотекарь, шофёр, немного художник. А главное, у Вас глаза горят, такие люди мне нужны. Надеюсь, у Вас нет педагогического образования?...

Если бы оно у Вас было, пришлось бы перевоспитывать Вас, чтобы Вы правильно воспитывали детей...

Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко. Русскоязычные публикации. 1976 – 2014. - Полтава, 2014, с. 734.

[1] А.С. Макаренко с конца 1938 г. через Управление начальных школ Наркомпроса РСФСР стал добиваться директорства одной из московских средних школ, с начала 1939 – 1940 учебного года.

Из высказываний В.И. Клюшника[1] в это время: **А.С. Макаренко говорил: перевоспитывать писателей гораздо труднее, чем воспитывать детей, даже 50 миллионов детей. И вот он занимается этим, вместо того, чтобы двинуть его на его природную работу, без которой он тоскует... Он при всём его самообладании плакал опять в прошлый раз, как стал говорить о работе...**

Как он оживился, когда ему предложили только одну школу... А условия он поставил такие: 2 тысячи жалованья и 2 года не вмешиваться в его дела. Он обещал регулярно делать отчет в Наркомпросе, через несколько месяцев; распорядок школы и штаты будут целиком зависеть от него.

О большом жаловании: я семью посажу на 500 – 700 рублей из этих 2-х тысяч, а остальное будет идти на ту же школу. Я знаю по опыту, что денег на школу у них не выпросишь.

Я большое предприятие могу провести, если затрачу 100 или 50 рублей... Особенно в первый, организационный период.

И стал рассказывать, что бы он стал делать. У меня дух захватило: проникновение через школу в быт всего квартала города... Через год максимум все население района, которому принадлежит школа, узнать будет нельзя... Люди в этом районе будут честнее на своих службах работать. И педагоги будут работать не так, как сейчас... Он может умереть, но он будет счастлив...

Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко. Русскоязычные публикации. 1976 – 2014. - Полтава, 2014, с.731 – 732.

[1] *Клюшник В.А.* **в коммуне им.Ф.Э.Дзержинского в 1929-1933гг. В 1937-1939гг. в Москве, в Академии бронетанковых и механизированных войск. Участвовал в боях с фашистами на Калининском направлении. Затем преподаватель танкового училища. Награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны. В 1965 г. инженер-подполковник. Его характеристику см. в части 3 дан.издания, с.112. В «ФД-1» и «Флагах на башнях» В. Клюшнев. Прототип В.Кулешова в киносценарии «Настоящий характер».**

Из записей М.А.Барской об А.С.Макаренко, воспроизведение разговоров с ним и диалогов (октябрь 1938 - март 1939гг.).

У Макаренко нужно учиться любовно смотреть на людей. Он радуется в человеке всему хорошему, начиная от внешности, маленькой повадки, до больших душевных качеств...

Что и у Горького - особенность и умение порадовать человека словом... Неожиданные и волнующие сочетания слов, ... но это не словарь человека предыдущего поколения..., а словарь человека революции, сегодняшнего..., так ново, скупо и точно определено явление... Внезапные, тоненькие и колкие, как иголки, штрихи - ... и сразу создаётся внешний образ...

Кажется, никто из наших писателей не пишет так откровенно от своего лица... Он органически, всеми порами, сплетён с жизнью и с людьми, которых описывает... Жизнь со всеми её проявлениями он хорошо преломляет в самом себе, будучи сам её частью... Понимает соотношение масштабов, он полон достоинства и права так говорить «я», как он говорит...

Всё, что и как рассказано о семье Веткиных (в «Книге для родителей»), - удивительно прекрасно. Большего оптимистического случая в жизни я не слыхала. Получаешь уверенность, что человечество обязательно будет и сумеет быть счастливым. И сама история этой семьи до того мила и хороша, что её просто хочется снимать...

[Подарил] громадные коробки монпансье - «сосунчики»... Флакон духов, подаренный в Ялте. Душилась редко, целый год, бессознательно, тогда, когда его долго не было, скучала. Смерть. Во флаконе осталась одна треть, запах пережил человека. Через год опять в Ялте, вспомнить разговор у балюстрады...

Есть люди, с которыми не вяжется представление о смерти. Это люди громадного творческого жизненного наполнения. Таким был Макаренко...

«Голова выпила кровь из сердца (его слова), но в голове кровь сердца».

Из диалогов:

Он: Я решил отказаться от блаженства. Не смотря на то, что только теперь понял, насколько оно может быть велико. Не смотря на то, что впервые в жизни поверил в возможность его для себя...

Урывать крадучись, - это недостойно Вас... Недостойное Вас для меня нетерпимо...

Она: Что Вы намерены делать?

Он: Сделать над собой усилие такое громадное, какое мне никогда не приходилось делать... Отказаться от Вас...

Она: Хорошо. Я ничего не буду делать, чтобы помешать Вам… Но я не буду и помогать Вам…

Он: Вы думаете… что я не смогу?

Она: Да, на этот раз… в вашей жизни Вы не сможете сделать то, что хотите и что правильно…

Он хотел объяснить, за что он её (Галину Стахиевну - А.Ф.) любит, а перед этим был разговор, что любят всегда «за что-нибудь», а не «просто так»…

Он: Если бы Вы не были так умны и красивы, я не любил бы Вас так… Вы не знаете, как мне там скучно… Вот если б об этом самом с ней (Галиной Стахиевной - А.Ф.) поговорить, … чтобы был толчок мыслям. А кто умеет так подарить хорошо выраженной мыслью, как Вы! Скучно без Вас…

Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко. Русскоязычные публикации. 1976 – 2014. - Полтава, 2014, с. 739 – 742, 746.

«Дети в стране социализма» - часть 8 дан.издания, с.208 – 212, дополнение к комментарию:

Тема: «Как живется детям в Советском Союзе» - предлагалось К.И. Чуковскому, «детскому писателю», затем передана А.С Макаренко (вероятно, по предложению К.И. Чуковского). Всего готовилось 70 различных тематических буклетов, тиражом по 100 тыс. каждый. На буклете А.С Макаренко обозначено: Издательство иностранных языков. - Москва, 1939 (англ. яз.). Предполагаемая дата её написания – февраль 1939 г.

Тема «Женщина в СССР», предлагаемая Н.К Крупской, вышла в форме: «Пичугина - Женщина в СССР», - вероятно, по тексту А.С. Макаренко: «Парасковья Никитична Пичугина» (часть 6 дан. издания, с. 203-208).

В пер. на испанский язык буклет П.Н Пичугиной вместе с буклетом А.С. Макаренко вышел в общей брошюре в Гаване, 1941г.

Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко. Русскоязычные публикации. 1976 – 2014. - Полтава, 2014, с. 704 – 709, в изложении.

Письмо А.О. Авдеенко, 13 марта 1939г.

Москва, 13-III-39

Дорогой Александр!

Чего ты ко мне придираешься и анализируешь? Я твоё [денежное] «одолжение» принял с тем большей благодарностью, что ты сделал его чрезвычайно деликатно, не ожидая моей просьбы. А теперь ты находишь у меня щепетильность. Какая щепетильность? Нельзя ли больше доверия и понимания? Я огорчён и злюсь на свою бедность - это всякому разрешается.

Твои деньги я растрачиваю со спокойной совестью и с хорошим ощущением твоей дружбы, но, всё же, мне обидно, что я работаю как сукин сын и не зарабатываю на хлеб насущный.

Думаю всё-таки как-нибудь выбраться на берег. Сценарии переделываю, выходит лучше, но я ещё не удовлетворён. Потом буду писать пьесу[1], потом повесть[2], но писать можно только выбравшись из Москвы.

С 15 марта еду на месяц в Голицыно, а конце мая на дачу в Болшево, которую уже нанял, воспользовавшись твоими деньгами. Между Голицыным и Болшевым, м.б., поеду к тебе.

Я к тебе всегда хотел поехать, но заела бедность. Думаю, что за март что-нибудь заработаю и тогда поеду, если ты будешь там. Кстати, весной у тебя, конечно, лучше.

Рад твоим успехам. Кажется, вполне определяется, что ты - драматург. Это было бы роскошно, если бы утёр нос всем этим Фишам и Вегорам. Кому отдашь пьесу.

Галя сейчас в гриппе. Она передаёт тебе и Любе горячий привет.

Будь здоров и добр!

Поцелуй ручку Любе.

Твой *А*.

Макарено. Альманах - М., 2011,№ 2, с.91 – 92.

[1] Говорится, несомненно, о второй пьесе, для ТЮЗов, в Ленинграде и Москве.

[2] Повесть, видимо, «О любви».

Дополнение. *Из письма Г.С Макаренко А.О Авдеенко, 4 марта 1939г.*

Дорогой Александр Остапович, в первых строках моего письма спешу Вас уведомить, что с договорами стронулось с мёртвой точки. Антон подписал договор на «Флаги на башню»[1] и числа 10 получит монету.

За это время были не большие получки, и мы совершенно обошлись, хотя не обошлось без волнений некоторых.

Сейчас всё совершенно благополучно, и необходимость внешних займов миновала. Я боюсь, что доставила Вам затруднение моим первым письмом. Антон болел гриппом, его волновала туманность и неопределённость в денежном вопросе, а я хотела облегчить ему жизнь и освободить от забот на эти 10-15 дней. Но всё к лучшему в этом лучшем из миров. Жаль только, что я затруднила Вас.

Антон на несколько дней уехал в Харьков[2], Лёву мы отправили в Кисловодск…

Привет Любе и Майке.

Будьте здоровы.

Г.Макаренко.

6 / III

Макаренко. Альманах. - М., 2012, №1, с. 91.

[1] Говорится о публикации «Флагов на башнях» в отдельном издании.

[2] О пребывании А.С. Макаренко в Харькове, его докладе В Харьковском пединституте см. В части 8 дан. Издании, с. 249 – 276.

«Речь на юбилее школы №1 Ярославской железной дороги» (часть 8 дан. издания, с. 192 – 195) – дополнение к комментарию:

В «Воспоминаниях», написанных А.К. Волниным в 1940 г. и воспроизводящих по стенограмме фрагмент той макаренковской речи («машинопись, с подписью-автографом А.С. Макаренко») после слов: «трудно вам рассказать» - следует: «…как много сделали для меня и для других мои учителя. Они были работниками Полтавского учительского института перед самой революцией. В то время, разумеется, они не могли быть большевиками и открыто воспитывать большевистские кадры. Но из них вышло много большевиков. Это потому, что они всегда были настоящими

людьми, и они воспитывали в нас лучшие человеческие стремления. В моём же педагогическом развитии они создали самые главные принципы и навыки духа. У них я заимствовал...»

Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко..., с. 656 – 657.

Г. Хиллиг говорит, что в известной ему машинописи стенограммы этой речи А.С. Макаренко его подписи-автографа нет (Макаренко А.С. Публичное выступление 1936 – 1939 гг., с. 417).

Есть основания доверять данному выше фрагменту, приведенному А.К. Волниным. Смена в тексте «они» на «он» произведена, видимо, при редактировании, первой публикации этого материала. Этот текст: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. кр. 185.

О помощи Литфонда СССР семье умершего А.С. Макаренко: **выделить 8 тысяч рублей, с гарантией Гослитоиздата возврата Литфонду этой суммы; списать задолженность покойного по возвратной сумме 2 тыс. руб.; Литфонду представить Г.С. Макаренко санаторную путевку.**

Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко..., с. 745.

О М.А. Барской. Некролог:

Маргарита Барская... В фильме «Рваные башмаки» с большой теплотой показано безрадостное детство зарубежных пролетарских ребят, даны живые образы маленьких друзей и помощников взрослых в революционной борьбе... Умелая тонкая работа с детьми, исполнившими главные роли...

Несмотря на критику фильма «Отец и сын» (на экраны выпущен не был), принялась за новые работы, писала сценарии коротких фильмов для детей, стремясь через детские занятия и игры передать на экране темп и дыхание советской действительности. Её последний сценарий – «Красная армия»... Была подлинным энтузиастом детской кинематографии.

Бюро Секции драматургов ССП.

Некролог не был послан в печать.

В 1936 – 1939 г. М. Барская оказалась в полной творческой и общественной изоляции. 10 октября 1938 г. в Литфонде запросила путевку в санаторий для нервнобольных, дали «за наличный расчет». 23 июля 1939 г. покончила с собой, похоронена на Новом Донском кладбище.

Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко..., с. 745. О её социальном происхождении на с. 719.

ДОПОЛНЕНИЯ К АВТОРСКИМ МАТЕРИАЛАМ А.С. МАКАРЕНКО, ДАННЫЕ В 2 – 5 ЧАСТЯХ ДАННОГО ИЗДАНИЯ

Часть 2, с. 104 – 108.

Письмо О. Куриловской, 10 янв. 1923 г.

В Президиум Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета (окт. 1926 г.)

Трудовой список А.С. Макаренко, 14 сент. 1927 г.

Часть 3, с. 358 – 362:

Письмо М.Н. Котельникову, 4 дек. 1922 г.

Заключительное слово А.С. Макаренко на Пленуме Харьковской окружной комиссии помощи детям, 30 июля 1926 г.

Положение о детской милиции гор. Харькова (1927 г., до октября)

Заместителю председателя Харьковского окрисполкома тов. Зякуну (1927 г., до 15 дек).

Часть 4, с. 304 – 350:

Областному инспектору учреждений для дефективных, 15 сент. 1922 г.

В Наркомпрос УССР, Главсоцвос, 15 дек. 1924 г.

Областному инспектору дефдетучреждений Харьковской области, 2 апреля 1924 г.

В Главсоцвос НКП УССР, 6 июня 1924 г.

Главному инспектору охраны детства, 19 сент. 1927 г.

В Наркомпрос УССР, финансово-экономическое управление, 1925 г., нач. июня.

Во Всеукраинскую комиссию по делам несовершеннолетних, 30 окт. 1925 г.

Из письма в колонию им. М. Горького, начало октября 1925 г.

Выписки и замечания по книге: Лестор Джемсон и коллегия «Плебса». Очерк марксистской психологии (под ред. и предисл. М.А. Рейснера, М., 1925).

Из записных книжек (сер. 1920 – нач. 1930-х гг.)

В финансово-экономическое управление НКП УССР (18 янв. 1926 г.)

Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних, 23 июня 1926 г.

Темя для кинохроники о колонии им. М. Горького (кон. окт. 1927 г.)

В Президиум Окрисполкома (кон. 1927 – нач. 1928 гг.)

Из фрагментов части второй «Педагогической поэмы», имеющихся в прижизненных изданиях и авторских материалах А.С. Макаренко.

Часть 5, с. 297 – 382:

В Совет Института организаторов народного просвещения, 27 ноября 1922 г.

Личное дело А.С. Макаренко, работника детского учреждения социального воспитания (заполнено А.С. Макаренко, нач. янв. 1924 г.).

Стихотворение, для О.Д. Иваненко (лето 1925 г.).

Приглашение на «Праздник первого снопа», адресованное Г.С. Салько, нач. июля 1926 г.

Выписки из книги: Крупская Н.К. Заветы Ленина в области народного просвещения, М., 1924 (сделаны в кон. 1928 – нач. 1929 гг.).

Выписки из книги: Шульгин В.Н. Основные вопросы социального воспитания, М., 1924 – 1926 гг.

Список воспитанников трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, подлежащих выпуску, 12 июля 1928 г.

Письмо В.Н. и Н.Т. Поповиченко, 24 сент. 1929 г.

Благотворительность или деловые отношения? Из записной книжки, кон. 1929 – нач. 1930-х гг.

Литературно-драматическая композиция, обозрение, «феерия»: Постройка «стадиона», поставлена 7 янв. 1930 г.

И списка прототипов «Педагогической поэмы» (до марта 1930 г.)

Письмо Л.М. Салько, 7 сент. 1930 г.

Из записных книжек, зарисовок, осень 1930 г.

Заметки на полях книги: Залужный А.С. Учение о коллективе. Методология. Детский коллектив, М. – Л., 1930

Письмо старшему редактору ГИХЛа Колесниковой, 29 апр. 1931 г.

Фрагмент книги-очерка «ФД-1» (по авторской машинописи)

Выписка из трудового списка. Данные о прохождении службы (после 15 апр. 1932 г.)

Подготовительные материалы к «Педагогической поэме» (в описании, кон. 1932 г.)

Письмо П.П. Крючкову, 16 февр. 1933 г.

Телеграмма П.П. Крючкову, 17 февр. 1933 г.

Письмо П.П. Крючкову, 7 марта 1933 г.

Телеграмма П.П. Крючкову, 31 авг. 1933 г.

Письмо Л.М. Салько, 11 ноября 1933 г.

Письмо Л.М. Салько, 26 ноября 1933 г.

Фрагмент тезисов об учебной работе (1933 – 1934 гг.)

Письмо Л.М. Салько, 17 янв. 1934 г.

Письмо П.П. Крючкову (2-я пол. марта 1934 г.)

Письмо П.П. Крючкову, 14 апр. 1934 г.

Письмо Л.М. Салько, 18 мая 1934 г.

Из записных книжек и дневника: зарисовки, мысли (нач. 1934 – лето 1934 г.)

Списки коммунаров-дзержинцев и выпускников 1934 – 1937 гг. (в описании)

Телеграмма в коммуну им. Ф.Э. Дзержинского, 18 мая 1936 г.

ДОПОЛНЕНИЯ В КОММЕНТАРИИ К АВТОРСКИМ МАТЕРИАЛАМ А.С. МАКАРЕНКО 1921 – 1925 ГГ.

(см. часть 1 данного издания, с. 22 – 180)

Записка, адресованная А.С. Макаренко. **«Многоуважаемый Антон Семенович! Прошу извинить, что чуть поздно Вам передаю: не имел случая увидеть кого-нибудь из Ваших людей пораньше, а через других знаю, что (слово неразборчиво – А.Ф.) не нужно: Вы не поедете в Харьков. С уважением к Вам – ХО Самелюк. 22/VII – 22 г.»**

ЦГА РСФСР, ф. 7954, оп. 2, ед. хр. 266, л. 6 об., автограф., укр. яз. Речь идет, видимо, о переводе А.С. Макаренко на работу в Харьков – тогда столицу Украинской ССР.

Доклад харьковского областного инспектора М.Н. Котельникова, 22 сентября 1922 г. **«Согласно приказа Предглавсоцвоса (УССР – А. Фролов) мной были обследованы в сентябре месяце (с 10 по 21 число) учреждения для дефективных детей в Полтаве.**

Лучшим из учреждений для дефективных учреждений в Полтаве является «Колония для морально-дефективных детей имени Горького», как именуется это учреждение на месте, или основной детский дом морально-дефективных детей №7», как именуется оно Главсоцвосом…

Местный взгляд на это учреждение как колонию является более правильным… До 14 лет воспитуемых 12 чел., свыше 14 л. – 65 чел.…Учреждение расположено за городом (в 7 – 8 верстах)[1]; огородничество, садоводство, полеводство вполне могут быть представлены в нем в серьезной педагогической и практической подготовке.

Колония имеет 66 десятин[2] земли, заняты под сельхозкультурами, около 3 десятин лугов, полторы десятины парка с фруктовым садом, 82 дес. леса. Она обладает, 5-ю достаточно оборудованными мастерскими (кузнечная, сапожная, столярная, токарная, корзиночная). Имеется скот: 5 лошадей, 3 вола, 2 коровы, 12 свиней, 5 овец, кролики.

Видна напряженная, неустанная работа, как административного, так и педагогического персонала, а равно и воспитуемых. Так, 5 флигелей колонии и 3 флигеля служебных помещений в имении б. Трепке отремонтированы в большой части силами детей и персонала включительно до кладки печек.

Но дети не производят впечатления замученных работой. Напротив, они выглядят бодрыми, свежими, довольными.

Режим колонии обосновывается на трудовом укладе и самоуправлении. С вечера даются наряды по отрядам – где и что нужно делать, и с 6 часов утра по звонку вскоре быстро расползается все население: кто в лес, кто в поле, поле, мастерские… Так же быстро по звонку колокола собирается оно на обед и на ужин.

Все дети разделены на отряды, имеющие во главе выборного начальника, ответственного за исполнительность в работе членов отряда.

Наиболее важные проступки (воровство и др.) подлежат товарищескому суду. Отношение к суду и его постановлениям самое серьезное.

Введено обучение военному строю[3], очень нравящееся детям и благотворно действующее на поддержание дисциплины.

Педагоги, люди, не имеющие специальной подготовки и значительного специального стажа, но в большинстве люди интеллигентные, преданные делу, действительно участники в жизни и в работах детей[4]. В особенности считаю необходимым отметить работу завдома т. Макаренко, окончившего учительский институт, очень энергичного, живого человека, умелого педагога и хозяина.

Ведется очень обстоятельно и толково дневник [колонии], по особому плану, разработанному завдомом[4]...

Единственно, на что могу указать как на нежелательное явление, это на присутствие в среде мальчиков – подростков и юношей – 9 девочек свыше 14 лет...

Отремонтировав два флигеля, можно будет не только хорошо наладить учебные занятия, но и увеличить детское население до 100 человек, а если будут средства на ремонт двухэтажного каменного здания, то колонию можно будет развернуть до 200 человек...

Если бы доходы от паровой мельницы, находящейся во дворе колонии, поступали на нужды колонии, а не местного отдела РКП, то вполне можно было бы надеяться, что со стороны государства почти не потребовалось бы расходов на содержание колонии.

Штат колонии совершенно не удовлетворяет требованиям, которые ставит жизнь. По установленным штатам на 45 чел. полагается 4 лица педагогического персонала, 7 технического. В настоящее время детей в колонии 77 чел., педагогов 11, технического персонала 13, лиц учебно-ремесленного персонала (штатами совершенно не предусмотренного) – 8.

Полагаю, необходимо: 1) переименовать основной д/дом для морально-дефективных детей в «трудовую колонию»; 2) пересмотреть штаты колонии; 3) дать субсидию на ремонт деревянных флигелей в размере 2 миллиардов рублей и на ремонт каменного двухэтажного дома в размере 5 миллиардов рублей[5]; 4) возбудить ходатайство о передаче мельницы в ведение колонии...»

Опускала макаренкиана, №14 / сост. Г. Хиллиг. – Марбург, ФРГ, 1994, с. 6 – 9.

[1] Верста – русская мера длины, равная 1,06 км.

[2] Десятина – русская мера земельной площади, равна 2 400 кв. саженей, 1,09 га.

[3] Говорится об учебных занятиях по Программе всеобщего военного обучения (всевобуча), введена в действие в Украинской ССР в октябре 1922 г., в России стала применяться в 1918 г. (предусматривала 96 часов).

[4] Записи в Дневнике делало «главное дежурство», ежедневно сменяемое суточное дежурство в составе одного воспитателя и одного воспитанника («пара» подбиралась по взаимной симпа-

тии). В дневнике фиксировались не только «чисто педагогические» события дня, но и относящиеся к хозяйственной деятельности: приход и расход материальных и финансовых средств, ход выполнения работ.

[5] Суммы, бывшие при тогдашней инфляции.

Телеграмма заведующего Полтавским губсоцвосом, адресованная А.С. Макаренко, 25 октября 1922 г. **«Немедленно возвращайтесь, ждем».**

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 360, л. 5. Говорится о возвращении А.С. Макаренко в его колонию им. М. Горького – из Центрального института организаторов народного просвещения им. Е.А. Литкенса[1] (Москва), был студентом этого института (см. также 1 часть данного издания, с. 41 и часть 5, с. 301).

[1] *Литкенс Е.А.* **был зам. наркома просвещения РСФСР в первые годы советской власти, погиб весной 1922 г.**

Удостоверение А.С. Макаренко о пребывании в ЦИОНП, 29 ноября 1922 г.

«Дано сие тов. Макаренко Антону Семеновичу в том, что он с 14 октября по 27 ноября 1922 года состоял студентом Центрального института организаторов народного просвещения имени Е.А. Литкенса и ему зачтен доклад по историческому материализму на тему «Гегель и Фейербах»[1].

Заведующий институтом Вейсберг.

Завед. учебной частью /подпись неразборчива/.

Секретарь института Марков»

ЦГА РФ, ф. 7954, оп. 2, д. 266, л. 14.

[1] **Запись этого доклада А.С. Макаренко (сделан 11 ноября 1922 г.) см.: часть 1 данного издания, с. 43 – 44.**

В Главпрофобр Наркомпроса УССР, 7 августа 1923 г.: **«Прошу выдать один экземпляр книги «Справочник для поступающих в институты, техникумы, рабфаки и профшколы УССР» заведующему трудовой колонией для правонарушителей в Полтаве тов. Макаренко.**

Зам. глав. инспектора дефдетучреждений (подпись)

РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52, л. 70

Ходатайство наркомата просвещения УССР, 29 августа 1923 г.

В Наркомпрод УССР

В Полтавское Губэкономсовещание

Копия Полтавскому губоно

29 августа 1923 г.

Близ г. Полтавы, верстах в 8-ми, в бывшем имении Трепке расположена часть самой большой на Украине трудовой колонии правонарушителей им. М.Горького (вторая часть колонии находится в зданиях бывшей колонии малолетних преступников, в 2 верстах от бывшего имения Трепке).

Колония им. М. Горького за 3 года своего существования сумела зарекомендовать себя с лучшей стороны, как в педагогическом, так и хозяйственном отношении.

Несмотря на чрезвычайно тяжелые условия существования и дурную почву (песчаная), дающую очень плохой урожай, колония исключительно силами детей и служащих, без какой бы то ни было помощи со стороны[1] отремонтировала 3 полуразру-

шенных здания в бывшем имении Трепке. Необходимо отремонтировать еще один каменный корпус. Тогда колония может быть развернута до 200 воспитанников. К сожалению, средств на то ни в губоно, ни у НКП, ни тем более у самой колонии нет.

Колония, конечно, нуждается и во многом другом: мало земледельческих орудий (при 80 десятинах земли), недостаточно инструментов для мастерских (столярной, слесарной, кузнечной, корзиночной, сапожной), почти нет учебных пособий.

Чтобы оборудовать колонию всем необходимым и, если представится возможность, расширить ее, необходимо подвести под нее прочный хозяйственный базис. Таковым могла бы быть паровая мельница бывшего имения Трепке, находящаяся в одном дворе с колонией.

Получив сведения, что мельница эта в настоящее время сдается в аренду, и будучи заинтересован в обеспеченном существовании и возможном расширении колонии, прошу Губэкономсовещание сделать соответствующее распоряжение о сдаче мельницы в аренду колонии.

Заместитель Наркомпросвещения *Машкин*

Председатель Главсоцвоса *Менжинская*

Харьковский областной инспектор дефективных детучреждений *Котельников*

Машинописная копия документа, личный архив А.А. Фролова, без ссылки на архивный источник.

[1] Финансовую помощь на ремонт колония стала получать осенью 1922 г. (см. часть 1 данного издания, с. 62).

Песня трудовой колонии им. М. Горького, конец августа 1924 – 1926 гг.

Песнь труда

Колонисты, на работу (2 раза),
На работу, друзья, на работу!
Нам работа – не забота (2 раза),
Не забота, друзья, не забота.
Дни бывали и похуже (2 раза),
Колонисты, на работу,
На работу, друзья, на работу! (Припев)
Мы живали послабее (2 раза),
Да и то мы не робели –
По полфунта[1] хлеба ели.
Припев
Вспоминали мы денечки,
Отдыхая в холодочке.
Припев
И три года пролетели,
Наши беды улетели,
Улетели, друзья, улетели.
Колонисты, твердым шагом,
Все вперед, за красным флагом,
Все вперед, за красным флагом.

Архив А.М. Горького Института мировой литературы, Дело переписки А.М. Горького, ДПГ – 20 – 95 – 1. Там же: ноты «Марша трудовой колонии им. М. Горького» («Веселый горьковец»), автор

С.А. Дворин, **с датой – 21 апреля 1928 г. И ноты трубных сигналов: Подъем, На работу, С работ, На рапорта, На совет командиров, На сон (Отбой). Ноты для оркестра: Солнце всходит и заходит, Молодая гвардия, Марш Реввоенсовета, Пролетарий, садись на коня.**

Текст «Песни труда» приведен в книге *Люси Вильсон «Новая школа в новой России» (Нью-Йорк, 1928)*. **Л. Вильсон – автор нескольких книг по вопросам образования в разных странах. Посетила колонию им. М. Горького в конце августа 1926 г. (или в начале сентября 1927 г., см. часть 1 данного издания, с. 234). В указанной книге на 4 страницах дается высокая оценка системы воспитания в колонии им. М. Горького и лично А.С. Макаренко см. с. 235 – 236).**

Песня сочинена и стала впервые исполняться в начале 1924 г. (см. по ее тексту: «Три года пролетели»).

[1] Фунт – старинная русская мера веса, равная 409,5 гр.

Постановление коллегии инспекторов ГСВ, 17 июля 1924 г.

По заявке колонии им. М. Горького об определении 9 подростков на рабфаки постановили:

Обратиться к Главпрофобру [НКП УССР] с ходатайством забронировать 9 мест для колонии им. М. Горького.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52, л. 100.

Телеграмма от т. Быковец, 24 августа 1924 г.

Полтава, Трудколония Горького, Макаренко.

Достал два места на рабфак ИНО, два на медицинский, три на геодезический, все в Харькове. Хлопцам с заполненными анкетами быть в Харькове во вторник. Испытания временно будут в Дергачах. Нужны карманные деньги на еду, переезды.

Быковец[1]

РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52, л. 102.

[1] *Быковец М.Н.* **– тогда главный инспектор украинской Охраны детства. Его родственница** *Быковец Мария Николаевна*, **изображена в «Педагогической поэме» как Мария Кондратьевна Бокова (см. часть 1 данного издания, с. 338).**

В Главпрофобр НКП УССР, 25 августа 1924 г.

При посещении летом с.г. т. Ряппо[1] трудовой колонии для правонарушителей им. Горького (под Полтавой) им было обещано дать места на рабфаках в наступающем [учебном] году выпущенным воспитанникам колонии.

Позднее к т. Ряппо по этому делу обратилась целая делегация из колонии, а именно: зав. колонией т. Макаренко и три хлопца (Чевелий, Шелухин и Лапотецкий). Тов. Ряппо на приеме (в середине августа) еще раз подтвердил свое обещание и предложил колонии срочно прислать список кандидатов на рабфаки.

Это и было исполнено колонией срочной почтой. Но из-за ухода т. Ряппо в отпуск вопрос остался нерешенным. Тов. Ряппо не оставил ни письменного, ни словесного распоряжения. Колония имеет семь (7) подготовленных воспитанников, которым уже два раза обещано зам. наркомом, и такие неисполненные обещания для всей колонии (а там дети – правонарушители) могут создать чрезвычайно нежелательное впечатление, не говоря уже о самой судьбе этих воспитанников.

Поэтому Главсоцвос просит Главпрофобр вступить в ходатайство перед соответствующими органами о выделении 7-ми мест на рабфаки (независимо от квалификации рабфака) для воспитанников этой колонии.

Врио Председателя Главсоцвоса Соколянский[2]

РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52, л. 101.

[1] *Ряппо Я.П.* **– деятель просвещения УССР, в 1921 – 1926 гг. зам. наркома просвещения, руководитель научно-исследовательский работой в области педагогики.**

[2] *Соколянский А.* **– педагог-дефектолог, специалист по педагогической компенсации врожденной слепоглухоты. В 1923 – 1924 гг. член президиума Гос. Научно-методологического комитета НКП УССР, зав. Опытной станцией Главсоцвоса в Харькове.**

Один из первых директоров НИИ педагогики в УССР (открыт в 1926 г.). Лауреат (совместно с Мещеряковым) Гос. Премии, посмертно. А.С. Макаренко намеревался изобразить его в «Педагогической поэме» как М.М. Воробьева (см. часть 1 данного издания, с. 337 – 338).

Телеграмма т. Быковец, 25 августа 1924 г.

Полтава, востребования. Макаренко.

Ряппо в отпуске. Хлопочу. Результаты обязательно сообщу.

*Быковец***.**

РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52, л. 101.

Телеграмма Я.П. Ряппо, 25 августа 1924 г.

Гурзуф Буюрнус Райгород Ряппо, 25 августа 1924 г.

Вы обещали 7 мест рабфаках воспитанникам колонии Горького. Подтвердите Главпрофобру телеграфом.

Предглавсоцвоса Соколянский

РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52, л. 102.

Резолюция зав. Окружной Комиссии помощи детям на уведомление завгубсоцвоса Киевщины[1] о приглашении А.С. Макаренко на «ответственную работу в Киеве»:

«Тов. Мизерницкому. Я считаю, что заниматься отзывами работников из Полтавы в Киев неудобно все же без ведома завгубно. Вообще же по существу т. Макаренко Полтавский губоно не отпустит. Завокрдет Н. Лондон». Август 1924 г.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 360, л. 2.

[1] Текст этого уведомления см. в части 5 дан. издания, с. 307.

Из протокола заседания Коллегии Главсоцвоса НКП УССР, 29 августа 1924 г.

Слушали: 9. О передаче мельницы колонии им. Горького.

Постановили: 9. Просить Коллегию НКП поддержать перед ВУЦИКом ходатайство колонии в передаче ей мельницы, которая находится в усадьбе колонии.

Председатель Соколянский

Секретарь Руссес.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52.

Этот и предшествующие документы свидетельствуют о большой помощи советской власти деятельности А.С. Макаренко, о поддержке его важнейших инициатив: укрепление хозяйствен-

но-трудовой базы его колонии, предоставление ее выпускникам через рабфаки получать высшее образование.

Одновременно это и свидетельство того, как А.С. Макаренко успешно использовал новые возможности государства и общества в творческом развитии педагогической теории и практики.

Всеукраинское совещание комиссий по делам несовершеннолетних правонарушителей, 3 – 15 октября 1924 г.

«Программа совещания».

1. Итоги работы комиссий по делам несовершеннолетних за 1920 – 1924 гг. Доклад председателя Всеукраинской комиссии т. *Берлин*[1]**.**

2. Материальная база комиссий по делам несовершеннолетних. Доклад инспектора Главсоцвоса т. *Качанова***.**

3. Методы борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. Доклад председателя Харьковской губкомиссии т. *Собатовича***, содоклад предс. Черниговской губкомиссии т.** *Набока***.**

4. Меры воздействия, которые необходимо применять комиссиям и основы, которых нужно придерживаться при выборе их состава, способы их осуществления. Доклад инспектора Главсоцвоса т. *Соколянского***, содоклад т.** *Макаренко***, зав. Трудовой колонией им. Горького в г. Полтаве.**

5. Подготовка дела для рассмотрения на комиссии по делам несовершеннолетних. Доклад предс. Киевской губкомиссии т. *Гинзбурга*[2]**.**

6. Организация детской милиции[3]. Доклад предс. Екатеринославской губкомиссии т. *Семенюти***.**

7. Опека и призрение несовершеннолетних. Доклад предс. Наркомсоцобеспечения, содоклад члена Николаевской окркомиссии т. *Муралевича***.**

8. Подготовка работников комиссий по делам несовершеннолетних. Доклад члена Всеукраинской комиссии т. *Ершова***, содоклад предс. Киевской губкомиссии т.** *Гинзбург***.**

9. Научная разработка материалов комиссии. Доклад т. *Мухиной*[4]**, опытная станция Главсоцвоса.**

10. Комиссии по делам несовершеннолетних и прокуратура. Доклад предст. НКЮ.

11. Охрана детства и комиссии по делам несовершеннолетних. Доклад Охраны детства Главсоцвоса.

12. Реформаториумы для несовершеннолетних и их будущее[5]. Доклад предст. НКВД.

13. О расширении прав и функций Комиссий по делам несовершеннолетних. Доклад предс. Черниговской губкомиссии т. *Набока***.**

С особым интересом и живостью обсуждались вопросы:

1. Место комиссий по делам несовершеннолетних в системе соцвоса. Подтверждено, что они являются одной из областей деятельности соцвоса и по своей структуре есть инспектура.

2. Учреждения для правонарушителей. Высказывались за передачу учреждений для правонарушителей в ведение комиссий по делам несовершеннолетних, опираясь на то, что проводя в

жизнь меры педагогического воздействия, для перевоспитания[6] несовершеннолетних комиссиям необходимо органически связываться с учреждениями для правонарушителей...

3. Детская милиция, ее организация – назревшая потребность. Для осуществления ее реальных возможностей необходимо опираться на советскую общественность, и в первую очередь на ячейки общества «Друг детей».

В резолюции: необходимо для правильной постоянной работы широкое втягивание во все свои мероприятия организованную советскую общественность».

Шлях освіты. Путь просвещения, 1924, № 10. Автор – «Б», укр. яз.

Материал показывает тогдашнюю масштабную работу с несовершеннолетними правонарушителями в Украинской ССР, а также видное место, которое занимал А.С. Макаренко в этой работе уже к осени 1924 г. Он был единственным из завколониями Украины, приглашенным на это совещание. Тезисы его содоклада (к докладу И.А. Соколянского) см. в части 1 данного издания, с. 123.

Одно из главных предложений, сделанных в его докладе, - «отказ от ремесленно-соцвосовского характера хозяйства колоний» - будет им развернуто в августе – сентябре 1925 г. в проект «крупного воспитательного предприятия» (см. часть 1 данного издания, с. 156 – 160). Так было положено начало расширению его опыта и значительному его распространению.

[1] *Берлин Роза Липовна* **– предс. Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних с янв. 1922 г. по ноябрь 1928 г., подруга Галины Стахиевны Салько (будущей жены А.С. Макаренко), сотрудницы по работе в комиссии по делам несовершеннолетних. В «Педагогической поэме» Л.С. Джуринская, «инспектор Наркомпроса».**

[2] *Гинзбург Е.И.:* **в начале 1920-х гг. она, И.А. Соколянский и А.С. Макаренко были приглашены «виднейшими киевскими чекистами» в качестве экспертов по улучшению организации колонии для беспризорных детей и несовершеннолетних правонарушителей [Отдел рукописей Гос. Российской библиотеки, ф. 447 – Жураковский Г.Е., лл. 27 – 28, Воспоминания И.А. Соколянского].**

[3] **Макаренковский опыт организации «детской милиции» см. по составленному им «Положению о детской милиции гор. Харькова» (осень 1927 г.: часть 3 данного издания, с. 360 – 361).**

[4] *Мухина Е.А.:* **А.С. Макаренко в «Педагогической поэме» предполагал ее изобразить как Комарову; характеристику см. в части 1 данного издания, с. 341. Потом сотрудница НИИ педагогики, аспирантка А.С. Залужного.**

[5] **Реформаториум: о макаренковском отношении к этому учреждению принудительного содержания наиболее «трудных» несовершеннолетних правонарушителей (их временного пребывания) см. в части 1 данного издания, с. 211.**

[6] **Общая установка в работе с несовершеннолетними правонарушителя на их «перевоспитание» принципиально расходились с педагогической идеологией и практикой А.С. Макаренко: он строил эту работу на основе целей и принципов «нормального»**

воспитания, не исключая и элементов перевоспитания, особенно в индивидуальном подходе и на первоначальном этапе пребывания новичков в коллективе своей колонии-коммуны.

Всеукраинское совещание по вопросам борьбы с детскими правонарушениями, 3 – 15 октября, 1924 г.

«Совещание открылось приветствием Предглавсоцвоса НКпроса УССР и представителя НКюстиции[1]. В деловой части общие вопросы: о расширении прав комиссии по делам несовершеннолетних, о взаимоотношении отделов Охраны детства, соцвосов и комиссий по делам несовершеннолетних, их функциях, об опеке (межведомственные неувязки).

Вопрос о детской милиции и институте «Сестер и братьев социальной помощи». Детская милиция создавалась в 1920 году в качестве публично-правового института, на государственной базе. На совещании вопрос о детмилиции вырос в вопрос об участии общественности в деле социального воспитания путем массового контроля и всепроникающей охраны несовершеннолетних через ячейки общества «Друг детей». Нужно немедленно приступить к организации детской милиции и детприемников...

Вопросы коллектива, а не просто среды. Всякий – член некоторого коллектива...

Особенный интерес вызвал доклад представителя Полтавской колонии имени Горького, достигшей в своей работе достаточно больших результатов[2].

Совещание признало необходимым расширить сеть вспомогательных учреждений, обеспечить подросткам колоний возможность поступления в техникумы, профшколы, на рабфаки и на работу...

Вопрос о реформатории. До сих пор это учреждение носило характер принудительно-трудового исправления и входило в общую систему мест лишения свободы. Они находятся в крайне неудовлетворительном состоянии. Совещание высказалось за новый тип реформатория – как учреждения медико-воспитательного. Эти учреждения должны входить в общую сеть учреждений соцвоса и находиться в ведении НКП...

О бюджете комиссий. Это должны быть не административные органы, а педагогические...»

Три съезда. Сборник статей по вопросам помощи детям. – Харьков. Изд. ж. «Друг детей, 1925 г., с. 31 – 42.

[1] В соответствии с первыми декретами советской власти правонарушения несовершеннолетних (до 18 лет) не подлежали судебному разбирательству, их рассматривали комиссии по делам несовершеннолетних, созданные при центральном и местных советах депутатов трудящихся. В конце 1920-х гг. (примерно с 1927 г.) несовершеннолетние стали привлекаться к суду по отдельным статья Уголовного кодекса, с направлением затем в обычные (открытые) детколонии.

[2] Предложенные в макаренковском докладе радикальные меры: игнорирование прошлых правонарушений несовершеннолетних, отрыв колоний даже от комиссий по делам несовершеннолетних, отказ от формальной борьбы с побегами, прием в колонию детей, не совершивших правонарушений и др., т.е. полная

«нормализация» учреждения данного типа, - не восприняты участниками совещания как необходимые и возможные (см. часть 1 данного издания, с. 123, п. 7).

Речь Г.И. Петровского на первом Всеукраинском съезде работников общества «Помощь детям», 7 октября 1924 г.

«Существует огромная разница между прежним «покровительством», филантропией и нашей работой... Наши работники занимаются государственной работой, и мы не при лишних средствах это делаем и не из лишнего альтруистического чувства. Мы делаем это по чувству долга и классового сознания... Мы хотим коренным образом избавиться от детской беспризорности, которая существовала и в прошлые времена... Мы делаем это через средства общественных организаций, вместе с государственной опекой...

Мы пробуем уже окрепших в трудовой советской дисциплине детей направлять в организованные для них сельскохозяйственные колонии... Мы стремимся их направлять в рабфаки, на промышленные предприятия, в советские учреждения, где им будет обеспечена работа... Мы от них ничего не скрываем. Все это глубоко облагораживает беспризорных детей...

Мы переживаем засуху, бедствия для крестьянства, голод. Мы организованно устранили тяжелую нужду, предотвратив более глубокие несчастья...»

Три съезда. Сборник статей по вопросам помощи детям. – Харьков. Изд. ж. «Друг детей», 1925, с. 5 – 10.

Петровский Г.И. **– председатель Президиума Верховного Совета УССР в 1919 – 1937 гг., председатель Центральной комиссии помощи детям (Деткомиссия, Помдет), межведомственного органа при ВУЦИКе, образован в декабре 1922 г.**

Пятый Всеукраинский съезд Охраны материнства и детства, 10 сентября 1924 г.

«Борьба с детской беспризорностью занимает в данное время одно из самых боевых мест на нашем «третьем фронте»... Сейчас, когда под лозунгом: «Помощь детям – памятник Ленину», - объединилась вся советская общественность...»

Три съезда. Сборник статей по вопросам помощи детям. – Харьков. Изд. ж. «Друг детей», 1925, фрагмент Предисловия.

Письмо Л.П. Сагредо неустановленному лицу, 25 июня 1925 г.

Николай Евгеньевич, прежде всего, простите мою дерзость, что я, не будучи с Вами знакома, обратилась к Вам с одной маленькой просьбой, но Вы очень хорошо знали моего брата Николая Петровича Сагредо, а потому, я считаю, мы не совсем чужие...

От Софьи Борисовны я знала, что Вам местопребывание М. Горького хорошо известно, а потому очень и очень прошу сейчас же сообщить мне его адрес самый точный и подробный, буду бесконечно признательна...

Я служу уже три года в колонии малолетних преступников им. Максима Горького в 7 верстах от Полтавы. Колония эта существует пять лет и пользуется большой популярностью у нас на Украине.

Так вот, заведующий нашей колонии Антон Семенович Макаренко во многие места обращался за адресом М. Горького, чтобы сообщить ему о существовании колонии его имени и пригласить к нам ближе познакомиться с детьми, которые долго бы еще валялись «на дне», если бы не такие учреждения и такие люди, как наш весь коллектив, а главным образом – заведующий, которые сумели вытащить их оттуда и показать другую жизнь.

В прошлом году и мы отправили на рабфаки 9 человек, а на этот готовим 15.

Мы делали из них людей, из этих недоносков и подкидышей! Я очень довольна, что вкладываю на это дело частичку своего труда...

Макаренко. Альманах. – М., 2011, № 2 / гл. ред. А. Кушнир, под ред. С.С. Невской, с. 6.

Сагреда Л. П. **– воспитательница-учительница в колонии им. М. Горького с сер. августа 1922 г. Окончила женскую гимназию; с 12-летним педагогическим стажем. (В начале в колонии «запасная воспитательница»).**

Полтава готовится к встрече делегации заграничных учителей. **Сообщается: делегация зарубежных учителей, 38 человек, из них 24 учителя народных школ, будет в Полтаве 25 или 26 августа, 1 день. Будут знакомиться с учреждениями наробраза. «Может быть, что делегаты осмотрят колонию им. М.Горького, детгородки, Пролетарский музей и некоторые трудшколы».**

Більшовик Полтавщины, 23 августа 1925 г.

Делегация зарубежных учителей в Харькове.

Сообщается: делегация посетила сельхозинститут, культурные учреждения Харькова. Ее приветствовал предс. Профсоюза работников просвещения А.М. Мизерницкий. С ответным словом выступил немецкий учитель-коммунист Ауслендер.

23 апреля вечером – осмотр культурно-просветительных учреждений и детдомов в Харькове и Люботине, осмотрели Дом просвещения, его библиотеку. Был дан концерт. Зам. предс. делегации Шмидт.

Затем делегация побывала на харьковских заводах. В наркомате просвещения ее принял зам. наркома Я.П. Ряппо, выступил профессор Крюгер.

Більшовик Полтавщины, 25 и 26 августа 1925 г.

5-летний юбилей трудовой колонии имени Горького. **Сообщается: юбилей праздновался 30 августа. Окрисполком отметил большую работу, проделанную колонией в области перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей.**

Отмечена также полезная работа зав. колонией т. Макаренко и других сотрудников, проработавших в колонии 5 лет без перерыва. Тов. Макаренко дается 2-масячная научная командировка. Другим сотрудникам даны подарки на 300 рублей.

Більшовик Полтавщины, 2 сентября 1925 г.

ДОКУМЕНТАЦИЯ ТРУДОВОЙ КОЛОНИИ ИМ. М. ГОРЬКОГО , ТРУДОВОЙ КОММУНЫ ИМ. Ф.Э.ДЗЕРЖИНСКОГО И ПЕРЕПИСКА, ОТРАЖЕННЫЕ В КОММЕНТАРИЯХ В 2-5 ЧАСТЯХ ДАННОГО ИЗДАНИЯ

(в «Дополнительных материалах»)

Часть 2, с. 404:

Телеграмма Л.З. Лемберта, 23 апреля 1924 г.

Часть 3, с. 362 – 364:

Телеграмма наркома просвещения УССР Шумского, нач. июля 1926 г.

Сообщение Харьковской окринспектуры НКП УССР, 14 декабря 1927 г.

Приглашение в колонию им. М. Горького, на 27 дек. 1927 г.

Постановление финансово-бюджетной секции Харьковского окрплана, 24 янв. 1924г.

Информация в периодической печати о пребывании А.М. Горького в колонии его имени.

Часть 4, с. 302 – 345:

Из акта обследования Полтавской колонии для малолетних правонарушителей, июнь 1921 г.

Письмо председателя Главсоцвоса НКП УССР Полтавскому губнаробразу, 4 авг. 1922 г.

Из отчета отдела дефдетства Главсоцвоса НКП УССР.

Из протокола заседания Малого президиума Полтавского окрисполкома, 9 июня 1923 г.

Из приказа по Полтавскому губгосконтролю, 21 июня 1923 г.

Обращение зам. предс. Главсоцвоса НКП УССР и главинспектора дефдетучреждений к Полтавскому губоно, 9 авг. 1923 г.

Постановление плановой комиссии Полтавского губоно, 8 сент. 1923 г.

Постановление Коллегии Главсоцвоса НКП УССР, 10 сент. и 20 сент. 1923 г.

Письмо зам. зав. колонией им. М. Горького областному инспектору детучреждений Харьковской обл., 30 дек. 1923 г.

Сообщение Главного комитета социального воспитания НКП УССР заведующему Полтавской трудколонией им. М. Горького, 19 апреля 1924 г.

Из протокола заседания Президиума Научпедкома НКП УССР, 24 июня 1924 г.

Публикации о колонии им. М. Горького, июль 1924 г.

Сообщение глав. Инспектора Охраны детства НКП УССР заведующим Полтавской и Дергачевской колониями, 29 авг. 1924 г.

Из протокола заседания инспекторской коллегии Главсоцвоса НКП УССР, 20 окт. 1924 г.

Из ведомости «Состояние сельскохозяйственных колоний Полтавской губернии», янв. 1925 г.

Акт обследования колонии им. М. Горького Полтавским губ. прокурором, 5 апр. 1925 г.

Сообщение председателя ВКОН в наркомюст УССР, 29 апр. 1925 г.

Из сообщения ВКОН Полтавской губкомиссии по делам несовершеннолетних, 31 июня 1925 г.

Обращение зам. зав. Колонией им. М. Горького в Центральную (Всеукраинскую) комиссию помощи детям, 12 авг. 1925 г.

Из протоколов совещаний Упрсоцвоса НКП УССР, 23 сент., 5 ноября и 3 дек. 1925 г.

Из протокола заседания ВКОН, 17 окт. 1925 г.

Ходатайства НКП УССР перед Совнаркомом УССР и др. организациями о переводе колонии им. М. Горького на Запорожье, янв. – март 1926 г.

Из тезисов к докладу предс. Полтавской комиссии по делам несовершеннолетних, 16 янв. 1926 г.

Письмо А.М. Горького к А.С. Макаренко, 24 февр. 1926 г.

Докладная записка зам. наркома просвещения УССР

Совету Народных Комисаров УССР, 25 марта 1926 г.

Из статьи в газ. «Харьковский пролетарий», 17 апр. 1926 г.

Документация различных организаций о переводе Полтавской трудколонии им. М. Горького в расположение Куряжской колонии им. 7 ноября, Харьков.

Заявление Н.Ф. Остроменцкой, 21 мая 1926 г.

Соглашение НКП УССР и других организаций о переводе колонии им. М. Горького в Куряж, май 1926 г.

Ходатайство зам. наркома просвещения УССР в ВУЦИК о финансовой помощи колонии им. М. Горького (до 8 июня 1927 г.)

Из акта обследования трудколонии им. М. Горького комиссией Харьковского горсовета 13 – 14 июня 1927 г.

Из статьи о колонии им. М. Горького, 28 июня 1927 г.

Записка зам. предс. Харьковского окрисполкома секретарю ОИК, 8 июля 1927 г.

Удостоверение, выданное А.С. Макаренко Харьковской окринспектурой наробраза, 9 июля 1927 г.

Исполнительный лист по определению Народного суда 13-го района г. Харькова, 22 июля 1927 г.

Решение Харьковского окрино о назначенном А.С. Макаренко зав. детскими интернатными учреждениями округа, 5 авг. 1927 г.

Акт анкетного анонимного опроса воспитанников колонии им. М. Горького, 13 авг. 1927 г.

Из постановления Президиума Харьковской комиссии помощи детям, 18 авг. 1927 г.

Записка председателя Мерефянского райисполкома

Выводы комиссии по обследованию колонии им. М. Горького (пер. пол. окт. 1927 г.)

Рапорт зам. зав. детколониями Харьковского округа и зав. производственной частью, 5 дек. 1927 г.

Справка о стоимости содержания одного воспитанника детучреждений округа.

Постановление Президиума Харьковского окрисполкома об увольнении А.С. Макаренко с должности зав. Управлением детдомов и колоний округа, 15 февраля 1928 г.

Из протокола заседания Президиума Харьковского окрисполкома, 20 февр. 1928 г.

Из протокола заседания Президиума Харьковской окружной комиссии помощи детям, 19 апреля 1928 г.

Из протокола заседания финансово-бюджетной секции Харьковского окрплана, 25 апр. 1928 г.

Из письма зам. наркома просвещения УССР (кон. апр. 1928 г.)

Из протокола заседания Президиума Харьковской окркомиссии помощи детям, 8 мая 1928 г.

В Президиум окрисполкома, ходатайство окринспектуры НКП, 6 июня 1928 г.

Публикация Харьковской газеты «Коммунист», 10 июля 1928 г.

Часть 5, с. 297 – 382:

Решение Полтавской чрезвычайной комиссии по защите детей, 18 июня 1920 г.

О публикации «Декларации Народного комиссариата просвещения УССР о социальном воспитании детей, 1 июля 1920 г.

О работе А.С. Макаренко в секции детских колонии Полтавского губоно.

Решение Полтавского губоно об открытии «Основного детского дома для морально-дефективных детей №7» 25 авг. 1920 г. Зав. им с 20 сент. – А.С. Макаренко. С лета 1921 г. – Трудовая колония для несовершеннолетних правонарушителей, с перспективой превращения ее в колонию для «нормальных детей».

Постановление Полтавской губернской комиссии по защите детей, 1 апреля 1921 г., о ремонте бывш. поместий Божко, Иловайского и Трепке, для благоустройства там детских колоний.

Представление Президиума Полтавского губисполкома комитету бедноты с. Ковалевка о содействии колонии малолетних правонарушителей в розыске и изъятии сельхозорудий и вещей бывш. имения Трепке (для обработки 50 десятин земли, отведенной колонии).

Обращение Полтавского губисполкома в губрабоче. – крест. Инспекцию о срочной выдаче денежных средств детской трудовой колонии в б. имении Трепке, 10 мая 1921 г.

Из доклада Полтавского губнаробраза о состоянии детских домов (19 – 20 мая 1922 г.).

Статья – репортаж «Колония им. М. Горького» в Полтавской газ. «Голос труда», 15 июня 1922 г.

Письмо к А.С. Макаренко неустановленного лица (видимо, К. Греся) в связи с приглашением А.С. Макаренко «взять на себя руководство делом социального воспитания на Южной жел. дороге», 22 июля 1922 г.

Из воспоминаний Е.Ф. Григорович: о письмах А.С. Макаренко в период его учебы в Институте организаторов народного просвещения, Москва.

Письмо к А.С. Макаренко масткома Крюковских вагонных мастерских, с приглашением заведовать Крюковской железнодор. школой, 2 марта 1923 г. и удостоверение И.Я. Кононенко по этому поводу.

Характеристика колониста-горьковца М. Шелухина, составленная «руководом Л.П. Сагредо», начало 1924 г.

Письмо «завгубсоцвосом Киевщины» (вероятно, Л.З. Лемберта) Полтавскому губнаробразу с предложением «использовать А.С. Макаренко на ответственной работе в Киеве», август 1924 г.

Ходатайство Центральной (Украинской) комиссии помощи детям перед ВУЦИКом о передаче машинной мельницы колонии им. М. Горького в арендное пользование, 30 авг. 1924 г.

Сообщение зам. наркома просвещения Я.П. Ряппо Полтавскому губисполкому о расширении колонии им. М. Горького и отпуске средств на ее ремонт, 28 окт. 1924 г.

Коллективное письмо колонистов-горьковцев А.М. Горькому, 12 июля 1925 г., в преддверии 5-летия колонии.

Из статьи о колонии им. М. Горького «Пишет Горький из Италии» в полтавской газете «Большевик». 12 авг. 1925 г.

Содержание сборника «5 лет работы с детьми-правонарушителями» (Полтава, лето 1925 г.), с в целом положительной характеристикой Г.Г. Ващенко деятельности колонии им. М. Горького и статьей А.С. Макаренко «Очерк работы Полтавской колонии им. Горького».

Из статьи Г.Г. Ващенко «Конференция работников учреждений социального воспитания закрытого типа в Полтаве», 15 – 16 янв. 1926 г., с противоречивой оценкой работы колонии им. М. Горького.

Информация полтавской газеты «Работник», 21 мая 1926 г., о переводе колонии им. М. Горького «на ст. Рыжов», под Харьковом, и «реорганизации ее во Всеукраинскую образцовую трудовую колонию для несовершеннолетних правонарушителей».

Письмо А.М. Горького председателю Харьковского окрисполкома с благодарностью за помощь колонии им. М. Горького в ее перебазировании в Куряж, опубликовано в газете «Харьковский пролетарий», 16 июня 1926 г.

Из очерка И. Байкова «В гостях у горьковцев» в газ. «Юный ленинец», 9 авг. 1926 г.

Из постановления коллегии ГПУ УССР 9 апр. 1927 г. об «увековечивании памяти т. Дзержинского организацией социально-культурного учреждения для борьбы с детской беспризорностью посредством трудового воспитания…»

Из статьи «Анри Барбюс в Харькове. Посещение колонии малолетних правонарушителей им. Горького» в харьковской газете, 4 окт. 1927 г.

Из статьи «Анри Барбюс в Харькове. В колонии им. Максима Горького» в газ. «Комсомолец Украины», 6 окт. 1927 г.

Протокол осмотра «вновь отстроенного здания Трудкоммуны им. Дзержинского», 21 – 23 дек. 1927 г.

Надпись А.М. Горького на его портрете, подаренном А.С. Макаренко, 17 марта 1928 г.

Письмо Г.С. Салько А.С. Макаренко, 23 марта 1928 г.

Репортаж «Харьковская пионерия в подходе» в газ. «На смену», 7 июня 1928 г., о военизированной игре с колонией им. М. Горького.

Из воспоминаний Н.Т. Поповиченко, о желании А.С. Макаренко летом 1928 г. перейти на работу в Ленинград.

Удостоверение, выданное А.С. Макаренко 14 сент. 1929 г., о его работе зав. колонией им. М. Горького с 3 сентября 1920 г. по 3 сент. 1928 г.

Из переписки Г.С. Салько и Л.М. Салько, 7 окт., 3 и 10 ноября 1928 г.

Из «Выводов и предложений», сделанных комиссией по обследованию интернатных детских учреждений г. Харькова и Харьковского округа, нач. апреля 1929 г., с предложением передать окрино «руководство школьно-воспитательной работой а коммуне им. Ф.Э. Дзержинского».

Письмо московского гороно, 22 дек. 1929 г., с приглашением А.С. Макаренко заведовать «индустриально-ремесленной школой-коммуной».

Статья «В ряды ЛКСМУ!» в стенгазете «коммунаров-дзержинцев», окт. 1930 г.

Июль 1931 г. – А.М. Горький получает из Госиздата рукопись «Марша 30 года», по его запросу.

Из писем Л.М. Салько к Г.С. Салько, 25 авг. и нач. сент. 1931 г.

Из протокола общего собрания коммунаров, рабочих и служащих, педагогов, инж.-техперсонала коммуны, 9 янв. 1932 г.

Статья «Дзержинцы» в газ. «Коммунист», 10 янв. 1932 г. – о торжественном пуске коммунарского завода электросверл.

Из писем Л.М. Салько к Г.С. Салько, 12 – 13 и 18 марта 1932 г.

Письмо Наркомпроса Крымской АССР, 6 авг. 1932 г., приглашение А.С. Макаренко заведовать «орг.-учебной частью трудовой колонии в Тавеле».

Из письма М.М. Букшпана И.П. Судакову, 20 авг. 1932 г.

Из письма Г.С. Салько к Л.М. Салько, 22 авг. 1932 г.

Весна 1933 г.: докладная записка А.С. Макаренко, в Наркомпрос УССР, о создании им школы-интерната для «нормальных» детей, из семьи.

Из писем Г.С. Салько к Л.М. Салько, 19 авг. и 9 сент. 1933 г.

21 сент. 1933 г.: передача А.С. Макаренко А.М. Горькому в Москве рукописи первой части «Педагогической поэмы». 26 сент. – получение А.С. Макаренко горьковского решения о ее издании.

План работы Совета командиров коммуны дзержинцев на 30 сент. – 29 окт. 1933 г.

Из писем Г.С. Салько к Л.М. Салько 19 и 27 дек. 1933 г.

Сведения о хозяйственном состоянии коммуны им. Дзержинского на 1 янв. 1934 г.

Постановление УССР 24 июня 1934 г. о перемещении столицы республики из Харькова в Киев.

Содержание двух страниц газ. «Комсомолец Донбасса» о коммуне им. Ф.Э. Дзержинского (со статьей А.С. Макаренко. «Такова наша история»), 24 августа 1934 г.

Из писем Г.С. Салько к Л.М. Салько, кон. авг. 25 и 30 сент., 29 ноября и 18, 27 дек. 1934 г.

План работы клуба коммуны дзержинцев 15 марта – 1 мая 1935 г.

Статья в газ. «Большевик», Киев: Герои «Педагогической поэмы», укр. яз.

Из писем Г.С. Салько к Л.М. Салько, 15 июня и 9 сент. и 9 ркт. 1935 г.

Из докладной записки Харьковского облуправления НКВД, 25 июля 1935 г.

О приказах по школьному комбинату коммуны им. Дзержинского 8 окт. 1935 г. – 10 июня 1938 г. и приказах по ее учебно-воспитательной части 13 янв. – 31 авг. 1936 г.

Корреспонденция «Творческий вечер писателя Макаренко» в газ. «Большевик», 16 мая 1935 г.

Лето 1936 г., начало работы А.С. Макаренко над «Книгой для родителей».

Приказ наркома НКВД УССР, 29 июня 1936 г., о «Выпуске 255 лучших воспитанников» украинских трудкоммун и трудколоний.

Публикации в «Литературной газете», Киев, 30 июня 1936 г., в связи с кончиной А.М. Горького (с публикацией статьи А.С. Макаренко).

Статья В.Н. Колбановского в ж. «Красная новь», 1936 г., № 6, о «Педагогической поэме» (третьей ее части).

Постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов», 4 июля 1936 г. (публ. 5 июля).

Коллективное письмо 65 писателей «Творить, как Горький», в ж. «Литературная критика». 1936, № 7 (в том числе А.С. Макаренко).

ДОПОЛНЕНИЯ
К АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ
А.С. МАКАРЕНКО 1922-1935 ГГ.
(в частях 1 – 4 данного издания)

Автобиографическая документация А.С. Макаренко 1922 – 1935 гг.

Письмо-рекомендация, данная А.С. Макаренко Полтавским губнаробразом, 25 августа 1922 г.

Удостоверение, выданное И.Я. Кононенко. 17 марта 1923 г.

Из протокола заседания малого президиума Полтавского окрисполкома о праздновании 5-летия колонии им. М. Горького, 24 августа 1925 г.

Мандат, выданный А.С. Макаренко окринспектурой Харьковского наробраза о реорганизации детских интернатов округа, 6 июля 1927 г.

Удостоверение, выданное А.С. Макаренко окринспектурой Харьковского наробраза для ознакомления с работой совхозов Харьковского округа, 9 июля 1927 г.

Членский билет А.С. Макаренко, члена Союза советских писателей, 1 июня 1934 г.

Удостоверение А.С. Макаренко – депутата, члена Дзержинского райсовета г. Харькова, 8 июня 1935.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

к данным выше дополнительным материалам, во 2-5 частях данного издания

Часть 2
Гинзбург Е.И.
Григорович Е.Ф. – 28, 132, 138, 264,336,359
Куриловская О.П.
Куриловский М.Ф.
Лемберт Л.З.
Соколянский И.А. – 43,65,70,71,73,74,258
Часть 3
Довгополюк М.Л.
Дымный М.
Евдокимов
Ефимов В.
Зякун
Иваненко О.Д.
Ильяшенко
Коваль Т.Н.
Котельников М.Н.
Соботович
Сухарев М.Я.
Фельшинская
Фере Н.Э.
Шумский А.Я.
Часть 4
Ададуров
Адлер А.
Арнаутов В.А.
Архангельская З.П.
Балуева Е.М.
Берлин Р.Л. – 135
Блонский П.П.
Богданович С.Я.
Бузина А.Я.
Бутвин
Быковец Мария Н.
Быковец Мих. Н.
Вайнер
Величко Е.В.
Весич В.А. - 137
Весич Е.М.
Выготский Л.С.
Высочин
Гаврилин Т.Д.
Ганджий
Глупова А.Ф.
Говорецкая О.Т.
Горький А.М. – 46, 47, 49-51, 53, 69, 73, 76, 79, 80, 83-85, 120, 122, 123, 136, 155, 160-163, 165, 167, 169, 189, 251, 257-263,265-276
Гребенюк
Григорович Е.Ф. – 137, 168, 275
Джемс У (В.)
Джемсон Л.
Довбищенко С.Е.
Долганов
Ермоленко В.И.
Зайчик
Залужный А.С. – 15, 128, 137, 138
Збировский (Сбировский) – 150
Золотарев Ю.
Калюжный Д.С.
Канторович С.И.
Качанов
Квитковский
Кириченко
Коваль Л.Т. – 122, 137, 146
Костерин
Ланцуцкий
Лещинский
Липовой
Лозинский С.О. – 137
Мак-Доугалл В.
Малюцкий С.Т.
Марьенко
Махно Т.Д.
Мизерницкий А.М.
Миколюк А.
Мовшович
Мороз
Мороз Н.
Мостовой П.
Николаенко М.П.
Новиков Г.А.
Ольшанский Б.
Остроменцкая Н.Ф. – 42
Охмацкий П.И.
Пивень
Пляченко
Поповиченко В.И.
Потапенко
Привалова
Приходько
Протопопов В.П. – 133
Ракович О.П.
Розовский – 167
Руссес
Рябченко
Ряппо Я.
Сагредо А.П.
Салько (Макаренко) Г.С. – 44, 45, 51, 55, 56, 71, 72, 76, 77, 84, 162, 164, 166, 171, 177, 180, 219, 225, 232, 234, 243, 246, 247, 253, 254, 257
Сербиков А.Л.
Сергеев
Слабвенко
Солодуб
Стебловский Е.Ф.
Тапуць Б.М.
Тарапата С.Е. – 130
Татаринов Т.Д. – 44, 63, 130
Татаринова В.Н.
Тевелев М.
Топорков
Троттер
Улищенко С.М.
Урец
Файбишев
Фарбер
Фиш
Фрейд З.
Фрейман
Халатов А.Б.
Чаплян Н.Д. – 135
Чернявский
Шапиро
Шелудько
Шилов
Шэнд
Яковлев – 136, 142

Яновская
Часть 5
Аврутин
Агеев А.
Агнивцев
Акимов
Андреев
Антонович
Аристотель
Арямов И.А. – 93, 182, 186
Ахматов Л.С. – 50, 67, 71, 105
Байков И.
Балджи
Балицкий В.А. – 50, 66, 67, 69, 71, 78, 106, 175, 176, 212
Барбаров П.О.
Барбюс А.
Бачинский
Бегельфер
Бельский П.Г.
Бенексон
Бехтерев В.М.
Бине А. – 186
Блат И.М.
Бобина М. – 106
Боков
Болотин И.М.
Борискина К.Т.
Борисов Ф.
Боярчук
Бродский
Броневой А.О. – 106, 224, 227
Броневой С. – 106
Бубнов А.С. – 73, 74, 230
Букшпан М.М. – 71, 106, 176
Букшпан Т. – 105, 176
Булдченко
Бухарин Н.И.
Васильев Г.М.
Васконселюс Ф.
Вахранев (Вахламеев) Ф.К.
Ващенко Г.Г.
Вейсберг
Векслер
Векслер Л.
Вехова
Владимирская Л.
Владимирский А.В.
Вовченко И.
Володина
Выготский Л.С. – 182, 186
Гаврилин И.Д.
Гаенко – 106
Гапеев А.
Гершанович
Глебов
Глезер
Глупов (Крупов)
Гольдберг Д.
Горбунов Н.А.
Горьковский
Грабаров
Гресь К.
Гросицкий
Грушев
Гуляев А.
Гурлит Л.
Денисенко И.
Джуринская П.Е.
Дидоренко
Дидоренко С.А. – 51, 59, 132, 225, 227
Добродицкий
Дорошенко
Д-р Гая К.
Дроздюк П.
Дубовик А.
Дюшен В.М. – 44
Жданов А.А.
Журавлев
Журахович
Зайко
Зайцев В.
Залкинд А.Б.
Захожай А.
Звягин Ж..
Зорин
Зотов А.
Зубенко Е.
Иванов
Иванов В.
Иванов И.
Иорданский Н.Н.
Иткин
Каллуновский М.
Карлсон К.М. – 76,175, 176,
Касьяненко
Клюшник В.И.
Клямер З.С.
Коган С.Б. – 66, 225, 227
Кодессон
Козырь В.
Колбановский В.Н. – 182, 183, 185, 186, 239
Колесникова
Колос И.Г.
Конисевич Л.В. 187, 188, 227
Кононенко И.Я.
Кононенко К.С. – 158, 229, 254
Константинов Н.А.
Короленко
Кочубиевский
Кропачев
Крупка
Крупская Н.К.
Крючков П.П.
Куксов
Кулагин
Курянчик
Куслий П.Ф.
Куслий Ф.
Лазарева
Левченко Г.
Левшаков В.Т.
Ледак Н.
Ленин В.И.
Ленобль Т.
Мазуренко
Макаревич
Макаренко В.С.
Макаренко О.В. (Л.В.) – 72, 240
Матвеев
Матусов
Медведев С.
Мельник А. – 68
Метров
Мизяк С.
Моложавый С.С.
Мусатов
Никитин
Нисятин
Носалевич
Овчинников
Оселок П.А. – 105
Остриков
Павленко П.

Пелипец
Перфильев
Перцовский П.Е.
Петровский Г.И.
Пивень М.
Погребинский М.М.
Полупаева-Рудич А.
Полупаева-Рудич И.
Пономарев
Поповиченко Н.Т.
Порайко
Преслер Н.
Примаков В.М.
Пунченко Н. – 105
Разумовский Н.П.
Ракович И.П.
Ребик
Редько
Романов
Руденко Г.
Русаков
Рыжик
Рыклин Г.
Ряполов
Савчук Н. – 105
Сагредо Л.П.
Салько Л.М. – 39, 45, 60, 61, 63, 66, 70, 71, 73, 74, 76, 100, 101, 106, 107, 119, 120, 122, 131, 132, 136, 137, 140, 141, 213
Самодуров
Свадковский И.Ф.
Сенюкин
Симон
Синенький
Сирота М.
Скребнев
Сличенко
Соколов
Соловьева Е.
Сопин И.
Стегний
Сторчакова
Судаков И.П.
Суржик П.А.
Сучкевич
Сычева
Таликов
Таликов П.
Тепер И.Я.
Теренин
Теренина
Терентьев
Терентюк Д.Ф.
Терский В.Н. – 177, 178, 226, 227, 235
Ткачук И.
Токаренко В.
Тренева Е.П.
Трифонов
Угнивенко В.
Файнергольц Л.Н. – 100
Филатов
Фомичев
Френкель Я. – 105
Харламова О.
Харчин Я.
Хрущ
Чабан
Чарский
Чарский
Чеботарев
Чевелий А.А.
Чевелий Д.А.
Чуйко В.
Шацкий С.Т.
Швед С. (А.), Н.
Шверник Н.М.
Шелгунов В.А.
Шелухин М.
Шимбирев Н.И.
Шмигалев В. – 106, 223
Шульгин В.Н.
Элькин Е.Д.
Явлинский
Ягода Г.Г. – 55, 56 , 58, 71, 176
Яковлев В.И.
Яновский
Яхонтов

АВТОРСКИЕ МАТЕРИАЛЫ А.С. МАКАРЕНКО: О ПЕДАГОГИКЕ «СТАРОГО ОБЩЕСТВА» И О СВОЕЙ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДО СЕНТЯБРЯ 1920 Г.

1. Педагогика «старого общества», ее социально-гуманитарные основы, история.

«История солидарности вырастала в человеческой истории с самых первых ее страниц. Как только человек поднялся над животным миром…

К солидарности человечество пробивалось не только через темноту невежества и нищету, но и через блеск растущей цивилизации, ослепительные вспышки человеческих изобретений и науки.

В этих условиях выросли и окрепли тезисы собственности, покупки и продажи, формализм религии и анархия индивидуальной воли, исторические привычки классового устройства.

Для идеи солидарности тем более было трудно найти для себя пути, потому что она никогда не была в интересах правящих классов, а следовательно, и в интересах науки и искусства. Она жила в тлеющих неясных стремлениях, в полусонном социальном институте, в рядах плебса и пролетариев.

А в это время мир, построенный на жадности, выработал не только «сильные характеры» владык и миллиардеров, но и правила всеобщей толкотни, то, что называется в истории законностью, государством, демократией, цивилизацией, вырабатывал буржуазную так называемую «культуру».

В известной мере она давала силу проповеди солидарности, она сообщала ей страсть и культуру мысли и слова, она находила огненные принципы справедливости…

Исторический путь идеи солидарности – это путь ошибок и фальсификации. Так была создана с христианских времен Цезарей и Флавиев проповедь бездеятельной любви и нищеты, солидарности терпения и непротивления.

Потом родились идеи Великой французской революции, чуть-чуть коснувшиеся вековых стремлений к общечеловеческой солидарности… На смену им пришли идеи утопического социализма, а позже анархизма, идеи солидарности, подкрепленные наивной верой в мощь человеческого сознания и свободы, но не подкрепленные винтовкой.

И только кодекс железных [общественных] законов, открытых Марксом, гений борьбы Ленина и конструктивного творчества Сталина, гений народов СССР дали в распоряжение идеи солидарности великие силы». (*Часть 5 данного издания, с. 150 – 151.)*

Комментарии к этому и всем последующим текстам в данном разделе книги см. в приведенных ссылках на № части и страницы.

«Классовая борьба как необходимая форма общественного развития с древних времен должна была явиться стимулом для создания добровольных социальных объединений…

Такие объединения должны были возникать и возникали не только в среде угнетенных классов, но и классов угнетающих. Рабские заговоры, феодальные цеховые союзы, рыцарские армии… одинаково могут служить примером объединения по добровольному принципу…

В группе купцов, объединившихся в компанию, человеческая личность по отношению к другой личности занимает позицию нормального мирного сотрудничества. Но поскольку деятельность такой группы по отношению к целому человече-

скому обществу является деятельностью по существу препятствующей объединению человечества, - будет правильнее назвать принцип такого добровольного объединения групповым принципом.

Члены подрядной артели принципиально признают различие в положении своем и подрядчика [хозяина]… Вследствие этого у членов артели образуется ограниченное представление о едином коллективе артели, слово «коллектив» к такой артели, собственно говоря, и неприложимо…

Ни в коем случае не будет коллективом семья во главе с отцом-самодуром или дворянская семья, допустим, даже утверждающая равенство ее членов, но по отношению ко всему обществу занимающая бездеятельную потребительскую групповую позицию». (Часть 3, с. 50 – 51).

«Воспитание в буржуазном обществе – это воспитание отдельной личности, приспособления ее к борьбе за существование… Должны сообщаться качества, необходимые в такой борьбе: качества хитроумия и жизненной дипломатии, обособленного борца за самого себя…

Как мы, старики, учились? Нам на каждом шагу говорили, что ты будешь зависеть от богатого класса, от царского чиновничества, это пропитывало всю суть нашего воспитания.

И даже когда говорили, что богатый должен помогать бедным, то в этом, казалось бы, таком прекрасном требовании, в сущности, заключалось определенное указание на ту зависимость, какая существует в жизни между богатым и бедным… Я, бедняк, являюсь объектом благотворительности.

В этом заключалось глубокое внушение той системы зависимостей, которая существовала в жизни. Зависимость от состояния, от доброй воли, от богатства, от милостыни и жестокости… От эксплуатации и несправедливого распределения жизненных благ». (Часть 6, с. 307 – 308).

«Деньги! Изо всех изобретений человечества это изобретение ближе всех стояло к дьяволу. Ни в чем другом не было такого простора для приложения подлости и обмана, и поэтому ни в какой другой области не было такой благодатной почвы для произрастания ханжества…

В старом мире каждый накопитель не мог не быть ханжой в большей или меньшей степени… Самые матерые эксплуататоры научились пожимать рабочие руки,…а навыки благотворительности и меценатства сопровождать солидно уверенной скромностью…

В буржуазном обществе старались в тайне хранить финансовые источники семейного богатства. В этом обществе родились потуги отделить детство от денег, именно здесь делались глупые и безнадежные попытки воспитания «высоконравственной личности» эксплуататора. В этих попытках проекты идеалистического альтруизма, какой-то мифической «доброты» и нестяжания были, в сущности, школой того же утонченного ханжества». (Часть 5, с. 258 – 259).

«Раньше в зажиточных семьях к труду вообще не нужно было готовить, а нужно было готовить к той самой эквилибристике, благодаря которой так удачно обходилась десятая [христианская] заповедь. В семье пролетарской к труду нужно было готовить как к особого вида проклятию…

Несмотря на весь цинизм Ветхого завета, он все же не решался включить труд в число моральных законов… Евангелие еще меньше заботится о труде… Именно отсутствие труда было моральным идеалом и на том свете, и на этом…

«Добрый» бог в своем первом проекте мироздания, как известно, даже не помышлял о труде как необходимом элементе мира, а начал прямо с Эдема – человеческое общество в его представлении было обществом нетрудовым…

В первобытных баснях о мироздании человечество правильно высказывалось о подневольном труде, труде исторических эпох эксплуатации.

Когда труд – проклятие, …когда сотни и тысячи бездельников живут богаче и счастливее трудящихся, тогда возникает в обществе идея «беззаботного детства»… Пусть хоть дети будут освобождены от проклятия!». (Часть 5, с. 115).

«В обществе, основанном на эксплуатации, труд реально мотивируется как тяжелая необходимость, как реализация библейского приговора: «В поте лица будешь добывать хлеб свой». Этому закону подчиняется не только труд простой, но и труд высококвалифицированный, в том числе и труд интеллигенции…

Как правило, творческая инициатива может принадлежать исключительно буржуазии, и настоящая логика этой инициативы, этого творчества скрывается от трудящихся масс самым хитроумным и тщательным образом… Это «творческая логика» хорошо известна трудящимся и вызывает у них открытое отвращение, символически выражаемое во всеобщей забастовке, т.е. в демонстративном отказе от труда». (Часть 5, с. 128 – 129).

«В старом мире моральная высота была уделом редких подвижников… Собственно говоря, было две нормы. Одна парадная, для нравственной проповеди и для специалистов – подвижников, другая для обыкновенной жизни и для «умных» людей… Здесь измерителем нравственности была не нравственная высота, а обыкновенный житейский грех.

Так и считали: все люди грешат, и ничего с этим не поделаешь. Грешить в меру – это и было нормой. Обыкновенная нравственность не выходила за границу среднего греха, не настолько тяжелого, чтобы быть уголовщиной, и не настолько слабого, чтобы заслужить обвинение в простоте, которая, как известно, «хуже воровства». (Часть 5, с. 270).

«Никогда еще педагогика эксплуататорского общества не могла похвалиться сколько-нибудь заметным изобретением в области воспитания… Выходили и воины, и фабриканты, и рабочие, и крестьяне. Одни были «в меру» своекорыстны, накапливали [добро], богатели, но на улице не хватали людей за горло. Другие были «в меру» послушны и если иногда и дерзили, то с соблюдением правил демократии.

Правда, очень часто происходили «конфузы»: честные джентльмены оказывались мошенниками… Люди религиозные и даже для религии, предназначенные вдруг оказывались самыми настоящими циниками и низвергателями. Послушные рабы то и дело восставали и обнаруживали настойчивое желание в пух и прах разнести весь «благородный» цивилизаторский мир». (Часть 3, с. 52 – 53).

«Человек прошел длинную историю развития, и развивался он не только как зоологический вид, но и как общественное существо.

В истории этого развития давно выработаны человеческие идеалы для многих сторон нравственности, и в том числе идеалы половых отношений человека.

В классовом обществе эти идеалы сплошь и рядом нарушаются в угоду интересов правящих классов.

Такие нарушения мы знаем и в форме семьи, и в положении женщины, и в деспотической власти мужчины.

В некоторых странах происходит настоящая покупка и продажа женщин; знаем мы и многие исторические формы многоженства, когда женщина рассматривается только как предмет наслаждения мужчины; знаем о существовании такого безобразного явления, как проституция, когда мужчина просто на короткое время покупал ласку женщины; знаем, наконец, принудительные рамки семьи, когда мужчина и

женщина принуждаемы были жить вместе независимо от того, хотят они этого или не хотят». (Часть 6, с. 110 – 111).

«…В старое время эти вопросы: [авторитет, дисциплина, свобода в семье] - разрешались при помощи пятой заповеди: «Чти отца своего и матерь твою и благо ти будет, и долголетен будеши на земли»…

Почитание родителей действительно сопровождалось получением материальных благ, - разумеется, если родители сами обладали этими благами. А если не обладали, то в запасе оставалось царство небесное…

На всякий же случай пятая заповедь допускала получение благ со знаком минус. На уроках закона божьего батюшки особенно подчеркивали этот вариант, который звучал приблизительно так: «Чти отца твоего и матерь твою, а если не будешь чтить, за последствия не отвечаем».

Последствия приходили в виде ремешка, палки и других отрицательных величин. Батюшки приводили исторические примеры: в случае непочтения к родителям или к старшим господь бог не склонен к мягкотелости. Хам за непочтение к отцу поплатился серьезно за счет всех своих потомков, а группа детей, посмеявшихся над пророком Елисеем, была растерзана волчицей…

Мы дети, это видели. Божеский террор нас не очень смущал: господь бог, конечно, был способен на все, но что волчица приняла такое активное участие в расправе, нам как-то не верилось… И на земле было достаточно охотников с нами расправляться». (Пед. соч. в 8 т., т. IV, с. 149).

«…Пушкин и теща… Белоподкладочники и кисейные барышни. Наше старое студенчество… Городничиха и ее дочь… «Болезни» старых и новых терминов… Тургеневская женщина. Другая ли идеология?... Материальная необеспеченность – лучше. Дети времен Гражданской войны – лучше… Старшие дети – лучше… «Диалектика чувств» Дзержинского. Изнеженность – признак упадка класса… Семья Ленина, Дзержинского и др…. Непротивленчество – самая нестойкая защита… Иудушка Головлев… Благородность и революция… Отношение тургеневской женщины к труду… Горький… Дети вождей… Интимный Пушкин… С. Перовская… Барское отношение к труду… Эллочка… Эссен… Демьян Бедный…». (Часть 5, с. 160 – 171; Пед. соч. в 8 т., т. 5, с. 279 – 280).

«Дети в старом обществе, в капиталистических странах – это один из объектов частного владения…

Детей, выросших в некоторых даже значительных материальных затруднениях, воспитать легче… Во многих семьях, где в лучшую сторону резко изменилось материальное положение, старшие и младшие дети разные и старшие лучше…

Ф.Э. Дзержинский в своих замечательных письмах говорит: «Избалованные и изнеженные дети, любые прихоти которых удовлетворяются родителями, вырастают выродившимися, слабовольными эгоистами…

Я – не аскет. Это лишь диалектика чувств, источники которой – в самой жизни и, как мне кажется, в жизни пролетариата»…

Избалованность и изнеженность – качества, совершенно чуждые нашему обществу… Это надо отнести к области пережитков, вынесенных из старого мира, пережитков тяжелых и вредных, характеризующих буржуазное общество, одно из смертных его грехов…

В дореволюционное время передовая революционная молодежь боролась с личной жадностью. В то время было резко противопоставлены две классовые группы: «белоподкладочные студенты» - синоним «черной сотни» и «кисейные барыши» - синоним суетности и умственной ограниченности; прогрессивное революционное студенчество, для которого сознательно ограничить себя, ходить бедно одетым, по-

казать свое презрение к мишуре – это значит бросить вызов буржуазному обществу. Вопрос был ясен и решался классовой принадлежностью…

Пренебрежение к деталям хозяйственной деятельности человека и разделение труда на две категории: «высшая и низшая», достойная и недостойная внимания культурного, образованного человека, - это глубоко барское, буржуазное отношение к труду…

Наши и иностранные писатели много таланта, писательской интуиции и прозорливости истратили на изображение психологии преступников, мотивов преступлений и пороков, граничащих с преступлением. Взять только одного Достоевского… Пушкин, Толстой, Шекспир, Мопассан, Салтыков-Щедрин вскрывали, каждый по-своему, тайны преступников и преступлений…

Надо сказать, что большинство писателей старались найти в темной душе преступника тот светлый уголок, оазис, благодаря которому и преступник остается человеком. Часто это бывает любовь к детям…

Я не могу вспомнить сейчас ни одного произведения, где была бы [описана] психология отца или матери, добровольно отказавшихся от своих родительских обязанностей, бросивших своих детей на произвол судьбы.

Правда, описывались брошенные «незаконные дети», «тайный плод любви несчастной несла на трепетных руках», но и в таких случаях вопрос был предопределен классовым делением общества: бросивший крестьянскую девушку с ребенком совсем и не считал себя отцом.

Нехлюдов только в порядке «толстовского» просветления почувствовал свою вину перед Катюшей! Ведь без нарочитого авторского замысла Нехлюдов даже забыл бы, что такая Катюша была…

В буржуазном обществе есть своя, крепко установившаяся мораль и этика. Она вдалбливается с колыбели семьей, школой, книгой, религией.

Идеалы моралистов очень плохо увязываются с буржуазным бытием, но, тем не менее, для приемлющих буржуазную этику можно найти ответы по любым вопросам морали и этики…» (Часть 8, с. 142 – 150).

«…Этические религиозные системы, в частности, христианская… Эта система родилась гораздо раньше официальной церкви, родилась в среде подавленных и порабощенных классов, в эпоху отчаяния.

Это была их попытка утвердить хотя бы самые малые признаки своего человеческого достоинства… Люди решались на самоубийственную попытку найти свободу в пессимистическом индивидуализме, в полном отказе от борьбы, от сопротивления,…от счастья…

Существенным здесь является полное безразличие отдельной личности к интересам общества, решение морального вопроса в пределах узкого индивидуального устремления… «Не судите, да не судимы будете…» Не требуй ничего ни от других, ни от себя, а нагрешишь, - всегда успеешь покаяться.

Подобная нравственная система была необходима для того, чтобы классовое подавление, всеобщая и ничем не сдерживаемая эксплуатация могли существовать с «чистой совестью» и наибольшими успехами…

Христианская этика не интересовалась вопросами труда и трудовой честности. «Посмотрите на птиц небесных, они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, а живут». (Часть 8, с. 202 – 204).

«Я под христианством понимаю все то, что выросло на христианской почве. Я к христианству отношу всю европейскую цивилизацию, эту европейскую этику, которая выявляется не только в православии или в католике, а и в еврее или магометанине. Это накопленная двухтысячной историей этическая жизнь классового общества. Это самая страшная груда пережитков…

Я думаю, что не может быть идеального совершенства в вопросах этики… Максимализм [этических требований] при всей прочей христианской инструментовке кажется даже близко стоящим к какому-то серьезному требованию. И рядом тут же – всепрощение, полная нетребовательность к человеку. И максимализм повисает в воздухе». (Часть 8, с. 234 – 236).

«Нельзя не вспомнить капитана Скотта, погибшего с товарищами на обратном пути с Южного полюса в марте 1912 г. Нельзя не преклоняться перед его мужественным подвигом, нельзя не восхищаться этой большой человеческой личностью.

Но, когда перечитываешь предсмертные записки и письма капитана Скотта, поражает его одиночество, тоска, трагизм, фатально сопровождающие героизм таких людей.

Так становится ясно, что нравственная атмосфера капиталистического общества – созданные веками традиции разобщения, конкуренции, наживы, спортивного ажиотажа – не могла вместить одинокий героизм личности.

Между этим героизмом и так называемым обществом всегда стоит «некто в цилиндре», и его присутствие отравляет человеческий подвиг, прежде всего в самой центральной идее, и идее цели.

Эта драма происходит не только в характере организации. Экспедиция Скотта была прекрасно организована по тогдашнему времени, и все же величие его усилий заранее было опорочено ничтожным нравственным содержанием цели.

Поэтому так незаслуженно легко подвиг Скотта и его товарищей в их собственных глазах потерял всякую цену, когда они нашли на Южном полюсе флаг Амундсена…

«…Норвежцы нас опередили… Страшное разочарование… Конец нашим мечтам, печальным будет возвращение… И вот мы повернулись спиной к цели наших честолюбивых стремлений, и перед нами 800 миль пешего хождения с грузом. Прощайте, золотые мечты!»…

Становится одинаково жаль и Скотта и Амундсена, и победителя, и побежденного, потому что на первый план в наших впечатлениях выступает их героическое одиночество…

В момент предсмертной тоски Скотт должен рядом с уже умершими друзьями писать просительные письма о жене и сыне. Нет единства со своим народом, нет уверенности в том, что он делает общее дело… В своем подвиге он не видит большего, чем пример «джентельмества», - жалкое утешение героя…» (Часть 5, с. 237 – 238).

…Гегель… Характер его учения т особые качества гения привлекли к нему разнообразные классы общества…

Мир Гегеля – мир абсолютного духа, или идеи, или разума. Абсолютная идея возникает в работе чистой мысли…

Под рассудком Гегель понимает низшую форму познания, а под разумом - высшую…

Бытие по Гегелю – самое простое отражение мира в нашей мысли. Диалектический момент констатирует движение…

Все явления жизни связываются между собой общей целью, находящейся в абсолютной идее. Философия Гегеля почти что не занимается вопросом о боге. Гегель признавал пантеистический абсолютный дух.

Нравственность меняется в зависимости от переживаемых условий. Гегель на стороне героев, они несут противоречие существующим понятиям, от столкновения возникает новое…

Возражения против философии Гегеля можно разделить на три группы. Первое возражение – Михайловского, выражается в иронии, осмеянии и как таковое не

выдерживает критики. Второе – Гефдинга: диалектический момент приводит к диалектическому методу, то есть к тому, из чего мы исходили. Третье возражение – Виндельбанда: диалектический метод в общем механистичен.

Своими учителями Гегель считал Гераклита, Платона, и Канта…» (Часть 1, с. 43 – 44).

Лучшим примером нецелесообразной педагогической теории является почившая недавно педология. В этом смысле педология может рассматриваться как полная противоположность советского воспитательного устремления. Это была воспитательная работа, не снабженная целью…

В старой школе был Закон божий, предмет, отрицаемый не только учениками, но сплошь и рядом и самими батюшками,…но вместе с тем в нем было много моральных проблем, которых, так или иначе, касались на занятиях. Другой вопрос, имела ли эта теория положительный результат или нет…

Говорилось: «нельзя красть, убивать, оскорблять, нужно уважать старших, родителей», - такие отделы христианской морали, которая рассчитывала на веру и на религиозное убеждение, вскрывались в теоретическом изложении, и моральные требования, хотя и в старомодной религиозной форме, перед учениками проходили…

Старая логика, что нельзя красть, а то бог накажет, - мало кого убеждала…

Нужно решительно забыть о христианском отношении к наказанию: наказание – допустимое зло… Такое ханжество я считаю нужным отбросить…

Все зло старого наказания было в том, что наказание, уничтожая один конфликт, создавало другой конфликт, который приходилось разрешать еще более сложным путем…» (Часть 6, с. 242 – 261, 273 – 274).

«…К. Относительно своеобразия русской истории. Возражение Милюкову и П. – Сельвинскому, отстаивающим либо полное своеобразие, либо полную тождественность (Плеханов – 1, стр. 9 – 13).

К. Формула Плеханова, плод довольно сомнительного обобщения: «Чем более своеобразным становился ход нашего общественного развития в сравнении с западноевропейским, тем менее своеобразным был он по отношению к ходу развития восточных стран – и наоборот». (Плеханов – 1 ,стр. 14).

Мне кажется, что предложенные Плехановым два типа развития: западный (феодальный) и восточный (деспотический) – представляют преждевременные обобщения. Эта теория не кажется мне марксистской.

К. Очень ценное возражения Ключевскому, допускающее возможность политические причины (завоеваний по отношению к экономическому явлению). Плеханов приводит очень простую и убедительную аргументацию, доказывая, что это кажущаяся рефлексия.

Допуская возможность обратного усиливающегося действия политического явления, Плеханов прекрасно доказывает (стр. 18 – 19) формулу: «Экономическое действие политического момента заранее определяется моментом экономическим». Это очень важное место, (Плеханов – 1, стр. 15 – 25)…

Л. Очень ценное место. Плеханов возражает Соловьеву, отрицающему важное значение нашествия кочевников на том только основании, что они не изменили государственное устройство.

Плеханов доказывает, что кочевники задерживали разными способами развитие производительных сил. Разница в быстроте, разница количественного перехода в [новое] качество, т.е. в изменении политических явлений…

Кочевники покорили земледельцев. Это факт не противоречит материалистическому пониманию истории.

Л. Известные стороны быта [общества] могут попятиться назад именно благодаря тому, что оно вообще сделало общий шаг вперед (Пл. – 1 – 44).

Д. Причины военного превосходства татар. Сабля и меч. (Пл. – 1 45 – 46)…

Д. Последствия нажима кочевников: оттеснили от Черного моря, нападение на торговые пути, периодически опустошали территорию. Обеднели низовые. Зависимость от ростовщичества (Пл. – 1 – 48)…

Надо провести параллель между способами русского и польского боярства.

Надо [дать] историю Польши и в частности Болеслава Храброго.

XIII век. Л. Напрашивается дидактическая параллель между Галицией и Киевской [землей]. Только нужно найти факты, более сильно доказывающие, что повышение производительных сил страны ведет к образованию сильного боярства и что такое образование есть прогрессивный фактор…

Л. «Тысячелетнее и враждебное соседство с типичным степным азиатом – это такое обстоятельство, которое одно может покрыть не один европейский недочет в русской исторической жизни».

Это справедливее может быть, чем предполагал сам Ключевский. Даже те «европейские недочеты», которые, на первый взгляд, не имеют прямого отношения к тысячелетнему соседству кочевников, при более внимательном рассмотрении оказываются следствием замедленного борьбой с кочевниками экономического развития России. (Плех. – 1 – 54)…

Л. Вообще наши исследователи как будто забыли, что только капитализм сделал предметами всемирной торговли продукты, служащие для массового потребления, тогда как до него в торговле обращались преимущественно продукты роскоши (Плех. – 1 – 59)…

Древн. Д. Славянам при движении на север не удалось утвердиться на берегах моря. Что-то их не пускало. Занимая исток Волхова, они не занимали его устья (Сол. 1 – стр. 13)…

VIII – IX. Д. Вследствие своей слабости при медленном своем движении полочане не успели захватить берегов моря, и туда раньше пришли немцы. (Сол. 1 – 17)… (Часть 4, с. 235 – 238).

«…Мальчики и девочки в таком коллективе (во «Флагах на башнях» - А.Ф.) – это, прежде всего граждане. И в этом заключается отличие наших детей от детей какого угодно общества… Их социальные движения в то же время явно детские движения…сопровождаются тем же удовлетворением, теми же правами…» (Часть 7, с. 290).

«У нас много старых представлений о ценности человека, о его достоинстве…

Я – сторонник специальной воспитательной дисциплины, которая еще не создана…» (Часть 8, с. 286).

2. Социализация человека, семья и школа в царской России.

«…Из года в год в российских календарях печатались резко контрастные цифры о грамотности в Германии, в Бельгии и у нас… После революции 1905 г. мечта о повышении грамотности стала необходимым признаком либерального мышления. В Государственной думе не только кадеты, но и октябристы произносили громкие речи о необходимости поднять народную грамотность…

Для русской буржуазии необходим был более грамотный рабочий… Добивались именно грамотности, а не чего-то большего… Всегда подразумевалось стремление сохранить по возможности патриархальную темноту и православную непосредственность русского мужика.

Но даже такая программа вызывала бешенное сопротивление дворянских и дворцовых кругов, курских, волынских и иных зубров, князей Мещерских, газеты

«Новое время»… Темнота и мракобесие были стилем последнего Романова. Недаром курсом его царствования была распутинщина…

Образовательный «актив» царской России был такой: учащихся во всех школах, не считая высшей, - 7 800 600, семь миллионов… В том числе в начальных школах – 7 015 000. Следовательно, 90 % всех учащихся не пошли дальше начальной школы… При этом добрая половина начальных школ была школами церковно приходскими – одно из самых светлых достижений последних Романовых – гениальное творчество знаменитого Победоносцева…

В 10 %: в средней школе – 564 800 учащихся; в неполной средней школе (высших начальных училищах) – 220 800. Средняя школа: гимназии, реальные училища, коммерческие училища, кадетские корпуса, институты благородных девиц и духовные семинарии – полностью обеспечивали «чистую» публику – дворянство, чиновничество, духовенство и значительную часть буржуазии.

Народ же был представлен ничтожной цифрой – 220 тыс. учеников, или 2,8 процента общего числа учащихся в неполной средней школе…

Замечательно точный символ непроходимой пропасти, разделяющей народные массы России и ее блестящую богатую и образовательную верхушку». (Часть 6, с. 157 – 158).

«В Западной Европе стремление к увеличению продуктивности сельского хозяйства давно уже удовлетворяет его интенсификация, т.е. внедрение более эффективных севооборотов, более эффективных удобрений…

В нашей стране на путь интенсификации стали еще до революции, но слабость [сельскохозяйственной] литературы, недостаточное развитие промышленности и отсутствие образованных агрономов не дали интенсификации стать у нас явлением, хотя бы в некоторой степени общим и заметным…

Гигантское развитие промышленности США, в частности машиностроения, дало возможность американцам добиваться общего увеличения сельскохозяйственной продукции, увеличивая количество вспаханной земли, применяя машины. Механизация сельского хозяйства способствовала там укрупнению его, а не интенсификация…

Мы всегда должны помнить, что это опыт частнособственнического хозяйства… Необходимо внимательно следить за опытом зарубежных стран, но в основном искать разрешение вопросов, прежде всего на собственном опыте… Он может быть только общегосударственным опытом, во всех отраслях, связанных с сельским хозяйством, особенно в области сельскохозяйственного машиностроения…

Профессор Вильсон в разговоре с нашими агрономами несколько раз говорил, что, дескать, русские имеют очень много ненужной и лишней теории, много всяких научных изучений… и очень мало настоящего практического опыта, хозяйственной проверки и навыка…

Несомненно, лишняя теоретизация в большой мере связывает инициативу на местах, правильную организацию и учет разнообразного опыта…

Самое главное: мы можем быть уверены, что вопрос решается совсем не в части отношения теории к практике, а в самом качестве, как практики, так и теории…

Систему хозяйствования США… нужно признать не только экстенсивной, но и хищнической… Но хозяйский глаз и хозяйский карман во многих случаях могут быть нашими воспитателями.

К примеру, стремление наиболее удешевить производство [у них] обнаруживается не только в расточительности естественных богатств, но и в экономном отношении к машине и вообще имуществу». (Часть 2, с. 203 – 206).

«Лет 35 назад – перед русско-японской войной – само слово «выборы», кажется, отсутствовало в лексиконе среднего трудящегося человека в России. Очень редко оно встречалось в книгах, если эти книги говорили о других странах…

Хотя слово «выборы» и было мне известно, но я очень редко мог употреблять его в разговоре. По какому случаю, в самом деле, оно могло прозвучать в моей речи?

Мой отец был рабочий… Мне, как и другим представителям моего класса, случалось, конечно, слышать, что есть такие выборные высокопоставленные лица – губернский и уездный предводители дворянства. Никогда в жизни я не видел такого предводителя… (Часть 4, с. 196 – 198).

«Семья, в особенности семья буржуазная, идеологически всегда должна была стоять в одной плоскости с государственной властью.

В этом участии семья в государственном плане воспитания лежали отчасти и причины ее крепости. Супруги необходимо должны были быть связаны религиозными и юридическими цепями, обязательно на всю жизнь, они несут ответственность за воспитание детей.

Женщина по возможности должна быть нянькой и хозяйкой и необходимо должна « бояться мужа»; крепость семьи приводила к принципу единоличия, к власти одного над другим.

Дисциплина в семье была также необходима старому обществу, как и гарантия того, что каждый ребенок обеспечен надолго отцом или матерью.

Таким образом, вся архитоника семьи была хорошо приспособлена к тем воспитательным задачам, которые на эту семью возлагались». (Часть 2, с. 300).

«В буржуазной семье всегда бывает так: богатая семья обращает часть своего имущества в средства производства, чтобы эксплуатировать наемную рабочую силу и таким способом еще больше богатеть и расширять производство…

Там каждый человек заинтересован только в развитии собственного хозяйства; государственное хозяйство занимает слишком незаметное место в массе хозяйственных частных единиц». (Часть 6, с. 100).

«Многие детали старой семьи были сделаны хорошо. Семья эта обладала вековыми традициями, которые въелись в плоть и кровь каждого родителя и на каждом шагу заменяли для него размышления и возню с принципами.

Традиции эти поддерживались силой постоянно действующего, придирчивого и безжалостного общественного мнения, настигающего и карающего свои жертвы почти механически…

Традиции иные, абсолютно новые, абсолютно точно вытекающие из новых форм нашего общества, крайне необходимы для нашей семьи… Кое-чему можно научиться у старой семьи, но основная ее философия все же слишком противна нашему веку…

«Не пожелай жены искреннего (т.е. ближнего – А.Ф.) твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ни всякого, елико суть ближнего твоего»…

Заповедь понятная: «[Частная] собственность неприкосновенна». При помощи батюшек, полиции и войск эта заповедь крепко втемяшивалась в головы искренних и ближних и соблюдалась замечательно честно: и волы, и ослы, и рабы сидели на своих местах, это было указано в купчих крепостях и других документах… Семья была ячейкой, в которой этот кодекс прививался детям…

Благочестивые отцы и любящие матери из кожи лезли, чтобы их дети были с волами и ослами. Для этой цели детям давалось образование, заводились знакомства,

стаскивались вещи, копились деньги, изучалась сложнейшая наука властвования и эксплуатации…

Ну а большинство оставалось при пиковом интересе, не имело ни сел, ни волов, ни ослов и само превращалось в рабов…» (Часть5, с. 110 – 111).

«В старой семье больше власти, дети жили в полной ее воле, и податься им от отцовской власти было некуда. Многие отцы такой властью и злоупотребляли, относились к детям жестоко, как самодуры.

Государство и православная церковь такую власть поддерживали: это было выгодно для общества эксплуататоров…

В старом обществе каждая семья принадлежала к какому-то классу, и дети этой семьи обыкновенно оставались в том же классе. Сын крестьянина и сам обыкновенно крестьянствовал, сын рабочего тоже становился рабочим…

В старое время считалось, что отцовская власть имеет небесное происхождение: так угодно богу, о почитании родителей существовала особая заповедь. В школах батюшки толковали об этом, рассказывали, как бог жестоко наказывал детей за неуважение к родителям». (Часть 6, с. 81).

«…Мыслящие российские интеллигенты всегда умели высказывать самые радикальные и рациональные идеи, часто выходящие за границы скромной реальности, и в то же время всегда обнаруживали страстную любовь к неряшливости и беспорядку.

Пожалуй, в этом беспорядке с особенным вкусом видели что-то высшее, что-то привлекательное, как будто в нем заключались драгоценные признаки свободы.

В разном хламе бытовой богемы умели видеть некоторый высокий эстетический смысл… А между тем в этой беспорядочной бытовой «левизне» ничего нет, кроме исторической нищеты и оголенности». (Часть 5, с. 267).

«…В дореволюционной школе и в дореволюционном обществе дисциплина была внешним явлением. Это была форма властвования, форма подавления личности, личной воли и личных стремлений, метод приведения личности к покорности по отношению к элементам власти.

Так рассматривалась дисциплина и всеми нами, кто пережил старый режим, кто был в школе, гимназии, в реальном училище, и все знают, и что мы, учителя, также смотрели на дисциплину одинаково : дисциплина – это кодекс некоторых обязательных положений, которые необходимы для удобства, для порядка, для какого-то благополучия, чисто внешнего благополучия, скорее типа связи, чем типа нравственного». (Часть 6, с. 259).

«Старая школа (царская) была очень выдержанна в отношении стиля.

В средней школе учительство было крепко организовано как определенная ветвь чиновничества, связано табелью о рангах, движением по службе, ясным положением в обществе и очень твердой системой представлений об ученике, его обязанностях, его перспективах и, конечно, такой же твердой шкалой норм, касающихся ученика, его успеваемости, поведения и пр.

Этой определенности соответствовали многие внешние формы и процедуры, начиная от ритуала экзаменов и кончая формой классных журналов…

Как бы часто теперь не отмечались многие недостатки старой [средней] школы, ее казенный формализм, ее бездушность, - это исключает в общем того обстоятельства, что детское и юношеское общество этой школы находилось всегда в очень точной сфере различных норм, подчинялось этим нормам и приспосабливалось к ним, хотя часть и вырабатывала своеобразные формы оппозиции.

Партия учителей и партия учеников в средней школе часто противостояли друг другу, но даже это противостояние проходило в определенных традиционных формах, т.е. в некоторой степени признавалось как некоторая дополнительная форма, нисколько не разрушающая общую систему.

В начальной старой школе, земской и городской, учительство не было чиновным, здесь не было бездушности и формализма, но и в этой школе работа и жизнь были сильно нормированы.

Наконец, в старое время совершенно определенной была позиция ребенка в семье. Власть родителей не вызывала никаких сомнений… Не только замужество дочери, но и жизненный путь сына находились в значительной мере в сфере отцовской власти.

Это не вызывало даже особых протестов младшего поколения, ибо семья как «первичный педагогический коллектив» была почти государственным учреждением, авторитет которого был обеспечен и вековой традицией, и реальными интересами членов семьи.

Дисциплинарное благополучие старой школы и выдержанность ее стиля были тем более возможны, что школа впитывала в себя только верхний слой общества. Во всяком случае, настоящие низы там, где не было ни крепкой семьи, ни традиций, ни материальной обеспеченности, в большинстве случаев не имели никакого отношения к школе и не вливали в нее ничего принципиально отличного». (Часть 4, с. 157).

«Вспомним русские духовные семинарии, учреждения, казалось бы, в совершенстве приспособленные к своим воспитательным целям… но очень часто они выпускали богоборцев и революционеров… Таков же, в среднем был и результат иезуитского воспитания, одной из самых сильных педагогических школ прошлого…

Монархическое воспитание в царской России, проводимое на протяжении целого столетия в гимназиях и реальных училищах, точно так же приводило к результатам ничтожным. Его организаторы не замечали, что они воспитывали систему условных обозначений [поведения], а вовсе не саму сущность личности…

Сможет ли воспитание совершенно уничтожить эту условность, символичность внешних признаков поведения по отношению к истинному характеру человека, покажет опыт». (Часть 8, с. 199).

«Жизненный путь Прасковьи Никитичны Пичугиной,… ее человеческий рост, рост гражданина и работника… - есть тот самый светлый человеческий путь, возможность которого завоевана Октябрьской революцией.

Этот путь ни в какой степени не напоминает «карьеры» - обычного пути удачливого человека в буржуазном обществе… Путь карьериста – извилистый и хитрый путь пресмыкания и хищничества…

Пичугина – это «крестьянка» одной из захолустных деревень России,… родилась в 1903 г. в бывшей Рязанской губернии… Отец ее был типичным бедняком – крестьянином… У дедушки была семья, построенная необычайно неосмотрительно: детей было 12, а земли… одни слезы, да одна корова и лошадка.

В 1904 г. Никита Макушин призван был «защищать русскую землю от японцев», а Паша с матерью – солдаткой осталась в семье деда. К общему удивлению, отец возвратился с войны целым и невредимым, но никто не поблагодарил его за то, что в угоду интересам Николая II и Безобразовых он носил в Манчжурию свою крестьянскую жизнь…

В 1907 г. он… махнул рукой на крестьянское хозяйство и уехал с женой и единственной дочерью в Петербург, где и нанялся дворником к одному богатому домовладельцу. Труд отца-дворника, матери-прислуги и дочери, тоже прислуги все-таки был трудом недостаточным для того, чтобы обеспечить сносную жизнь…

Пришло письмо от дедушки: «Дорогой сын Никита. Я тебе все отдал, жену ты взял с собой, больше твоего здесь ничего не осталось. Если приедешь, жить будешь в овчарне…»

Петербургский хозяин Макушиных был очень крутой, скупой и жесткий человек. Он сам выбился из низов каким-то темным путем и может быть потому не мог сочувствовать трудящейся семье, отданной судьбой в его распоряжение…

В 1914 г. отец Паши снова был призван на фронт… Мать и Паша остались в самом трудном положении. Хозяин, потеряв дворника, потребовал очистить квартиру.

В ту пору многие болтуны и шарлатаны немало денег заработали на выражении «народных» чувств, описывая из со слезами и высокими фразами. Мать Паши, в полном отчаянии… выколола глаз на портрете Николая II, висевшем в дворницкой…

Полиция предложила ей немедленно оставить царскую столицу и отправила в деревню.

С большим трудом достав денег на дорогу, Паша с матерью отправился в то же Половское, где с таким трудом одиннадцать Пашиных дядей и тетей боролись за существование под руководством дедушки… Паше в это время было 11 лет. К этому возрасту, она уже испробовала всю тяжесть жизни у богатых людей в прислугах…

В Полонском мать Паши поселилась в семье своей матери – Ларьковой. Ларьковы не была самой бедной семьей; своего хлеба они, правда, не имели, но покупали хлеб у еще более бедных – кусочки у нищих. В старой деревне даже нищие были богаче некоторых обыкновенных трудящихся – совершенно непонятная гримаса экономики…

Вся земля кругом села принадлежала помещикам князьям Кропоткиным. Их усадьба стояла в самом селе; Паша слабо помнит, а больше вспоминает по рассказам старших, как горела княжеская усадьба в 1905 г. Эта революционная иллюминация, однако, ничему не научила князей. Дом их и в дальнейшем стоял особой, враждебной крепостью дворянского чванства.

Паша помнит, что даже проходить мимо господского дома было опасно: таких злых собак держали господа для защиты от окружающего населения. Господский лес, окружавший деревню, был также недоступен для крестьян и охранялся вооруженными черкесами. Один из Пашиных дядей, Андрей Макушин, насмерть был зарублен черкесом за то, что без разрешения зашел в лес…

Как и все жители Половского, Паша тоже надеяться могла только на бога, она ходила в церковь и молилась… о чем?... Она росла девочкой боязливой, застенчивой, у которой была надежда только на далекого бога и на свой труд, в лучшем случае способный спасти ее от голодной смерти…

Скоро от отца перестали приходить письма: он пропал без вести на войне – так официально сообщалось о многих героях империалистической бойни.

Кое-какой заработок Паша нашла на ремонте полотна у проходящей близко железной дороги. Для 14-летней девочки это был очень тяжелый, непосильный труд,… ей платили 80 копеек в день, и это помогало жить не только ей, но и ее матери с дедушкой и бабушкой.

Революция пришла неожиданно. Кропоткинский княжеский дом сгорел теперь уже основательно, и помещики исчезли из села. А тут неожиданно в 1918 г. возвратился из плена отец. Он поступил работать штатным ремонтным рабочим на железной дороге. В это время Паша вышла замуж за своего односельчанина, Сергея Ивановича Пичугина.

Что-то начало проясняться в ее жизни, но случилась катастрофа, типичная российская катастрофа, естественное следствие бедности и соломенной, примитивной культуры: сгорело полсела, и в огне погибли отец и мать Паши… Она осталась сиротой наедине с мужем, молодым человеком, тоже потерявшем в пожаре свою избу. Началась жизнь в семье свекра…

Муж, Сергей Иванович Пичугин, пошел в Красную Армию… Свекор в семье Пичугиных был царь, бог, деспот, его власть была неограниченная, усилена нищетой и озлоблением. Эта семья была еще беднее, чем семья старого Макушина: у него даже лошади не было, своего хлеба еле-еле хватило до рождества, а потом приходилось перебиваться мелкими заработками да своеобразным деревенским кредитом: у богатого мужика можно было одолжить до урожая пуд хлеба, за этот пуд отработать один день на жнивье, это было только уплатой процентов, пуд хлеба все равно было нужно отдавать – кредит страшно дорогой, около 200 % годовых.

Сноха в семье свекра – это, прежде всего, и, во-вторых, и, в-третьих, рабочая сила. Женщина в селе Половском вообще не пользовалась уважением: свекор Пичугин категорически запрещал своей жене держать его белье в одном месте с женским бельем: такое соседство могло осквернить его мужскую сущность.

В семье не было обуви, а единственные валенки позволялось надевать только мужчинам; считали, что … женщина и так может работать… В некоторых областях даже свекла, которая готовилась для коровы, считалась дорогой пищей для женщины, она могла есть ее только украдкой.

К счастью Паши, свекровь оказалась хорошим, добрым человеком, одинаково страдающей вместе с нею…» (Часть 6, с. 203 – 206).

«На городских окраинах, в запущенных бандитских селах во время войны [1914 – 1917 гг.] и революции скопились многочисленные образования, оставшиеся после разложения семьи. В значительной мере это были старые уголовные семьи, которые еще при старом режиме поставляли пополнения в уголовные кадры. Много было семей, ослабевших во время войны, много завелось новых продуктов социального разложения как следствие смертей, эвакуации, передвижений.

Многие ребята привыкали бродить за полками, царскими, белыми, красными, петлюровскими, махновскими. Это были авантюристы разных пошибов. Они приобретали большие навыки в употреблении упрощенно-анархической логики, в презрении ко всякой собственности, в пренебрежении к жизни и к человеческой личности, к чистоте, порядку, закону.

Но среди этих привычек все же не было привычки одинокого бродяжничества, того, что потом составило главное содержание беспризорности». (Пед. соч. в 8 т., т. 3, с. 460).

«Инфекция [педологии] началась еще до революции в гнездах экспериментальной педагогики, для которой характерен разрыв между изучением ребенка и его воспитанием.

Буржуазная педагогика начала XX века, разрываемая на часть многочисленными [научными] школами и новаторами, бесконечными колебания от крайнего индивидуализма до бесформенного и нетворческого биологизма, - могла казаться революционной наукой, потому что выступала под знаменем борьбы с казенной школьной муштровкой и официальным ханжеством». [Часть 6, с. 63].

3. «Школа жизни» в русской художественной литературе, в произведениях о Гражданской войне 1917 – 1920 гг.

… «Петр Первый» А.Н. Толстого по своему художественному блеску, по писательскому мастерству, по яркости и выразительности языка принадлежит к самому первому ряду нашей литературы… По захватывающему мастерству повествования «Петр Первый» не имеет себе соперников, исключая, может быть только «Тихий Дон» Шолохова…

Много исторических романов, в которых достоверно и художественно честно автор изображает историю, но которые все-таки читаются с трудом. К таким романам нужно прежде всего отнести «Гулящих людей» покойного Чапыгина…

По широте тематического захвата «Петр Первый» может быть поставлен в одном ряду с «Войной и миром» А.Н. Толстого и при этом впереди «Войны и мира».

«Война и мир» изображает общество, находящееся в состоянии внутреннего покоя… Это общество приводится в движение внешним толчком войны… Внутри всего общества не происходит никаких особенных пертурбаций и изменений.

Л.Н. Толстого интересуют только процессы психологические, нравственные… Общественный организм России, подвергающийся анатомическому исследованию писателя, есть организм, специально выделенный для этой цели. В сущности, это высший круг общества, аристократия и верхнее дворянство. Народные образы в романе немногочисленны и не играют первой роли.

В «Петре Первом» изображается Россия в момент напряженного внутреннего движения, в эпоху огромных сдвигов внутри всего общества…

А.Н. Толстой в своем анализе захватывает решительно все, начиная от крестьянской избы и кончая царским дворцом, начиная от бояр, которые решают государственные дела, «брады уставя», и кончая стремительным, творческим буйством нового, петровского правления…

В смысле фабулы, в картине личных человеческих историй книга А.Н. Толстого не может похвалиться особенными достижениями, да, пожалуй, не вызывает и особенных претензий…

Территориальный захват книги совершенно рекордный, с ним не может сравниться никакая другая книга…

Тематическое и территориальное разнообразие у А.Н. Толстого не подавляет и не скрывает человека. Человек на каждой странице является его главным, в сущности, единственным героем.

И этот человек, с одной стороны, так же разнообразен, богат возможностями и чувствами, а с другой – так же законно объединяется с другим человеком в напряженном участии в борьбе, в страсти и искренности, в общем движении…

Каждый персонаж несет отчетливую и простую художественную идею, а все вместе они представляют историю…

Работает в качестве сюжета личная история самого Петра и его ближайших помощников – лиц исторических… В романе Петр проходит богатой, яркой и интересной личностью, но личностью более царской, чем человеческой… Петр как человек, как личность и после выхода романа не становится для нас яснее и понятнее…

Находясь, очевидно, под влиянием концепции Покровского, автор на самую первую линию выдвинул интересы торгового капитала…

Большая заграничная торговля того времени была почти целиком в руках казны… Петровский флот, за создание которого Петр воевал и боролся, - это вовсе был не торговый флот, а флот военный, необходимый для владения морем и сообщения с заграницей…

Россия вывозила почти исключительно продукты сельского хозяйства, и в хороших условиях этого сбыта был заинтересован тот класс, который владел продуктами сельского хозяйства, - дворянство…

По другую сторону дворянства стояла аристократия, представительница тогдашней реакции, рядового быта, феодального местного обособления, патриархальной жизни…

А.Н. Толстой не осветил отношений между дворянином и крестьянином, которые вовсе не были похожи на эти отношения после Екатерины II, - крепостное право еще не сделалось рабовладением…

Не заметил автор, что не только купечество, но и дворянство было опорой петровской реформы…

Несмотря на то, что в книге описывается много жестоких дел, дикого варварства, много народного страдания, - роман переполнен оптимизмом, в нем в каждой

строчке дышат богатые силы народа, который еще сам своих сил не знает, но верит в себя и верит в лучшую жизнь…

И только потому, что в русском народе бурлили большие силы, требующие выхода, только поэтому петровское дело увенчалось успехом…» (Часть 6, с. 220 – 230).

«В рукописи исторической повести А.М. Волкова («Первый воздухоплаватель» – А.Ф.) прекрасно передан колорит елизаветинского времени, не нагорожено никаких лишних ужасов, люди живут и работают с той необходимой долей энергии и оптимизма, без которых, конечно, невозможна человеческая жизнь…

Сюжет построен на хорошей политической канве, без преувеличения и голого социологизирования, поэтому в повести тема техники не выглядит обособленной от жизни.

Фабульная интрига проведена в очень жизнерадостных, напряженных линиях, в повести много и юмора… Все лица очень живы, в особенности фигура Елизаветы Петровны, Шувалова, коменданта Шлиссельбурга, старшего тюремщика, сыщиков и других…» (Часть 6, с. 163).

«Свои горести, бедствия, падения, нищету, оскорбления и унижения, катастрофы и отчаяние люди давно научились подробно анализировать, до самых тонких деталей называть и определять… Художественная литература прошлого есть бухгалтерия человеческого горя. Мы не можем назвать ни одной книги, в которой с такой же придирчивой добросовестностью, так же пристально, с таким же знанием дела разбиралось и показывалось человеческое счастье…

Самый простой и общедоступный его сорт – произведение матери природы - любовь… Писатели знали о своей беспомощности в изображении даже простого любовного счастья… Самая патетическая история любви «Ромео и Джульетта» есть в то же время и самая бедственная история…

У Лермонтова, Достоевского, Гоголя, Тургенева, Чехова так мало счастья и в строчках и между строчками. Очень редко оно приближается на пушкинскую дистанцию, но немедленно его легкий и волшебный образ уноситься какой-то жизненной бурей…

Счастье, т.е. то состояние человека, к которому он всегда естественно стремится и из-за которого, собственно говоря, живет…

Старое счастье находилось в полном обособлении от общественной жизни, оно было предметом узколичного «потребления»… (Часть 6, с. 149 – 151).

«Люди всегда верили, что счастье есть законная норма человеческой жизни, что оно может быть и должно обеспечено и гарантировано в самом устройстве общества… Счастье как функция человеческого общества…

Истинной хозяйкой счастья, понимаемого как атрибут отдельной личности без всякого намека на какое бы то не было общественное устройство, была судьба… Действия судьбы были действиями фатума, безраздельно тяготевшими над смертными и над бессмертными…

Если М.Ю. Лермонтов не видел никакой защиты против судьбы, если даже Пушкин утверждал, что «от судеб защиты нет», то Л.Н. Толстой в полном согласии со стилем новой эпохи видит эту защиту в расчетливо-коротком шаге отдельного человека… Это в сущности политика примирения с судьбой…

У Достоевского ужас перед человеческой судьбой выразился в картинах самого гибельного развала, гниения человеческой личности… И страдание его безнадежно, в нем совершенно уже не видно лица общественного человека. Ужас Леонида Андреева больше похож на бунт, … он не покоряется судьбе,… но он так же бессилен и немощен, как и человек Достоевского…

Были и счастливые люди, люди больших размахов и капиталов,… только это счастье признали недостаточным восхвалять наши великие писатели. Это было то самое безнравственное счастье, которое никогда не было признано человеческим гуманизмом. И против такого счастья, против этих любимцев судьбы и против самой судьбы выступил в литературе с горячим и оптимистическим словом, с уничтожающим прогнозом Максим Горький…» (Часть 6, с. 209 – 211).

«Некрасовские матери, «подвижницы»… Их подвиг вызывался к жизни не только их любовью, но главным образом общественным строем, самодурством, насилием, хамством властителей, пассивным и беспросветным рабством женщины. И дети их несли на себе то же проклятие истории…

Мы должны протестовать против самоущерблення некоторых матерей… За неимением подходящих самодуров и поработителей эти наши матери сами их изготовляют из… собственных детей… «Все для детей»… - и ценности материнской жизни, и материнское недомыслие, и материнская слепота». (Часть 5, с. 114).

От лица А. Теплова, персонажа повести А.С. Макаренко «Честь», говорится: в 1914 г., в начале русско-германской войны «красномордый Пономарев, пошлейший обычный тип русского промышленника… И его защищать?... В Петербурге нескладная фигура Николая второго, блестящие плечи и лысины «двора», великолепие ничтожеств правящих «моей» Россией?...

Трагическая обида господ: офицеров, политиков, буржуев… Они думают, что это гибель культуры, их культуры, вековой, приятной, счастливой, оборудованной стихами, комфортом, гордостью… С каким высокомерием, уязвленным и брезгливым негодованием они должны оскорбиться этой попыткой потных и грязных «мастеровых» и мужиков…

Отдавать жизнь за Россию нужно тоже – умеючи. Господа офицеры показали, что они этого – не умеют. Хотят жизнь отдать за Россию, а отдают за разных мошенников. Ничего из этого не выйдет, так же как не вышло с немцами».

И. Груздев, рабочий, большевик, говорит: «Легко это сказать: народ. И я – народ, и вы – народ… Кто города строил? – Мы. Кто государство наше защищал? Кто кровь проливал, умирал? – Мы все.

А они нас презирали и считали нас дикими, некультурными, и темными и глупыми. Они от нас стороной жили, своя у них жизнь. И гордятся перед нами, всем гордятся: и наукой, и вежливостью, и образованностью, и честью, а про нас говорят: «простой народ!»».

С. Теплов (отец): «Если есть богатые и бедные, тогда все поступают неправильно… Надо – разум… Народу этим цена и всякому человеку цена, который с народом… Если ты с народом идешь – и есть тогда честь у человека». (Часть 6, с. 192).

«Это «очеловечивание» конфликта заметно у Чехова, и в этом отношении он гораздо более социалистический, чем кто-либо другой, с той только разницей, что разрешение этих очеловеченных конфликтов у него пессимистическое, что вполне соответствует его эпохе». (Часть 7, с. 289).

«…Меня страшно заинтересовали критические методы критика (говорится о повести А.С. Макаренко «Честь» - А.Ф.)… В его высказываниях есть в некотором роде поучение, директива, педагогика… Критическая статья есть еще и литературный быт, отражение литературных нравов…

Критик по существу требует, чтобы в приведенных в повести словах рабочего были на местах все формулы политического определения империалистической

(русско-германской 1914 – 1917 гг. – А.Ф.) войны, чтобы старик в 1914-м году высказывался в тех самых словах, в которых мог высказываться только Ленин…

Я не выдумал своих героев. В нашем рабочем классе, в русском народе я видел и всегда вижу богатые силы, сложные личности, тонкие движения ума и сердца… И таким я изобразил старого Теплова… Он, правда, не знает того, что знает критик в 1938 году…

Я попытался нарисовать картину первых дней войны, дней мобилизации. В эти дни можно было видеть самую сложную смесь из остатков патриотизма, ошеломленности, мужества, страха, бездумья, покорности…

По т. Малахову, в России никакого шовинизма просто не было…

На глазах у Ленина протекал сложный общественный процесс. То, что он видел с высоты своего гения, с марксистских диалектических вершин, то в самой толще народа могло принимать самые многообразные формы, самые тонкие извилины… Рабочий Теплов мог ненавидеть царизм, презирать войну и в то же время мог уважать георгиевский крест…

Допуская в среде рабочих даже остатки шовинизма, Ленин никогда не смешивал рабочих в одну кучу с социал-шовинистами,… видел те причины, которые задерживали или искривляли развитие [у рабочих] правильного отношения к этой войне…

Критик не понимает цитат Ленина, в их диалектическом движении. Это ярко выраженный цитатный идеализм… Ленин говорил: «Мы полны чувства национальной гордости, и именно потому мы особенно ненавидим свое рабское прошлое… и свое рабское настоящее» (т. 26, стр. 108)…

Я перечитываю Ленина и еще раз был поражен его знанием русской жизни, несмотря на то, что он был оторван от России в течение многих лет. Формулировки Ленина в моем представлении совершенно не расходились с тем знанием рабочей жизни, которое я вынес из своего детства и молодости…

Ленин никогда не имел в своей программе тот пацифизм, которым так пахнет от шаблонов критика…

Ленин знал диалектическую сложность обстановки. Это сложность движения, сложность революции, запутанность психологических этюдов эпохи, их взрывной характер…» (Часть 7, с. 146 – 155).

«Вся книга Фурманова (его роман «Чапаев» - А.Ф.) есть не история воспитательного успеха [комиссара] Клычкова (автобиографическое изображение Д. Фурманова – А.Ф.), а история раскрытия образа Чапаева в представлениях, сомнениях, мыслях и делах комиссара…

В процессе роста Чапаева вместе со всей массой его бойцов и Фурманов делал свое большевистское дело [воспитания], но это его влияние нельзя обособлять и выпячивать как особе «индивидуальное» [педагогическое] дело…

«Чапаев» Д. Фурманова – самый драгоценный памятник героизму Гражданской войны, героизму масс и героизму отдельных борцов… Чапаев во всей своей величине и цельности поднят большевистской революцией, воспитан, ошеломлен, восхищен, захвачен большевистской борьбой, захвачен ею до конца… За это дело он положил свою голову…

Борьба с Колчаком – это и дни грандиозного роста народных масс, творящих революцию, дни роста каждой отдельной личности…

Видна цельная и прекрасная сила Чапаева, его глубокая и светлая личность, его неутомимая, мужественная страсть к победе, его широкая, щедрая личность… Он отдавал для победы всего себя и для себя, для своей жизни, ибо он всегда хотел жить… Он идет вперед через многие бои, через предательство, тиф, через недоверие и интриги людей, через собственную «темноту» и собственные «недостатки»…

Белогвардейцы тоже не лишены героизма, не лишены и культуры, он они бедны духом, верой, бедны как раз в той области, в которой так богат Чапаев…»

Цитируется Д. Фурманов: «Вот они лежат, истомленные походами бойцы Красной Армии. А завтра, чуть забрезжит свет, пойдут они в бой цепями и колоннами, колоннами и цепями, то залегая, то вскакивая вперебежку, то вновь и вновь западая ничком в зверовые ямки, нарытые в спешке крошечным заступом или просто отцарапанные мерзлыми пальцами рук… И многих не стане… Они, безмолвные и недвижные, останутся лежать на пустынном поле…» (Часть 6, с. 142 – 146).

«Такие книги (как роман А. Первенцева «Кочубей» - А.Ф.) умеют показать самую глубокую красоту человека в борьбе за освобождение,…красоту подвига, делают подвиг полным нового содержания.

У Первенцева подвиг… - совершенно необходимое м совершенно естественное движение, вызванное крепкой связанностью масс, удивительным чувством единства коллектива… Страстная гоголевская эпическая приподнятость…

Большой запас действительного знания боевой жизни, … он не снижает и не закрывает настоящую большую сущность событий…

Этот простой кубанский казак поразил его (автора – А.Ф.) буйным размахом неутомимого атамана вольницы, безыскусственностью поступков, каким-то неугасимым огнем его беспокойной и целомудренной души, верующей в великое дело… Таковы и все его казаки, в особенности его ближайшие помощники…» (Часть 5, с. 188 – 190).

«Повесть Демченко заслуживает внимания. Она написана, без сомнения, участником боев 1918 – 19 годов, человеком, обладающим и способностями и юмором.

Автор разрабатывает тему, кажется, очень мало затронутую в нашей литературе: подготовку первого удара по петлюро-гетманской власти. Жизнь и партизанская подготовка в нейтральной полосе между оккупированной немцами Украиной и РСФСР изображены в ней с достаточной выразительностью и представляет в этом отношении большой интерес для читателей…

В отношении композиционном и в отношении отделки повесть нужно признать очень сырой…

Лучше, что есть в книге, - это ее народность, чувства простых людей, творцов революции…» (Часть 8, с. 82).

…Желая показать ужасы белого тыла, вы не знаете меры… Всех людей обращаете в полуживотных… «Стадо людей разгуливает по выжженной, вытоптанной, заплеванной земле» - эту Вашу строчку можно было бы сделать эпиграфом к книге…

Спрашивается, для чего Вы все это написали? Что Вы хотели сказать?

Для таких людей, бесчеловечных, нищих духом нравственных калек даже революция, собственно говоря, не нужна, они ее не стоят и они неспособны ее сделать.

Возникает такое впечатление, как будто Красная Армия пришла в страну безносых уродов, проституток и психопатов. У вас нет ни общества трудящихся, ни светлого права их на освобождение…

Горький тоже изобразил дно, но посмотрите, сколько там настоящей человечности, мысли, поэзии…

Задавленная, порабощенная Россия все же была человеческой Россией, обществом мыслящих, борющихся живущих людей.

Только потому эти люди победили, что они были достойны победы…

Вы очень талантливый человек, и я уверен, что Вы себя насилуете… В жизни всегда есть и страдание, и радость, и счастье, и горе, и героизм, и падение. Только

такая жизнь достойна внимания и достойна революции. В такой жизни страдание действительно звучит и протестует…(В этой книге см. письмо к А.О. Авдеенко, 5 ноября 1937 г.).

«Сюжет «Преступления и наказания» или «Анны Карениной» - сюжеты, слишком сложные для молодого опыта. Эти сюжеты предполагают большее знание читателя в области духовной жизни…

В нашей (русской) литературе [для детей и юношества] мало мастеров фабулы, и поэтому до сих пор остаются у нас на первом плане такие авторы, как Марк Твен, Жюль Верн, Вальтер Скотт, привлекающие молодых читателей напряженным и многообразным действием…

Детское требование к сложности фабулы очень настойчиво… Именно поэтому дети больше любят «Детей капитана Гранта», чем «Таинственный остров»… Точно так же дети не особенно любят «Дон Кихота»…

Безнадежно было бы рекомендовать для детского чтения пейзажи Бунина или портреты Чехова… В простом сюжете детской книги неуместны никакие нюансировки пейзажа и невозможен никакой, даже самый слабый импрессионизм. «Стеклышко разбитой бутылки» в детской книге не сделает лунной ночи…

Даже научные открытия, самые сложные детали техники, самые глубокие проблемы морали могут быть предложены детскому вниманию… - в простом по сюжету и сложном по действию произведения, если в нем будут действовать яркие и ясные герои, привлекающие любовь читателя и стремление следовать за собой». (Часть 7, с. 256 – 258).

«Что касается биографии Сергея Мироновича Кирова и описания его окружения – всех этих благотворителей, учителей, начальницы приюта, попа – отца Константина, - все это оправдывает задачу честного и неприкрашенного рассказа о детских годах мальчика из Уржума.

Читатель видит нищету и неприглядность жизни маленького Сережи, сироты, оставшегося вместе с двумя сестренками на попечении бабушки, получающей 3 рубля солдатской пенсии в месяц. Сережа живет, не стонет и не жалуется – смеется, шутит, играет, как всякий в этом возрасте.

Отказ Сережи переселиться в приют – это пока еще детская обида, а не протест… Сережа в приюте переживает то, что являлось уделом миллионов его сверстников, сирот и детей бедняков, трудящихся…

В Уржуме живут ссыльные, таинственная коммуна бедных, но необычайных людей. И хотя мальчик тянется к ним, пока еще не осознавая причин такой тяги, они заложены уже в нем его первыми жизненными впечатлениями, горем, нищетой.

Сереже «повезло»: благотворители отправляют его учиться в низшее Казанское техническое училище, обставляя эту милость похабной расчетливостью… И Сережа ютится на кухне, у него нет ни гроша… Но он уже вступает в борьбу за знания, за право человеческого существования. Он сталкивается с невероятно тяжелыми условиями работы на мыловаренном заводе, видит слабые попытки протестов студенчества.

В этой борьбе мальчик ощущает присутствие врагов, но не политическим знанием, а классовым чутьем. И когда во время каникул в Уржуме ссыльные дают Сереже почитать «Искру», одна ночь открывает перед ним истину, рождая будущего большевика-революционера… Шестнадцатилетний мальчик… без колебаний и сомнений начинает революционную работу.

Он участвует в организации подпольной типографии и распространении прокламаций. Он участвует в студенческом бунте, подвергается увольнению из училища и восстанавливается в нем после бурного протеста товарищей…

Сережа проявляет энергию, талант и страсть выдающегося борца… Грани между личной жизнью и жизнью революционера стерты… Уже видны начала большого служения делу человечества, начала героической и светлой жизни». (Часть 6, с. 193; о книге «Мальчик Уржума»).

«Почему-то в нашей литературе и среди нашей интеллигенции представление о беспризорном сложилось в образе некоего байроновского героя…

Красивый образ беспризорного в дальнейшем был еще более разукрашен благочестивыми трудами обывателей (российских и заграничных). Все беспризорные – воры, пьяницы, развратники… Все это сильно помогало западноевропейским сплетникам слагать о нашей жизни глупые и возмутительные анекдоты.

А между тем… ничего подобного в жизни нет… После Гражданской войны и голода миллионы детей были с величайшим напряжением всей страны спасены в детских домах…»

«И раньше беспризорный не был так ужасен, как рисовали его наши, а еще более западные писаки. Но раньше он действительно был сыном уголовного общества и в значительной мере или, по крайней мере, воспитывался им… Наш теперешний беспризорный – это не продукт классового распада… Это прежде всего ребенок, потерявший семью». (Часть 4, с. 86, 183).

«…По вечерам читаю Шекспира и Брандеса…

Сейчас взялся за Достоевского. Вот писатель, которого до сих пор не разобрали по-настоящему…

Читал мемуары Бюлова, германского рейхсканцлера 1900 – 1910 гг.

Прочитал два огромных тома дневника цензора Никитенко…

В честь тебя (Г.С. Макаренко – А.Ф.) учу Пушкина. Выучил уже несколько стихотворений, а над «Вакхической песней» плакал… Поклонись от меня Александру Сергеевичу, миленькому…

Кончил «Идиота» Достоевского… У Достоевского все-таки страшно много муры, совершенно детской и дешевой…

«Записки Пиквикского клуба» - все-таки как трудно мне читать Диккенса! Отчего это?» (Часть 7, с. 330 – 335, 339 – 340).

4. А.С. Макаренко о своей «школе жизни» до сентября 1920 г.

«…Город (Кременчуг, вблизи которого прошли годы детства и молодости А.С. Макаренко – А.Ф.) стоял на большой реке Днепр. По реке проходило неустанное, деловое движение, и сам город был деловой, хлопотливый, запросто-кирпичный, без претензий. Через город давно прошла железная дорога от Москвы к югу, а от нее отделилась ветка куда-то к западу.

И на больших – в 25 путей – товарных станциях, и на широких пристанях народ суетился, измазанный, потный, пахнущий смолой и маслами. И весь город был такой же: покрытый пылью и разными деловыми остатками…

Бедно жили в городе, с лесных пристаней ни богатства, ни просвещения не получалось… А беднее всего жили на Костроме.

Кострома (часть «посада» Крюкова, пригорода г. Кременчуга – А.Ф.) располагалась по другую строну «потемкинского» парка – на песчаных дешевых просторах… В слове «Кострома» было что-то ругательное и обидное… Культурные граждане относились к Костроме с недоверием… Не было ни мостовых, ни тротуаров, ни кирпичных домов, воду добывали из колодцев, освещались керосином, водку пили и закусывали больше на открытом воздухе. И жители Костромы не любили города. Был свой базарик и кое-какие лавчонки…

В центре Костромы стояло несколько заводиков: шпалопропиточный железнодорожный и уксусный, братьев Власенко, табачная фабрика караима Карабанчи и завод молотилок и веялок «Пономарев и Сыновья»…

Со стороны реки к заводам подходила просторная площадь… Посреди площади стояло красное двухэтажное здание высшего начального училища, выстроенное после того, как от рабочей курии чудесным образом прошел в Государственную думу рабочий завода Пономарева – Резников. Депутат, правда, потом отправился в ссылку…

На площади, с краю Пономарев, когда вступил в кадетскую партию, построил столовую для рабочих. Некоторое время в столовой отпускались обеды для тех, кому далеко ходить домой обедать, но потом это дело расстроилось… В столовой Пономарев разместил контору…

На этой площади стояла еще и церковь, вокруг нее зеленело кладбище… Жители любили гулять между могилами, кто с девушкой, кто с приятелем, с бутылкой в одном кармане и с соленым огурцом в другом…

После 1905 г. чуточку испортилась жизнь. Новые слова появились у людей и новые повадки, старый Муха уже не казался таким хорошим, потому что его сын, плотник, во время забастовки как будто забыл, сколько отец должен Пономареву за хату…» (Часть 6, с. 171 – 173, повесть «Честь» - художественное отображение действительности).

Кременчуг и «посад» Крюков всколыхнулись в преддверии русско-японской войны и революции 1905 года. Будучи на важнейшем перекрестке связи северных и южных областей России, эти рабочие центры стали местом крупных революционных выступлений. Об этом сообщалось в газете Российской социал-демократической газете «Искра» (нелегальной, издаваемой за рубежом, под руководством В.И. Ленина).

В 1902 г., в № 21 «Искра» сообщала: в этом городе и предместье готовилась большая революционная демонстрация, намеченная на 19 февраля. Она сорвана властями: введено чрезвычайное положение, мобилизованы полиция и армейские части, солдаты получили боевые патроны, учились стрельбе по толпе. Воинской силой прервана связь между Кременчугом и Крюковом по железнодорожному мосту через Днепр. (Антон Семенович Макаренко. Альбом. Изд. 2-е / сост. Лысенко П.Г. и Убийвовк. – Киев, 1978, с. 32).

Рабочие Крюковских железнодорожных (вагонных) мастерских образовали ядро местной социал-демократии, различных революционных сил.

По воспоминания В.С. Макаренко (в изложении): Сеть «Южные железные дороги» была одна из самых благоустроенных в России. В Крюкове были огромные железнодорожные мастерские – 8 корпусов, электростанция, водокачка, 15 подъездных путей. Работали шпалопропиточный (распространяющий зловоние), чугунолитейный и уксусный заводы, паровая мельница.

Действовала речная пристань, возле нее – купальни. Было две православных церкви (из них одна старообрядческая, со своей школой) и синагога. Кладбища - православное и еврейское. Учебные заведения: церковно-приходская школа и училища – «поселянское» и железнодорожное.

В административном отношении Крюков полностью зависел от Кременчуга, был лишь отдельный полицейский участок и почта, не было своего муниципалитета. При 10 тыс. жителей не было больницы или диспансера, ни одного врача, акушерки. Жили без канализации, уличного освещения. Не было книжного магазина, даже киоска.

Среди 10 тысяч жителей в основном были мещане, старообрядцы, железнодорожники, евреи-торговцы, ремесленники. У железнодорожников был свой врач, два фельдшера, бесплатные аптека и больница, свои баня, столовая и клуб. Некоторые из рабочих-железнодорожников сумели построить свои небольшие дома, для этого требовалось 800 – 1000 руб.

При разливе Днепра Крюков подвергался наводнению, не затопленными оставались только вокзал и железнодорожное полотно. В 1917 г. дом Макаренко оказался затопленным под самую крышу.

Город Кременчуг (70 тыс. жителей) выглядел столицей. С Крюковым его связывал железнодорожный мост (1 километр) через реку Днепр. Курсировал специальный «ученический поезд».

Значимость Кременчугу придавали склады Главного Интинданства, большой ежедневный базар, магазины, три церкви, аптекарский магазин, три средних учебных заведения, «городское училище» (которое окончил А.С. Макаренко). В городе квартировали два пехотных полка и артиллерийская бригада. Одна улица была вымощена камнем, были тротуары.

Этот уездный город, будучи крупным индустриальным, торговым и культурным центром, выглядел более оживленным, чем Полтава, губернский город. Действовали постоянные театры – драматический, оперетты, театр миниатюр, несколько кинематографов. В городе гастролировали Киевская и Харьковская оперы, знаменитые артисты – Шаляпин, Анна Павлова, Орленев и другие, два раза в год давал концерты симфонический оркестр Ахшарумова, струнный оркестр Андреева.

(На разных берегах… Судьба братьев Макаренко / сост. и коммент. Г. Хиллига. – М., 1998, с. 14 – 17, 166).

(Там же, с. 130 – 131).

В Кременчуге работала трамвайная линия, был большой городской сад, в нем театр, ресторан, биллиардный зал, площадка для эстрадных выступлений. Действовало около десятка фабрик: большая табачная фабрика Дурунчи, лесопильные заводы и «вальцовые мельницы» на берегу Днепра.

Общественно-политическую атмосферу в Кременчуге и Крюкове в 1905 – 1906 гг. В.С. Макаренко описывал так: 80 % населения хотело коренных реформ, всем надоели русская бедность, попы и помещики.

Прогнившая монархия, поповщина, «чудотворные» иконы и мощи, безграмотность населения, позор проигранной войны с Японией – всем это надоело, все ждали какого-то обновления. В Русско-японской войне опозорились наши «стратеги»: Куропаткин, Стессель, Ромненкампф и др.

Революционно настроенная масса (Антон в том числе) выдвигала программу: демократическая республика, прямое и тайное голосование при выборах в парламент, национализация крупной промышленности; распределение земельной собственности помещиков и крупных землевладельцев между крестьянами; всеобщее обязательное обучение, свобода вероисповедания, свобода совести и слова, печати и собраний, забастовок. (Там же, с. 111, 23, 27 – 28).

Очень важный этап в жизни и деятельности А.С. Макаренко – его работа в 1911 – 1914 гг. в Долинском двухклассном железнодорожном училище (Херсонской губернии), где он вынужденно оказался после конфликта с новым инспектором (директором) Крюковского училища.

Станция Долинская – на полпути между Кременчугом и Николаевым, кругом голая степь, вдали от культурных центров. При станции – «оборотное депо», церковь, училище, несколько торговых лавочек, около сотни небольших домов; клуба, книжного магазина, кинематографа – не было, среди жителей царила скука, она побуждала к вину, почти к ежедневному хождению «в гости» друг к другу, иногда к попу, в буфет вокзала, в зал для пассажиров I – II классов. (По кн. «На разных берегах…», с. 45 – 46, в изложении). Отсюда А.С. Макаренко уехал на учебу, в Полтавский учительский институт.

«…Захаров (автобиографический образ «Флагов на башнях» - А.Ф.) обладал талантом, довольно распространенным на восточной равнине Европы, - талантом

оптимизма, прекрасного порыва в будущее.. Это особое, чисто интеллектуальное богатство русского человека, человека со здоровой башкой и зорким глазом, умеющим различать ценности.

До октябрьской революции таким богатством души и веры спекулировали хозяева жизни, обращая веру в доверчивость, а оптимизм в беззаботность, расценивая эти качества как особые атрибуты замечательного «русского» прекраснодушия…

И осталось от оптимизма прилично нищенское место, над которым можно было, и посмеяться с европейским высокомерием, и поплакать с русской тоской…

И только в 1917 г. неожиданно обнаружилось, что народный оптимизм есть нечто гораздо более сильнее и гораздо менее безобидное… Чрезвычайно основательно, с настоящей деловитостью русский народ выгнал старомодных эстетов «за Черное море», и очистилось место для новой эстетики и нового оптимизма…

И Захаров прошел такой тяжелый путь – путь оптимиста». (Часть 8, с. 319 – 320).

Я вышел из той социальной среды, в которой большинство моих товарищей уходили в «мальчики» - кто к сапожнику-кустарю, кто к жестянщику, маляру и т.п. Почему уходили в «мальчики», а не на улицу? Потому что иная позиция была мальчика в то время и в семье, и вне семьи. Теперь мальчик свободен… Он действительно нигде не пропадет. (Часть 5, с. 208).

«Никак не могу вспомнить, кто из моих знакомых был дворянином. Правда, в 1914 г. в г. Полтаве меня, по особой протекции, рекомендовали в репетиторы в семью полтавского губернатора Богговута. Я почти обрадовался… мне хотелось посмотреть на потомка одного из героев 1812 года – генерала Богговута, убитого под Тарутином, которого и Л.Н. Толстой помянул добрым словом.

Мои расчеты не оправдались. Я занимался с племянником губернатора несколько месяцев, но, кроме этого племянника, чрезвычайно несимпатичного и глупого мальчика, я никого из губернаторской семьи не видел. Встречал лакеев, каких-то приживал да что-то вроде гувернера – все такая же наемная сила, как и я.

Они впускали меня в губернаторский дом через черный ход, они торговались со мной о цене и не позволяли мне ничего сорвать с именитого работодателя. Они раз в месяц вручали мне конверт, в котором вовсе не были написаны благодарственные слова за мою помощь губернаторской семье, а только помещались обусловленные 15 рублей.

Мои пути и пути дворянской семьи Богговутов находились в настолько различных плоскостях, что Богговуты даже не могли выслушать мое мнение о способностях и прилежании члена их семьи – моего ученика, а нужно полагать, что мое мнение сколько-нибудь их все-таки интересовало…

Дворянское общество… само было обществом рабским, пресмыкающимся обществом, о котором так хорошо в свое время было сказано Лермонтовым:

Перед опасностью позорно-малодушны

И перед властию – презренные рабы.

А многие из нас лучше знали Лермонтова, чем живое дворянство перед японской войной…

Но мы знали о ничтожных страстях каких-то там дворянских выборов и были всегда готовы исполнить пророчество того же Лермонтова:

И прах наш, с строгостью судьи и гражданина

Потомок оскорбит презрительным стихом… - хотя мы и никак, пожалуй, не предвидели, что сами скоро окажемся этими «потомками».

Но между нами и дворянством лежало еще несколько сфер, обладающих какими-то выборными правами… Это были те «круги населения», которые выбирали городское и земское «самоуправление».

Такие выборы тоже происходили более или менее секретно от трудящегося населения… Мы даже не знали имен тех людей, кто участвовал в выборах. Кажется, их было так немного, что они все могли поместиться в одном зале, представляя большой город с населением около 100 тыс. человек. И, насколько я помню, голосование у них производилось шарами, что возможно только в небольшом «своем» обществе.

О всех процедурах их избирательной кампании мы не могли узнать даже из газет: печатались только имена избранных членов городской или земской управы… И почему-то так выходило, что городские головы и члены управ десятилетиями занимали свои посты.

В городе Кременчуге, где я провел большую часть жизни, с тех пор как я начал себя помнить, был городской голова Изюмов… С ним, конечно, не вязалось представление о каких-то выборах… Это самоуправление вызывало заметное умиление у многих интеллигентных душ…

Городское и земское самоуправление… было той жалкой «демократической» подкладкой самодержавия, которую мы, пролетариат – даже не ощущали… К нам эта общественность изредка прикасалась самым «теплым» своим боком, боком благотворительности… Воздвигался «народный дом» - один на губернию… приют для сирот… Дешевая столовая… Вечер для бедных студентов…

Если на выборах в первую и вторую Государственную думу еще можно было слышать кое-какие европейские запахи [демократии], то уже к 1907 г. они были основательно испорчены привычными актами «деятельности в русском духе»: виселицы Столыпина, [еврейские] погромы, резиновые палки в руках членов «Союза русского народа», отправка на каторгу всех социал-демократов второй Государственной думы… Закон 5 июля 1907 г. и самому избирательному закону придал характер прямодушно азиатской бесцеремонной откровенности…

По такому избирательному закону рабочие и крестьяне располагали всего 9 % голосов в губернском избирательном собрании, т.е. фактически не могли послать ни одного депутата… Даже те немногие представители рабочего класса, которым удалось прорваться в Государственную думу, скоро были выданы этим милым учреждением в руки полиции…

Даже родичевы приутихли; политическими фигурами России сделались пуришкевичи и марковы, родзянки и гучковы, да и то последние стали предметом ненависти Романовых… Никакой Европы! – русские господа никак не могли отвыкнуть от крепостных привычек…

В деревне Столыпин приступил к разорению крестьян. Закон 9 ноября должен был привести к полному и решительному разделению его на кулачество и деревенский пролетариат – необходимое условие расцвета промышленности и земельного капитала…

Демократический костюм хищнического империализма в особенности привлекал меньшевиков и эсеров… (Часть 6, с. 196 – 198).

«Когда-то в молодости пригласили меня на каникулах готовить к переэкзаменовке не совсем удачного сынка в одной княжеской семье, проводившей лето в своем имении недалеко от нашего губернского города. Я соблазнился хорошим заработком и возможностью познакомиться с княжеским бытом…

Я прожил в имении два месяца… Мир этот мне не нравился. Сам князь, свиты его величества генерал-майор, «работал» где-то при дворе и в имение не приехал ни разу, Здесь проводили лето высокая, худая, носатая княгиня, двое дочерей-подростков, таких же носатых, и такой же носатый 12-летний кадет, мой, так сказать, воспитанник. Кроме этих лиц, ежедневно в столовой бывало человек до двадцати…

Вся эта компания сплошь до одного человека поразила меня своим духовным ничтожеством. До сих пор в своей жизни я никогда не встречал такого собрания бесполезных людей…

Глядя на них, я не мог не вспомнить моего отца. Он ежедневно, в течение десятков лет, подымался в 5 часов утра, по гудку. Через пятнадцать минут он уже шагал вдоль серых заборов песчаной нашей улицы, и в руках у него всегда был красный узелок с завтраком. В шесть часов вечера он приходит с завода пыльный и серьезный и прежде всего выкладывает на табуретку в кухне аккуратно сложенный красный платочек, в котором так давно он носит свой завтрак.

Разве могли когда-либо задуматься все эти князья и графы, свиты его величества генерал-майоры, их гости и приживалы над тем, сколь стоит ситцевый красный платок, как нужно его беречь, как бережно нужно его стряхивать после завтрака и складывать вчетверо, а потом еще пополам!?...

Мой воспитанник был умственно отсталый мальчик. Кажется, такими же умственно отсталыми были и его сестры, и мамаша-княгиня. Не только большое умственное развитие, но и простая арифметика не были для них существенно необходимы…

Истинную сущность их жизни составляло стяжание,… жадность, с небольшим успехом прикрываемая этикетом и чопорностью. Им было мало того, что они имели!...

С рабочим миром невозможно никакое сравнение. Мой мир был неизмеримо богаче и ярче. Здесь были действительно создатели человеческой культуры: рабочие, учителя, врачи, инженеры, студенты. Здесь были личности, убеждения, стремления, споры, здесь была борьба…

Потом… я понял, что в старое время в семье князей и семьях наших приятелей было, и нечто общее… От княжеских чертогов до хаты маляра Худякова построена была непрерывная лестница, по которой сходили к нам семейные стили – закона капиталистического общества.

Была и качественная пропасть – пропасть классовая. Пролетариат жил по другим законам морали и этики, в основе своей глубоко человеческим». (Том 5, с. 18 – 22).

«В нашу глушь имя: Максим Горький – пришло с большим опозданием: его «Песню о буревестнике» я прочитал в 1903 г.… Было трудно понять, почему «Челкаш» забирает нас за живое… Батько мой был человеком старого стиля, он учил меня на медные деньги, впрочем, других у него и не было.

Учили меня книги, в этом деле таким надежным для многих людей сделался пример Максима Горького: в моем культурном и нравственном росте он определил все.

Горький вплотную подошел к нашему человеческому и гражданскому бытию. Особенно после 1905 г. его деятельность, его книги и его удивительная жизнь сделались источником наших размышлений и работы над собой…

Максим Горький стал для меня не только писателем, но и учителем жизни. А я был просто «народным учителем»… В железнодорожной школе, где я учительствовал, воздух был гораздо чище, чем в других местах: рабочее, настоящее пролетарское общество крепко держало школу в своих руках, и «Союз русского народа» боялся к ней приближаться…

Свою учительскую деятельность ставил очень высоко,… она была более или менее удачна…

Горьковский человек всегда в обществе, всегда видны его корни, он прежде всего социален… У Горького каждый человек хорошо. Хорош не в моральном и социальном смысле, а в смысле красоты и силы…

Даже настоящие «враги» Горьким так показаны, что ясно видны их человеческие силы и лучшие человеческие потенциалы… Прекрасные человеческие характеры, развращенные и исковерканные в наживе, несправедливом властвовании, в неоправданной социальной силе, в нетрудовом опыте…

Умению проектировать в человеке лучшее, более сильное, более интересное нужно учиться у Горького…

Он никогда не принижает своего требования к человеку и никогда не остановится перед самым суровым осуждением…

Сочетание горьковского оптимизма и требовательности есть «мудрость жизни». Я чувствовал, с какой страстью Горький находит в человеке героическое, как любуется скромностью человеческого героизма, как вырастает по-новому героическое в человечестве». (Часть 4, с. 265 – 270).

«С юношеских дней отдельная, какая-то особенная, светлая и тревожная память осталась о «Слове о полку Игореве»… Русская литература в нашем представлении начиналась с конца XVIII в., а до этого – многовековое однообразное протяжение несчастья, нищеты и косноязычия…

И вдруг вспомнил о «Слове», вспомнил с неожиданным, непонятным удивлением,… с благодарностью неведомому чудесному поэту, полному страсти и очарования, искренности и красоты, мужества и торжественности.

Мы не могли тогда еще различать, объясняется наше впечатление могучей силой самого «Слова» или силой души Мефодия Васильевича Нестерова, нашего преподавателя словесности… Мы в то время еще не вполне ясно различали за его фигурой великие тени революционных демократов – Чернышевского, Добролюбова, Некрасова…

Мы два раза видели, как он плакал во время лекции. Первый раз это было, когда он говорил о «Песне про купца Калашникова», но тогда он плакал скромно и пытался показать, как будто у него глаз засорился. А передавая «Слово о полку Игореве», он плакал свободно и доверчиво, и мы преклонялись и перед его стариковской слезой, и перед силой «Слова»…

Он опускал голову и говорил тихо:

- Юноши! Много страдания у этого поэта. Погибла русская земля, погибали доблестные люди от эгоизма, от жадности, от разделения: «Это мое и то мое же». Погибла красивая, богатая, мужественная Русь. Может быть, и сам поэт погиб где-нибудь в половецких степях…» (Часть 7, с. 66 – 67).

«Я сын рабочего, маляра, железнодорожника, который на вагонном заводе проработал 47 лет. На этом заводе работал и я, уже в качестве учителя. Получил самое низкое педагогическое образование…

Эта школа была прекрасной школой в том смысле, что там было единое рабочее общество. Я сам был членом этого общества, как сын рабочего этого завода… Этот школьный опят имел для меня большое значение». (Часть 8, с. 252).

«…В школе всю свою жизнь я работал в особых условиях – в заводской школе, находящейся под постоянным влиянием рабочей общественности…» (Часть 6, с. 240).

«И до [Октябрьской] революции я работал с детьми. Как и полагалось до революции, в моем ведении находилось очень ограниченное социальное поле.

Я сам был сыном рабочего, и мои ученики были такого же сорта. Официально нас тогда называли мастеровыми. У меня были дети мастеровых более высокого ранга - железнодорожников. Родители их были народом квалифицированным: заслуженные деятели паровозных и вагонных парков, машинисты, их помощники, токари, попадались и начальники станций.

Железнодорожники жили лучше других рабочих и даже несколько гордились своей хорошей жизнью. И детей своих учили не в каких-нибудь «начальных» [училищах] «трехлетках» и не в церковноприходских школах, а в специально для них придуманных «пятилетках»[1]. Мои ученики составляли некоторым образом привилегированное детство…

Ребятам моя помощь в выборе их жизненного пути не требовалась… Я проработал в железнодорожной школе 9 лет, выпустил в жизнь человек 500,… и все они, за малым исключением… сделались железнодорожниками… В очень малом диапазоне: от паровозного слесаря до паровозного машиниста.

Окончив школу, мои ребята поступали в тот или иной цех «учениками»… Только когда у них начинала сильно отрастать борода, их переводили в помощники слесаря, это было уже большим карьерным достижением». (Часть 6, с. 50 – 51).

[1] Речь идет о высших начальных училищах, дающих неполное среднее образование. Предназначались преимущественно для имеющих начальное образование. Это школа, приближающаяся в содержании образования к советской школе-семилетке, «неполной средней школе». – А.Ф.

«Учительствую с 17 лет, Батька у меня был очень строгий и противник образования[1]. Поэтому я получил [вначале] образование только низшее[2] и начал учительствовать в 1905 г. в железнодорожной рабочей школе того самого вагонного завода, где работал мой отец[3]. Только в 1914 г., через 9 лет, после смерти отца, я смог поступить в педагогический институт[4] и окончил его в 1917 году.

С 1917 г. я опять учительствовал в той же школе, что и раньше, но я был уже директором школы. Это вагонный завод в Крюкове. Меня привлекало туда то, что там была очень знакомая мне среда, так как буквально все рабочее общество, до одной семьи, было мне известно.

Я в этой школе был до Деникина. Во время Деникина мне пришлось оттуда уйти. Я пошел в народную школу в Полтаве учителем. Там проработал год, а когда мне предложили колонию им. Горького – я ее взял». (Часть 5, с. 83).

[1] Здесь или А.С. Макаренко неудачно выразился, или допущена ошибка при стенографировании. Отец не терпел «образованцев» (как сейчас говорят), т.е. тех, кто использует образование в корыстных целях, будучи недоучками.

Сына Виталия он определил в реальное училище (с платой за обучение 60 руб. в год), где «профильное» среднее образование позволяло поступать в высшие технические учебные заведения.

[2] Имеется в виду Кременчугское «4-классное городское училище», 4 года обучения. Содержание образования в нем см. по «Аттестату» - далее в данном томе. Предназначалось для имеющих начальное образование, включало предметы: церковно-славянский язык, геометрия, естествознание и физика, история, география, черчение и рисование, пение, гимнастика, а также «дополнительные предметы». При выпуске предполагались «производство в первый классный чин» и «льгота, представляемая 2-му разряду образования».

[3] А.С. Макаренко начал работать в школе после окончания одногодичных Педагогических курсов при Кременчугском городском училище в августе 1905 г. При выпуске «подвергался сокращенному испытанию» в Педагогическом совете училища, «удостоен звания учителя начальных училищ с правом преподавания в сельских 2-классных училищах Министерства народного просвещения и обучения церковному пению». «Свидетельство» - см. далее в данном томе.

Сельское 2-классное училище: обучение с 8 лет, 5-летний срок обучения. А.С. Макаренко стал учителем Крюковского 2-классного железнодорожного училища, в Кременчугском уезде. Вынужден был уйти оттуда после ссоры с новым инспектором (директором) училища К.Ф. Карбоненко, уличив его во взяточничестве и добившись передачи дела в суд.

В сентябре 1911 г. «перемещен на должность учителя Долинского 2-классного железнодорожного училища Херсонской губернии, согласно прошению». В том и другом училище «состоял учителем общеобразовательных предметов, а также и дополнительных: черчения и рисования». См. там же: Формулярный список о службе», 1 июня 1912 г.

В Долинском училище А.С. Макаренко был также «надзирателем», воспитателем, получал за это дополнительно 10 руб., жил в отдельной комнате при общежитии учеников (вместе с другим "надзирателем"). Это были в основном дети служащих и рабочих с железнодорожной «линии» Знаменка – Николаев.

[4] А.С. Макаренко поступил в Полтавский учительский институт незадолго до смерти отца, учился в нем с августа 1914 г. до 15 июля 1917 г. Срок обучения – 3 года. При окончании этого института «удостоен звания учителя высшего начального училища», «удостоен золотой медали».

Учебные предметы в институте: педагогика и дидактика (с разделением воспитательных основ педагогики и дидактики, основ обучения, при первенстве воспитания – А.Ф.); в «единстве с методикой»: русский и церковнославянский язык, теория словесности и русская словесность; математика (арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия); без методики: логика, естествознание, физика, космография, рисование, черчение, чистописание, пение, гимнастика. В аттестате отдельно дается оценка успехов «в практических знаниях» по 5 предметам. См. далее в данном томе – «Аттестат» об окончании института, выданный 15 июля 1917 г.

В учительские институты принимались лица, окончившие учительские семинарии или высшие начальные училища, имеющие опыт работы в школе. Предреволюционный учительский институт – в аналогии с советским учительским институтом, который давал незаконченное высшее образование, право преподавания в 7-летке. В полной средней школе могли преподавать окончившие педагогический институт.

«Я сын железнодорожного рабочего… С 1905 г. был народным учителем. В 1914 г. поступил в Полтавский учительский институт, окончил его в 1917 г. с золотой медалью. В 1917 – 1919 гг. был заведующим большой железнодорожной школой при Крюковских вагонных мастерских (до 1000 учащихся). Приход деникинцев и разрушение ими школы и ее отдельных трудовых организаций заставили меня в августе 1919 г. переехать в Полтаву». (Часть 1, с. 39).

«Это случилось в декабре 1913 г…. На небольшой узловой станции на Херсонщине. Станцию и поселок при ней можно было охватить одним взглядом… На станции было маленькое депо, работало в нем народу несколько десятков человек, и на самой станции еще меньше…

В школе было много и сирот. Большинство учеников жили в общежитии при школе. Все это было организовано в «приютском» стиле: бедно, казенно, угрюмо и неподвижно.

Мы, учителя – а нас было человек восемь, - все свое время проводили с ребятами. Впрочем, у нас другого выбора и не было. По старой учительской традиции мы, конечно, предавались прекрасным мечтам: сеяли разумное, доброе, вечное, из года в год делали выпуски и радовались, провожая хлопчиков и девчат в жизнь… Но все они поголовно уезжали на маленькие станции и полустанки продолжать ту же степную страду своих отцов…

Где-то там, далеко, далеко… протекала все-таки какая-то жизнь, взбудораженная 1905-м годом. Она доходила до нас, учителей, в сборниках «Знания», в изданиях «Донской речи», в «Журнале для всех» и, разумеется, в газетах. Мы видели серую, свинцовую «обложную» тучу реакции, видели и редкие вспышки молний рабочего движения, крестьянских волнений, подпольной работы революционеров. Не

видели, а чувствовали и дыхание новой техники… Но мы никогда не были свободны от тяжелого ощущения заброшенности и беспросветности…

Появлялся изредка начальник жандармского управления, усатый, обтянутый рейтузами и мундиром щеголь; один раз он зашел даже в школу, брезгливо взглянул в класс, на полсекунды задержался в дверях учительской и сказал:

- Учителя? Да… Ну, прекрасно…

И ушел, сопровождаемый станционным жандармом, до деревянной твердости набитый почтением и фронтовой выправкой…

И вот первого декабря…по широкой площади перед школой катился прямо на нас крылатый легкий аппарат… Аэроплан остановился у самого крыльца школьного здания…

Поручик, летчик, оказался очень простым и милым человеком, он прожил у нас три дня. На нашей станции была кое-какая аристократия: начальник участка, начальник станции, следователь. Они устроили в честь его небывалый банкет, но поручик не пил ни вина, ни водки, и устроители банкета были очень разочарованы и с горя напились сами до той степени, какая обычно принята была на нашей станции даже по менее важным поводам.

Поручик предпочел общество моих учеников. Целый день он проводил в нашей школе, а вечером устраивался в бедном нашем общежитии и рассказывал ребятам жуткие истории о первых полетах аэропланов, о будущих днях авиации, о погибших летчиках…

В Николаев он должен был прилететь через час…

Алешка Сидоркин… пришел ко мне с листком бумаги… на нем в колонку были написаны фамилии [учеников] и против каждой стояла сумма: 3 копейки, 5 копеек, 1 копейка. Собрано 4 рубля 59 копеек… И мы сели писать телеграмму… Она обошлась нам в 10 рублей, сложились и учителя…

Через неделю мы видели на платформе обломки аэроплана Яблонского, они проследовали через нашу станцию в Киев…» (Часть 6, с. 59 – 61).

«…Это было в 1912 г. Я тогда работал учителем на небольшой узловой [железнодорожной] станции на Херсонщине. Нас окружала степь, до ближайшего города было 70 верст. Школа была для детей линейных служащих, дорожных сторожей, стрелочников с полустанков. При школе было общежитие. Всего у меня под началом было около 200 ребят, мальчиков и девочек. Жизнь наша протекала более или менее скромно…

И вдруг 1 декабря в морозный бесснежный день над станцией закружил аэроплан. Не только мои ребята, но и учителя аэроплан увидели впервые в жизни… Мы бросили уроки и побежали на широкую площадь перед зданием школы. Аэроплан сделал несколько кругов над нами и вдруг пошел на посадку – прямо на нашей площади. Обрадованные, ошеломленные и даже перепуганные, мы бросились к нему…

Мы пригласили поручика в школу. Выяснилось, что это военный самолет, по какому-то особенному заданию совершает небывалый в истории перелет Киев-Севастополь. Фамилия поручика была Абронский. В моторе испортилась какая-то часть. Вечером того же дня механик уехал в Киев получить какую-то часть, а поручик остался жить у нас. Я и ребята близко с ним познакомились…

Абронский во что бы то ни стало решил вылететь 4-го, чтобы поспеть к параду 6 декабря в Севастополе… Абронский обещал из Николаева прислать нам телеграмму о благополучной посадке. Он улетел почти в сумерках…

Телеграмму мы получили, только не от поручика, а от механика… он сообщил, что аэроплан сбился с пути, совершил посадку в поле, попал в ров, аэроплан разбит, поручик с переломанными ногами находится в николаевском госпитале, механик здоров…

В школе было настоящее глубочайшее горе… Один из старших учеников предложил сложиться по копейке и послать Абронскому приветственную телеграмму… Телеграмму послали большую, горячую, полную любви. К вечеру получили ответ: «Спасибо, тронут. Абронский».

На другой день меня вызвал на соседнюю узловую станцию жандармский ротмистр… Он стучал кулаком по столу и шипел:

- Сегодня Абронскому коллективная телеграмма, а завтра кому?...

Я был уволен со службы… Потом мне удалось найти защиту, я был восстановлен…» (Часть 6, с. 54 – 55).

«…Я работал 32 года в педагогической области, из них 16 лет в школе, сначала в начальном училище, высшем и среднем, потом в рабочей и заводской школе… Там был «закон божий», батюшка, который его преподавал… Этот предмет не отражался на воспитании.

Известно, что из духовных семинарий… выходили людьми неверующими. Я видел много попов, но верующего не видел ни одного. Политическое воспитание было очень напряженное, ему уделялось много времени, но толку было мало. Из моих учеников без всякой антирелигиозной пропаганды не выходили верующие люди». (Часть 8, с. 57).

«…С 1915 г. по сегодняшний день я веду записную книжку… туда за определенным порядковым номером (сейчас идет 4000 номер) я записываю отдельной короткой строчкой те или другие свои мысли и впечатления… Прожив на свете 27 лет, я таким образом научился наблюдать и видеть…

Важен этот метод, при помощи которого воспитываешь себя, чтобы лучше мыслить и понимать… (Часть 7, с. 140 – 141).

«К сегодняшнему дню в записных книжках у меня собрано около 4 тыс. заметок… В записной книжке не нужно записывать ничего такого, что составляет основание жизни, ее главный ход… Книжка эта важна как арена, на которой обостряется внимание к мелочам жизни, воспитывается умение видеть и замечать, не проходить мимо мелких, но выразительных и всегда важных деталей». (Там же, с. 134 – 135).

«На южных железных дорогах,… они протянулись от Харькова до Одессы и от Харькова до Севастополя, - тогда было полтора десятка железнодорожных школ и не было среди них ни одной средней и ни одной по-настоящему неполной средней, а учеников было в этих школах всего около 2-х тысяч человек…

После девяти лет работы в бедной железнодорожной школе я пошел учиться, и я попал в руки Александра Константиновича [Волнина]…[1] Мне трудно измерить и трудно рассказать, как много сделали для меня и для других мои учителя. Они былы работниками Полтавского учительского института перед самой революцией. В это время, разумеется, они не могли быть большевиками и открыто воспитывать большевистские характеры. Но из рук много вышло большевиков, и многие из них положили головы на фронтах Гражданской войны.

Это потому, что они были всегда настоящими людьми, и они воспитывали в нас лучшие человеческие стремления. В моем же педагогическом развитии они создали самые главные принципы и навыки духа. У них я заимствовал главные положения моей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему». (А.С. Макаренко. Публичные выступления (1936-1939 гг.). Аутентичное издание/ сост. и коммент. Г.Хиллинг. -Елец. 2012, с.417).

Вариант этого текста – см. в данной книге далее, в рубрике „Жизнь и деятельность А.С. Макаренко в преддверии…”, в § „Автобиографические документы и материалы”, в подрубрике „В Полтавском учительском институте”.

«Мне в Полтаве [осенью 1919 г.] предложили заниматься [вечером] в здании губсовнархоза. Приходя туда, я всегда находил там грязные канцелярские столы, окурки на полу и, как правило, воздух, состоящий главным образом из никотина и дыма. Заниматься с детьми в таких условиях было очень трудно, и, разумеется, я готов был удрать куда угодно, даже к правонарушителям…

Действие на семью через учеников я мог усилить, когда [ранее] у меня была военизированная школа. Я держал учеников на учете, я их держал по бригадам. Были руководители [из учеников]. Все руководители утром отдавали рапорт [в школе]. Приказом я назначал смотр, на смотре присутствовали, кроме меня, старосты классов. Я проходил во двор, бригада была выстроена, и я со всей бригадой обходил квартиры.

Вот такие бригады, ответственные через бригадиров перед директором, отдающие отчет на общих собраниях, - прекрасное воздействие на семью… С такой логикой, что школа – это государственная организация, а семья – это бытовая организация…» (Часть 7, с. 305, 313).

«Роман, в 3-х частях, план.

1-я часть. Темы: Выяснение главного действующего лица.

1. Личное озлобление сильной личности. Рабочее презрение к погибающему миру. Последние отзвуки потерь, брат, мать.
2. Глубокая ненависть к старой России, такое же презрение к русскому и всякому вообще человеку, к его глупости, дидактизму, развивающемуся бюрократизму.
3. Страшно глубокое чувство долга и злость на себя за это, особая чуткость к шкурничеству. Дело доходит до аскетизма.
4. Цинизм, растрачивание себя. Веселые, иронические встречи с женщинами, презрение к семье и родовому инстинкту». (Часть 1, с. 319 – 320).

«Роман, в 4-х частях, план:

Общий план представляет развитие четырех тем в четырех частях… Фоном для всех четырех частей является развитие русской революции.

Часть первая

Фон: Последние громы Гражданской войны. Бандиты, махновщина, догорающие остатки старого мещанства и старой интеллигенции, пафос победы и разрушения. Спазмы кризиса, голод, отчаяние побежденных, захват победителей. Мелочей и деталей нет, есть хаос общего движения. Растерянное и озлобленное самогонное крестьянство, зажигалки у рабочих. Учреждения, трудовая повинность, глупейшие трудовые школы.

№1. В таком же хаотическом и несколько глупом порядке образуется колония правонарушителей…

№2. Параллельно с этим живет и развивается интеллигентская стихия. Захлебывающаяся вера в ребенка, в силу слова, в благотворное влияние свободного развития…

№3. Личное и индивидуальное озлобление сильной личности. Борьба рабочего презрения к погибающему миру и бунт гордой личности… Последние отзвуки потерь, в том числе потеря брата-белогвардейца… Ненависть к глупому бунту крестьянства и к его дикости… Презрение к бессильному сентиментализму интеллигентщины…» (Часть 1, с. 321 – 322).

«Вместо коллоквиума» (август 1922 г. в описании и выписках):

О знаниях А.С. Макаренко по математике, природоведению, химии, географии, истории, социологии, политической экономике и истории социализма, по логи-

ке, психологии, философии, художественной литературе, педагогике – к августу 1922 г. – см. часть 1 данного издания, с. 39 – 41.

Перечень названных областей знания выходит за рамки изучаемых им в Полтавском учительском институте: астрономия и космография, экономическая политика, сравнительная география, промышленная жизнь мира – результат его самообразования.

Масштаб самообразования виден по высказываниям: «совершенно свободно чувствую себя в области физиологии животных и растений»; «астрономию знаю хорошо и практически занимаюсь ею в Полтавском музее»; «знания по астрономии и космографии у меня продукт увлечений юношества»; «несколько раз перечитывал всего Дарвина, знаком с новейшими проявлениями дарвинизма»;

«Новейшая философия химии мне хорошо известна, интересуюсь радиоактивностью. В географии хорошо знаю промышленную жизнь мира и сравнительную географию, хорошо знаком с областью экономической политики, ее историей и зародышами будущих форм, очень интересуюсь Австралией и Новой Зеландией».

«История – мой любимый предмет. Почти на память знаю Ключевского и Покровского, специально интересуюсь феодализмом, прекрасно знаком с эпохой Великой французской революции. Гомеровскую Грецию знаю после штудирования Илиады и Одиссеи.

По социологии кроме социологических этюдов указанных исторических писателей знаком со специальными трудами Спенсера, М. Ковалевского и Денграфа, а также с Ф.-де Куланжем и де Роберти. Из социологии лучше всего известны исследования о происхождении религии, о феодализме.

В области политической экономии и истории социализма штудировал Туган-Барановского и Железнова. Маркса читал отдельные сочинения, но «Капитала» не читал, кроме как в изложении. Знаком хорошо с трудами Михайловского, Лафарга, Маслова, Ленина.

По партийным убеждениям – беспартийный. Считаю социализм возможным в самых прекрасных формах человеческого общежития, но полагаю, что пока под социологию не подведен крепкий фундамент научной психологии, в особенности психологии коллективной, научная разработка социалистических форм невозможна, а без научного обоснования невозможен совершенный социализм.

Логику знаю очень хорошо по Челпанову, Минто и Троицкому.

Читал все, что имеется на русском языке по психологии… Глубоко убежден в том, что науку психологию нужно создавать сначала.

Самым ценным, что было до сих пор сделано в психологии, считаю работы Петражицкого. Читал многие его сочинения, но «Очерки теории права» не удалось прочесть.

Индивидуальную психологию считаю несуществующей – в этом больше всего убедила меня судьба нашего Лазурского. Независимо от вышеизложенного, люблю психологию, считаю, что ей принадлежит будущее.

С философией знаком очень несистематично. Читал Локка, «Критику чистого разума» [Канта], Шопенгауэра, Штирнера, Ницще и Бергсона. Из русских очень добросовестно изучил Соловьева. О Гегеле знаю по изложениям.

Люблю изящную литературу. Больше всего почитаю Шекспира, Пушкина, Достоевского, Гамсуна. Чувствую огромную силу Толстого, но не люблю, терпеть не могу Диккенса. Из новейшей литературы знаю и понимаю Горького и Ал.Н. Толстого.

В области литературных образов много приходилось думать, и поэтому мне удалось самостоятельно установить их оценку и произвести сопоставление. В Полтаве пришлось довольно удачно поработать над составлением вопросника к отдельным произведениям литературы. Я думаю, что обладаю способностями (небольшими) литературного критика.

О своей специальной области – педагогике много читал и много думал. В Учительском институте золотую медаль получил за большое сочинение «Кризис современной педагогики», над которым работал 6 месяцев.

Основными проблемами педагогической науки считаю:

1. Создание научного метода педагогического исследования. В настоящее время считается азбукой, что объектом педагогического исследования является ребенок. Мне это кажется неверным. Объектом исследования со стороны научной педагогики должен считаться педагогический факт (явление).
2. Усиление внимания к детскому коллективу как органическому целому, для чего необходима перестройка всей психологии школьного работника.
3. Полное отрешение от мысли, что для хорошей школы нужны прежде всего хорошие методы в стенах класса. Для хорошей школы прежде всего нужна научно организованная система всех влияний.
4. Русская трудовая школа должна совершенно заново перестроиться, так как в настоящее время она по идее буржуазна. Основанием русской школы должна сделаться не труд-работа, а труд-забота. Только организация школы как хозяйства сделает ее социалистической». (Часть 1, с. 39 – 41).

Из воспоминаний В.С. Макаренко (в изложении):

Антон постоянно был с какой-нибудь книгой. Он обладал колоссальной памятью; его способность ассимиляции, прямо сказать, - неограниченна. Он был самым образованным человеком в Крюкове, на все его 10 тыс. населения. Читал «научные» книги, по философии, социологии, астрономии, тут и естествознание, и художественная критика, множество художественных произведений, начиная от Гомера и кончая Гамсуном и М. Горьким.

Особенно много – книги по русской истории: Ключевский, Платонов, Костомаров, Милюков, Грушевский (История Украины), Шильдер (Александр I, Николай I). Из всеобщей истории – история Рима (прочитал всех римских историков), несколько трудов о Французской революции (в том числе 3-томная «Французская революция», пер. с франц.).

Затем книги по философии, Антон увлекался Ницще и Шопенгауэром, В. Соловьевым, книгой Отто Вайнингера «Пол и характер» (она была большим литературным событием).

Из художественной литературы он читал буквально все, что тогда предлагал книжный рынок. Особенно: М. Горький, Л. Андреев, из иностранных – К. Гамсун (роман «Мистерия»). Далее – Куприн, Вересаев, Чириков, Скиталец, Серафимович, Арцыбашев, Сологуб, Мережковский, Аверченко, Найденов, Сургучев, Тэффи. Из иностранных еще Г. Ибсен, А. Стринберг, О. Уальд, Д. Лондон, Г. Гауптман, Б. Келлерман, Г. д Аннуцию, А. Франс, М. Метерлинк, Э. Ростан и многие другие.

Читал Антон внимательно и поразительно быстро, не пропуская ничего. Спорить с ним о литературе было бесполезно.

Он не пропускал сборников и альманахов «Знание», «Шиповник», «Альциона» и многих других. Выписывал журналы «Русское богатство», «Русское слово» (Москва), сатирический журнал «Сатирикон» (С.-Петербург), покупал иллюстрированные журналы «Столица и усадьба», «Мир искусства». Книги брал в Кременчугской городской библиотеке, получал из библиотеки Южной жел. дороги.

По прочтении он книги раздавал желающим. Поэтому его личная библиотека состояла лишь из 8 томов Ключевского (Курс русской истории) и 22 томов «Большой энциклопедии» (ее он приобрел в кредит).

Когда семья Макаренко переехала в Крюков, в нем интеллигенции было лишь несколько человек: 3-4 учителя городского училища, сюда можно было отнести еще 4-х священников, из них самым культурным и интересным был Д.И. Григорович. В спорах на богословские темы А.С. Макаренко всегда выходил победителем, он хорошо знал Библию. (На разных берегах…, с. 31 – 32, см. также с. 87, 93 – 94, 109, 112, 120 и др.).

Свидетельство И.Г. Колоса (воспитанник колонии им. М. Горького с 18 декабря 1920 г., в «Педагогической поэме» И. Голос.):

А.С. Макаренко в одинаковой степени владел русским и украинским языками. В разговорной речи пользовался в основном русским языком, включая обычно меткие украинские слова и выражения. В общении с крестьянами говорил обычно по-украински, используя и русские слова. Будучи образованным человеком, хорошо обладал не только обычной народной речью, но литературным украинским языком. Его язык ближе всего к Котляревскому, Гребенку, Квитке, Основьяненко, Коцюбинскому, но дальше от языка Ивана Франко. (Там же, с. 366, в изложении). *И.Г. Колос* после колонии им. М.Горького окончил рабфак, затем Харьковский инженерно-строительный институт. Оказался среди призванных С. Орджоникидзе осваивать Кольский полуостров; с 1936 г. – на строительстве комбината «Североникель», города Мончегорска. Оборонял этот район в Великую Отечественную войну, капитаном инженерно-саперного подразделения. Награжден орденами Отечественной войны, Красной Звезды. Стал «Почетным гражданином Мончегорска).

«… Так было и в моей юности. У меня это было долго и мучительно отразилось во всей моей жизни. Я, например, до 40 лет не женился потому, что не хотел скуки и обыденщины, не хотел теплого угла и успокоения в потомстве…

Все это естественно… вопросы все-таки остаются, и нужно их во что бы то ни стало разрешить.

Я для себя их разрешил…

Понятие цели [жизни] пришло от простой, обыкновенной человеческой деятельности. Вся жизнь человека в том и состоит, что он борется с природой, с холодом, с голодом, с нуждой, с врагами. Его жизнь – это череда определенных мелких или крупных мероприятий, направленных к поддержанию жизни. Каждое такое мероприятие имеет цель, но все цели сводятся к одной: прожить как можно дольше и как можно приятнее. Цель это разумная, и разумно ее достигать.

В старом мире эта цель достигалась каждым человеком на свой страх и риск, при помощи своей личной борьбы.

Чем более росло человечество, тем все больше и больше начинало понимать, что лучше всего эта цель будет достигаться, если бороться не в одиночку, а коллективом. В социализме идея коллективности выражена в наиболее совершенных формах, но нельзя сомневаться в том, что через несколько тысяч лет будут найдены новые, еще более богатые формы коллективности…

Природа сама по себе не знает цели, мир тоже цели не имеет… Жизнь и смерть одинаково законны и естественны…

Требование, чтобы в жизни была какая-то абсолютная цель, - требование, ни на чем не основанное… И в нашей теперешней жизни часто именно бесцельные поступки бывают самыми лучшими и благородными поступками…

И наоборот, слишком реальное видение близкой цели, в особенности цели индивидуальной, делает жизнь часто прямо отвратительной… Жизнь должна быть прекрасна, она и есть прекрасное начало…

Я люблю жизнь, такой как она есть. Она прекрасна именно потому, что непрактична, не рассчитана по эгоизму, что в ней есть борьба и опасности, есть страдание и мысль, есть какая-то гордость и независимость от природы…

Надо уметь видеть прелесть сегодняшнего и завтрашнего дня и жить этой прелесть. В этом и заключается мудрость жизни и, если хочешь, ее цель… Находить более сложные и богатые прелести – в работе, красоте, борьбе, в росте человеческой материи…» (Часть 7, с. 211 – 212).

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.С. МАКАРЕНКО В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905 – 1907 ГГ.) И ПОСЛЕ ЕЕ, В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ (1917 Г.), ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917 – 1920 ГГ.), ДО СЕНТЯБРЯ – НОЯБРЯ 1920 Г.

1.Авторские материалы А.С. Макаренко

Подписка – обязательство «казенного стипендиата», 24 ноября 1914 г.

Я, нижеподписавшийся воспитанник[1] Полтавского учительского института и казенный стипендиат Министерства народного просвещения Антон Макаренко, даю эту подписку в том, что обязуюсь прослужить после окончания курса за казенную стипендию не менее шести лет в должности учителя городского училища по назначению учебного начальства.

Полтава

Ноября 26 дня 1914 г.

Писал собственноручно воспитанник Полтавского учительского института Антон Макаренко

Факсимиле, автограф А.С. Макаренко, в книге: Ніжинсвкий М.П. Життя і педагогічна діяльність А.С. Макаренко. – Харьков, 1966, с. 22 (1-е издание – 1958 г.).

Под «Подпиской» следует текст (факсимиле, автограф):

«Поименованный в настоящей подписке воспитанник Макаренко Антон обязан прослужить в должности учителя высшего начального училища по назначению учебного начальства за получение им на казенный счет в Полтавском учительском институте шесть лет или возвратить Государственному Казначейству затраченную на него сумму, всего пятьсот девяносто два (592) руб. 26 коп.

Директор института А. Волнин

За Письмоводителя (подпись неразборчива)

Дано по указанной выше книге, с. 22.

[1] Наименование учащегося в учительском институте: не «студент», а «воспитанник» - говорит о первенстве воспитания, формирования прежде всего педагога-человека, а потом профессионала, владеющего технологией педагогической работы («компетенциями», как сейчас говорится).

А.С. Макаренко не раз высказывался о приоретете «человеческого» над технологическим в работе не только педагога, но и писателя, литературоведа.

По воспоминаниям В.С. Макаренко (в изложении): Антон жил на 15 руб. стипендии, этого хватало, чтобы не умереть с голоду. 5 руб. он платил за комнату без отопления. 10 руб. уходило на учебные пособия, бумагу, парикмахерскую, табак. Не скупился он на покупку книг. Деньгами изредка помогал отец, приходилось брать взаймы у Е.Ф. Григорович.

(На разных берегах… Судьба братьев Макаренко / сост. и коммент. Г. Хиллига. – М., 1998, с. 46 – 47).

Только что открывшийся Полтавский учительский институт: 3 года обучения, он давал право преподавания в «высшем начальном училище» (по статусу близком советской 7–летке).

Принимались лица, окончившие епархиальное училище или городское училище и имеющие педагогический опыт. Из 120 по-

давших заявление о приеме были допущены к испытаниям 80 человек; принято 28. Принимались лица лишь мужского пола, неженатые, прошедшие медицинское обследование. Вступительные экзамены – по русскому языку, математике и Закону Божьему. 2 человека приняты в институт в качестве кандидатов.

Занятия начались 12 сентября 1914 г. при неполном составе преподавателей. Институт размещался в арендованном здании, всего 8 комнат и квартира директора.

(Ткаченко А.В. Alma Mater А.С. Макаренко: возвращаясь к проблеме // Идеи и опыт отечественной педагогики как фактор развития современного образования в России. Матер. конференции… Волгоград / под общ. ред. Л.И. Гриценко. – М., 2016, с. 18 – 20.

Выпущен А.С. Макаренко из института 15 июля 1917 г., с продлением срока обучения из-за его прерывания (окт. 1916 – апр. 1917 гг.) воинской службой (общий выпуск произведен весной 1917 г.). (Это педагогическое образование позднее стало в СССР квалифицироваться как «незаконченное высшее». – А.Ф.).

После выпуска А.С. Макаренко мечтал о поступлении на историко-филологический факультет Московского университета. Для этого необходимо было дополнительно сдать вступительные экзамены по латинскому языку и по одному из «новых», европейских языков (т.е. сравняться с образованием, полученным в гимназии, привилегированным среднем учебном заведении).

Глупый день. Рассказ. 1914 – 1915 гг., в описании

Текст рассказа не сохранился А.С. Макаренко говорит:

«…И многие тогда помогли Горькому… Бросился, конечно, и я. Мне казалось некоторое время, что это можно сделать только в форме литературной работы. В 1914 г. я написал рассказ «Глупый день» и послал Горькому.

В рассказе я изобразил действительное событие: поп ревнует жену к учителю, и жена, и учитель боятся попа; попа заставляют служить молебен по случаю открытия «Союза русского народа», и после этого поп чувствует, что он потерял власть над женой, потерял право на ревность, и молодая жена приобрела право относиться к нему с презрением…

Я без особого страдания отбросил писательские мечты, тем более что и свою учительскую деятельность ставил очень высоко. Бороться в прорыве на культурном фронте можно было и в роли учителя. Учительская моя деятельность была более или менее удачна, а после Октября передо мной открылись невиданные перспективы». (Часть 4 данного издания, с. 268 -269. Рассказ написан во время учебы А.С. Макаренко в Полтавском учительском институте).

«Давно, в 1915 г., я написал рассказ, который назывался «Глупый день». Мне тогда было 27 лет, но я имел слабое понятие о писательском мастерстве и вообще о законах художественного творчества. Я взял интересный случай из жизни и просто о нем рассказал.

Отправил рассказ А.М. Горькому, который издавал «Летопись». Через две недели получил от Алексея Максимовича письмо, которое помню дословно:

«Рассказ интересен по теме, но написан слабо: не написан фон, диалог не интересен, драматизм переживаний главного героя не выяснен. Попробуйте написать что-либо другое».

Из этого письма я хорошо понял, что писать еще не умею и что нужно учиться…

Тринадцать лет я не повторял писательских попыток… Но все-таки завел себе записную книжку, в которую заносил все, что казалось мне достойным. В первое время в моей записной книжке преобладали афоризмы и сентенции, а потом я привык записывать детали жизни, пейзажи, сравнения, диалоги, портреты, темы, словечки. К концу 1927 г. у меня накопился интересный материал…

Интересно вот что: я работал в трудовой колонии им. М. Горького, мимо меня проходила сложная и напряженная жизнь нескольких сот молодых людей, но я считал, что это не может быть предметом художественного изображения…

Мне все казалось, что если я когда-нибудь напишу роман, то он будет на самую важную тему – о человеке, о любви, о великих революционных событиях»… (Часть 7, с. 133).

«Свой первый рассказ написал в 1915 г. Тогда я был школьным учителем, сюжет рассказа не имел никакого отношения моей работе. Писать меня побудило желание освободиться от профессии учителя, стать писателем и завоевать славу. Рассказ, однако, получился слабый». (Часть 6, с. 153).

(В рассказе на семейно-бытовом уровне отражается общественно-политическая атмосфера русской революции 1905 г. и предстоящих революций 1917 г. Рассказ автобиографичен: учитель – это А.С. Макаренко; жена священника – Е.Ф. Григорович (Архангельская), в «Педагогической поэме» Екатерина Григорьевна; поп – Д.И. Григорович, священник Покровской церкви в Крюкове.

Художественно изображены отголоски события, запечатленного в специальном «Приказе по временному генерал-губернаторству г. Кременчуга №9, 23 декабря 1905 г.» В нем говорится, что Григорович Д.И. принял участие в состоявшемся 6 декабря на территории Крюковских железнодорожных мастерских собраний, имеющем «анархистско-революционный характер» (около 6 тыс. человек, «со знаменами красного и черного цвета», с призывами «открытого восстания»);

Григорович Д.И. «совершил там молебствование, но многолетия перед образом Св. Чудотворца Николая не возгласил». Губернатор предотвратил «демонстративно-революционное движение» по Крюкову и Кременчугу, угрожая встретить его «градом пуль и штыками». Собравшиеся были разогнаны казачьей сотней – А.Ф. Дано по материалу А.В Ткаченко).

Канцона, 23 января 1916 г.

Канцона

Юноша-паж,
Рыцарю милость одну покажи,
Пояс и герб на коне повяжи,
Пояс пирчевый и герб золотой-
Символы счастья в стране боевой…
Но будут разодраны эти эмблемы
В битве неравной толпой сарацин.
Тем чаще и чаще с кровавых вершин
Будут катиться разбитые шлемы.

Экспонат Крюковского педагогическо-мемориального музея А.С. Макаренко. Написано во время учебы А.С. Макаренко в Полтавском учительском институте.

Канцона **– лирическая песня, восходящая к итальянской народной песне, итальянской и провансальской поэзии средних веков и эпохи Возрождения.**

Шутливые стихи в альбоме, начало 1916 г.

Достигнет райского блаженства
И в этом рае, как в былом,
Не всякий грешник. Совершенства
Хоть в роде несколько ином

Должны быть грешнику не чужды:
Не ври в три короба без нужды,
Конфет в карманы не клади,
Хандрящей букой не гляди,

Своих товарищей – болванов
С собою в гости не таскай,
А если предлагают чай,
То пей не больше трех стаканов.

Не пой хрипящим тенорком,
Не будь и круглым дураком.

Экспонат Кременчугского педагогическо-мемориального музея А.С. Макаренко. Стихи из альбома, посвященного Е.Ф. Григорович, В.Я. Костецкой («Вера») и Е.Я. Костецкой (Екатерина, «Катуся»). Все трое тогда – учительницы одной из полтавских школ, заведовала ею Е.Ф. Григорович. Под стихами – автошарж, рисунок А.С. Макаренко. Дата – ориентировочная.

Костецкие – дочери священника с. Останье, Полтавской губернии. «Вера – всегда молчаливая, задумчивая и грустная. Катя – похожая на маленькую птичку, которая всегда щебечет». (На разных берегах. Судьба братьев Макаренко / сост. и коммент. Г. Хиллиг. – М., 1998, с. 114 – 115).

Письмо В.Я. Костецкой, 17 декабря 1916 г.

Киев 17 дек. 1916.

Мне так неудержимо и так просто захотелось Вас приветствовать, что, как видите, я себе в этом не решился отказать.

Разумеется, это не значит, что под луной случилось что-либо новое, все по-прежнему и своим постоянством уже начинает меня раздражать. Только начинает, но я уверен, что попытка событий смутить меня окончится неудачей. Ведь даже Вы признали, что я самый счастливый человек. Я все больше уверяюсь, что это правда.

Если бы объективно оценить обстановку, в которой я живу, то и этого достаточно, чтобы разразиться проклятиями[1], а я не только никого не проклинаю, но еще и Вам пишу. Это уже совершенный комфорт, и Вы не можете представить, как я чувствую себя радостно. Все в мире прекрасно и так прекрасно Ваше грустное молчание, что мне хочется вставить Вас в раму и поместить в Третьяковской галерее.

Не сердитесь, пожалуйста, за письмо - ведь оно непосредственно, а все непосредственное, по крайней мере, простительно. Мне решительно ничего не нужно Вам сообщить и спрашивать у Вас я ни о чем не буду.

Если бы это было в Полтаве, я только в минуты плохого настроения стал бы утруждать Ваш покой, висящий на волоске, своими разговорами. Вообще же гораздо интереснее и достойнее Вас понимать без словесных подходов.

Я очень благодарен Вам, что иногда Вы позволяли лишь это делать, позволяли мне быть небесным эгоистом, небесным потому что я удовлетворялся очень сложным и очень трудным созерцанием.

Такого же рода созерцание я переживаю и сейчас, и мне решительно нет нужды водить этим карандашом на этой бумаге и пытаться рассказать Вам что-то, чтобы Вы не скучали. Лучше всего было бы послать Вам только одно слово - Привет!

Но уж такова слабость наша. Впрочем, очень может быть, что это письмо не произведет на Вас неприятное впечатление, а если оно заставит Вас хоть раз улыбнуться над этим наивным лепетом, то и совсем хорошо. Подумайте, лишней улыбкой станет у Вас больше, а так как это будет сделано не для чьих-нибудь глаз, то стало быть и улыбка Ваша будет искренна. Это не значит, что я так мало хочу, это значит только, что [почтовая] марка не пропала даром.

Вот и все, поверьте, без всякой скрытой хитрости пишу. Ведь я просто пишу, а не для чего-нибудь. Когда два человека встречаются ежедневно, они все равно приветствуют друг друга. Тем более естественно такой славной паре, как мы с Вами, иногда обменяться салютом. Вот и все.

У Вас есть воображение - представьте себе, что король некой страны приказывает сделать в честь Вашего существования 7 выстрелов из старой пушки. Ведь приятно же это для Вас. Это, во всяком случае, не глупее многих человеческих разговоров, объяснений, объятий, поцелуев и ссор.

Если Вы будете более радостны, чем за минуту до этого, не откажите мысленно поздравить меня с лишним хорошим днем.

Т.[2]

Экспонат Кременчугского педагогическо-мемориального музея А.С. Макаренко. Написано в Киеве, где А.С. Макаренко проходил воинскую службу в качестве «ратника II разряда ополчения» 147 пешей Воронежской дружины, располагавшейся в Киеве («нижний чин»). Служба продолжалась с октября 1916 г. по апрель 1917 г. (см. часть 4, с. 170 – 171).

[1] Эта начальная часть фразы кем-то подчеркнута.

[2] «Тося» - так А.С. Макаренко называли друзья.

Кризис современной педагогики («большое сочинение, над которым работал 6 месяцев»), 1916 г., общая характеристика

Текст этого весьма значительного труда А.С. Макаренко не сохранился и, вероятно, безвозвратно утрачен, в ходе Гражданской войны.

Золотую медаль при окончании Полтавского учительского института в середине июля 1917 г. А.С. Макаренко получил, по его словам, именно за это «сочинение». Возможно, получил в совокупности со многими другими сочинениями, которые в процессе обучения он и все «воспитанники» института писали и по другим учебным предметам. Получение медали подтверждается «Аттестатом», выданном при окончании института.

Определение точного времени написания «Кризиса современной педагогики» затруднено тем обстоятельством, что, будучи с октября 1916 г. по апрель 1917 г. на военной службе, А.С. Макаренко не имел непрерывного 6-месячного срока учебной работы. После службы до окончания института оставалось лишь около 3-х месяцев.

Есть все основания предполагать, что «Кризис» написан до службы, т.е. в 1916 г., до октября этого года. Это значит – до Февральской революции 1917 г.

О содержании этого труда можно судить по фрагментам некоторых дошедших до нас работ А.С. Макаренко, относящихся к началу 1920-х гг.

По ним видно, что в «большом сочинении» говорится не только об отечественной, но и о зарубежной педагогике. И все содержание этого труда четко сводится к первому слову в его наименовании: «Кризис». Дается, следовательно, не только критический анализ, но и явно негативная оценка всей «современной педагогике».

Удивительно, что это тогда, когда на рубеже XIX – XX веков в Западной Европе бурно развивалась «реформаторская педагогика», возникла прагматическая педагогика Дж. Дьюи, действовали теория и практика «трудовой школы», «свободного воспитания», «нового воспитания», «экспериментальной педагогики», «гражданского воспитания» Г. Кершенштейнера, возникла «социальная педагогика» П. Наторпа.

В работах начала 1920-х гг. А.С. Макаренко отрицательно отзывается о Э. Меймане, Э. Кей, Л.Н. Толстом, Г. Шарельмане, упоминает о Н. Мак Мене, Н. Поповой. В дальнейшем критически отзывается о Дж. Дьюи, П. Наторпе. Он видит пагубное влияние в педагогике рефлексологии и «новейшего европейского индивидуализма» (см. часть 1 данного издания, с. 30, 45, 46; часть 3, с. 47 – 48, 53 – 54).

И.Н. Гуков вспоминал о горячих выступлениях, докладах А.С. Макаренко в конце 1919 – начале 1920 гг.: «Поражало знание Антоном Семеновичем педагогической литературы. Длинные цитаты из русских и иностранных авторов он приводил наизусть. И приводил для того, чтобы отвергнуть их новой действительностью. Это «отрицание святых» в педагогике, преклонение перед опытом и экспериментом влекли к нему учительскую молодежь» (Фролов А.А. Организация воспитательного процесса в практике А.С. Макаренко. – Горький. 1978, с. 10).

Прошение, 9 сентября 1917 г.

Господину Директору Полтавского Учительского Института
окончившего курс того же института
Антона Макаренко

прошение.

Честь имею покорнейше просить Вас назначить меня на штат¬ную должность преподавателя в образцовом при институте училище[1]. Если же ныне вакансий штатного преподавателя не имеется, то на должность заместителя преподавателя. При этом я надеюсь, что первое открывшееся штатное место будет предоставлено мне.

Подавая настоящее прошение, я имею в виду украинизацию института, вследствие чего считаю необходимым заявить, что предметы курса образцового училища я могу преподавать на украинском языке, поскольку это представляется возможным по условиям переходного состояния украинизуемой школы.

г. Полтава.

Сентября 9 дня 1917 г.

Антон Макаренко

Адрес: г. Полтава, Шевченковская, 43, кв. 5

Факсимиле, автограф А.С. Макаренко, в книге: Ніжинський М.П. Життя і педагогічна діяльність А.С. Макаренко. – Харьков, 1966, с. 37.

Решением Совета института А.С. Макаренко был допущен к преподаванию в училище института, исполнял также обязанности письмоводителя института (там же, с. 26), вероятно, до ноября 1917 г.

[1] Училище было открыто в ноябре 1915 г. (как «городское училище», в составе одного отделения, 22 ученика), стало базой педагогической практики в институте. Из-за нехватки учителей во время войны уроки в училище вели некоторые «воспитанники» института (в том числе и А.С. Макаренко), на постоянной основе.

Письмо А.П. Сугак, 9 апреля 1918 г.

Учительнице г-же А.П. Сугак.

Уезжая в Харьков для занятия в бюро Комитета[1], прошу Вас принять заведование высшим начальным училищем.

При этом в особенности прошу Вас в случае поступления от кого-либо просьбы об отводе здания училища для спектакля или вечера, давать свое согласие на отвод помещения только при условии готовности двух преподавателей нести дежурство во время вечера и при этом только в том случае, если от постановки вечера или спектакля училищу будет гарантировано отчисление - в пользу училища, Курсов для взрослых и Родительского Комитета.

9 апр. 1918 г.

Инспектор А.Макаренко.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 285. На конверте:

«В. Срочно

Исп. об. инспектора Крюковского жел.-дор. училища Антонине Павловне Сугак.

Училищный отдел».

В это время А.С. Макаренко был инспектором (директором) высшего (соединенного, I и II ступени) начального железнодорожного училища в Крюкове (до 1 тыс. учащихся), оно пополнилось также детьми эвакуированных работников Варшавской железной дороги.

[1] Макаренко, видимо, тогда был членом харьковского Комитета народного просвещения, в ведомстве Управления южных железных дорог, занимался делами железнодорожных училищ.

***Дополнение.* По воспоминаниям В.С. Макаренко (в изложении):**

В 1917 – 1919 гг. власть в Кременчуге, Крюкове менялась, чуть ли не каждые 2 месяца: большевики, немцы, опять большевики, петлюровцы, антоновцы, григорьевцы и пр. Население бы-

ло разорено. На рынке практически ничего не было, даже хлеба, не было обуви, мануфактуры. Действовал только обмен. (На разных берегах…, с. 51 – 52).

Кременчуг, Крюков захвачены «Добровольческой армией» генерала Деникина 10 августа 1919 г. (после взятия Полтавы). А.С. Макаренко получил датированное 7 сентября «уведомление Полтавской городской управы», с предложением стать заведующим полтавским «городским низшим начальным училищем им. Князя Куракина» с 9 сентября, «прибыть в Полтаву и приступить к исполнению обязанностей или, в случае отказа от этой должности, немедленно уведомить об этом управу». Решение принято управой «согласно прошению», вероятно, А.С. Макаренко. Он сдал Крюковское высшее железнодорожное училище 20 сентября 1919 г.

Полтава освобождена от деникинцев Красной Армией и партизанами 10 декабря 1919 г. (Кременчуг и Крюков – 20 декабря). Мать А.С. Макаренко, Татьяна Михайловна, была вынуждена временно уехать в деревню (отец, Семен Григорьевич, умер 27 февраля 1916 г.). В.С. Макаренко отступил с армией Деникина.

А.С. Макаренко становится заведующим полтавским «2-м начальным городским училищем», затем «единой трудовой школой» № 10.

Сонет. 2 апреля 1920 г.

Сонет.
К коленям Вашим радостный щенок
Бросается стремглав с надеждой зыбкой.
Как оскорбит его презрительный пинок
И как он мирится с презрительной улыбкой!

И я живу с такою же страстью гибкой,
Пусть звуков мир враждебен и далек,
Я упиваюсь лишь одной далекой скрипкой
Но мой восторг так чист и так высок!

Желаний нет. Желанное все смутно.
У Ваших ног теперь так неуютно,
Так холодно у Ваших ног теперь.

И я молчанья сумрачную чашу
С улыбкой пью и издали лишь Вашу
Благословляю запертую дверь.
2 апреля 1920 г.

Т.

Экспонат Крюковского педагогическо-мемориального музея А.С. Макаренко. Написано во время работы А.С. Макаренко в школе №10. Это стихотворение, как т два последующих, посвящены, видимо, В.Я. Костецкой.

Сонет **(итал.) – стихотворная форма: 14 строк, 2 четверостишья и 2 трехстишия. Шедевры сонета – в поэзии Шекспира, Данте, Петрарки.**

В начале 1920 г. А.С. Макаренко принял активное участие в создании советских органов народного просвещения на Полтавщине. С декабря 1919 г. он – член правления губернской профсоюзной организации учителей школ с преподаванием на русском языке. В 1919 – 1920-х гг. – заведующий подсекцией трудовых колоний Полтавского губоно.

В июле 1920 г. им (или при его участии) составлены два документа: «План работы подотдела социального воспитания на 1920 г.» и «Доклад по подотделу социального воспитания. Заведующему губотделом просвещения на Полтавщине» (бывш. ЦГАОР УССР, ф. 166, оп. 2, д. 203, лл. 11-12, 13-14 и др. Эти материалы требуют дальнейшего изучения. См. также: Ніжинський М.П. Життя і педагогічна діяльність А.С. Макаренко. – Харьков, 1966, с. 38).

А.С. Макаренко был распорядителем большого праздника открытия в июле 1920 г. Детского дворца в бывшем доме губернатора Полтавы. С апреля 1921 г. он – член Совета рабочих и красноармейских депутатов г. Полтавы. (как представитель профсоюза работников образования и культуры).

Фролов А.А. А.С. Макаренко и педагогика его времени. – Горький, 1988, с. 24.

Стон. Сонет. 24 ноября 1920 г.

Стон.

Вам в стоне этом чудится страданье?
Ошиблись Вы, мне непривычен стон.
И Вашу смерть, и Ваше увяданье
Я встречу лишь, как жуткий, жуткий сон.

Я знаю: образ Ваш не вечным сотворен.
Но оттого лишь жгучим стало любованье:
Чем сумрак трепетней и чем грозней урон
Тем больше прелести в самом очарованье.

Я к Вам приду, не званный и чужой,
И стану чушь болтать с улыбкой сладкой
И хмуриться в тени холодности немой.

Презреньем встречу я презренье речи краткой,
Но буду нежно созерцать украдкой
Ваш образ чистый и родной, родной.

Т.

24 ноября 1920 г.

Экспонат Кременчугского педагогическо-мемориального музея А.С. Макаренко. Написано в самом начале работы А.С. Макаренко заведующим полтавским «основным детским домом для морально дефективных детей №7» (в будущем «Трудовая колония им. М. Горького»).

Просьба. Стихотворение. 11 – 24 декабря 1920 г.

Просьба

Нет, Я к Вам не пришел. Мне чудится кошар.
Вас окружили все лукавые старушки.
Мне не проникнуть к Вам: в дверях Вашей избушки
Шептания тайный знак, волшебства их угар.

И в дни моей тоски, в дни мои ненастья
Все ведьмы Вас ревниво-жадно стерегут,
Из Вашей красоты они кому-то ткут
Рубашку розовую сладенького счастья.

Но клятвенный зарок я дать им всем готов:
Что никого из них в сердцах не изувечу,
Рубашки розовой я даже не замечу,
Лишь погляжу на бас без вздохов и без слов.

И Вы скажите им: «Не боитесь, он не злой,
И не волнуйтесь так своим бесовским кругом:
Он не любовник мне, не друг и не был другом,
Но я так много дней была его мечтой».
II – 24 декабря 1920 г.

Т.

Экспонат Крюковского педагогическо-мемориального музея А.С. Макаренко.

2. Автобиографические документы и материалы

Выписка из «метрической книги на 1888 год. Часть первая, о родившихся».

Родившийся – 1, крещеный – 12 [марта], Антоний[1]. Родители: отец – города Харькова цеховой[2] Семен Григорьевич Макаренко и законная жена его – Татьяна Михайловна, православные.

Звание, имя, отчество и фамилия восприемников: города Орла почетный гражданин Василий Петрович, сын Осирятов и города Кременчуга дочь отставного шевриста Пелагея Михайловна дочь Доргачева.

Таинство крещения совершил священник Митрофан Ракитовский.

Антон Семенович Макаренко / Упор.: П.Г. Лысенко, І. С. Убийвовк. Вид. друге, пер. и доп. – Кіів, 1978, с. 23.

[1] Даты по старому (до 1917 г.) стилю. По новому – 13 и 25 марта.

[2] «Цеховыми» называли тогда горожан–рабочих производственных и иных предприятий, по традиции относящихся к какой-либо «цеховой» ремесленной организации: маляры, жестянщики, красильщики, портные и т.д.

Место рождения А.С. Макаренко – поселок в 2-3 км. от железнодорожной станции Белополье, около 200 км. к северо-западу от Харькова, 12 км. от «Великороссии». Поселок вокруг железнодорожной станции, в нем жили в основном железнодорожные служащие, рабочие железнодорожных мастерских, в них трудился отец, С.Г. Макаренко.

Первой родилась девочка Серафима, умерла в младенчестве. Вторая дочь, Александра, в замужестве Загнойко. Ее муж – паровозный машинист, стал большевиком. Жительство – на станции Знаменка. Туда временно уехала мать, Татьяна Михай-

ловна, спасаясь от перемены власти, при бегстве деникенцев, дом был разграблен.

После Антона родилась Наталья (в 1893 г. она маленькой упала с постели, ее парализовало, отнялись ноги, умерла от кори в 1899 г.). Последним родился Виталий, в 1895 г. (20 апреля, по старому стилю).

Антон родился преждевременно: мать в гололедицу упала у колодца. Об этом никто не должен был знать, не знал и Антон. За ним был особый уход: теплые ванны, нагретые пеленки, массаж. Говорить он стал очень рано, но ходить – лишь через полтора года.

Это был болезненный, «золотушный» ребенок, с насморками, ангинами, флюсами, ячменями на глазах, карбункулами на шее, болели уши.

Лечили тогда «домашними средствами»: рыбий жир, йодоформ, мази, разные «специи». Ребенка кутали в теплую одежду, он постоянно простуживался. Болезни отступили к 7-8 годам, но давали о себе знать далее (и в зрелом возрасте). Мальчик был спокойный, тихий.

Наследственным (вероятно, по линии матери) у Антона был порок сердца. В молодости он иногда, неожиданно, без какой-либо причины терял сознание (в Крюкове на вокзале, в школе в учительской).

На разных берегах... Судьба братьев Макаренко / сост. и коммент. Г. Хиллига. – М., 1998, с. 9 – 12, 25, 43, 63, в изложении.

Прошение Семена Григорьевича Макаренко, отца А.С. Макаренко, 1915 г.

Его Высокородию Господину Начальнику Крюковских вагонных мастерских
Помощника механика[1] мастерских Семена Григорьевича Макаренко.

Прошение

Прослужив 41 год на казенных железных дорогах, я ныне, вследствие совершенно расстроенного здоровья[2], чувствую себя не в силах продолжать службу, а потому честь имею покорнейше просить Ваше Высокородие сделать представление перед высшим начальством об увольнении меня с занимаемой должности, по болезни.

На случай возможной надобности честь имею представить главнейшие сведения о пройденной мной службе:

1 июня 1874 года – был принят на должность маляра Крюковских вагонных мастерских бывшей Харьк. – Никол. ж.д.

18 августа 1881 г. по приглашению начальника Белопольских вагонных мастерских той же дороги – перешел на должность старшего мастера этих мастерских.

1 января 1900 г. переведен на ту же должность во вновь открытые[3] Крюковские мастерские.

1 июля 1904 г. зачислен заведующим мастерских с назначением помощником механика сборного цеха, каковую должность занимаю ныне.

26 апреля 1910 года я был Высочайше пожалован званием личного почетного гражданина[4].

Ст. Крюков н/Днепре Южной ж.д. 1915 г.

Неизвестный Макаренко. Выпуск 7 / сост. и авт. вступ. ст. С.С. Невская. – М., 1998, с. 8. Написано А.С. Макаренко, автограф.

[1] Эта должность потом квалифицировалась как мастер цеха (мастерских).

[2] У Г.С. Макаренко был ревматизм, следствие многолетней работы в холодных мастерских по ремонту железнодорожных вагонов, что усугубилось при рабочем перенапряжении во время русско-японской и русско-германской войн.

Умер 27 февраля 1916 г. от сердечной недостаточности.

[3] Произведена промышленная реконструкция предприятия, построено и оборудовано 8 корпусов, на территории мастерских построено здание двухклассного железнодорожного училища (где с 1905 г. стал учительствовать А.С. Макаренко).

[4] Это звание многим давалось в начале 1913 г., к празднованию 300-летия царствования династии Романовых; чинопочитаемым лицам давалось звание: «потомственный почетный гражданин». Чиновники повышались в ранге, военные получали юбилейные медали, была введена амнистия. С.Г. получил также грамоту (ничего не значащую) с подписью четырех сенаторов.

На разных берегах... Судьба братьев Макаренко..., с. 160, в изложении.

***Отец, Семен Григорьевич Макаренко*, был сиротой, своей семьи не знал, детство прошло у родственницы (тетки), затем ученичество у «каретного мастера». Говорил: «Хлебнул я горя немало», но об этом не рассказывал. В школе не учился; в 7-8 лет у двоюродных братьев и сестер научился читать, писать, арифметике. Тяжелое детство сказалось на его характере: был обычно замкнут, молчалив, грустный, сдержанный, беспокойный.**

Его тянуло к знанию: выписывал газету «Биржевые ведомости» и иллюстрированный журнал «Нива», с литературными приложениями, эти книги им прочитывались и переплетались, хранились в отдельном шкафу. Среди них – полное собрание сочинений Чехова, Данилевского, Короленко, Куприна; из иностранных писателей – Сервантеса, Мопассана, С. Лагерлеф и др. Читал отец очень легко, писал совершенно свободно, почти без ошибок. Мог рисовать.

Работа в мастерских занимала 56 – 58 часов в неделю, в субботу работали до обеда. Каждый год был 2-недельный отпуск. Во время русско-японской войны в Крюковских мастерских спешно готовили санитарные поезда, работали в 2 смены, по 12 часов. Тогда при обычных 60 руб. в месяц отец получал 130 – 140 руб. (что позволило купить участок земли, 0,8 га, и построить дом). Став мастером, получал около 100 руб., вел различную документацию по цеху, ведомости, отчеты (в этом помогал его младший сын), очень уставал от работы; сильно изменился он после 1905 г.

В семье говорили только на русском языке, отец не мог общаться на украинском. Дети обращались к родителям на «Вы», после обеда целовали руку матери (Антон, повзрослев, этого не делал). В главной комнате дома перед иконой накануне воскресенья и в праздничные дни зажигали лампаду. Попов не любили. Отец каждое утро и вечером совершал перед иконой короткую молитву. В Белополье он был церковным старостой.

На разных берегах..., с. 19, 23-25, 28-29, 108, в изложении.

***Мать, Татьяна Михайловна Макаренко*: по происхождению из обедневших дворян, живших в Орловской губернии; украинского языка она не знала. Отец – М. Дергачев, мелкий чиновник в Крюковском интендантстве, имел в Крюкове приличный дом, с большим двором и садом. Сестра Полина Сапулова (Сапуленко), вышедшая замуж за железнодорожного служащего, женщина смелая, настойчивая и революционно настроенная, - была крестной матерью Антона. Два брата оказались потерянными.**

Характеры у отца и матери были разные, но спокойные. Татьяна Михайловна любила пошутить, подмечала у людей смешные стороны, в ее речи было много украинского юмора, пословиц и поговорок. Антона очень любила и жалела. Непонятно, каким образом она могла стать «косвенной причиной» ухода младшего сына в Белую армию.

На разных берегах..., с. 9, 25-27, 29, 126, 167, 252 и др., в изложении.

Последние годы Татьяна Михайловна жила с А.С. Макаренко, в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, умерла 11 сентября 1931 г. Похоронена в г. Харькове, затем по инициативе С.Г. Лысенко, зав. педагогическо-мемориальным музеем А.С. Макаренко в Кременчуге, ее прах перезахоронен, покоится рядом с могилой Г.С. Макаренко на Крюковском кладбище.

***В Белополье* семья Макаренко снимала небольшую квартиру у хозяина – «Мухи». Было трудно что-либо купить, была лишь небольшая мелочная лавка. Два-три раза в неделю матери приходилось ездить на базар в город, повозку или сани нанимали 3-4 женщины.**

Квартиры менялись: несколько месяцев – у Скальковского (дорожного мастера), там был большой двор, рядом лес, где дети собирали желуди и грибы. Последняя квартира – у Авраменко, зажиточного хозяина, с огромным садом и домашним хозяйством, разной живностью, интересной для ребят всего двора.

Антон дружил с сыном хозяина, Колей, тот занимался с ним на кухне, научил читать в 5 лет.

На разных берегах..., с. 10 – 13.

В Белополье семья Макаренко прожила 19 лет. Здесь А.С. Макаренко в октябре 1895 года 7-летним мальчиком принят в 2-классное начальное училище (5-летний срок обучения). Преждевременному приему в школу (полагался прием с 8 лет) вначале сопротивлялся зав. школой Я.С. Стефанов.

Первый учитель Антона – К.М. Сальник (сын крестьянина, что тогда было редкостью). Он внушал ученикам, что выполнение заданий учителя – это необходимая и почетная задача, каждый должен выполнять ее как можно лучше, на отлично. Лучшие успехи – у Антона. Его правильный и красивый почерк – был примером для всех.

В старшем классе начиналась строевая подготовка, чтобы улучшать осанку детей, походку, манеру поведения. На училищном огороде каждый класс имел свой участок. Работали артельно: класс-бригада. С весны до осени группа выращивала какую-то одну огородную культуру, по всем правилам агротехники, с

записью наблюдений. Каждый должен был иметь такой же участок дома.

Из учащихся старших классов составлялся хор. У Антона был замечен хороший слух. Учитель предложил отцу купить скрипку, обещал научить играть на ней, скрипку отец купил. Хор исполнял русские народные песни, хоровые произведения П.И. Чайковского. Антону полюбились «Соловушка» и «Был у Христа-младенца сад».

Он как ученик старшего отделения помогал младшим при подготовке рождественской елки разучивать данные учителями стихи, басни. Товарищей приглашал домой, читал им что-нибудь из произведений Гоголя, Пушкина, из журнала «Родина». Любили играть «в ладушки», запускать бумажного змея.

Дается в сокращении по неопубликованной рукописи М.К. Белодеда и воспоминаниям И.И. Чернышева, с семьей которого Макаренко дружили. – Неизвестный Макаренко. Выпуск 7 / сост. и авт. вступ. ст. С.С. Невская. – М., 1988, с. 9 – 11.

Первые 12 лет, проведенные А.С. Макаренко в Белополье, - очень важный период его творческой биографии. О К.М. Сальнике (Сальникове) он всю жизнь отзывался с благодарностью (На разных берегах..., с. 100).

Летом 1901 г. семья Макаренко переехала в *Крюков*, к работающему там с начала этого года отцу.

После успешной сдачи экзаменов Антон принят во II класс Кременчугского 4-классного городского училища (4 года обучения, прием с подготовкой в объеме низшей начальной школы).

Семья поселилась в старом доме Лосева: 2 комнаты и кухня, большой запущенный сад, далее заливной луг. Через несколько месяцев сняли квартиру в огромном доме Миронова, заняли 3 комнаты и кухню. Всего сдавалось 7-8 квартир, меньших, тут жили и молодые рабочие. Это была «настоящая республика в Крюковском государстве». Во дворе – толпа детей, тут же куры, гуси, поросята. Воду привозил из Днепра водовоз, брал по 1 коп. за ведро. Уборные – во дворе, их чистили «золотари», на лошадях, с бочками.

Жители по воскресениям и праздничным дням много пили, дрались, но воровства и грабежей не было. Появлялись нищие, бродяги, «старцы», гадалки, странствующие «артисты». Миронов, разбогатевший скупой мужик-подрядчик, имел 10 детей. Старшая, Поля, полюбилась Антону, на ней он хотел жениться в 1905 – 1906 гг.

Достопримечательностью были начинающиеся за забором «кучугуры» (стали фоном детской игры в главе шестой «Книги для родителей») – ряд песчаных холмов, с «ущельями», кустарником, обилием цветов, кузнечиков и ящериц. Дети, молодежь здесь веселились, пели, играли в «городки», мяч, «горелки», «жмурки», ходили купаться. Из-за близорукости Антону в играх не все удавалось, были насмешки над ним и разные «шутки». Поля его защищала и опекала.

В 1903 – 1904 гг. он отошел от этой кампании, привязался к товарищу по городскому училищу, Цалову (Салову), сыну железнодорожного рабочего. Этот юноша решил посвятить себя ре-

волюционной работе, стремился привлечь к ней и Антона, тайно давал ему читать социал-демократическую литературу. (После окончания училища Цалов работал на железной дороге, потом уехал в Петербург и, видимо, погиб на службе революции). А.С. Макаренко говорил, что это для него единственный настоящий человек, встреченный им в молодости, в своей жизни.

На разных берегах..., с. 17 – 22, в изложении.

Аттестат об окончании Кременчугского 4-классного городского училища, 4 июня 1904 г.

Аттестат

Предъявитель сего Макаренко, Антоний Семенович, сын цехового города Харькова, православного вероисповедания, родившийся 1 марта 1988 г., обучался с 1901 по 1904 год и окончил полный курс учения в Кременчугском 4-классном городском училище.

При отличном поведении показал успехи:

По Закону Божью – отлично – 5,

По русскому и старославянскому языку – отлично – 5,

По арифметике отлично — 5

По геометрии отлично - 5

По естествознанию и физике отлично - 5

По истории отлично — 5

По географии отлично — 5

По чистописанию отлично — 5

По черчению и рисованию отлично — 5

и сверх того обучался пению, гимнастике и предметам дополнительным,

а потому он, Макаренко Антоний Семенович, на основании ст. 39 Высочайше утвержденного 31 мая 1872 г. Положения о городских училищах, при производстве в первый классный чин, если он, на основании существующих узаконении, имеет право вступить в государственную службу, освобождается от установленного для сего испытания и на основании ст. 64 пункта 2-го устава о воинской повинности пользуется льготою, предоставленною 2-му разряду по образованию.

Кременчуг Июня 4 дня 1904 года

Макаренко А.С. Пед. соч. в 8 т. / сост. коммент. А.А. Фролов по всем томам; Л.Ю. Гордин, М.Д. Виноградова по отдельным томам. Том 8. – М., 1986, с. 116 – 117.

Свидетельство об окончании Педагогических курсов при Кременчугском городском 4-классном училище, 11 августа 1905 г.

Свидетельство

Предъявитель сего сын цехового г. Харькова Антоний Семенович Макаренко, состоявший в течение 1904/05 учебного года слушателем Педагогических курсов при Кременчугском городском 4-классном училище, учрежденных на основании правил 31 марта 1900 г. для приготовления учителей и учительниц начальных училищ, согласно ст. 7 и 8 сих правил, а также § 13 правил 20 марта 1896 г., о специальных испытаниях, подвергался в педагогическом совете означенного училища сокращенному испытанию и, выдержав оное весьма хорошо, удостоен звания учителя начальных училищ с правом преподавания в сельских 2-классных училищах Министерства народного просвещения и обучения церковному пению.

В удостоверение чего дано ему это свидетельство за надлежащими подписями и с приложением печати Кременчугского городского 4-классного училища.

Кременчуг Августа 11 дня 1905 года

Руководитель педагогических курсов,

Инспектор-учитель училища И. Давидовский

Преподаватель русского языка Гр. Каминский
Преподаватель арифметики Ив. Митрофанов
Преподаватель истории и географии П. Каплюченко
Преподаватель чистописания Ив. Иванов
Печать Крюковского Городского 4-классного училища

Макаренко А.С. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 117.

С приобретением собственного дома в 1905 (1906) г. в семье Макаренко многое изменилось. За домом – большой сад (с беседкой), рядом – огород, свой артезианский колодец. В доме комнаты: родителей, Антона, столовая, «зал», передняя, коридор с кладовой, открытая терраса, закрытая терраса (где летом обедали и ужинали). Был «летний павильон», сарай, погреб, ледник, уборная. Кругом – прочная и красивая ограда, украшенные дубовые ворота, дом обсажен кустами акации. (На разных берегах..., с. 23, 126).

В конце 1905 г. начался конфликт отца с сыном, он не утихал до конца жизни С.Г. Макаренко. Первопричиной стал его отказ от женитьбы Антона в 17 лет, он стал тогда учительствовать, отказ доводил его до мысли о самоубийстве.

Конфликт стал необратимым в 1907 – 1908 гг., тогда сын сошелся с *Елизаветой Федоровной Григорович* в гражданском браке. Отец видел в этом покушение на основы порядочной жизни и нравственности. Были и мировоззренческие расхождения: отец не воспринимал нигилистически-революционных настроений и действий Антона.

Е.Ф. Григорович – жена и дочь священника. Она ушла от мужа в 1906 г., в Киеве окончила женскую фельдшерскую школу «полукурсовку» медицинского факультета и педагогический фребелевский институт, стала в Полтаве учительницей, зав. школой. А.С. Макаренко в каникулы приезжал к ней в Киев, потом они встречались в Полтаве. Он писал ей почти каждый день любвеобильные письма (с припиской на конверте: «Я.С.» - «Ясному Солнышку»).

Ее развод с мужем был невозможен: православный священник мог жениться только один раз. Антон был моложе ее на 8 лет.

Отец вынудил сына в 1908 г. покинуть дом, и он несколько месяцев по приглашению Д.И. Григоровича жил в его доме, в отдельной комнате. Потом отец призвал сына вернуться. Е.Ф. Григорович помогла А.С. Макаренко в освобождении его от воинской службы в Киеве, в апреле 1917 г.

Удивительно, что обычно решительный и требовательный А.С. Макаренко в присутствии Е.Ф. Григорович становился послушным, «как теленок», был «тише воды, ниже травы». (Их любовь – дружба продолжалась более 20 лет. Елизавета Федоровна была с ним всегда в колонии им. М. Горького и некоторое время в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. Весной 1928 г. А.С. Макаренко в новой трудовой работе сблизился с Г.С. Салько; официально брак с ней зарегистрирован в сентябре 1935 г.).

Умерла Е.Ф. Григорович в мае 1973 г., в возрасте 93 лет.

(На разных берегах..., с. 36 – 38, 44, 47, 49 и др., в изложении). А.А. Фролов встречался с ней в начале 1956 г., во время ма-

каренковедческой «педагогической экспедиции» студентов МГУ; позже встречался с Н.Э. Фере, В.Н. Терским, С.А. Калабалиным, А.Н. Землянским – в «Педагогической поэме» Шере, Перский, Калабалин, Зырянский – и с многими другими сотрудниками и воспитанниками колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского).

А.С. Макаренко – учитель, в Крюковском железнодорожном училище, сентябрь 1905 г. – сентябрь 1911 г. **Его младший брат, Виталий, в начале 1906 г. перешел из реального училища в железнодорожное и почти 3 года учился в классе, который вел Антон. Все предметы в классе преподавал один учитель (Закон Божий вел священник Д.И. Григорович), было 5 уроков в день. Учителям в большую перемену в учительскую подавался самовар.**

Получал А.С. Макаренко около 50 руб. в месяц и льготу – бесплатный железнодорожный билет в вагоне II класса (железнодорожные служащие получали 25 рублей). 10 руб. он отдавал матери на домашние расходы, остальные тратил преимущественно на одежду и книги. В доме за плату получал обеды учитель Г.В. Орлов.

Одевался Антон безукоризненно. Вел себя с достоинством, Виталий не слышал от него ни одного неприличного слова.

В училище преподавали также П.В. Рашев, З.П. Архангельская (затем перешла в колонию им. М. Горького). Н.П. Найда, К.Ф. Карбоненко, Е.Г. Сосновская. Заведовал училищем М.Г. Компанцев, он по-товарищески и дружески сошелся с А.С. Макаренко.

В 1905 г. Антон посещал Константина Кирсту, студента-химика Харьковского технологического института, сосланного в Херсонскую губернию за революционную деятельность. В декабре этого года К. Кирста стал президентом «Люботинской республики», она образовалась в результате вооруженного восстания железнодорожных рабочих станции Люботин (около Харькова), просуществовала 9 дней.

Есть сведения (документально не подтвержденные), что А.С. Макаренко был кандидатом в члены партии эсеров (социалистов – революционеров), что в его комнате дома жандармами был проведен обыск, но ничего подозрительного они не нашли (Виталию удалось кое-что спрятать).

В 1910 г. вокруг А.С. Макаренко образовался кружок интеллигенции: несколько учителей различных крюковских школ, врачи Химченко и Димара (с женой), ветеринарный врач Голобородько, учителя Найда, Сосновская, а также Миша Миронов, два брата Чернышевы (И.И. Чернышев – учитель «поселянской школы»), супруги Сугак (они очень дружили с Антоном), Е.Ф. Григорович (когда была в Крюкове).

Димара был яркий «самостийник», идеологически противник А.С. Макаренко. Споры в кружке проходили о литературе, касались политики. Пели песни, в том числе и революционные. Напрокат на пристани брали лодки и отправлялись на днепровские острова, варили кашу, купались и спорили. Необыкновенная эрудиция Антона позволяла ему быть в этих спорах безоговорочным победителем.

Тогда же в Крюкове на месте запущенного сада железнодорожники устроили «Сад общества трезвости», с электрическим освещением, дорожками, открытой сценой, танцевальной площадкой и буфетом (безалкогольным). Вечерами в субботу и воскресенье в саду проходили гуляния; любители из железнодорожников ставили спектакли.

Антон и Виталий всегда приходили на эти гуляния, интересуясь по преимуществу публикой, их одеждой, манерой поведения и молодежных ухаживаний. В оценке этого Антон был неистощимо остроумен и безжалостен.

М.Г. Компанцев, П.В. Рашев и А.С. Макаренко приобрели хорошие немецкие велосипеды, на них совершали длительные прогулки по окрестностям Крюкова.

Виталий, будучи учеником, не замечал что-либо выдающегося в работе А.С. Макаренко как учителя, педагога. Традиционным было одно «мероприятие» - рождественская елка. Запомнился эпизод неудачной организации в училище «церковного хора» из примерно 30 учеников. Антон проводил спевки в течение почти месяца, пользуясь скрипкой. Играл он на ней плохо, но с ее помощью по нотам мог хорошо дать каждой партии необходимый тон. По камертону делать это он не мог. Выступление хора на богослужении в кладбищенской церкви провалилось, и это дело заглохло.

А.С. Макаренко часто влюблялся, сильно и требовательно, но скоротечно. В Крюкове он в 15 лет влюбился в Наташу Найду, гимназистку 16 лет, дочь железнодорожника. Затем были Поля Миронова, Раиса Зеленина, Катя Сосновская. Потом в Долинском – Феня Никитченко (гимназистка, дочь железнодорожного служащего), в Полтаве: 1914 г. – К. Костецкая; 1917 – 1918 гг. – Таня Коробова, Юлия Попова.

(На разных берегах..., с. 33, 35, 39 – 44, 89, 184, 205 – 207, 365, в изложении).

Основателем училища был М.Г. Компанцев. Он в 1903 г. из 17 детей создал 2 группы, был их учителем. В 1903 – 1904 учебном году это было уже полноценное 2-классное железнодорожное училище с 3-летним, а затем 5-летним сроком обучения. Здание в большом дворе железнодорожных мастерских, построено на средства железной дороги. Это 5 больших, светлых классных комнат, рекреационный зал и учительская.

I класс: 1 – 3 группы (соответствующие начальной 3-летней школе); II класс: 4 – 5 группы (надстройка над начальной школой). Выпускники не могли поступать в гимназии и реальные училища (средние учебные заведения), доступ к высшему образованию был закрыт. Можно было поступать только в технические железнодорожные училища, 3 года обучения (в советское время – железнодорожные техникумы) или в учительскую семинарию.

К 1905 г. в училище было до 500 учеников. Оно входило в ведение Министерства просвещения, но содержалось на средства Управления железной дороги. Преподавались география, геометрия, история; естествознание давалось суммарно, не было физики и иностранного языка.

А.С. Макаренко – «Тосю» любили, это был подвижный, неутомимый, смеющийся звонким смехом молодой человек, физически слабый, но с сильной волей. Преподавал русский язык, черчение и рисование. Разучивал песни, играл на скрипке и мандолине. По вечерам часто был с ребятами, играл в снежки, подвижные игры. Ставили короткие пьесы, разучивали песни. Особое увлечение – детские костюмированные вечера, «балы», рождественские елки.

Он был секретарем педсовета («завучей» тогда не было). К нему привязались не только ученики, но и родители и сослуживцы. Друзья бывали у него дома. Возникали беседы, дискуссии. Антон много читал, имел поразительную память, говорил кратко, выразительно, логически убедительно.

Он увлеченно рисовал, ему хорошо удавались острые карикатуры, особенно на учителя П. Рашева. Другой объект его художественных розыгрышей – нелюбимый всеми инспектор народных училищ Антиох Луцкевич, реакционер, инициатор создания в народных школах военизированных «потешных» организаций.

В училище работали Сагредо Любовь Петровна (Архангельская) и Архангельская Зинаида Петровна, они потом перешли в макаренковскую колонию им. М. Горького.

В конце декабря 1905 г. А.С. Макаренко сагитировал педагогов училища поехать на станцию Люботин, съезд учителей Харьковской железной дороги. Он там выступал, участвовал в составлении резолюций съезда. За эту поездку на съезд А. Луцкевич грозил увольнениями, но этого не произошло.

Рабочие железнодорожных мастерских бастовали, в Крюков и Кременчуг, приезжали рабочие делегации из Харькова и Полтавы. В Крюковском училище были организованы родительский комитет и курсы для взрослых. В здании училища проходили заседания рабочих организаций, распространялась нелегальная литература. Учителя выписывали, читали легальную большевистскую газету «Новая жизнь», где печатались статьи В.И. Ленина, А.М. Горького. Забастовку, демонстрацию нагайками разгоняла казачья сотня.

В 1908 г. М.Г. Компанцев был переведен в другое училище, потом стал инспектором (директором) железнодорожного училища на станции Долинская. Причина перевода – развод с женой, второй брак.

(Компанцев М.Г. Воспоминания об А.С. Макаренко. И еще несколько слов об А.С. Макаренко. 9 янв. 1940 г. и 1950-е гг. – РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 476, автограф).

В 2-классном железнодорожном училище на станции Долинская, сентябрь 1911 г. – август 1914 г.

После ухода М.Г. Компанцева заведовать Крюковским училищем стал К.Ф. Карбоненко («Кузьма»). Начались разные неприятности, несправедливости по отношению к ученикам и родителям. А.С. Макаренко вступался за обиженных, уличил Карбоненко во взяточничестве, сумел доказать это в суде, но дело прекратили.

Он писал М.Г. Компанцеву в Долинскую, жаловался на бюрократизм, непонимание живого педагогического дела, просил

взять его и Г.В. Орлова к себе. Так они оказались в Долинской, совмещая учительство с работой «надзирателя», воспитателя в ученическом общежитии, жили они в одной комнате, в помещении общежития.

Так в Долинском появилось, как говорил Л.В. Сепанченко, «три мушкетера»: М.Г. Компанцев, «брюнет-великан с большими, гипнотизирующими глазами и рокочущим голосом»; Г.В. Орлов, «весь лучился добродушием, с большими усами»; А.С. Макаренко, «небольшого роста, хрупкий физически, в пенсне, с колючей усмешкой на устах и острыми глазами с характерной прищурочкой, человек с особым, болезненным правдолюбием».

Антон, обладая иронически–веселым характером, скоро стал любимцем поселка, внес живительную струю в жизнь школы. Л.Т. Степанченко, семинарист, учитель Долинской поселковой «одноклассной» школы (три возрастных группы в одной классной комнате, рядом комната проживания учителя), скоро стал равноправным членом всей учительской кампании. Молодые люди любили шутки, остроты. Были прозвища: Антон - Антонио Макаренко, Тоська – горчичник, Ростик; Степанченко – Степанченто, Скиф; Орлов – Тараканище.

Примечателен эпизод: на просьбу бедолаги: «Баре, подайте кусочек хлеба» - Антон сказал:

- Тебе ведь водки хочется? Вот тебе трешка, купи, сколько требуется, а сдачу принеси.

Человек ушел, потом возвращается, отдает трешку обратно. Антон:

- Почему же не выпил? В ответ тот хмуро:

- Как же ты мое нутро увидел, барин! Напоил ты меня, нутро жжет. Возьми обратно…

- Не возьму, деньги ведь Вам нужны, а у меня эти не последние.

- Да, деньги нужны…

Потом Антон и Степанченко увидели: у вокзала сидел этот человек, с ним молодая женщина и маленький ребенок; жадно едят хлеб, запивая горячей водой, у ребенка большая конфета.

Объяснение Антона: «В душе даже самого испорченного человека лежит добрый клад».

Другой случай: в классной комнате Антон, ученики готовят школьный вечер, из бумаги, материи, проволоки делают латы, щиты, алебарды. Вдруг куда-то пропал клей. Кто-то взял? Ученики: надо всех обыскать. Антон категорически: это унижение человеческого достоинства. Приказал: поставить стулья в круг и всем сесть, в том числе и Степанченко.

В полной тишине, торжественно каждый по очереди выходил в центр круга и, поворачиваясь, смотрел всем в глаза. Один из них встал нерешительно, остановился взглядом на Степанченко («чужом» человеке). Ему приказали поворачиваться взором к другим. Потом он встретился глазами с Макаренко – и вынул из кармана пузырек с клеем. Но его заставили поворачиваться, посмотреть на каждого – и он плакал… Макаренко согласился с девочкой: его уже не надо наказывать; назвал ее умницей.

Это в духе Макаренко: «Дети во всем должны убеждаться экспериментально».

Еще эпизод: на хуторе у дома, где жила предполагаемая невеста Степанченко, его и Антона встретили три разъяренных собаки. Антон приказал остановиться, вдруг резко наклонился, протянул правую руку к земле. И псы остановились. После его второго наклона они попятились, обидно зарычали. Тут их позвал хозяин…

Находчивость, смелость, мощное волевое усилие – таков А.С. Макаренко и в воспитании, в его педагогике.

Он начал борьбу за строительство полноценного здания поселковой школы. Используя пристрастие Степанченко и помещика (на земле которого располагалась школа) к игре на скрипке, - он организовал их встречу и получил согласие помещика на участие в строительстве новой школы. Было подано соответствующее прошение, и дело пошло, но помешала начавшаяся война.

И тут виден макаренковский девиз, по Священному Писанию: если с верой сказать горе, чтобы она сдвинулась с места, она сдвинется. Он учился «сдвигать горы», беззаветно верил в строительство новой жизни, с помощью молодого поколения.

В Долинском появился ученический духовой оркестр, под руководством слесаря железнодорожного депо (бывшего полкового музыканта). Однажды в ремонте училища участвовал И.П. Депутатов, слесарь на железнодорожной водокачке, он рассказывал о борьбе рабочих за свои права, против произвола чиновников. А.С. Макаренко слушал его с большим вниманием, задавал много вопросов.

Как воспитатель он много играл с детьми в разные подвижные игры, проводил читки, стихотворные декламации, сам очень выразительно читал отрывки из Гоголя, Чехова, Горького, Короленко. Очень интересно проходили ученические вечера, с пением, драматическими постановками, в сопровождении оркестра.

Степанченко был свидетелем прощания Макаренко с учениками перед его отъездом в Полтавский учительский институт. Антон расцеловался со всеми, все плакали, и он сам. Потом он неожиданно обратился к доске, написал: «Все люди братья». И быстро нарисовал: толстопузый человек с мешком денег в руках, рядом тощий человек в позе нищего. И спросил: «Так все ли люди действительно братья?» Он учил детей смотреть правде в глаза и не соглашаться с тем, что есть на самом деле.

Степанченко был потом в колонии им. М. Горького, он увидел там того же «Тоську» - и другого: в полувоенной форме, захваченного сложнейшим делом («все секунды в действии»), получившего наконец, то, чего не было и не могло быть в Долинской, 10 лет назад. Он научился скрывать свои волнения, даже бури, клокотавшие в его душе.

(Неизвестный Макаренко. Выпуск 7 / сост. и авт. вступ. ст. С.С. Невская. – М., 1998, с. 24 – 36, 40, 47).

В Долинском училище А.С. Макаренко возглавлял дальние экскурсии учеников в Москву, Петербург, Николаев, Херсон, Се-

вастополь, - пользуясь правом железнодорожников и их детей на одну бесплатную поездку в год по железной дороге.

(Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарий. Изд. 2-е. – Л., 1961, с. 79).

Будучи в Долинской, А.С. Макаренко в школьные каникулы приезжал в Крюков и Полтаву, жил там, встречался там с Е.Ф. Григорович. Он бывал также в Киеве, работал в архиве, переписывая старинные документы. Посещал театры, концерты симфонического оркестра.

Свидетельство О.Д. Иваненко: в 1912-1913 гг. А.С. Макаренко посещал лекции по философии профессора философии Киевского университета Гилярова.

Формулярный список о службе, 1 июня 1912 г.

Антон Семенович Макаренко, 23 лет, православного вероисповедания, учитель Долинского двухклассного железнодорожного училища М. н. просв. Херсонской губернии Александрийского уезда; знаков отличия не имеет. Содержание получает 480 руб. и квартирных 120 руб. в год.

Сын цехового г. Харькова.

Окончил Кременчугское 4-классное городское, по положению 31 мая 1872 г. училище, 1904 г.

Получил свидетельство от Педагогических курсов при Кременчугском 4-классном городском училище на звание учителя начальных училищ, с правом преподавания в сельских двухклассных училищах М. н. просв. и обучения церковному пению, 1905 г., 11 авг.

Распоряжением г. Директора народных училищ Полтавской губернии назначен на должность учителя Крюковского 2-классного железнодорожного училища М. н. просв. (Х. Н. ж. д.) Кременчугского уезда согласно прошению, 1905 г., 19 сент.

Распоряжением г. Инспектора народных училищ 6-го района Херсонской губернии перемещен на должность учителя Долинского 2-классного железнодорожного училища М. н. пр. (Юж. ж. д.) согласно прошению, 1911 г., 24 сент. Холост.

Почетный блюститель Долинского училища инженер (подпись неразборчива)

Заведующий Долинским 2-классным училищем

М. Компанцев

Макаренко А.С. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 117 – 118.

Публикация в «Вестнике Южных железных дорог за 1913 год», в рубрике «Наши корреспонденты» (в изложении):

20 февраля в здании Долинского железнодорожного училища в присутствии Почетного блюстителя училища, учащих и учащихся, начальников отделов железнодорожных служб и родителей учащихся отслужена панихида по всем почивающим в Бозе членам царствующего дома Романовых. Вечером учащие и учащиеся участвовали во всенощном бдении в местном железнодорожном храме.

21 февраля учащиеся и служащие училища присутствовали в этом храме на литургии и молебне. Затем в здании училища состоялся торжественный акт, с участием представителей железнодорожных служб, чиновников других ведомств и родителей. Почетным блюстителем училища прочитан текст посланной начальнику дороги телеграммы с выражением верноподанейших

чувств Государю Императору, покрытый криками «ура», звуками ученического оркестра и хора, исполнявших «Народный гимн».

Затем учащиеся были ознакомлены с главнейшими событиями 300 лет русской истории, путем чтения стихотворений, исторических текстов и исполнения патриотических песен, с пояснением преподавателя[1].

После этого учащиеся отпущены домой на дни масленицы. Здание училища и общежития были украшены национальными флагами, а вечером 21 февраля иллюминированы.

Авторство – К.[2]

(Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко. Русскоязычные публикации (1976 – 2014). – Полтава, 2014, с. 712).

[1] Этим преподавателем был, несомненно, А.С. Макаренко.

[2] Вероятно, это М.Г. Компанцев.

А.С. Макаренко в начале 1920-х гг. переписывался с М.Г. Компанцевым и Г.В. Орловым, приглашал их посмотреть его колонию. Они были там, им А.С. Макаренко рассказывал о прошлом и настоящем его воспитанников, показывал образцовый свинарник, коровник, паровую мельницу. Об одном парне: «Этот герой спас зимой 10 поросят, укрывая их своей одеждой». Другой «герой» - дежурный сторожевого отряда, у денежного ящика колонии, «никого не подпустит!» Антон нашел наконец-то «настоящее дело».

М.Г. Компанцев был и в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского; А.С. Макаренко рассказывал о его борьбе со «скрыпниковщиной», читал «Педагогическую поэму», мечтал о переезде в Москву. С ним жила мать, почти ослепшая, гордая за своего сына.

(Компанцев М.Г. еще несколь слов об А.С. Макаренко. – РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 476, л. 16).

Надпись на книге-награде, врученной ученице В. Опрышко, май-июнь 1913 г.

Педагогический Совет Долинского 2-классного училища награждает этой книгой ученицу 2 класса 2 отделения Опрышко Веру за отличные успези и поведение, оказанные ею в 1912-1913 учебном году.

Почетный блюститель училища (подпись неразб.)
Заведующий училищем М. Компанцев
Законоучитель Д. Григорович
Учитель А. Макаренко
Учитель (неразб.)
Учительница П. Компанцева
Учительница З. Петрова
Учительница Ю. Грошева

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 358. Надпись сделана на книге: А.С. Пушкин. Собрание сочинений.

А.С. Макаренко в начале Русско-германской войны не был мобилизован из-за крайней слабости зрения. В конце войны взят как «ратник ополчения».

В Полтавском учительском институте, август 1914 г. – август 1917 г.

Директор института – А.К. Волнин, по происхождению из духовенства, окончил Императорскую московскую духовную академию, магистр богословия. За государственную службу в си-

стеме просвещения награжден орденами Анны и Станислава II и III степени, коллежский советник.

Одновременно он – председатель педагогического совета Полтавской частной гимназии В.П. Ахшаруловой – Бельской. До этого был директором учительской мужской гимназии в местечке Великие Сорочинцы Полтавской губернии. Характеризовался как «хороший администратор».

Зам. директора института и секретарь педсовета – Ф.В. Лысогорский, окончил петербургскую духовную академию, имел степень кандидата богословия, ранее преподавал латынь, историю и богословие в духовных семинариях Иркутска, Витебска и Тамбова, коллежский советник, награжден орденами Анны и Станислава III степени.

М.Т. Квятковский, окончивший императорский университет св. Владимира в Киеве, выходец из семьи земского врача, преподавал в Великосорочинской духовной семинарии и Полтавской частной гимназии М.П. Павелко. Его дед – А.А. Квятковский, один из основателей революционной организации «Народная воля», казнен в Петропавловской крепости за покушение на императора Александра II. (При советской власти М.Т. Квятковский – профессор математике, Заслуженный гидрометеоролог СССР).

Из крестьян происходил также В.Н. Тарасов, он окончил Нижегородскую духовную семинарию, затем историко-филологический факультет Казанского университета, был предс. педсовета Полтавской частной гимназии И.А. Старицкой. В июле 1917 г. избран делегатом в Полтавскую городскую думу от партии «Народная свобода».

Крестьянское происхождение имели И.А. Шестаков, окончивший Казанский университет, работал в Валковском реальном училище, и К.Я. Чигирик, выпускник Киевского художественного училища.

Единственный выходец из дворян – В.Ю. Шереметов, подполковник, окончил Александровское военное училище и Александрийские высшие педагогические курсы при Главном управлении вузов, одновременно преподаватель Петровского Полтавского кадетского корпуса. (При отступлении армий Деникина и Врангеля остался в Ялте и там убит).

Священнослужители в институте, мещанского происхождения, - В.И. Клемент (выпускник Полтавской духовной семинарии) и М.М. Вийк (выпускник Петербургской духовной академии, кандидат богословия, настоятель Рождество-Богородицкой церкви в Полтаве, инспектор классов Полтавского епархиального училища, награжден Золотым крестом и орденом Анны III степени.

Преподавали: Волнин – педагогику, психологию и логику; Лысогорский – русский язык; Квятковский – математику; Тарасов – историю и географию; Шестаков – физику; Чигирик – графические искусства (рисунок, чертеж, каллиграфия); Шереметов - гимнастику и военный строй; Клемент – пение; Вийк – Закон Божий; Белкин – гигиену, алколоведение.

Институт не располагал всеми необходимыми помещениями. На начало 1916 г. библиотека имела фундаментальных

наименований книг – 633 (1176 томов) и учебных – 420 (754 тома). Квартира директора – при институте.

В первый день занятий, 12 сентября 1914 г., первокурсники вместе с преподавателями посетили памятные места г. Полтавы, «поклонились местным святыням».

В профессиональной подготовке учителя в институте первостепенное место занимало его воспитание как человека, его духовно-нравственное состояние и развитие.

А.С. Макаренко благодарил А.К. Волнина прежде всего за то, что «он был всегда настоящим человеком и воспитывал в нас лучшие человеческие стремления». «В моем педагогическом развитии он создал самые главные принципы и навыки духа. У него я заимствовал главное положение моей педагогической веры: как можно больше требования к человеку, как можно больше уважения к нему» (Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания… - Н. Новгород, часть 8, с. 192 – 193).

(Этот высокий завет: приоритет воспитания перед обучением в педагогической работе с детьми – А.С. Макаренко свято чтил и в подготовке педагога (как и любого профессионала): сначала образовывать человека, а затем специалиста, владеющего технологией своей работы, ее «компетенциями». В литературном творчестве он также выдвигал на первый план жизненную позицию автора, от нее кровно зависит «стиль» работы писателя, выбор тем и их трактовка, художественные средства).

«Принципы и навыки духа», «главные положения педагогической веры» - фундамент педагогики и педагогического образования. Макаренковское «требование-уважение» глубоко коренится, видимо, в религиозном воззрении о человеке как божественном творении, воплощающем «образ Божий» в его всесовершенстве и могуществе. Высший уровень божественного промысла в человеке может быть, достигнут лишь при максимальном напряжении веры и свободной воли людей, их целеустремленности и ответственности.

Педагогика, воспитание должны стать мощнейшим фактором «возвращения человека к самому себе», т.е. реализации безграничных человеческих возможностей. Для этого необходима такая система «требования-уважения», которая позволяет людям, детям, молодежи полноценно удовлетворять их материальные и духовные потребности, приближаясь к идеалу счастья как «радости существования» (выражение А.С. Макаренко).

Видя ценность человека, прежде всего в его «силе и красоте», нравственном совершенстве, А.С. Макаренко в утверждении «уважения-требования» в педагогике опирался также на литературно-художественное творчество А.М. Горького. Макаренковский педагогический опыт он характеризовал в его «мировом значении», в аспекте происходящей в СССР «педагогической революции».

Основополагающий принцип уважительно-требовательного отношения к человеку А.С. Макаренко определял и как «формулу», характерную черту советского общества. Оно «высоко подняло знамя человеческой организации», солидарности, индивидуально-личностного развития, общего блага. Это общество созидания,

социального творчества, бесконечного движения к идеалам свободного труда, культуры и гуманизма.

В соответствии с решением педагогического совета института учебные занятия в нем проводились по «учетно-круговой» системе. Учащиеся делились на малые группы, в которых нужно было самостоятельно подготовить несколько сочинений, докладов по отдельным учебным предметам. Зачеты, контрольные работы, проверки проводились в форме 4-х «контрольных кругов», каждый из которых занимал почти месяц.

В ноябре 1915 г. при институте открыто образцовое городское начальное училище (одно отделение, 22 ученика). Здесь учащиеся института проходили педагогическую практику, обсуждали посещенные и проведенные уроки, а также и подготовленные сочинения, доклады, выступления. Соображения А.С. Макаренко при этом «были настолько глубокими, содержательными, что после него уже нечего было добавить». Из-за нехватки учителей некоторые уроки вели по очереди учащиеся института, в том числе и А.С. Макаренко.

(Ткаченко А.В. Almamater А.С. Макаренко: возвращаясь к проблеме // Идеи и опыт отечественной педагогики как фактор развития современного образования в России. Макаренковские педагогические чтения – Волгоград, 2016, с. 18 – 25, в изложении).

Уже при переводе с первого на второй курс института А.С. Макаренко показывал, что его знания выходят далеко за пределы институтских программ обучения. Присутствующий на экзаменах попечитель учебного округа профессор истории Деревицкий особо отметил это в Книге почетных посетителей института.

Обстоятельный рассказ А.С. Макаренко об археологических раскопках Шлимана на месте древних городов Трои, Микен, Тиринфа и археолога Эванса на острове Крит очень понравился Деревицкому. Еще более благоприятное впечатление он получил от макаренковских ответов на заданные им вопросы по другим разделам Древнего мира. «У слушателей института сложилась твердая уверенность в том, что Макаренко непременно станет ученым-историком» (Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарий. Изд. второе. – Л., 1961, с. 80).

А.С. Макаренко в Полтаве в доме на улице Пушкинской снимал комнату с печным отоплением, а топлива не было. Когда брат Виталии в ноябре 1914 г. приехал его навестить, в помещении был «собачий холод», вода замерзала.

Он и Антон тогда посещали Е.Ф. Григорович и сестер Костецких, они жили на этой же улице в большом благоустроенном доме. Вечерами беседовали, «давали концерты»: Виталий играл на скрипке, Е.Ф. Григорович на рояле.

Обедал Антон в дешевом вегетарианском «ресторане», за 25 копеек, было голодно.

Когда Виталий в конце лета 1915 г. окончил военное училище прапорщиков и получил солидные «подъемные», он предложил Антону «дружескую помощь» - 200 рублей, что позволило ему с товарищем по институту поселиться в большой и теплой ком-

нате в Важничем переулке, дом №5, там он проживал до конца учебы в институте.

(На разных берегах..., с. 46 – 49, в изложении).

Характеристика, выданная А.С. Макаренко при окончании Полтавского педагогического института, июль 1917 г.

Характеристика

Воспитанника Полтавского учительского института Макаренко Антона, окончившего курс в 1917 г., составленная Педагогическим советом института.

Макаренко А. – выдающийся воспитанник по своим способностям, знаниям, развитию и трудолюбию[1];

Особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам, по которым очень много читал и представлял прекрасные сочинения.

Будет весьма хорошим преподавателем по всем предметам, в особенности по истории и русскому языку.

Председатель Педагогического совета института,

Директор А. Волнин.

Члены совета: В. Тарасов, И. Шестаков,

М. Квятковский, К. Чигирик, Т. Тимошенко

За секретаря Ф. Лысогорский

Антон Семенович Макаренко / упор. П.Г. Лисенко, І.С. Убийвовк – Київ, 1978, с. 42.

[1] Примечательно главное в характеристике будущего педагога: способности, знания, развитие, трудолюбие, особый интерес.

Аттестат, выданный при окончании Полтавского учительского института,
15 июля 1917 г.

Аттестат

От педагогического совета Полтавского учительского института, на основании высочайше утвержденного 31 мая 1872 г. Положения об учительских институтах, выдан сей аттестат воспитаннику учительского института Макаренко Антонию Семеновичу, родившемуся 1 марта тысяча восемьсот восемьдесят восьмого (1888) года, в том, что он при отличном поведении оказал **отличные (5)** успехи:

В Законе Божием
- педагогике и дидактике
- логике
- русском и церковнославянском языках с методикой
теории словесности и русской словесности
- математике (арифметике, алгебре, геометрии и тригонометрии) с методикой
- истории с методикой
- географии с методикой
- естествознанию
- физике
- космографии
- рисовании
- черчении
- чистописании
- пении
- гимнастике

В практических занятиях:
по русскому языку
- математике

- истории и географии
- географии
- естествознанию
- физике

Вследствие чего он, Макаренко Антоний, удостаивается звания учителя высшего начального училища на основании Высочайше утвержденного 25 июля 1912 г. Закона о сих училищах и при поступлении на означенную должность имеет пользоваться всеми правами, той должности присвоенными.

Удостоен золотой медали.

Полтава, Июля 15 дня 1917 г.

Председатель Педагогического совета,

Директор института А. Волнин.

Члены педагогического совета:

М. Квятковский, В. Тарасов, И. Шестаков, К. Чигирик, Т. Тимошенко,

За секретаря Педагогического совета Ф. Лисогорский

Макаренко А.С. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 119.

Удостоверение о педагогической работе А.С. Макаренко в 1905 – 1914 гг., выдано 10 октября 1917 г.

М. П. С. Управление Южных казенных железных дорог.

Училищный отдел.

Октябрь, 10 дня, 1917 г.

Дано сие Антону Семеновичу Макаренко в том, что он состоял учите¬лем общеобразовательных предметов, а также и дополнительных: черче¬ния и рисования — железнодорожных училищ Южных дорог, а именно в Крюковском с 1 сентября 1905 по 24 сентября 1911 г. и в Долинском с 25 сентября 1911 по 14 ноября 1914 г.

С указанного времени, т. е. с 4 ок¬тября 1914 г., был освобожден от учительских обязанностей на Южных ж. д. вследствие поступления в Учительский институт.

За председателя комитета для заведования образовательными учреждениями дорог

Заведующий делопроизводством (подписи неразб.)

Макаренко А.С. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 120.

А.С. Макаренко – инспектор (директор) Крюковского Соединенного I и II ступени высшего железнодорожного училища, сентябрь 1917 г. – август 1919 г.).

Училище создано путем включения 2-классного низшего железнодорожного училища в высшее начальное железнодорожное училище. С приемом учащихся родителей, эвакуированных с Варшавской железной дороги во время Русско-германской войны, это составило от 280 до 1 тыс. учащихся. Примерно половина учеников жили в Кременчуге.

Схема характеристики, выдаваемой ученику Крюковского железнодорожного высшего начального училища, начало 1919 г., в описании.

Содержание: «натура», «развитие», отношение к работе, учебная успешность по предметам: Закон Божий, русский язык, украинский язык, арифметика, геометрия, естествоведение, география, немецкий язык, чистописание, гимнастика или рукоделие (успешность в 5-значных баллах, с дополнительными знаками + или -).

Советы родителям по нравственному воспитанию, по учебной части. Определение педагогического совета.

Характеристики выдавались: к Рождеству (за первое полугодие ученого года) и к Пасхе (за второе полуголие).

Конкретно: Характеристика Василия Карых «за 1918-1919 учебный год». Составлена «классным наставником» В.С. Макаренко. Подписи, автографы: Инспектор А. Макаренко, Классный наставник Вит. Макаренко.

Подпись родителя.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 362, 3 лл.

Это время Гражданской войны в Украине и России, с периодической сменой власти. Материальные трудности, особенно в питании и одежде, вызвали необходимость особой заботы об учащихся и работниках училища.

В Кременчугском интендантстве удалось получить 200 старых полушубков и 100 пар поношенной обуви. Кременчугский писчебумажный магазин согласился на продажу товара по оптовым ценам, со скидкой 25 %. Был создан ученический кооператив. Желающие, 90 % учеников, внесли в него по 50 коп. (по довоенному расчету). Избрали правление кооператива, кассира и ревизионную комиссию. Товар, канцелярские принадлежности, занял 2 шкафа; торговали до уроков и в большую перемену.

Среди преподавателей – демобилизованные выпускники университета В. Крылов и Н. Кемов, другие: П. Карапыш, В.И. Поповиченко (перешел затем в колонию им. М. Горького), А. Сугак, Ю. Попова, Диденко, Т. Коробова (учитель рукоделия), Д. Григорович (учитель Закона Божьего), В. Макаренко (демобилизованный по ранению, учитель в основном гимнастики, физкультуры); А.С. Макаренко преподавал черчение, рисование.

В училище вначале использовался духовой оркестр Крюковских мастерских; в 1918 г. приобретен собственный оркестр, из 20 человек, руководил им Краснов. Инструменты приобретены за счет средств, полученных от платных спектаклей драматического кружка им. М. Г. Короленко и от Управления Южной железной дороги. На эти деньги куплены также учебные пособия по физике.

А.С. Макаренко – административный директор кружка (иногда суфлер). Ему приходилось вести большую организаторскую работу, обеспечивая декорации, костюмы, реквизит, электрическое освещение, совместную актерскую игру коллектива учителей, старших учеников и родителей. О спектаклях оповещали афиши на улицах Крюкова.

В 1918 – 1919 гг. в театре поставлены: «Касатка» и «Кукушкины слезы» А. Толстого, «Дядя Ваня» и «Вишневый сад» А. Чехова, «Женитьба» Н. Гоголя, «Осенние скрипки» И. Сургучева, «Отец» А. Стриндберга, почти все одноактные пьесы А. Чехова, оперетка «Иванов Павел». Написано и поставлено два злободневных ревю, одно подготовил А.С. Макаренко, другое – Виталий.

Первый спектакль дан при советской власти в январе 1919 г., при полном зале. Перед началом все артисты хором исполнили «Интернационал». Огромный успех окрылил артистов, побудил к дальнейшим постановкам.

В. Макаренко сыграл определенную роль в использовании уроков гимнастики для занятий военным строем. В любую погоду строились во дворе, учились перестроению, потом с песнями маршировали по окрестностям Крюкова. С весны 1918 г. начались по воскресеньям военные прогулки со знаменем и оркест-

ром в Дивеевский лес (3 км. от училища) на целый день, в сопровождении родителей; вместе играли, пели, варили кашу.

При немцах появились свое знамя, с широкими лентами, желтой и голубой (цвета Украины), окаймленное золотой бахромой, белое. На одной его стороне – инициалы училища и эмблема путей железнодорожного сообщения, на другой – слова: «Токо да просветится свет наш перед человеком» (из Евангелия, даны Д. Григоровичем, вышиты Т. Коробовой).

С восстановлением советской власти в начале 1919 г. желтая и голубая ленты заменены красными, но на парад войска и учебных заведений училище вышло со старым, белым знаменем, его пришлось спешно заменить красным.

Весной 1919 г. организована «трудовая дружина» на базе заброшенного сада, принадлежащего отцу Е.Ф. Григорович. Образовалась группа, человек 20-25, распределенная по огородным культурам, с выделением «охраны» (садоводство и пчеловодство организовать не удалось). Использовались элементы бойскаутизма, девиз «Будь готов!» и «Есть!». В саду дети были целыми днями, вечерами жгли костер, оставались спать. Урожай раздали приглашенным родителям и учителям.

Виталий Семенович Макаренко **окончил школу прапорщиков, участвовал в Русско-германской войне, ранен, отличился в боях на Стоходе 3 октября 1916 г., награжден орденом Владимира IV степени с мечами и бантом, произведен в офицеры (подпоручик, затем поручик). После увольнения из армии был помощником коменданта в г. Киеве.**

С установлением в Киеве советской власти вернулся в Крюков. Там присоединился к организованной при немцах «Организации крюковских офицеров», помогающей нуждающимся офицерам (и ожидающей прихода Белой армии – примеч. А.Ф.). В АКО были и учителя – Крылов и Кемов, всего 15 – 20 человек.

Этот клуб офицеров расположился в здании Крюковского училища, там проходили их сборы, вечеринки с танцами, действовал буфет, биллиард. С приходом большевиков клуб прекратил свою деятельность. В.С. Макаренко пришлось скрываться, вплоть до захвата Кременчуга, Крюкова армией Деникина 10 августа 1919 г. (Полтава захвачена 27 июля 1919 г.).

В.С. Макаренко в звании поручика вошел в состав контрразведки, участвовал в преследовании рабочих-активистов. (Их сбрасывали с моста через Днепр живыми, в мешках с камнями. Гмурман В.Е. говорил, что при открытии Музея А.С. Макаренко в Крюкове некоторые его жители протестовали, они помнили о злодеяниях его брата. – А.Ф.).

При командировке в Харьков В.С. Макаренко заехал в Полтаву, встретился (в последний раз) с А.С. Макаренко, Е.Ф. Григорович, Костецкими. В военной форме, при оружии, он оказался «нежеланным гостем», встретил очень холодный прием.

Окончив в 1920 г. Офицерскую пулеметную школу, стал командиром пулеметной роты бронепоезда «Генерал Марков», в армии Врангеля, затем находился с ее остатками в Крыму. С сер. 1920 г. до сер. 1923 – в эвакуации, в Галлиполи, под Константи-

нополем, потом в эмиграции в Болгарии, Франции. Умер в г. Йер в доме престарелых. 22 июня 1983 г.

С помощью «Красного Креста» в кон. 1922 г. Виталий установил связь с А.С. Макаренко, их переписка продолжалась до 1928 г. Антон описывал свою колонию, присылал фото, от него было 14 писем, они погибли во время пожара. О своем старшем брате В.С. Макаренко говорил, что это самый благородный, человечный, самый чуткий и, наверное, самый умный человек, встреченный в его жизни.

Антон с 1910 – 1911 годов носил всегда при себе записную книжку. Это были изящные, с золотым обрезом книжечки, куда он вносил короткие заметки, характеристики, встречи, максимы и сентенции. Книжки погибли при разграблении дома Макаренко при отступлении армии Деникина в конце 1919 г.

О «Добровольческой армии» Деникина В.С. Макаренко говорит, что она была изначально обречена на поражение, т.к. ее костяк составляли царские офицеры, выходцы из дворянства. Население, особенно крестьянство и рабочие, не хотели восстановления дореволюционной России.

(На разных берегах..., с. 58 – 63, 89, 155, 332 – 353, 360, в изложении).

***Дочь Виталия, Олимпиада Витальевна Макаренко*, воспитывалась в семье Антона Семеновича в 1928 – 1935 гг., окончила Харьковский пединститут иностранных языков. В 1941 – 1943 гг. медсестра в эвакогоспитале, связист зенитноартиллерийского полка, сержант, награждена медалью «За победу над Германией». Была работником Научного архива АПН СССР. В замужестве Васильева. В переписке с отцом с мая 1962 г. до мая 1975 г. (На разных берегах..., с. 234 – 328). Умерла в 1983 г.**

В Кременчугском высшем железнодорожном училище А.С. Макаренко организовал вечерние курсы для рабочих, давал там уроки русского языка и истории.

(Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарий..., с. 82).

Уведомление, сделанное А.С. Макаренко Полтавской городской управой,
7 сентября 1919 г.

7 сентября 1919 г.

Г-ну инспектору Соединенного железнодорожного училища на ст. Крюков Юж. ж. д. Макаренко Антону Семеновичу.

Полтавская Городская Управа имеет честь уведомить Вас, что Вы, согласно прошению, назначены коллегией Городской Управы на долж¬ность заведующего городским низшим начальным училищем им. князя Куракина.

Назначение считается с 9 сего сентября, и управа просит Вас к тому времени: прибыть в Полтаву и приступить к исполнению обязанностей или, в случае отказа от этой должности, немедленно уведомить об этом управу.

За Городского Голову
Член Управы
Делопроизводитель
(подписи неразб.)

Макаренко А.С. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 120.

Акт о сдаче имущества Крюковского высшего начального железнодорожного
училища,
20 сентября 1919 г.

АКТ

О сдаче имущества Крюковского ж. д. училища А.С. Макаренко Федору Павловичу Даншину.

Принят весь инвентарь по инвентарной книге и наглядные пособия, а также музыкальные инструменты, за исключением двух стульев, находящихся у учителя Кемова, и пилы, находящейся у учителя Карапыша, а также балалайки, находящейся у члена Родительского Комитета Барбарича. В случае невозвращения этих предметов, отве-чаю за них я, А. Макаренко.

Ст. Крюков Южн. ж. д.

20 сентября 1919 г.

Инспектор Крюковского высшего начального училища А. Макаренко.

Принял:

И.д. Инспектора Крюковского высшего начального училища Даншин.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 361, л. 1, автограф А.С. Макаренко.

А.С. Макаренко с нач. сентября 1919 г. – заведующий 2-м начальным городским училищем, затем «единой трудовой школой» №10. (Полтава освобождена Красной Армией и партизанами в августе 1919 г.)

«Положение о единой трудовой школе», принятое Коллегией Наркомпроса УССР 13 мая 1919 г. (по аналогии с «Положением об единой трудовой школе РСФСР»), было существенно дополнено и изменено принятой «Декларацией народного комиссариата просвещения УССР о социальном воспитании детей» (опубликована 1 июня 1920 г.).

«Декларация» значительно расширила задачи и формы организации общественного воспитания детей, на основе «единства всей воспитательной работы», многообразных социально-педагогических влияний. Утверждался новый подход к проблемам «школа и жизнь», «школа и семья», с опорой на «новый детский дом», различные формы педагогической организации детства и его охраны, включая «трудовые детские колонии».

Воодушевленный концепцией этой «Декларации», А.С. Макаренко уходит из привычной «системы школы» (опасаясь традиционной «старой» педагогической теории и практики), в учреждении «охраны детства».

В конце сентября 1920 г. Он становится заведующим «основным детским домом для морально дефективных детей № 7» (под Полтавой, местечко Трибы), вскоре преобразуя его в Полтавскую трудовую колонию, для несовершеннолетних правонарушителей им. М. Горького, с установкой на ее превращение в учреждение общественного воспитания «нормальных» детей.

Практическая проверка, конкретизация и творческое развитие идей «Декларации о социальном воспитании детей» становится смыслом всей его последующей деятельности, в столкновении с разного рода вульгаризацией и искажениями этих идей в теории и практике «соцвоса», всей системы советского воспитания.

Начало этого – см. в части 1 данного издания – Н. Новгород, 2007; завершение – в части 8 – Н. Новгород, 2015 и в данной части 9 – 2016.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

лиц, причастных к жизни и деятельности А.С. Макаренко в кон.1938-1939 гг.

(по его авторским материалам и документам 9-й части данного издания)

Часть 2
Гинзбург Е.И.
Григорович Е.Ф.
Куриловская О.П.
Куриловский М.Ф.
Лемберт Л.З.
Соколянский И.А.
Часть 3
Довгополюк М.Л.
Дымный М.
Евдокимов
Ефимов В.
Зякун
Иваненко О.Д.
Ильяшенко
Коваль Т.Н.
Котельников М.Н.
Соботович
Сухарев М.Я.
Фельшинская
Фере Н.Э.
Шумский А.Я.
Часть 4
Ададуров
Адлер А.
Арнаутов В.А.
Архангельская З.П.
Балуева Е.М.
Берлин Р.Л.
Блонский П.П.
Богданович С.Я.
Бузина А.Я.
Бутвин
Быковец Мария Н.
Быковец Мих. Н.
Вайнер
Величко Е.В.
Весич В.А.
Весич Е.М.
Выготский Л.С.
Высочин
Гаврилин Т.Д.
Ганджий
Глупова А.Ф.
Говорецкая О.Т.
Горький А.М.
Гребенюк
Григорович Е.Ф.
Джемс У (В.)
Джемсон Л.
Довбищенко С.Е.
Долганов
Ермоленко В.И.
Зайчик
Залужный А.С.
Збировский (Сбировский)
Золотарев Ю.
Калюжный Д.С.
Канторович С.И.
Качанов
Квитковский
Кириченко
Коваль Л.Т.
Костерин
Ланцуцкий
Лещинский
Липовой
Лозинский С.О.
Мак-Доугалл В.
Малюцкий С.Т.
Марьенко
Махно Т.Д.
Мизерницкий А.М.
Миколюк А.
Мовшович
Мороз
Мороз Н.
Мостовой П.
Николаенко М.П.
Новиков Г.А.
Ольшанский Б.
Остроменцкая Н.Ф.
Охмацкий П.И.
Пивень
Пляченко
Поповиченко В.И.
Потапенко
Привалова
Приходько
Протопопов В.П.
Ракович О.П.
Розовский
Руссес
Рябченко
Ряппо Я.
Сагредо А.П.
Салько (Макаренко) Г.С.
Сербиков А.Л.
Сергеев
Слабвенко
Солодуб
Стебловский Е.Ф.
Тапуць Б.М.
Тарапата С.Е.
Татаринов Т.Д.
Татаринова В.Н.
Тевелев М.
Топорков
Троттер
Улищенко С.М.
Урец
Файбишев
Фарбер
Фиш
Фрейд З.
Фрейман
Халатов А.Б.
Чаплян Н.Д.
Чернявский
Шапиро
Шелудько
Шилов
Шэнд
Яковлев
Яновская
Часть 5
Аврутин
Агеев А.
Агнивцев
Акимов

Андреев
Антонович
Аристотель
Арямов И.А.
Ахматов Л.С.
Байков И.
Балджи
Балицкий В.А.
Барбаров П.О.
Барбюс А.
Бегельфер
Бельский П.Г.
Бенексон
Бехтерев В.М.
Бине А.
Блат И.М.
Бобина М.
Боков
Болотин И.М.
Борискина К.Т.
Борисов Ф.
Боярчук
Бродский
Броневой А.О.
Броневой С.
Бубнов А.С.
Букшпан М.М.
Букшпан Т.
Булдченко
Бухарин Н.И.
Васильев Г.М.
Васконселюс Ф.
Вахранев (Вахламеев) Ф.К.
Ващенко Г.Г.
Вейсберг
Векслер
Векслер Л.
Вехова
Владимирская Л.
Владимирский А.В.
Вовченко И.
Володина
Выготский Л.С.
Гаврилин И.Д.
Гаенко
Гапеев А.
Гершанович
Глебов
Глезер
Глупов (Крупов)
Гольдберг Д.
Горбунов Н.А.
Горьковский
Грабаров
Гресь К.
Гросицкий
Грушев
Гуляев А.
Гурлит Л.
Денисенко И.
Джуринская П.Е.
Дидоренко
Дидоренко С.А.
Добродицкий
Дорошенко
Д-р Гая К.
Дроздюк П.
Дубовик А.
Дюшен В.М.
Жданов А.А.
Журавлев
Журахович
Зайко
Зайцев В.
Залкинд А.Б.
Захожай А.
Звягин Ж..
Зорин
Зотов А.
Зубенко Е.
Иванов
Иванов В.
Иванов И.
Иорданский Н.Н.
Иткин
Каллуновский М.
Карлсон К.М.
Касьяненко
Клюшник В.И.
Клямер З.С.
Коган С.Б.
Кодессон
Козырь В.
Колбановский В.Н.
Колесникова
Колос И.Г.
Конисевич Л.В.
Кононенко И.Я.
Кононенко К.С.
Константинов Н.А.
Короленко
Кочубиевский
Кропачев
Крупка
Крупская Н.К.
Крючков П.П.
Куксов
Кулагин
Курянчик
Куслий П.Ф.
Куслий Ф.
Лазарева
Левченко Г.
Левшаков В.Т.
Ледак Н.
Ленин В.И.
Ленобль Т.
Мазуренко
Макаревич
Макаренко В.С.
Макаренко О.В. (Л.В.)
Матвеев
Матусов
Медведев С.
Мельник А.
Метров
Мизяк С.
Моложавый С.С.
Мусатов
Никитин
Нисятин
Носалевич
Овчинников
Оселок П.А.
Остриков
Павленко П.
Пелипец
Перфильев
Перцовский П.Е.
Петровский Г.И.
Пивень М.
Погребинский М.М.
Полупаева-Рудич А.
Полупаева-Рудич И.
Пономарев
Поповиченко Н.Т.
Порайко
Преслер Н.
Примаков В.М.
Пунченко Н.
Разумовский Н.П.
Ракович И.П.
Ребик
Редько
Романов
Руденко Г.
Русаков
Рыжик

Рыклин Г.
Ряполов
Савчук Н.
Сагредо Л.П.
Салько Л.М.
Самодуров
Свадковский И.Ф.
Сенюкин
Симон
Синенький
Сирота М.
Скребнев
Сличенко
Соколов
Соловьева Е.
Сопин И.
Стегний
Сторчакова
Судаков И.П.
Суржик П.А.
Сучкевич
Сычева
Таликов
Таликов П.
Тепер И.Я.
Теренин
Теренина
Терентьев
Терентюк Д.Ф.
Терский В.Н.
Ткачук И.
Токаренко В.
Тренева Е.П.
Трифонов
Угнивенко В.
Файнергольц Л.Н.
Филатов
Фомичев
Френкель Я.
Харламова О.
Харчин Я.
Хрущ
Чабан
Чарский
Чарский
Чеботарев
Чевелий А.А.
Чевелий Д.А.
Чуйко В.
Шацкий С.Т.
Швед С. (А.), Н.
Шверник Н.М.
Шелгунов В.А.
Шелухин М.
Шимбирев Н.И.
Шмигалев В.
Шульгин В.Н.
Элькин Е.Д.
Явлинский
Ягода Г.Г.
Яковлев В.И.
Яновский
Яхонтов

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Общие положения

Этот учебно-методический материал рассчитан на работу с текстами данной книги. Дополнительные источники указываются в комментариях к авторским материалам А.С. Макаренко, а также в прилагаемом ниже списке литературы. Обращение к макаренковедческим публикациям 1940-х–сер.1970-х гг. не рекомендуется (за редким исключением). Эта литература устарела, может мешать современному пониманию макаренковского наследия.

Изучение работ самого А.С. Макаренко, осмысление его идей и практики в их единстве и развитии, на основе всей совокупности неизвестных ранее, малоизвестных и выявленных в последние 5 десятилетий его авторских материалов, в свете многих новых, выдвинутых им проблем (не свойственных традиционной и современной педагогике), на фоне нынешних происходящих в России и в мире социально – экономических и культурных явлений и процессов, – таково общее направление учебно-методической работы над этим изданием.

На первый план в учебно-методическом материале ставится основанная на современных макаренковедческих отечественных и зарубежных исследованиях тематика учебных и исследовательских работ. Они могут выполняться на разных уровнях: реферат, доклад, выполнение проектного задания, статья, курсовая работа, дипломная, магистерская и кандидатская диссертации, монографическое исследование. Указанные темы могут объединяться в некоторые новые, более широкие, и подразделяться на более конкретные и детальные.

Очень важно при этом не ограничиваться принятой в современной педагогике проблематикой, смело выходить за пределы используемой ею системы понятий, идей и решений. Нужно вводить в научный и практический оборот выдвинутую и обоснованную А.С. Макаренко систему новых проблем, положений и терминовв, выявлять и показывать их огромный потенциал в творческом развитии педагогики, школы, общественно-педагогических явлений и процессов.

Комментарии, помещенные в книге необычно, сразу после каждого из авторских материалов А.С. Макаренко, – это важная органическая часть данного учебно-методического материала. Комментарии не только вносят необходимые разъяснения и дополнения, но и указывают на работу А.С. Макаренко в том или ином направлении в прошлом и в дальнейшем, в 1938–1939 гг.

Обширное вступление «От составителей» в начале книги – другая органическая часть учебно-методического материала. Она содержит разработки методологического характера. Направляющее значение имеют эпиграфы-цитаты из трудов А.С. Макаренко, данные на первых страницах книги.

Пользоваться 7-томным изданием макаренковских произведений (1951–1952 и 1957–1958 гг.) и сборниками, составленными на его основе, не рекомендуется.

Разработку предлагаемых тем целесообразно производить по литературе, вышедшей в последние десятилетия, с середины 70-х гг., когда определился качественно новый этап развития макаренковедения. Особую важность имеют исследования, публикации 2000-х годов.

Ведущее направление практического применения макаренковской педагогики в современных условиях отражено в публикациях, посвященных I–XIII Конкурсам им. А.С. Макаренко школ разного типа, широко использующих в педагогических целях главное: хозяйственно-трудовую, производственную деятельность («школ-хозяйств», 2003–2016 гг.) – см. в каждом томе список литературы.

Перспективным является также утверждение в современной педагогической теории и практике идеи «уклада жизни» школы, педагогического учреждения, семьи, детско-взрослой и молодежной организации, трудового коллектива, как главного фактора воспитания, в его отличии от обучения.

Тематика учебных и исследовательских работ

Специфические особенности макаренковской жизненно – ориентированной, человеко – центристской педагогики, сущность его вклада в педагогику как науку о воспитании – по материалам 9 части данного издания.

Замысел романа «Человек», социально-педагогичская основа этого произведения.

Социально – педагогический смысл пьесы «Забота о человеке»

Тема связи и взаимодействия поколений в пьесе для Театра юного зрителя

Особое внимание к старшему поколению, в его связи с молодежью – по роману «Ньютоновы кольца» (с учетом пьесы «Ньютоновы кольца», часть 3 данного издания)

Материал романа без названия: социально – педагогическая тематика, характеры, сюжетная основа

Дневниковые записи А.С. Макаренко как отражение жизненной и творческой биографии педагога – писателя

Деловые и личные письма А.С. Макаренко: характеристика его личности, характера и духовно – нравственного состояния в связи с жизнью общества

История создания киносценария по «Флагам на башнях» (в содружестве с М. Барской, с учетом материалов части 8 данного издания)

Общее положение и морально – психологическое состояние А.С. Макаренко в последний год жизни (с учетом материалов части 8)

Макаренковские планы работы в школе в московский период его жизни и деятельности (с учетом части 8)

Детские и ученические годы А.С. Макаренко: предпосылки рождения таланта и способностей

А.С. Макаренко о своей работе в школе в 1905-1920-х гг.

Мировоззрение А.С. Макаренко, его жизненный опыт, самообразование в 1905-1920-х гг.

А.С. Макаренко о «старом обществе», социально – гуманитарных основах педагогики этого общества

МАКАРЕНКОВЕДЧЕСКИЕ ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, СДЕЛАННЫЕ С НАЧАЛА 2014 Г. ДО НАЧАЛА 2017 Г.

С включением публикаций предшествующих лет, по разным причинам ранее не учтенных или выявленных позднее

Макаренковедческие публикации, вышедшие в период со 2-й половины 2007 г. и до начала 2017 г. см. в данном издании: часть 2 - с.395-403; часть 3 - с.347-357; часть 4 - с.289-301; часть 5 - с. 282-296; часть 6 - с.333-349; часть 7 - с.351-365; часть 9 – с.346-358.

Отдельные издания, в России

Макаренко А.С. Педагогические поэмы: «Флаги на башнях», «Марш 30 года», «ФД-1» / сост., вступ. Ст., примеч. С.С. Невская. – М., Изд-во ИТРК, 2013. – 656 с. В заключение – макаренковская статья «Педагоги пожимают плечами».

Во вступительной статье, сообщающей в основном об истории создания публикуемых произведений А.С. Макаренко и о некоторых аспектах его творческой биографии, - обходится вниманием основа основ его педагогики – производственно-хозяйственная деятельность коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, объединяющая ее трудовой коллектив с процессом индустриализации всей страны. Отсутствует оценка этих произведений в контексте того времени и современности.

Введение в тесты курсивом места из других источников нарушает восприятие материала как законченного художественного произведения. Такие места, отдельные слова и выражения целесообразно давать в пристраничных сносках или в общих комментариях к произведению.

Возникает вопрос: редакторская правка вообще необходима или отрицается? «Педагогическая поэма» (журнальный вариант, все ее 3 части), вышла в редакции А.М. Горького. Неужели и после нее необходимо «восстанавливать истинный текст»?

Вообще же принятый и подписанный автором произведения в последнем прижизненном издании текст считается «каноническим»; вторжение в него в последующем может считаться произвольным, если оно не ограничивается выносом различных правок и дополнений за пределы основного текста.

Именно с учетом этого издательского правила произведена публикация фрагментов «Педагогической поэмы» в нашем новом, научно – методическом издании сочинений А.С. Макаренко: публикуется ее «канонический» текст (изд. 1937 г.), а опущенные или измененные в других публикациях части текста (или имеющиеся в первоисточнике) – даются в подборках, следующих за основным текстом, см. часть 3 указанного издания, с. 285 – 290 и часть 4, с. 138 – 157.

Все сказанное выше относится и к изданию: Макаренко А.С. Педагогическая поэма» / сост., вступ. ст., коммент. С. Невская. – М., 2003. – 763 с. *В аннотации к изданию не вполне корректно сказано, что это произведение впервые печатается «в полном (восстановленном по прижизненным изданиям и рукописи) объеме» (с. 2).*

О недопустимости механистического вмешательства в текст «Педагогической поэмы» (изд. 2003 г.) Г. Хиллиг (ФРГ) высказывается категорически: «Речь идет о компиляции фрагментов из различных вообще не подтвержденных печатных и архивных источников» (Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко, Русскоязычные публикации 1976 – 2014 гг. – Полтава, 2014, с. 669). Его вывод: «Академическое издание «Педагогической поэмы» еще ждет своего часа» (с. 687).

Макаренко А.С. Моя система воспитания. Педагогическая поэма / вст. ст. С. С. Невская. – М., Изд-во АСТ, 2016. – 676 с. (Классики педагогики).

Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 8. Декабрь 1938 г. – март 1939 г. / сост., коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксенов. – Н. Новгород, 2015. – 407 с.

Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю., Аксенов С.И. Ицхак Адизес и Антон Макаренко: развитие – основа успеха организации. – Н. Новгород, 2015. – 22 с.

Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю., Аксенов С.И. Израильский кибуц и трудовая колония им. М. Горького: общие черты в исторической параллели. – Н. Новгород, 2015. – 97 с.

Фролов А.А. Неживенко В.Н. Педагогика А.С. Макаренко в успехах советского спорта 1948 – 1980-х годов. – Н. Новгород, 2016. – 31 с.

Фролов А.А., В.Н. Неживенко. Рикардо Семлер и Антон Макаренко: свободный труд – основа новой жизни и всестороннего развития человека. – Н. Новгород, 2016. – 39 с.

Илалтдинова Е. Ю. Отечественная история освоения и разработки педагогического наследия А. С. Макаренко. 1975-2013 гг. Монография. – Н. Новгород, 2014. – 49 с.

Нифаева О.В., Нехамкин А.Н. Формирование цивилизованной модели российской экономики. Институциональный подход. Монография. – М., 2013. *(Со ссылкой на статью Фролова А.А.: «Человек в системе производства» у Ф. Фукуямы и А. Макаренко – в «Вопросах экономики», М., 2010, № 8).*

Нифаева О.В. Совершенствование институциональной модели российской экономики. Морально-нравственное измерение. – М., 2014. *(Со ссылкой на указанную статью Фролова А.А.).*

Д.П. Барсков. Колокола памяти. Записки детдомовца. – М., 2014.

Образование и педагогическая мысль в истории человеческого общества. Уч. пос. / под ред. Г.Б. Корнетова. – М., АСОУ, 2015. – 212 с. (выборка):

Пичугина В.Г., Безрогов В.Г., Педагогическая тирания и педагогическая забота в трагедиях Эсхила.

Астафьева Е.Н. Манипулятивная педагогика в теории естественного воспитания Ж.-Ж. Руссо и о методе естественных последствий Г. Спенсера. – (Труд, Г. Спенсера «Воспитание: умственная, нравственное и физическое» издавалась в России в 1876 – 1899 гг., 1906 и др. годах.

Бим-Бад Б.М. Культурные объекты. Духовные культурные объекты. Опредмечивание – распредмечивание. Человек есть то, что он делает. Культура «знаковая», символичная. Искусство. Взаимодействие человека и культуры.

Исторические пути развития образования и педагогики / под ред. Г.Б. Корнетова. – М., АСОУ, 2015. – 444 с. (выборка):

Корнетов Г.Б. Становление педагогики как отрасли научного знания.

Романов А.А. Становление экспериментальной педагогики в России.

Ромаева Н.Б., Ромаев А.П., Социальное воспитание в советской школе.

Семенова Н.В. Детский воспитательный коллектив как социально-педагогический феномен: история и современность.

Козлова Г.И., Овчинников А.В. Взаимодействие советской власти и общества в утверждении воспитания как приоритетного компонента общего образования.

Шевелев А.Н. Школа и город: методологические подходы современной урбанистки.

Белканов Н.А. Советская школа и педагогика 1920-х годов в призме педагогической советологии. – Елец, Волгоград, 2002.

Беляев В.И. История социальной педагогики. Основные концепции. – М., 2015. *Социальная педагогика А.С. Макаренко (в частности) представляется лишь как «система перевоспитания детей сирот и несовершеннолетних правонарушите-*

лей», именно «перевоспитания», что противоречит духу и букве макаренковского наследия. Из макаренковедческой литературы дается лишь Азаров (1989) и Фрадкин (1945), т.е. при полном игнорировании современных исследований и публикаций.

Дармодехин С. В., Фалонов Г.Н. Социальные институты семьи и воспитания: методология и стратегия развития. – М., 2015. – 219с. (В сущности лишь констатация стихийно действующей „педагогики всего общества", современного. В отрыве от тенденций развития экономики , идеологии и политики. – А.Ф.),

Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. – М., 1984.

Продолжающееся и тематические издания

Макаренко. Альманах. 2010, № 2, М. – Мировое признание педагогического наследия А.С. Макаренко. Сб. науч. трудов российских и зарубежных макаренковедов (ошибочно повторно был использован номер 2 Альманаха, 2010 г., см. ранее в данном издании часть 7, с. 353: Триумфы и трагедии в жизни педагога-писателя А.С. Макаренко, гл. ред. А. Кушнир, сост. С. Невская.

Поэтому данный сборник оказался своевременно не включенным в список литературы, данный в соответствующей части данного издания. Содержание:

Фролов А.А. Разработка наследия А.С. Макаренко как фактор развития современной педагогики (постановка проблемы).

Нейман Х. (Голландия, пер. с нем. яз.). Антон Макаренко – организатор человеческих групп. *7 принципов управления системой в ее движении: система в дружбе, свобода мнений, свобода в дисциплине, перспективы, материальные и идеальные достижения, работа руками, игра-творчество. «Кибернетический подход». «Групповая педагогика».*

Зязюн И.А., Кривонос И.Ф., Тарасевич Н.Н. (Полтава, Украина). Гуманистическая сущность мастерства А. Макаренко – воспитателя. *В русле профессионализма автономно работающего воспитателя, т.е. в русле «парной педагогики». Далеко не соответствует педагогике Макаренко во все ее полноте.*

Быков А.К. Практическая деятельность и творческое наследие А.С. Макаренко: величие и постсоветские «приватизации». *Творчество Макаренко «выходит за рамки отдельных исторических периодов», «поражает его вклад в развитие соц. - гуманит. наук», в развитие их методологии; грандиозно обогатил «фактологическую базу» общественных наук.*

«Индивидуалистический тип поведения человека, навязываемый идеологией частной собственности», вступает в противоречие с традиционным укладом жизни России».

Дается лишь по 7-томному собр. Соч. Макаренко, 1957 – 58 гг. Современные макаренковедческие исследования не отражаются.

С.С. Невская. Новые концептуальные подходы к изучению наследия А.С. Макаренко. *Излагается позиция М.Б. Зыкова: А.С. Макаренко в свете идей «человеческого и социального капитала». По К. Марксу: «труд, творящий человека как ценность» - и создающий внешнюю ему ценность. Эксперимент Макаренко «вписан навеки в историю человеческой цивилизации».*

Гриценко Л.И. Взгляд А.С. Макаренко на проблему воспитательной практики. *О возможной «нейтральности труда» в воспитании и объективной потребности личного участия воспитанников в управлении процессом труда. Роль коллектива, «Жизненно ориентированная педагогика», с опережением современного состояния. Рассмотрение связи макаренковского наследия с идеями других отечественных и зарубежных деятелей педагогики, социологии – не сопровождается выявлением различий и принципиально нового вклада А.С. Макаренко в решение указанных проблем.*

Морозов В.В. Педагогика А.С. Макаренко: перспективы практического действия. – *Об особенности его работы с «трудными» детьми и подростками. О восприятии ими жизненно необходимого как личного, в коллективе.*

Илалтдинова Е.Ю. Интерпретация наследия А.С. Макаренко официальной педагогикой в СССР в 1939 – 1935 гг. – *Это адаптация его к нетрудовой «школе учебы», расхождение с основами макаренковской педагогики, где господствует производительный труди «трудовое хозяйствование».*

Невская С.С. Истоки и социальная направленность макаренковской концепции гражданского воспитания. – *Оно не рассматривается в контексте макаренковского приоритета духовно-нравственного воспитания.*

Меттини Э. (Италия). Макаренковский коллектив как Т – группа – *Показаны черты сходства коллектива с Т-группами Курта Левина (объединениями в целях взаимодействия и взаимопонимания) Принципиальные отличия не отмечаются.*

Невская С.С. А.С. Макаренко и А.Ф. Лазурский: псих. – пед. анализ личности в условиях деятельности – *О преобладании проблемы характера в трудах Лазурского, т.е. о единстве ума, чувства и воли, что является основополагающим и у Макаренко.*

Гликман И.З. Главное, что оставил Антон Макаренко в веках. – *Это: «социально-производственное воспитание» в коллективе, система «педагогической мотивации».*

Соколов Р.В. К юбилею трех «подвижников соцвоса» (С.Т. Шацкий, А.С. Макаренко, И.П. Иванов). – *Говорится об их «общих корнях». Не объясняются различия, т.е. движение к наиболее полному научному знанию.*

Фролов А.А., Аксенов С.И. Антон Макаренко – Джон Дьюи Советского Союза? Отклик на статью: Thom Gehring, Fredalene B. Bowers, Rondal Wrigcht. Anton Makarenko: The «john Dewey of the USSR». *Авторы – представители коррекционной педагогики» («тюремной»), с выходом на «общую педагогику» - Дж. Дьюи, А. Макаренко.*

Ткаченко А.В. (Украина). Пособие, по макаренковской педагогике. Рецензия на книги: Макаренко А.С. Школа жизни. труда, воспитания… Части 1 и 2 – Н. Новгород, 2007, 2008. *Это начало нового издания трудов Макаренко «в логике учебного пособия». «Максимальная научная корректность», показ теории и практики Макаренко в их единстве и развитии, с представлением множества документальных источников, новых авторских макаренковских материалов, с их всесторонним и современным комментированием, публикацией современных основополагающих макаренковских исследований (в предисловии) и обзора макаренковедческой литературы последних лет.*

Гликман И. З. Педагогика гарантированного воспитания. Статья «в защиту Макаренко».

Красщенко Ю.П. (Полтава, Украина). *Пределы студенческого самоуправления: в контексте макаренковского наследия.*

Гринева М.В., Гомля Л.Н. Идеи А.С. Макаренко в практике пенитенциарных учреждений: современный украинский опыт. *О важности «логики хозяйствования» (чего в современной практике нет).*

Хиллиг Г. (Марбург, Германия). Творческо-коммерческий альянс – одна из движущих сил канонизации А.С. Макаренко. *См.: в его книге: В поисках истинного Макаренко… - Полтава, 2014.*

Ткаченко А.В. (Полтава, Украина). Колония им. М. Горького: малоизвестные страницы украинской периодики. *Корреспонденции о колонии им. М. Горького в 24 укр. газетах, журналах: 1922 – 25 гг. – от 1 до 5 публикаций в год; 1926 – 28 гг. – от 19 до 44 в год. Материалы о кинохронике о колонии, осень 1927 г. оказана огромная поддержка творчества А.С. Макаренко советской властью и общественностью даже в период его острой критики.*

Хиллиг Г. (Марбург, Германия). Семь смертей А.С. Макаренко: домыслы и факты.

Конспект выступления А.С. Макаренко в московском Доме учителя 22 мая 1937 г. *Публикация и коммент. Г. Хиллига – с расшифровкой сокращенных слов и выражений.*

Педагогическое наследие человечества. Монография. В 2 т. Т. 2: История образования и педагогической мысли / под ред. Г.Б. Корнетова. – М., 2013 – 228 с. (выборка):

Семенова Н.В. Осмысление воспитания в России в контексте соотношения социального и индивидуального в личности в кон. XIX – нач. XX вв. – *С рассмотрением положительных аспектов во взглядах Луначарского, Крупской, Макаренко, Гастева и др.*

Астафьева Е.Н. Рецензия Н.Г. Чернышевского на журнал «Ясная Поляна» А.Н. Толстого. – *Отрицательная оценка рецензии. Попытка все в педагогике вывести из «природы ребенка», «антропологически», вне социального фактора.*

Астафьева Е.Н. А.С. Макаренко об основаниях родительского авторитета в воспитании детей. – *Он против авторитарности в педагогике; показывает основы «ложного авторитета».*

Сборники материалов конференций

Идеи и опыт отечественной педагогики как фактор развития современного образования в России. Матер. междун. науч. – практ. конф. Макаренковские пед. Чтения. Вып. 13 / сост. ред. Гриценко Л.И. – Волгоград, 2016 – 296 с.

В заявленных к конференции для обсуждения 10 вопросах терминология А.С. Макаренко отсутствует.

Выборка из материалов сборника:

Гриценко Л.И. Роль производственного труда в учреждениях А.С. Макаренко. *О «профессиональном развитии личности в процессе ее социализации». Тема «трудового хозяйствования» отсутствует.*

Фролов А.А. Илалтдинова Е.Ю. Эффективность управления организацией: творчество И. Адизеса и А. Макаренко.

Аксенов С.И. Подготовка квалифицированных рабочих и воспитание «трудовой интеллигенции»: А.С. Макаренко и современные вызовы. – *Понятия: «рабочая аристократия» и «трудовая интеллигенция» неоправданно отождествляются.*

Ткаченко А.В. Almamater А.С. Макаренко: возвращаясь к проблеме. *Новые сведения об учебе А.С. Макаренко в Полтавском учительском институте (1914 – 1917 гг.).*

Меттини Э., (Италия.) А.С. Макаренко как философ образования. *Макаренковская идея о ценности личности в ее «силе и красоте» и о проявлении этой ценности в «системе перспективных линий» - это очень важно для преодоления «видения личности как простого товара». В современной концепции «событийности» не усматривается ее социальная ограниченность.*

Новиков С.Г. Педагогическое наследие А.С. Макаренко: ретроспективный взгляд из эпохи социокультурной транзиции XXI века. *А.С. Макаренко «исходил из тезиса Маркса о соответствии классовых интересов пролетариата гуманистическому вектору развития человечества». До границ макрокосма в СССР развернуто традиционное представление о примате общины, коллектива.*

Гончар Д.Р. Через труды В.Н. Терского – к лучшему пониманию наследия А.С. Макаренко. *Клубная работа «вписывается» в целостную систему воспитания.*

Погорелова О.П. Волонтерская работа подростков как погружение в трудовую деятельность. *Школьная «служба примирения» как команда, коллектив.*

Сафронова Г.А. Школьная компания как форма связи лицея с жизнью. *Это «организационно-деятельностная игра», с изготовлением продукции народных промыслов.*

Ткачева Е.Л., Мельникова Е.В. Вопросы семейного воспитания в наследии А.С. Макаренко.

Учитель и его формирование: исторический опыт передачи образованности и культуры. Сб. науч. трудов Междунар. науч.-практич. конф. XXXI Науч. совета по истории образ. и пед. науки РАО / под общ. ред. М. В. Богуславского и др. – Тверь, 2015 (выборка):

Лукацкий М.А. Сущность и особенности исторического познания.

Воронцова Ю.А. Классификация педагогических течений как инструмент изучения понятийно-терминологического аппарата педагогики рубежа XIX – XX веков.

Сериков В.В. Учитель в образовательном пространстве: к поиску новых моделей профессиональной социализации.

Садовникова В.Н. Режиссер как педагог: история становления (Россия, нач. XX в.)

Милованов К.Ю. Ведущие стратегические модели образовательной политики РСФСР – СССР (1917 – 1936 гг.).

Арефьева И.П. К вопросу о политехнизме в советской школе и проблеме технологического образования советских учащихся.

Илалтдинова Е.Ю. Методология историографического исследования педагогического наследия.

Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия. Матер. XI междун. науч. конф. / ред. – сос. Г.Б. Корнетов – М., АСОУ, 2015 – 260 с. (выборка):

Астафьева Е.Н. Природа и свобода ребенка в отечественной педагогике первой трети XX столетия. *По наследию Д.Н. Узнадзе, С.Н. Дурылина и А.С. Макаренко. Они «выдвинули ряд инновационных идей, значимых для понимания современных проблем теории и практики образования».*

Бим – Бад Б.М. История педагогики и наши сегодняшние задачи. *Статья, целиком посвященная А.С. Макаренко, его «великому имени», «гениальным концепциям прошлого». «Нужен одновременно философский, психологический и социологический анализ». Главное – «идея социальной защищенности».*

Воронцова Ю.А. Понятие «воспитание» в научном наследии П.Ф. Каптерева. «Там, где человек, там и воспитание».

Врачинская Т.В. Методология историко-педагогического исследования конфликта в педагогике». *О «двойной природе конфликта», его «дихотомии».*

Даренский В.Ю. «Образ человека» в образовании. *«В «обществе потребления» могут нормально жить только люди с самой неразвитой душевной организацией». «Мы живем для рынка… Мы не свободные люди». «Идеал культуры должен быть высок, труден, чтобы возбудить и напрячь все духовные силы человека» (Г.П. Федотов, религиозный историк и публицист).*

Корнетов Г.Б. Педагогические идеи и направления в истории педагогики, с. 104 – 152. *Констатируется «отход от интерпретации рассматриваемых идей в логике дихотомий бинарных оппозиций к представлению их в истинной целостности», стремление «к диахронному и синхронному рассмотрению каждой идеи».*

Анализируются труды: Модзалевский Л.Н. («Очерки истории воспитания и обучения с древнейших до нашего времени», в 2 тт., 1866 – 67); Успенский В.В. («Очерк по истории педагогических учений», 1911); Рубинштейн М.М. («История педагогических идей», 1922); Музыченко А.Ф. (Современные педагогические течения в Западной Европе и Америке, в кн.: «Современные педагогические течения», 1913), работы Королева Ф.Ф., Арсеньева А.М., Пискунова А.И., исследователей 2000 гг.: Вершининой, Джуринского А.Н. («Педагогика. История педагогических идей»), Кан-

ке В.А. (История, философия и методология психологии и педагогики»), Бим – Бада Б.М. (Педагогика, в «Педагогическом энциклопедическом словаре»).

А.С. Макаренко разными авторами относится к направлениям: социально-трудовое воспитание (вне дидактики), «морально-коллективистская теория», «теория политической направленности», «деятельностная направленность», «сенсуалистические теории». Бим – Бад Б.М. о «марксистской педагогической теории»: она «глубоко гуманистична и прогрессивна… Свобода личности достигается не бегством ее от социальных связей, а благодаря им».

Корнетова Е.Г. Педагогическое содержание книги Э. Дюркгейма «Моральное образование». (1925).

Локтева Н.Н. Педагогика свободы Александра Нилла.

Лукацкий М.А. Научение человека: бихевиористический подход. *Причиной изменения поведения человека «всегда выступает его жизненная практика». За поведение «целенаправленное».*

Николаев В.А. Дворянское воспитание в России.

Романов А.А. Педагогические направления в России в первой трети XX века. *«Блонкизм» и «Шацкизм» - индустриальное и сельскохозяйственное направления, «левые и «правое» - в оценке А.В. Луначарского, Н.К. Крупской, В.Н. Шульгина.*

Фролов А.А. Методология педагогики как науки о воспитании: позиция А.С. Макаренко.

Категория «социального» в современной педагогике и психологии. Части 1 и 2 Матер. 2-й науч. – пед. конф. (заочная) с междунар. участием / отв. ред. А.Ю. Нагорнова. – Ульяновск, 2014.

Статьи в различных изданиях

Буреги В. Педагогическая система А.С. Макаренко и возможности ее применения в православной педагогике // Семинарская и святоотеческая библиотека. МДА, Сергиев Посад, 2001. *Отмечается: правильная, «объективная оценка А.С. Макаренко данных биологии и психологии в воспитание»; наличие в его наследии, некоторых инвариантных категорий, сохраняющих свою этическую ценность при любом общественном устройстве»; обозначение «ключевых проблем педагогики – цель воспитания, коллектив, перспективные линии, «взрыв», труд, игра, режим и дисциплина, наказание и поощрение, проблемы этики и эстетики».*

Григорьев Д.В. Преодоление обществапотребления: в чём нам может помочь А.С. Макаренко // Педагогическое образование и наука, 2008, №3

Солодкова А.А. Падение и подъём идеи трудового воспитания А.С. Макаренко в постмодернистском мире // Технологическое образование и и устойчивость развития региона, 2010, №4

Мальков Е.В. Теоретические аспекты построения педагогической среды А.С. Макаренко // Наука и жизнь, 2012, №2

Степанова Л.А. О методологии исследований педагогического наследия А.С. Макаренко. К 125-летию со дня его рождения // Вестник Московского гос. обл. ун-та, 2013, №3

Помелов В.Б. А.С. Макаренко – современник всех поколений. К 125-летию со дня рождения великого педагога // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та, 2013, №1

Быков А.К. А.С. Макаренко: к дискуссии о его творческом наследии // Образовательные ресурсы и технологии, 2013, №1

Пивченко. В.П. Педагогический коллектив в воспитательной системе А.С. Макаренко: исторический аспект и современный взгляд // Молодой учёный, 2013, №4

Кораблева Т.Ф. Гуманистическая парадигма воспитания и этико-педагогические позиции А.С. Макаренко // Вестник социальной работы, 2014, №3

Кузнецова О.А. Самореализация воспитанников А.С. Макаренко как подтверждение успешности его социально-педагогического эксперимента // Вестник Московского гос. ун-та культуры и искусств, 2014, №3

Ивантьева А.К. О технологии коллективного воспитания А.С. Макаренко // Современная педагогика, 2014, №11

Балан Д.А., Янковская Д.И., Кузнецова А.Я. Актуальность педагогических взглядов А.С. Макаренко в системе современного образования и воспитания // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2016, № 5-6

Морган В. Джон (Англия). Максим Горький как социальный педагог: новое прочтение // Приложение №1 к сетевому журналу «Вестник Института социологии». – М., 2013, №7, с. 1 – 26. *Творчество А.М. Горького рассматривается в аспекте его противоречивого участия в русских революциях 2005 – 2017 гг., как посредника между большевистской партией, рабочим классом и старой интеллигенцией. Деятель, сближающий «западноевропейскую и русскую культурные традиции».*

Он «доказал, что именно трудящийся человек, а не капитал, олигархия или церковь, является хозяином своей судьбы». Он мучительно работал над проблемой: анархическая свобода – и социализм». В Англии в 1997 г. вышло издание избр. Соч. А.М. Горького, англ. яз.; в 1999 г. издана его политическая биография.

Фролов А.А. Педагогическая вера А.С. Макаренко (по «Флагам на башнях») // Модернационные процессы в российском и зарубежном образовании XVIII – нач. XXI вв. Матер. XXX сессии науч. совета по истории образования и пед. науки РАО. – С. Петербург, 2014.

Тищенко Е.Г. Самостоятельная работа студентов по изучению художественно-педагогического текста («Педагогическая поэма» А.С. Макаренко // Учебно-методическое обеспечение изучения истории педагогики в вузах. Сб. / под ред. Г.Б. Корнетова и А.И. Салова. – М., 2014.

Фролов А.А. Идеи свободы и «трудового хозяйствования в педагогической работе с несовершеннолетними правонарушителями (наследие А.С. Макаренко и современность) // Воспитательный потенциал детско-взрослых сообществ. Матер. V Всерос. макаренковских чтений. – Красноярск, 2015.

Фролов А.А. Идеи свободы и «трудового хозяйствования» в педагогической работе с несовершеннолетними правонарушителями // Уголовно-профессиональное право. - Рязань, 2015, № 4.

Смолин О.Н., зам. предс. Комитета по образованию и науке Гос. Думы Р.Ф. Пора вернуться к рецептам Макаренко // Культура, 2 июня 2015 (интервью):

«Реально УПК (учебно-производственные комбинаты, для старшеклассников) существуют там, где их не успели разломать. Нужен мощный поворот к нормальному «трудовому воспитанию по Макаренко». Если ребят параллельно с учебными дисциплинами будут знакомить с производительным трудом – выиграют и они сами, и государство. Необходимо поднимать престиж рабочих специальностей через искусство и СМИ… Российское историческое общество утвердило единую концепцию преподавания истории…»

Исследовательская лаборатория «Воспитательная педагогика А.С. Макаренко» // Научно – иссл. центры и научно-исследовательские лаборатории ФГБО ВПО «Нижегородский гос. Педагогический университет имени Козьмы Минина» (Мининский университет). – Н. Новгород, 2015, с. 15 – 18 и 51 – 54 (рус. и англ. яз.).

Реализация идей А.С. Макаренко в образовании Челябинской области. (О деятельности открытой в 2012г. лаборатории «Педагогика А.С. Макаренко») // Система среднего профессионального образования Челябинской области: по пути инноваций. – Челябинск, - 2015.

Антон Макаренко: «поэт» советской педагогики // Студия НН, 30 сентября 2015 г., с. 19. *Публикация накануне Дня учителя. О воспитании сирот и беспризор-*

ных, из них воспитывал «настоящих трудяг и будущих героев войны». Некоторые малоизвестные факты его биографии.

В нижегородской печати:

Владимир Путин подписал Указ о праздновании 150-летия со дня рождения Максима Горького, писателя и драматурга. *«Правительство РФ постановило образовать организационный комитет. Органам исполнительной власти субъектов РФ рекомендовано принять участие в проведении юбилейных мероприятий.*

28 ноября 2013 г. распоряжением правительства Нижегородской области создан юбилейный оргкомитет, во главе с губернатором Валерием Шанцевым. Составлен план мероприятий, с 2016 по 2018 гг. Заключительная дата мероприятий – конец марта 2018 г.

Периодическая печать по экономике, со ссылкой на статью Фролова А.А.: «Человек в системе производства» у Ф. Фукуямы и А. Макаренко – в «Вопросах экономики», М., 2010, № 8.

Наука и бизнес: пути развития. (С рубрикой «Педагогика и психология»):

Неунылова О.Н., Ананьев М.А., Теория трансформации концептуальных положений формирования и развития трудового потенциала в региональной экономике инновационного типа. – 2013, № 7.

Неунылова О.Н. Проблемы формирования трудового потенциала региона (на примере Самарского региона). – 2013, №3

Перспективы науки (с рубрикой «Педагогика и психология»):

Неунылова О.Н. Структурно-динамические факторы формирования и развития трудового потенциала региона (на примере Самарского региона). – 2013, №3.

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика:

Нехода Е.В., Сахарова З.Е. Современная экономическая теория: проявления кризиса и движение к гуманистической экономике. – 2012, №55.

Интернет-журнал. Науковедение:

Неунылова О.Н. Проблемы формирования трудового потенциала региона (на примере Самарского региона. – 2013, № 1

Экономика и предпринимательство:

Нифаева О.В. Институциональные механизмы становления цивилизованной модели экономических отношений в России. – 2013, № 12 – 4

Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Экономические науки:

Чичкина В.Д., Неунылова О.Н., Роль трудового потенциала в условиях экономической нестабильности. – 2013, №4.

Периодическая педагогическая печать
журнал «Педагогика»

2014, №9. Фролов А.А., Аксенов С.И. Единство воспитания, социализации и развития личности в педагогике А.С. Макаренко.

2015, №2. Вербицкая Л.А. Язык и общество. Роль языка в жизни общества.

2016, №2. Гриценко Л.И. Развитие воспитанников А.С. Макаренко в контексте гуманитарного подхода.

№4. Лукьянова М.И., Данилов С.В. О реальных и мнимых вызовах современному образованию. – *В «Атласе новых профессий (на период до 2035 г.)»: К несостоятельным или устаревшим отнесены все имеющиеся в настоящее время педагогические профессии; учитель, воспитатель – отсутствуют, есть «тьютор».*

2016, №5 Паатова М.Э. Социально-педагогическая реабилитация системных нарушений жизнедеятельности девиантных подростков. – *Об «актуализации и самореализации внутренних возможностей и личностного потенциала каждого под-*

ростка», путем использования неформального «ситуационно-событийного подхода».

№7. Мачехина О.Н. Реформа общеобразовательных школ Скандинавских стран. За равное общее образование для всех, обязательная школа (домашнее обучение – по медицинским показаниям). Начальная школа: 1-7 классы, с 6 лет; неполная средняя: 8-10 классы, до 16 лет; средняя: 11-13 классы, до 19 лет.

Ключевые учеб. предметы – и по выбору (включая религиозные и этические). «От сословной организации общества – к общенациональному развитию».

Финляндия: отсутствует градация детей по одаренности. Частные школы: по гос. грантам; отборочные процедуры при приёме и плата за обучение строго запрещаются. Во всех школах оценки: 4-10 баллов. Минимум домашних заданий. Можно оставить на 2-й год. Трудовое обучение и воспитание.

№8. Дермодехин С.В. Новая стратегия развития воспитания: парадигма реализации. Негативные явления возрастают: «масшабы подростковых суицидов», «не снижается число разводов и детей, родившихся вне семьи». В 2015 г.: почти 34 тыс. родителей лишены родит.прав; более 12 тыс. фактов сексуального насилия (рост 22% по срав. с 2014 г.). Замена внеклассной и внешкольной работы «дополнительным образованием» ослабила поле воспитания.

Новая стратегия воспитания – это «междисциплинарное педагогическое мышление», «отход от школоцентризма», «целостное воспитательное пространство», межведомтсвенная организация, с «базисной ценностно-целевой основой». (Попытка овладеть «педагогикой всего общества» - без управленческой структуры; исключение школы как главного института воспитания, игнорирование труда и производства в воспитании – А.Ф.)

№8. Пичугина В.Р., Безрогов В.Г. История педагогики в современную эпоху. Педагогическая реальность соткана из персоналий, это «история педагогических маяков». Ж.Ж. Руссо: «Нет подчинения более совершенного, как то, которое сохраняет наружный вид свободы».

2017, №1. Гурьянова М.П. Гуманитарная технология воспитания детей по месту жительства.

«Социальное пространство воспитания». Формирование «территориального сообщества» детей и взрослых. «Позитивная социализация». «Представление детям равного с взрослыми права участия в общественной жизни». (Без опоры на какой-либо педагогический опыт. – А.Ф.).

Воспитание школьников

2015, №10. Фролов А.А. Илалтдинова Е.Ю. Педагогика как наука о воспитании: исторический экскурс и современное состояние.

2016, №1. Волосовец Т.В. и др. (Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО). Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. (контекстный анализ). «29 мая 2015 г. правительством РФ утверждена «Стратегия развития воспитания…» Полный текст – в Интернет.

Ранее действовала «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012 – 2017 гг.» (Об итогах ее реализации не говорится – А.Ф.).

В новом документе: «Государство не претендует на то, чтобы влиять на процесс воспитания в каждой семье, общественном объединении, клубе, кружке, но оставляет за собой право относиться к результатам воспитания, высказывать свое отношение к ним…

Адресовано семье, образованию, СМИ, учреждениям культуры, религиозным организациям, общественным объединениям…

Закон «Об образовании в РФ» гарантирует единство воспитания и обучения. Воспитание отнесено к важнейшим социальным функциям системы образования.

Воспитание – непременная компонента педагогического процесса в каждой российской школе» (с. 2 – 3).

(Утверждается приоритет семьи в воспитании. Говорится по существу, не о воспитании, а о социализации, не отмечены приоритет воспитания и роль производительного труда в нем. Образование, воспитание рассматриваются целиком в логике частнособственнической рыночной экономики.

1917, №2. Фролов А.А., Аксенов С.И. Наследие А.С. Макаренков истории педагогики и воспитания

Илалтдинова Е.Ю., Фролова С.В. Проектирование событийно-образовательного пространства

Щуркова Н.Е. и др. Педагогические парадоксы школьного вопитания.

Народное образование

2014, №6. Фролов А.А. Педагогическая вера А.С. Макаренко

2015, № 2. Караковский А.В. «У воспитания долгое и богатое будущее». «Кто не думает о будущем, тот его и не имеет».

Круглов В.В. Как определить «вектор развития» детского общественного объединения.

№3. Фролов А.А. Макаренковедение: эрудиция и «уважение к реальным явлениям».

Загвязинский В.И. Нет ничего практичнее методологии.

XIII международный конкурс им. А.С. Макаренко. Макаренковские чтения – 2015. *– Отчет о его проведении 1 – 5 апреля во Владимире. Призеры Конкурса: первое место – лицей в с. Головково Владимирской обл. и техникум технологии и экономики, г. Златоуск, Челябинской обл. Второе место – три средних школы в Саха (Якутия). Третье место – 2 пед. учреждения, в г. Воронеж и с. Тербуны, Липецкой обл.*

Гликман И.З. История педагогики в свете макаренковских идей. *Об основных понятиях: педагогика, образование, воспитание, обучение. О производительном труде: не используется макаренковское «трудовое хозяйствование».*

№4. Курганский С.М. Любовь и строгость педагога. *– По В.А. Сухомлинскому, без А.С. Макаренко.*

Григорьев Д.В. Детско-взрослая общность в образовании: не потерять смысл. *– Против «пустословия, поверхностных суждений, цветистых высказываний». О «воспитывающем событии». За «со-работничество в общем деле»: без целевой и структурной организации; общность как сотрудничество смыслов и ценностей.*

№5. Шумилина Т.О. Права несовершеннолетних при трудоустройстве.

№6. Фоминова А.Н., Микульская В.Г. Трудные жизненные ситуации: как их воспринимают подростки и чем могут помочь взрослые.

Гриценко Л.И. Демократическое управление А.С. Макаренко в контексте современных научных знаний.

Морозов В.В. «Воспитание человека – дело счастливое». Опыт А.С. Макаренко и современная педагогика

№7. Рожков М.И. Как сформировать способность преодолевать трудности?

№8. Шуркова Н.Е. «Новое воспитание» в практике школьной жизни. *Лишь рекомендации – пожелания, о результатах такой практики – ни слова. Логика «этического фетишизма».*

Куприянов Б.В. Уклады школьной жизни. *Опыт афинской и спартанской систем. Академии Платона, Английского клуба, А.С. Макаренко. Многоукладность. «Производственный уклад» - у Макаренко и его последователей.*

№9. Смолин О.Н. Империя детства: китайская зарисовка.

Гаврилин А.Г. «Воспитание в провинции» или воспитание «всем миром»

Верен-Галицкий Д.В. Цель воспитания – какой ей быть? – *Тема счастья. Цель – воспитание взрослого человека.*

№10. Могилев А.Г. Социальные модели школы и ученика. – «Современная российская школа реализует модель служащего госаппарата или крупной корпорации, ориентирует учеников на карьеру чиновника».

XIV международный конкурс им. А.С. Макаренко и очередные Макаренковские чтения состоятся 1 – 5 апреля 2016 г. в Якутске. Информационный материал

Трапер А.Е., Эпштейн М.М. Нужна ли единая школьная организация? «От неформального сообщества к организации». *Мифы об успешности пионерской организации. Территория свободы детских организаций. Против единой детской организации.*

2016, №1. Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю., Аксенов С.И. Ицхак Адицес и Антон Макаренко: развитие – основа успеха организации

Зыков М.Б. Современная интерпретация педагогического учения А.С. Макаренко. *Его «опережающая теория», он «угадал современные тренды и смог их успешно реализовать в практике». Он «верно служил коммунизму» - это «единственно возможное будущее человечества».*

Фоменко С. Л. Как из разобщенных педагогов сформировать коллектив?

Писаренко И.А. Психология иждивенчества в семейном воспитании.

Маликова М.Н. Педагогические эффекты социальной рекламы в воспитании детей и подростков

№2-3. Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю., Аксенов С.И., Неживенко В.Н. Израильский Кибуц и трудовая колония им. М. Горького: общее в основах трудового хозяйствования. *Изложение существа изданной в Н.Новгороде книги.*

Копылов Д., диакон. А.С. Макаренко: безбожник или православный? «Во многих своих жизненных утверждениях он исповедовал истинный христианский «смысл», в духе «Послания апостола Павла к Галатам».

Григорьев Д.В. Воспитание идентичности и уклад школы

Морозов В.В. О воспитании человечности

№4-5. Курасова Т.И. Моя страна – Россия, или Зачем нам нужен конкурс им. АС. Макаренко. *Итоги XIV международного конкурса им. А.С. Макаренко и «Макаренковских чтений» 1-5 апреля 2016 г. в Якутии.*

№7-8. Григорьев Д.В. Детские технопарки: старт нового образовательного формата. *Государственно-частное партнерство в развитии науки, предпринимательства и образования. Обзор опыта.*

№9-10. Положение о XV международном конкурсе им. А.С. Макаренко

Гликман И.З. Подлинный смысл воспитания. *Школа учебы и школа-производство. Производственный процесс как основа школьной жизни.*

Ермолин А.А. Детсткое движение в современной школе: «Куда жить?»

№9. Верин-Галицкий. Цель воспитания – какой ей быть? *Счастье детей. Стать взрослым – цель воспитания.*

№10. Могилев А.В. Социальные модели школы и ученика. *Современная российская школа ориентирует выпускников на служащего госаппарата или крупной корпорации, «на карьеру чиновника».*

Григорьев Д.В. Педагог в пространстве общественного действия. *О «территориально-образовательных комплексах», с разной степенью централизации.*

№7. Щуркова Н.Е. «Новое воспитание» в практике школьной жизни. *По А.С. Макаренко: «отношение – главный объект воспитания». Но – лишь в русле персональных отношений, «психологического климата» жизненных ситуаций деятельности.*

Российская газета-неделя

10 сент. 1915 г. Как дома. С 1 сентября вступило в силу постановление правительства о реорганизации детдомов. *Главное – «Максимальное приближение к семье»: в каждой комнате не более 2-3 детей, группы не более 8 детей, кухня с привлечением детей. В основном для старших детей и детей-инвалидов. За 10 лет число детей-сирот сократилось на 100 тыс. человек. 80 тысяч приемных семей.*

24 сентября. Кто не работает, тот сидит. В регионах за тунеядство предлагают ввести уголовную ответственность. *Для людей с нетрудовыми доходами и занятых в «теневой экономике» (в некоторых регионах в ней занято до 70 % населения). Наказание – исправительные работы до 1 года. Инициатива депутата Законодат. собрания С. – Петербурга, поддержана в Севастополе, Адыгее, Марий – Эл.*

В конституции РФ: «Труд свободен… Принудительный труд запрещен». В Беларуси: в апреле 2015 г. принят декрет «О предупреждении социального иждивенчества»: применение обязательного сбора, штрафа и ареста.

12 ноября. Будьте готовы. Вышел Указ президента о создании российской детской организации» - *«Русского движения школьников. Для «воспитания подростков и формирования личности на основе нашей системы ценностей». Близко к скаутам, кружки, добровольность, самостоятельность, без политики, без «аллергии красных галстуков».*

4 декабря. Восемнадцать человек… Бывший зэк и бомж организовал «коммуну» для тех, кому некуда больше идти. *В деревне Пунчино. Глава – Юрий Кислоухин. 2 года существования. Устав строгий. «Два-три дня – и сразу видно… работа покажет… Отсев жесткий». Работа в своем хозяйстве и в округе. План: расширение до 200 человек. Организовано при содействии Кировского социального центра для людей без места жительства и занятий.*

18 декабря 2015 г. Парта, рядом – стадион. *Проект типовой школы для северных регионов. На 1 тыс. чел. Учебный корпус, внутренний двор, физкультурно-оздоровительный комплекс, с занятиями во 2-й пол. дня. Профильное обучение старшеклассников. 3 га площади. Стоимость – чуть более 500 миллионов. Проект представлен в правительство России.*

9 июня 2016 г. Не реабилитировался. Основатель восстановительного центра для алкоголиков и наркоманов попал под суд. *В 2006 г. А. Смирнов, бывш. наркоман, с помощью правоохранительных органов, создал в Оричах (Кировская обл.) добровольную «коммуну», благотворительную – «Новая жизнь». Работает по известной программе «12 шагов»: повышение личностной самооценки, взаимопомощь и трудотерапия.*

Через это объединение прошло более 400 человек, из них примерно 2/3 с положительным результатом. Разбухание финансовой деятельности привело к «мошенничеству в особо крупном размере». Православная община Ю. Кислухина работает успешно.

27 ноября 1916 г. Снегирев Ю. Стрелялка. Реальная жизнь и виртуальная жизнь для них стали одной. В Псковской области 15-летние Денис Муравьев и Катя Власова, из благополучной семьи, - заперлись на даче в деревне, стреляли по полицейским, потом застрелились.

Из предсмертной записки Дениса: «…Прощайте все, друзья, семья, знакомые.… Уходить буду красиво.… Не бойтесь жить так, как хотите и считаете нужным. Жить в своё удовольствие – это наилучшая жизнь». *(Вот он – апофеоз «личностно-ориентированной» педагогики, её «достижений» в реальной и глубинной практике. – А.Ф.)*

Ресурсы интернет.

Moja Russia

Почему гений советского образования популярен за рубежом и не актуален в России?

«Сорок соракарублевых педагогов могут привести к разложению не только коллектив беспризорных, но и какой угодно коллектив» - одно из самых запоминающихся положений А. Макаренко.

В 1988 г. в ЮНЕСКО отметили 100-летие со дня его рождения.

«В России 10 лет назад, к его 115-летию издана его «Педагогическая поэма», 10 тыс. экз. Сейчас – «кризис современной педагогики».

«Созданная А. С. Макаренко система перевоспитания делает беспризорных детей и несовершеннолетних правонарушителей полезными гражданами, путем общественно полезного труда в коллективе. Таких результатов не удалось добиться ни одному исправительному учреждению в мире».

Его смерть – «тяжелый удар для мировой педагогики».

Его система возвращается к нам в виде «умения работать в команде», тимбилдинга, «повышения мотивации работников», осваивается за большие деньги.

Цитаты:

Научить человека быть счастливым нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастлив, - можно.

Нельзя насильно заставлять учиться.

«Технологическая логика».

Воспитание беспризорных, «трудных» - без особых методов.

Словесное воспитание – преступное вредительство.

Книги – это переплетенные люди и др.

Отклики:

Макаренко не подходит к системе всеобщего образования.

Макаренковское мастерство подходит лишь единицам.

Макаренко сейчас сразу бы уволили и посадили. Все, что он делал, с точки зрения нынешней российской и зарубежной педагогики недопустимо и незаконно, нарушает «права ребенка».

Нет повода для расстройства!

Его методика слишком специфична.

«Казачки» в Минобре и Минсоцзащите не хотят Макаренко».

Лично столкнулась: идеи Макаренко чуть ли не под запретом. Журналистка, написала статью о детдоме, где зарабатывают для детдома деньги. Это «бельмо в глазу» у всех работников мэрии. Директора сняли. Есть особая нелюбовь к реально работающим, добивающимся своих целей.

5-6 июля 2015 г.

Частнособственнические экономические отношения в России несовместимы с педагогикой Макаренко. Она основана на общем благе, на морали и нравственности.

Западные экономисты обращаются к ней в целях повышения производительности труда. Наши – не заинтересованы в повышении экономики.

http:// mel.fm 1 сентября 2016

В 2017 г. В школы вернется трудовое воспитание.

С 2017 г. В российских школах начнут вводить программы трудового воспитания. Об этом заявила министр образования и науки РФ Ольга Васильева (ранее зам. рук. управления по общественным проектам в администрации Президента).

«…Без навыков трудиться ежечасно, ежесекундно, получать успехи от труда – мы не можем жить», - сказала она на Общероссийском педагогическом собрании.

В 2016 г. будут составлены методические рекомендации по программам общественного труда, а с 2017 г. Они будут «потихоньку» вводиться в школах. Уже

сейчас школы могут вводить часы трудового воспитания, никто не мешает этим заниматься сейчас.

Url http//vlasti net / news / 119 / 85

Кьеза Д. Этим миром правят девять человек

Отдельные мероприятия

16 июня 2015 г. В Центральном доме литераторов состоялась презентация кн. Д.П. Барскова «Колокола памяти. Записки детдомовца», с широким участием воспитанников С.А. Калабалина и школьных учителей тех лет.

16 июня в Комитете по образованию Госдумы РФ прошел «круглый стол» по теме: «Наука и образование: проблема и перспективы дебюрократизации», с участием ученых РАН и РАО, сотрудников университетов и науч. - образ. Центров России, депутатов Госдумы, представителей профсоюзов обществ. Организаций и родительской общественности.

На заседании несколько раз упоминался А.С. Макаренко (в частности, проф. В.А. Сухомлиновым, МГУ).

19 июня в Музее – библиотеке Н.Ф. Федорова при Библиотеке №180 Юго-Запада Москвы состоялась лекция проф. филологического факультета МПГУ Алексея Святославского: «Концепция жизнестроительства Антона Макаренко и Аркадия Гайдара: реальность или утопия?» - в лектории «Пространство и время в истории культуры XX века».

11 сентября 1915г., в День учителя по российскому телевидению показан новый телевизионный фильм об А.С. Макаренко.

В сентябре 1915г. московский Музей А.С. Макаренко, расположенный тогда в педагогическом колледже, посетила группа из Германии.

5 декабря 2016 г. по росскийскому телевидению, каналу «Россия, Культура» показана программа: А.С. Макаренко – воспитание дело легкое и счастливое», авт. сценария И. Васильева и А. Радов, режиссер Е. Лацкари, продюсер А. Радов. Участники: Р. Соколов, З. Черенович, М. Резник (писатель), Т. Кораблева, А. Васильев (Макаренко) и др.

Зарубежные издания

Норвегия

Халворсен Т. Пионеры педагогики. – Осло, 2017. – 310 с. Terje Halvorsen. Pedagogikkens pionerer. – Oslo, Gyldendal Norsk Forlag AS 2017.

В книге представлены: Платон, Аристотель, Ж.Ж. Руссо, З. Фрейд, Дж. Дьюи, А. Макаренко, Й. Рцагет, Л. Выготский, Б. Скиннер, Р. Ретерс, Р. Фрейре, Л. Кольберг, М.Л. Маттхевс, Й. Вай.

По А.С. Макаренко: даны сведения по биографии, отдельным направлениям его деятельности и о произведениях: Педагогическая поэма, Флаги на башнях, Проблемы школьного советского воспитания, Воспитание в семье, Книга для родителей.

При подготовке книги автором учтены сведения, полученные при встречах с сотрудниками университетов в Виттенберге, Лондоне, Вашингтоне, Нижегородском пед. университете (Лаборатория А.С. Макаренко).

Публикации в Украине

Хиллиг Г. Германия. В поисках истинного Макаренко. Русскоязычные публикации (1976 – 2014). – Полтава, 2014. – 778 с.

Ниже из этой книги даются только тексты №№ 49 – 61, периода 2010 – 2014 гг.; предыдущие отмечены в предшествующих частях данного издания.

Творческо-коммерческий альянс – одна из движущих сил канонизации А.С. Макаренко. Говорится о содружестве Г.С. Макаренко и К.С. Кононенко в сборе и издании макаренковского наследия в 1939 – 1940 гг. Даны биографические сведения о К.С. Кононенко: за отказ от участия в военных действиях в 1916 г. пребывал в

штрафном воинском подразделении; в 1917 г. – член украинской Центральной Рады; член РСДРП (меньшевиков).

1 июня 1930 г. осужден по делу о «контрреволюционной вредительской организации в сельском хозяйстве УССР», срок (8 лет) отбывал в Трудовой коммуне ГПУ УССР им. В.А. Балицкого; с марта 1932 г. – в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского; в январе 1935 г. амнистирован. В 1918 г. Родился сын Олег. С 1936 г. – в системе Наркомата охраны здоровья УССР. С февраля 1937 г. в Москве.

(О его сотрудничестве с фашистами во время оккупации УССР не говорится – А.Ф.). В 1945 г. Эмигрировал с семьей в Мюнхен, затем в США, умер там в 1964 г., Олег – в 1998 г.

В начале статьи: о трех рассказах И.В. Чумака – Чумаченко («Красная новь», 1941, №4) о Макаренко в Куряже, «совершенно неправдоподобных». Был воспитанником в Куряже с октября 1927 г., тогда А.С. Макаренко несколько месяцев не было в этой колонии, затем последовал его уход из нее в июле 1928 г.

На путях к научной биографии А.С. Макаренко[1]. Даны примечания Г. Хиллига к 22 макаренковским докладам, лекциям, речам, стенограммам, опубликованным в СССР. Предварительно имеется в виду издание: А.С. Макаренко. Публичные выступления 1936 – 1939 гг. Аутентичное издание / сост., коммент. Г. Хиллиг. – Елец, 2012. – 501 с.

[1] *Создание «Научной биографии А.С. Макаренко» - это главный заявленный проект лаборатории «Макаренко-реферат», руководимой Г. Хиллиг. За 35 лет ее работы (1968 – 2003 гг.) этот проект не осуществлен. Проведены: большая автобиографическая работа, текстологические исследования, отчасти – изучение общественно-политических взглядов А.С. Макаренко. Все это сделано в обход фундаментальной проблемы: педагогика А.С. Макаренко.*

Г. Хиллиг – не «доктор философских наук» Окончив Марбургский университет 1965 г., он получил специальное образование (2 года) по германистике, географии и педагогике, стал «доктором философии», что в нашей градации означает сейчас степень магистра. В 1990-х гг. «приват-доцент истории педагогики» в Марбургском университете. Рожд. – 1938 г. – А.Ф. См. в рассматриваемой книге – с. 758.

Странные выдумки об А.С. Макаренко – отклик Г. Хиллига на статью в общественно-политической газете «Панорама», г. Сумы, Украина, 2003, № 40: Дедулин Г. Макаренко. Новые факты из жизни известного педагога» (автор – зав. кафедрой педагогического творчества Сумского педуниверситета им. А.С. Макаренко). Излагаются «шесть неизвестных историй» из его жизни.

Г. Хиллиг: это «целый букет недостоверных сведений» и домыслов, невежественное изложение сведений, полученных из разных источников.

Как Горький редактировал Макаренко – его «Педагогическую поэму», все ее 3 части. Дается конкретный анализ по рубрикам: Стилистика – обоснованные и менее обоснованные изменения и исправления; Содержательные изменения; Грамматические изменения; Изменения, ошибочно приписанные Горькому. Эти изменения и исправления «не всегда могут восприниматься как правильные».

В Украину, к Антону Макаренко…40 лет исследований на родине кумира. Говорится о командировках Г. Хиллига с начала 1970-х гг. в СССР, Россию, о проблемах его жительства там, работы в библиотеках и архивах, о сотрудничестве с исследователями и издателями. *Не оценивается огромная помощь ему отдельных лиц и общественности в этом деле.*

Вновь открывая Макаренко – оратора. Слово на презентации в Елецком университете книги А.С. Макаренко «Публичные выступления 1936 – 1939 гг. Аутентичное издание» - Елец, 2012. – 502 с. Говорится об истории создания этих 22 стенограмм выступлений А.С. Макаренко, раскрывающих его «педагогическую систему».

Как Макаренко добрался до Америки. Об истории брошюры «Дети в стране социализма». Об истории создания этого буклета для советского павильона на Всемирной выставке в Нью-Йорке в 1939 – 1940 гг.

А.С. Макаренко – участник празднования 300-летия царствования дома Романовых, проходившего в феврале 1913 г. в железнодорожном училище на станции Долинская. В основе статьи - корреспонденция зав. железнодорожным училищем М.Г. Компанцева в «Вестнике Южных железных дорог», 1913 г., о праздновании этой даты в училище 20 и 21 февраля 1913 г.

Вместо Парижа – в Сталинград. К 80-летию Волжско – черноморского летнего похода коммунаров – дзержинцев летом 1933 г. О планируемой заграничной экскурсии всей коммуной в Европу на теплоходе «Армения» А.С. Макаренко говорил в письме Г.С. Салько 15 сентября 1931 г. (часть 2 дан. издания, с. 292). Прецедент такого рода – экскурсии советских рабочих-ударников вокруг Европы на теплоходах «Украина» (1929 г.) и «Абхазия» (1930 г.).

По следам необыкновенной дружбы: Антон Макаренко – Маргарита Барская. Очень большой и разнообразный материал (с. 719 – 746). Представлен в данной части 9 нашего издания.

Макаренко нужно исследовать и сохранить – это наша общая задача. Публикация в журнале «Постметодика (Полтава) в связи с его 30-летием и регулярном печатаньем в нем статей Г. Хиллига. Примечательна установка на «исследование», а не просто «изучение, распространение и использование» (характерно в советский период).

Об одной забытой стенограмме – о лекции А.С. Макаренко в Ленинградском областном Доме учителя (сер. окт. 1938 г.). При ее предшествующих публикациях опускалось обширное вступительное слово Ц.С. Вольпе, гл. ред. Ленинградского ж. «Звезда». Он анализирует, с критическими замечаниями, как литератор, «Книгу для родителей», «Честь», «Педагогическую поэму», «Флаги на башнях» - и в связи с критикой в «Правде» оперы Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда».

«Педагогическая поэма» ставится в один ряд с «Чапаевым» Д. Фурманова и «Как закалялась сталь» Н. Островского, как весьма характерное для советской литературы: ее авторами становятся видные деятели, строители новой жизни. Макаренко «видит человека насквозь» и изображает его предельно лаконично, это «мастер диалога».

О вступительном слове Ц.С. Вольпе см. часть 7 данного издания, с. 286.

В конце книги дано: список публикаций Г. Хиллига в Украине, вышедших в 1990 – 2013 гг. (48 наименований); краткая автобиография Г. Хиллига; Указатель имен (с. 759 – 776).

Ткаченко Андрій. Професійний развиток особистості в практиці А.С. Макаренко: історико-педагогічний аспект (1920 – 1935 рр.). Монографія. – Полтава, 2013. – 342 с. Главы:

Трудовая колония им. М. Горького: создание профессиональной микросреды как формы педагогической организации детского учреждения (1920 – 1928 гг.)

Расширение макаренковских инициатив в професногенезе воспитанников в условиях трудового детского корпуса Харьковского округа (1927 – 1928 гг.).

Детская трудовая коммуна им. Ф.Э. Дзержинского как профессионально-воспитательное учреждение нового типа (1927 – 1935 гг.).

Ткаченко А.В. Диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук, Полтава, Киев, 2014 г. – «Профессиональное развитие и саморазвитие личности в творческом наследии А.С. Макаренко» (укр. яз.). Защищена в Институте педагогического просвещения взрослых Национальной академии педагогических наук, Киев, 20 марта 1914 г.

По автореферату (укр. яз.) – главы: Теоретико-методологические основы процесса профессионального развития и саморазвития личности; Жизненный

путь и педагогическая деятельность А.С. Макаренко в контексте профессиогенетичной методологии; Психолого-педагогические основы профессионализации воспитанников в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф.Э. Дзержинского; Перспективы творческого использования профессиогенетичной концепции А.С. Макаренко в контексте модернизации педагогического образования Украины.

Гетманец М.Ф., Гетманец И.О. Статьи о Макаренко – педагоге и писателе. - Харьков, 2013. – 170 с.

Перепечатка статей авторов 2008 – 2012 гг. Выборка:

Гетц Хиллиг – исследователь Макаренко.

Педагогика А.С. Макаренко: общечеловеческое и национальное.

Духовный мир А.С. Макаренко

А.С. Макаренко и Украина.

А.С. Макаренко и Н.А. Скрыпник

А.С. Макаренко о коллективе как эстетической категории.

Кто такой Макаренко? Критический отклик на статью о Макаренко в газ. «Время» (Харьков) 27 ноября 2011 г.

Гетманец И.О., Гетманец М.Ф. А.С. Макаренко и религия. – Харьков, 2016. – 56 с. Главные рубрики издания: Православная церковь о Макаренко; Учение А.С. Макаренко о коллективе в православной педагогике; А.С. Макаренко в оценке католической церкви. *Макаренковское наследие характеризуется в русле «христианских общечеловеческих ценностей», отрицая атеистическое мировоззрение, игнорируя проблему: религия и наука.*

Используется «реферат» Владимира Буреги: «Педагогическая система А.С. Макаренко и возможность её применения в православной педагогике» (2001). Основа этих возможностей – коллектив, общность людей, сочетание «мы» и «я», технологические средства – при «отказе от коммунистической идеологии». Религия может «одухотворить многие интуиции Макаренко».

В 2015-2016 в Полтавском национальном педагогическом университете им. Короленко начал читаться спецкурс «Основы современного макаренковедения», автор – докт. пед. наук А.В. Ткаченко».

В марте 2016 г. в этом университете начал работать «Международный и всеукраинский макаренковедческий центр», на общественных началах, рук. А.В. Ткаченко. В интернете действует университетский макаренковедческий сайт; его интернет-ресурс используется представителями разных стран.

В 2015-2016 гг. в Украине защищены 2 кандидатские диссертации: Гавриленко И.И. – Организационно-педагогические основы управленческой деятельности А.С. Макаренко в трудовой колонии им. М. Горького; Данькевич В.Г. - Профессиональное развитие личности в педагогической системе А.С. Макаренко. Назначена защита диссертации: Воликова М.Н. – Проблемы полового воспитания в педагогическом наследии А.С. Макаренко.

Образ человека будущего. Кого и Как воспитывать в подрастающих поколениях / под ред. О.А. Базилука, т. 1. – Киев, 2011

В Германии

Быстрицкая Е.В., Арифулина Р.У., Аксенов С.И. Оптимизирующая молодежная среда: технология создания. – LAP LAMBERT academie Pullishing. – Saarbrucken, Германия, 2013 – 209 с. *В Словаре-справочнике (сост. С.И. Аксенов) нет понятия «коллектив». В списке литературы нет А.С. Макаренко.*

ЦИТИРОВАНИЕ, ССЫЛКИ НА МАКАРЕНКОВЕДЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ А.А. ФРОЛОВА

(С УЧАСТИЕМ Е.Ю. ИЛАЛТДИНОВОЙ И С.И. АКСЁНОВА) В РАЗЛИЧНЫХ ИЗДАНИЯХ

(материал подготовлен В.Н.Неживенко).

Экономика, 2011-2016 гг.

1. Вестник ИНЖЕКОНА. Серия: Экономика, 2011, №7.- Неунылова О.Н. Теоретические аспекты формирования социального капитала
2. Белкин В.Н. , Белкина Н.А. и др. Теоретико-методологические основы социального капитала организаций.- Екатеринбург, 2011
3. Вестник Российского университета дружбы народов – Нехода Е.В., Захарова Е.З. Современная экономическая теория: проявление кризиса и движение к гуманистической экономике
4. Наука и бизнес: пути развития , 2013, №3. – Неунылова О.Н. Проблемы формирования трудового потенциала региона (на примере Самарского региона)
5. Перспективы науки. – 2013, №7. – Неунылова О.Н. Струтурно-динамические факторы развития трудового потенциала инновационного типа в регионе
6. Интернет-журнал: Науковедение, 2013, №1. - Неунылова О.Н. Проблемы формирования трудового потенциала региона (на примере Самарского региона)
7. Вестник Самарского гос. технического ун-та. Серия: Экономические науки, 2013, №4. – Чичкина В.Д., Неунылова О.Н. Роль трудового потенциала в условиях экономической нестабильности
8. Наука и бизнес: пути развития , 2013, №7. – Неунылова О.Н., Ананьев М.А. Теория трансформации концептуальных положений формирования и развития трудового потенциала в региональной экономике инновационного типа
9. Перспективы науки. – 2013, №3. - Неунылова О.Н. Проблемы формирования трудового потенциала региона (на примере Самарского региона)
10. Экономика и предпринимательство, 2013, №12-4. – Нифаева О.В. Институциональные механизмы становления цивилизационной модели экономических отношений в России
11. Нифаева О.В., Нахамкин А.Н. Формирование цивилизационной модели российской экономики. Институциональный подход. – Москва, 2013
12. Сб. Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии, компетентный подход, 2013, т.4. Фукалова Ю.С. Инновационный подход в развитии и регулировании культуры предпринимательства
13. Шумеровские чтения, 2013, №1. – Лепихан В.В., Фукалова Ю.С.. – Новрмтивно-правовые регулирования предпринимательской культуры в современной России
14. European Social journal. 2014, №3-2. Дудар Т.Е. Культурное и этическое измерение экономических феноменов: доводы Платона и Аристотеля
15. Нифаева О.В. Совершенствование институциональной модели российской экономики. Морально-нравственное измерение.- Москва, 2014
16. Сборник: Промышленное развитие России: проблемы, перспективы. – 2015. – Максина О.А., Григорьев А.И. Развитие импортозамещения в России.
17. Там же: Магомедова К.Р. Проблемы развития инвестиционного рынка в России
18. Сборник: Экономическое развитие России: тенденции, перспективы. В 4 т. – Н.Новгород, 2016.-Кадырова М.М. Анализ состояния рынка банковского кредитования

19. Там же: Сабитова Е.О. Потребительский бюджет как индикатор развития экономической системы

Другие связанные с педагогикой науки, 2005-2016 гг.

1. Дисс. на соиск. ст. докт. философских наук: Кузнецова А.Я. Социально-философские аспекты гуманизации образования. Сибирский гос. аэрокосмический ун-т, Красноярск, 2005
2. Мир образования в мире, 2008, №2. – Гладких З.И. Культурный ландшафт и художественная педагогическая культура
3. Дисс. на соиск. ст. докт. философских наук: Кузнецова А.Я. Гуманистический аспект философии образования в условиях интеллектуального развития общества. Алтайский гос. ун-т, Новосибирск, 2010
4. Новосибирский гос. пед. ун-т. Кузнецова А.Я. Образование современного человека: теория, философия, методология. Новосибирск, 2010
5. Вестник Воронежского института МВД России, 2011, №1. – Руднева Н.А. Влияние социокультурной динамики поколения на правовую культуру молодежи в современной России
6. Сб. Казахстан на пути социально-экономической модернизации, 2012. – Алдакушева Е.С., Соколова Н.А. Социально-экономическое взаимодействие с семьей в повышении ее воспитательного потенциала (работа с неблагополучными детьми)
7. Диссертация на соиск. ст. докт. историч. н.: Захарова Л.Б. Социальные преобразования в российском обществе 1920-х годов, формирование новой морально-этической парадигмы: по материалам губерний Поволжья. Институт истории им.Ш.Морджани АН Республики Татарстан, Казань, 2013
8. Современные технологии управления, 2013, №7. – Лепихин В.В., Фукалова Ю.С. Нормативно-трудовое регулирование предпринимательской культуры в современной России
9. Вестник социальной работы, 2014, №3. – Кораблева Т.Ф. Гуманистическая парадигма воспитания и этико-педагогические позиции А.С.Макаренко
10. Сб. Актуальные проблемы современной науки. 2015ю – Иониди Л.В., Рябова Л.В. Криминологический аспект сущности целей и принципов наказания в отношении несовершеннолетних
11. Культура. Духовность. Общество, 2015, №16. – Амосов И.Н. Базовые ценности современном отечественном образовании
12. Сб. нормативных документов. Н.Новгород, 2015.- Правовое регулирование жилищных отношений в студенческих общежитиях
13. Культура. Духовность. Общество, 2016. – Афанасьева А.А. Эстетика как философия искусства
14. Социально-психологическая парадигма. Москва, 2016. Махнач А.В. Жизнестойкость человека и семьи
15. Там же: Романов А.В. Утопия и религия
16. Там же: Голубева К. Акмеология человека
17. Сб. Географическая наука сквозь призму современности. 2016. – Сазанкин И.А. Природно-ресурсный потенциал как фактор развития рекреационной деятельности на территории Забайкальского края

Педагогика, 2007-2016 гг.

В исследованиях о наследии А.С.Макаренко в целом

1. Народное образование, 2007, №6. – Меттини Э. Педагогические идеи А.С. Макаренко и западноевропейская научная мысль
2. Педагогическое образование и наука, 2008, №3. – Григорьев Д.В. Преодоление общества потребления: в чем нам может помочь А.С. Макаренко

3. Диссертация на соиск. уч. ст. канд. пед. н.: Гасымова Г.А. Философско-антропологические основы мировоззрения и творчества А.С. Макаренко. Нижневартовский гос. ун-т, Нижневартовск, 2008
4. Технологическое образование и устойчивость развития региона, 2010, №4. – Солодкова А.А. Падение и подъем идеи трудового воспитания А.С. Макаренко в постмодернистском мире
5. Наука и жизнь, 2012, №2.- Мальков Е.В. Теоретические аспекты построения педагогической среды А.С. Макаренко
6. Научные труды Sworil, 2012. т. 19, №4. – Сизганова Е.Ю., Уляшина И.Д. Педагогические идеи А.С. Макаренко в современном начальном образовании
7. Вестник Московского гос. обл. ун-та, 2013, №3. – Степанова Л.А. О методологии исследований педагогического наследия А.С. Макаренко. К 125-летию со дня его рождения
8. Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та, 2013, №1. – Помелов В.Б. А.С. Макаренко – современник всех поколений. К 125-летию со дня рождения великого педагога
9. Образовательные ресурсы и технологии, 2013, №1. – Быков А.К. А.С. Макаренко: к дискуссии о его творческом наследии
10. Сибирский педагогический журнал, 2013, № 1. – Пивченко В.П. Педагогический коллектив в воспитательной системе А.С. Макаренко: исторический аспект и современный взгляд
11. Молодой ученый, 2013, №4. – Базалей Е.А. Интерпретация идей А.С. Макаренко в современном образовательном пространстве
12. Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2014, №3. – Кузнецова О.А. Самореализация воспитанников А.С. Макаренко как подтверждение успешности его социально-педагогического эксперимента
13. Современная педагогика, 2014, №11. – Ивонтьева А.К. О технологии коллективного воспитания А.С. Макаренко
14. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2016, №5-6. – Балан Д.А., Янковская Д.И., Кузнецова А.Я. Актуальность педагогических взглядов А.С. Макаренко в системе современного образования и воспитания

В публикациях о воспитании

1. Диссертация на соиск. уч. степ. канд. пед. н.: Кувшинова Т.И. Формирование эмоционально-волевой сферы младших школьников в условиях социально-реабилитационного центра. Кемеровский гос. университет, 2007
2. Диссертация на соиск. уч. ст.канд. псих. н.: Иванова О.М. Становление структур интегральной индивидуальности студентов с полярной объективностью межличностных отношений в социуме. Северокавказский гос. технический университет, Ставрополь, 2007
3. Вестник Костромского гос. педагогического университета. Серия: педагогика, психология, социальная работа, ювенология, социокинетика, 2008, т. 14, №4. – Григорьев Д.В. Преодоление общества потребления
4. Диссертация на соиск. уч. степ. канд. пед. н.: Пояркова З.Д. Педагогические условия трудовой реабилитации подростков группы риска в условиях социально-реабилитационных центров. Забайкальский гос. гуманитарно-педагогический университет, 2008, Чита
5. Диссертация на соиск. уч. ст. докт. пед. н.: Формирование у старшеклассников семейных духовно-нравственных ценностей во взаимодействии семьи и школы. Нижегородский гос. педагогический университет, 2010
6. Социальная педагогика, 2012, №4. – Кушнир А.М., Илалтдинова Е.Ю. Школьный мини-технопарк и детско-взрослое образовательное пространство: понятийно-сущностный аспект

7. Сб. Наука XXI века. Тенденции и перспективы, 2014. – Колесникова С.В. Семья как среда воспитания и развития личности
8. Известия Воронежского гос. педагогического университета, 2014, №1. – Шакурова М.В. Угрозы современной школе: от воспитания к социализации
9. Инновационные проекты и программы в образовании, 2015, т. 5. – Смоленцева О.В. Пути формирования эффективного взаимодействия с родительской общественностью
10. Педагогическое образование в России, 2015, №11. – Смоленцева О.В. Организация эффективного взаимодействия с родительской общественностью

В публикациях об образовании-обучении

1. Отечественная и зарубежная педагогика, 2011, №2. – Иванова С.В. О научных педагогических публикациях к 300-летнему юбилею М.В. Ломоносова
2. Сб. Просветительство как форма освоения музыкального наследия, 2012. – Гладких З.И. Взаимообусловленность религиозного и личностного компонентов музыкально-педагогической культуры
3. Новосибирский гос. педагогический университет. Новосибирск, 2013. – Шихвайгер Ю.Г. Метод проектов в профессиональном обучении педагогов
4. Сб. Актуальные проблемы развития личности в онтогинезе, 2013. – Николаева А.Н.,Гермоганова М.Д. Игра детей в «Хабылык» как условие развития личности
5. Непрерывное педагогическое образование, 2013, №3. – Рахманов А.Т. Создание новой образовательной модели на курсах повышения квалификации для офицеров Министерства обороны (по дополнительному иноязычному образованию)
6. Баландинские чтения, 2014, №1. – Блохин В.Н. Профессиональная подготовка экскурсовода
7. Сб. Государственные образовательные стандарты: проблема преемственности и внедрения. – Гусев Д.А. Электронный альбом народного прикладного творчества как средство совершенствования образования
8. Сб. Web-технологии в образовательном пространстве, 2015. – Гусев Д.А.: Web-технологии как средство активного обучения студентов народному прикладному творчеству
9. Бюллетень медицинских интернет-конференций, 2015, №5. – Картункова М.С. Особенности учебной мотивации и развития креативности как условие успешности обучения
10. Сб. Антропные образовательные технологии в сфере физической культуры, - Смирнов А.Б., Красильникова Ю.С. Антропная технология сотрудничества на занятиях по аэробике
11. Знание, 2016, №6-2. – Nagach M. Preparing students to the integration in the social life in the process of foreign language learning
12. Картавых М.А., Камерилова Г.С. Технология образования в области безопасности жизнедеятельности, Н.Новгород, 2016
13. Сб. Педагог З.О: Подготовка учителя школы будущего, 2016. – Илалтдинова Е.Ю., Пикулева С.В. Образ школы будущего
14. Там же: Игнативосян Т.В. Русско-зарубежные (немецкие) связи на уроках литературы профессиональных учреждений (в интеграции современного образования)

История педагогики,2003-2016 гг.

1. Диссертация на соиск. уч. ст. докт. пед. н.: Гранкин Ю.А. Развитие теории семейного воспитания в России (1917-1991 гг.), Пятигорск, 2003
2. Диссертация на соиск. уч. ст. канд. пед. н.: Зуева И.В. Теория воспитательного коллектива в отечественной педагогике 1946-1991гг., ПГЛУ Пятигорск, 2004
3. Диссертация на соиск. уч. ст. докт. пед. н.: Бобрышов С.В. Методология историко-педагогического исследования развития педалогического знания, Российский гос.

педагогический университет, Ставрополь, 2006
4. Диссертация на соиск. уч. ст. докт. пед. н.: Идея соотношения индивидуального и социального в воспитании личности в отечественной педагоге (кон. XIX в.-30-е гг. XX в.) Дальневосточный гос. гуманитарный университет, Хабаровск, 2006
5. Известия Пензенского гос. педагогического университете, 2008, №10. – Родионова О.В. Концепция политехнизации советской школы и пути ее реализации в 1958-1966 гг.(на примере среднего Поволжья)
6. Педагогика, 2008, №7. – Беленчук Л.Н., Янушнявичене О.Л. Еще раз о методологии истории педагогики
7. Диссертация на соиск. уч. ст. канд. пед. н.: Пачина С.В. Педагогическое обеспечение преемственности в воспитании студенчества в отечественном высшем образовании первой трети XX века. Институт теории и истории педагогики РАО, 2009
8. Вестник Красноярского гос. педагогического университета, 2009, №3. – Ценюга Ю.С. К вопросу о труде в его нравственно-воспитательном значении (по материалам Иркутского обл. съезда школ Восточной сибири, июнь 1917 г.)
9. Диссертация на соиск. уч. ст. канд. пед. н.: Нечаева К.М. Организация воспитательной работы с подростками в России в 1920-е годы (на примере Мурманской области). Петербургский гос. университет, 2010
10. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2011, №5. – Агамизрян Н.В. Знаменитые педагоги в истории советских улиц
11. Психолого-педагогический поиск, 2011, №18. – Сечина К.А., Мосолов В.А. Понятие «любовь к детям»: его смыслы и теоретический статус в отечественной педагогике XX века
12. Хренова Т.П. Становление и развитие уклада жизни отечественной школы (1920-1990 гг.- первое 10-летие XXI в.). Забайкальский краевой институт повышения квалификации и переподготовки работников образования. Чита, 2012
13. Народное образование, 2013, №9. – Козлова Г.Н., Кушнир А.М. Уроки истории: социальное воспитание подростков и производительный труд в России в 1920-е годы
14. Иванов Е.В., Антонов Т.А. Социально-педагогическая работы с беспризорными детьми в истории России. Великий Новгород, 2014
15. Педагогика, 2014, №1. – Заварзина Л.Э. «Он был нашим учителем». К 200-летию со дня рождения Н.В. Станкевича
16. Известия Смоленского гос. педагогического университета, 2015, №1. – Кожемякина Е.А. Организация работы с беспризорными детьми в России на Смоленщине в 1920-1930-е годы
17. Историко-педагогический журнал, 2016, №1, Н.Тагил. – Астафьева Е.Н. Ценности гуманизма как образ хорошей школы первой трети XX века.

КНИГИ, СТАТЬИ О ЖИЗНЕННЫХ СУДЬБАХ ВОСПИТАННИКОВ МАКАРЕНКОВСКОЙ ТРУДОВОЙ КОЛОНИИ ИМ. М. ГОРЬКОГО И ТРУДОВОЙ КОММУНЫ ИМ. Ф.Э. ДЗЕРЖИНСКОГО.

Уникальный в истории мировой педагогики факт: 15 лет руководства педагогическим учреждением, практическая проверка и развитие новаторских педагогический идей, представление этого опыта в текущих его результатах, в оценке современников и в отсроченных результатах – жизненных судьбах воспитанников этих учреждений, с вниманием к дальнейшему жизнеустройству выпускников. Это около 2 тысяч человек, мужчин и женщин.

Лысенко П.Г.

Судьбы воспитанников А.С. Макаренко. Документально-биографические очерки. С фотоиллюстрациями. – Полтава, 1994 г. – 203 с. Данные о 241 человеке. Среди них - колонисты – горьковцы: погибшие в Великую Отечественную войну, участники этой войны, офицеры, педагоги, работники здравоохранения, инженеры, рабочие, партийные работники, журналисты, художники, железнодорожники, авиаторы, правоохранители, хозяйственники и др.

Коммунары-дзержинцы: погибшие в Великую Отечественную войну и участники ее, офицеры, рабочие, политработники, директора предприятий, инженеры, педагоги, летчики, моряки, связисты, врачи, юристы, работники печати, музыканты, труженики села, артисты и др.

Практически каждый из них – с правительственными наградами.

Чубаров Л. Макаренковцы. Что сталось с теми, кого воспитывал А.С. Макаренко. Часть 1. – М., 1994.- 56 с. Показало более 50 человек.

Рубрики: В боях за Родину. Девчата – коммунарки. Они стали педагогами. Они были секретарями Совета командиров. Дан список публикаций о воспитанниках А.С. Макаренко в различных центральных, местных и отраслевых изданиях, в основном 1983 – 1993 гг., более 50 наименований.

Судьба героев «Педагогической поэмы». Беседа с писателем А.С. Макаренко // Большевистская молодежь. – Смоленск. 1937 20 мая.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А.С. МАКАРЕНКО ЕГО СОТРУДНИКОВ, ВОСПИТАННИКОВ, ДРУЗЕЙ, ЗНАКОМЫХ О ЕГО ЖИЗНИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ТВОРЧЕСТВЕ

Публикации, архивные материалы

В этих материалах много биографических сведений, фактов о педагогической работе А.С. Макаренко, о ее важных «деталях», индивидуальной работе.

Отдельные издания

Воспоминания о Макаренко. Сост. Н.А. Ляпин и Н.А. Морозова. – Л., 1960 – 347 с.

Каиров И.А. Слово о Макаренко. К 75-летию со дня рождения – М., 1963. – 24 с.

Удивительный человечище. Воспоминания об А.С. Макаренко / лит. запись А. Каштанвера. – Харьков, 1959. – 160 с.

Фере Н.Э. Мой учитель. Воспоминания об А.С. Макаренко. – М., 1953. – 104 с.

Шейкман Куряжская быль. – Калинин, 1963 – 55 с.

Полтавці про А.С. Макаренко / отв. ред. Е.М. Ріжило. – Киев, 1968 – 56 с.

Зайцев В. Рассказы о Макаренко. 2-е изд. Мурманск, 1974. – 71 с.

Конисевич Л. Большая семья. О коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. – М., 1980. – 95 с.

Конисевич Л. Нас воспитал Макаренко. – Челябинск, 1993. – 330 с.

Воспоминания об А.С. Макаренко. – Нальчик, 1983.

Неизвестный Макаренко. Вып. 4. Материалы о В.Н. Терском и А.С. Макаренко / авт. С.С. Невская, А.Н. Русаков, И.В. Филин. – М., 1994. – 29 с.

Неизвестный Макаренко. Вып. 7. Воспоминания Л. Степанченко и др. / сост. и вступ. ст. С.С. Невской. – М., 1997. – 67 с.

На разных берегах. Судьба братьев Макаренко / сост., коммент. Г. Хилилг. – М., 1996. – 384 с. *Содержание:*

Макаренко В.С. Мой брат Антон Семенович. Воспоминания. (О семье, детстве, юности, жизни и педагогической деятельности в дореволюционной России в 1905 – лето 1919 гг., во время Гражданской войны, в т.ч. инспектором (директором) Крюковского высшего соединенного железнодорожного училища в 1917 – 1919 гг.).

Из переписки лаборатории «Макаренко-реферат» (Марбург, Германия) с В.С. Макаренко (1970 – 1982 гг.).

Хиллиг Г. Он родился и вырос в России. (О В.С. Макаренко, А.С. Макаренко, о его педагогической работе до лета 1919 г., датировано 1987 г.).

Хиллиг Г. На разных берегах. Как братья Макаренко в 1930-х гг. пытались восстановить связь друг с другом.

Письма В.С. Макаренко дочери Олимпиаде Витальевне (1962 – 1975 гг.).

Указатель имен – 490 имен.

Статьи в периодической печати, различных изданиях

Каиров И.А. Незабываемое // Учит. газ., 1978, 23 марта

Макаренко Г.С. Воспитанникам А.С. Макаренко // Комс. правда, 1942, 26 сент.

Макаренко Г.С. Дзержинец // Сов. педагогика. 1944, № 5 – 6.

Макаренко Г.С. Характер и культура // Нар. образование, 1963, № 3

Мунблит Г.Н. Две встречи с А.С. Макаренко // Мунблит Г.Н. Рассказы о писателях. – М., 1962

Поповиченко Н.Т. Воспоминания о работе в колонии им. М. Горького в 1921 – 1925 гг. // А.С. Макаренко. – Львов. 1978.

Задоров вспоминает Макаренко // Волжский комсомолец. – Куйбышев, 1965, 2 апреля

Пеха Л. По следам «Поэмы» // Учит. газ., 1966, 12 марта.

Тубин А. Антон // Год двадцать второй. Альманах шестнадцатый. – М., 1939

Чуковский К. Его влекли среда молодежи // Воспитание школьников. – М., 1968, №2.
Чубаров Л. Их воспитал А.С. Макаренко // Воспитание школьников, 1983, №2.
Иваненко О. Сторінки спогадів про великого друга // Макаренко. Педагогічна поэма. – Киев, 1969, с. 17 – 22
Колесса П. Антон Семенович учив трудитись і мріяти // Рад. Школа, Киев, 1963, № 3.
Ройтенберг Е. Воспоминания об А.С. Макаренко // Сов. педагогика, 1944, № 5 – 6.
Учитель и друг. (Письмо – некролог воспитанников А.С. Макаренко) // Лит. газета, М., 1939, 5 апр.
Финк Е. А.С. Макаренко // Финк Е. Литературные воспоминания. 2-е изд. – М., 1968, с. 312 – 327.
Швед С. «Педагогическая поэма». Письмо читателя // Комс. правда, 1936, 27 мая.
Штань Ю.И. Незабываемые встречи // Рад. школа, Киев, 1968. №3.
Гмурман В.Е. Из бесед о нем // Народное образование, 1965, № 3 и 1966, № 3.
Дроздюк П. О том, что запомнилось на всю жизнь // Школа-интернат, 1963, № 2.
Еще одна страница // Литературная газета, 1963, 14 марта.
Жданко О. Те, о ком писал Макаренко. Ж. «Москва». 1957, №8.
Воспоминания об А.С. Макаренко // А.С. Макаренко, Библиографич. Указатель / сост. В.А. Хрусталнва. – М., 1959, с. 66 – 72. 1939 – 1949 гг. – 57 наименований, в том числе: Ведмицкий, Волнин, Гайдамакина, Клюшник, Лукин, Г.С. Макаренко, Татаринов, Юрченко, Кислова, Петров, Пихоцкая, Сумный, Тарасов, Терский, Явлинский и др.
Воспоминания об А.С. Макаренко // А.С. Макаренко / сост. И.М. Рудаева, И.М. Турич. – М., 1978. – с. 34 – 38. 1960 – 1964 гг. – 40 наименований, среди них: Бабич, Готман, Джуринская, Евтушенко, Камышанский, Каспина, Котов, Орисенко, Перцовский, Рыбченков, Степанченко, Чуковский, Шапошников и др.

Архивные материалы

Воспоминания об А.С. Макаренко. Материалы Российского гос. архива литературы и искусства, РГАЛИ ф. 332:
Бобунова А.Г. (1940-е гг.) – оп. 4 ед. хр. 446 – 447.
Гаврильченко (1940-е гг.) – оп. 1, ед. хр. 61
Гукова И.Н. (1940-е гг.) – оп. 4, ед. хр. 536, л. 106 – 107
Коваля Л.Т. (1942 г.) – оп. 4, ед. хр. 473
Компанцева М.Г. – оп. 4, ед. хр. 476.
Кононенко К.С. – оп. 4, ед. хр. 479
Макаренко Г.С. – оп. 4, ед. хр. 487 – 494.
Семенченко В.Д. (1948 г.) – оп. 4, ед. хр. 510.
Сотрудников и воспитанников коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, (1939 – 1940 гг.) – оп. 2, ед. хр. 61, 59 лл.
Калабалина С.А. (1944 – 1955 гг.) – оп. 4, ед. хр. 470.
Келембет Ф.Г. (1940-е гг.) – оп. 4, ед. хр. 472
Ковнатор Р.А. (1950-е гг.) – оп. 4, ед. хр. 474
Ройтенберга Е.О. (1939 – 1940 гг.) – оп. 4, ед. хр. 508.
Сотрудников и воспитанников колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (1945 – 1961 гг.) – оп. 4, ед. хр. 538.
Сугак А.П. (1940-е гг.) – оп. 4, ед. хр. 513.
Татаринова Т.Д. (1940-е гг.) – оп. 4, ед. хр. 495, 85 лл.
Соратников и воспитанников А.С. Макаренко на заседаниях в АПН СССР и пединститутах, посвященных А.С. Макаренко (1945 – 1946 гг.) – оп. 4, ед. хр. 562. – 100 лл.
Сотрудников А.С. Макаренко на Харьковской науч. – пед. Сессии, посвящ. наследию А.С. Макаренко, 28 – 30 ноября 1940 г. – оп. 1, ед. хр. 68. – 81 л.

Выступления – воспоминания сотрудников и воспитанников колонии им. М. Горького на заседании кафедры педагогики Харьковского гос. Пед. ин-та иностр. языков, стенограмма, 23 ноября 1940 г. ед. хр. 536 – 120 лл.
Письма воспитанников к А.С. Макаренко, 1934 – 1939 гг. – оп. 4, ед. хр. 339, 340. – 210 лл.
Письма воспитанников к А.С. Макаренко, 1937 – 1939 гг. – оп. 1, ед. хр. 40. – 8 лл.
По страницам лет. Воспоминания Л.В. Конисевича, 1940-е гг. – оп. 4. Ед. хр. 477, 478. Рукопись – 126 лл. Машинопись – 148 лл.
Отдел рукописей Российских гос. библиотеки, ф. 447, карт. 13:
Воспоминания И.А. Соколянского, Н.В. Петрова, Т.Д. Татаринова, А.Е. Чевелия, Л.М. Салько, В.Т. Финка, 31 марта 1945 г. – ед. хр. 3. – 42 л.
Воспоминания Т.С. Панфиловой, Полянского, 19 апреля 1947 г. – ед. хр. 4 – 26 с.

А.М. Горький. Часть 5: Приезд А.М. Горького в колонию его имени, Куряж, 8 июля 1928 г. – Российский гос. архив кинофотодокументов, 1 – 15963 – у

Именем железного большевика. К 9-летию трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. 1932 г. – Там же, 1 – 2297

Премьер – министр Франции Э. Эррио в Харькове. Посещение коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. 1933 г. – Там же, о – 9894

Школа учителей. Часть 2: встреча Г.С. Макаренко, воспитанников А.С. Макаренко в Московском гос. пед. институте им. В.И. Ленина. – Там же, 1 – 11 386

Четыреста биографий, док. фильм, 1960-е гг., Украина. Экспонат Крюковского педагогическо-мемориального музея А.С. Макаренко

Библиографические указатели литературы о трудах, жизни и деятельности А.С. Макаренко. Музей А.С. Макаренко, архив в Рос. гос. архиве литературы и искусства, РГАЛИ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ ЛИТЕРАТУРЫ О ТРУДАХ, ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.С. МАКАРЕНКО. МУЗЕИ А.С. МАКАРЕНКО. ЕГО АРХИВ В РГАЛИ.

А.С. Макаренко. Библиографический указатель / сост. В.А. Хрусталева. – М., 1959. – 135 с.

А.С. Макаренко. Указатель трудов и литературы о жизни и деятельности / сост. И.М. Рудаева, И.М. Турич. – М., 1978. – 80 с.

А.С. Макаренко. Указатель трудов и литературы о жизни и деятельности / сост. А.В. Жилина, Н.Д. Скворцова. – М., 1988. – 56 с.

Рекомендательный указатель литературы: Педагогические идеи А.С. Макаренко в практике современной школы / сост. И.М. Рудаева, И.М. Турич – М., 1978. – 55 с.

Музеи

Музей-заповедник А.С. Макаренко. Путеводитель. Авт. Пашко Л.Ф. - Харьков, Прапор, 1991.

Музей на территории Трудовой колонии им. М. Горького, 1921-1926 гг. (у с. Ковалевка, под Полтавой).

Лысенко П.Г. Педагогическо-мемориальный музей А.С. Макаренко. Кременчуг. Путеводитель. Изд. 3 – Харьков, 1988. – 76 с.

Музей А.С. Макаренко действует в г. Белополье, Сумской обл., Украина, по месту рождения А.С. Макаренко.

Музей А.С. Макаренко при Харьковской воспитательной колонии для несовершеннолетних правонарушителей, г. Харьков.

Музей А.С. Макаренко в Москве, (ныне при Московском музее народного образования).

Архив педагога-писателя – в Российском гос. Архиве литературы и искусства, Москва, фонд 332, 5 описей. Опись 1 – 82 ед. хр.; опись 2 – 78 ед. хр.; оп. 3 – 109 ед. хр.; оп. 4 – 1100 ед. хр.; оп. 5 – 112 ед. хр. Всего – около 1 500 ед. хранения, каждая содержит от 1-2 листов до более 100-200 листов.

Это колоссальное количество материалов показывает: творчество А.С. Макаренко – социально-культурное явление большого масштаба. В нем воплотилась бурная созидательная история СССР 1920 – 1939 гг., плодотворная связь педагогики и воспитания с этой историей.

Об этом свидетельствует многочисленная документация колонии горьковцев и коммуны дзержинцев. Она отражает многогранное содействие становлению и развитию этих педагогических учреждений со стороны государственных и общественных организаций, органов печати. Отражается широкая поддержка литературно-художественной и публицистической деятельности А.С. Макаренко.

Этот аспект его творческой биографии А.С. Макаренко как социального педагога-реформатора, основоположника педагогики нового типа – нуждается в дальнейшем, углубленном исследований, в том числе и в свете истории разработки макаренковского наследия в нашей стране и за рубежом, в течение уже 75 лет, в советское и постсоветское время, на фоне происходящих в мире бурных и грандиозных изменений.

1

2

3

4

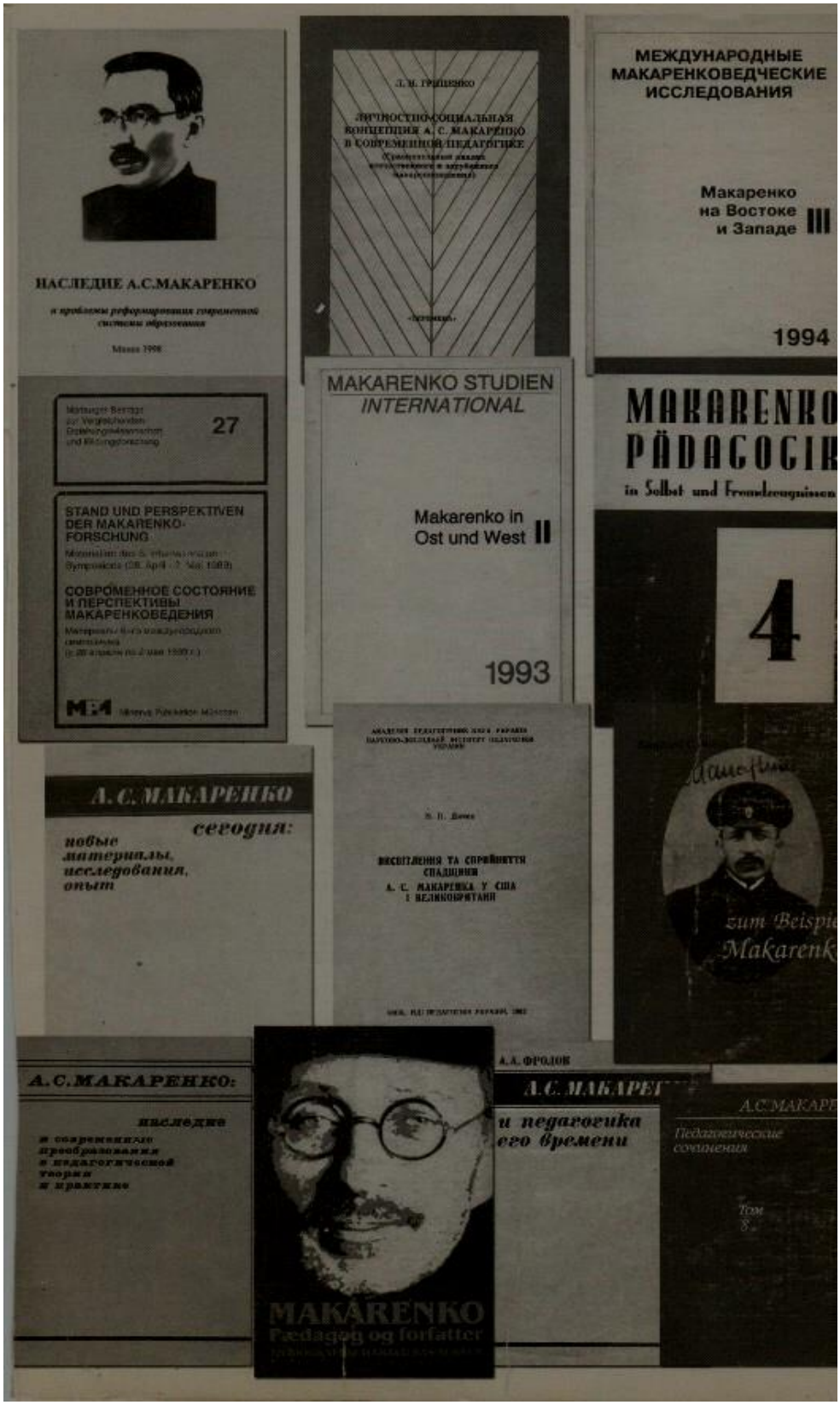
5

6

7

8

9


НАСЛЕДИЕ А.С.МАКАРЕНКО
МЕЖДУНАРОДНЫЕ МАКАРЕНКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Макаренко на Востоке и Западе III
1994
MAKARENKO STUDIEN INTERNATIONAL
Makarenko in Ost und West II
1993
27
STAND UND PERSPEKTIVEN DER MAKARENKO-FORSCHUNG
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ МАКАРЕНКОВЕДЕНИЯ
4
А. С. МАКАРЕНКО сегодня: новые материалы, исследования, опыт
А.С.МАКАРЕНКО: наследие и современные преобразования в педагогической теории и практике
А.А. ФРОЛОВ
MAKARENKO Pædagog og forfatter
и педагогика его времени
Педагогические сочинения
Том 8

Научно-методическое издание

А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 9. Издание содержит многообразные авторские и документальные материалы, по различным причинам не вошедшие в 1-8 части данного издания, материалы доревалюционного (1917 г.) периода его жизни и педагогической деятельности

Составители:
Фролов Анатолий Аркадьевич
Илалтдинова Елена Юрьевна
Аксёнов Сергей Иванович

В редакции составителей

Технический редактор Е.А. Слепышева

Подписано в печать _____ Формат 60/84х16 Усл. печ. л. ____
Тираж _____ Заказ ____
Издательство НГПУ, 603004 Н.Новгород, ул. Челюскинцев, 9
Отпечатано в РИЦ «Полиграф» НГПУ им. К. Минина
603004, Нижний Новгород, ул. Челюскинцев, 9